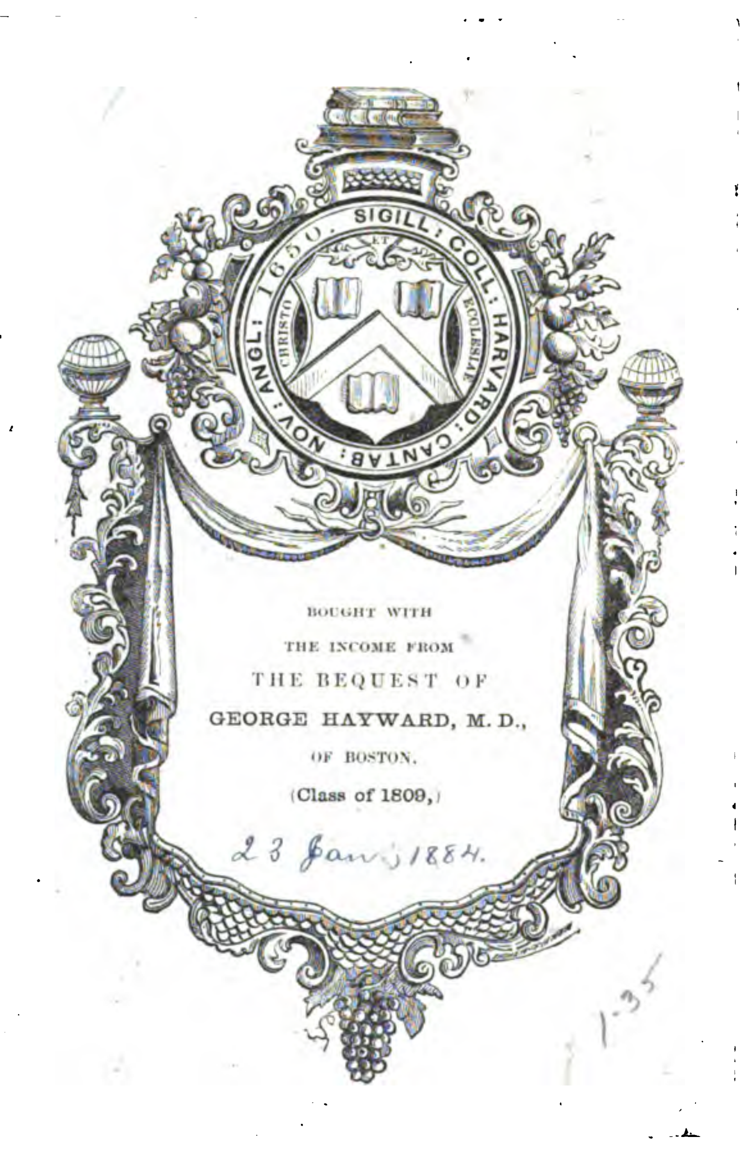

SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
GEORGE HAYWARD, M. D.,
OF BOSTON.
(Class of 1809,)
23 Jan., 1884.
1.35

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

(съ 1 чертежемъ и 2 таблицами.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1882.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 3 руб. 75 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май. 1882 года.
Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ СОРОКОВОГО ТОМА.

Приложенія:

О ПРОСТѢЙШИХЪ ПАРАЛЛЕЛОГРАММАХЪ, ДОСТАВЛЯЮЩИХЪ ПРЯМОЛИНЕЙНОЕ ДВИЖЕНІЕ СЪ ТОЧНОСТІЮ ДО ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ.

П. Чебышева.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 24 Ноября 1881 г.

§ 1. Въ запискѣ о *параллелограммахъ,* состоящихъ изъ трехъ какихъ либо элементовъ, читанной 18-го Декабря 1879 года [1]), было показано какимъ образомъ, разсматривая движеніе треугольника одною вершиною по кругу, а другою по прямой, можно найти условія необходимыя и достаточныя для того, чтобы всякой данный треугольникъ, двигаясь двумя вершинами своими по кругамъ, третьею вершиною описывалъ кривую, имѣющую соприкосновеніе съ прямою 5-го порядка. Это представляетъ полное рѣшеніе вопроса о простѣйшихъ *параллелограммахъ*, доставляющихъ прямолинейное движеніе на безконечно-маломъ пути съ наибольшею степенью точности. Формулы, выведенныя въ этой запискѣ, могутъ служить также, какъ мы теперь покажемъ, для опредѣленія всѣхъ простѣйшихъ *параллелограммовъ*, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ точностію на одну степень ниже; т. е. такихъ, въ которыхъ получается кривая, имѣющая соприкосновеніе съ прямою только 4-го порядка. Мы этого до-

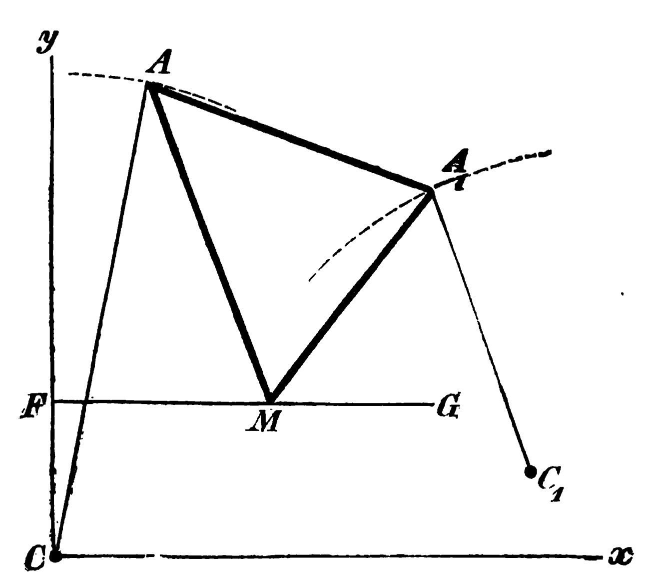
---

[1]) Напечатано въ Приложеніяхъ къ XXXII тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ.*

стигаемъ, разсматривая условія, при которыхъ треугольникъ, двигаясь одною вершиною по кругу, другою по прямой, третьею вершиною описываетъ кривую, имѣющую соприкосновеніе 4-го порядка съ какимъ либо кругомъ.

§ 2. Сохраняя знакоположеніе вышеупомянутой записки, мы предполагаемъ, что треугольникъ AA_1M (фиг. 1) вершиною A

Фиг. 1.

движется по кругу, котораго центръ въ точкѣ C, принятой за начало координатъ, а вершиною M по прямой FG, съ которой параллельна ось x, и что C_1 есть центръ круга, имѣющаго соприкосновеніе 4-го порядка съ кривою, описываемою вершиною M, и котораго радіусъ обозначаемъ черезъ r_1. Называя черезъ α_1 величину перемѣннаго угла $\alpha = AMF$, соотвѣтствующую тому положенію треугольника AA_1M, когда вершина его A_1 находится на кругѣ C_1 въ точкѣ соприкосновенія его съ кривою, описываемою этою вершиною, мы замѣчаемъ, что это соприкосновеніе можетъ простираться до 4-ой степени только въ томъ случаѣ, когда величина разстоянія A_1C_1, при α близкомъ

къ α_1, по степенямъ разности $\sin\alpha - \sin\alpha_1$ разлагается въ такой рядъ:

$$A_1C_1 = r_1 + K_0(\sin\alpha - \sin\alpha_1)^5 + \ldots.$$

Изображая-же черезъ x, y перемѣнныя координаты точки A_1, а черезъ x_1, y_1 координаты неподвижнаго центра C_1, мы находимъ, что

$$A_1C_1^2 = (x - x_1)^2 + (y - y_1)^2.$$

Переходя къ опредѣленію координатъ x, y, полагаемъ

$$AA_1 = a;\ AC = r,\ CF = b,\ AM = m,$$

$$MAA_1 = A,\ ACx = \beta.$$

Проэктируя ломанную линію CAA_1 на оси координатъ, выводимъ

$$x = r\cos\beta + a\cos(A - \alpha),$$

$$y = r\sin\beta + a\sin(A - \alpha);$$

проэктируя-же на ось y ломанную CAM, находимъ такое соотношеніе между перемѣнными углами $\beta = ACx$ и $\alpha = AMF$:

$$CF = b = r\sin\beta - m\sin\alpha.$$

Опредѣляя по этому равенству величины $\sin\beta$ и $\cos\beta$, находимъ

$$\sin\beta = \frac{m\sin\alpha + b}{r},$$

$$\cos\beta = \sqrt{1 - \left(\frac{m\sin\alpha + b}{r}\right)^2},$$

что по внесеніи въ выраженія координатъ x, y намъ даетъ

$$x = \sqrt{r^2 - (m\sin\alpha + b)^2} + a\cos(A - \alpha);$$

$$y = m\sin\alpha + a\sin(A - \alpha) + b.$$

1*

Вносяже эти величины x, y въ выраженіе квадрата разстоянія A_1C_1 по формулѣ

$$A_1C_1^2 = (x - x_1)^2 + (y - y_1)^2,$$

находимъ

$$A_1C_1^2 = \left[\sqrt{r - (m\sin\alpha + b)^2} + a\cos(A - \alpha) - x_1\right]^2$$
$$+ \left[m\sin\alpha + a\sin(A - \alpha) + b - y_1\right]^2;$$

откуда по раскрытіи скобокъ выходитъ

$$(1)\ldots A_1C_1^2 = 2\left[a\sin A\sin\alpha + a\cos A\cos\alpha - x_1\right]\sqrt{r^2 - (m\sin\alpha + b)^2}$$
$$+ 2\left[am\sin A\sin\alpha + a(b - y_1)\sin A - ax_1\cos A\right]\cos\alpha$$
$$- 2am\cos A\sin^2\alpha + 2\left[a(y_1 - b)\cos A - ax_1\sin A - my_1\right]\sin\alpha$$
$$+ r^2 + x_1^2 + y_1(y_1 - 2b) + a^2.$$

Такъ будетъ опредѣляться квадратъ разстоянія вершины A_1 отъ точки C_1, какова бы ни была кривая описываемая вершиною A_1; въ томъже случаѣ, когда эта кривая въ точкѣ соотвѣтствующей $\alpha = \alpha_1$ будетъ имѣть соприкосновеніе 4-го порядка съ кругомъ, описаннымъ изъ центра C_1 радіусомъ r_1, это выраженіе, какъ видѣли, должно разлагаться въ такой рядъ:

$$r_1^2 + 2r_1K_0(\sin\alpha - \sin\alpha_1)^5 + \ldots,$$

что даетъ намъ для разсматриваемаго нами случая слѣдующее равенство:

$$(2).\begin{cases} 2\left[a\sin A\sin\alpha + a\cos A\cos\alpha - x_1\right]\sqrt{r^2 - (m\sin\alpha + b)^2} \\ + 2\left[am\sin A\sin\alpha + a(b - y_1)\sin A - ax_1\cos A\right]\cos\alpha \\ - 2am\cos A\sin^2\alpha + 2\left[a(y_1 - b)\cos A - ax_1\sin A - my_1\right]\sin\alpha \\ + r^2 + x_1^2 + y_1(y_1 - 2b) + a^2 \\ = r_1^2 + 2r_1K_0(\sin\alpha - \sin\alpha_1)^5 + \ldots \end{cases}$$

§ 3. Для приведенія этого равенства къ виду болѣе удобному, мы введемъ въ него вмѣсто перемѣнной α перемѣнную z, связанную съ α уравненіемъ

$$(3) \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \sin\alpha = \frac{dz+1}{z+d},$$

гдѣ

$$d = \sin\alpha_1.$$

Опредѣляя по этому уравненію выраженія $\cos\alpha$ и $\sqrt{r^2-(m\sin\alpha+b)^2}$ и внося ихъ въ равенство (2), мы замѣчаемъ, что оно по уничтоженіи знаменателя приводится къ такому виду:

$$(4) \ldots \left\{\begin{aligned} &\left(z+\lambda+\mu\sqrt{z^2-1}\right)\sqrt{(z-g)^2-h^2}-(P_0+P_1 z)\sqrt{z^2-1} \\ &\qquad +P_2+P_3 z+P_4 z^2 = \frac{L_0}{z^3}+\ldots, \end{aligned}\right.$$

гдѣ λ, μ, P_0, P_1, P_2, P_3, P_4 постоянныя, которыхъ величина легко найдется по величинамъ постоянныхъ A, a, m, r, r_1, b, x_1, y_1, входящихъ въ равенство (2). Также не трудно найти уравненія для опредѣленія прежнихъ постоянныхъ

$$A,\ a,\ m,\ b,\ r,\ r_1,\ x_1,\ y_1$$

черезъ новыя

$$\lambda,\ \mu,\ P_0,\ P_1,\ P_2,\ P_3,\ P_4,$$

замѣтивъ, что равенство (4) по внесеніи въ него величины z изъ (3) должно приводиться къ равенству тожжественному съ (2). Такъ какъ по (3) мы находимъ, что

$$z = \frac{1-d\sin\alpha}{\sin\alpha-d},$$

а потому

$$\frac{1}{z} = \frac{\sin\alpha-d}{1-d\sin x} = \frac{\sin\alpha-d}{1-d^2} + \frac{d(\sin\alpha-d)^2}{(1-d^2)^2} + \ldots,$$

$$\sqrt{z^2-1} = \frac{\sqrt{(1-d\sin\alpha)^2-(\sin\alpha-d)^2}}{\sin\alpha-d} = \frac{\sqrt{1-d^2}}{\sin\alpha-d}\cos\alpha,$$

$$\sqrt{(z-g)^2-h^2} = \frac{h(1-d^2)}{\sqrt{h^2-(g+d)^2}} \frac{\sqrt{1-\left(\frac{h^2-(g+d)^2}{h(1-d^2)}\sin\alpha+\frac{g+(y^2-h^2+gd+1)d}{h(1-d^2)}\right)^2}}{h(1-d^2)},$$

равенство (3) приводится къ слѣдующему:

$$\frac{h(1-d^2)}{\sqrt{h^2-(g+d)^2}}\,\frac{(\lambda-d)\sin\alpha}{(\sin\alpha-d)^2}\sqrt{1-\left(\frac{h^2-(g+d)^2}{h(1-d^2)}\sin\alpha+\frac{g+(g^2-h^2+gd+1)d}{h(1-d^2)}\right)^2}$$

$$+\frac{h(1-d^2)}{\sqrt{h^2-(g+d)^2}}\,\frac{\sqrt{1-d^2}.\mu\cos\alpha}{(\sin\alpha-d)^2}\sqrt{1-\left(\frac{h^2-(g+d)^2}{h(1-d^2)}\sin\alpha+\frac{g+(g^2-h^2+gd+1)d}{h(1-d^2)}\right)^2}$$

$$+\frac{h(1-d^2)}{\sqrt{h^2-(g+d)^2}}\,\frac{1-d\lambda}{(\sin\alpha-d)^2}\sqrt{1-\left(\frac{h^2-(g+d)^2}{h(1-d^2)}\sin\alpha+\frac{g+(g^2-h^2+gd+1)d}{h(1-d^2)}\right)^2}$$

$$-\frac{P_1-P_0d+(P_0-P_1d)\sin\alpha}{(\sin\alpha-d)^2}\sqrt{1-d^2}.\cos\alpha$$

$$+\frac{(P_2-P_3d+P_4d^2)\sin^2\alpha-(2P_2d-P_3(1+d^2)+2P_4d)\sin\alpha}{(\sin\alpha-d)^2}$$

$$+\frac{P_2d^2-P_3d+P_4}{(\sin\alpha-d)^2}=\frac{L_0(\sin\alpha-d)^3}{(1-d^2)^3}+\ldots\ldots$$

Сличая почленно это равенство съ равенствомъ (2), мы замѣчаемъ, что для тожжества ихъ между собою должны удовлетворяться такія уравненія:

(5)............... $\frac{m}{r}=\frac{h^2-(g+d)^2}{h(1-d^2)}$;

(6)............... $\frac{b}{r}=\frac{g+(g^2-h^2+gd+1)d}{h(1-d^2)}$;

(7)............. $-\frac{a}{x_1}\sin A=\frac{\lambda-d}{1-d\lambda}$;

(8)............. $-\frac{a}{x_1}\cos A=\frac{\mu\sqrt{1-d^2}}{1-d\lambda}$;

(9)......... $\frac{am\sin A}{rx_1}=\frac{P_0-P_1d}{1-d\lambda}\,\frac{\sqrt{h^2-(g+d)^3}}{h\sqrt{1-d^2}}$;

(10).... $\frac{a(b-y_1)\sin A-ax_1\cos A}{rx_1}=\frac{P_1-P_0d}{1-d\lambda}\,\frac{\sqrt{h^2-(g+d)^2}}{h\sqrt{1-d^2}}$;

(11)........ $\frac{am\cos A}{rx_1}=\frac{P_2-P_3d+P_4d^2}{1-d\lambda}\,\frac{\sqrt{h^2-(g+d)^2}}{h\sqrt{1-d^2}}$;

$$(12) \ldots\ldots\ldots \frac{a(y_1 - b)\cos A - ax_1 \sin A - my_1}{rx_1} =$$

$$\frac{2P_2 d - P_3(1 + d^2) + 2P_4 d}{1 - d\lambda} \, \frac{\sqrt{h^2 - (g + d)^2}}{h(1 - d^2)};$$

$$(13) \ldots\ldots\ldots \frac{r_1{}^2 - r^2 - x_1{}^2 - y_1(y_1 - 2b) - a^2}{2rx_1} =$$

$$\frac{P_2 d^2 - P_3 d + P_4}{1 - d\lambda} \, \frac{\sqrt{h^2 - (g + d)^2}}{h(1 - d^2)}.$$

§ 4. При помощи выведенныхъ нами формулъ не трудно показать, что опредѣленіе по величинамъ

$$d, m, r, b$$

величинъ

$$A, a, r_1, x_1, y_1$$

доставляющихъ рѣшеніе нашей задачи, приводится къ системѣ нѣсколькихъ уравненій первой степени и одному квадратному уравненію. Для этого мы сначала опредѣлимъ вспомогательныя величины

$$g, h, P_0, P_1, P_2, P_3, P_4, \lambda, \mu,$$

заключающіяся въ нашихъ формулахъ. Приступая къ этому мы замѣчаемъ, что величины g, h опредѣляются непосредственно уравненіями (5), (6), изъ которыхъ получаются такія выраженія для g и h:

$$g = \frac{(1 - d^2)\, m(md + b)}{r^2 - (md + b)^2} - d;$$

$$h = \frac{(1 - d^2)mr}{r^2 - (md + b)^2};$$

внеся эти величины g и h въ формулу (4) и оставляя неизвѣстными λ, μ, мы изъ нея легко получаемъ выраженія величинъ

$$P_0, P_1, P_2, P_3, P_4$$

черезъ λ и μ.

Въ самомъ дѣлѣ. По этой формулѣ разность между полиномомъ

$$P_2 + P_3 z + P_4 z^2$$

и выраженіемъ

$$(P_0 + P_1 z)\sqrt{z^2-1} - \left(z + \lambda + \mu\sqrt{z^2-1}\right)\sqrt{(z-g)^2-h^2}$$

содержитъ члены только съ отрицательными степенями z; откуда слѣдуетъ, что

$$P_2,\ P_3,\ P_4$$

равняются коэффиціентамъ при z^0, z, z^2 въ разложеніи этого выраженія по нисходящимъ степенямъ z. На основаніи этого получаются такія равенства:

$$P_4 = P_1 - 1 - \mu;$$

$$P_3 = P_0 + \lambda - g(1 + \mu);$$

$$P_2 = -\frac{1}{2}P_1 + \lambda g + \frac{(1+\mu)h^2}{2}.$$

Что касается до величинъ

$$P_0,\ P_1,$$

онѣ по формулѣ (4) опредѣляются тѣмъ, что рядъ, получаемый разложеніемъ выраженія

$$\left(x + \lambda + \mu\sqrt{z^2-1}\right)\sqrt{(z-g)^2-h^2} - (P_0 + P_1 z)\sqrt{z^2-1},$$

не долженъ содержать членовъ съ $\frac{1}{z}$, $\frac{1}{z^2}$. Это даетъ намъ два уравненія, изъ которыхъ получаются такія величины для P_0, P_1:

$$P_0 = gh^2 + h^2\lambda + (h^2 - 1)g\mu;$$

$$P_1 = 4h^2g^2 + h^4 + 4h^2g\lambda + (4h^2g^2 + (h^2-1)^2)\mu.$$

Внеся-же эти величины P_0, P_1 въ предыдущія равенства, находимъ такія величины для P_2, P_3, P_4:

$$P_2 = -\tfrac{1}{2}(4g^2 + h^2 - 1)h^2 - (2h^2 - 1)g\lambda - \tfrac{1}{2}(4g^2 + h^2 - 3)h^2\mu;$$
$$P_3 = (h^2 + 1)g + (h^2 - 1)\lambda + h^2 g\mu;$$
$$P_4 = 4h^2g^2 + h^4 - 1 + 4gh^2\lambda + (4g^2 + h^2 - 2)h^2\mu.$$

Для опредѣленія послѣднихъ вспомогательныхъ величинъ

$$\lambda,\ \mu$$

мы замѣчаемъ, что уравненія (7) и (9), (8) и (11), по раздѣленіи одного на другое, даютъ такія два уравненія, не содержащія въ себѣ искомыхъ A, a, r_1, x_1, y_1:

$$-\frac{m}{r} = \frac{P_0 - P_1 d}{\lambda - d}\,\frac{\sqrt{h^2 - (g+d)^2}}{h\sqrt{1-d^2}},$$

$$-\frac{m}{r} = \frac{P_2 - P_3 d + P_4 d^2}{\mu}\cdot\frac{\sqrt{h^2 - (g+d)^2}}{h(1-d^2)},$$

которыя по внесеніи величины $\frac{m}{r}$ изъ (5) приводятся къ такому виду:

$$(\lambda - d)\sqrt{h^2 - (g+d)^2} = (P_1 d - P_0)\sqrt{1-d^2};$$

$$\mu\sqrt{h^2 - (g+d)^2} = -P_2 + P_3 d - P_4 d^2.$$

Эти уравненія, по внесеніи въ нихъ вышенайденныхъ величинъ h, g, P_0, P_1, P_2, P_3, P_4, приводятся, какъ не трудно замѣтить, къ уравненіямъ первой степени относительно λ, μ. Рѣшая эти уравненія относительно λ, μ и внеся ихъ величины въ вышепоказанныя выраженія количествъ P_0, P_1, P_2, P_3, P_4, мы найдемъ всѣ вспомогательныя величины, по которымъ искомыя величины

$$A,\ a,\ r_1,\ x_1,\ y_1$$

опредѣляются уравненіями (7), (8), (9), (10), (11), (12), (13). Къ опредѣленію этихъ неизвѣстныхъ мы теперь и приступимъ.

§ 5. Для опредѣленія угла A мы замѣчаемъ, что уравненія (7), (8) по раздѣленіи другъ на друга даютъ

$$\operatorname{tang} A = \frac{\lambda - d}{\mu\sqrt{1-d^2}}.$$

Этимъ равенствомъ вполнѣ опредѣляется тангенсъ угла A. Что-же касается до двухъ угловъ, имѣющихъ такой тангенсъ и разнящихся между собою 180°, мы будемъ принимать за A уголъ содержащійся между 0 и 180°, выбирая согласно этому направленіе, по которому длина линіи $a = AA_1$ въ углѣ A_1AM считается положительною величиною.

Переходя къ опредѣленію величинъ a, x_1, y_1, мы замѣчаемъ, что тѣ же (7), (8) уравненія по возведеніи въ квадратъ и сложеніи даютъ

$$\frac{a^2}{x_1^2} = \frac{(\lambda - d)^2 + (1 - d^2)\mu^2}{(1 - d\lambda)^2};$$

откуда выходитъ

$$\frac{a}{x_1} = \pm \frac{\sqrt{(\lambda - d)^2 + (1 - d^2)\mu^2}}{1 - d\lambda}.$$

Изъ двухъ знаковъ при величинѣ отношенія

$$\frac{a}{x_1},$$

такимъ образомъ получаемой, мы должны оставить тотъ, который соотвѣтствуетъ сдѣланному нами предположенію объ углѣ A. Такъ какъ этотъ уголъ предполагается содержащимся между 0 и 180°, то синусъ его будетъ величина положительная; а это по (7) можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда величина отношенія

$$\frac{a}{x_1}$$

имѣетъ знакъ противуположный отношенію

$$\frac{\lambda - d}{1 - d\lambda}.$$

Такимъ образомъ опредѣляются и числовая величина и знакъ отношенія

$$\frac{a}{x_1}.$$

Для сокращенія величину этого отношенія мы будемъ обозначать черезъ f, что дастъ намъ такое равенство:

$$(14) \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \frac{a}{x_1} = f.$$

Полагая также для сокращенія

$$\frac{r(P_0 - P_1 d)}{1 - d\lambda} \frac{\sqrt{h^2 - (g + d)^2}}{h\sqrt{1 - d^2}} = N_1,$$

$$\frac{r[2P_2 d - P_3(1 + d^2) + 2P_4 d]}{1 - d\lambda} \frac{\sqrt{h^2 - (g + d)^2}}{h(1 - d^2)} = N_2,$$

мы уравненія (10), (12) представляемъ подъ видомъ

$$\frac{a(b - y_1)\sin A - ax_1 \cos A}{x_1} = N_1;$$

$$\frac{a(y_1 - b)\cos A - ax_1 \sin A - my_1}{x_1} = N_2.$$

Откуда, внеся по (14) величину $a = fx_1$, мы выводимъ такія два уравненія для опредѣленія x_1, y_1:

$$(15) \ldots\ldots\ldots f(b - y_1)\sin A - fx_1 \cos A = N_1;$$

$$(16) \ldots\ldots\ldots f(y_1 - b)\cos A - fx_1 \sin A - \frac{my_1}{x_1} = N_2.$$

Рѣшая эти уравненія, мы находимъ по первому изъ нихъ, что y_1 выражается такъ черезъ x_1:

$$(17) \ldots\ldots\ldots\ldots y_1 = b - \text{cotang}\, A . x_1 - \frac{N_1}{f \sin A};$$

внеся-же эту величину y_1 во второе, получаемъ слѣдующее квадратное уравненіе:

$$x_1^2 + \frac{(N_1 - m)\cos A + N_2 \sin A}{f} x_1 + \frac{(fb \sin A - a)m}{f^2} = 0.$$

Опредѣляя по этому уравненію величину x_1 и внося ее въ формулы (14), (17), мы найдемъ величины x_1, y_1, a, представляющія рѣшеніе нашей задачи, когда за данныя приняты r, m, b и $d = \sin \alpha_1$. Каждому изъ корней этого уравненія будетъ соотвѣтствовать особое рѣшеніе. Если же это уравненіе не имѣетъ дѣйствительныхъ корней, мы заключимъ, что при данныхъ величинахъ d, r, m, b задача наша не можетъ имѣть рѣшенія.

§ 6. Не останавливаясь на выполненіи выкладокъ, представляющихся по вышепоказанному при рѣшеніи нашей задачи, мы займемся теперь разсмотрѣніемъ соотношенія между двумя ея рѣшеніями, когда они имѣютъ мѣсто. Это соотношеніе, какъ мы увидимъ, показываетъ измѣненія, которыя допускаютъ въ составѣ своемъ простѣйшіе параллелограммы безъ измѣненія степени приближенія, съ которою они даютъ прямолинейное движеніе.

Обозначаемъ черезъ x_1', x_1'' двѣ величины x_1, получаемыя рѣшеніемъ предыдущаго уравненія, и черезъ

$$y_1', y_1''$$
$$a', a''$$

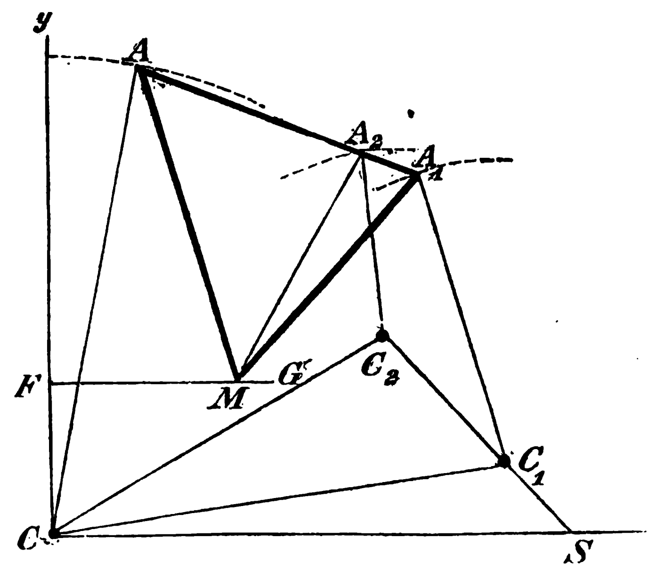
соотвѣтствующія имъ величины y_1, a, и полагаемъ, что

$$x_1 = x_1', y_1 = y_1', a = a'$$

принадлежатъ рѣшенію нашей задачи, представляемому (фиг. 2) точкою A_1 и центромъ C_1, а

$$x_1 = x_1'', y_1 = y_1'', a = a''$$

Фиг. 2.

рѣшенію, представляемому точкою A_2 и центромъ C_2.

Въ этомъ предположеніи мы будемъ имѣть

$$a' = AA_1, \quad a'' = AA_2,$$

и выведенныя нами уравненія (14), (15), (16) будутъ удовлетворяться такими двумя системами величинъ x_1, y_1, a:

$$x_1 = x_1', \; y_1 = y_1', \; a = a',$$

$$x_1 = x_1'', \; y_1 = y_1'', \; a = a'',$$

что предполагаетъ слѣдующія равенства:

(18) . . . . $\frac{a'}{x_1'} = f; \; \frac{a''}{x_1''} = f;$

$$f(b - y_1')\sin A - fx_1'\cos A = N_1;$$

$$f(b - y_1'')\sin A - fx_1''\cos A = N_1;$$

$$f(y_1' - b)\cos A - fx_1'\sin A - \frac{my_1'}{x_1'} = N_2;$$

$$f(y_1'' - b)\cos A - fx_1''\sin A - \frac{my_1''}{x''} = N_2;$$

откуда выходятъ уравненія

$$\frac{a'}{x_1'} = \frac{a''}{x_1''};$$

$$f(b - y_1')\sin A - fx_1'\cos A = f(b - y_1'')\sin A - fx_1''\cos A;$$

$$f(y_1' - b)\cos A - fx_1'\sin A - \frac{my_1'}{x_1'} =$$

$$f(y_1'' - b)\cos A - fx_1''\sin A - \frac{my_1''}{x_1''}.$$

Послѣднія два равенства по сокращеніи въ ихъ частяхъ одинакихъ членовъ и по раздѣленіи на f приводятся къ слѣдующему:

$$y_1'\sin A + x_1'\cos A = y_1''\sin A + x_1''\cos A,$$

$$y_1'\cos A - x_1'\sin A - \frac{m}{f}\frac{y_1'}{x_1'} = y_1''\cos A - x_1''\sin A - \frac{m}{f}\frac{y_1''}{x_1''},$$

что иначе можетъ быть представленно такъ:

$$\frac{y_1''-y_1'}{x_1'-x_1''}=\operatorname{cotang} A;$$

$$(y_1'-y_1'')\cos A-(x_1'-x_1'')\sin A=\frac{m}{f}\left(\frac{y_1'}{x_1'}-\frac{y_1''}{x_1''}\right).$$

Находя по первому изъ этихъ равенствъ

$$(19)\dots\begin{cases} x_1'-x_1''=x_1'\dfrac{\dfrac{y_1''}{x_1'}-\dfrac{y_1'}{x_1'}}{1+\dfrac{y_1''}{x_1''}\operatorname{tang} A}\operatorname{tang} A, \\ y_1'-y_1''=-x_1'\dfrac{\dfrac{y_1''}{x_1'}-\dfrac{y_1'}{x_1'}}{1+\dfrac{y_1''}{x_1''}\operatorname{tang} A}, \end{cases}$$

и внося эти величины разностей $x_1'-x_1''$, $y_1'-y_1''$ во второе, мы замѣчаемъ, что оно приводится къ слѣдующему:

$$\left[fx_1-m\left(1+\frac{y_1''}{x_1''}\operatorname{tang} A\right)\cos A\right]\left(\frac{y_1''}{x_1''}-\frac{y_1'}{y_1'}\right)=0,$$

что разлагается на два уравненія:

$$\frac{y_1''}{x_1''}-\frac{y_1'}{x_1'}=0,$$

$$fx_1'-m\left(1+\frac{y_1''}{x_1''}\operatorname{tang} A\right)\cos A=0.$$

Такъ какъ по (19) первое изъ этихъ уравненій предполагаетъ равенства $x_1''=x_1'$, $y_1''=y_1'$, то величины x_1', y_1', x_1'', y_1'' въ двухъ различныхъ рѣшеніяхъ нашей задачи должны удовлетворять второму, а это уравненіе по внесеніи $\frac{a'}{x_1'}$ вмѣсто f на основаніи (18) приводится къ виду

$$a'-m\cos A-m\frac{y_1''}{x_1''}\sin A=0;$$

откуда выходитъ

$$\frac{y_1''}{x_1''}=\frac{a'-m\cos A}{m\sin A}.$$

Повторяя тѣ же сужденія съ перемѣною только x_1', y_1', a' на x_1'', y_1'', a'' и обратно, мы изъ предыдущихъ уравненій находимъ также, что

$$\frac{y_1'}{x_1'} = \frac{a'' - m\cos A}{m\sin A}.$$

Замѣчая, что отношенія

$$\frac{y_1'}{x_1'}, \quad \frac{y_1''}{x_1''}, \quad \frac{y_1'' - y_1'}{x_1' - x_1''}$$

равняются тангенсамъ угловъ наклоненія къ оси x линій CC_1, CC_2, C_1C_1, соединяющихъ центры

$$C, C_1$$
$$C, C_2$$
$$C_2, C_1,$$

а отношенія

$$\frac{a'' - m\cos A}{m\sin A}, \quad \frac{a' - m\cos A}{m\sin A},$$

гдѣ по нашему знакоположенію

$$a'' = AA_2, \quad a' = AA_1, \quad m = AM,$$

равны котангенсамъ угловъ AA_2M и AA_1M, мы заключаемъ, что найденныя нами уравненія выражаютъ равенство угловъ наклоненія линій CC_1, CC_2, C_1C_2 къ оси x или къ линіи FG, параллельной ей, съ дополненіями до $\frac{\pi}{2}$ угловъ наклоненія линій AM, A_1M, A_2M къ линіи AA_1. На основаніи этого по одной изъ точекъ A_1, A_2 и соотвѣтствующему ей центру C_1 или C_2, представляющихъ рѣшеніе нашей задачи, легко найти другую и соотвѣтствующій ей центръ; такъ какъ по вышепоказанному каждая изъ точекъ A_1, A_2 и соотвѣтствующій ей центръ вполнѣ опредѣляютъ треугольникъ CC_1C_2, а этотъ треугольникъ съ своей стороны опредѣляетъ наклоненіе линій A_1M, A_2M къ линіи AA_1.

§ 7. Показанный нами переходъ отъ одной изъ точекъ: A_1, A_2 къ другой, описывающихъ при разсматриваемомъ нами дви-

женія треугольника безконечномалыя дуги близкія къ дугамъ круговымъ, можетъ быть примѣненъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду при такомъ движеніи треугольника получить кривую, которой нѣсколько точекъ лежатъ на одномъ кругѣ въ разстояніи болѣе или менѣе близкомъ другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ. Не трудно показать, что для точекъ A_1, A_2 и центровъ C_1, C_2, при которыхъ имѣютъ мѣсто равенства

$$C_2SC = \frac{\pi}{2} - MAA_1;$$

$$C_2Cx = \frac{\pi}{2} - MA_1A;$$

$$C_1Cx = \frac{\pi}{2} - MA_2A,$$

разность

$$AA_2 . A_1C_1^2 - AA_1 . A_2C_2^2,$$

при разсматриваемомъ нами движеніи треугольника, сохраняетъ одну и ту же величину; вслѣдствіе чего всякой разъ, когда одно изъ разстояній A_1C_1, A_2C_2 возвращается къ какой либо прежней величинѣ своей, то-же случается и съ другимъ разстояніемъ; а потому точки A_1, A_2 будутъ одновременно приходить на круги, описанные изъ центровъ C_1, C_2 нѣкоторыми радіусами.

Приступая къ доказательству неизмѣняемости разности

$$AA_2 . A_1C_1^2 - AA_1 . A_2C_2^2$$

въ сдѣланныхъ нами предположеніяхъ, оставляемъ прежнее знакоположеніе, по которому

$$MAA_1 = A,$$

и полагаемъ

$$MA_1A = A_1,$$

$$MA_2A = A_2;$$

при этомъ предыдущія равенства представляются такъ:

$$C_2SC = \frac{\pi}{2} - A; \quad C_2Cx = \frac{\pi}{2} - A_1; \quad C_1Cx = \frac{\pi}{2} - A_2.$$

Опредѣляя по этимъ величинамъ угловъ C_2SC, C_2Cx, C_1Cx углы треугольника C_1CC_2, находимъ

$$C_1CC_2 = C_2Cx - C_1Cx = A_2 - A_1;$$

$$CC_1C_2 = C_1Cx + C_2SC = \pi - A - A_2;$$

$$CC_2C_1 = \pi - C_2Cx - C_2SC = A + A_1.$$

По этимъ величинамъ угловъ треугольника, полагая для сокращенія

$$C_1C_2 = l,$$

мы находимъ такія выраженія для длины его сторонъ CC_1, CC_2:

$$CC_1 = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} l; \quad CC_2 = \frac{\sin(A + A_2)}{\sin(A_2 - A_1)} l.$$

Опредѣляя по длинѣ этихъ линій координаты x_1', y_1', x_1'', y_1'' центровъ C_1, C_2, получаемъ

$$x_1' = CC_1 \cos C_1Cx = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} \cos C_1Cx.l,$$

$$y_1' = CC_1 \sin C_1Cx = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} \sin C_1Cx.l,$$

$$x_1'' = CC_2.\cos C_2Cx = \frac{\sin(A + A_2)}{\sin(A_2 - A_1)} \cos C_2Cx.l,$$

$$y_1'' = CC_2.\sin C_2Cx = \frac{\sin(A + A_2)}{\sin(A_2 - A_1)} \sin C_2Cx.l,$$

что по внесеніи вышепоказанныхъ величинъ угловъ C_1Cx, C_2Cx; намъ даетъ

$$x_1' = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} \sin A_2 . l; \quad y_1' = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} \cos A_2 \; l;$$

$$x_1'' = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin(A_2 - A_1)} \sin A_1 . l; \quad y_1'' = \frac{\sin(A + A_2)}{\sin(A_2 - A_1)} \cos A_1 . l.$$

Съ другой стороны, опредѣляя стороны AA_1, AA_2 треугольниковъ AA_1M, AA_2M по сторонѣ $AM = m$, находимъ

$$AA_1 = \frac{\sin AMA_1}{\sin MA_1A} m; \quad AA_2 = \frac{\sin AMA_2}{\sin MA_2A} m,$$

что по внесеніи величины угловъ $MA_1A = A_2$, $MA_2A = A_2$, $AMA_1 = \pi - A - A_1$, $AMA_2 = \pi - A - A_2$ приводится къ слѣдующему:

$$AA_1 = \frac{\sin(A + A_1)}{\sin A_1} m; \quad AA_2 = \frac{\sin(A + A_2)}{\sin A_2} m.$$

Переходя къ опредѣленію квадратовъ разстояній A_1C_1, A_2C_2, мы замѣчаемъ, что они получатся изъ формулы (1), когда въ ней за x_1, y_1 возьмутся найденныя нами величины координатъ центровъ C_1, C_2, а за a длины линій AA_1, AA_2.

Перемножая величины $A_1C_1^2$, $A_2C_2^2$, такимъ образомъ получаемыя, на вышепоказанныя величины AA_2, AA_1 и вычитая произведенія, мы находимъ, что разность

$$AA_2 . A_1C_1^2 - AA_1 . A_2C_2^2$$

приводится къ выраженію

$$-\frac{\sin A \sin(A_2 - A_1)}{\sin A_1 . \sin A_2} mr^2 - \frac{\sin(A + A_1) \sin(A + A_2) \sin(A + A_1 + A_2)}{\sin(A_2 - A_1)} ml^2$$

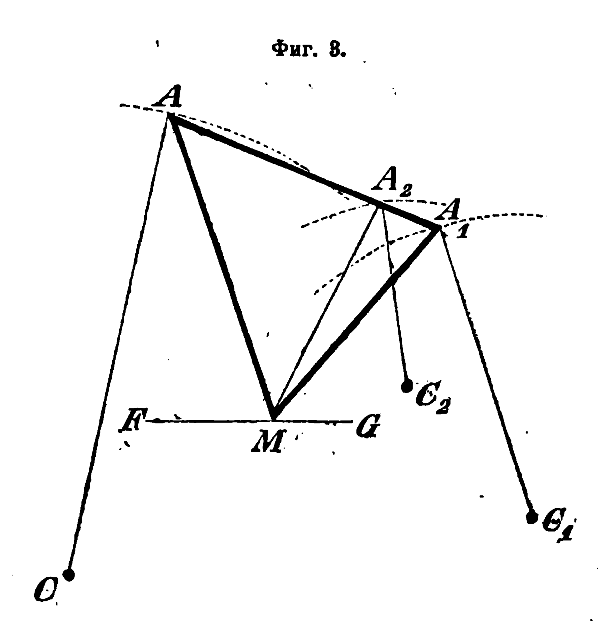
$$+ 2 \frac{\sin(A + A_1)(A + A_2)}{\sin A_1 . \sin A_2} blm - \frac{\sin(A + A_1) \sin(A + A_2) \sin(A_1 - A_2) \sin A_1}{\sin^2 A_1 . \sin^2 A_2} m^3,$$

которое, не заключая въ себѣ перемѣннаго угла α, будетъ сохранять одну и ту же величину при разсматриваемомъ нами движеніи треугольника.

§ 8. По доказанному нами относительно точекъ треугольника, которыя при движеніи его одною вершиною по кругу а другою по прямой одновременно приходятъ на окружности нѣкоторыхъ круговъ, можно найти во всякомъ параллелограммѣ, состоящемъ изъ треугольника и двухъ радіусовъ, точку, которая приближенно описываетъ дугу круга и притомъ съ такою же степенью точности, съ которою параллелограммъ даетъ прямолинейное движеніе. Въ самомъ дѣлѣ. Пусть будетъ (фиг. 3) параллелограммъ, состоящій изъ треугольника AA_1M и радіусовъ AC, A_1C_1, вращающихся около центровъ C, C_1; FG та прямая, съ

которою имѣетъ нѣсколько общихъ точекъ кривая, описываемая вершиною M, и пусть будутъ A_2, C_2 точка треугольника AA_1M

Фиг. 8.

и соотвѣтствующій ей центръ, опредѣленные, какъ было показано, въ предположеніи, что треугольникъ AA_1M движется вершиною M по прямой FG, вершиною же A по кругу C. При движеніи треугольника AA_1M въ параллелограммѣ тѣ положенія его, при которыхъ вершина M находится на прямой FG, очевидно, могутъ быть разсматриваемы, какъ происшедшія отъ движенія его вершиною M по прямой FG, а при такомъ движеніи треугольника, какъ видѣли, точки A_1, A_2 одновременно приходятъ на круги, описанные изъ центровъ C_1, C_2. А потому всякой разъ, когда въ разсматриваемомъ параллелограммѣ точка M будетъ на прямой FG, точка A_2 будетъ на окружности, описанной изъ центра C_2 нѣкоторымъ радіусомъ; и слѣд. кривая, описываемая точкою A_2 будетъ имѣть столько же общихъ элементовъ съ кругомъ, сколько будетъ имѣть общихъ элементовъ съ прямою FG кривая, описываемая вершиною M. Такъ какъ при движеніи треугольника AA_1M вершинами A, A_1 по кругамъ C, C_1 одновременно будутъ

приходить на прямую FG вершина M, а на кругъ C_2 точка A_2, тѣ положенія его при разсматриваемомъ нами движеніи, въ которыхъ вершина M находится на прямой FG, будутъ также получаться при движеніи его точкою A_2 по кругу C_2 и одной изъ вершинъ A, A_1 по кругу C или C_1. Откуда видно, что при движеніи треугольниковъ AA_2M, A_2A_1M, отдѣльно взятыхъ, вершинами

$$A, A_2$$
$$A_2, A_1$$

по кругамъ

$$C, C_2$$
$$C_2, C_1$$

вершина M будетъ описывать кривыя, которыхъ точки пересѣченія съ прямою FG будутъ тѣ же, какъ и для кривой, получаемой при движеніи треугольника AA_1M вершинами A, A_1 по кругамъ C, C_1. Это показываетъ намъ, что при перемѣнѣ въ данномъ параллелограммѣ треугольника AA_1M на треугольникъ AA_2M или A_2A_1M и соотвѣтственно съ этимъ при замѣнѣ вращающагося радіуса A_1C_1 или AC радіусомъ A_2C_2, ни число точекъ, въ которыхъ кривая, описываемая вершиною M, пересѣкаетъ прямую FG, ни мѣста этихъ точекъ не перемѣнятся.

ЭРИКЪ ЛАКСМАНЪ.

(Академика Я. К. Грота).

Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling. Af Wilh. Lagus. Med 3 kartor. Helsingfors 1880. (Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Соч. В. Лагуса. Съ 3 картами. Гельсингфорсъ 1880). 8°. IX + 331 + 146 стр.

О знаменитомъ естествоиспытателѣ и путешественникѣ Эрикѣ Лаксманѣ, родомъ финляндцѣ, до сихъ поръ было въ печати очень мало свѣдѣній. Извѣстный финляндскій ученый, профессоръ и нынѣ ректоръ Александровскаго университета, г. Лагусъ, посвятилъ нѣсколько лѣтъ изученію по источникамъ жизни и дѣятельности своего соотечественника, занимающаго почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей Академіи наукъ. Результаты этихъ разысканій изложены на шведскомъ языкѣ въ обширной біографіи, появившейся въ Гельсингфорсѣ въ концѣ прошлаго, 1880 года. Она составляетъ большой, изящно отпечатанный томъ, изданный на счетъ «Финскаго ученаго общества».

Эрикъ Лаксманъ родился въ Нейшлотѣ 1737 года, слѣдовательно когда эта часть Финляндіи еще принадлежала къ Швеціи. Получивъ первоначальное образованіе въ Боргоской гимназіи, онъ записался въ студенты Абоскаго университета, но по бѣдности не могъ окончить тамъ курса наукъ съ ученою степенью

и принужденъ былъ занять мѣсто пасторскаго адъюнкта въ Выборгской губерніи. Въ 1762 году, переселившись въ Петербургъ, онъ поступилъ въ новоучрежденную Бюшингомъ школу учителемъ естественной исторіи и ботаники, какъ предметовъ, къ которымъ онъ съ дѣтства пристрастился. Черезъ Бюшинга Лаксманъ сблизился со многими академиками, впослѣдствіи пріобрѣтшими извѣстность, и былъ избранъ въ корреспонденты академіи. Между тѣмъ ему предложено было мѣсто нѣмецкаго пастора въ Барнаулѣ. Путешествіе въ Сибирь, естественныя богатства которой обѣщали натуралисту такъ много новыхъ открытій, не могло не казаться привлекательнымъ молодому ученому, и онъ съ радостью принялъ предложеніе. Отъ академіи ему назначено было по 100 р. въ мѣсяцъ на издержки по ея порученіямъ. Женившись передъ отъѣздомъ на дѣвицѣ Рунненбергъ, онъ отправился въ январѣ 1764. года и въ серединѣ марта прибылъ въ Барнаулъ. Здѣсь все время, остававшееся отъ исполненія прямыхъ его обязанностей, съ жаромъ посвящалось любимымъ занятіямъ. Къ оживленію его научной дѣятельности много способствовало полученное имъ вскорѣ по прибытіи въ Барнаулъ письмо Линнея. Вотъ что писалъ ему между прочимъ славный ботаникъ: «Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ я сегодня ваше письмо отъ 31 января, изъ котораго вижу, что Провидѣніе и судьба перенесли васъ въ такія мѣста, куда почти никто еще не проникалъ съ открытыми глазами. Да сподобитъ васъ Богъ видѣть Его чудеса и разоблачить ихъ міру! Труды Мессершмидта, Стеллера, Гмелина и др. я имѣю въ рукописяхъ. Изъ сибирскихъ растеній едва сто живыхъ есть у меня въ саду. Никакія другія растенія лучше ихъ не идутъ въ нашихъ садахъ. Англичане и Французы, съ помощію вывезенныхъ ими изъ сѣверной Америки многихъ рѣдкихъ деревьевъ и растеній, обратили въ рай свои сады и за́мки; но у насъ эти американскія растенія принимаются не такъ хорошо и почти никогда не достигаютъ зрѣлости. Сибирскія, напротивъ того, придали бы новую роскошь нашимъ садамъ, и вы, м. г., могли бы украсить наше отечество и сдѣлаться безсмертнымъ

въ потомствѣ, прислав мнѣ сѣмянъ отъ дикорастущихъ въ Сибири травъ». Назвавъ потомъ нѣсколько такихъ растеній, Линней прибавляетъ, что ни одного изъ нихъ еще нѣтъ въ европейскихъ садахъ и что каждое изъ нихъ было бы драгоцѣнностью. Затѣмъ онъ проситъ присылать ему образцы насѣкомыхъ и совѣтуетъ Лаксману завести самому для себя маленькій гербарій сибирскихъ растеній: «если которое-нибудь изъ нихъ покажется вамъ неизвѣстнымъ, присылайте его ко мнѣ въ письмѣ за нумеромъ. Я буду отвѣчать особо на каждый нумеръ и сообщать вамъ все, что о каждомъ извѣстно.... Пошли вамъ Господь охоту и силу наблюдать и собирать, и сохрани Онъ въ васъ дружбу ко мнѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего перваго письма изъ Колывани»

Съ этого особенно времени заботы Лаксмана главнымъ образомъ были обращены на пріобрѣтенія по естественнымъ наукамъ; всякая служебная поѣздка его становилась съ тѣмъ вмѣстѣ и ботаническою; на этотъ предметъ онъ не жалѣлъ издержекъ, сколько позволяли его средства; при домикѣ своемъ онъ завелъ садъ для собиранія сѣмянъ, которыя отправлялъ въ Европу.

Кромѣ того онъ дѣлалъ метеорологическія наблюденія, измѣрялъ глубину Оби, самъ приготовлялъ барометры и термометры, и разсылалъ ихъ по городамъ Сибири. Въ ученомъ свѣтѣ стали уже цѣнить его труды. Такъ журналъ «Hannöverisches Magazin» за іюнь 1765 г. издалъ образчикъ его наблюденій надъ погодой и похвалилъ ихъ точность. Сибирская фауна, тогда еще менѣе извѣстная чѣмъ тамошняя флора, тоже была много обязана Лаксману. Въ домѣ его образовался небольшой зоологическій музей, изъ котораго онъ охотно раздавалъ подарки. Собираніе насѣкомыхъ занимало его нѣсколько лѣтъ. Въ 12-мъ изданіи своей Systema Naturae Линней, прежде не знавшій ни одного сибирскаго насѣкомаго, приводитъ уже двухъ подъ именемъ нашего ученаго. Слѣдуетъ также упомянуть о трудахъ Лаксмана по минералогіи и химіи. Во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Барнаулѣ онъ предпринималъ частыя, иногда

весьма далекія путешествія, которыя также не оставались безплодными для науки. Такъ въ 1766 г. онъ побывалъ даже на границѣ Монголіи и Китая, доѣзжалъ до Кяхты, а на востокѣ посѣтилъ нерчинскіе заводы, отстоящіе около 3000 верстъ отъ Барнаула. Къ сожалѣнію, онъ мало записывалъ во время своихъ путешествій. Однакожъ постепенно усиливалась и его авторская дѣятельность, которая впрочемъ никогда не составляла главной цѣли его. Наиболѣе заключалась она въ обширной перепискѣ съ русскими и шведскими учеными; между первыми назовемъ Бюшинга, Фалька, Шлэцера въ Петербургѣ и аптекаря Брандта въ Кяхтѣ. Съ фурами серебра, которыя ежегодно въ февралѣ отправлялись изъ Барнаула, онъ не забывалъ посылать своимъ корреспондентамъ свѣдѣнія и предметы изъ всѣхъ царствъ природы. Въ концѣ 1767 года отправилъ онъ къ Шлэцеру длинное письмо, которое должно было служить и отчетомъ его предъ Академіей наукъ. Тогда же послалъ онъ въ Вольно-экономическое общество небольшое изслѣдованіе, которое и появилось въ изданіи этого общества. По истеченіи срока, положеннаго на его пребываніе въ Сибири, Лаксманъ въ концѣ 1768 г. выѣхалъ изъ Барнаула. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ академикомъ Миллеромъ, поселившимся здѣсь съ 1765 г., и съ Фалькомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга въ главѣ оренбургской экспедиціи. Около того же времени находились въ Москвѣ: Ловицъ, Лепехинъ, Крафтъ, Гюльденштедтъ и Иноходцевъ. Можетъ-быть, Лаксманъ тамъ и познакомился съ нѣкоторыми изъ будущихъ своихъ сотоварищей по академіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ немедленно избранъ въ члены Вольно-экономическаго общества, и вскорѣ явилось въ печати нѣсколько ученыхъ трудовъ его. Въ то же время онъ готовилъ къ печати собраніе своихъ статей, относящихся къ Сибири, подъ заглавіемъ: «Sibirische Nebenstunden». Это сочиненіе однакожъ не вышло въ свѣтъ, можетъ-быть вслѣдствіе того, что во время отсутствія Лаксмана, какъ оказалось, Шлэцеръ напечаталъ безъ его согласія письма его къ разнымъ ученымъ, содержавшія уже

многія изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя предназначались для названной книги.

На другой годъ по возвращеніи въ Петербургъ, именно въ 1770-мъ, Лаксманъ избранъ былъ Академіею наукъ въ ординарные академики «по экономіи и химіи», двумъ предметамъ, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, были въ тѣсной между собою связи: ни до Лаксмана, ни послѣ него они въ такомъ соединеніи не имѣли при академіи представителя. Вѣроятно, главнымъ предметомъ порученнымъ Лаксману считалась экономія: химія была присоединена къ ней временно по случаю кончины Лемана, поступившаго на мѣсто умершаго въ 1765 году Ломоносова. Лаксманъ обратилъ на себя особенное вниманіе тогдашняго директора академіи графа Владиміра Григорьевича Орлова и былъ приглашенъ имъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учеными, къ участію въ путешествіи, которое этотъ вельможа предпринялъ въ свое имѣніе на Волгѣ. Черезъ Москву отправились они въ Воронежъ, а оттуда вдоль береговъ Дона въ окрестности Сарепты и Царицына, откуда послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія возвратились черезъ Симбирскъ въ Петербургъ. Этимъ путешествіемъ Лаксманъ воспользовался между прочимъ для изслѣдованія открытыхъ незадолго передъ тѣмъ царицынскихъ минеральныхъ водъ и привезъ съ собою нѣсколько новыхъ до него неизвѣстныхъ насѣкомыхъ, которыхъ тотчасъ же и описалъ, съ изображеніемъ ихъ, въ статьѣ «Novae insectorum species».

Вскорѣ Лаксманъ получилъ отъ генерала артиллеріи Мелиссино предложеніе ѣхать въ Молдавію для устройства тамъ монетнаго двора. Въ нуммизматическихъ коллекціяхъ показываютъ, въ числѣ рѣдкостей, небольшую мѣдную монету, чеканенную во время турецкой войны 1771—1774 г. Эта монета ходила только въ Молдавіи и Валахіи и должна была главнымъ образомъ служить для потребностей арміи. Чеканилась она изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ, перелитіе которыхъ предоставлялось желающимъ спекулянтамъ. Первый, задумавшій это дѣло, былъ богатый еврей, подрядчикъ Вольфъ изъ Петербурга, кото-

рый и завелъ монетный дворъ близь Хотина. Другая такъ называемая монетная мельница бóльшихъ размѣровъ была построена близь Яссъ. Предпріятіемъ руководили названный генералъ Мелиссино и греческій купецъ Папаніэлопуло. Они втянули въ это дѣло и Лаксмана, который, при своемъ вообще практическомъ направленіи, рѣшился попытать счастья въ выгодномъ повидимому предпріятіи. Техническія свѣдѣнія по этой части онъ пріобрѣлъ еще въ Сибири. Выѣхавъ изъ Петербурга въ началѣ 1772, онъ почти весь этотъ годъ провелъ на югѣ около береговъ Чернаго моря. О его дѣятельности по главной цѣли путешествія не осталось никакихъ свѣдѣній; самъ онъ ничего не сообщалъ о ней; изъ переписки же его петербургскихъ сослуживцевъ видно только, что съ матеріальной стороны предпріятіе не имѣло никакого успѣха; въ ученомъ отношеніи, напротивъ, оно обогатило коллекціи Лаксмана замѣчательными пріобрѣтеніями. Вообще роскошная южная природа произвела на него сильное впечатлѣніе, и онъ жалѣлъ, что не могъ навсегда поселиться въ плодоносныхъ окрестностяхъ Аккермана.

Въ числѣ обязанностей, возложенныхъ на него по возвращеніи въ Петербургъ, вниманія заслуживаетъ преподаваніе химіи въ академической гимназіи. Между учениками его является довольно извѣстное имя Федора Моисеенкова, вскорѣ отправленнаго за границу для изученія горнаго дѣла по программѣ, составленной Лаксманомъ. Молодой путешественникъ, по пріѣздѣ въ Россію, принесъ честь своему учителю въ званіи адъюнкта металлургіи при академіи, но къ сожалѣнію кончилъ жизнь уже черезъ два года по возвращеніи изъ Германіи, именно въ 1781 году. Вскорѣ Лаксманъ поступилъ также въ преподаватели Сухопутнаго кадетскаго корпуса, гдѣ учились между прочими два его сына, которымъ онъ успѣлъ передать свою любовь къ естественнымъ наукамъ. За 18 уроковъ въ недѣлю получалъ онъ въ этомъ заведеніи 300 руб. жалованья. Кромѣ того онъ участвовалъ въ чтеніи при академіи публичныхъ лекцій, заведенныхъ новымъ ея директоромъ С. Г. Домашневымъ, занявшимъ въ

1775 году мѣсто Орлова. Лекціи эти продолжались два-три года. Къ словеснымъ объясненіямъ Лаксманъ присоединялъ опыты. Между тѣмъ онъ пріобрѣталъ все болѣе уваженія въ ученомъ мірѣ. За частыя присылки предметовъ естественной исторіи въ шведскія общественныя учрежденія онъ получилъ отъ Густава III двѣ золотыя медали; въ ботаническомъ сочиненіи, изданномъ спутниками Кука, отцомъ и сыномъ Форстеръ, имя его присвоено замѣчательному растенію Laxmania sp. arborea (изъ семейства ambrosiaceae); въ короткое время онъ былъ избранъ членомъ нѣсколькихъ заграничныхъ обществъ по естественнымъ наукамъ. Извѣстный путешественникъ Бернулли, посѣтившій Петербургъ въ 1777 году, сообщилъ въ своемъ сочиненіи краткую біографію Лаксмана и описалъ внимательно осмотрѣнный имъ музей нашего ученаго, заключавшій въ себѣ богатыя коллекціи почти по всѣмъ отраслямъ природовѣдѣнія. Вѣроятно, значительная часть этихъ коллекцій до сихъ поръ сохраняется въ богатомъ музеѣ Горнаго института, пріобрѣтшемъ ихъ въ 1786 г., при отъѣздѣ Лаксмана изъ Петербурга, за 6000 руб.

Цѣлая вторая половина 1779 года была употреблена Лаксманомъ на геогностическое путешествіе, начавшееся съ Новгорода и окончившееся Сумскимъ острогомъ, откуда онъ черезъ Петрозаводскъ возвратился въ Петербургъ въ исходѣ декабря. Изъ этой поѣздки было привезено имъ множество новыхъ образцовъ почвы и камней, которые и были описаны въ его (оставшемся впрочемъ неизданнымъ) сочиненіи «Bemerkungen über das nordische Gebirge in Vergleichung mit den übrigen Granit-Ketten». Но результаты этого путешествія болѣе извѣстны изъ Палласовыхъ Nordische Beiträge, гдѣ ученый издатель помѣстилъ въ примѣчаніи отчетъ, поданный Лаксманомъ академіи.

Въ маѣ 1780 года Лаксманъ былъ назначенъ, въ качествѣ горнаго совѣтника, помощникомъ начальника нерчинскихъ рудниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть оставить академію. Кажется, онъ былъ недоволенъ слишкомъ скуднымъ содержа-

ніемъ, какое здѣсь получалъ при довольно сложныхъ обязанностяхъ, въ числѣ которыхъ особенно обременительно было безплатное чтеніе публичныхъ лекцій; между тѣмъ у него было многочисленное семейство, состоявшее изъ второй жены (рожденной Рутъ; первая умерла еще во время пребыванія его въ Сибири) и семерыхъ сыновей. Къ тому же предложенное ему мѣсто гораздо болѣе нежели академическія кабинетныя труды согласовалось съ практическимъ направленіемъ его обычной дѣятельности, съ его любовью къ путешествіямъ и наблюденіямъ надъ природою. Въ январѣ 1781 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга и въ концѣ мая вступилъ въ новую свою должность въ Нерчинскѣ. Въ званіи оберъ-бергмейстера Лаксманъ долженъ былъ имѣть надзоръ надъ заводами и рудниками; жалованье его составляло отъ 1,000 до 1,200 руб. Но понятно, что онъ и по способностямъ своимъ и по образованію чувствовалъ менѣе расположенія къ своимъ канцелярскимъ занятіямъ, чѣмъ къ обширному поприщу, которое открывалось ему въ изученіи природы всей сѣверо-восточной Сибири, съ одной стороны до самаго Ледовитаго моря, съ другой до Японіи и американскаго материка. Это и сдѣлалось отнынѣ главною задачею его жизни; къ выполненію ея важное пособіе представляли ему частые и далекіе разъѣзды по должности. Однакожъ и въ отношеніи къ прямымъ обязанностямъ дѣятельность его не оставалась безплодною; такъ между прочимъ онъ придумалъ улучшенный способъ приготовленія стекла на Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ онъ и жилъ всего болѣе. Но по неизвѣстнымъ причинамъ Лаксманъ вскорѣ навлекъ на себя неудовольствіе начальника заводовъ, генерала Бекельмана, и долженъ былъ, для оправданія себя противъ поданной въ сенатъ жалобы, отправиться въ Петербургъ. Г. Лагусъ полагаетъ, что ему ставилось въ вину уменьшеніе чистой прибыли, состоявшей въ сбереженіи отъ суммы въ 200,000 руб., назначенной на содержаніе заводовъ. Нѣтъ никакого основанія подозрѣвать Лаксмана въ недобросовѣстности, но по извѣстнымъ свойствамъ его можно предполагать, что счеты его не всегда были въ порядкѣ.

Какъ бы ни было, его уволили отъ должности, но для продолженія своихъ любимыхъ занятій онъ возвратился въ Сибирь и прожилъ зиму 1782—1783 г. въ окрестностяхъ Нерчинска въ мѣстечкѣ Чиндагъ-Турунъ. Послѣ того онъ получилъ какое-то мѣсто при соляныхъ копяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ должность исправника. Ученые труды его за это время заключались главнымъ образомъ въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, въ открытіи или описаніи неизвѣстныхъ прежде видовъ камней, минераловъ и растеній.

Новое положеніе Лаксмана продолжалось однакожъ не долго. Благодаря заступничеству петербургскихъ друзей, на него вскорѣ возложены были отъ Кабинета императрицы минералогическія путешествія съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ, не считая прогоновъ. Между тѣмъ, въ управленіе Академіею наукъ вступила княгиня Дашкова, и Лаксману назначена была небольшая ежегодная пенсія въ 200 р., та самая, которая часто предоставлялась заслуженнымъ академикамъ. Очевидно, что прежніе сослуживцы Лаксмана хотѣли, и предъ правительствомъ и въ глазахъ публики, оправдать свои старанія въ пользу его. Императрицѣ стоило только заглянуть въ роскошно изданную подъ ея покровительствомъ «Flora rossica» Палласа, чтобы уже въ предисловіи встрѣтить на многихъ страницахъ имя Лаксмана, этого «превосходнаго наблюдателя, который обогатилъ сибирскую флору многими новыми видами и продолжаетъ обогащать ее съ тѣмъ неутомимымъ прилежаніемъ, которое всегда посвящалъ естественнымъ наукамъ». При такихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ Лаксманъ переселился въ Иркутскъ, гдѣ и прожилъ остальные годы жизни. Мы узнаемъ отъ путешественниковъ, говоритъ г. Лагусъ, что онъ съ возможными по мѣстнымъ условіямъ удобствами устроилъ тамъ свой домашній бытъ. Посѣщавшіе его тотчасъ могли замѣтить, что входили въ жилище истиннаго любителя природы. Особенная заботливость, какъ нѣкогда въ Барнаулѣ и потомъ въ Петербургѣ, видна была въ содержаніи сада и теплицъ. Здѣсь являлись, частью для красы, частью для изу-

ченія и акклиматизаціи, одно возлѣ другого, сибирскія и иноземныя растенія; между ними были даже почти еще неизвѣстные въ этихъ краяхъ картофель, вишня, яблоня и персиковое дерево. Но не для наслажденія и отдыха Лаксманъ поселился въ самомъ роскошномъ и для общежитія пріятномъ городѣ; цѣлью его было имѣть исходный пунктъ для новыхъ странствованій на пользу науки. И въ самомъ дѣлѣ, эта мѣстность была необыкновенно благопріятна для его обширныхъ плановъ. Какъ оазисъ въ пустынѣ, расположенный близь Байкала Иркутскъ составлялъ центръ всѣхъ торговыхъ путей Азіи и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекалъ къ себѣ съ востока и запада людей самаго разнообразнаго происхожденія, огромные капиталы и живое промышленное движеніе. Населеніе и благосостояніе города съ каждымъ годомъ возрастали; онъ считалъ уже 20,000 жителей, двѣнадцать церквей, въ томъ числѣ одну лютеранскую, нѣсколько училищъ, между ними одно японское, библіотеку, кабинетъ естественныхъ произведеній, театръ; кромѣ того банкъ, больницу и другія общественныя учрежденія. Заслуживъ по своей роскоши названіе сибирскаго Петербурга, Иркутскъ въ то же время отличался большимъ гостепріимствомъ; генералъ-губернаторъ Якоби, губернаторъ Ламбъ и милліонеръ Медвеневъ имѣли открытый столъ и каждую недѣлю давали по очереди обѣдъ и балъ. Поглощенный матеріальными интересами, Иркутскъ не былъ однакожъ совершенно чуждъ и литературному образованію. Оно было здѣсь представляемо въ особенности частными преподавателями, по большей части поляками, шведами и французами, преимущественно іезуитами, которые проникали во всѣ болѣе знатные домá. И науки имѣли здѣсь своихъ представителей. Тутъ жилъ ученый натуралистъ Карамышевъ и весьма начитанный графъ Мантейфель; здѣсь часто останавливались проѣздомъ иностранные изслѣдователи. Такъ въ началѣ 1785 г. здѣсь были: французъ Патрень, корреспондентъ Палласа, и монголистъ Йэригъ (Jährig); затѣмъ въ 1786 г. пріѣхалъ Биллингсъ со своею экспедиціей; въ 1787 г. очень оригинальный англичанинъ Ледьярдъ,

въ 1788 г. Лессепсъ, далѣе Сиверсъ и мн. др. Кромѣ того, Иркутскъ служилъ средоточіемъ тѣхъ смѣлыхъ предпріятій, которыя привели къ учрежденію Россійско-Американской компаніи и своимъ успѣхомъ были обязаны энергіи Шелехова, основателя факторіи на Алеутскомъ островѣ Кадьякѣ и одного изъ самыхъ раннихъ мореплавателей между Азіей и Америкой. Но стремленія Лаксмана простирались далеко за предѣлы Иркутска. Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Поѣздка въ горы за юго-западный уголъ Байкала, позднѣе столь прославленный его изслѣдованіями и открытіями Култукъ, давно уже занимала его и можетъ-быть тѣмъ болѣе привлекала, что какъ Палласъ и Соколовъ, такъ и Георги въ 1772 г. отказались отъ нея, а Палласъ даже утверждалъ, что тамъ нельзя ожидать ничего новаго ни для минералогіи, ни для ботаники. Видѣлъ ли Лаксманъ эту мѣстность еще въ 1766 г., нельзя сказать навѣрное. Но, понималъ ли онъ, или только предугадывалъ ея значеніе, важно то, что онъ, живя въ Иркутскѣ, не уставалъ посѣщать и изслѣдывать ее. Преданіе отдало справедливость его стараніямъ, ибо еще и теперь мѣсто, лежащее на берегу между устьями рѣчекъ Студянки и Похабихи, гдѣ нѣкогда стояла его рабочая избушка, извѣстно подъ именемъ Лаксмана, «въ память», какъ замѣтилъ географъ Риттеръ, «того, кто открылъ эту геогностическую примѣчательность».

Тамошнія наблюденія свои Лаксманъ изложилъ въ письмѣ къ Эйлеру, впослѣдствіи напечатанномъ подъ заглавіемъ: «Von Gängen und Granitbergen». Вотъ что здѣсь говорится, между прочимъ, объ этой мѣстности:

«Естествоиспытатели вообще склонны приписывать происхожденіе Байкальской мѣстности какому-то внезапному перевороту; но мнѣ кажется, что въ горахъ около западной оконечности озера все образовалось медленно и постепенно. Являющееся здѣсь строеніе горъ показываетъ, какъ горныя породы ложились слоями по законамъ сродства и соразмѣрно со своими массами. Можетъ-быть кристалы получили свои плоскости и углы уже

тогда, какъ сухія и влажныя части раздѣлились». Этимъ предположеніемъ опровергаются взгляды Палласа и особенно Георги, развившіеся почти въ догматъ, котораго придерживаются Гофъ, Риттеръ, Эрманъ и др. «Тѣмъ болѣе чести Лаксману», говоритъ его біографъ, «такъ какъ и позднѣйшія геогностическія изслѣдованія рѣшительно отвергаютъ, чтобы внезапныя вулканическія изверженія способствовали къ образованію этой мѣстности».

Въ 1784 году Лаксманъ въ товариществѣ съ Барановымъ основалъ стеклянную плавильню Тальцинскъ при р. Тальцѣ въ 40 верстахъ выше Иркутска, недалеко отъ Ангары. Здѣсь ему удалось изобрѣсти новый способъ плавки стекла, составившій эпоху въ исторіи этого производства. Новость заключалась въ употребленіи для плавки исключительно глауберовой соли: въ 1796 году появилась нѣмецкая брошюра: «Von Einführung des mineralischen Laugensalzes anstatt der Pottasche auf den Glasfabriken, eine Entdeckung von Herrn Hofrath Laxman». Впослѣдствіи этотъ способъ, съ тѣми усовершенствованіями, какія мало по малу придумывались, распространился почти по всей Европѣ.

Не менѣе замѣчательно для своего времени было открытіе Лаксманомъ въ гранитномъ Култукѣ такъ-называемаго лазореваго («синяго») камня или написъ-лазули, которымъ до тѣхъ поръ Россія снабжалась только изъ Бухары. Это открытіе обратило на себя тѣмъ болѣе вниманія въ Петербургѣ, что императрица дорожила имъ для украшенія великолѣпнаго царскосельскаго дворца, въ которомъ цѣлая зала и была выложена этимъ рѣдкимъ камнемъ. Къ сожалѣнію, запасъ его въ сибирскихъ горахъ оказался очень невеликимъ, и позднѣйшія попытки для отысканія его не имѣли почти никакого успѣха.

Въ послѣдующіе годы Лаксманъ продолжалъ предпринимать геогностическія странствованія и между прочимъ совершилъ давно задуманное имъ путешествіе въ сѣверо-восточную Сибирь. Во все это время онъ не переставалъ открывать новые минералы, которые пересылалъ въ Петербургъ, какъ видно изъ сохранив-

шихся—къ сожалѣнію довольно скудныхъ—отрывковъ его ученой переписки и изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ въ изданіяхъ нашей академіи. Но особенно замѣчательно правительственное предпріятіе, начатое по идеѣ и по программѣ Лаксмана и занимающее важное мѣсто въ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи. Это было первое посольство Русскихъ въ Японію. Поводомъ къ мысли о томъ послужило пребываніе въ Иркутскѣ нѣсколькихъ японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе близъ Алеутскихъ острововъ и перевезенныхъ въ Иркутскъ. Познакомившись съ ними, Лаксманъ представилъ, что правительству слѣдовало бы возвратить ихъ на родину и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завести сношенія съ государствомъ, недоступнымъ для европейскихъ народовъ, исключая Голландцевъ, при чемъ, разумѣется, не должны быть упущены изъ виду и пользы науки. Одинъ изъ жившихъ въ Иркутскѣ японцевъ, Кодай, обратившій на себя особенное вниманіе нашего ученаго, былъ вызванъ въ Петербургъ. Самъ Лаксманъ сопровождалъ его, и тогда-то состоялся указъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора Пиля о вступленіи въ торговыя сношенія съ Японіею. Въ одномъ изъ пунктовъ этого указа было предписано: «Для препровожденія тѣхъ японцевъ въ ихъ отечество употребить одного изъ сыновей означеннаго профессора Лаксмана, въ Иркутскомъ намѣстничествѣ при должностяхъ находящихся, имѣющихъ познанія астрономіи и навигаціи, поруча ему какъ въ пути, такъ и въ бытность въ японскихъ областяхъ дѣлать на водахъ, островахъ и на твердой землѣ астрономическія, физическія и географическія наблюденія и замѣчанія, равно и о торговыхъ тамошнихъ обстоятельствахъ»[1]).

Выборъ палъ на старшаго сына Лаксмана, 26-ти-лѣтняго Адама, армейскаго поручика, служившаго въ Игижинскѣ исправникомъ. Въ маѣ 1792 г. отецъ отправился съ инструкціею генералъ-губернатора въ Охотскъ и прибылъ туда 1-го августа. Его сопровождали: четыре японца, въ числѣ которыхъ былъ и Кодай,

---

[1]) *П. С. Зак.*, т. XXIII, № 16,985.

два купца съ товарами, назначенными для обмѣна на японскіе, и два картографа изъ иркутской навигаціонной школы. Туда же, около того же времени, прибылъ Адамъ Лаксманъ, и 13-го сентября онъ отплылъ на галіотѣ Екатеринѣ; капитаномъ судна, согласно съ указомъ, былъ русскій человѣкъ—Григорій Ловцовъ. Лаксманъ-отецъ, по своему обыкновенію, воспользовался случаемъ для отправленія, изъ своихъ запасовъ, нѣсколькихъ подарковъ: это были два термометра собственной его работы и множество рѣдкихъ произведеній природы. Экспедиція сына его, несмотря на встрѣченныя въ пути затрудненія, проистекавшія главнымъ образомъ отъ недовѣрчивости Японцевъ, вполнѣ достигла своей цѣли. Г. Лагусъ подробно описываетъ ее по отчету, составленному самимъ путешественникомъ, и по другимъ документамъ. Мы упомянемъ только, что благодаря настойчивости Адама Лаксмана и несмотря на врученный ему письменно выговоръ японскаго правительства за нарушеніе туземныхъ законовъ, ему удалось обезпечить Русскимъ ту же привилегію, какою до тѣхъ поръ пользовались одни Голландцы, т. е. право посѣщать гавань Нангасаки. Къ успѣху посольства много способствовала симпатическая личность молодого представителя Россіи. Еще спустя два десятилѣтія послѣ его путешествія, Японцы съ похвалой отзывались о немъ и его товарищахъ: разсказывали, какъ онъ заставлялъ свой экипажъ пѣть и плясать, какъ его матросы раздавали ножи и другіе подарки, которые тщательно сохранялись, и т. п. Обратное плаваніе было вполнѣ благополучно: 9-го сентября галіотъ введенъ былъ на буксирѣ въ охотскую гавань. Оттуда Адамъ Лаксманъ отправился къ отцу своему въ Иркутскъ, куда и прибылъ въ январѣ 1794 года. Еще до прибытія его Эрикъ Лаксманъ поспѣшилъ отправить къ Безбородкѣ письмо, которое теперь, благодаря г. Лагусу, въ первый разъ, вышло на свѣтъ изъ архива Министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ любопытномъ письмѣ Лаксманъ похвалившись успѣхомъ сына, выставляетъ въ невыгодномъ свѣтѣ дѣятельность Шелехова, обвиняетъ его въ своекорыстныхъ видахъ и выражаетъ опасеніе,

что онъ обратитъ въ свою пользу выговоренныя для правительства сношенія съ Японіей: «сколько я примѣчаю», говоритъ онъ, «Шелеховъ глазами монополиста смотритъ на будущую японскую торговлю». Оба Лаксмана были вызваны въ Петербургъ, и одновременно съ ними мы видимъ тамъ Шелехова. Довольно странно, что императрица повидимому не дорожила торговлей Россіи съ Японіей и не воспользовалась открывшеюся возможностью новыхъ сношеній. Можетъ-быть тутъ дѣйствительно не безъ вліянія были внушенія Шелехова, который имѣлъ сильныхъ покровителей и даже успѣлъ снискать особенное благорасположеніе великаго князя Павла Петровича. Заботы, поглощавшія государыню по поводу французской революціи, могли также отвлекать ея вниманіе отъ этого дѣла. Какъ бы ни было, результаты, достигнутые экспедиціею Лаксмана, были такъ мало оцѣнены, что о нихъ даже забыли, и съ теченіемъ времени утвердилось мнѣніе, что путешествіе Лаксмана не имѣло успѣха. Что таково было общее убѣжденіе, видно изъ разсужденій, которыя высказывались десятью годами позже, когда рѣчь зашла объ отправленіи въ Японію новаго посольства: тогда въ лицѣ Резанова избранъ былъ высокопоставленный сановникъ именно въ томъ соображеніи, что главною причиной неудачи Лаксмана было скромное положеніе начальника экспедиціи. Въ январѣ 1803 г. собрались на совѣщаніе: министръ коммерціи графъ Румянцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ, тайный совѣтникъ камергеръ Резановъ и директоръ Россійско-Американской компаніи, правленіе которой въ 1798 году перенесено было изъ Иркутска въ Петербургъ. Они толковали о подробностяхъ кругосвѣтнаго плаванія, которое, по повелѣнію императора Александра I, долженъ былъ совершить Крузенштернъ къ американскимъ владѣніямъ Россіи. Для расширенія ея торговли рѣшено было отправить вмѣстѣ съ тѣмъ посольство въ Японію, и при этомъ неполный успѣхъ прежней экспедиціи приписанъ тому, что Лаксманъ не имѣлъ собственноручнаго письма отъ императрицы къ японскому государю, что посланные къ послѣднему подарки были слишкомъ

незначительны и наконецъ, что самъ Лаксманъ, не будучи придворнымъ человѣкомъ, по своему малому чину не могъ произвести на японское правительство надлежащаго впечатлѣнія. Поэтому посольство Резанова, отправленное съ адмираломъ Крузенштерномъ, получило совершенно противуположный характеръ; но извѣстно, насколько ошибочнымъ въ дѣйствительности оказался расчетъ, какое недовѣріе въ Японцахъ возбудилъ новый посолъ, какимъ униженіямъ онъ подвергся и какъ наконецъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь, вовсе не достигнувъ цѣли. Стыдясь возвратиться въ Петербургъ, онъ отправился въ Америку и вздумалъ, въ отмщеніе упрямымъ островитянамъ, отрядить компанейское судно съ повелѣніемъ разрушить японское поселеніе на Курильскихъ островахъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого нарушенія международнаго права было взятіе въ плѣнъ нашего кругосвѣтнаго мореплавателя, адмирала Головнина; въ любопытномъ описаніи своихъ приключеній онъ не разъ упоминаетъ о различномъ образѣ дѣйствій Резанова и Лаксмана и столь неодинаковыхъ услугахъ, оказанныхъ ими по сношеніямъ Россіи съ Японіей. Къ невѣрной оцѣнкѣ результатовъ путешествія Лаксмана способствовало и то, что описаніе его экспедиціи, впрочемъ краткое и довольно сухое, появилось въ печати не прежде 1805 года, да и тогда оно не обратило на себя почти никакого вниманія. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1794 году, оба Лаксмана удостоились однакожъ, вѣроятно по представительству Безбородки, нѣкоторыхъ знаковъ благоволенія со стороны императрицы: отецъ, главный виновникъ всего предпріятія, былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ Владиміра 4-й степени, а сынъ произведенъ въ капитаны. Другіе участники экспедиціи также получили награды. Кромѣ того, за поднесеніе императрицѣ трехъ почетныхъ сабель, пожалованныхъ Лаксману японскимъ микадо, государыня даровала ученому путешественнику право внести изображеніе ихъ въ фамильный гербъ.

Долго Эрикъ Лаксманъ не могъ выѣхать изъ Петербурга,

такъ какъ правительство колебалось въ принятіи рѣшенія по вопросу, слѣдуетъ ли воспользоваться пріобрѣтеннымъ правомъ торговыхъ сношеній съ Японіею. Къ поддержанію нерѣшительности особенно способствовало то, что около сѣверо-германскихъ береговъ крейсеровали тогда англійскіе и голландскіе корабли, и императрица не хотѣла для предпріятія сомнительной пользы возбуждать непріязнь другихъ государствъ. Наконецъ, однакожъ, эти суда удалились, а между тѣмъ государыня получила изъ Эрфурта отъ кавалера Огара (впослѣдствіи принятаго въ русскую службу) записку «о торговлѣ съ Японіей и вообще объ интересахъ ея величества въ сѣверо-восточной Азіи». Оба эти обстоятельства могли повліять на послѣдовавшее въ 1795 году рѣшеніе предпринять новую экспедицію на дальній востокъ; но двоякое назначеніе ея, ученое и торговое, на этотъ разъ должно было выполнено быть двумя разными лицами, и только ученая часть экспедиціи была поручена Лаксману: ему было предписано отправиться по ту сторону Иртыша въ направленіи къ Бухарѣ для минералогическихъ и другихъ наблюденій по естественнымъ наукамъ, а потомъ, изъ какой-нибудь камчатской гавани, въ Японію съ такою же научною цѣлью. Ближайшимъ поводомъ къ этому предпріятію было полученное еще въ мартѣ 1794 года изъ Омска отъ генерала Страндмана донесеніе, что ханъ Ташкента и Большой киргизской орды, предложивъ вступить въ торговыя съ нимъ сношенія, спрашивалъ, нѣтъ ли въ Россіи людей, способныхъ разработывать открытые близъ Ташкента золотые и серебряные рудники.

Г. Лагусъ не безъ большого правдопобія предполагаетъ, что лицомъ, которому ввѣрялась другая торговая часть экспедиціи, былъ Шелеховъ, и что отношенія между нимъ и Лаксманомъ именно и были причиною раздѣленія экспедиціи на два отдѣла. Но Шелеховъ внезапно умеръ въ Иркутскѣ 20-го іюля 1795 г., и тѣмъ болѣе широкое поприще открывалось Лаксману. Для предстоявшихъ ему изысканій онъ былъ вполнѣ подготовленъ прежними своими странствованіями около верховьевъ Иртыша.

Въ горномъ хребтѣ, къ югу отъ киргизскихъ степей, ни одинъ естествоиспытатель еще не бывалъ; сколько привлекательнаго для пытливаго путешественника; какихъ пріобрѣтеній по минералогіи и ботаникѣ онъ могъ ожидать! «Упомянемъ», говоритъ г. Лагусъ, «только объ одномъ: какъ было ему не надѣяться, наконецъ, на старости лѣтъ, увидѣть настоящую родину ревеня и ляписъ-лазули, двухъ произведеній, на которыя онъ издавна обратилъ особенное вниманіе, первоначальное мѣсторожденіе которыхъ онъ еще въ юности мечталъ отыскать». Но и его дни были уже сочтены.

Понятно, что обширный планъ новаго путешествія сильно интересовалъ ученыхъ собратьевъ его и возбуждалъ въ нихъ желаніе узнать поболѣе подробностей о прежнихъ обстоятельствахъ его жизни. Еще въ началѣ его поприща знаменитый шведъ Гьёрвель добивался біографическихъ о немъ свѣдѣній чрезъ финляндцевъ Портана и Калоніуса. Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, Гьёрвель обратился съ тѣмъ же запросомъ къ нему самому. Любопытный отвѣтъ Лаксмана изъ Петербурга отъ 5-го іюля 1795 года — послѣднее извѣстное намъ письмо его. Оно такъ ясно очерчиваетъ личность этого человѣка, что должно быть приведено здѣсь цѣликомъ: «Г. асессоръ и библіотекарь! Ммѣ было чрезвычайно пріятно получить ваше письмо отъ 12-го прошлаго мѣсяца. Письмо отъ такого знаменитаго ученаго, заслугамъ котораго въ дѣлѣ науки я уже много лѣтъ горячо сочувствую, неожиданно доставило мнѣ живѣйшую радость. — Чтобы описывать происшествія своей собственной жизни, свои заслуги и цѣли, на это нужно много рѣшимости, надо самому быть или Бартомъ, или героемъ съ мѣднымъ лбомъ. — Я всегда жилъ очень тихо и уединенно; но можетъ-быть ктолибо изъ немногихъ близкихъ друзей моихъ знаетъ коротко ходъ моей жизни и будетъ такъ обязателенъ, что согласится сообщить вамъ скорѣе забавные, чѣмъ важные или полезные о ней анекдоты. — Главная моя заслуга въ томъ, что я писалъ очень мало, что я сроду не имѣлъ и не имѣю покровителя, что я никогда не

просилъ за самого себя, что у меня есть нѣсколько благородныхъ друзей и довольно большая толпа завистниковъ. Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, м. г., покорнымъ слугою Э. Лаксманъ».

Вотъ послѣднія строки, оставшіяся отъ него самого. Объ отъѣздѣ его изъ Петербурга и дальнѣйшемъ путешествіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Но въ слѣдующемъ году получено неожиданное извѣстіе о его смерти въ дорогѣ. На почтовой станціи, въ 118-ти верстахъ за Тобольскомъ, надо было мѣнять лошадей. Сани стоятъ на дворѣ въ ожиданіи путешественника; наконецъ, его выносятъ, умирающаго или уже мертваго вслѣдствіе внезапнаго апоплексическаго удара. Это было 5-го января 1796 года. По соображенію означеннаго разстоянія оказывается почти несомнѣннымъ, что онъ умеръ на станціи *Дресвянской*, при рѣчкѣ Вагаѣ, впадающей въ Иртышъ. «Окрестная страна», замѣчаетъ его біографъ, «носитъ уже рѣзкій отпечатокъ сибирской природы, это – мрачный, малолюдный край, гдѣ на просторѣ бушуютъ зимнія вьюги. Но можетъ-быть въ Дресвянкѣ, какъ въ бóльшей части русскихъ деревень, есть маленькая часовня съ тихимъ кладбищемъ вокругъ нея. Тамъ, можетъ-быть, покоится прахъ неутомимаго на жизненномъ пути странника. Съ его кончиной прекратилась и самая порученная ему экспедиція; вѣроятно, къ нему еще не успѣли присоединиться предназначавшіеся въ помощь ему спутники, а сынъ его Адамъ, конечно, уже ранѣе его отправился къ своему семейству въ Игижинскъ. Извѣстіе о смерти Эрика Лаксмана пришло въ Петербургъ только мѣсяца черезъ полтора послѣ нея, вѣроятно чрезъ посредство тобольскаго губернатора. Въ Академіи наукъ оно принято было съ большимъ соболѣзнованіемъ. Въ послѣдующее время имя Лаксмана часто упоминается съ уваженіемъ въ трудахъ его бывшихъ сотоварищей. Но давнишній противникъ его Георги, говоря о немъ въ ближайшемъ трудѣ своемъ, не отдалъ ему полной справедливости и даже позволилъ себѣ недомолвки въ исчисленіи его заслугъ, напр., умолчалъ о его японскомъ путешествіи. Если Лаксманъ

не пользовался всею тою извѣстностью, какой заслуживалъ, то главною причиной было то, что самъ онъ чуждался гласности, какъ можно было видѣть уже изъ приведеннаго отвѣта его Гьёрвелю. По словамъ г. Лагуса, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ горячо преданныхъ своему дѣлу изслѣдователей, которые, довольствуясь наслажденіемъ искать и находить, тяготятся изложеніемъ добытыхъ ими результатовъ, особенно передъ такъ называемымъ «profanum vulgus». Тѣмъ не менѣе отзывъ Георги, что Лаксманъ былъ «ein träger Schriftsteller» (т. е. неохотно писалъ), требуетъ разъясненія. Правда, что онъ не оставилъ ни одного сколько-нибудь обширнаго сочиненія; но каждое изъ его немалочисленныхъ, хотя вообще и краткихъ разсужденій представляетъ что-либо новое и особенное, чѣмъ не всегда отличаются даже и объемистыя книги. Г. Лагусъ, обстоятельно указавъ въ своемъ мѣстѣ на всякое сообщеніе Лаксмана, представляетъ въ концѣ біографіи краткій перечень всѣхъ трудовъ его, писанныхъ на разныхъ языкахъ (русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и шведскомъ); большая часть ихъ напечатаны въ различныхъ періодическихъ сборникахъ. Кромѣ того, вѣрный избранному имъ еще въ молодости девизу: «nulla dies sine linea», Лаксманъ прилежно записывалъ свои наблюденія, хотя и не съ цѣлью обнародованія всѣхъ ихъ. Къ сожалѣнію, оставшееся послѣ него значительное собраніе бумагъ погибло въ пожарѣ, истребившемъ въ 1812 году бывшее его жилище.

Это обстоятельство и было причиною, почему въ рукахъ потомковъ Лаксмана не осталось никакихъ документовъ, которые могли бы служить матеріалами для его біографіи. Въ настоящее время остается въ живыхъ только одинъ внукъ нашего ученаго, Александръ Афанасьевичъ Лаксманъ, состоящій русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лиссабонѣ; отъ него г. Лагусъ могъ получить лишь краткій очеркъ біографіи дѣда его, составленный по сохранившимся въ ихъ родѣ отрывочнымъ свѣдѣніямъ и помѣщенный авторомъ разсматриваемой книги въ приложенныхъ къ ней обширныхъ примѣчаніяхъ. Тѣмъ бóльшую заслугу

должно признать за біографомъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ съ неутомимою заботливостью собиралъ матеріалы для задуманнаго имъ изслѣдованія о жизни и дѣятельности своего соотечественника. Часть ихъ была сообщаема ему въ нѣсколько пріемовъ изъ архива Академіи наукъ, которая, кромѣ того, охотно приняла на себя офиціальныя сношенія съ начальствующими въ Сибири лицами для полученія изъ тамошнихъ архивовъ свѣдѣній о Лаксманѣ. Къ сожалѣнію, приходится однакожъ прибавить, что добытое изъ этого источника оказалось весьма скуднымъ. Самые обильные результаты доставило г. Лагусу обращеніе къ шведскимъ архивамъ, откуда ему было прислано множество писемъ Эрика Лаксмана къ естествоиспытателямъ и другимъ знаменитостямъ Швеціи. Нельзя не отдать справедливости необыкновенному трудолюбію автора и въ томъ отношеніи, что онъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ прослѣдилъ содержаніе всѣхъ научныхъ трудовъ Лаксмана, хотя и относящихся къ чуждой біографу спеціальности. Впрочемъ, многосторонняя ученость г. Лагуса давно извѣстна изъ прежнихъ трудовъ его, доказывающихъ, съ какимъ интересомъ онъ умѣетъ относиться къ самымъ разнороднымъ предметамъ науки и литературы. Изъ сочиненій его ближе всѣхъ къ разбираемому подходитъ напечатанная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ біографія знаменитаго финляндца Нордстрэма, нѣкогда бывшаго профессоромъ гельсингфорскаго университета, а въ 1840-хъ годахъ переселившагося въ Швецію и недавно умершаго тамъ въ должности государственнаго архиваріуса. Во всѣхъ трудахъ г. Лагуса преобладаетъ историческое направленіе, рано пробудившееся въ немъ подъ вліяніемъ дѣятельности покойнаго отца его, занимавшаго одну изъ юридическихъ каѳедръ въ Александровскомъ университетѣ и извѣстнаго между прочимъ своею страстью къ собиранію историческихъ памятниковъ. Другую замѣчательную сторону трудовъ ученаго біографа составляетъ ихъ внѣшняя форма, художественное изложеніе, достоинство, какъ извѣстно, не всегда сопровождающее глубокія филологическія свѣдѣнія

какими отличается нашъ авторъ, знатокъ не однихъ классическихъ языковъ, но и арабскаго. Лицамъ, участвовавшимъ въ конгрессѣ оріенталистовъ, бывшемъ въ 1876 году въ Петербургѣ, памятна изящная латинская рѣчь, произнесенная г. Лагусомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ въ немъ одного изъ выдающихся представителей современной финляндской литературы, и послѣднее обширное сочиненіе его еще болѣе утвердило за нимъ право на это признаніе. Біографія Лаксмана, уже по одному содержанію своему, какъ біографія лица, дѣйствовавшаго въ Россіи и для Россіи и одно время принадлежавшаго нашей Академіи наукъ, заслуживаетъ быть переведенною на русскій языкъ. Русскіе читатели съ благодарностью оцѣнили бы заслугу писателя, возстановившаго для потомства симпатическій образъ иноплеменнаго ученаго, который, переселившись въ Россію, горячо полюбилъ ее и задачею своей жизни поставилъ служеніе новому своему отечеству изученіемъ его и распространеніемъ познаній о его естественныхъ богатствахъ.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ

за 1881 годъ.

Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1881 года.

Еще нѣсколько дней—и настоящій годъ канетъ въ вѣчность; но въ лѣтописяхъ человѣчества будетъ онъ стоять навсегда одѣтымъ въ трауръ; неизгладимо отмѣченъ въ нихъ кровавымъ пятномъ день 1 марта, повергшій всю Россію въ великую печаль и ужасъ, боль которыхъ будетъ вѣчно отзываться въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Въ этотъ скорбный день Россія лишилась своего горячо любимаго Монарха, и вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ наша Академія оплакивала своего Августѣйшаго Покровителя, непрестанно и обильно изливавшаго на нее свое благоволѣніе.

Предъ величіемъ этой утраты блѣднѣютъ тѣ потери, которыя мы испытали въ нашей ближайшей средѣ.

Смерть съ нѣкоторыхъ поръ съ какимъ-то роковымъ предпочтеніемъ поражаетъ, ударъ за ударомъ, наше Историко-Филологическое Отдѣленіе, и въ немъ особенно — разрядъ восточной словесности. Въ то время, когда еще печально чувствуется про-

бѣлъ, оставленный между нами кончиною такихъ оріенталистовъ, какъ Шифнеръ и Броссе, — намъ пришлось проводить въ могилу третьяго, заслуженнаго дѣятеля по части изученія востока, Ординарнаго Академика и Директора нашего Азіятскаго музея—Дорна [1]). Обширность и разнообразіе его учености и многочисленность оставленныхъ имъ лингвистическихъ и историческихъ трудовъ поставили его имя такъ высоко въ ряду современныхъ оріенталистовъ, что замѣстить его достойнымъ образомъ — будетъ для насъ нелегко, и едва-ли возможно.

Борисъ Андреевичъ Дорнъ родился 29 апрѣля (11 мая) 1805 г., въ небольшой деревушкѣ Шейерфельдъ, въ Саксенъ-Кобургскомъ княжествѣ. По окончаніи ученья въ Кобургской гимназіи, онъ намѣревался посвятить себя богословскимъ наукамъ, и съ этою цѣлью слушалъ университетскіе курсы въ Галле (1822 г.); но перейдя затѣмъ въ Лейпцигъ, онъ, подъ вліяніемъ извѣстнаго въ то время оріенталиста Розенмюлера, обратился съ особенною любовью къ изученію восточныхъ языковъ. Успѣхи его по этой части были столь быстры, что уже въ 1825 году, его первая работа, Commentatio de Psalterio Ethiopico, написанная имъ для полученія приватъ-доцентуры въ Лейпцигскомъ университетѣ, своими достоинствами обратила на него вниманіе спеціалистовъ, и не далѣе какъ на слѣдующій же годъ доставила ему мѣсто профессора въ Харьковѣ, на которое онъ былъ приглашенъ по рекомендаціи насадителя оріентальной науки въ Россіи — знаменитаго Френа. Довершивъ свою ученую подготовку двухлѣтнимъ путешествіемъ по Англіи и Франціи, онъ занялъ это мѣсто въ 1829 г. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Харьковѣ, онъ переселился въ Петербургъ, преподавателемъ исторіи и географіи Азіи въ Институтѣ восточныхъ языковъ, и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1839 г., по представленію того же Френа, принятъ былъ въ члены Академіи съ званіемъ Адъюнкта. Повышенный затѣмъ въ Экстраорди-

---

[1]) Скончался въ Спб., 19 мая.

нарные Академики въ 1842 г., онъ, по смерти Френа, въ 1852 г., удостоился чести быть его преемникомъ по должности Ординарнаго Академика.

Съ самаго прибытія своего въ Россію, Борисъ Андреевичъ посвятилъ всѣ свои силы служенію наукѣ и новому своему отечеству, и многолѣтняя его дѣятельность вполнѣ оправдала то довѣріе, которое было ему сдѣлано приглашеніемъ его сюда. Труды его были преимущественно направлены на изученіе азіятскихъ странъ и народовъ, сосѣднихъ съ Россіею или бывшихъ нѣкогда въ сношеніяхъ съ нею, а также на описаніе восточныхъ рукописей, монетъ и другихъ памятниковъ, которыми такъ богаты русскіе музеи и библіотеки. Этотъ характеръ дѣятельности былъ не только слѣдствіемъ офиціальнаго положенія Дорна, какъ Директора Азіятскаго музея Академіи и Хранителя восточныхъ собраній въ Императорской Публичной Библіотекѣ, но и зависѣлъ отъ искренняго убѣжденія Дорна, что его долгъ—по мѣрѣ силъ разъяснять отношенія Россіи къ Востоку. Въ обоихъ направленіяхъ онъ обогатилъ науку капитальными сочиненіями. Достаточно назвать его «Каталогъ восточныхъ рукописей и ксилографовъ Публичной Библіотеки», его «Описаніе азіятскаго музея Академіи», обширный «Сборникъ Мухамеданскихъ источниковъ для исторіи южныхъ прибрежій Каспійскаго моря» и послѣднее его сочиненіе: «Каспій, или набѣги древнихъ руссовъ въ Табаристанъ». По части лингвистики, укажемъ на изданные имъ тексты для познанія различныхъ нарѣчій Ирана и на первую изъ явившихся въ свѣтъ Афганскую хрестоматію. Но еще можетъ быть важнѣе его сочиненія по нумизматикѣ, въ особенности сассанидской, которыми онъ довершилъ труды основателя восточной нумизматики—Френа.

Надлежащая оцѣнка учено-литературныхъ работъ Бориса Андреевича принадлежитъ болѣе компетентному суду спеціалистовъ; во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ его необыкновенномъ трудолюбіи и обширной начитанности и на долго останутся богатымъ пособіемъ къ изученію востока.

Другою прискорбною и для науки, и для насъ утратою была внезапная кончина Николая Николаевича Алексѣева, адъюнкта по чистой математикѣ. Не долго покойный находился между нами, и не смотря на то успѣлъ, своимъ рѣдкимъ дарованіемъ, своими глубокими познаніями, своимъ честнымъ и прямымъ характеромъ, пріобрѣсти въ нашей средѣ самое искреннее уваженіе. Его ученые труды останутся навсегда цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ наукѣ; его учебная дѣятельность сохранится въ признательной памяти его многочисленныхъ слушателей и въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія; мы же, въ средѣ которыхъ Алексѣеву суждено было окончить дни свои, должны принести въ лицѣ его дань уваженія къ памяти не только даровитаго ученаго, всю жизнь свою трудившагося на пользу науки, но и свѣтлой личности, промелькнувшей въ нашей средѣ.

Николай Николаевичъ, происходя изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1829 г. и съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ рѣшительное влеченіе къ математическимъ занятіямъ. Оно привело его въ физико-математическій факультетъ Московскаго университета, откуда онъ вышелъ въ 1853 г. со степенью кандидата.

Съ опредѣленіемъ его вслѣдъ затѣмъ на службу въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ въ качествѣ сначала учителя, а потомъ наставника-преподавателя, открывается его педагогическое поприще, ознаменованное непрерывными трудами на пользу русскаго юношества, въ связи съ которыми шли и его кабинетныя занятія. Первые же труды, съ которыми выступилъ онъ въ печать, обратили на себя вниманіе.

Въ 1861 и 1862 гг. появились въ свѣтъ двѣ книги составленнаго имъ курса интегральнаго исчисленія. Въ первой изъ нихъ, сверхъ различныхъ пріемовъ интегрированія, впервые на русскомъ языкѣ изложенъ способъ Академика Остроградскаго для интегрированія раціональныхъ дробей; во второй, въ особенности любопытенъ принадлежащій самому автору способъ опредѣленія объема тѣлъ, ограниченныхъ линейчатыми поверх-

ностями, равно какъ и способъ компланаціи этихъ поверхностей. Это сочиненіе, которымъ впервые внесены въ русскую литературу нѣкоторые пріемы, выводы и теоріи иностранныхъ геометровъ, было встрѣчено единодушнымъ одобреніемъ со стороны спеціалистовъ и увѣнчано отъ нашей Академіи Демидовскою преміею. Занимаясь трудною теоріею элиптическихъ функцій, Алексѣевъ сообщилъ, въ 1864 г., Парижской Академіи любопытную записку о приведеніи къ канонической формѣ интеграла, содержащаго въ себѣ квадратный корень многочлена четвертой степени. Въ слѣдующемъ году является его курсъ аналитической геометріи, въ которомъ впервые по-русски изложены аналитическія начала новой геометріи Шаля, Мёбіуса и Штейнера. Къ тому же времени относятся лекціи о теоріи элиптическихъ функцій, читанныя покойнымъ по порученію Московскаго университета; составленное имъ по этому поводу руководство, къ сожалѣнію, осталось не выпущеннымъ въ свѣтъ.

Съ перемѣщеніемъ Николая Николаевича въ 1866 г. изъ Москвы въ Петербургъ, на должность инспектора класовъ 2-й С.-Петербургской военной гимназіи, когда педагогическія занятія перестали обременять его въ такой степени, какъ прежде, онъ получилъ возможность посвящать болѣе времени наукѣ. Такъ возникли двѣ записки, представленныя имъ въ Московское Математическое Общество, изъ которыхъ одна посвящена криволинейнымъ координатамъ и содержитъ въ себѣ развитіе того, что изложено авторомъ во второй книгѣ его интегральнаго исчисленія. Здѣсь, ограничиваясь только приложеніями къ геометріи, онъ вывелъ изъ этой теоріи извѣстныя теоремы Дюпена, Мёнье и Ламе и приложилъ общую теорію къ различнымъ системамъ координатъ. Во второй запискѣ Алексѣевъ предложилъ выраженіе Лежандровыхъ функцій посредствомъ опредѣленнаго интеграла болѣе простое, чѣмъ выраженіе, данное Дирекле и Гейне. Для перваго Петербургскаго съѣзда естествоиспытателей составлена имъ записка о сложеніи двухъ элиптическихъ интеграловъ съ различными модулями. Равнымъ образомъ на по-

добномъ съѣздѣ въ Москвѣ, 1869 г., Алексѣевъ явился съ разсужденіемъ объ интегрирующемъ множителѣ диференціальныхъ уравненій перваго порядка и первой степени, при чемъ указалъ остроумный способъ находить интегрирующій множитель уравненія Якоби прямо по виду коефиціентовъ даннаго уравненія. Эти труды, выказавшіе талантъ и глубокія ученыя познанія ихъ автора, доставили ему со стороны Московскаго университета званіе доктора математики.

Съ открытіемъ университета въ Варшавѣ, Николай Николаевичъ занялъ въ немъ въ 1871 г. каѳедру ординарнаго професора чистой математики. Въ теченіе шестилѣтней службы своей въ Варшавѣ, онъ читалъ аналитическую геометрію, новую геометрію, высшую алгебру, теорію опредѣленныхъ интеграловъ, интегрированіе диференціальныхъ уравненій и теорію вѣроятностей. Результатомъ этихъ лекцій было второе изданіе его курса интегральнаго исчисленія, значительно дополненное и исправленное. Однако желаніе отдохнуть отъ педагогической дѣятельности и, не развлекаясь лекціями, работать исключительно для науки, побудило его выйдти въ отставку, лишь только онъ получилъ достаточное матеріальное обезпеченіе въ пенсіи, выслуженной за двадцати-пяти лѣтній срокъ.

Разставшись съ университетомъ, Алексѣевъ издалъ курсъ интегрированія диференціальныхъ уравненій, въ которомъ содержатся нѣкоторые новые способы изложенія этого отдѣла анализа и между прочимъ обращено вниманіе на трудность опредѣленія частнаго рѣшенія линейнаго диференціальнаго уравненія съ постоянными коефиціентами въ томъ случаѣ, когда характеристическое уравненіе даетъ равные корни. Въ виду того, что способъ Коши, существующій для рѣшенія этого случая, изложенъ у Муаньо, въ его интегральномъ исчисленіи, недостаточно ясно, авторъ счелъ нужнымъ замѣнить самый способъ новымъ, основаннымъ на теоріи опредѣлителей. Вопросъ о нахожденіи уравненія, опредѣляющаго интегрирующіе множители даннаго линейнаго диференціальнаго уравненія, рѣшенъ имъ съ большою

подробностію, а интегрированіе уравненій 2 степени и 2 порядка нигдѣ не изложено съ такою подробностью, какъ въ этомъ курсѣ.

Работая надъ теоріею диференціальныхъ уравненій, Алексѣевъ представилъ Парижской Академіи Наукъ записку, въ которой предложена имъ новая теорема относительно интегрированія уравненія одного любопытнаго вида. Она обратила на себя вниманіе лучшихъ французскихъ ученыхъ, и извѣстный геометръ Гальфенъ посвятилъ ей особую записку, напечатанную въ изданіяхъ Парижской Академіи.

Всѣ эти труды, весьма естественно, открыли предъ Алексѣевымъ двери въ Академію въ то время, когда по смерти Е. И. Золотарева оказалась свободною въ ней вакансія по математикѣ.

Тотчасъ же по вступленіи въ нашу среду, онъ сообщилъ намъ двѣ замѣчательныя записки: одну — о подходящихъ дробяхъ, получаемыхъ при извлеченіи квадратнаго корня изъ цѣлаго многочлена какой либо степени, и другую — о весьма простомъ способѣ для нахожденія полныхъ интеграловъ уравненій перваго порядка съ постоянными коефиціентами.

Такъ — все давало самое несомнѣнное право ожидать еще много важныхъ трудовъ отъ Алексѣева въ то время, когда онъ, такъ сказать, достигъ цѣли своихъ желаній, т. е. когда обезпеченный въ средствахъ существованія, онъ могъ всецѣло предаться своимъ любимымъ ученымъ занятіямъ.

Но судьба рѣшила иначе. Нервный ударъ сразу пресѣкъ жизнь его на другой день послѣ страшнаго событія 1 марта. Человѣческая природа представляетъ для насъ еще столь много сокровеннаго, что медицина не всегда въ состояніи съ точностію опредѣлить настоящую причину смерти; но зная благородную и нѣжную душу Алексѣева, легко догадаться, что вѣсть объ этомъ событіи должна была глубоко потрясти его. Какъ честный человѣкъ, пламенно желавшій блага своему отечеству и согражданамъ, онъ, при свойственной ему впечатлительности,

былъ смертельно пораженъ позорнымъ пятномъ, несмываемо положеннымъ извергами на дорогое для него русское имя!...

Но не одна только наука понесла горестную утрату въ лицѣ вполнѣ даровитаго своего дѣятеля. Преждевременная смерть Николая Николаевича особенно тяжело отозвалась на самой Академіи, потерявшей въ немъ честнаго, безукоризненнаго члена, беззавѣтно преданнаго истиннымъ ея интересамъ, которые онъ понималъ съ рѣдкою проницательностію; охраненіе достоинства Академіи, на сколько допускало скромное его положеніе въ ней, было для него дѣло святое. Его сослуживцы, съ понятнымъ чувствомъ скорби, вспоминаютъ теперь о его прямодушіи, искренности, всегдашней готовности оказать услугу, помочь въ трудахъ своимъ товарищамъ, и наконецъ о теплой его отзывчивости ко всякому доброму дѣлу. Особенно грустно для Академіи терять такихъ членовъ, которые, съ извѣстнымъ именемъ въ наукѣ, соединяютъ въ себѣ и всѣ душевныя качества, какими обладалъ незабвенный нашъ товарищъ.

Кончиною двухъ Академиковъ не исчерпывается скорбный списокъ нашихъ утратъ. Изъ числа нашихъ Почетныхъ Членовъ и Членовъ-Кореспондентовъ скончались: Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій, съ именемъ котораго связана исторія расширенія русскихъ границъ на крайнемъ востокѣ[1]); Владиміръ Петровичъ Бутковъ, одинъ изъ выдающихся участниковъ въ дѣлѣ великихъ реформъ минувшаго царствованія[2]); Василій Васильевичъ Григорьевъ, старѣйшій изъ русскихъ оріенталистовъ, извѣстный въ литературномъ мірѣ по своей дѣятельности въ качествѣ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати[3]); Николай Ивановичъ Пироговъ — великій хирургъ и анатомъ, одна изъ самыхъ крупныхъ личностей въ русской наукѣ[4]); Карлъ Ѳедоровичъ Кесслеръ — многозаслуженный професоръ и неуто-

---

[1]) Ум. въ Парижѣ, 19 ноября.

[2]) Ум. въ Москвѣ, 28 марта.

[3]) Ум. въ Спб., 19 декабря.

[4]) Ум. 23 ноября, въ своемъ имѣніи Вишни, близъ Винницы.

мимый изслѣдователь въ области ихтіологіи [1]) — и столь недавно сошедшій въ могилу — статсъ-секретарь Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, котораго многочисленные и важные политико-экономическіе и статистическіе труды останутся на всегда памятниками его честнаго служенія дѣлу науки и его постояннаго стремленія — быть полезнымъ отечеству и просвѣщенію [2]). Между иностранными членами кореспондентами Академіи не стало знаменитаго ботаника Шлейдена [3]), многозаслуженнаго французскаго химика Генриха Сентъ-Клеръ-Девиля [4]) и двухъ отличныхъ германскихъ филологовъ Адальберта Куна [5]) и Генриха-Лудольфа Аренса [6]).

Слѣдуя указаніямъ нашего устава, имѣю честь представить вниманію Вашему обзоръ тѣхъ трудовъ, въ которыхъ главнымъ образомъ выражается дѣятельность Академіи и которые были предметомъ чтеній и сужденій въ нашихъ засѣданіяхъ.

По математикѣ, нашъ Вице-Президентъ, Академикъ В. Я. Буняковскій, занимаясь изслѣдованіемъ десятичныхъ дробей особаго рода, названныхъ имъ возвратными, сообщилъ нѣкоторые изъ результатовъ этого изслѣдованія [7]). Поводомъ къ этому сообщенію послужила записка извѣстнаго германскаго математика Ѳ. Шлемильха объ одномъ любопытномъ свойствѣ особой категоріи цѣлыхъ чиселъ. Въ читанной г. Буняковскимъ запискѣ изложены интересные для теоріи чиселъ выводы, относящіеся собственно къ одному изъ видовъ возвратныхъ десятичныхъ дробей, существенно отличныхъ, по своему происхожденію, отъ дробей Шлемильха; дроби г. Буняковскаго пользуются свойствами дробей Шлемильха и сверхъ того представляютъ новыя любопытныя особенности.

---

[1]) Ум. въ Спб., 3 марта.

[2]) Ум. въ Спб., 24 декабря.

[3]) Ум. во Франкфуртѣ на М. 11—23 іюня.

[4]) Ум. 1 іюля н. ст., въ Булони на Сенѣ, близъ Парижа.

[5]) Ум. въ Берлинѣ, 5 мая н. ст.

[6]) Ум. въ Гановерѣ, 24 сентября н. ст.

[7]) Читано 28 апрѣля. Bulletin XXVII, 362.

Ученому свѣту извѣстны прекрасныя изысканія Академика П. Л. Чебышева о простѣйшихъ составчатыхъ механизмахъ, дающихъ приближенно прямолинейное движеніе. Важность предмета для механики побудила нашего многоуважаемаго сочлена продолжать эти изысканія, и новымъ плодомъ ихъ въ настоящемъ году явилась записка о простѣйшихъ паралелограмахъ, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ точностію до 4-й степени[1]). Здѣсь предложено средство къ опредѣленію всѣхъ механизмовъ этого рода и указаны тѣ измѣненія, какія можно дѣлать во всѣхъ простѣйшихъ паралелограмахъ, безъ измѣненія степени точности, съ которою они даютъ прямолинейное движеніе.

Изъ посторонниxъ ученыхъ, украсили наши изданія професоръ Дерптскаго университета П. П. Гельмлингъ мемуаромъ о найденныхъ имъ новыхъ пріемахъ интегрированія[2]), и молодой финляндскій математикъ, докторъ Гельсингфорскаго университета Бонсдорфъ запискою объ одномъ новомъ конексѣ въ пространствѣ[3]).

Для астрономовъ, нынѣшній годъ представилъ особый интересъ по изобилію появлявшихся кометъ, изъ которыхъ не менѣе семи были предметомъ тщательныхъ наблюденій, и въ томъ числѣ по крайней мѣрѣ три заслуживаютъ особеннаго вниманія. Блестящая комета, появившаяся въ началѣ мая на южномъ небѣ и видѣнная за тѣмъ и въ нашихъ широтахъ, представляла, по элементамъ своего движенія, такое сходство съ знаменитою кометою 1807 года, что само собою являлось предположеніе о тождественности двухъ свѣтилъ; но по вычисленію 8-ми мѣсячныхъ наблюденій, которыя удалось сдѣлать надъ кометою нынѣшняго года, обнаружились столь слабые слѣды отклоненія отъ параболическаго движенія, что предположеніе о тождественности не подтвердилось. По этому остается отнести эти двѣ кометы къ числу двойныхъ кометъ, движущихся по близко совпадающимъ орбитамъ,

---

1) Чит. 24 ноября — Записки Академіи.

2) Чит. 31 марта. — Mém. XXIX, № 2.

3) Чит. 29 сентября — Bull. XXVII, 560.

чему мы имѣемъ уже нѣсколько примѣровъ между телескопическими кометами. Упомянутая комета хотя теперь уже далеко ушла отъ земли, однако еще наблюдается, и лишь по окончаніи и сведеніи всѣхъ наблюденій можно будетъ вѣрно судить о ея движеніи.

Другая комета, движущаяся также по приблизительно параболической орбитѣ, видна была у насъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ довольно значительномъ блескѣ. Произведенныя г. Гассельбергомъ спектроскопическія наблюденія этихъ двухъ свѣтлыхъ кометъ снова доказали вѣрность прежнихъ его заключеній о составѣ кометъ преимущественно изъ углеводородныхъ соединеній [1]).

Въ августѣ ожидалось возвращеніе періодической кометы Энке, такъ много занимающей астрономовъ. Въ видѣ приготовленія къ этому возвращенію, адъюнктъ-астрономомъ Пулковской Обсерваторіи г-мъ Баклундомъ была строжайшимъ образомъ вычислена эфемерида, представившая въ настоящемъ случаѣ особенныя затрудненія по причинѣ огромныхъ возмущеній, которымъ комета подверглась отъ близости Юпитера во время послѣдняго своего обращенія [2]). Открытая при помощи этой эфемериды въ послѣднихъ числахъ августа комета вполнѣ подтвердила точность вычисленій г. Баклунда; оказавшееся небольшое отклоненіе объясняется тѣмъ, что принятое въ расчетъ, на основаніи прежнихъ вычисленій, вліяніе противодѣйствующей среды не оправдалось. Дальнѣйшія изслѣдованія нашего даровитаго астронома показали [3]), что нынѣшнія наблюденія кометы вполнѣ согласуются съ теоріею, если принять, что во время послѣдняго обращенія кометы противодѣйствующая среда совершенно не имѣла вліянія. Сравнивъ этотъ выводъ съ подобными же аномаліями прежнихъ появленій и разсмотрѣвъ, какое вліяніе противодѣйствующая среда должна имѣть на элементы движенія, г. Баклундъ пришелъ къ заключенію, что до сихъ поръ въ появленіяхъ

---

[1]) Чит. 25 августа — Bull. XXVII, 417.
[2]) Чит. 12 мая — Bull. XXVII, 401.
[3]) Чит. 24 ноября — Bull. XXVIII, 132.

этой кометы мы не имѣемъ несомнѣннаго доказательства существованія въ солнечной системѣ такой сопротивляющейся среды, которая оказывала бы свое вліяніе согласно гипотезѣ Энке. Нужны другія допущенія о силахъ, производящихъ замѣченныя ускоренія въ движеніи этой кометы; но какого они рода, объ этомъ можно будетъ сдѣлать положительныя заключенія лишь когда теоретическое выраженіе этихъ силъ будетъ ближе изслѣдовано.

По настоящее время подобныя изслѣдованія были произведены надъ движеніемъ почти одной только кометы Энке. Въ нынѣшнемъ году мы узнали еще одну періодическую комету, которая, по нынѣшнему положенію своей орбиты, на столько можетъ приближаться къ планетамъ Землѣ, Венерѣ и Юпитеру, что по временамъ притяженіе этихъ планетъ на комету могло бы превосходить притяженіе солнца. При такихъ обстоятельствахъ эта комета несомнѣнно представитъ любопытнѣйшія задачи для изслѣдованій по небесной механикѣ.

Переходя къ звѣздной астрономіи мы, во-первыхъ, должны упомянуть здѣсь о трудѣ Людвига Оттоновича Струве, сына нашего академика, о движеніяхъ двойной звѣзды Σ. 60 = η Cassiopejae [1]). Сопоставивъ выведенную имъ изъ Дерптскихъ и Пулковскихъ измѣреній орбиту спутника съ обнаружившеюся, преимущественно изъ наблюденій г. Вагнера, неравномѣрностью собственнаго движенія главной звѣзды, г. Струве нашелъ, что эта неравномѣрность хорошо объясняется движеніемъ главной звѣзды около центра тяжести системы, если приписать спутнику массу лишь втрое или вчетверо меньше массы главной звѣзды. Этотъ случай представляетъ второй примѣръ явленія, впервые обнаружившагося въ Сиріусѣ, именно что масса спутника значительно больше той, которую слѣдовало бы приписать ему, судя по относительному блеску обѣихъ звѣздъ.

Упомянутая статья Л. Струве дала поводъ отцу его къ

---

[1]) Чит. 28 апр. — Bull. XXVII, 369.

дальнѣйшему изслѣдованію систематическихъ погрѣшностей въ его измѣреніяхъ двойныхъ звѣздъ. Въ представленной Академіи запискѣ [1]), г. Струве доказываетъ, что вообще эти погрѣшности оставались у него постоянными въ продолженіе 30 лѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что онѣ въ измѣренныхъ разстояніяхъ, придерживаясь общаго закона, значительно измѣняются, смотря по состоянію атмосферы во время наблюденій.

Въ этомъ году появился также въ печати второй томъ систематическаго каталога библіотеки Пулковской Обсерваторіи, обработанный г. Линдеманомъ по примѣру изданнаго Академіею Наукъ въ 1860 г. перваго тома. Несомнѣнно, Пулковская Библіотека принадлежитъ къ богатѣйшимъ спеціальнымъ библіотекамъ, и систематическій каталогъ ея составляетъ одно изъ полезнѣйшихъ пособій для всѣхъ ученыхъ, занимающихся литературою и исторіею астрономіи. Въ этотъ томъ вошли какъ вообще приращенія библіотеки до новѣйшаго времени, такъ въ частности значительныя обогащенія ея изданіями прошлыхъ вѣковъ. Пришлось также прибавить въ этомъ томѣ нѣсколько новыхъ отдѣловъ противъ перваго тома, соотвѣтствующихъ создавшейся въ послѣднее время новой отрасли астрономіи, именно занимающей столь многихъ ученыхъ — астрофизикѣ.

Едва-ли для какой нибудь другой науки необходимы такія разностороннія знанія, какихъ требуетъ успѣшная разработка астрофизики. Если съ одной стороны для удовлетворительнаго рѣшенія представляющихся въ этой области вопросовъ нужно близкое знакомство съ тончайшими математическими теоріями физическихъ явленій — термическихъ, оптическихъ, электрическихъ и пр., то для изслѣдованій о природѣ небесныхъ тѣлъ и для сравненія ихъ съ земными явленіями труды астрофизика должны распространяться также на химическое изслѣдованіе земныхъ веществъ и на зависимость наблюдаемыхъ въ спектроскопъ явленій отъ физическихъ условій, которымъ подвергнуты изслѣдуемыя

---

[1]) Чит. 22 дек. — Bull.

вещества. Къ послѣднему направленію принадлежитъ новое сочиненіе г. Гассельберга о спектроскопіи маталоидовъ [1]), которое между прочимъ доказываетъ, что видъ спектровъ простыхъ газовъ значительно измѣняется въ крайне разрѣженномъ воздухѣ, смотря потому, какіе способы и снаряды употребляются при опытахъ. Эти изслѣдованія ясно указываютъ на то, что астрофизическіе способы наблюденій еще требуютъ значительныхъ усовершенствованій, прежде чѣмъ можно будетъ съ полною увѣренностью судить по видимымъ явленіямъ о свойствахъ небесныхъ тѣлъ, и придать астрофизическимъ изслѣдованіямъ ту же степень точности, какая достижима въ другихъ частяхъ астрономіи.

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ небесной механики послужила предметомъ записки Акад. Савича [1]), который далъ въ ней обозрѣніе разныхъ способовъ къ нахожденію частныхъ возмущеній въ движеніи планеты или кометы помощію механическихъ квадратуръ; при этомъ онъ предложилъ преобразованіе способа Лапласа для удобнѣйшаго вычисленія пертурбаціи по радіусу вектору, долготѣ и широтѣ. Тотъ же Академикъ, продолжая свои наблюденія надъ планетами со старинной Академической Обсерваторіи, считавшейся за полтораста лѣтъ предъ симъ одною изъ лучшихъ въ Европѣ, сообщилъ намъ выводы изъ наблюденій, произведенныхъ имъ съ этой обсерваторіи въ теченіе 1880 г., надъ Вестой, Сатурномъ и Нептуномъ во время ихъ противостояній [2]).

Академикъ Г. И. Вильдъ главнымъ образомъ занимался задачами земнаго магнетизма. Продолжая свои прежнія обширныя экспериментальныя изслѣдованія объ опредѣленіи абсолютнаго наклоненія помощію индукціоннаго инклинатора, онъ нашелъ въ настоящее время такой способъ употребленія этого прибора для наблюденій, при которомъ не только устраняются всѣ указанные прежде нашимъ физикомъ источники погрѣшностей, но и дости-

---

[1]) Чит. 28 апр.—Bull. XXVII, 405.
[2]) Чит. 22 дек. — Записки Акад.
[3]) Чит. 17 марта. — Bull. XXVII, 319.

гается гораздо высшая степень точности измѣреній, такъ что абсолютное наклоненіе земнаго магнетизма можетъ быть опредѣляемо почти съ такою же точностью, съ какою опредѣляется склоненіе [1]).

Съ учрежденіемъ Павловской Обсерваторіи и съ перенесеніемъ туда изъ Петербурга магнитныхъ наблюденій весьма интересныхъ представлялось узнать, какая разница въ элементахъ земнаго магнетизма оказывается изъ наблюденій этихъ двухъ столь близкихъ между собою мѣстъ. Сдѣланное г. Вильдомъ весьма точное сравненіе наблюденій, произведенныхъ въ Павловскѣ съ 1878 г., съ наблюденіями, веденными до того времени въ Петербургѣ, привело къ тому положительному заключенію, что въ наблюденіяхъ прежней магнитной обсерваторіи въ столицѣ, условія мѣстности оказывали весьма замѣтное вліяніе на всѣ три элемента земнаго магнетизма [2]). Этотъ выводъ неопровержимымъ образомъ подкрѣпляетъ тѣ соображенія, которыя руководили перенесеніемъ этихъ наблюденій въ Павловскъ.

Изученіе магнитной бури 11—14 августа 1880 г., т. е. перваго большаго возмущенія наступающей эпохи наибольшаго количества солнечныхъ пятенъ и сѣверныхъ сіяній, произведенное г. Вильдомъ на основаніи показаній магнитографовъ въ Павловскѣ, въ Кью близъ Лондона, въ Зикавеи (Китаѣ), и въ Мельбурнѣ, обнаружило, вопреки существующимъ доселѣ воззрѣніямъ по этому предмету, весьма сильныя возмущенія не только направленія, но и напряженности земнаго магнетизма, и связь этихъ возмущеній съ нормальными суточными періодами всѣхъ трехъ элементовъ. Эти факты и вычисленіе вѣроятнаго прямаго магнитнаго дѣйствія, оказываемаго солнцемъ на землю, дали г. Вильду возможность внести важныя дополненія и разъясненія въ существующія теоріи магнитныхъ возмущеній [3]).

---

1) Читано 31 марта. Bulletin, XXVII, 320.
2) Читано 3 марта.—Bulletin, XXVII, 300.
3) Чит. 3 февраля. Bull. XXVII, 283.

Изслѣдованіе о второй магнитной бурѣ, продолжавшейся съ 30 января по 1 февраля, начатое г. Вильдомъ на основаніи гораздо болѣе обширнаго матеріала, а именно показаній магнитографа на 12 обсерваторіяхъ, привело его къ разысканію о необходимой степени чувствительности магнитныхъ варіаціонныхъ апаратовъ. Плодомъ этой работы было предложеніе опредѣленныхъ правилъ въ замѣнъ существовавшаго до сихъ поръ произвола въ этомъ отношеніи. Эти правила пріобрѣтаютъ теперь особенное значеніе въ виду предстоящихъ съ будущаго года одновременныхъ магнитныхъ наблюденій на международныхъ полярныхъ станціяхъ и на прочихъ магнитныхъ обсерваторіяхъ всего земнаго шара[1]).

Изученіе земнаго магнетизма получило еще прекрасное приращеніе въ изслѣдованіи полковника генеральнаго штаба А. Тилло о географическомъ распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи магнитнаго наклоненія и склоненія въ Европейской Россіи. За неимѣніемъ для нашего отечества магнитной карты, какія уже составлены для большей части странъ, необходимость до сихъ поръ заставляла, въ случаѣ надобности, прибѣгать къ общимъ картамъ, которыя, какъ обнимающія собою большія пространства земной поверхности, начерчены въ маломъ масштабѣ, недостаточномъ для нѣкоторыхъ практическихъ цѣлей и недопускающемъ многихъ интересныхъ подробностей. Большое число новыхъ магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Россіи въ послѣднія десять лѣтъ разными изслѣдователями и въ особенности И. Н. Смирновымъ, къ сожалѣнію столь рано похищеннымъ смертью, представляло собою драгоцѣнный матеріалъ для спеціальной и болѣе точной карты магнитныхъ линій въ Россіи. По этому нельзя не благодарить г. Тилло, который старательно собралъ всѣ произведенныя доселѣ магнитныя наблюденія и, подвергнувъ ихъ обработкѣ, составилъ карту изогоническихъ и изоклиническихъ линій для европейской Россіи и для эпохи 1880 г. При этомъ онъ

---

[1]) Чит. 10 ноября. — Bull. XXVIII, 30.

точнѣе опредѣлилъ вѣковое измѣненіе элементовъ земнаго магнетизма, какъ функцію времени и особенно мѣста. Вслѣдствіе этого и благодаря богатству основнаго матеріала наблюденій, новыя, болѣе точныя карты представляютъ собою немаловажныя разницы съ общими картами. Въ заключеніе г. Тилло обозрѣваетъ болѣе значительныя аномаліи въ распредѣленіи земнаго магнетизма, обнаруженныя его изысканіемъ [1]).

Достиженіе большей степени точности магнитныхъ наблюденій было цѣлью изслѣдованія молодаго физика О. Д. Хвольсона, который занялся точнѣйшимъ опредѣленіемъ ошибокъ, зависящихъ отъ несвоевременности при употребленіи способовъ Вебера для измѣренія мгновенныхъ электрическихъ токовъ, и указалъ обстоятельства, при которыхъ подобныя ошибки, по возможности, устраняются, или которыя могутъ вообще служить для достиженія большей точности [2]).

Тотъ же ученый, опредѣляя вліяніе разныхъ условій на сопротивленіе гальваническихъ проводниковъ, сообщилъ намъ выводы изъ своихъ изысканій о дѣйствіи въ этомъ случаѣ давленія, производимаго на металическія проволоки, равно какъ и растягиванія ихъ [3]).

Утвердившееся повсюду сознаніе тѣсной взаимной связи между атмосферными явленіями на всемъ земномъ шарѣ было одною изъ главныхъ причинъ чрезвычайнаго повсюду развитія метеорологическихъ наблюденій. Рядомъ съ этимъ, все болѣе и болѣе выказывалась потребность, чтобы наблюденія, производимыя въ каждой странѣ, были сколь возможно своевременнѣе провѣряемы, вычисляемы, печатаемы и разсылаемы въ спеціальныя ученыя учрежденія, дабы такимъ образомъ можно было извлекать изъ нихъ наибольшую пользу для изслѣдованія законовъ воздушныхъ явле-

---

[1]) Чит. 25 августа; появится въ Метеорол. Сборникѣ.

[2]) Чит. 20 января. Bull. t. XXVII, стр. 265.

[3]) Двѣ записки объ этомъ предметѣ чит. 20 января и 8 декабря.; появятся въ Бюлетенѣ.

ній, столь тѣсно связанныхъ съ интересами человѣчества. Съ неослабнымъ усердіемъ стремясь къ достиженію этой цѣли, Главная Физическая Обсерваторія можетъ, по всей справедливости, служить примѣромъ для другихъ подобныхъ учрежденій въ отношеніи полноты и скорости, съ какими она доводитъ, посредствомъ своихъ Лѣтописей, до свѣдѣнія ученыхъ результаты наблюденій, произведенныхъ въ Россіи. Такъ уже въ началѣ декабря настоящаго года, намъ были представлены оконченные печатаніемъ два тома Лѣтописей Обсерваторіи, содержащіе въ себѣ сводъ и обработку какъ метеорологическихъ, такъ и магнитныхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ теченіе прошедшаго года на всемъ пространствѣ имперіи.

Обильный запасъ метеорологическихъ данныхъ, сосредоточивающихся въ Главной Физической Обсерваторіи, и въ настоящемъ году, подобно предыдущимъ, доставилъ матеріалъ для нѣсколькихъ ученыхъ работъ. Такъ, помощникъ директора этой Обсерваторіи, М. А. Рыкачовъ ближайшимъ образомъ изучилъ штормовые вѣтра въ Бѣломъ морѣ и тѣмъ дополнилъ прежній свой трудъ о распредѣленіи средняго направленія вѣтровъ въ этомъ басейнѣ [1]). Г. Шпиндлеръ опредѣлилъ пути, по которымъ движутся тифоны въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ [2]). Г. Штеллингъ, при помощи теоретическихъ соображеній, вывелъ формулу для выраженія зависимости испареній воды какъ отъ ея температуры, такъ и отъ влажности и движенія воздуха. При помощи этой формулы, можно будетъ впредь вычислять величины испаренія въ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ влажности воздуха и силы вѣтра, извѣстна еще температура воды на испаряющейся поверхности. Съ этой точки зрѣнія, наблюденія надъ температурою воды получаютъ новое значеніе при томъ обстоятельствѣ, что производство ихъ несравненно легче, чѣмъ измѣреніе количества испаренія [3]). Тотъ же ученый, точнымъ образомъ опредѣлилъ

---

1) Чит. 12 мая; появится въ Метеоролог. Сборникѣ.
2) Чит. 17 февраля; появится въ Метеоролог. Сборникѣ.
3) Чит. 29 сентября; появится въ Метеорол. Сборникѣ.

абсолютную величину испаренія воды съ открытой поверхности, на основаніи наблюденій Павловской обсерваторіи [1].

Въ заключеніе обзора трудовъ по физикѣ, упомянемъ о сдѣланныхъ нашимъ членомъ кореспондентомъ Р. Э. Ленцемъ весьма точныхъ выводахъ относительно термическаго расширенія морской воды различной насыщенности [2], и о двухъ запискахъ академика А. М. Бутлерова, въ которыхъ онъ сообщаетъ свои опыты, предпринятые для повѣрки предположеній Карнелея относительно явленій во льдѣ, подвергнутомъ, какъ онъ назвалъ, «критическому давленію» [3].

По части химіи, знатоки этой науки, конечно, прочтутъ съ интересомъ въ нашихъ изданіяхъ записку члена кореспондента Академіи Н. Н. Бекетова объ образованіи и свойствахъ безводной окиси натрія [4], изслѣдованіе другаго нашего члена кореспондента К. Г. Шмидта объ образцахъ воды, привезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ его Тибетскаго путешествія [5] и разсужденіе лаборанта нашей химической лабораторіи А. Загуменнаго объ ароматическихъ пинаколинахъ и пинаконахъ [6].

Труды Академиковъ по минералогіи и палеонтологіи, какъ и постоянно прежде, имѣли предметомъ точнѣйшее изученіе ископаемыхъ богатствъ Россіи.

Академикъ Н. И. Кокшаровъ продолжалъ трудиться надъ своимъ обширнымъ сочиненіемъ о минералогіи Россіи, которое онъ довелъ почти до конца VIII тома, и сообщилъ намъ результаты своихъ гоніометрическихъ изысканій надъ кристалами датолита, амфибола и вакелинита [7].

Академикъ Г. П. Гельмерсенъ совершилъ, по Высочайшему повелѣнію, поѣздку по губерніямъ: Рязанской, Тульской и

---

[1]) Чит. 22 дек. Метеор. Сборн.,

[2]) Чит. 12 мая. Mém. de l'Acad. XXIX, № 4.

[3]) Чит. 3 и 17 февраля. Bull. XXVII, 273.

[4]) Чит. 8 декабря. — Mém. XXX, № 2.

[5]) Чит. 29 сентября.—Bull. XXVIII, 1.

[6]) Чит. 31 марта; Записки Акад.

[7]) Чит. 27 октября —Bull. XXVIII, 15.

Калужской, для повѣрки геологической карты Подмосковнаго каменно-угольнаго басейна, составленной по его инструкціи и подъ его руководствомъ. Геологическою съемкою дознано, что этотъ басейнъ гораздо пространнѣе, чѣмъ доселѣ полагали, занимая собою до 41,000 верстъ, и что пласты каменнаго угля залегаютъ здѣсь не только въ самомъ нижнемъ горизонтѣ нижняго яруса каменноугольной формаціи, но и въ высшемъ горизонтѣ того же яруса. Составленная подробная, въ четырехверстномъ масштабѣ, геологическая карта этого басейна и богатая, собранная въ немъ колекція горныхъ породъ и окаменѣлостей, обработываемая нынѣ горными инженерами, дадутъ твероое основаніе для горной практики, которая быстро развивается въ сказанномъ басейнѣ. Ежегодная добыча здѣсь угля, не превышавшая лѣтъ 10-ть тому назадъ 630 т. пудовъ, достигла теперь до 29.000,000 пуд. употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ центральной Россіи, при чемъ спросъ на каменный уголь столь быстро увеличивается, что Подмосковному басейну предстоитъ въ недалекомъ будущемъ превратиться въ горнозаводскую область съ первостепеннымъ значеніемъ для Средней Россіи.

По всеподданнѣйшему докладу г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ о результатахъ сдѣланной нашимъ сочленомъ провѣрки карты этого басейна, Государь Императоръ соизволилъ Высочайше повелѣть выразить г. Гельмерсену благодарность отъ имени Его Величества.

Колебанія земной коры, замѣчаемыя время отъ времени въ Прибалтійской силурійской области, представляются явленіемъ тѣмъ болѣе любопытнымъ, что оно происходитъ въ странѣ, не имѣющей никакихъ слѣдовъ волканизма и не содержащей въ себѣ горныхъ породъ, извергнутыхъ изъ земной внутренности. Г. Гельмерсенъ сообщилъ намъ, въ особой запискѣ[1]), собранныя имъ мѣстныя свѣдѣнія о явленіяхъ этого рода, бывшихъ въ разныхъ

[1]) Чит. 10 ноября; появится въ Бюлетенѣ.

мѣстахъ Петербургской и Прибалтійскихъ губерній, и заявилъ о приготовляемомъ имъ сводѣ извѣстій о землетрясеніяхъ въ другихъ частяхъ Европейской Россіи.

Академикъ Ѳ. Б. Шмидтъ окончилъ въ нынѣшнемъ году печатаніемъ первую часть своего многолѣтняго труда о нашихъ силурійскихъ трилобитахъ, и въ ней далъ общее геологическое изображеніе силурійской системы въ губерніяхъ С.-Петербургской, Эстляндской и Лифляндской и подробное описаніе трехъ, встрѣчающихся здѣсь семействъ трилобитовъ: Phacopidae, Cheiruridae и Encrinaridae, при чемъ описано 60 видовъ, и въ томъ числѣ 20 новыхъ. Въ этой работѣ мы въ первый разъ получаемъ полную геологическую картину всего пространства нашей силуріи, начертанную почти исключительно на основаніи собственныхъ самостоятельныхъ наблюденій и изслѣдованій автора. Еще никто изъ ученыхъ до него не имѣлъ въ своихъ рукахъ такого богатаго матеріала для познанія силурійскихъ окаменѣлостей, хотя многіе изъ палеонтологовъ нашихъ уже занимались этою спеціальностью, но только по отдѣльнымъ, частнымъ или публичнымъ, колекціямъ. Монографія же г. Шмидта есть плодъ внимательнаго изученія всей совокупности существующихъ доселѣ матеріаловъ, разбросанныхъ по различнымъ музеямъ, въ разныхъ городахъ и во многихъ частныхъ собраніяхъ, изъ которыхъ ему, какъ извѣстному уже знатоку силурійскихъ окаменѣлостей, были съ полною готовностью передаваемы всѣ нужные ему предметы. Но не довольствуясь тѣмъ, что никакая изъ сдѣланныхъ въ Россіи находокъ не ускользнула отъ него, онъ старательно ознакомился со всѣми иностранными силурійскими колекціями, особенно скандинавскими, германскими и англійскими, изъ которыхъ ему былъ доставленъ значительный матеріалъ для сравненія. Важнымъ дополненіемъ колекцій, собранныхъ у насъ изъ силурійскихъ отложеній, послужили нашему геологу составленныя въ Сѣверной Германіи собранія силурійскихъ окаменѣлостей изъ эратическихъ валуновъ, которыхъ коренное мѣсто происхожденія нужно искать именно въ нашихъ силурійскихъ

пластахъ, отъ которыхъ они были оторваны во время дѣйствія ледянаго періода и перенесены на югъ. Г. Шмидтъ старательно прослѣдилъ каждый родъ трилобитовъ черезъ всѣ пласты нашей силуріи, изучая всѣ видоизмѣненія ихъ въ пространствѣ и во времени. Такой пріемъ оказался тѣмъ плодотворнѣе по результатамъ, что собственно нижнесилурійскіе пласты, самые богатые трилобитами, развиты у насъ полнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и могутъ служить пособіемъ для изученія силурійской формаціи въ другихъ странахъ, какъ это еще недавно было указано извѣстнымъ геологомъ и палеонтологомъ Фердинандомъ Ремеромъ.

Въ настоящее время г. Шмидтъ трудится надъ продолженіемъ своей монографіи о трилобитахъ, по окончаніи которой онъ, для довершенія своей громадной работы, перейдетъ къ другимъ класамъ животныхъ остатковъ силуріи.

Ученому міру извѣстны многочисленные труды нашего ботаника К. И. Максимовича, посвященные флорѣ русской и преимущественно азіятской. Продолжая свои занятія по этой части, онъ представилъ въ обширномъ мемуарѣ первыя монографіи двухъ родовъ Coriaria и Ilex и описалъ, какъ новый родъ, Monochasma, вмѣстѣ съ близкими къ нему родами Bungea и Cymbaria [1]). Независимо отъ того, къ ряду статей, печатаемыхъ имъ подъ общимъ названіемъ: діагнозы новыхъ азіятскихъ растеній, онъ присоединилъ четвертый выпускъ, посвященный преимущественно колекціямъ г. Пржевальскаго, описавъ при этомъ сто новыхъ видовъ и пять новыхъ родовъ. Въ числѣ этихъ растеній особое вниманіе заслуживаетъ одно — Circaeaster, найденное въ Ганьсу, и которое г. Максимовичъ признаетъ за типъ особеннаго семейства. Кромѣ растеній Пржевальскаго, въ новомъ выпускѣ діагнозъ г. Максимовича, отчасти разработаны и собственныя его колекціи, въ томъ числѣ Celastrineae, Hyperi-

---

[1]) Чит. 26 мая. Mémoires XXIX, № 3.

cum, Ficus и др., при чемъ сообщены перечни и діагнозы всѣхъ ихъ видовъ, растущихъ въ восточной Азіи [1]).

Къ отдѣлу же ботаники можно отнести записку Θ. Кеппена о распространеніи колючки (Xanthium spinosum) въ Россіи, съ краткими замѣчаніями о нѣкоторыхъ другихъ сорныхъ растеніяхъ южныхъ губерній [2]).

По растительной физіологіи, Адъюнктъ Фаминцынъ окончилъ составленіемъ обширное сочиненіе объ обмѣнѣ веществъ и о превращеніи энергіи въ растеніяхъ. Подвергнувъ критическому пересмотру существующіе доселѣ взгляды на основные вопросы теоріи о питаніи растеній, авторъ, при помощи своихъ опытовъ, проводитъ свой собственный, новый взглядъ на этотъ предметъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ установить болѣе тѣсную паралель между растеніями и животными [3]).

Академикъ Штраухъ, за которымъ многочисленные труды его по эрпетологіи упрочили выдающееся мѣсто въ ряду современныхъ зоологовъ, былъ занятъ въ послѣднее время спеціальнымъ изученіемъ семейства Амфисбенидъ, составляющаго, такъ сказать, переходъ отъ ящерицъ къ змѣямъ, не только по наружному виду, но и по нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ. Приготовляя обширную монографію этого, во многихъ отношеніяхъ любопытнаго семейства, онъ собралъ для нея матеріалы въ возможной полнотѣ, которая одна даетъ основу къ надежнымъ заключеніямъ и обобщеніямъ. Не огранившись изученіемъ колекцій нашего богатаго Музея, а равно университетскихъ собраній въ Петербургѣ, Дерптѣ и Варшавѣ, г. Штраухъ въ двукратной поѣздкѣ своей въ 1870 и 1879 гг. за границу, извлекъ изъ всѣхъ, можно сказать, сколько нибудь замѣчательныхъ музеевъ Германіи, а также Парижа и Лондона, все то, что въ нихъ нашлось полезнаго и поучительнаго для его монографіи. Это дало ему возможность изучить этихъ животныхъ,

---

[1]) Чит. 26 мая.—Bull. XXVII, 425.

[2]) Чит. 20 января.—Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, VI, 1.

[3]) Чит. 22 дек. Появится въ Запискахъ Академіи.

въ настоящее время еще довольно рѣдкихъ во всѣхъ музеяхъ, по 427 экземплярамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разъяснилъ неточности въ описаніи этихъ животныхъ у разныхъ авторовъ, помощью осмотра тѣхъ самыхъ экземпляровъ, на которыхъ они основывались. Неуспѣвъ еще довести до конца составленіе этой обширной монографіи, г. Штраухъ сообщилъ намъ пока извлеченіе изъ нея [1]), въ которомъ онъ объясняетъ принятую имъ класификацію и представляетъ двѣ дихотомическія таблицы для опредѣленія родовъ, составляющихъ семейства Amphisbaena и Lepidosternon, а также систематическое, съ критическими замѣчаніями, исчисленіе извѣстныхъ доселѣ 49 видовъ этого семейства, изъ которыхъ 8 оказались новыми, и наконецъ списокъ Амфисбенидъ академическаго музея.

Изученіе мѣстныхъ фавнъ, кромѣ частнаго интереса для извѣстной страны или области, имѣетъ еще и болѣе общее значеніе для науки, потому что доставляетъ самыя надежныя основы для изслѣдованія географическаго распространенія животныхъ. Россія, при обширности ея протяженія и разнообразіи физико-географическихъ и климатическихъ условій, особенно нуждается въ возможно-точныхъ и подробныхъ изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей. Какъ это ни странно, а наши ближайшія окрестности далеко не принадлежатъ къ наиболѣе изслѣдованнымъ мѣстностямъ Россіи, — даже и по столь излюбленной части зоологіи, какова орнитологія. Правда, есть нѣсколько спеціальныхъ сочиненій и по этой части, но въ нихъ нѣтъ именно того, что главнымъ образомъ слѣдуетъ требовать отъ подобныхъ трудовъ — основательности, надежности во всѣхъ сообщеніяхъ и близкаго знакомства съ условіями края. Этотъ пробѣлъ старались пополнить молодые ученые, гг. Бюхнеръ и Плеске, представленнымъ и напечатаннымъ въ изданіяхъ Академіи трудомъ своимъ о птицахъ Петербургской губерніи [2]); оно, конечно, еще не исчерпываетъ нашу орнитологическую фауну, но все приведенное

---

[1]) Чит. 10 ноября.—Bulletin, XXVIII, 45.

[2]) Чит. 20 января.—Beiträge zur Kenntn. d. russ. Reiches, IV, 53.

въ немъ основано на несомнѣнныхъ фактахъ, на собственныхъ наблюденіяхъ авторовъ и на колекціяхъ, составленныхъ ими же самими и нынѣ преданныхъ ими музею Академіи. Этимъ трудомъ во всякомъ случаѣ положено основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи.

Къ числу млекопитающихъ, наименѣе изслѣдованныхъ и еще требующихъ подробнаго критическаго изученія при помощи возможно-богатаго матеріала, безъ сомнѣнія, принадлежатъ полевки, — мелкіе грызуны изъ рода Arvicola, невыдающіеся по своему внѣшнему виду, но весьма замѣчательные по своимъ нравамъ, ставящимъ ихъ въ прямое отношеніе къ человѣку. Устраивая себѣ обширныя подземныя жилья, съ длинными коридорами и съ округленными камерами, служащими то мѣстомъ отдыха и ночлега, то складочными магазинами для заготовляемой на зиму провизіи, и наполняя эти камеры иногда луковицами и корнями разныхъ дикорастущихъ травъ, а иногда колосьями нашихъ хлѣбныхъ растеній, полевки, смотря по мѣстности, бываютъ то полезными, то въ высшей степени вредными для человѣка. Нигдѣ это обоюдное значеніе ихъ для человѣка не выдается рельефнѣе, чѣмъ въ Россіи. Тогда какъ иные изъ нашихъ Сибирскихъ инородцевъ — Камчадалы, Монголы, Буряты и др. — вынимая изъ норъ полевокъ заготовляемый имъ на зиму запасъ разныхъ луковицъ и корней, находятъ такимъ образомъ важное подспорье къ своей пищѣ, въ другихъ мѣстностяхъ, благодаря этимъ запасливымъ животнымъ, жители лишаются иногда лучшей жатвы съ засѣянныхъ ими полей. Россія особенно богата разными видами полевокъ, которыя, однако, при большомъ внѣшнемъ сходствѣ между собою и многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, не могли быть удовлетворительнымъ образомъ опредѣлены и разграничены, пока не накопился достаточный для того матеріалъ. Въ настоящее время въ нашемъ Музеѣ имѣется уже очень значительная колекція полевокъ, собранная нашими путешественниками въ разныхъ частяхъ Сибири. Этимъ матеріаломъ воспользовался Ученый Хранитель Музея, нынѣ странствующій по Сахалину, магистръ

Поляковъ. Въ представленномъ намъ монографическомъ трудѣ своемъ[1]), онъ систематически разъяснилъ и разграничилъ Сибирскіе виды полевокъ, на основаніи наиболѣе постояннаго признака, именно строенія у нихъ зубовъ, нашелъ между ними нѣсколько новыхъ видовъ, указалъ на характерныхъ въ числѣ ихъ представителей разныхъ географическихъ областей Сибири, и, наконецъ, многими собственными замѣчаніями пополнилъ свѣдѣнія объ ихъ нравахъ и образѣ жизни[2]).

Въ настоящее время, когда вредныя насѣкомыя въ столь громадныхъ размѣрахъ даютъ о себѣ знать въ Россіи, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и неутомимый изслѣдователь ихъ, Θ. П. Кеппенъ, указалъ и на другихъ, близко къ нимъ стоящихъ и въ своемъ родѣ также вредныхъ животныхъ, которыя, однако, до сихъ поръ какъ бы ускользали отъ вниманія нашихъ ученыхъ. Это—нѣкоторыя паукообразныя животныя — ядовитые пауки, сольпуги, скорпіоны. Причиняемый ими вредъ достигаетъ иногда громадныхъ размѣровъ; такъ напр. у кочующихъ на низовьяхъ Волги инородцевъ, въ 1838 и 1839 годахъ, отъ укушенія паукомъ Lathrodectus 13-guttatus, пало до 70.000 головъ скота. Въ своей статьѣ объ этихъ животныхъ[3]) г. Кеппенъ критически разобралъ всѣ до сихъ поръ имѣющіяся свѣдѣнія о распространеніи ихъ въ Россіи, объ ихъ образѣ жизни, о степени ядовитости, о причиняемомъ ими вредѣ и т. д. Надо ожидать, что трудъ г. Кеппена заставитъ многихъ обратить болѣе серьёзное вниманіе на этихъ животныхъ и, такимъ образомъ, поведетъ къ расширенію нашихъ еще недостаточныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Прочіе труды по зоологіи основывались на разработкѣ различныхъ колекцій, собранныхъ въ нашемъ Музеѣ. Такъ г. Селивановъ описалъ имѣющіяся у насъ геофилиды[4]), а докторъ Ф. Моравицъ—37 видовъ шмелей, въ томъ числѣ 2 новыхъ[5]).

[1]) Чит. 3 февр.—Зап. Акад. XXXIX, № 2.
[2]) Чит. 3 февр.—Записки Академіи.
[3]) Чит. 13 окт.—Beiträge zur Kenntn. d. russ. Reiches, IV, 179.
[4]) Чит. 29 сент.—Записки Академіи.
[5]) Чит. 20 янв.—Bull. XXVII, 213.

Говоря о нашемъ Зоологическомъ музеѣ, не можемъ умолчать о томъ значительномъ обогащеніи, которое доставилъ ему нашъ почетный членъ Н. М. Пржевальскій. Въ третью, совершенную имъ въ 1879 и 1880 гг. поѣздку въ Центральную Азію, удалось ему проникнуть довольно далеко внутрь Тибета и обслѣдовать верховья Желтой рѣки. Плодомъ этого путешествія была, между прочимъ, поразительная по своимъ размѣрамъ колекція, дающая возможность познакомиться съ фавною такихъ частей Средней Азіи, которыя до неустрашимаго русскаго путешественника не были посѣщены никѣмъ изъ натуралистовъ. Всю эту колекцію онъ безкорыстно передалъ въ собственность нашего Музея, въ которомъ уже находились колекціи, собранныя имъ въ прежнихъ путешествіяхъ. Чрезвычайность этого пожертвованія и важность вообще для науки азіятскихъ путешествій г. Пржевальскаго побудили Академію устроить въ нынѣшнемъ году выставку всѣхъ привезенныхъ имъ предметовъ, дабы чрезъ то публично заявить о той признательности, которую многолѣтнія и трудныя изслѣдованія г. Пржевальскаго заслуживаютъ со стороны не только спеціалистовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей. Кромѣ того Академія желала, чрезъ сборъ платы за входъ на эту выставку, положить начало къ составленію особаго капитала, который, въ память о заслугахъ знаменитаго путешественника, назывался бы капиталомъ Пржевальскаго и служилъ-бы на пользу Зоологическаго музея. Описаніе всего, что добыто для пользы науки въ этихъ трехъ путешествіяхъ, будетъ предметомъ обширнаго сочиненія, для котораго орнитологическую часть принялъ на себя обработать самъ путешественникъ, а прочіе отдѣлы будутъ поручены Академіею спеціалистамъ, какъ изъ среды ея, такъ и изъ постороннихъ ученыхъ.

Долгъ справедливости обязываетъ насъ при настоящемъ случаѣ упомянуть съ чувствомъ живѣйшей благодарности и о другихъ важнѣйшихъ приношеніяхъ, которыми просвѣщенные ревнители естествознанія обогатили въ послѣднее время нашъ музей. Такъ, отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. Я. Тули-

нова поступила въ него драгоцѣнная энтомологическая колекція, составленная его покойнымъ сыномъ; Таганрогскій житель г. Алфераки — принесъ въ даръ значительное собраніе позвоночныхъ животныхъ, привезенныхъ имъ изъ его путешествія въ Тянь-Шань; г-ну Фишеру, врачу при Нидерландской арміи въ Остъ-Индіи, мы обязаны богатою и превосходно-сохраненною колекцію животныхъ, собранныхъ въ Новой Гвинеѣ и на Молукскихъ островахъ.

Физіологія животныхъ обогащена въ нашихъ изданіяхъ изслѣдованіемъ члена-кореспондента Академіи И. М. Сѣченова надъ явленіями, происходящими въ центральной нервной системѣ вслѣдствіе гальваническаго возбужденія [1]). Академикъ Ф. И. Овсянниковъ, отдавая отчетъ объ этомъ трудѣ, заявилъ о томъ высокомъ научномъ интересѣ, какое представляютъ выводы нашего знаменитаго ученаго относительно отрицательнаго колебанія, обнаруживающагося въ продолговатомъ мозгу лягушки подъ вліяніемъ музыкальныхъ тоновъ.

Доктору Таранецкому мы обязаны сообщеніемъ новыхъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ по анатоміи кишечнаго канала у человѣка и животныхъ [2]). Матеріаломъ для этой интересной работы послужили богатая колекція сохраняемыхъ въ спирту млекопитающихъ въ нашемъ Зоологическомъ музеѣ и собранные въ Институтѣ практической анатоміи при здѣшней Военно-Медицинской Академіи трупы взрослыхъ людей и человѣческихъ зародышей. Этою работою пополняется пробѣлъ, существовавшій въ ученой литературѣ относительно нѣкоторыхъ частей пищеварительнаго апарата, близкое знакомство съ которымъ имѣетъ столь большую важность для практической медицины.

Обращаясь къ трудамъ Историко-Филологическаго Отдѣленія, мы должны прежде всего упомянуть о предпріятіи, которое, хотя еще не доведено до конца, но уже успѣло обратить на себя особое вниманіе вездѣ въ ученыхъ кругахъ: я говорю о сокращен-

---

[1]) Чит. 10 ноября.—Bull. XXVIII, 43.

[2]) Чит. 31 марта.—Mém. XXVIII, № 9.

номъ Санскритскомъ Словарѣ Академика О. Н. Бетлинга. Послѣ того, какъ шесть лѣтъ тому назадъ онъ со славою окончилъ свой большой словарь Санскрита, составившій по приговору самыхъ компетентныхъ судей одно изъ обширнѣйшихъ филологическихъ предпріятій XIX-го вѣка, нашъ сочленъ, продолжая свои лексикографическіе труды, рѣшился сообщить ученому міру ихъ результаты въ формѣ сокращеннаго Санскритскаго словаря. При этомъ онъ имѣлъ въ виду съ одной стороны сообщить въ немъ въ болѣе доступной формѣ то, что можно было считать уже пріобрѣтеннымъ для лексическаго состава Санскрита, а съ другой— расширить наши познанія по этой части новыми изысканіями.

Первоначальнымъ намѣреніемъ автора было ограничиться составленіемъ краткаго глосарія къ изданной имъ хрестоматіи; но этотъ планъ расширился при дальнѣйшемъ ходѣ работы. Безспорно, что для занимающихся индійскою литературою, ручной словарь составляетъ такую же необходимость, какъ и для филологовъ по части класическихъ языковъ; но несомнѣнно и то, что составленіе подобныхъ книгъ должно быть дѣломъ людей, стоящихъ на высотѣ научныхъ изслѣдованій. Дѣйствительно, новый словарь г. Бетлинга, по объему своему, не превышаетъ наиболѣе употребительные греческіе и латинскіе словари. Что касается до вошедшихъ въ него новыхъ изысканій, то можно замѣтить, что санскритская литература, существовавшая болѣе чѣмъ три тысячи лѣтъ, имѣетъ обширный объемъ; по этому было бы легкомысліемъ надѣяться, съ первымъ же приступомъ къ разработкѣ этой словесности, достигнуть полноты въ изученіи всего того, что было въ этотъ громадный промежутокъ времени написано народомъ, болѣе всѣхъ другихъ любившимъ письменность. Хотя можно, совершенно согласно съ истиною, сказать, что большой Санскритскій словарь г. Бетлинга содержитъ въ себѣ все, что въ свое время было возможно по состоянію науки, однако въ Индіи съ каждымъ днемъ открывается все больше и больше рукописей, отчасти именно вслѣдствіе толчка, даннаго для этого большимъ Словаремъ. Исчерпать эти новыя пріобрѣтенія лите-

ратуры и дополнить ими прежній свой трудъ нашъ сочленъ считалъ своею обязанностью, при исполненіи которой онъ встрѣтилъ самое горячее содѣйствіе со стороны молодаго поколѣнія санскритологовъ. Судя потому, какъ движется впередъ составленіе и печатаніе Санскритскаго Словаря, послѣ пятилѣтней надъ нимъ работы доведеннаго до половины, можно надѣяться на скорое его окончаніе.

Новый Словарь г. Бетлинга слагается изъ двухъ составныхъ частей: одной — зависимой отъ большаго Словаря, и другой — отъ него независимой. Къ первой относятся слова и различныя ихъ значенія, перенесенные изъ большаго Словаря, но безъ цитатъ и рѣченій. Эта часть удовлетворяетъ потребностямъ преимущественно тѣхъ, кто приступаетъ къ изученію языка, тогда какъ безъ второй части, въ которую вошли новыя пріобрѣтенія санскритской лексикографіи, не обойдутся и ученые спеціалисты, которые впрочемъ и въ первой части найдутъ много полезнаго, въ смыслѣ исправленія прежняго. Изъ всего этого видно, что большой Словарь отнынѣ не становится ненужнымъ; безъ него не можетъ обойтись никто изъ серьезно занимающихся священнымъ языкомъ Индусовъ, и по всей вѣроятности протечетъ еще много и много времени, пока онъ не будетъ замѣненъ новымъ, болѣе совершеннымъ трудомъ.

Историческіе труды имѣли предметомъ интересные для русской исторіи вопросы, относящіеся до Византіи и Востока.

Въ предыдущемъ нашемъ отчетѣ было упомянуто объ изслѣдованіи г. Гутцейта о времени составленія житія св. Георгія Амастридскаго. Занимательность этой тэмы послужила для Академика А. А. Куника поводомъ изложить, въ видѣ дополненія къ запискѣ г. Гутцейта, собственныя свои изысканія по тому же предмету [1]).

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ обратилъ свое вниманіе на одну арабскую рукопись, содержащую въ себѣ неизданное и

---

[1]) Чит. 10 марта.—Bull. XXVII, 338.

малоизвѣстное продолженіе исторіи Александрійскаго патріарха Евтихія, а именно на хронику Яхъи-Антіохійскаго. Какъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и древнѣйшихъ источниковъ для византійской и мусульманской исторіи X вѣка, этотъ памятникъ заслуживаетъ полнаго критическаго изданія. Въ ожиданіи того времени, когда предпринятыя имъ для такого изданія работы будутъ доведены до конца, баронъ Розенъ приготовилъ къ печати часть этого сочиненія, касающуюся исторіи Византійскаго императора Василія II Болгаробойцы, царствованіе котораго, какъ извѣстно, особенно важно для русской исторіи, потому что къ нему относится крещеніе св. Владиміра, и самый разсказъ объ этомъ событіи у Яхъи-Антіохійскаго представляетъ значительный интересъ[1]).

Найденный въ Тюмени древній чугунный знакъ съ монгольскою надписью, доставленіемъ котораго Академія обязана подполковнику Винокурову, вызвала доцента здѣшняго университета г. Позднѣева къ составленію весьма интереснаго коментарія объ этой находкѣ, при чемъ онъ доказалъ, что это первый у насъ образецъ тѣхъ знаковъ, которыми монгольско-китайскіе императоры династіи Юань снабжали своихъ посланцевъ, отправляя ихъ въ ту или другую сторону для передачи ихъ повелѣній. Съ помощью этого знака можно теперь удовлетворительно объяснить нѣкоторыя темныя мѣста въ Китайскомъ историкѣ Мэнъ-Хунѣ[2]).

Академикъ В. П. Безобразовъ въ теченіе трехъ лѣтъ занимался, по порученію Министерства Финансовъ, мѣстными изслѣдованіями о состояніи промышленности въ Московской и десяти ближайшихъ съ нею губерніяхъ, представляющихъ собою особый интересъ какъ по чрезвычайному развитію въ нихъ народныхъ промысловъ, такъ и по комерческой важности ихъ для другихъ частей Россіи. При этихъ поѣздкахъ нашъ сочленъ постоянно имѣлъ въ виду, кромѣ прямой ихъ цѣли, извлечь изъ нихъ пользу и для науки, и въ одномъ изъ нашихъ засѣданій,

---

[1]) Чит. 5 мая.—Записки Академіи.

[2]) Чит. 6 окт.—Записки Академіи.

читалъ намъ общій очеркъ Московской промышленной области, обзоръ Нижегородской ярмарки и Волги отъ Твери до Нижняго Новгорода [1]).

Въ то время, какъ новое оживленіе въ Западной Европѣ интереса въ древне-класической культурѣ дало начало археологическимъ раскопкамъ въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ на мѣстахъ, гдѣ нѣкогда процвѣтала Греція и ея колоніи, у насъ, благодаря стараніямъ Императорской Археологической комисіи, съ каждымъ годомъ ростетъ масса памятниковъ древняго искуства и быта, извлекаемыхъ изъ земли раскопками въ Южной Россіи. Съ давнихъ поръ посвящая съ такимъ успѣхомъ ученые труды свои этимъ древностямъ, Академикъ Л. Э. Стефани далъ и въ нынѣшнемъ году описаніе и объясненіе многихъ самыхъ замѣчательныхъ находокъ, добытыхъ при этихъ раскопкахъ и обогатившихъ собою музей Императорскаго Эрмитажа. Въ этомъ трудѣ главную часть составляетъ изслѣдованіе о нѣкоторыхъ фрагментахъ древне-греческихъ тканей, собраніе которыхъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ не имѣетъ себѣ не только равнаго, но и подобнаго въ другихъ музеяхъ Европы. Чрезвычайная важность этихъ остатковъ возрастаетъ, вслѣдствіе того, что они, какъ это можно съ полною достовѣрностью доказать, принадлежатъ, по происхожденію своему, къ V, IV и III столѣтіямъ до Рождества Христова, тогда какъ до сихъ поръ не было извѣстно ни одного образчика греческо-римскаго тканья, который восходилъ бы далѣе перваго вѣка нашей эры. Приложенные къ сочиненію г. Стефани фототипическіе снимки, превосходно исполненные фотографомъ Академіи г. Классеномъ, позволяютъ наглядно изучить техническую сторону этихъ матерій и употреблявшійся для нихъ орнаментъ. Мы имѣемъ теперь новаго рода памятники для изученія состоянія въ древности одной изъ важныхъ отраслей промышленности и для оцѣнки того, какъ эстетическое чувство грековъ отражалось и въ самыхъ

---

[1]) Чит. 3 ноября.

скромныхъ издѣліяхъ. Такимъ образомъ нашему сочлену посчастливилось проложить путь къ изученію греческаго искусства и быта въ новой, еще невѣдомой доселѣ области.

Изъ числа наградъ, раздаваемыхъ Академіею за труды по разнымъ отраслямъ наукъ, Физико-Математическое Отдѣленіе въ настоящемъ году имѣло въ своемъ распоряженіи двѣ преміи. Одна изъ нихъ, носящая въ честь нашего маститаго Вице-Президента, названіе преміи Буняковскаго, къ сожалѣнію осталась на нынѣшній разъ никому не присужденною. Независимо отъ нея, Отдѣленію предстояло въ первый разъ присудить премію, учрежденную въ 1876 году въ память объ услугахъ, оказанныхъ наукѣ въ Россіи знаменитымъ зоологомъ и устроителемъ нашего зоологическаго музея, академикомъ Ѳ. Ѳ. Брандтомъ. Обозрѣвая по этому поводу всѣ сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ по зоологіи, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ, Академія остановила свое вниманіе на двухъ мемуарахъ професора Горнаго Института В. И. Меллера о корненожкахъ русскаго каменноугольнаго известняка (Mémoires de l'Acad. XXV, № 9 и XXVII, № 5).

Найденныя первоначально въ Россіи, но имѣющія, какъ теперь оказывается, обширнѣйшее географическое распространеніе, спиральносвернутыя корненожки каменноугольнаго періода были до сихъ поръ изслѣдованы столь поверхностно, что почти не представлялось возможнымъ сдѣлать точное опредѣленіе этихъ формъ. Въ виду такого недостаточнаго состоянія нашихъ знаній по этому предмету, професоръ Меллеръ занялся подробнымъ изученіемъ наружныхъ признаковъ и внутренняго строенія названныхъ молюсковъ, и въ особенности способа образованія и возрастанія ихъ скорлупины, въ отношеніи котораго существовалъ совершенный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, тогда какъ отъ него существеннымъ образомъ зависятъ всѣ видоизмѣненія въ наружной формѣ скорлупы. Окруживъ себя богатымъ матеріаломъ для своихъ изслѣдованій, авторъ путемъ точныхъ изслѣдованій, произведенныхъ при помощи микроскопа и многочисленныхъ при-

готовленныхъ имъ разрѣзовъ отдѣльныхъ скорлупокъ, пришелъ къ тому заключенію, что скорлупа спирально-свернутыхъ фораминиферъ находится въ совершенно такихъ же условіяхъ, какія были опредѣлены еще покойнымъ Науманомъ для раковинъ головоногихъ и явноголовыхъ молюсковъ, т. е. возрастаніе ея происходитъ по математически правильной спирали, при томъ по той спирали, которой Науманъ далъ наименованіэ циклоцентрической конхоспирали. Изъ сдѣланныхъ авторомъ общихъ выводовъ, одинъ, въ особенности опредѣляющій зависимость между коэфиціентомъ завиванія скорлупы, числомъ ея оборотовъ и характеромъ самой спирали, имѣетъ, по видимому, прямое отношеніе ко всѣмъ прочимъ фораминиферамъ. Что же касается до коэфиціента завиванія скорлупы, то, по изслѣдованіямъ г. Меллера, онъ хотя и измѣняется у фораминиферъ одного и того же рода въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако остается постояннымъ у недѣлимыхъ одного и того же вида, такъ что можетъ считаться весьма надежнымъ систематическимъ признакомъ.

Таковы главные результаты и положенія, представленные въ одной части труда г. Меллера, въ которой дано также подробное описаніе родовъ и видовъ спирально - свернутыхъ фораминиферъ каменноугольнаго известняка Россіи и указано положеніе ихъ въ системѣ. Другая часть труда ученаго палеонтолога посвящена главнѣйше такимъ фораминиферамъ каменно-угольнаго известняка Россіи, скорлупа которыхъ или вовсе не представляетъ спиральнаго завиванія, или у которыхъ завиваніе это играетъ лишь второстепенную роль.

Кромѣ опредѣленія мѣста, принадлежащаго русскимъ каменно-угольнымъ фораминиферамъ въ системѣ, авторъ подробно разсмотрѣлъ ихъ вертикальное распредѣленіе въ слояхъ упомянутаго геологическаго возраста. На основаніи этого изслѣдованія, авторъ находитъ возможнымъ различить въ нашемъ каменноугольномъ известнякѣ три главныхъ отдѣла.

Съ морфологической точки зрѣнія авторъ касается одного частнаго случая спиральнаго возрастанія, при которомъ оно пе-

реходитъ въ прямолинейное; за тѣмъ онъ подробно разбираетъ способъ роста фораминиферъ, относящихся къ подсемейству *Textularinae*. Опредѣляя различныя видоизмѣненія роста скорлупы одного новаго, имъ установленнаго рода *Cribrostomum*, авторъ указываетъ на то, что этотъ родъ является настоящимъ прототипомъ значительнаго ряда другихъ формъ послѣдующихъ геологическихъ періодовъ, не исключая и настоящаго. Въ самомъ же возрастаніи этихъ формъ и *Cribrostomum* авторъ усматриваетъ полнѣйшую аналогію съ возразстаніемъ ранѣе разсмотрѣнныхъ имъ спирально-свернутыхъ фораминиферъ.

Добытые професоромъ Меллеромъ результаты уже получили право гражданства въ наукѣ и внесены въ лучшія палеонтологическія сочиненія, каковы труды Циттеля, Фердинанда Ремера и Швагера. Всѣ они отдаютъ полную справедливость основательности и точности изслѣдованій нашего автора. Если предложенный имъ математическій способъ для опредѣленія возрастанія скорлупы еще не нашелъ пока послѣдователей, то причина тому — трудность его примѣненія. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Меллера надолго останется, для подобныхъ работъ, образцемъ, съ которымъ трудно будетъ состязаться.

Присудивъ професору Меллеру премію Брандта, Академія такъ сказать лишь скрѣпила своею подписью приговоръ, уже произнесенный о его работѣ въ ученомъ мирѣ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

4 ФЕВРАЛЯ 1882 ГОДА.

КОНФЕРЕНЦІЯ АКАДЕМІИ.

ПРЕЗИДЕНТЪ:

Генералъ-Адъютантъ, Адмиралъ Графъ Θедоръ Петровичъ Литке (съ 23 февраля 1864 г.).

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ:

Ординарный Академикъ ДТС. Викторъ Яковлевичъ Буняковскій (съ 10 августа 1863 г.).

НЕПРЕМѢННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Ординарный Академикъ ТС. Константинъ Степановичъ Веселовскій (съ 1 ноября 1857 г.).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМІИ.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

По Чистой Математикѣ: Орд. Акад. ДТС. Викторъ Яковлевичъ Буняковскій (онъ же Вице-Президентъ).

По Прикладной Математикѣ: Орд. Акад. ТС. Пафнутій Львовичъ Чебышевъ.

По Астрономіи: Ординар. Акад. ТС. Отонъ Васильевичъ Струве.

Орд. Акад. ТС. Алексѣй Николаевичъ Савичъ.

По Физикѣ: Орд. Акад. ДСС. Генрихъ Ивановичъ Вильдъ.

Экстраорд. Акад. Генералъ-Лейтенантъ Аксель Вильгельмовичъ Гадолинъ.

По Химіи: Орд. Акад. ДСС. Александръ Михайловичъ Бутлеровъ.

По Минералогіи: Орд. Акад. Генералъ-Маіоръ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Николай Ивановичъ Кокшаровъ.

По Геогнозіи и Палеонтологіи: Орд. Акад. Генералъ-Лейтенантъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Григорій Петровичъ Гельмерсенъ.

Экстраорд. Акад. СС. Ѳедоръ Богдановичъ Шмидтъ.

По Ботаникѣ: Орд. Акад. ДСС. Карлъ Ивановичъ Максимовичъ.

Адъюнктъ ДСС. Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ.

По Зоологіи: Орд. Акад. ДСС. Леопольдъ Ивановичъ Шренкъ.

Орд. Акад. ДСС. Александръ Александровичъ Штраухъ.

По Сравнительной Анатоміи и Физіологіи: Орд. Акад. ДСС. Филиппъ Васильевичъ Овсянниковъ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Орд. Акад. Высокопреосвященный Макарій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Орд. Акад. ТС. Яковъ Карловичъ Гротъ.

Орд. Акад. ТС. Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (въ Москвѣ).

Орд. Акад. ТС. Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.

Орд. Акад. ТС. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ.

Экстраорд. Акад. СС. Александръ Николаевичъ Веселовскій.

Экстраорд. Акад. СС. Игнатій Викентьевичъ Ягичъ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

По Статистикѣ и Политической Экономіи: Орд. Акад. ТС. Константинъ Степановичъ Веселовскій (онъ же Непремѣнный Секретарь).

Экстраорд. Акад. ТС. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

По Исторіи и Древностямъ Русскимъ: Экстраорд. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Куникъ.

По Класической Филологіи и Археологіи: Орд. Акад. ТС. Лудольфъ Эдуардовичъ Стефани.

Орд. Акад. ДСС. Августъ Карловичъ Наукъ.

По Литературѣ и Исторіи Азіятскихъ народовъ: Орд. Акад. ТС. Отонъ Николаевичъ Бетлингъ.

Адъюнктъ СС. Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ.

По языкамъ и этнографіи Финскихъ племенъ: Орд. Акад. ТС. Фердинандъ Ивановичъ Видеманъ.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ. 1865.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ. 1876.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ. 1875.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексій Александровичъ. 1875.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Сергій Александровичъ. 1876.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. 1844.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. 1855.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. 1855.

Его Императорское Высочество Князь Романовскій Герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. 1865.

Его Величество Вильгельмъ I Императоръ Германскій и Король Прусскій. 1876.

Его Величество Донъ-Педро II Императоръ Бразиліи. 1876.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Кав. Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ 1-й. 1827.

Генер.-Адъют. Адмиралъ Графъ Евѳимъ Васильевичъ Путятинъ. 1855.

Генер.-Адъют. Инж.-Генер. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. 1855.

Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. 1856.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Инфант. Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ 1-й. 1856.

ДТС. Свѣтлѣйшій Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. 1856.

Высокопреосвященный Исидоръ, Митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій. 1857.

ДТС. Ромуальдъ Михайловичъ Губе. 1857.

ДСС. Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ. 1857.

ДТС. Станиславъ Валеріановичъ Кербедзъ. 1858.

ДТС. Иванъ Давыдовичъ Деляновъ. 1859.

ДТС. Александръ Васильевичъ Головнинъ. 1861.

ДТС. Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ. 1863.

ТС. Александръ Ѳедоровичъ Миддендорфъ. 1865.

ДСС. Германъ Вильгельмовичъ Абихъ. 1866.

ДТС. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. 1866.

Генер.-Адъютантъ Генер.-отъ-Инфантеріи Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. 1866.

ДТС. Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ. 1867.

Генер.-Адъют. Инженеръ-Генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. 1873.

Адмиралъ Семенъ Ильичъ Зеленый. 1873.

ТС. Петръ Петровичъ Семеновъ. 1873.

ДСС. Александръ Андреевичъ Бунге. 1875.

Генералъ-Адъютантъ Генер.-отъ-Инфантеріи Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ 2-й. 1876.

ДТС. Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ. 1876.

ДТС. Александръ Аггѣевичъ Абаза. 1876.

Генералъ-Адъютантъ Полн. Генералъ Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ. 1876.

ДТС. Николай Карловичъ Гирсъ. 1876.

ДТС. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. 1876.

ДСС. Петръ Аркадіевичъ Кочубей. 1876.

Петръ Александровичъ Чихачевъ. 1876.

Э. Лёнротъ. 1876.

ТС. Карлъ Карловичъ Людерсъ. 1877.

Гофмейстеръ баронъ Ѳедоръ Андреевичъ Бюлеръ. 1878.

ТС. Графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ. 1878.

Генеральнаго Штаба Полковникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. 1878.

ДСС. Фердинандъ Готлибовичъ Миндингъ. 1879.

Генералъ-Адъютантъ Адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посьетъ. 1879.

Генералъ-Адъютантъ Генералъ-отъ-кавалеріи Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. 1880.

ТС. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. 1880.

Статсъ-Секретарь ТС. Андрей Александровичъ Сабуровъ. 1880.

Статсъ-Секретарь ДТС. баронъ Александръ Павловичъ Николаи. 1881.

ТС. Николай Христіановичъ Бунге. 1881.

Маркизъ де-Піетра-Кателла, въ Неаполѣ. 1846.

Сарко-дель-Валле, Президентъ Акад. Наукъ въ Мадридѣ. 1851.

Принцъ Луи Люсіенъ Бонапартъ. 1858.

Фельдмаршалъ Графъ Мольтке, въ Берлинѣ. 1871.

Лесепсъ, Членъ Института, въ Парижѣ. 1876.

СОПРИЧИСЛЕННЫЙ КЪ АКАДЕМІИ.

(ASSOCIÉ HONORAIRE ÉTRANGER.)

Сэбинъ, въ Лондонѣ. 1826.

ЧЛЕНЫ-КОРЕСПОНДЕНТЫ.

I. ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

РАЗРЯДЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

(Положенное число мѣстъ 32).

ДСС. Карлъ Христ. Кнорре, въ Берлинѣ. 1828.
ДСС. Ѳома Клаус. Клаусенъ, въ Дерптѣ. 1856.
ТС. Маріанъ Альбертов. Ковальскій, въ Казани. 1862.
Лоренцъ-Лео Линделёфъ, въ Гельсингфорсѣ. 1868.
ДСС. Василій Карл. Делленъ, въ Пулковѣ. 1871.
ДСС. Ѳед. Александр. Бредихинъ, въ Москвѣ. 1877.
Генералъ-Лейтенантъ Николай Владиміровичъ Маіевскій, въ Спб. 1878.
Генералъ-Маіоръ Іеронимъ Ивановичъ Стебницкій, въ Тифлисѣ. 1878.
Докторъ Оскаръ Андреевичъ Баклундъ, въ Пулковѣ. 1881.
Ліувиль, въ Парижѣ. 1840.
Эри, въ Гриничѣ. 1840.
Ивонъ-де-Виларсо, въ Парижѣ. 1855.
Эрмитъ, въ Парижѣ. 1857.
Байеръ, въ Берлинѣ. 1858.
Бертранъ, въ Парижѣ. 1859.
Кумеръ, въ Берлинѣ. 1862.
НС. Авг. Ѳед. Виннеке, въ Страсбургѣ. 1864.
Вейерштрасъ, въ Берлинѣ. 1864.

Адамсъ, въ Кембриджѣ. 1864.
Варенъ Деларю, въ Лондонѣ. 1864.
Росъ Кларкъ, въ Соутгамптонѣ. 1867.
Келе, въ Кембриджѣ. 1870.
Кронекеръ, въ Берлинѣ. 1872.
Сильвестръ, въ Лондонѣ. 1872.
Ауверсъ, въ Берлинѣ. 1873.
Скіапарели, въ Миланѣ. 1874.
С. Ньюкомбъ, въ Вашингтонѣ. 1875.
Б. Гульдъ, въ Кордобѣ (Арг. респ.). 1875.
Гайндъ, въ Лондонѣ. 1878.
Асафъ Галь (Asaph Hall), въ Вашингтонѣ. 1880.
Каталанъ, въ Литихѣ. 1881.

РАЗРЯДЪ ФИЗИЧЕСКІЙ.

(Положенное число мѣстъ 40).

Гофмейстеръ Графъ Александръ Андр. фонъ-Кейзерлингъ, въ Ревелѣ. 1858.
ДСС. Карлъ Генриховичъ Шмидтъ, въ Дерптѣ. 1873.
ДСС. Павелъ Влад. Еремѣевъ, въ Спб. 1875.
ДСС. Дмитр. Иван. Менделѣевъ, въ Спб. 1876.
ДСС. Артуръ Александровичъ Эттингенъ, въ Дерптѣ. 1876.
СС. Михаилъ Петр. Авенаріусъ, въ Кіевѣ. 1876.
СС. Робертъ Эмил. Ленцъ, въ Спб. 1876.
СС. Генр. Вас. Струве, въ Тифлисѣ. 1876.
ДСС. Никол. Никол. Бекетовъ, въ Харьковѣ. 1877.
Нейманъ, въ Кенигсбергѣ. 1838.
Дюма, въ Парижѣ. 1845.
Шеврель, въ Парижѣ. 1853.
Велеръ, въ Гетингенѣ. 1853.
Веберъ, въ Гетингенѣ. 1853.

Рисъ, въ Берлинѣ. 1856.
Фреми, въ Парижѣ. 1856.
Гофманъ, въ Берлинѣ. 1857.
Дана, въ Нью-Гевнѣ. 1858.
Добре, въ Парижѣ. 1861.
Кирхгофъ, въ Берлинѣ. 1862.
Бунзенъ, въ Гейдельбергѣ. 1862.
Кобель, въ Мюнхенѣ. 1867.
Эдлундъ, въ Стокгольмѣ. 1870.
Деклуазо, въ Парижѣ. 1871.
Кагуръ, въ Парижѣ. 1873.
Вюрцъ, въ Парижѣ. 1873.
Ремеръ, въ Бреславѣ. 1874.
Бертело, въ Парижѣ. 1876.
Франкландъ, въ Лондонѣ. 1876.
Бейрихъ, въ Берлинѣ. 1876.
Геeръ, въ Цюрихѣ. 1876.
Дамуръ, въ Парижѣ. 1876.
Сэръ Уильямъ Томсенъ, въ Гласговѣ. 1877.
Іоакимъ Барандъ, въ Прагѣ. 1877.
Р. Клаузіусъ, въ Боннѣ. 1878.
Баронъ Н. А. Э. Норденшильдъ, въ Стокгольмѣ. 1879.
Гергардъ фомъ Ратъ, въ Боннѣ. 1880.
Томасъ Давидсонъ, въ Лондонѣ. 1880.
Кв. Селла, въ Римѣ, 1881.

РАЗРЯДЪ БІОЛОГИЧЕСКІЙ.

(Положенное число мѣстъ 40).

ТС. Рудольфъ Эрнестов. Траутфеттеръ, въ Спб. 1837.
ДСС. Фридрихъ Эрнест. Биддеръ, въ Дерптѣ. 1857.
ТС. Карлъ Евген. Мерклинъ, въ Спб. 1864.
ДСС. Венцель Леопольд. Груберъ, въ Спб. 1866.
ДСС. Ив. Мих. Сѣченовъ, въ Спб. 1869.

ДСС. Эдуардъ Людв. Регель, въ Спб. 1875.
ДСС. Левъ Семеновичъ Ценковскій, въ Харьковѣ. 1881.
Гемаръ, въ Парижѣ. 1839.
Оэнъ, въ Лондонѣ. 1839.
Мильнъ-Эдварсъ, въ Парижѣ. 1846.
Бишофъ, въ Мюнхенѣ. 1846.
Рейхертъ, въ Берлинѣ. 1850.
Гёпертъ, въ Бреславѣ. 1853.
Зибольдъ, въ Мюнхенѣ. 1855.
Бурмейстеръ, въ Буэносъ-Айресѣ. 1855.
Кёликеръ, въ Вюрцбургѣ. 1858.
Алф. Декандоль, въ Женевѣ. 1858.
Іосифъ Дальтонъ Гукеръ, въ Лондонѣ. 1859.
Гиртль, въ Вѣнѣ. 1859.
Ловенъ, въ Стокгольмѣ. 1860.
Лейкартъ, въ Лейпцигѣ. 1861.
Стенструпъ, въ Копенгагенѣ 1861.
Аза-Грей, въ Бостонѣ. 1862.
Генле, въ Гетингенѣ. 1863.
Гукслей, въ Лондонѣ. 1864.
Негели, въ Мюнхенѣ. 1865.
Дарвинъ, въ Лондонѣ. 1867.
Гельмгольцъ, въ Берлинѣ. 1868.
Фанъ-Бенеденъ, въ Левенѣ. 1869.
Э. Веберъ, въ Лейпцигѣ. 1869.
Шлегель, въ Лейденѣ. 1871.
Людвигъ, въ Лейпцигѣ. 1871.
Дж. Бентамъ, въ Лондонѣ. 1872.
Петерсъ, въ Берлинѣ. 1876.
Вюльпіанъ, въ Парижѣ. 1878.
Э. Буасье, въ Женевѣ. 1878.
Де Бари, въ Страсбургѣ. 1880.
Вирховъ, въ Берлинѣ. 1881.

II. ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Положенное число мѣстъ 40).

ДСС. Аполонъ Ник. Майковъ, въ Спб. 1853.
Вацлавъ Александръ Мацеіовскій, въ Варшавѣ. 1856.
ТС. Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ Одессѣ. 1856.
Иванъ Серг. Тургеневъ, въ Парижѣ. 1860.
ДСС. Иванъ Алекс. Гончаровъ, въ Спб. 1860.
КС. Петръ Павл. Дубровскій, въ Варшавѣ. 1862.
ДСС. Ник. Савичъ Тихонравовъ, въ Москвѣ. 1863.
Александръ Ник. Островскій, въ Москвѣ. 1863.
ТС. Алексѣй Дмитріев. Галаховъ, въ Спб. 1868.
Архимандритъ Амфилохій, въ Москвѣ. 1868.
ДСС. Конст. Николаев. Бестужевъ-Рюминъ, въ Спб. 1872.
ДСС. Павелъ Ив. Савваитовъ, въ Спб. 1872.
Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. 1873.
ДСС. Алексѣй Степановичъ Павловъ, въ Москвѣ. 1873.
ДСС. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, въ Казани. 1873.
ДСС. Серг. Конст. Смирновъ, въ Москвѣ. 1874.
ТС. Иларіонъ Алексѣев. Чистовичъ, въ Спб. 1874.
СС. Александръ Аѳан. Потебня, въ Харьковѣ. 1875.
ДСС. Николай Иванов. Костомаровъ, въ Спб. 1876.
ТС. Николай Алексѣевичъ Лавровскій, въ Нѣжинѣ. 1878.
ТтС. Викентій Васильевичъ Макушевъ, въ Варшавѣ. 1878.
СС. Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, въ Москвѣ. 1879.
ТС. Дмитрій Александровичъ Ровинскій, въ Спб. 1881.

Ив. Кукулевичъ-Сакцинскій, въ Аграмѣ. 1855.
Фр. Миклошичъ, въ Вѣнѣ. 1856.
И. Гаттала, въ Прагѣ. 1862.

Юрій Даничичъ, въ Бѣлградѣ. 1863.
Алоисъ Шембера, въ Вѣнѣ. 1868.
Фр. Рачскій, въ Аграмѣ. 1869.
Эмлеръ, въ Прагѣ. 1876.
Новаковичъ, въ Бѣлградѣ. 1876.
Лескинъ, въ Лейпцигѣ. 1876.
Рамбо, въ Парижѣ. 1876.
Миланъ Миличевичъ, въ Бѣлградѣ. 1877.
Адольфъ Патера, въ Прагѣ. 1877.
Томекъ, въ Прагѣ. 1878.
Нерингъ, въ Бреславѣ. 1881.

III. ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

РАЗРЯДЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

(Положенное число мѣстъ 25).

ДСС. Мих. Сем. Куторга. 1848.
ДСС. Апол. Александров. Скальковскій, въ Одессѣ. 1856.
ТС. Ник. Вас. Калачовъ. 1858.
ТС. Евгеній Ивановичъ Ламанскій, въ Спб. 1859.
СС. Василій Григор. Васильевскій, въ Спб. 1876.
Генералъ-Майоръ Никол. Ѳедор. Дубровинъ, въ Спб. 1877.
Генер. - Лейтен. Корпуса флотск. штурмановъ Ѳеодосій Ѳедоровичъ Веселаго, въ Спб. 1878.

Цахаріе фонъ-Лингенталь, близъ Мерзебурга. 1856.
Гильдебрантъ, въ Стокгольмѣ. 1859.
Ренанъ, въ Парижѣ. 1860.
Ранке, въ Берлинѣ. 1860.
СС. Карлъ Карл. Ширренъ, въ Килѣ. 1864.
Ворсо, въ Копенгагенѣ. 1866.

Томасъ, въ Мюнхенѣ. 1866.
Бэнкрофтъ, въ Берлинѣ. 1867.
Михаэлисъ, въ Берлинѣ. 1868.
А. Мори, въ Парижѣ. 1872.
М. Амари, въ Римѣ. 1873.
Л. Штейнъ, въ Вѣнѣ. 1874.
Э. Фриманъ, въ Оксфордѣ. 1875.
Фердинандъ Гиршъ, въ Берлинѣ. 1877.
А. фонъ-Гутшмидтъ, въ Тюбингенѣ. 1878.

РАЗРЯДЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И АРХЕОЛОГІИ.

(Положенное число мѣстъ 20).

ДСС. Фрид. Фрид. Нейе, въ Штутгартѣ. 1848.
Визелеръ, въ Гетингенѣ. 1856.
Кобе, въ Лейденѣ. 1857.
Генценъ, въ Римѣ. 1860.
Брунъ, въ Мюнхенѣ. 1861.
Гальмъ, въ Мюнхенѣ. 1865.
Мюллеръ, въ Копенгагенѣ. 1867.
Мадвигъ, въ Копенгагенѣ. 1871.
Г. Зауппе, въ Гетингенѣ. 1874.
Баронъ Де-Витъ, въ Парижѣ. 1875.
Адольфъ Кирхгофъ, въ Берлинѣ. 1876.
Эгже, въ Парижѣ. 1876.
Гельбигъ, въ Римѣ. 1876.
Ньютонъ, въ Лондонѣ. 1876.
Фіорели, въ Неаполѣ. 1876.
Хр. Фрёнеръ, въ Парижѣ. 1877.
Генр. Кейль, въ Галле, 1877.
А. Рангабе, въ Берлинѣ. 1878.
М. Шмидтъ, въ Іенѣ. 1878.

РАЗРЯДЪ ВОСТОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Положенное число мѣстъ 20).

ДСС. Даніилъ Авраам. Хвольсонъ, въ Спб. 1858.
ДСС. Васил. Павлов. Васильевъ, въ Спб. 1866.
ДСС. Николай Ивановичъ Ильминскій, въ Казани. 1870.
ДСС. Осипъ Ѳедоровичъ Готвальдъ, въ Казани. 1870.
СС. Дмитрій Захаровичъ Бакрадзе, въ Тифлисѣ. 1879.
Флейшеръ, въ Лейпцигѣ. 1849.
Ротъ, въ Тюбингенѣ. 1855.
Веберъ, въ Берлинѣ. 1860.
Дефремери, въ Парижѣ. 1860.
Ольсгаузенъ, въ Берлинѣ. 1864.
Штенцлеръ, въ Бреславѣ. 1867.
Шпигель, въ Эрлангенѣ. 1870.
Вюстенфельдъ, въ Гетингенѣ. 1874.
Ф. Невъ, въ Левенѣ. 1875.
У. Райтъ, въ Кембриджѣ. 1876.
Кернъ, въ Лейденѣ. 1876.
Дози, въ Лейденѣ. 1878.
Дж. Мюръ, въ Эдинбургѣ. 1878.
Эдуардъ Томасъ, въ Лондонѣ. 1879.

РАЗРЯДЪ ЛИНГВИСТИКИ.

(Положенное число мѣстъ 6).

Авг. Альквистъ, въ Гельсингфорсѣ. 1875.
Потъ, въ Галле. 1855.
У. Уитней, въ Нью-Гевнѣ. 1875.
Асколи, въ Миланѣ. 1876.
Буденцъ, въ Будапештѣ. 1876.

ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ КЪ АКАДЕМІИ УЧРЕЖДЕНІЯ ПО УЧЕНОЙ ЧАСТИ.

1. *Библіотека.* Отд. I. (книгъ на русск. яз. и др. славянскихъ нарѣчіяхъ): Библіотекарь, Экстр. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Куникъ. — Старшій помощникъ Библіотек.: КС. Борисъ Петр. Ламбинъ. — Младшіе помощники Библіотек. КСр. Влад. Петр. Ламбинъ и КА. Θедоръ Николаевичъ Михайловскій. — Отд. II. (кн. на иностр. язык.): Библіотекарь, Орд. Акад. ДСС. Александръ Александр. Штраухъ. — Помощники: Старшій КС. Алексѣй Иванов. Перщетскій; младшіе: НС. Юлій Карлов. Фабриціусъ и (приватно) КС. Напіерскій.

2. *Физическій Кабинетъ.* Директоръ, Орд. Акад. ДСС. Генр. Ив. Вильдъ. — Механикъ (приватно) Августъ Прагстъ.

3. *Химическая Лабораторія.* Директоръ, Орд. Акад. ДСС. Александръ Михайлов. Бутлеровъ. — Лаборанты: Докт. Мед. НС. Александръ Александр. Загуменный и Кол. Секр. Александръ Александровичъ Кракау.

4. *Минералогическій кабинетъ.* Директоръ, Экстраор. Акад. СС. Θедоръ Богдановичъ Шмидтъ. — Ученый хранитель КС. Адольфъ Фридр. Гебель.

5. *Ботаническій музей.* Директоръ, Орд. Акад. ДСС. Карлъ Иванов. Максимовичъ. — Ученый хранитель КР. Карлъ Θедоров. Мейнсгаузенъ.

6. *Зоологическій музей.* Директоръ, Ордин. Акад. ДСС. Александръ Александр. Штраухъ. — Ученые хранители: Магистръ зоологіи Тит. Сов. Иванъ Сем. Поляковъ, Кандидаты университета: Августъ Фердинандов. Моравицъ, КСр. Вильгельмъ Фридр. Вольдстедтъ, С. М. Герценштейнъ (приватно) и Докторъ зоологіи М. И. Богдановъ (приватно) — Старшіе препараторы: (приватно) Константинъ Приходко и Юлій Анановъ.

Младшіе препараторы: (приватно) Иванъ Терентьевъ и Павелъ Десятовъ.

7. *Физіологическая лабораторія.* Директоръ, Орд. Акад. ДСС. Филиппъ Васил. Овсянниковъ. — Препараторъ (приватно) Кол. Асс. Петръ Алексѣев. Перщетскій. — Лаборантъ Кол. Асс. Владиміръ Николаев. Великій.

8. *Азіятскій музей.* Завѣдующій Музеемъ, Адъюнктъ С. С. баронъ В. Р. Розенъ. — Ученый хранитель СС. Робертъ Христіан. Френъ.

9. *Музей Класической Археологіи.* Директоръ, Орд. Акад. ТС. Лудольфъ Эдуард. Стефани. — Ученый хранитель магистръ древне класической филологіи Ганг. Егор. Кизерицкій.

10. *Русскій Нумизматическій Кабинетъ.* Завѣдующій, Экстр. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Куникъ.

11. *Музей Этнографіи и Антропологіи преимущественно Россіи.* Директоръ, Ордин. Акад. ДСС. Леопольдъ Ивановичъ Шренкъ. — Ученый хранитель (приватно) КС. Өедоръ Карл. Руссовъ.

12. *Главная Физическая Обсерваторія.* Директоръ, Орд. Акад. ДСС. Генрихъ Иван. Вильдъ. — Помощн. Директ., Капитанъ-Лейтенантъ Михаилъ Александр. Рыкачевъ 3-й. — Старшіе наблюдатели: Тит. Сов. Рейнгольдъ Рихард. Бергманъ и Кандидатъ Ю. Амелунгъ.—Младшіе наблюдатели: НС. Дмитр. Тит. Горбаченко и Кол. Асс. Влад. Никол. Муратовъ. — Вычислитель (приватно) Ѳ. Лоренцсонъ.—Письмоводитель КА. Эдуардъ Васильевичъ Штеллингъ. — Механикъ (приватно) Фрейбергъ. — Въ Отдѣленіи Морской Метеорологіи: Помощникъ Директора, Кап.-Лейт. Мих. Александров. Рыкачевъ 3-й. — Адъюнкты: ТтС. Авг. Никол. Барановскій и Дайберъ (приватно).—Физикъ, ТтС. Эрнстъ Егор. Лейстъ.— Вычислитель, Кол. Асс. Павелъ Александров. Зимиховъ.

13. *Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія въ Павловскѣ.* Завѣдующій Обсерваторіею НС. Рудольфъ Густ.

Траутфеттеръ. — Старшій наблюдатель КА. Германъ Фридр. Абельсъ. — Младшіе наблюдатели: КА. Карлъ Егор. Мильбергъ, КА. Конст. Иван. Даниловъ и Кол. Асс. Оскаръ Яков. Мецъ. — Механикъ Дерингъ.

14. *Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія въ Пекинѣ.* Директоръ НС. Германъ Александр. Фритше.

15. *Астрономическая Обсерваторія въ Вильнѣ:* Директоръ, Полк. Корпуса Военн. Топографовъ Петръ Михайл. Смысловъ. — Помощникъ Директ. КС. Өедоръ Карл. Бергъ.

КОМИТЕТЪ ПРАВЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Президентъ, см. выше.

Вице Президентъ, см. выше.

Члены: отъ Физ.-Матем. Отд. Академіи: Орд. Акад. ДСС. Леопольдъ Иван. Шренкъ; отъ Отд. Русск. яз. и слов.: Орд. Акад. ТС. Яковъ Карловичъ Гротъ; отъ Истор.-Филол. Отд.: Орд. Акад. ТС. Конст. Степ. Веселовскій.—Совѣтники: ДСС. Николай Андр. Ланге и КС. Петръ Сергѣевичъ Яковлевъ.

Канцелярія Комитета. Секретарь КС. Александръ Петров. Елизаровъ. — Столоначальникъ КА. Петръ Алек. Перщетскій. —Бухгалтеръ и Контролеръ ТтС. Эваристъ Станисл. Багенскій. — Кассиръ КА. Іосифъ Ромуальдов. Ясенскій. — Протоколистъ КСр. Алексѣй Михайл. Лавровъ. — Экзекуторъ ТтС. Влад. Никол. Өедоровъ.—Архитекторъ КСр. Өедоръ Карлов. Болтенгагенъ. — Секретарь при Президентѣ КСр. Павелъ Павловичъ Фусъ.

ВѢДОМСТВА НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ.

1. *Канцелярія Конференціи.* Старшій Письмоводитель НС. Андр. Ив. Сомовъ.

2. *Архивъ Конференціи* Архиваріусъ ТтС. Влад. Петров. Шеміотъ.

ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ КЪ АКАДЕМІИ УСТАНОВЛЕНІЯ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ.

1. *Типографія.* Факторъ Личн. Почетн. Гражд. Августъ Ив. Гельдъ.

2. *Книжный магазинъ Академіи.* Хранитель (приватно) ТтС. Владим. Петров. Шеміотъ.

ОТЧЕТЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
за 1881 годъ,

составленный академикомъ А. Н. Веселовскимъ,

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 года.

Дѣятельность 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ истекающемъ году опредѣлялась тѣми-же задачами изученія русскаго языка и словесности, которымъ оно всегда старалось удовлетворить по мѣрѣ наличныхъ силъ и въ границахъ спеціальныхъ занятій своихъ членовъ.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Макарій издалъ X-й томъ составляемой имъ Исторіи Русской церкви и напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько проповѣдей, въ томъ числѣ двѣ рѣчи Государю Императору при посѣщеніи Его Величествомъ Успенскаго собора въ Москвѣ и Троице-Сергіевской Лавры.

Академикъ Я. К. Гротъ печаталъ послѣдній, IX-й томъ изданія Державина, въ который, кромѣ дополненій къ предъидущимъ томамъ, войдутъ: полная библіографія литературы, касающейся этого писателя; статья о языкѣ его съ приложеніемъ лексическаго указателя къ его стихотвореніямъ; списокъ его портретовъ и бюстовъ; ноты къ нѣкоторымъ изъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку, и, наконецъ, именной и предметный указатель ко всему изданію.—Въ настоящее время

отпечатано около 30 листовъ; томъ выйдетъ въ наступающемъ году, и такимъ образомъ завершенъ будетъ многолѣтній трудъ, который надолго останется образцовымъ въ смыслѣ критическаго изданія и объясненія русскаго классика.

Послѣднія работы надъ изданіемъ Державина не помѣшали нашему сочлену удѣлить время и другимъ изысканіямъ. Такъ имъ написанъ и отчасти прочтенъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія очеркъ біографіи жившаго въ XVIII-мъ столѣтіи академика Лаксмана, составленный по книгѣ Лагуса, изданной на шведскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ; предпринятое академикомъ Гротомъ печатаніе сочиненій и переписки Плетнева продолжалось имъ и въ этомъ году и дало матерьялъ для статьи о переепискѣ Плетнева съ Пушкинымъ; въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издано было нѣсколько писемъ Дидро къ Екатеринѣ II, отысканныхъ академикомъ въ Государственномъ Архивѣ; онъ же, разсмотрѣвъ всѣ четыре тома сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошича, составилъ о томъ записку, читанную имъ въ одномъ изъ засѣданіи Отдѣленія, и написалъ разборъ представленнаго на Ломоносовскую премію г. Подвысоцкимъ Словаря Архангельскаго нарѣчія.—Лѣтомъ этого года академикъ Гротъ участвовалъ по порученію Академіи въ бывшемъ въ Тифлисѣ V-мъ археологическомъ съѣздѣ.

Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ работать надъ своимъ иконографическимъ трудомъ по славяно-русскому лицевому Апокалипсису и составилъ изслѣдованіе о рукописной Псалтыри Троицкой Лавры, XV вѣка, изданное Обществомъ любителей древней письменности. Къ изданію приложены снимки разнообразнаго письма и украшеній, расписанныхъ красками и золотомъ; особаго вниманія заслуживаютъ заглавныя буквы и заставки, составленныя только изъ зеленой листвы, съ оттушеванными тѣнями: единственное явленіе въ исторіи славяно-русскаго орнамента, свидѣтельствующее о первыхъ попыткахъ къ свободному воспроизведенію натуры, не стѣсняемому уже услов-

ными пріемами традиціоннаго стиля, господствующаго въ украшеніяхъ нашихъ рукописей XV вѣка.

Академикъ А. Ф. Бычковъ въ теченіе 1881 года напечаталъ, при отчетѣ о дѣятельности отдѣленія Русскаго языка и словесности въ 1880 году, очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ покойнаго академика И. И. Срезневскаго, съ приложеніемъ списка всѣхъ его сочиненій. Онъ-же окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ предпринятаго имъ описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки, которымъ заключается первый томъ этого труда. Въ настоящемъ выпускѣ подробно описаны 23 сборника (XVI—XVIII вв.), въ которыхъ академикомъ Бычковымъ открыто нѣсколько бывшихъ доселѣ неизвѣстными памятниковъ, каковы напр.: два посланія протопопа Благовѣщенскаго собора Терентія къ Лжедимитрію; посланіе молдавскаго епископа Василія къ московскому митрополиту Геронтію, отъ 2 февраля 1484 года, по поводу возбужденнаго въ Москвѣ вопроса о хожденіи посолонь; новая редакція апокрифическаго сказанія о сотвореніи Адама, сверженіи Сатанаила съ неба и изгнаніи Адама изъ рая; любопытное своими особенностями и разговорною формою, повѣствованіе о царствованіи Θеодора Іоанновича, Бориса Годунова и Лжедимитрія; окончаніе письма царя Алексѣя Михайловича къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, рисующее дружескія къ нему отношенія Государя, и нѣк. друг. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ приведены болѣе или менѣе значительныя выдержки, а изъ другихъ много разночтеній къ напечатаннымъ текстамъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія читана имъ записка о хранящемся въ Рижской городской библіотекѣ отрывкѣ Слова, несомнѣнно принадлежащемъ къ XI вѣку.

Продолжая занятія по собранію писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго и желая сдѣлать его по возможности полнымъ, академикъ Бычковъ обратилъ вниманіе на сохранившіяся отвѣтныя письма разныхъ лицъ къ Государю, въ которыхъ находятся положительныя указанія на время написанія

имъ отправленныхъ къ нимъ писемъ. Разсмотрѣніе этихъ отвѣтовъ вновь подтвердило предположеніе, что значительное число писемъ преобразователя Россіи къ разнымъ лицамъ утрачено. Въ виду того, что въ этихъ отвѣтахъ нерѣдко излагается довольно подробно содержаніе писемъ Государя, академикъ Бычковъ приступилъ, на сколько это возможно, къ ихъ собранію и перепискѣ для I-го тома, печатаніе котораго уже началось.

Кромѣ того онъ занимался редакціею новаго изданія труда И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка», для котораго доставлено имъ нѣсколько дополненій.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ продожалъ въ теченіе отчетнаго года работы свои по Исторіи Россійской Академіи. Во введеніи къ этому труду, котораго вышло доселѣ пять томовъ, указана главная его задача и точка зрѣнія автора. Тамъ сказано: «Россійская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами, отъ Державина и Фонъ-Визина въ XVIII столѣтіи до Карамзина и Востокова въ XIX-мъ. Въ трудахъ и во всей дѣятельности Академіи выражается современное ей состояніе русской литературы и русскаго общества. Для исторіи Академіи важно не только то, что сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академической дѣятельности, но и то, какія лица вошли въ составъ Россійской Академіи, и какими началами руководствовалась она при оцѣнкѣ правъ того или другаго лица на званіе академика. Смотря на исторію Академіи. какъ на существенную часть исторіи русской литературы и просвѣщенія конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтій, авторъ представилъ рядъ монографій выдающихся членовъ Академіи. Въ V-мъ томѣ, вышедшемъ въ концѣ прошлаго года, помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ Болтина. Въ VI-й томъ войдетъ очеркъ жизни и дѣятельности Козодавлева. Часть этого тома сдана въ типографію.

Желая представить по возможности полныя характеристики, авторъ пользовался матеріалами, хранящимися въ различныхъ архивахъ, петербургскихъ и московскихъ: государственнымъ

архивомъ, сенатскимъ, московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, московскимъ архивомъ министерства юстиціи и т. д. Такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи получили свое образованіе за границей, преимущественно въ Лейпцигскомъ университетѣ, то М. И. Сухомлиновъ, во время пребыванія своего за границей, занимался въ библіотекѣ и архивѣ Лейпцигскаго университета. На основаніи собранныхъ тамъ матеріаловъ составленъ имъ очеркъ состоянія этого университета въ тѣ времена, когда учились въ немъ русскіе студенты. Очеркъ этотъ вошелъ въ ту часть труда, которая теперь печатается.

Въ одномъ изъ повременныхъ изданій М. И. Сухомлиновъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя». Здѣсь приводятся данныя, освѣщающія нѣкоторыя черты литературной дѣятельности знаменитаго писателя.

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ продолженіе своихъ Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха и первыя двѣ главы изслѣдованія о Южно-русскихъ былинахъ, имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, преимущественно былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла.

Труды академика И. В. Ягича распредѣлялись между руководимымъ имъ въ Берлинѣ журналомъ: Archiv für slavische Philologie и работами по Отдѣленію и по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій, занимаемой имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. На первыхъ-же порахъ его профессорской дѣятельности въ Россіи оказалось необходимымъ доставить желающимъ изучать церковно-славянскій языкъ пособіе, безъ котораго до тѣхъ поръ приходилось обходиться нашимъ славистамъ. Съ этою цѣлью ак. Ягичъ печатаетъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ. Текстъ уже отпечатанъ; теперь набирается, для приложенія къ этой книгѣ, словарь. — Занимаясь изученіемъ церковнославян-

скаго и древнеславянскаго языковъ по памятникамъ, И. В. Ягичъ вообще считаетъ необходимымъ предварительно провѣрить, насколько возможно, изданные до сихъ поръ тексты, такъ какъ правильные выводы о различныхъ звуковыхъ тонкостяхъ этихъ памятниковъ возможны лишь при ихъ вполнѣ точныхъ изданіяхъ. Съ этой цѣлью онъ прежде всего озаботился провѣркой доступныхъ ему здѣсь, уже напечатанныхъ текстовъ, но въ то-же время онъ имѣетъ въ виду также изданіе еще остающихся въ рукописяхъ, отличающихся древностью. На первой очереди стоитъ изданіе глаголическаго четвероевангелія изъ собранія покойнаго В. И. Григоровича. Оно уже приготовлено къ печати въ такомъ же видѣ, какъ Зографское евангеліе, по списку, сдѣланному съ подлинника; во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, ак. Ягичу удалось списать недостающіе въ означенной рукописи два листа этого памятника, находящіеся у Миклошича.

Сверхъ того академикъ Ягичъ печатаетъ свои «Чтенія о церковнославянскомъ языкѣ», которыя должны составить два тома: первый занимается фонетикой, второй будетъ посвященъ формамъ языка.

Значеніе Архива славянской филологіи, которымъ руководитъ нашъ сочленъ и въ которомъ онъ-же является главнымъ вкладчикомъ по различнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія—хорошо извѣстно. Пока ни одно изъ славянскихъ нарѣчій не доработалось путемъ внутренняго культурнаго роста до значенія общепринятаго, полезно, чтобы общеніе между ними выражалось на одномъ изъ языковъ, господствующихъ въ наукѣ. Но это—лишь одна сторона дѣла; другая открывается въ несомнѣнной пользѣ единенія славянской и западно-европейской науки, возможной лишь при обоюдномъ пониманіи. Я припоминаю недавнее заявленіе Макса Мюллера о языкахъ, имѣющихъ историческое право быть органами международной мысли; ни одного славянскаго между ними не находится, какъ нѣтъ напр. ни датскаго, ни испанскаго. Между тѣмъ славянскій изслѣдователь нерѣдко

касается вопросовъ метода и общихъ научныхъ положеній, имѣющихъ готовую литературу на западѣ, стало-быть, готовые моменты для критики, которыхъ не находитъ у себя дома, тогда какъ крѣпость научной гипотезы всегда измѣряется силой направленныхъ противъ нея критическихъ ударовъ. Не менѣе существенна, въ обще-научномъ смыслѣ, и возможность обратнаго воздѣйствія—славянской науки на западную. Южно-славянское и древне-русское развитіе поставлены были въ образовательныя условія во многомъ отличныя отъ тѣхъ, которыя обусловили историческій ростъ германо-романскаго запада. Эти условія намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ западному ученому; здѣсь, при научной постановкѣ дѣла, мы въ свою очередь можемъ быть вкладчиками въ познаніе греко-славянскаго міра,—этой политической, не культурной фикціи,— изученію котораго посвящаетъ себя, отчасти углубляя свою программу, и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. На такое углубленіе указываетъ уже мѣсто, отведенное въ работахъ Отдѣленія славистикѣ. Упомянемъ въ этой связи изданія Литовскихъ пѣсенъ Юшкевича и Сборника болгарскихъ пѣсенъ Качановскаго, предпринятыя въ этомъ году. Теоретически—эта программа могла-бы быть поставлена и еще шире, разумѣется, при иной организаціи Отдѣленія и усиленіи его наличныхъ рабочихъ силъ. Византійскія отношенія южнославянскихъ и древне-русской литературъ и, отчасти, русской народной словесности, могли-бы явиться столь-же плодотворной задачей для изслѣдователя-спеціалиста, какъ и вопросъ о значеніи византійскаго элемента вообще, до сихъ поръ остающійся у насъ вопросомъ вѣры или отрицанія на знамени той или другой литературной школы.

Изъ изданій, оконченныхъ въ текущемъ году, читатель, интересующійся судьбами русскаго просвѣщенія, несомнѣнно отмѣтитъ «Русскія народныя картинки» Д. А. Ровинскаго, занимающія *пять* (съ 23-го по 27-го) томовъ Сборника Отдѣленія.

Результатъ продолжительнаго труда, это изданіе является цѣннымъ вкладомъ не только въ исторію искусства на Руси, но и въ исторію литературныхъ и общественныхъ идей. Г. Ровинскій занимался собираніемъ лубочныхъ картинокъ въ теченіе 30-ти лѣтъ; его собственная коллекція, равно какъ коллекціи другихъ любителей и общественныхъ учрежденій, дали ему матеріалъ для великолѣпнаго атласа, предлагающаго въ трехъ томахъ художественныя воспроизведенія сказокъ, забавныхъ, историческихъ и духовныхъ листовъ. Первые четыре тома труда г. Ровинскаго, изданнаго нашимъ Отдѣленіемъ, даютъ обстоятельное описаніе и объясненіе картинокъ, помѣщенныхъ въ атласѣ, при чемъ воспроизводятся и древнѣйшіе тексты, сопровождающіе ихъ въ лубкахъ, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника и отличіями позднѣйшихъ изданій. — Большая часть пятаго тома этого изданія, который, вѣроятно, прочтется предпочтительно передъ всѣми другими, занята предисловіемъ, обобщеніемъ выводовъ, полученныхъ изъ разбора народныхъ картинокъ и скрѣпленныхъ массой сходныхъ данныхъ, указывающихъ на замѣчательную начитанность автора. Стоитъ только пробѣжать заглавіе отдѣловъ, на которые распадается предисловіе, чтобы убѣдиться въ его высокомъ интересѣ для историка отечественнаго просвѣщенія. Такъ пятый отдѣлъ озаглавленъ: Женщина по взглядамъ Пчелы. Женитьба; слѣдующія главы говорятъ: объ ученіи въ старые годы, о календаряхъ и альманахахъ; о народныхъ увеселеніяхъ, пьянствѣ и т. п., шутовствѣ и шутахъ, о шутовскихъ листахъ на иностранцевъ, о каррикатурахъ на французовъ въ 1812 году, о народномъ богомольѣ и, наконецъ, о картинкахъ, изданныхъ по распоряженію правительства.

Заглавіе: «Русскія народныя картинки» не введетъ въ заблужденіе никого, кто ознакомится хотя бы только съ предисловіемъ г. Ровинскаго. Въ сущности народнаго, т. е. вышедшаго изъ народа, въ нихъ крайне мало, за исключеніемъ немногихъ сказокъ, попавшихъ въ лубки, и то въ охорошенномъ видѣ. Все остальное содержаніе народныхъ картинокъ принадлежитъ къ исторіи «воздѣй-

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1881 годъ,

составленный академикомъ А. Н. Веселовскимъ,

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 года.

Дѣятельность 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ въ истекающемъ году опредѣлялась тѣми-же задачами изученія русскаго языка и словесности, которымъ оно всегда старалось удовлетворить по мѣрѣ наличныхъ силъ и въ границахъ спеціальныхъ занятій своихъ членовъ.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Макарій издалъ X-й томъ составляемой имъ Исторіи Русской церкви и напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько проповѣдей, въ томъ числѣ двѣ рѣчи Государю Императору при посѣщеніи Его Величествомъ Успенскаго собора въ Москвѣ и Троице-Сергіевской Лавры.

Академикъ Я. К. Гротъ печаталъ послѣдній, IX-й томъ изданія Державина, въ который, кромѣ дополненій къ предъидущимъ томамъ, войдутъ: полная библіографія литературы, касающейся этого писателя; статья о языкѣ его съ приложеніемъ лексическаго указателя къ его стихотвореніямъ; списокъ его портретовъ и бюстовъ; ноты къ нѣкоторымъ изъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку, и, наконецъ, именной и предметный указатель ко всему изданію.—Въ настоящее время

отпечатано около 30 листовъ; томъ выйдетъ въ наступающемъ году, и такимъ образомъ завершенъ будетъ многолѣтній трудъ, который надолго останется образцовымъ въ смыслѣ критическаго изданія и объясненія русскаго классика.

Послѣднія работы надъ изданіемъ Державина не помѣшали нашему сочлену удѣлить время и другимъ изысканіямъ. Такъ имъ написанъ и отчасти прочтенъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія очеркъ біографіи жившаго въ XVIII-мъ столѣтіи академика Лаксмана, составленный по книгѣ Лагуса, изданной на шведскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ; предпринятое академикомъ Гротомъ печатаніе сочиненій и переписки Плетнева продолжалось имъ и въ этомъ году и дало матерьялъ для статьи о перепискѣ Плетнева съ Пушкинымъ; въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издано было нѣсколько писемъ Дидрò къ Екатеринѣ II, отысканныхъ академикомъ въ Государственномъ Архивѣ; онъ же, разсмотрѣвъ всѣ четыре тома сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошича, составилъ о томъ записку, читанную имъ въ одномъ изъ засѣданіи Отдѣленія, и написалъ разборъ представленнаго на Ломоносовскую премію г. Подвысоцкимъ Словаря Архангельскаго нарѣчія.—Лѣтомъ этого года академикъ Гротъ участвовалъ по порученію Академіи въ бывшемъ въ Тифлисѣ V-мъ археологическомъ съѣздѣ.

Академикъ Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ работать надъ своимъ иконографическимъ трудомъ по славяно-русскому лицевому Апокалипсису и составилъ изслѣдованіе о рукописной Псалтыри Троицкой Лавры, XV вѣка, изданное Обществомъ любителей древней письменности. Къ изданію приложены снимки разнообразнаго письма и украшеній, расписанныхъ красками и золотомъ; особаго вниманія заслуживаютъ заглавныя буквы и заставки, составленныя только изъ зеленой листвы, съ оттушеванными тѣнями: единственное явленіе въ исторіи славяно-русскаго орнамента, свидѣтельствующее о первыхъ попыткахъ къ свободному воспроизведенію натуры, не стѣсняемому уже услов-

ными пріемами традиціоннаго стиля, господствующаго въ украшеніяхъ нашихъ рукописей XV вѣка.

Академикъ А. Ф. Бычковъ въ теченіе 1881 года напечаталъ, при отчетѣ о дѣятельности отдѣленія Русскаго языка и словесности въ 1880 году, очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ покойнаго академика И. И. Срезневскаго, съ приложеніемъ списка всѣхъ его сочиненій. Онъ-же окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ предпринятаго имъ описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки, которымъ заключается первый томъ этого труда. Въ настоящемъ выпускѣ подробно описаны 23 сборника (XVI—XVIII вв.), въ которыхъ академикомъ Бычковымъ открыто нѣсколько бывшихъ доселѣ неизвѣстными памятниковъ, каковы напр.: два посланія протопопа Благовѣщенскаго собора Терентія къ Лжедимитрію; посланіе молдавскаго эпископа Василія къ московскому митрополиту Геронтію, отъ 2 февраля 1484 года, по поводу возбужденнаго въ Москвѣ вопроса о хожденіи посолонь; новая редакція апокрифическаго сказанія о сотвореніи Адама, сверженіи Сатанаила съ неба и изгнаніи Адама изъ рая; любопытное своими особенностями и разговорною формою, повѣствованіе о царствованіи Θеодора Іоанновича, Бориса Годунова и Лжедимитрія; окончаніе письма царя Алексѣя Михайловича къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, рисующее дружескія къ нему отношенія Государя, и нѣк. друг. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ приведены болѣе или менѣе значительныя выдержки, а изъ другихъ много разночтеній къ напечатаннымъ текстамъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія читана имъ записка о хранящемся въ Рижской городской библіотекѣ отрывкѣ Слова, несомнѣнно принадлежащемъ къ XI вѣку.

Продолжая занятія по собранію писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго и желая сдѣлать его по возможности полнымъ, академикъ Бычковъ обратилъ вниманіе на сохранившіяся отвѣтныя письма разныхъ лицъ къ Государю, въ которыхъ находятся положительныя указанія на время написанія

имъ отправленныхъ къ нимъ писемъ. Разсмотрѣніе этихъ отвѣтовъ вновь подтвердило предположеніе, что значительное число писемъ преобразователя Россіи къ разнымъ лицамъ утрачено. Въ виду того, что въ этихъ отвѣтахъ нерѣдко излагается довольно подробно содержаніе писемъ Государя, академикъ Бычковъ приступилъ, на сколько это возможно, къ ихъ собранію и перепискѣ для I-го тома, печатаніе котораго уже началось.

Кромѣ того онъ занимался редакціею новаго изданія труда И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка», для котораго доставлено имъ нѣсколько дополненій.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ продожалъ въ теченіе отчетнаго года работы свои по Исторіи Россійской Академіи. Во введеніи къ этому труду, котораго вышло доселѣ пять томовъ, указана главная его задача и точка зрѣнія автора. Тамъ сказано: «Россійская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами, отъ Державина и Фонъ-Визина въ XVIII столѣтіи до Карамзина и Востокова въ XIX-мъ. Въ трудахъ и во всей дѣятельности Академіи выражается современное ей состояніе русской литературы и русскаго общества. Для исторіи Академіи важно не только то, что сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академической дѣятельности, но и то, какія лица вошли въ составъ Россійской Академіи, и какими началами руководствовалась она при оцѣнкѣ правъ того или другаго лица на званіе академика. Смотря на исторію Академіи. какъ на существенную часть исторіи русской литературы и просвѣщенія конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтій, авторъ представилъ рядъ монографій выдающихся членовъ Академіи. Въ V-мъ томѣ, вышедшемъ въ концѣ прошлаго года, помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ Болтина. Въ VI-й томъ войдетъ очеркъ жизни и дѣятельности Козодавлева. Часть этого тома сдана въ типографію.

Желая представить по возможности полныя характеристики, авторъ пользовался матеріалами, хранящимися въ различныхъ архивахъ, петербургскихъ и московскихъ: государственнымъ

архивомъ, сенатскимъ, московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, московскимъ архивомъ министерства юстиціи и т. д. Такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи получили свое образованіе за границей, преимущественно въ Лейпцигскомъ университетѣ, то М. И. Сухомлиновъ, во время пребыванія своего за границей, занимался въ библіотекѣ и архивѣ Лейпцигскаго университета. На основаніи собранныхъ тамъ матеріаловъ составленъ имъ очеркъ состоянія этого университета въ тѣ времена, когда учились въ немъ русскіе студенты. Очеркъ этотъ вошелъ въ ту часть труда, которая теперь печатается.

Въ одномъ изъ повременныхъ изданій М. И. Сухомлиновъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя». Здѣсь приводятся данныя, освѣщающія нѣкоторыя черты литературной дѣятельности знаменитаго писателя.

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ продолженіе своихъ Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха и первыя двѣ главы изслѣдованія о Южно-русскихъ былинахъ, имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, преимущественно былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла.

Труды академика И. В. Ягича распредѣлялись между руководимымъ имъ въ Берлинѣ журналомъ: Archiv für slavische Philologie и работами по Отдѣленію и по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій, занимаемой имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. На первыхъ-же порахъ его профессорской дѣятельности въ Россіи оказалось необходимымъ доставить желающимъ изучать церковно-славянскій языкъ пособіе, безъ котораго до тѣхъ поръ приходилось обходиться нашимъ славистамъ. Съ этою цѣлью ак. Ягичъ печатаетъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ. Текстъ уже отпечатанъ; теперь набирается, для приложенія къ этой книгѣ, словарь. — Занимаясь изученіемъ церковнославян-

скаго и древнеславянскаго языковъ по памятникамъ, И. В. Ягичъ вообще считаетъ необходимымъ предварительно провѣрить, насколько возможно, изданные до сихъ поръ тексты, такъ какъ правильные выводы о различныхъ звуковыхъ тонкостяхъ этихъ памятниковъ возможны лишь при ихъ вполнѣ точныхъ изданіяхъ. Съ этой цѣлью онъ прежде всего озаботился провѣркой доступныхъ ему здѣсь, уже напечатанныхъ текстовъ, но въ то-же время онъ имѣетъ въ виду также изданіе еще остающихся въ рукописяхъ, отличающихся древностью. На первой очереди стоитъ изданіе глаголическаго четвероевангелія изъ собранія покойнаго В. И. Григоровича. Оно уже приготовлено къ печати въ такомъ же видѣ, какъ Зографское евангеліе, по списку, сдѣланному съ подлинника; во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, ак. Ягичу удалось списать недостающіе въ означенной рукописи два листа этого памятника, находящіеся у Миклошича.

Сверхъ того академикъ Ягичъ печатаетъ свои «Чтенія о церковнославянскомъ языкѣ», которыя должны составить два тома: первый занимается фонетикой, второй будетъ посвященъ формамъ языка.

Значеніе Архива славянской филологіи, которымъ руководитъ нашъ сочленъ и въ которомъ онъ-же является главнымъ вкладчикомъ по различнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія—хорошо извѣстно. Пока ни одно изъ славянскихъ нарѣчій не доработалось путемъ внутренняго культурнаго роста до значенія общепринятаго, полезно, чтобы общеніе между ними выражалось на одномъ изъ языковъ, господствующихъ въ наукѣ. Но это—лишь одна сторона дѣла; другая открывается въ несомнѣнной пользѣ единенія славянской и западно-европейской науки, возможной лишь при обоюдномъ пониманіи. Я припоминаю недавнее заявленіе Макса Мюллера о языкахъ, имѣющихъ историческое право быть органами международной мысли; ни одного славянскаго между ними не находится, какъ нѣтъ напр. ни датскаго, ни испанскаго. Между тѣмъ славянскій изслѣдователь нерѣдко

касается вопросовъ метода и общихъ научныхъ положеній, имѣющихъ готовую литературу на западѣ, стало-быть, готовые моменты для критики, которыхъ не находитъ у себя дома, тогда какъ крѣпость научной гипотезы всегда измѣряется силой направленныхъ противъ нея критическихъ ударовъ. Не менѣе существенна, въ обще-научномъ смыслѣ, и возможность обратнаго воздѣйствія—славянской науки на западную. Южно-славянское и древне-русское развитіе поставлены были въ образовательныя условія во многомъ отличныя отъ тѣхъ, которыя обусловили историческій ростъ германо-романскаго запада. Эти условія намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ западному ученому; здѣсь, при научной постановкѣ дѣла, мы въ свою очередь можемъ быть вкладчиками въ познаніе греко-славянскаго міра,—этой политической, не культурной фикціи,— изученію котораго посвящаетъ себя, отчасти углубляя свою программу, и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. На такое углубленіе указываетъ уже мѣсто, отведенное въ работахъ Отдѣленія славистикѣ. Упомянемъ въ этой связи изданія Литовскихъ пѣсенъ Юшкевича и Сборника болгарскихъ пѣсенъ Качановскаго, предпринятыя въ этомъ году. Теоретически—эта программа могла-бы быть поставлена и еще шире, разумѣется, при иной организаціи Отдѣленія и усиленіи его наличныхъ рабочихъ силъ. Византійскія отношенія южнославянскихъ и древне-русской литературъ и, отчасти, русской народной словесности, могли-бы явиться столь-же плодотворной задачей для изслѣдователя-спеціалиста, какъ и вопросъ о значеніи византійскаго элемента вообще, до сихъ поръ остающійся у насъ вопросомъ вѣры или отрицанія на знамени той или другой литературной школы.

Изъ изданій, оконченныхъ въ текущемъ году, читатель, интересующійся судьбами русскаго просвѣщенія, несомнѣнно отмѣтитъ «Русскія народныя картинки» Д. А. Ровинскаго, занимающія *пять* (съ 23-го по 27-го) томовъ Сборника Отдѣленія.

Результатъ продолжительнаго труда, это изданіе является цѣннымъ вкладомъ не только въ исторію искусства на Руси, но и въ исторію литературныхъ и общественныхъ идей. Г. Ровинскій занимался собираніемъ лубочныхъ картинокъ въ теченіе 30-ти лѣтъ; его собственная коллекція, равно какъ коллекціи другихъ любителей и общественныхъ учрежденій, дали ему матеріалъ для великолѣпнаго атласа, предлагающаго въ трехъ томахъ художественныя воспроизведенія сказокъ, забавныхъ, историческихъ и духовныхъ листовъ. Первые четыре тома труда г. Ровинскаго, изданнаго нашимъ Отдѣленіемъ, даютъ обстоятельное описаніе и объясненіе картинокъ, помѣщенныхъ въ атласѣ, при чемъ воспроизводятся и древнѣйшіе тексты, сопровождающіе ихъ въ лубкахъ, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника и отличіями позднѣйшихъ изданій. — Большая часть пятаго тома этого изданія, который, вѣроятно, прочтется предпочтительно передъ всѣми другими, занята предисловіемъ, обобщеніемъ выводовъ, полученныхъ изъ разбора народныхъ картинокъ и скрѣпленныхъ массой сходныхъ данныхъ, указывающихъ на замѣчательную начитанность автора. Стоитъ только пробѣжать заглавіе отдѣловъ, на которые распадается предисловіе, чтобы убѣдиться въ его высокомъ интересѣ для историка отечественнаго просвѣщенія. Такъ пятый отдѣлъ озаглавленъ: Женщина по взглядамъ Пчелы. Женитьба; слѣдующія главы говорятъ: объ ученіи въ старые годы, о календаряхъ и альманахахъ; о народныхъ увеселеніяхъ, пьянствѣ и т. п., шутовствѣ и шутахъ, о шутовскихъ листахъ на иностранцевъ, о каррикатурахъ на французовъ въ 1812 году, о народномъ богомольѣ и, наконецъ, о картинкахъ, изданныхъ по распоряженію правительства.

Заглавіе: «Русскія народныя картинки» не введетъ въ заблужденіе никого, кто ознакомится хотя бы только съ предисловіемъ г. Ровинскаго. Въ сущности народнаго, т. е. вышедшаго изъ народа, въ нихъ крайне мало, за исключеніемъ немногихъ сказокъ, попавшихъ въ лубки, и то въ охорошенномъ видѣ. Все остальное содержаніе народныхъ картинокъ принадлежитъ къ исторіи «воздѣй-

ствія» на народъ, болѣе или менѣе глубоко, иногда вовсе не проникнувшаго въ его сознаніе; воздѣйствія духовнаго, литературнаго и политическаго. Первое представляется цѣлой группой «духовныхъ листовъ»; второе гораздо разнообразнѣе и по источникамъ и по свободному народному претворенію, которому подвергались картинки этого типа: никто съ перваго раза не узнаетъ въ «славномъ объѣдалѣ и веселомъ опивалѣ» картинку, занесенную къ намъ изъ Франціи и изображавшую Людовика XVI, а древнюю стихотворную повѣсть объ Аристотелѣ и Филлидѣ — въ лубкѣ Петровскаго времени: нѣмка въ турецкомъ костюмѣ сидитъ верхомъ на бородатомъ старикѣ; у ней въ рукахъ кувшинъ съ пивомъ и штофъ съ виномъ; это—«нѣмка посулила старику пива, да съ ногъ его сбила».— Народъ шелъ еще далѣе въ своемъ пріуроченіи: всѣ эти захожіе Бовы и Людовики явились ему *богатырями*; такъ называютъ въ Осташковѣ лубочныя картинки, подъ этимъ названіемъ знавалъ ихъ и Державинъ, когда говоритъ, что въ молодости своей покупалъ богатырей, что печатались въ Москвѣ, и раскрашивалъ ихъ.

Интереснѣе исторія правительственнаго воздѣйствія на народныя картинки, то сдерживавшіяся, то поощрявшіяся, особенно въ области сатиры, которую Петръ Великій запрещалъ подъ угрозой «злѣйшихъ истязаній», хотя самъ прибѣгалъ къ ней съ цѣлью пропаганды своихъ преобразовательныхъ начинаній. Картинка «Раскольникъ и цирюльникъ» издана по его желанію, съ цѣлью поглумиться надъ раскольничьимъ культомъ бороды. По смерти крутаго преобразователя сатира вздохнула свободнѣе: «небылица въ лицахъ, найденная въ старыхъ свѣтлицахъ, обрѣтенная въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ», помѣчена въ самыхъ древнихъ изданіяхъ этой картинки годомъ, мѣсяцемъ, днемъ и часомъ смерти Петра Великаго.

И далѣе продолжается въ исторіи народной картинки тоже чередованіе правительственной роли, то возбуждающей, то задерживающей. Первая сказалась въ картинкѣ Екатерининскаго

времени: «Польза оспопрививанія», въ группѣ каррикатуръ, вызванныхъ событіями 1812 года; но рядомъ идутъ и другія мѣры: уже указъ 1614 года воспрещалъ продажу лубковъ; попытки ихъ цензурной регламентаціи привели наконецъ къ Высочайшему указу 1850 года, въ исполненіе котораго «московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣющія цензурнаго дозволенія, и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго. Въ исполненіе этаго приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ при участіи полиціи въ куски и продали въ домъ въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе безцензурное народное балагурство», заключаетъ г. Ровинскій.

И такъ «народность» лубочной картинки касается собственно того, что назначено было *обращаться* въ народѣ, при случаѣ — и повліять на него. Эта точка зрѣнія важна для возможныхъ выводовъ: кривлявое ухарство Ростопчинской афиши нельзя будетъ вмѣнить русскому крестьянину 1812 года, какъ задоръ солдатской пѣсни не есть необходимо задоръ народный. Нѣсколько народныхъ картинокъ заимствовали свой текстъ и его соотвѣтствующія изображенія изъ древнихъ аскетическихъ поученій противъ женъ. «Конечно, проповѣдное озлобленіе Пчелы и бесѣдъ противъ женщины не имѣло никакого значенія въ народномъ быту», говоритъ г. Ровинскій: «народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его глупому разуму: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, значитъ и слѣдуетъ ему бабу достать, да семью завести, и не умерщвленіемъ плоти заниматься, а просто работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ посѣялъ—значитъ, нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе у составителя Пчелы не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ злобный отшельникъ далеко не прочь залучить въ свою келію «повапленаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Никто непосѣтуетъ на г. Ровинскаго за подробность нѣкоторыхъ объяснительныхъ статей, представляющихъ, по его словамъ, «кровный интересъ для исторіи народнаго обихода».

Отъ живыхъ перейдемъ къ мертвымъ, отъ интересовъ прошлаго къ утратамъ настоящаго.

Въ истекшемъ году 2-е Отдѣленіе лишилось четырехъ изъ своихъ членовъ-корреспондентовъ: съ 13 на 14 января скончался ординарный профессоръ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ Университетѣ, Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ (корреспондентъ Академіи съ 1878 года); 28-го января, Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій (корреспондентъ Академіи съ 1877 года), 30 мая, Андрей Николаевичъ Поповъ)корреспондентъ Академіи съ 1878 г.), 29 сентября, Александръ Александровичъ Котляревскій (корреспондентъ Академіи съ 1875 г.).

Жизнь М. А. Колосова была жизнью труженика, добившагося извѣстнаго признанія путемъ лишеній и борьбы. Рожденный въ небогатой купеческой семьѣ, М. А. получилъ первоначальное образованіе въ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ Курской гимназіи, откуда былъ исключенъ за найденный у него дневникъ, въ которомъ былъ слишкомъ откровененъ о своемъ начальствѣ. Начались годы блужданій и невзгодъ среди стремленій къ одной цѣли: образованію, ради которой приходилось жить въ комнатѣ безъ мебели и постели, писать лежа, отправляться пѣшкомъ на мѣсто приходскаго учителя изъ Харькова въ Купянскъ, на $4^1/_2$ рублей жалованья въ мѣсяцъ. Таковъ былъ путь въ Университетъ, за которымъ открылись годы учительства и въ 1871 году каѳедра русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ—и возможность производительныхъ научныхъ работъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаютъ: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе» (1872 г.) и «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка»

(1878). Въ 1875—76 году Колосовъ былъ командированъ на средства Отдѣленія въ сѣверныя губерніи Россіи для наблюденій надъ сѣверно-русскими говорами; о результатахъ своей ученой поѣздки онъ сообщалъ своевременно, въ Отчетахъ нашего Отдѣленія, поспѣшившаго избрать его своимъ членомъ-корреспондентомъ въ 1878 г. Усиленная дѣятельность покойнаго по изданію Филологическаго Вѣстника, основаннаго имъ въ концѣ того-же года, пошатнула его всегда слабое здоровье. Онъ скончался въ Ялтѣ, отъ чахотки, на 42-мъ году, среди новыхъ ученыхъ плановъ, которымъ не суждено было осуществиться.

Спокойная оцѣнка литературной дѣятельности Достоевскаго принадлежитъ будущему — не потому, чтобы приговоры современниковъ не коснулись сущности его таланта, а потому, что въ современную оцѣнку обыкновенно привлекаются частности, которымъ злоба дня даетъ значеніе чего-то существеннаго, въ томъ или другомъ смыслѣ, но которымъ въ исторической перспективѣ надлежитъ исчезнуть. Противоположныя сужденія о Достоевскомъ, раздѣляющія нашу литературу, указываютъ на элементы этой временной существенности: писатель-романистъ не отдѣляется отъ публициста, и часто приговоръ надъ первымъ опредѣляется сочувствіемъ или несочувствіемъ второму.

Несомнѣнное дарованіе Достоевскаго, сказавшееся уже въ его Бѣдныхъ людяхъ и обратившее на него вниманіе Бѣлинскаго, ставитъ его въ разрядъ выдающихся дѣятелей нашей литературы. Кому неизвѣстна мощная сила его психологическаго анализа, анализа до мелочей, до страшныхъ болѣзненныхъ откровеній, среди которыхъ иная психическая черта, незримая для обыкновеннаго глаза, получала характеръ чего-то грандіознаго, наполнялось содержаніемъ человѣчности? Нужды нѣтъ, что этому анализу приносился нерѣдко въ жертву планъ романа, что типы являлись какъ-бы подобранными для анализа, изолированными въ его цѣляхъ, односторонними: это, по преимуществу, больные духомъ, бѣдные, униженные и оскорбленные, люди мертваго дома въ широкомъ смыслѣ этого слова. Впечатлѣнія каторги не вы-

звали, а лишь точнѣе опредѣлили этотъ выборъ, обусловленный и психическими условіями таланта и общественными теченіями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ впервые сложился. Раскрывая въ загнанныхъ отщепенцахъ прежде всего людей, братьевъ, слагая съ нихъ долю вины и осужденія, чтобы то и другое возложить на общество и внѣшнія условія жизни, Достоевскій органическимъ путемъ приходилъ къ постановкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ соціальнаго характера. Такъ или иначе, онъ долженъ былъ осмыслить себѣ «страшную правду» своихъ разсказовъ, чего такъ страстно добивался отъ него Бѣлинскій. Уже Макаръ Дѣвушкинъ «вольнодумствуетъ» въ этомъ направленіи, хотя почти тотчасъ-же кается и бичуетъ себя за «ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ».

Частныхъ выводовъ общественнаго характера, къ которымъ неизбѣжно приводилъ психологическій анализъ, у Достоевскаго цѣлое богатство. Въ какой логической связи стоятъ эти выводы съ той широкой общественной программой, съ ея идеями смиренія и всечеловѣчности и т. д., съ которой Достоевскій выступилъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности — это, вѣроятно, рѣшатъ будущіе критики, если сумѣютъ отрѣшиться отъ поползновенія—видѣть во всемъ предыдущемъ лишь приготовленіе послѣдующаго, всюду открывая цѣльность одного и того-же медленно назрѣвавшаго міровоззрѣнія. Мы, по крайней мѣрѣ, не беремся помирить на этомъ вопросѣ поклонниковъ Мертваго дома — съ поклонниками Дневника и Пушкинской рѣчи, мирно сошедшихся въ невиданныхъ дотолѣ проводахъ, какія никогда еще не устраивала Русская земля своему писателю. Всякій хоронилъ *своего* Достоевскаго, но и тѣ и другіе сходились въ признаніи его — художникомъ психическаго анализа, великимъ знатокомъ сердца, преимущественно современнаго, наболѣвшаго сердца.

Достоевскій умеръ на 61 году; Андрею Николаевичу Попову, память котораго наше Отдѣленіе обязано занести въ свои лѣтописи, не было и 40 лѣтъ отъ роду, когда его скосилъ не-

дугъ, отчасти нажитый въ страстной, до надрыванія силъ, научной дѣятельности. Знакомому съ движеніемъ въ области разработки древне-русской письменности, извѣстны: его замѣчательный Обзоръ хронографовъ русской редакціи, его Описаніе рукописей и каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки А. П. Хлудова, его Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ; наконецъ его вклады въ «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древности», секретаремъ котораго онъ состоялъ съ 1877 года, и для котораго продолжалъ трудиться неустанно, когда силы уже измѣняли ему и каждая послѣдняя книга, готовившаяся имъ къ выпуску, представлялась ему «посмертной». Ученая репутація А. Н. шла въ разрѣзъ съ вопросами матеріальнаго обезпеченія: онъ умеръ — экстраординарнымъ профессоромъ Лазаревскаго института и существовалъ средствами, которыя доставляло ему его—Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. Энтузіастъ и аскетъ науки, онъ жилъ въ сторонѣ отъ того торнаго пути, по которому другіе срываютъ цвѣтки благоуспѣянія и благоустроенія; жался со своими любимыми книгами на окраинахъ Москвы, гдѣ жилось дешевле, и, когда случалось ему подвигаться ближе къ центру, шутя сравнивалъ свое кочеваніе съ возрастающей смѣлостью уѣзднаго мастероваго, который, богатѣя, становится все хвастливѣе на своихъ вывѣскахъ. Но вывѣска не измѣнялась; служеніе чистой наукѣ не окупается. Единственное наслѣдіе, завѣщанное А. Н. своей дочери, круглой сиротѣ — его собраніе рукописей (200 томовъ), недавно пріобрѣтенное Московскимъ Румянцовскимъ музеемъ, и нѣсколько ученыхъ работъ, между которыми, говорятъ, есть трудъ вполнѣ оконченный и готовый для печати.

Наконецъ — еще одна утрата, лишь недавно понесенная нашимъ Отдѣленіемъ: 29 сентября скончался въ Пизѣ профессоръ Кіевскаго университета А. А. Котляревскій, скончался отъ болѣзни, зачатки которой появились въ немъ въ 60-хъ годахъ. Даровитый и остроумный, библіоманъ и начетчикъ со студен-

ческой скамьи, ученикъ Бодянскаго и Буслаева, онъ представлялъ собою цѣльный научный типъ, опредѣленный преданіями пройденной школы и строемъ личной талантливости. Его Старина и Народность 1862 года показываетъ въ зародышѣ черты, которыя составляютъ достоинства его послѣдняго (пока неконченнаго въ печати) труда: «Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія»; его извѣстныя изслѣдованія О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ и Древности юридическаго быта Славянъ — свидѣтельствуютъ о его живомъ интересѣ къ культурнымъ отношеніямъ Славянства, которымъ онъ посвящалъ и лекціи, читанныя имъ въ Кіевскомъ университетѣ.

Огромная начитанность въ литературѣ не только Славянской, но и Западной, обнаруживается уже въ его юношескихъ, почти студенческихъ трудахъ. Въ этомъ была его сила и его слабость. Вереницы ученыхъ мнѣній, выводовъ, системъ проходили передъ нимъ, копились вопросы и рѣшенія за и противъ; выборъ Котляревскаго отличался всегда осторожною трезвостью; но отсюда-же вырабатывалась особая осторожность, переходившая въ научный скепсисъ, болѣе и болѣе сказывавшійся на его лекціяхъ, и въ связи съ тѣмъ, быть можетъ, неохота чаще выступать изъ библіологіи въ область личнаго изслѣдованія. Съ другой стороны тоже обширное чтеніе привило покойному ту жилку сравненія своего съ чужимъ, при которой невозможны одностороннія увлеченія не только научными системами, но и народностью и славянскимъ вопросомъ. Начиная отъ студенческой скамьи до послѣднихъ лѣтъ университетской дѣятельности, на лекціяхъ, въ намекахъ библіологіи и въ письмахъ, писанныхъ не задолго до смерти — Котляревскій оставался все тѣмъ же отрицателемъ этой односторонности, ставшей у насъ девизомъ школы. Его отношеніе къ славянству, говорятъ его слушатели, были отношенія научной симпатіи и живаго интереса, далекаго отъ какихъ-либо политическихъ мечтаній. Приписывать покойному другія тенденціи значитъ говорить противъ живыхъ фактовъ.

Некрологи, которыми по неволѣ приходится закончить нашъ годичный отчетъ, наводятъ на соображенія далеко не радужнаго свойства. Изъ четырехъ смертей три, по крайней мѣрѣ, ненормально-раннія: труженики сходятъ со сцены въ чахоткѣ, иные не достигнувъ 40-лѣтняго возраста, другіе едва перейдя его, еще полные нравственныхъ и умственныхъ силъ. Въ этомъ есть доля случайности; но если-бъ причины такого явленія оказались въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ непроизводительной затратѣ силъ на борьбу съ жизнью, съ ея экономическими и другими отношеніями, борьбу, въ которой заживо хоронится половина человѣка, и лишь другая, искалеченная, добирается до цѣли: еслибъ все это оказалось вѣрнымъ хоть отчасти, намъ осталось-бы пожелать, чтобы исчезли наконецъ тѣ условія, которыя такъ безвременно коротаютъ жизнь «бѣдныхъ людей» русской мысли.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМИИ,

составленный академикомъ Я. К. Гротомъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 года.

Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листового формата, 459 стр. кромѣ предисловія.

Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи родного языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря». Впрочемъ значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ трудахъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ областной

словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ областного нашего словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *Архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего областного словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное «Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ». Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г. стр. 121—167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка[1]) со спискомъ 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи». Въ новѣйшее же время въ «Трудахъ Арханг. Статистическаго Комитета» (Кн. I, 1866, стр. 45—49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баекъ или колыбельныхъ пѣсень (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешенинымъ. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ

---

[1]) Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому областному словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова́, записанныя имъ, по просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи [1]).

Нынче представленъ въ Отдѣленіе рукописный «Словарь областного Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи», составленный управляющимъ Архангельскою Конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, проживщій 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его своими особенностями слова́, обороты, поговорки и т. п., и такимъ то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.—Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ словъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ областнымъ словаремъ и толковымъ словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ спеціальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи

[1]) Не упоминаю здѣсь о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцовымъ и Фортунатовымъ, такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія.

встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, показываетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. Подвысоцкаго. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ и, наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однако же я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что результатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ областномъ словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: «*мести*; такъ *подпахать*, *выпахать* вм. *подмести*, *вымести*, напр. *выпаши дворъ*»; у другого (К): «кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы*, *под*. *Подпах-*

нуть полъ въ избѣ. Трубу *пахать*—очищать отъ сора дымовую трубу у печки». Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ *пахать* цѣлый рядъ фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу — вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь—уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ, — того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ, — мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу — мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ».*

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: «пахать смолу» (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ областнымъ словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: «Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ». У г. Данилевскаго сказано: «то же, что *разъѣздъ:* Широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ или, лучше сказать, передняя часть мережи»... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: «Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдвáривать*, а обходъ—*сдвáриваніе*. Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса, — такъ называе-

мые *корневые ка́рбасы*, — сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ, какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ; изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *кдячевые* или *запъздные карбасы*, и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ сдвариванія, управляются самыми опытными промышленниками. (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)».

Возьмемъ еще слово *мани́ха*, которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, что́ въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха*, по объясненію Кузмищева, — «ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима».

Г. Данилевскій говоритъ: «явленіе замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться». Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: «Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $1/2$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или въ 2 $1/2$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ». Г. Подвысоцкій съ своей стороны такъ опредѣляетъ *маниху*:

«случающаяся на побрежьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — возвышеніе это продолжается только около $2^1/_2$ часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маниха пáлая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маниха прибылáя*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманиха*». Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: «Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно». Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: «дѣйствительная, правильная послѣ манихи прибылая вода».

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части «Путешествій» Лепехина, который напр. *маниху* называетъ «малымъ приливомъ и отливомъ» (стр. 35). У него же встрѣтились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого

морскаго звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucas), но напрасно отожествляетъ его съ Морской Коровой, видомъ, который, какъ извѣстно давно уже вымеръ, развѣ можетъ-быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго Океана. 3) *Весновальный кáрбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: «ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *крень, кренья*». 4) *Желѣзныя ворота* — морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*—стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): «Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, чтó все они подъименемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами». У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корешки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: «случается» говоритъ онъ (12), «что на одномъ торосѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карбасъ всего юркá къ берегу притащить не можетъ» или далѣе: «всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ». У г. Подвысоцкаго читаемъ: «*юрокъ, въюрокъ, юрка* — связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣ-

рей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части судна *стягъ*». Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію это — «извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрóкъ вицей (прутьевъ)». Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смольё* и *пѣкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450) *Щапъ* — это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смолье* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пѣкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2—3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разныя роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. «Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи». Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ

такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: «Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посрединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго укола свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ*, *раньщикъ*».

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими, говоритъ между прочимъ: «патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводитъ (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *«крестованья»* и предлагаетъ знакомцу-помору *«покрестоваться»*, то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями». Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ областномъ словарѣ. Даль прибавляетъ: «Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ, то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ покол́ѣ не пристроитъ брата», при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ-быть тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь, напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, озна-

чающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): «олени отъ своего рожденія до 5 лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ* самка — *вóнделкою;* на 3-мъ самецъ — *убарсомъ*, самка — *вонделваженкою*; на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей на всегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*». Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *ярица*. Названія же *вонделваженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лóпанка* (такъ называется олень моложе годоваго возраста) и *хора* — трехлѣтней взрослый самецъ [1]).

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провинціализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

---

[1]) Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ*; вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ—контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе, 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *заручение* находимъ слѣдующія подробности: «обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужство; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не подвести себя подъ сомнѣніе* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту

(позволяютъ смотрѣть ее), при чемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручёнье*, также: *рукобитье*, *пропой* (говорятъ: *пропиваютъ невѣсту*), *смотрины*, *маленькое смотрѣніе*, *смотрѣньице*; просватать же невѣсту называется: *пропи́ть*, *просандáлить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, при чемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки».

«*Заплачка*:—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище*, *голошéніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище, голошеніе*, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *приплáкиваетъ*, *бѣднится*: *отдалъ ты меня, батюшка, да приневолилъ*—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти, дитятко, съ Богомъ, живи хорошенько*.

«*Пáра*: стариннаго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужь баско, очень басисто какъ*

наша краля материнску пару надѣла». Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька*:—«большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. Когда передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождемъ не смочитъ*. При входѣ въ церковь сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха,—даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно*: «обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этаго начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіи котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая*? на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно».

«*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый*. Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ мо-

литву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ; наконецъ отводитъ новобрачныхъ на подклѣть къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь».

«*Подклѣть*—одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого,—а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодаго беретъ два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылькою новобрачную».

«*Почёстный столъ*, *почёстье*: 1) обѣденный столъ у жениха послѣ заручeнья 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодаго».

«*Хлѣбины*, *Красной столъ*—обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей».

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

«*Бородá завйть*—окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода завить*—сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завить*—сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. просятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на пóжнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода*, а звать на помочь для уборки—*звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ

колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣлается собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры».

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: «каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ». *Молить вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молить вѣтеръ, чтобы* не *серчалъ и давалъ льготу дорогимъ лѣтникамъ*; на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *встокъ да обѣдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, встокова плѣшь напередъ пошла*, — бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла.* По окончаніи этого припѣва, осматриваютъ брошенныя

лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ; если же по которой нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку таракана, пускаютъ ее на воду, приговаривая: *поди тараканъ въ воду, подними тараканъ сѣверъ,* т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега».

«*Уличный уставъ.* Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо оффиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности».

Наконецъ остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго областного словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является еще въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

«*Выть.* 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).— 2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день* — кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти* — съѣлъ втрое. *Ѣшь, не пьшь, а за выть сочтутъ* т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти заразъ охлестывать. Позолотить выть*—полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе*, — харчи, недостаточная скудная пища. 3) Пора ѣды и въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: *въ три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть — завтракъ, между 4 и 6 часами утра,

смотря по досугу и работѣ; 2-я выть—обѣдъ; 3-я выть—между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть—ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е. въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалоникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору выть былъ я у ево, а онъ, сказывали въ дому, ужь со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на выть, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду выть да руки мыть.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на выть* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна, является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ: *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую выть звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.* 4) Всякіе вообще съѣстные припасы. 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У ево за все больша выть. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить выть*—утолить аппетитъ. *Маловытной,* не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной*».

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ

познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы «изъ живого источника собрать матеріалъ областного народнаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями». Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія!— Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго колыбелью отца нашей новой художественной литературы,—нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.

ОТЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Высочайше учрежденный Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину окончательно завершилъ свою дѣятельность, передавъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени Пушкина 20,000 рублей.

Публикуя во всеобщее свѣдѣніе утвержденныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія правила объ этихъ преміяхъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности нужнымъ считаетъ пояснить, что первый конкурсъ будетъ продолжаться до 29-го января 1882 года; первое же присужденіе преміи, въ случаѣ удостоенія ею какого-либо труда, имѣетъ быть объявлено 19-го октября того же года.

Правила о преміяхъ А. С. Пушкина.

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1881 года, въ честь Александра Сергѣевича Пушкина учреждаются при Императорской Академіи Наукъ преміи его имени за сочиненія, указанныя ниже въ пунктѣ 9-мъ.

2. На упомянутыя въ пунктѣ 1-мъ преміи назначается, согласно постановленію Высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину комитета, капиталъ въ *двадцать тысячъ рублей*, оставшійся, за всѣми расходами на сей послѣдній предметъ, отъ собранной по подпискѣ суммы.

3. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ третьяго Восточнаго займа, передается въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ и остается навсегда неприкосновеннымъ; преміи же присуждаются изъ процентовъ онаго.

Примѣчаніе. Отъ Академіи Наукъ зависитъ по ея усмотрѣнію пріобрѣсти и другія процентныя бумаги, съ тѣмъ чтобы таковыя непремѣнно были государственныя или гарантированныя Правительствомъ и давали не менѣе 5% съ капитала.

4. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1,000 руб.; за сочиненія же, въ значительной мѣрѣ отвѣчающія опредѣленнымъ требованіямъ, могутъ быть назначаемы половинныя преміи, въ 500 руб. каждая.

5. Преміи, оставшіяся неприсужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ невыданными, не присоединяются къ основному капиталу, а предназначаются для раздачи, въ полномъ или половинномъ размѣрѣ, въ послѣдующіе конкурсные сроки. Такимъ образомъ каждый разъ могутъ быть присуждаемы двѣ или болѣе преміи того или другого разряда.

6. Могущіе образоваться случайные остатки отъ суммъ, назначенныхъ на преміи, какъ-то: отъ наросшихъ по текущему счету процентовъ, отъ несвоевременно принятыхъ премій и т. п., также не причисляются къ основному капиталу, а остаются въ распоряженіи Академіи Наукъ и присоединяются къ тѣмъ тремъ стамъ тринадцати рублямъ, которые отъ Комитета по сооруженію памятника Пушкину будутъ переданы Академіи сверхъ опредѣленныхъ на преміи 20,000 руб. Эти излишки употребляются на покрытіе экстренныхъ расходовъ, какъ-то: на заготовленіе медалей, на публикаціи и т. п.

7. Пушкинскія премія присуждаются Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

8. Для соисканія премій, сочиненія присылаются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности самими авторами ихъ; но премія можетъ быть присуждаема и за такое сочиненіе, которое по какой-либо причинѣ авторомъ его представлено не было.

9. Пушкинскими преміями награждаются напечатанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія трехъ родовъ: а) ученыя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, по исторіи русской литературы вообще въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и по иностранной литературѣ, насколько таковая имѣла вліяніе на отечественную въ означенномъ пространствѣ времени; б) такія произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ, которыя, при довольно значительномъ объемѣ, отличаются высшимъ художественнымъ достоинствомъ, и в) обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной литературѣ.

Примѣчаніе. Переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній допускаются на конкурсъ наравнѣ съ оригинальными сочиненіями.

10. Изъ категоріи трудовъ, подходящихъ подъ правила Пушкинской преміи, исключаются: а) послѣдующія изданія сочиненія, которое уже было увѣнчано этою преміей въ одномъ изъ прежнихъ изданій, если оно не подверглось такой переработкѣ, что можетъ считаться за новый трудъ; б) сочиненія, уже награжденныя какою-либо другою изъ имѣющихся при Академіи Наукъ премій; в) сочиненія, со времени перваго или вполнѣ переработаннаго изданія которыхъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, и г) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ. Кромѣ того, Пушкинской преміей не могутъ быть награждаемы сборники необработанныхъ матеріаловъ.

11. Къ участію въ разсмотрѣніи принятыхъ на конкурсъ сочиненій и къ составленію критическихъ разборовъ ихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ, по своему усмотрѣнію, приглашать постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Для окончательнаго обсужденія внесенныхъ на соисканіе трудовъ Отдѣленіе приглашаетъ тѣхъ же или другихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними образуетъ комиссію, число членовъ которой должно составлять не менѣе семи; для присужденія же преміи требуется не менѣе пяти

одобрительныхъ голосовъ, собираемыхъ посредствомъ закрытой баллотировки.

12. Конкурсъ закрывается ежегодно 29-го января, день кончины Пушкина. Отчетъ о присужденіи премій его имени читается однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ особомъ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, 19-го октября того же года, день основанія Царскосельскаго Лицея.

13. Преміи выдаются лишь самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но никакъ не издателямъ увѣнчанныхъ сочиненій.

14. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи Наукъ, могутъ быть выдаваемы медали, изготовляемыя на средства, означенныя въ пунктѣ 6-мъ.

15. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, то или другое изъ настоящихъ правилъ оказалось не вполнѣ удобнымъ, то объ измѣненіи оныхъ Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашивается разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія; при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ
ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 6 НОЯБРЯ 1881 Г.

Доведено до свѣдѣнія Общаго Собранія печальное извѣстіе объ утратѣ, понесенной Академіею въ лицѣ ея члена кореспондента по Отдѣленію русскаго языка и словесности, професора Александра Александровича Котляревскаго, скончавшагося въ Пизѣ, 29 сентября сего года.

Комитетъ по устройству празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея службы государственнаго канцлера свѣтлѣйшаго князя А. М. Горчакова въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, при отношеніи отъ 15 октября доставилъ экземпляръ сборника, изданнаго комитетомъ въ память этого юбилея. Положено благодарить г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Н. К. Гирса именемъ Академіи за доставленіе этого изданія.

Начальникъ военно-топографическаго отдѣла Кавказскаго военнаго округа, членъ-кореспондентъ Академіи І. И. Стебницкій, при письмѣ изъ Тифлиса отъ 19 октября, доставилъ, въ дополненіе къ прежде присланной имъ въ Академію картѣ Закаспійскаго края, два листа той же карты, исправленные по послѣднимъ свѣдѣніямъ. — Положено за доставленіе ихъ благодарить.

Професоръ Кіевской духовной академіи И. Малышевскій, письмомъ отъ 1 октября, благодаритъ за золотую медаль, присуж-

денную ему при послѣднемъ соисканіи Уваровскихъ наградъ за составленіе рецензіи на сочиненіе Е. Голубинскаго «Исторія Русской церкви».

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Общество Финляндской фауны и флоры въ Гельсингфорсѣ (отношен. отъ октября), 2) Музей естественной исторіи въ Ліонѣ (отношен. отъ 7 ноября), 3) Нидерландское Зоологическое Общество въ Лейденѣ (отношен. отъ 17 марта), 4) Королевско-Великогерцогскій Институтъ въ Люксембургѣ (отношен. отъ 26 ноября 1879 г.), 5) Нѣмецкое Общество оріенталистовъ въ Галле (отношен. отъ 27 октября), 6) Королевскій Великобританскій Институтъ въ Лондонѣ (отношен. отъ 13 октября), 7) Музей практической геологіи въ Лондонѣ (отношен. отъ 14 октября) и 8) Королевское Общество Новаго Южнаго Уэльса (отношен. отъ 18 іюля).

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами.— Положено сочиненія сдать въ библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

ЗАСѢДАНІЕ 4 ДЕКАБРЯ 1881 г.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о двухъ утратахъ, понесенныхъ Академіею въ лицѣ Почетнаго ея члена, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, скончавшагося въ Парижѣ, 19 ноября, и члена-кореспондента тайнаго совѣтника Николая Ивановича Пирогова, скончавшагося 23 ноября въ его имѣніи с. Вишняхъ Винницкаго уѣзда.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія окончена печатаніемъ и выпущена въ свѣтъ книжка 2-я Тома XXIX *Запискахъ Академіи*, съ слѣдующими приложеніями: № 4, А. Н. Веселовскаго, *Croissans crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ*; № 5, А. Н. Веселовскаго, *Южнорусскія былины*; № 6, Г. С. Дестуниса, *О Ксанѳинѣ, трапезунтская былина византійской эпохи*; № 7, И. И. Срезневскаго, *Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, и № 8, *Отчетъ о XXIII присужденіи наградъ графа Уварова.*

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, отношеніемъ отъ 30 ноября, сообщаетъ, что въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовской преміи былъ представленъ въ Отдѣленіе *Сло-*

варь Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи, составленный управляющимъ Архангельскою конторою государственнаго банка статскимъ совѣтникомъ А. О. Подвысоцкимъ, и что на основаніи правилъ объ означенной преміи, Отдѣленіе, по разсмотрѣніи этого труда и по выслушаніи составленнаго Акад. Я. К. Гротомъ разбора его, опредѣлило присудить г. Подвысоцкому Ломоносовскую премію и представить о томъ на утвержденіе Общаго Собранія. Затѣмъ, по выслушаніи вышеупомянутаго разбора, приговоръ Отдѣленія русскаго языка и словесности одобренъ.

Непремѣнный Секретарь представилъ собранію полученныя по почтѣ отъ неизвѣстнаго два рукописныя сочиненія, съ приложенными при нихъ запечатанными пакетами, подъ девизами; одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: *Величіе Господа нашего Іисуса Христа* а другое, подъ заглавіемъ: *Родина Россовъ, Донъ и Дунай колыбель Россіи или старыя новости о ней.* Такъ какъ авторъ, при представленіи этихъ сочиненій не заявилъ, съ какою цѣлію онъ ихъ сообщилъ Академіи и не указалъ на соисканіе какихъ именно премій онъ ихъ назначаетъ, то Общее Собраніе положило хранить ихъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ пакетами, при дѣлахъ Конференціи, о чемъ и поставить въ извѣстность автора посредствомъ публикаціи о томъ въ одной изъ здѣшнихъ газетъ.

Доложено, что согласно опредѣленію Историко-Филологическаго Отдѣленія отъ 3 ноября, хранившіяся въ Архивѣ Конференціи письма и записки канцлера графа Румянцева къ Акад. Кругу, въ числѣ 185, препровождены г. Президентомъ, при письмѣ отъ 13 ноября, къ г. Директору Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея, съ просьбою о возвращеніи этихъ писемъ и записокъ въ Академію по минованіи въ нихъ надобности, въ теченіе двухмѣсячнаго срока.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Астрономическая Обсерваторія въ Вѣнѣ (отнош. отъ 15 октября), 2) Голландское Общество Наукъ въ Гарлемѣ (отнош. отъ 24 ноября), 3) Батавское Общество преуспѣянія знаній въ Ротердамѣ (отношеніе отъ 10 октября), 4) Велико-Британскій и Ирландскій Астрономическій Институтъ въ Лондонѣ (отнош. отъ 10 декабря) и 5) Астрономическая Обсерваторія въ Оксфордѣ (отнош. отъ 10 декабря н. ст.)

Представлены Собранію сочиненія, присланныя Академіи въ даръ различными учрежденіями и лицами. — Положено сдать эти сочиненія въ библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 27 ОКТЯБРЯ 1881 Г.

Академикъ Н. И. Кокшаровъ представилъ и прочелъ записку о кристаллахъ датолита, амфибола и вакелинита (*Resultate der an Datolith, Amphibol und Vauquelinit-Krystallen ausgeführten Messungen*). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія оконченъ печатаніемъ и вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ III тома сочиненія Академика Л. И. Шренка: *Reisen und Forschungen im Amur-Lande.*

Академикъ К. И. Максимовичъ представилъ, отъ имени доктора Э. Брейтшнейдера, изданное имъ сочиненіе о старинныхъ европейскихъ изслѣдованіяхъ Китайской флоры (*Early European researches into the Flora of China. Shanghai 1881 г.*). — Положено благодарить автора.

Австрійское Общество инженеровъ и архитекторовъ сообщаетъ второй отчетъ гидротехническаго комитета по вопросу объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ (II. *Bericht des hydrotechnischen Comite's über die Wasserabnahme in den Quellen, Flüssen und Strömen in den Culturstaaten.* Wien. 1881 г.).

Академикъ Г. И. Вильдъ словесно сообщилъ о результатахъ сдѣланнаго Старшимъ Наблюдателемъ Главной Физической Обсерваторіи Амелунгомъ свода наблюденій надъ лимниграфомъ въ Петербургѣ за одинъ годъ, изъ которыхъ оказывается, что дѣйствіе приливовъ и отливовъ распространяется и на устье Невы. Къ этому г. Вильдъ присовокупилъ, что окончательные выводы относительно этого явленія будутъ представлены имъ Академіи впослѣдствіи, когда можно будетъ принять въ расчетъ лимниграфическія наблюденія не за одинъ, а за два года.

Національный Музей въ Ріо-де-Жанейро, при отношеніи отъ 1 февраля 1879 г., доставилъ первые выпуски издаваемаго имъ сборника, подъ заглавіемъ: *Archivos do Museu nacional do Rio de Janeiro*, и проситъ о высылкѣ ему изданій Академіи, въ обмѣнъ на этотъ сборникъ. — Положено доставлять Музею Бюлетень и Мемуары Академіи, начиная съ первыхъ выпусковъ печатаемыхъ нынѣ томовъ.

Академикъ Г. П. Гельмерсенъ представилъ письмо къ нему г. Министра Государственныхъ Имуществъ отъ 16 сентября сего

года, съ увѣдомленіемъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, статсъ-секретаря Островскаго, въ 14 день сентября, отчета г. Гельмерсена о результатахъ произведенной имъ лѣтомъ сего года провѣрки карты Подмосковнаго каменноугольнаго басейна, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ выразить ему благодарность отъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.

ЗАСѢДАНІЕ 10 НОЯБРЯ 1881 Г.

Академикъ Г. П. Гельмерсенъ представилъ записку о землетрясеніяхъ, бывшихъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій въ С.-Петербургской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерніяхъ. — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и прочелъ записку о надлежащей чувствительности магнитныхъ варіаціонныхъ апаратовъ (*Zweckmässige Empfindlichkeit der magnetischen Variationsapparate*).—Эта записка появится въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ А. А. Штраухъ представилъ и прочелъ записку о ящерицахъ семейства Amphisbaenidae (*Bemerkungen über die Eidechsenfamilie der Amphisbaeniden*). — Въ этой статьѣ, составляющей извлеченіе изъ обширной монографіи, надъ которою Академикъ Штраухъ трудится уже много лѣтъ, представлены объясненія принятой авторомъ класификаціи, двѣ дихотомическія таблицы для опредѣленія родовъ изъ семейства *Amphisbaenae* и *Lepidosternon*, далѣе систематическое, съ критическими замѣчаніями, исчисленіе извѣстныхъ доселѣ 49 видовъ перваго изъ этихъ семействъ, изъ которыхъ 8 оказались новыми, наконецъ списокъ имѣющихся въ Академическомъ музеѣ Амфисбенидъ.—Эта записка будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академики Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ, представили, съ одобреніемъ для напечатанія въ Бюлетенѣ, второе предварительное сообщеніе члена-кореспондента Академіи Ив. Мих. Сѣченова о гальваническихъ явленіяхъ въ продолговатомъ мозгѣ лягушки (*Galvanische Erscheinungen an der cerebrospinalen Axe des Frosches*).

Ботаническое Общество «*Ирмишія*» въ Зондерсгаузенѣ, при письмѣ отъ 15 октября н. ст., доставило послѣдній нумеръ перваго тома издаваемаго имъ журнала, подъ заглавіемъ «Irmischia, Correspondenzblatt des botanischen Vereins für das nördliche Thürin-

gen», и проситъ объ обмѣнѣ этого журнала на изданія Академіи.— Положено доставлять Обществу Ирмишія Бюлетень Академіи, начиная съ перваго выпуска печатаемаго нынѣ тома.

ЗАСѢДАНІЕ 8-ГО ДЕКАБРЯ 1881 Г.

Академикъ А. М. Бутлеровъ представилъ, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Мемуарахъ Академіи, записку члена-кореспондента Н. Н. Бекетова объ образованіи и свойствахъ безводной окиси натрія (Recherches sur la formation et les propriétés de l'oxyde de sodium anhydre); при этомъ онъ пояснилъ, что этотъ мемуаръ заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе тѣхъ опытовъ, замѣчательные результаты которыхъ были увѣнчаны Ломоносовской преміей; кромѣ того въ немъ сообщаются и нѣкоторые новые опыты г. Бекетова, относящіеся къ тому же предмету.

Академики Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Хвольсона о вліяніи растягиванія мѣдныхъ и латунныхъ проволокъ на гальваническое сопротивленіе (Ueber die Wirkung des Spannens auf den electrischen Widerstand von Kupfer- und Messingdräthen).

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ записку г. Лейста о замѣчательно низкой температурѣ въ октябрѣ нынѣшняго года (Die niedrige Temperatur des Octobers 1881). — Она появится въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академикъ Г. И. Вильдъ сообщилъ, что Международная Полярная комисія съ живѣйшею благодарностью приняла извѣстіе объ изъявленной Академіею готовности взять на свой счетъ расходы по изданію «Извѣстій» комисіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ приготовленную имъ къ печати рукопись перваго выпуска этого сборника.

Комисія изъ гг. Академиковъ Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка, А. А. Штрауха и Ѳ. Б. Шмидта, назначенная Отдѣленіемъ въ засѣданіи 12-го мая для присужденія преміи Ѳ. Ѳ. Брандта, представила свое донесеніе, причемъ предложила назначить эту премію професору Горнаго Института В. И. Меллеру за изданныя имъ сочиненія: 1) Спирально свернутыя фораминиферы русскаго каменноугольнаго известняка. Спб. 1878 и 2) Die Foraminiferen des Russischen Kohlenkalks (Mémoires de l'Académie; T. XXVIII № 5. Отдѣленіе единогласно одобрило это предложеніе.

Вице-Президентъ В. Я. Буняковскій, въ качествѣ предсѣдателя комисіи, назначенной Отдѣленіемъ въ засѣданіи 12-го мая сего года для присужденія преміи его, г. Буняковскаго, имени, словесно сообщилъ, что эта премія въ настоящемъ году никому не присуждается.

Академикъ К. И. Максимовичъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что въ числѣ растеній, привезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ его путешествія, онъ нашелъ новый родъ Circaeaster, небольшое однолѣтнее растеніе, имѣющее нѣкоторое сходство съ семействомъ Chloranthaceae, но различающееся отъ него настолько, что его нельзя присоединить къ этому семейству иначе, какъ только въ видѣ особеннаго отдѣла или tribus. Это растеніе, взятое изъ Ганьсу, гдѣ оно растетъ въ лѣсахъ и на пашняхъ, и представляющее собою, по мнѣнію г. Максимовича, типъ особаго семейства, будетъ описано въ концѣ печатаемой нынѣ въ Бюлетенѣ Академіи четвертой записки г. Максимовича о діагнозахъ новыхъ азіятскихъ растеній.

ЗАСѢДАНІЕ 22-ГО ДЕКАБРЯ 1881 Г.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ и прочелъ записку о разныхъ способахъ находить частныя возмущенія въ движеніи планеты или кометы помощію механическихъ квадратуръ, и о преобразованіи способа Лапласа для удобнѣйшаго вычисленія пертурбаціи по радіусу-вектору, долготѣ и широтѣ. — Она будетъ напечатана въ Запискахъ Академіи.

Академикъ О. В. Струве представилъ и прочелъ записку, въ которой изложилъ свои новыя изслѣдованія надъ искуственными двойными звѣздами (*Neuere Untersuchungen an künstlichen Doppelsternen*). — Она появится въ Бюлетенѣ.

Адъюнктъ А. С. Фаминцынъ представилъ Отдѣленію сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: «Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ», причемъ объяснилъ, что въ настоящее время подъ питаніемъ растеній подразумѣваются преимущественно процесы синтеза органическихъ соединеній, между которыми главную роль играетъ образованіе углеводовъ изъ углекислоты и воды, въ присутствіи свѣта, на счетъ поглощенной растеніемъ свѣтовой энергіи, а что по этому выдѣленіе кислорода и увеличеніе вѣса растенія вслѣдствіе образованія органическаго вещества считаются самыми характеристическими признаками питанія растеній. Г. Фа-

минцынъ полагаетъ, что наиболѣе существенную роль въ этомъ питаніи должно признать не за вышеозначеннымъ процесомъ, сопровождаемымъ поглощеніемъ свѣтовой энергіи, а за процесами діаметрально противуположнаго характера, неразрывно связанными съ поглощеніемъ кислорода и съ тратой тепловой энергіи; эти послѣдніе сопровождаютъ у всѣхъ растеній во все время ихъ жизни функцію, наиболѣе существенную и общую всѣмъ безъ исключенія растеніямъ и животнымъ — функцію, состоящую въ созиданіи организованныхъ образованій (клѣтокъ, тканей и органовъ) изъ неорганизованныхъ органическихъ и минеральныхъ соединеній. Безъ нихъ немыслима жизнь ни растенія, ни животнаго, между тѣмъ какъ процесы, сопровождаемые поглощеніемъ тепловой энергіи, составляютъ особенность нѣкоторой части растеній и проявляются въ нихъ лишь на свѣтѣ и лишь въ клѣткахъ, содержащихъ хлорофилъ. Проведеніе этого взгляда, въ значительной степени видоизмѣняющаго нынѣшнее воззрѣніе на питаніе растеній, по мнѣнію г. Фаминцына, дѣлаетъ возможнымъ установить болѣе тѣсную паралель между животными и растеніями. Кромѣ почти тождественныхъ процесовъ дыханія и половаго размноженія, онъ признаетъ вполнѣ соотвѣтственными и процесы питанія, сопровождающіе и въ растеніяхъ и въ животныхъ построеніе ихъ тканей и органовъ, остающееся непроницаемой тайной для науки. — Положено это сочиненіе напечатать въ Запискахъ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и предложилъ напечатать въ Метеорологическомъ Сборникѣ записку г. Штеллинга объ опредѣленіи абсолютной величины испаренія въ свободной поверхности воды, по наблюденіямъ Павловской Обсерваторіи (*Ueber die Bestimmung der absoluten Grösse der Verdunstung von einer freien Wasserfläche, nach den Beobachtungen im Observatorium zu Pawlowsk*). — Одобрено.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ оконченныя печатаніемъ Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи, въ двухъ частяхъ, заключающія въ себѣ метеорологическія и магнитныя наблюденія произведенныя въ теченіе 1880 г.

Докторъ М. Браунъ, изъ Дерпта, доставилъ два изданныя имъ сочиненія, подъ заглавіемъ: 1) Die Entwicklung des Wellen-papagée's (Melopsittacus undulatus Sh.) mit Berücksichtigung der Entwicklung andrer Vögel. Erste Hälfte. Würzburg 1879—81 и 2) Beiträge zur Kenntnisse der Fauna baltica. I. Ueber Dorpater Brunnen-

plantarien Dorpat. 1881. — Положено эти сочиненія сдать въ Библіотеку и за доставленіе ихъ благодарить.

Представлено Отдѣленію полученное отъ Д-ра г. Рецiуса, професора гистологіи въ Каролинскомъ медико-хирургическомъ Институтѣ въ Стокгольмѣ, изданное имъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Das Gehörorgan der Wirbelthiere, Morphologisch-histologische Studien. 1 Das Gehörorgan der Fische und Amphibien.* — Stockholm 1881. — Положено эту книгу передать въ библіотеку, а г. Ретціуса благодарить именемъ Академіи.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — Декабрь 1881 года.

Академикъ А. Ф. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о кончинѣ члена-корреспондента Академіи А. Н. Попова, послѣдовавшей 30-го мая въ Тамбовѣ. Ученые труды Андрея Николаевича, частію исполненные по вызову Академіи, тщательное изданіе письменныхъ памятниковъ древне-славянскихъ и русскихъ и описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова навсегда сохранять его имя въ лѣтописяхъ русской науки.

Академикъ А. Ф. Бычковъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на замѣчательный трудъ почетнаго члена Академіи графа А. С. Уварова, недавно вышедшій въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Археологія Россіи. Каменный періодъ». Систематическое изображеніе быта людей, населявшихъ Россію въ томъ періодѣ, который носитъ названіе каменнаго, описаніе формъ и матеріала орудій, которыми пользовался для различнаго употребленія человѣкъ въ эту отдаленную эпоху, а также его жилищъ, наконецъ изложеніе послѣдовательнаго развитія культуры человѣка, жившаго въ Европейской Россіи въ каменный періодъ, таково содержаніе книги, подобной которой не было у насъ и которую съ гордостію можно поставить рядомъ съ самыми выдающимися сочиненіями объ этомъ предметѣ въ западныхъ литературахъ. 6428 каменныхъ орудій, найденныхъ въ Россіи, частію подробно описанныхъ графомъ Уваровымъ, частію изображенныхъ на рисункахъ, приложенныхъ къ его сочиненію, послужили богатымъ и надежнымъ матеріаломъ къ

начертанію вѣроятной картины того незапамятнаго времени, когда человѣку приходилось вести упорную борьбу за свое незавидное существованіе. На всемъ трудѣ лежитъ печать искусной и свѣдущей руки, которая уже одарила науку многими важными изслѣдованіями.

Академикъ А. Ф. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о новой постигшей его потерѣ въ лицѣ члена-кореспондента А. А. Котляревскаго, скончавшагося на 44 году отъ роду, въ Пизѣ, 29 сентября, послѣ продолжительной болѣзни. На всѣхъ трудахъ покойнаго, отъ обширной книги до небольшой статьи, лежитъ печать несомнѣннаго таланта и самостоятельности, и всѣ они свидѣтельствуютъ какъ объ его искуствѣ излагать предметы изслѣдованія въ доступной, изящной формѣ, такъ и объ умѣньи обобщать явленія. Его сочиненія: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» и «Древности права Балтійскихъ Славянъ» составляютъ цѣнный вкладъ въ науку, а его послѣдній трудъ: «Библіологическій опытъ древней русской письменности», единственный въ своемъ родѣ, долгое время будетъ служить настольною книгою у занимающихся.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ и прочелъ слѣдующія главы продолженія своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха»: VI. Духовные сюжеты въ литературѣ народной поэзіи Румынъ. VII. Румынскія, греческія и южно-русскія колядки». А изъ «южно-русскихъ былинъ»: III. Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. IV. О Чурилѣ и Суровцѣ Суздальцѣ. V. Бой отца съ сыномъ въ русскомъ эпосѣ. VI. Какъ перевелись на Руси богатыри. VII. Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ, Илья и Идолище. VIII. Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ. IX. Святогоръ и Самсонъ. X. Дюкъ Степановичъ. XI. Братство названое въ эпосѣ и обычаѣ. Изъ «Замѣтокъ по литературѣ и народной словесности»: 1. Эпизодъ о южной царицѣ въ палеѣ. 2. Древне-русская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и такъ называемыя Видѣнія Дантла. 3. Entrische Liute.—Опредѣлено всѣ названные труды академика напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

Наслѣдники покойнаго академика И. И. Срезневскаго представили приготовленный ими къ печати текстъ матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка на букву А, съ просьбою сдѣлать указанія и замѣчанія, которыми они могли бы руководствоваться при обработкѣ послѣдующихъ буквъ. Академики А. Ф. Бычковъ и

И. В. Ягичъ приняли на себя трудъ разсмотрѣть текстъ словаря и вызвались представить Отдѣленію свои замѣчанія.

Читано письмо П. А. Ефремова къ академику Я. К. Гроту, въ которомъ первый проситъ доставить ему, для изданія, письма А. С. Пушкина къ Плетневу и Яковлеву. Отдѣленіе, находя, что по плану изданія сочиненій Плетнева переписка его должна составить одну изъ существенныхъ частей *этого* изданія, не признало удобнымъ выдѣлять изъ нея письма Пушкина, тѣмъ болѣе что они составляютъ съ письмами самого Плетнева какъ бы одно цѣлое; что же касается писемъ или вѣрнѣе записокъ Пушкина къ Яковлеву, то Я. К. Гротъ заявилъ, что къ сообщенію ихъ онъ не находитъ препятствій.

Читано письмо учителя Гомельской прогимназіи Романова къ тому же академику отъ 10 октября съ изложеніемъ хода его занятій по бѣлорусскому словарю и съ просьбою рѣшить представившееся ему при этомъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему составить новый бѣлорусскій словарь или ограничиться дополненіемъ словаря г. Носовича. Положено сообщить г. Романову, что, по мнѣнію Отдѣленія, послѣдній трудъ былъ бы нужнѣе.

Читано письмо управляющаго Архангельскою конторою государственнаго банка А. О. Подвысоцкаго къ академику Гроту отъ 10 сентября 1881 г. съ нѣкоторыми поясненіями относительно представленнаго первымъ на соисканіе Ломоносовской преміи рукописнаго труда: «Словарь Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи». Положено заняться разсмотрѣніемъ этой рукописи, переданной академику Гроту.

Читано письмо К. О. Александрова-Дольника изъ Москвы отъ 24 минувшаго августа на имя Отдѣленія съ препровожденіемъ «Сравнительнаго словаря славяно-русскаго языка со всѣми другими языками индо-европейскаго племени», и съ просьбою о содѣйствіи къ изданію онаго. Положено предварительно ближе ознакомиться съ рукописью, составляющею два большіе тома въ листъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ сообщилъ, что онъ во время пребыванія за границею, продолжая пополнять матеріалы свои для біографій нѣкоторыхъ изъ членовъ Россійской Академіи, между прочимъ старался отыскать свѣдѣнія о професорахъ, лекціи которыхъ слушалъ Козодавлевъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и вообще о состояніи Лейпцигскаго университета во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда въ числѣ студентовъ этого университета было довольно много Русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

собиралъ данныя, выясняющія появленіе и содержаніе въ высшей степени важной записки о русскихъ писателяхъ, въ первый разъ напечатанной въ Лейпцигскомъ журналѣ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste».

Во вниманіи къ ученымъ трудамъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности А. Н. Веселовскаго и Иг. В. Ягича, появившимся со времени избранія ихъ годъ тому назадъ въ экстраординарные академики, въ Отдѣленіи возбужденъ былъ вопросъ объ удостоеніи ихъ званія ординарныхъ академиковъ, и по прочтеніи составленнаго вслѣдствіе того академикомъ Я. К. Гротомъ списка изслѣдованіямъ ихъ за означенный періодъ, произведена была балотировка, по которой оба оказались единогласно признанными кандидатами на означенное званіе. Положено представить о томъ въ Общее Собраніе выпискою изъ протокола, съ приложеніемъ списковъ ученымъ трудамъ ихъ (См. ниже).

Академикъ Я. К. Гротъ доложилъ, что Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину передалъ чрезъ его посредство въ вѣдѣніе Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени А. С. Пушкина 20.000 руб. въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа и сверхъ того 313 руб. кредитными билетами. Вслѣдствіе того опредѣлено публиковать утвержденныя Министерствомъ народнаго просвѣщенія правила о помянутыхъ преміяхъ, съ извѣщеніемъ, что первое присужденіе имѣетъ быть 19-го октября 1882 года, конкурсъ же на это присужденіе будетъ продолжаться до 29-го будущаго января мѣсяца.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, заявивъ, что онъ намѣренъ нынѣ же приступить къ печатанію VI выпуска «Исторіи Россійской Академіи», прочелъ начало составляемой имъ біографіи Козодавлева и представилъ первые листы рукописи для препровожденія въ типографію.

Академикъ Гротъ, сообщивъ о ходѣ печатанія имъ сочиненій покойнаго академика Плетнева, изложилъ затрудненія, встрѣчаемыя имъ при включеніи въ это изданіе отдѣла помѣщавшихся въ *Современникѣ* извѣстій о вновь выходившихъ книгахъ и краткихъ рецензій. По прочтеніи академикомъ нѣсколькихъ образчиковъ этого отдѣла, положено, согласно съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ, предоставить ему печатать мелкіе разборы только такихъ книгъ, которыя относятся къ исторіи литературы и къ изящной словесности, или имѣютъ какое-либо другое общедоступное содержаніе, такъ какъ относительно прочихъ его отзывовъ трудно съ до-

стовѣрностью опредѣлить, которыя изъ нихъ писаны самимъ Плетнёвымъ, и притомъ предметы ихъ принадлежатъ къ такимъ спеціальностямъ, въ предѣлахъ которыхъ приговоры его не могли пользоваться полнымъ авторитетомъ.

И. В. Ягичъ напомнилъ объ утратѣ, постигшей недавно одно изъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ—Словенцевъ. Они лишились своего всѣми обожаемаго «отца», своего перваго и главнаго дѣятеля, трудившагося безъ малаго сорокъ лѣтъ въ пользу просвѣщенія словенскаго народа и сохраненія его національности, д-ра Янеза Блейвейса. Онъ скончался $^{17}/_{29}$ минувшаго ноября въ Любліянѣ на 73 году своей жизни, оплакиваемый своимъ народомъ и всѣми цѣнившими его тихую, неутомимую культурную дѣятельность. Когда въ сороковыхъ годахъ національное движеніе, охватившее сосѣднихъ Хорватовъ, извѣстное подъ именемъ Иллиризма, начало распространяться и между Словенцами, Янезъ Блейвейсъ понялъ сразу, какъ помочь національному дѣлу въ средѣ Словенцевъ: онъ создалъ скромный литературный органъ «Новице», въ которомъ сталъ бесѣдовать на простомъ и легкопонятномъ словенскомъ языкѣ съ народомъ, главнымъ образомъ съ крестьянами, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, не превышающихъ ихъ кругозора, не исключая вопросовъ литературнаго, культурнаго и политическаго характера. Онъ сумѣлъ повести это дѣло столь умно, что «Новице» вскорѣ сдѣлалось центромъ всѣхъ проявленій національной жизни, самъ же издатель главою цѣлаго народа. Безъ преувеличенія можно утверждать, что на «Новицахъ» развилась и окрѣпла вся новая словенская литература, и потому Блейвейсъ справедливо слыветъ «отцомъ» ея. До конца жизни онъ остался вѣренъ своей главной задачѣ — воспитывать народъ, особенно простолюдина, будить въ немъ охоту къ чтенію словенскихъ книгъ и вливать въ душу любовь ко всему національному, ко всему славянскому. И народъ довѣрялъ своему «Янезу»; онъ считалъ его своимъ вождемъ на трудномъ пути культурно-литературнаго и политическаго возрожденія.

Тотъ же академикъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на вышедшія въ послѣднее время книги: кандидатовъ С.-Петербургскаго университета: 1. Конст. Грота «Моравія и Мадьяры»; 2. Тим. Флоринскаго «Южные Славяне и Византія», и 3, изданный А. О. Патерою на чешскомъ языкѣ Сборникъ Радецкаго (половины XIV в.), содержащій легендарные тексты.

Академикъ Гротъ читалъ приготовляемую имъ къ печати статью, заимствованную изъ выходящаго въ Стокгольмѣ Историческаго Журнала (Historisk Tidskrift): «Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ, по шведскимъ источникамъ».

Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики, составленный Я. К. Гротомъ.

(Продолженіе списковъ, напечатанныхъ въ XVIII и XXI томахъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности»).

1. *Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.* Статьи: II. Святый Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ.—Ст. III. Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о градѣ.—Ст. IV. Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ.—Ст. V. Новыя данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XXI (стр. 1—228) и XXVIII (стр. 1—150).

Первая изъ означенныхъ здѣсь статей (№ II) была вызвана книгою Фогта: Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf (1880 г.), которая въ свою очередь опирается на докторскую диссертацію А. Н. Веселовскаго «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и останавливается на добытыхъ имъ результатахъ. Настоящее изслѣдованіе ведетъ ихъ далѣе: оно появится въ нѣмецкомъ переводѣ въ Archiv für Slavische Philologie. Что касается общаго характера разысканій Александра Николаевича, то ихъ точка зрѣнія сводится къ тому, что необходимо принять въ расчетъ историческія, культурныя, христіанскія и т. п. отношенія среды, въ которой существуетъ извѣстное вѣрованіе или преданіе, прежде нѣмъ говорить объ ихъ мифологической основѣ. Это не отрицаніе мифологической экзегезы, а утвержденіе метода. Въ западной наукѣ подобное движеніе проявилось лишь недавно: Софусъ Бугге началъ съ этой точки зрѣнія толковать мифологію Эдды, раскрывая въ ней христіанскія и классическія теченія; при этомъ норвежскій ученый ссылается на славянскія парал-

лели, на статью И. В. Ягича (Die christlich-mythologische Schicht и т. д.), которой предшествовалъ трудъ Александра Николаевича Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Статья № III, въ которой нашъ авторъ пытается установить на новомъ основаніи генеалогію нашего «алатыря», также появится въ Берлинскомъ Архивѣ (т. VI, вып. 1).

2. *Южно-русскія былины.* I. Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI. вѣка. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія* т. XXII (стр. 1—78). Слѣдующая за симъ III-я статья уже готова въ рукописи и разъяснитъ методическую точку зрѣнія автора.

3. Croissans crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія* т. XXII (стр. 1—30).

4. Разборъ матеріаловъ и изслѣдованій П. П. Чубинскаго, изданныхъ въ Отчетѣ о трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Географическимъ Обществомъ (юго-западный Отдѣлъ). См. *Отчетъ о XXII присужденіи наградъ графа Уварова* въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXXVII, кн. II (стр. 167—230).

5. О талмудинскомъ источникѣ одной легенды въ палеѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г. апрѣль.

6. Легенды объ императорѣ Траянѣ и о вѣчномъ жидѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г. іюль (стр. 84—97).

7. Нѣсколько замѣтокъ въ *Archiv für Slavische Philologie*, т. V, кн. 3 (1881 г.): Der ewige Jude. — Die Rolandsage in Ragusa. — Zum rumänischen Zuckungsbuch (стр. 398—401, 468—470).

8. Скоро появится въ *Russische Revue*: Neue Forschungen im Gebiete des russischen Volksepos: Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen.

Нѣтъ, кажется, надобности прибавлять еще что-либо къ этому списку позднѣйшихъ, большею частію обширныхъ изслѣдованій нашего неутомимаго сочлена. Всѣмъ, кто слѣдитъ за явленіями того отдѣла исторіи литературы, которымъ занимается академикъ А. Н. Веселовскій, хорошо извѣстно, сколько новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній и разъясненій, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, его разысканія вносятъ въ эту область, хотя и значительно уже разработанную его предшественниками.

Списокъ ученыхъ трудовъ И. В. Ягича со времени избранія его въ экстраординарные академики, составленный Я. К. Гротомъ.

(Продолженіе списка, напечатаннаго въ XXI томѣ «Сборника Отдѣленія р. яз. и слов.)

Продолжая изданіе печатаемаго въ Берлинѣ журнала Archiv für Slavische Philologie, академикъ Ягичъ помѣстилъ въ V-мъ томѣ его слѣдующія изслѣдованія:

1. Вторую статью «Mythologische Skizzen», разсматривающую свидѣтельства относительно Даждь-бога (стр. 1—14).
2. Изложеніе содержанія сербскихъ сказокъ (№№ 36—58) съ параллелями, полученными отъ извѣстнаго знатока по этой части, Рейнгольда Кёлера. Трудъ этотъ послужилъ поводомъ къ обширному предпріятію нѣсколькихъ германскихъ ученыхъ, задумавшихъ издать большой сборникъ юго-славянскихъ сказокъ, къ которому также будутъ присоединены замѣчанія Кёлера.
3. Kritische Nachlese zum Text der altkroatischen Dichter (стр. 85—94), гдѣ исправляются многія мало понятныя мѣста текста древнѣйшаго изъ рагузинскихъ поэтовъ Марулича, дается обозрѣніе всѣхъ акростиховъ, попадающихся въ поэзіи Менчетича и Державича, и указывается на нѣкоторыя бытовыя стороны въ поэзіи рагузинской.
4. Zur Slavischen Runenfrage (стр. 193—215). Авторъ изучалъ въ Стрѣлицѣ характеръ рунъ на тамошнихъ идолахъ и пришелъ къ заключенію, что образцомъ ихъ послужилъ рунический алфавитъ, помѣщенный въ сочиненіи Клювера.
5. Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den Slavischen Sprachen. 1-я статья (стр. 534—580) разбираетъ жизнь гласной *е* и ея переходъ въ ё и ja (я); 2-я разсматриваетъ переходы *ѣ* и печатается въ 1-мъ выпускѣ VI-го тома «Архива», стр. 73 слѣд.
6. Das altslovenische Evangelistarium Pop. Sava's (стр. 580—612). По важности такъ называемой Савиной книги академикъ Ягичъ не хотѣлъ упустить случая провѣрить напечатанный текстъ этого памятника. Въ названной статьѣ и заключаются результаты сдѣланной имъ провѣрки вмѣстѣ съ указаніемъ ея значенія для болѣе вѣрной оцѣнки этого важнаго памятника.

Занимаясь изученіемъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языка по памятникамъ, Игнатій Викентьевичъ вообще считаетъ необходимымъ предварительно провѣрить всѣ до сихъ поръ изданные тексты, такъ какъ правильные выводы о различныхъ звуковыхъ тонкостяхъ этихъ языковъ возможны лишь при вполнѣ точныхъ изданіяхъ текстовъ. Съ этою цѣлью онъ прежде всего озаботился провѣркою доступныхъ ему здѣсь, уже напечатанныхъ текстовъ, но въ то же время онъ имѣетъ въ виду также изданіе еще остающихся въ рукописяхъ текстовъ, отличающихся древностію. На первой очереди стоитъ изданіе *глаголическаго четвероевангелія* изъ собранія покойнаго В. И. Григоровича. Оно уже приготовлено г. Ягичемъ къ печати въ такомъ же видѣ, какъ Зографское евангеліе по списку, сдѣланному имъ съ подлинника. Кромѣ того онъ, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, списалъ недостающіе въ означенной рукописи два листа этого памятника, находящіеся у Миклошича.

7. Въ Archiv für slavische Philologie разобрано г. Ягичемъ около двѣнадцати сочиненій (стр. 432—456 и 660—685); между прочимъ, по поводу одного изданія, сдѣлано подробное обозрѣніе всего, что въ сербской и болгарской народной поэзіи относится къ главнѣйшему герою сербскаго эпоса, кралевичу Марку.

8. Въ томъ же изданіи помѣщаются, въ каждомъ выпускѣ его, подъ рубрикою Bibliographischer Bericht составляемыя академикомъ Ягичемъ краткія замѣтки о новыхъ книгахъ (стр. 168—180, 319—382, 470—496 и 690—703).

9. На первыхъ же порахъ новой дѣятельности его въ Россіи по университетской каѳедрѣ оказалось необходимымъ доставить желающимъ изучать церковно-славянскій языкъ *пособіе*. Съ этою цѣлью печатаются «Образцы церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ текстовъ. Къ этой книгѣ будетъ приложенъ словарь.

10. Сверхъ того академикъ Ягичъ печатаетъ свои «Чтенія о церковно-славянскомъ языкѣ», которыя должны составить два тома: первый занимается фонетикою, второй будетъ посвященъ формамъ языка.

11. Наконецъ, по участію въ трудахъ Общества любителей древней письменности онъ готовитъ къ изданію нѣсколько снимковъ

изъ Савиной книги и одного кирилловскаго палимпсеста, на которомъ еще видны слѣды письма глаголическаго. Къ снимкамъ приготовленъ имъ и разборъ этихъ памятниковъ съ палеографической точки зрѣнія.

Въ заключеніе этого очерка ученыхъ трудовъ академика Ягича за истекшій годъ слѣдуетъ упомянуть, что по выбытіи его изъ Берлина тамошняя королевская академія избрала его въ свои члены-кореспонденты. Онъ избранъ также въ дѣйствительные члены Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 3 НОЯБРЯ 1881 Г.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія печальное извѣстіе о смерти д-ра Аренса, члена-кореспондента Академіи по разряду класической филологіи и археологіи, скончавшагося въ Гановерѣ, 24 сентября н. ст., на 72 году жизни.

Академикъ В. П. Безобразовъ донесъ, что, окончивъ изслѣдованія, произведенныя имъ въ Московской промышленной области по порученію Министра Финансовъ, онъ обработалъ на французскомъ языкѣ тѣ изъ собранныхъ имъ здѣсь матеріаловъ, которые имѣютъ значеніе для науки. Представляя начало этого труда, подъ заглавіемъ: *Etudes économiques sur la Russie. Région centrale industrielle de Moscou*, онъ изъявилъ желаніе, чтобы это сочиненіе было издано Академіею. — Положено напечатать это сочиненіе особою книгою.

Академикъ Ф. И. Видеманъ представилъ отъ имени д-ра Вильгельма Грубе, доцента восточно-азіятскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, изданное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Die sprachgeschichtliche Stellung des Chinesischen. Leipzig. 1881.* — Положено благодарить автора.

Директоръ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, письмомъ, отъ 19 октября, проситъ о доставленіи въ Музеи на непродолжительное время хранящейся въ Архивѣ Конференціи переписки канцлера графа Румянцова съ Академикомъ Кругомъ (состоящей изъ 185 нумеровъ), въ которой управленію

музеевъ представилась надобность, по случаю предстоящаго вскорѣ празднованія пятидесятилѣтія Румянцовскаго музея, для пополненія матеріаловъ для характеристики дѣятельности его основателя.—Положено выслать означенную переписку гофмейстеру В. А. Дашкову, срокомъ на два мѣсяца.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія просьбу члена-кореспондента Академіи Р. Дози о доставленіи ему въ Лейпцигъ, для временнаго пользованія, одной арабской рукописи Азіятскаго музея, значащейся въ каталогѣ онаго подъ № 296 (136). — Положено эту рукопись препроводить г. Дози срокомъ на шесть мѣсяцевъ.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что Сесиль Бендаль, членъ Gonville and Cajus College въ Кембриджѣ, проситъ о доставленіи ему возможности воспользоваться, для предпринятаго имъ ученаго труда, санскритскою рукописью Азіятскаго музея Академіи, подъ заглавіемъ: Vajrasukyupanischad (№ 4), причемъ предложилъ выслать эту рукопись г. Бендалю срокомъ на два мѣсяца. — Одобрено.

Адъюнктъ баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что ему было бы желательно, при изданіи находящагося нынѣ въ печати сочиненія своего «*Василій Болгаробойца*», воспользоваться рукописью аль-Макина, принадлежащею королевской библіотекѣ въ Берлинѣ и обозначенною въ каталогѣ ея восточныхъ рукописей подъ заглавіемъ: «*Peterm. II 127*». — Положено просить Департаментъ Внутреннихъ Сношеній объ исходатайствованіи присылки упомянутой рукописи въ Академію, срокомъ на два мѣсяца, для занятій барона Розена въ самомъ помѣщеніи Азіятскаго музея.

ЗАСѢДАНІЕ 17 НОЯБРЯ 1881 Г.

Л. Серюрье, директоръ Этнографическаго музея въ Лейденѣ, доставилъ экземпляръ изданныхъ имъ, по порученію Нидерландскаго правительства Японско-Англійскаго Словаря, составленнаго д-ромъ І. Гоффманомъ (Japanese-Englisch Dictionary by the late Prof. Dr I. I Hoffmann. By order of the Dutch Governement elaborated and edited by D-r L. Serrurier. Vol. I. and II, Leiden 1881).— Положено благодарить.

Исправляющій должность начальника Зеравшанскаго округа, генералъ-маіоръ Корольковъ, отношеніемъ отъ 10 октября, увѣдомляетъ, что житель Нагорныхъ Тюменей означеннаго округа,

кишлака Кумъ, Халыкъ-берды-Агисбаевъ, во время охоты за горными куропатками около своего кишлака, нашелъ на берегу р. Зеравшана, въ одной изъ расщелинъ скалъ, тридцать древнихъ монетъ, лежавшихъ на землѣ и частію засыпанныхъ щебнемъ. Изъ числа этихъ монетъ, Халыкъ-берды продалъ двадцать пять штукъ одному неизвѣстному туземцу, одну утерялъ, а остальныя четыре были получены отъ другаго туземца, купившаго ихъ отъ Халыкъ-берды за 1 р. 60 к., и представлены въ канцелярію Зеравшанскаго округа. — Сообщая, что двѣ изъ означенныхъ монетъ оставлены при археологическомъ музеѣ этой канцеляріи, генералъ-маіоръ Корольковъ остальныя двѣ монеты препроводилъ въ Академію и проситъ о назначеніи за нихъ вознагражденія, по ея усмотрѣнію — Положено эти монеты передать для разсмотрѣнія Адъюнкту барону В. Р. Розену.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ СОРОКОВОМУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМІИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ XL ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А.

Б.

В.

С.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Я.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Академика **Я. К. Грота.**

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 1 руб. 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота).

II.

Папы и Іезуиты.

Уцѣлѣвшія письма Гримма къ Екатеринѣ II доставляютъ новый источникъ пониманія и оцѣнки этой замѣчательной переписки. Всего болѣе писемъ Гримма сохранилось за первые 80-ые и первые же 90-ые годы прошлаго столѣтія. Стало-быть, со времени поѣздки Екатерины въ Бѣлоруссію мы имѣемъ возможность пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ для поясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ императрицы, и будемъ приводить въ важныхъ случаяхъ наиболѣе интересныя выдержки изъ самыхъ писемъ Гримма.

Съ поѣздкой въ Бѣлоруссію тѣсно связаны отношенія Екатерины II къ ордену Іезуитовъ, который, какъ извѣстно, пользовался ея особымъ покровительствомъ. Это благоволеніе ея къ Іезуитамъ объясняется различно. Вотъ какъ рѣшается этотъ вопросъ по лучшимъ нашимъ историческимъ изслѣдованіямъ [1]) въ сопоставленіи съ запиской одного Іезуита, изданной въ 1872 году въ Парижѣ [2]): Екатерина, присоединяя Бѣлоруссію, пріобрѣ-

---

[1]) Морошкина, Самарина, гр. Толстого и друг.

[2]) La compagnie de Jésus, conservée en Russie après la suppression de 1772. Récit d'un Jésuite de la Russie Blanche. Paris. 1872.

тала съ нею и значительную массу подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, которыхъ іерархія всегда питала непріязнь ко всякой свѣтской власти и признавала надъ собою господство единственно римскаго первосвященника. Среди этого населенія уже прочно утвердились Іезуиты, у которыхъ, при значительныхъ имуществахъ, были четыре коллегіи, двѣ резиденціи и нѣсколько миссій. Главная изъ коллегій была въ Полоцкѣ, прочія въ Динабургѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Школы іезуитскія славились своимъ серьёзно научнымъ характеромъ, къ которому Екатерина всегда питала большое сочувствіе и довѣріе. Изгнать Іезуитовъ — значило пріобрѣсти себѣ въ Западномъ краѣ дѣятельныхъ враговъ; взять ихъ подъ свое покровительство, въ то время какъ они вездѣ подвергались гоненію, находившему одобреніе у самого папскаго престола, значило не только сдѣлать ихъ безвредными, но и заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ. Такъ думала Екатерина и избрала послѣднее. Авторъ книги «La compagnie de Jésus» приводитъ, что будто на совѣтѣ государыни одинъ изъ противниковъ Іезуитовъ напомнилъ указъ Петра Великаго, по которому Іезуитамъ воспрещенъ былъ въѣздъ въ Россію. Екатерина спросила его, полагаетъ ли онъ, что власть ея такъ же велика, какъ власть Петра Великаго? Всѣ почтительно поклонились и она прибавила: «Петръ въ свое время конечно имѣлъ важныя причины, чтобъ издать такой законъ. Я же теперь имѣю не менѣе важныя, чтобъ его уничтожить. Іезуиты останутся. Если впослѣдствіи они чѣмъ-нибудь провинятся, всегда можно будетъ удалить ихъ, и для этого не нужно будетъ ни пушекъ, ни большихъ армій». [1])

Сохраняя въ Россіи орденъ Іезуитовъ, Екатерина была увѣрена, что съ нимъ справится. Для этой цѣли она ясно очерчиваетъ его кругъ дѣятельности, ограничивая ее воспитаніемъ, позволяетъ ему сохранить свои религіозные уставы и порядки корпораціи, но отнимаетъ у него одно изъ главныхъ условій

---

[1]) La compagnie de Jésus, стр. 4.

силы — автономію. *Наравнѣ съ прочими монашескими орденами* она подчиняетъ его власти епископа и мѣстнымъ законамъ страны, обѣщая Іезуитамъ такое же покровительство, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ, и сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и имуществъ, но только *пока они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу сохранять будутъ*. Іезуиты съ радостью ухватились за такой благопріятный случай отстоять свое существованіе и спасти свое имущество отъ разграбленія. Они первые подали примѣръ присяги русскому правительству, увлекая за собой и весь бѣлорусскій народъ, и тѣмъ оказали большую услугу государынѣ. Ровно черезъ годъ, именно въ 1773 году, обнародована папская грамота (bref), совершенно уничтожающая Іезуитскій орденъ. Такимъ образомъ сама церковь, которой они были вѣрными органами и преданнѣйшими слугами, отвергла ихъ. Для Екатерины открылся самый блестящій случай заявить независимость своей мѣстной церкви отъ Рима. Она не впускаетъ папскую грамоту въ свои владѣнія, возобновляетъ Іезуитамъ обѣщаніе своего покровительства и даже дѣлаетъ распоряженіе о свободномъ пропускѣ черезъ свою границу тѣхъ изъ нихъ, которые вздумали бы искать убѣжища въ Россіи.

Но вѣрные своему характеру Іезуиты смиренно заявляютъ въ Петербургѣ, что по долгу послушанія они готовы подчиниться волѣ папы, чтобъ не производить соблазна между вѣрующими. На это государыня отвѣчаетъ, что она не хочетъ отклонять ихъ отъ обязанности послушанія и согласна, чтобъ они подчинились волѣ папы, какъ скоро его грамота будетъ обнародована въ Россіи. Что же касается ея обнародованія, то это уже дѣло императрицы, а по отношенію къ св. отцу она все беретъ на себя. [1])

Этотъ отвѣтъ былъ достоинъ Екатерины. По выраженію покойнаго Морошкина, «едва ли когда-нибудь была на русскомъ престолѣ власть столь ревнивая къ своимъ правамъ, столь независимая въ своихъ дѣйствіяхъ, столь нетерпящая чужого вмѣ-

---

[1]) Comp. de Jésus, 36.

шательства въ домашнее хозяйство, называемое Русской Имперіей, какъ власть олицетворенная Екатериною Великою». Въ перепискѣ съ Гриммомъ она при разныхъ случаяхъ повторяетъ, что никогда не потерпитъ чужого вмѣшательства въ свои дѣла, и значеніе этихъ словъ она умѣетъ доказать на дѣлѣ, энергически поддерживая въ Ватиканѣ свои требованія, какъ свидѣтельствуетъ та же самая записка Іезуита. [1])

Но, несмотря на то, что Екатерина крѣпко держала въ рукахъ Іезуитовъ, они, не довольствуясь дарованными имъ милостями, не брезгали никакими косвенными средствами обдѣлывать свои дѣла черезъ сильныхъ міра сего: Захара Чернышева, Михельсона, Потемкина, чтó вовсе не скрывается въ запискѣ Іезуита. Тамъ подробно разсказано, какъ часто Іезуитамъ удавалось этими путями торжествовать въ борьбѣ съ нѣкоторыми епископами и даже съ самимъ Сестренцевичемъ. [2])

Съ другой стороны изъ этой же записки явствуетъ, что они не желали полнаго разрыва съ Римомъ, все надѣясь на лучшія времена. И вотъ когда на папскій престолъ вступилъ Пій VI, среди Іезуитовъ возродились надежды на возобновленіе ихъ ордена. Ихъ настоятель Черневичъ, черезъ посредство кардинала Іоанна Баптиста Рецонико, тотчасъ поспѣшилъ изъявить свою преданность новому папѣ, умоляя его, чтобъ онъ хотя какимъ-нибудь знакомъ поддержалъ въ братьяхъ увѣренность, что сохраненіе іезуитскаго ордена въ Россіи ему пріятно. [3])

Подобные происки врядъ ли могли укрыться отъ зоркой наблюдательности Екатерины: они вызвали съ ея стороны шуточки и выраженіе: «мои бѣлорусскіе плуты». Но тѣмъ не менѣе Іезуиты служили ея цѣлямъ. Какъ мы уже замѣтили, они первые присягнули на русское подданство; они становились ея орудіемъ для исполненія завѣтной мысли установить мѣстную католическую церковь, независимую отъ папы; они служили ей адвока-

---

[1]) Compagnie de Jésus, 76.
[2]) Тамъ же 7, 81, 89, 90.
[3]) Тамъ же 49.

тами въ борьбѣ съ папою. Отвергнутые папскимъ престоломъ, отовсюду изгнанные, кромѣ схизматической Россіи, они убѣдительно доказывали законность дѣйствій Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви въ Бѣлоруссіи и на эту тему писали цѣлыя разсужденія, внушали эти мысли латинскому духовенству Бѣлоруссіи, а черезъ него распространяли ихъ въ самой паствѣ. Наконецъ они устанавливали въ Западномъ краѣ твердую школу и основательное обученіе.

Послѣ всего сказаннаго интересно прослѣдить всѣ бѣглыя замѣтки о папахъ и Іезуитахъ, которыя въ разное время попадаются въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, и особенно ея впечатлѣнія по личномъ знакомствѣ съ іезуитскимъ орденомъ, при посѣщеніи ею учрежденій его въ бѣлорусскую поѣздку.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ ея писемъ говорится о смерти папы Климента XIV († 22 сентября 1774 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я очень сожалѣю о смерти братца Ганганелли: Sic transit gloria mundi» [1]). По поводу избранія новаго папы она такъ шутитъ: «Кардиналамъ должно быть очень весело мерзнуть въ своихъ залахъ съ нишами въ Ватиканѣ, такъ какъ они до сихъ поръ не рѣшаются избрать папу; я подозрѣваю, что оппонирующіе Дворы хотятъ совершенно избавиться отъ всей священной коллегіи за разъ, такъ же какъ и отъ Іезуитовъ, задерживая ихъ такъ долго въ подобномъ мѣстѣ». [2])

Послѣ избранія Пія VI императрица пишетъ: «Скажите-ка однако, этотъ папаша Браски кажется мнѣ немножко Іезуитомъ. Я не буду жалѣть объ этомъ, потому что вы знаете, какую привязанность я питаю къ этому драгоцѣнному сѣмени, которое я соблюдаю, какъ самыхъ кроткихъ и разумныхъ гражданъ Бѣлоруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти плуты лучшіе люди въ мірѣ, и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 10.
[2]) Стр. 14—15.

нигдѣ еще не могли замѣнить ихъ школъ, хотя разграбили для этого ихъ имущества» [1]).

Что Гриммъ не раздѣлялъ расположенія государыни къ Іезуитамъ и часто задѣвалъ ихъ въ своихъ письмахъ, видно изъ слѣдующихъ отвѣтныхъ строкъ на его письмо еще въ 1775 году: «Знаете ли, что я пожалуй простила бы всѣ ваши выходки, еслибъ вы не вздумали въ концѣ своего письма пророчествовать на счетъ моихъ милыхъ плутовъ Бѣлоруссіи; но что бы вы тамъ ни говорили, вы не помѣшаете имъ строить прекрасный и обширный новиціатъ, который быстро воздвигается наперекоръ вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто имъ желаетъ зла» [2]). И въ другой разъ въ отвѣтъ на тѣ же нападки: «Развѣ вы не можете говорить мнѣ о развитіи вашего кредита у французскаго короля, не произнося брани на моихъ вѣрныхъ подданныхъ—этихъ бѣдныхъ плутовъ Бѣлоруссіи; зачѣмъ вы называете ихъ еретическимъ сѣменемъ? Это—драгоцѣнное сѣмя, достойное сохраненія и такъ мало еретическое, что они только что выиграли процессъ противъ своего епископа [3]) (Сестренцевича), который ихъ притѣснялъ» [4]).

Когда Гриммъ направлялся изъ Женевы въ Италію, государыня опять писала ему: «Я не перестану нападать на ваше православіе (orthodoxie), пока вы не перестанете задѣвать моихъ милыхъ Іезуитовъ. Чтó эти бѣдняки вамъ сдѣлали и зачѣмъ вы будете доносить на нихъ отцу Браски (папѣ Пію VI), который назоветъ ихъ еретиками противъ своего убѣжденія? хорошо ли пріѣзжать изъ-за горъ, чтобъ насиловать совѣсть людей? Вотъ по-моему коварство демона и поведеніе погибшаго» [5]). Что императрица знала о заискиваніи Іезуитовъ у новаго папы, доказываютъ слѣдующія строки: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо чтобъ его святѣйшество папа умеръ (crève), и я не стану его огорчать, ни-

---

[1]) Стр. 22.
[2]) Стр. 32.
[3]) La comp. de Jesus 53.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 37.
[5]) Стр. 38.

же мои завзятые бѣлорусскіе плуты, которые ему очень покорны и всегда хотятъ только того, чего онъ хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, что это вы доставляете кёльнскому газетчику статьи, которыя онъ печатаетъ къ великому вреду теплицы. Итакъ вы находите, что я благотворю имъ, потому что это меня забавляетъ: надо сознаться, что вы мнѣ приписываете миленькія побужденія, тогда какъ у меня нѣтъ иной цѣли, какъ сдержать данное обѣщаніе, и кромѣ того я руководствуюсь въ этомъ сознаніемъ общественной пользы» [1]).

Извѣстно, что французское и испанское правительства сильно поддерживали въ Римѣ уничтоженіе іезуитскаго ордена, и вѣроятно на это намекаетъ императрица, говоря: «Прошу васъ, поинтересуйтесь у кардинала Берни (французаго посла въ Римѣ), чтобъ онъ поменѣе вредилъ моимъ плутамъ. Эти бѣдняки совсѣмъ не умны и вполнѣ безхитростны: пусть ихъ поживаютъ спокойно. Они не принесутъ ни пользы, ни вреда; они похожи на безносаго Юпитера [2]). Я говорю вамъ это въ шутку: не вздумайте принять этого серіозно, потому что мнѣ вовсе не хочется возмущать грязную воду» [3]).

Не малой ироніей насчетъ безхитростности Іезуитовъ и ихъ прямодушія звучатъ всѣ отзывы императрицы о нихъ и послѣ ея личнаго знакомства съ ними. Къ письму изъ Пскова отъ 16-го мая присоединена приписка отъ 20-го мая изъ Полоцка.

«*Записочка, писанная въ Полоцкѣ 20 мая 1780 г. при выходѣ отъ Іезуитовъ*: Я была у нихъ сегодня утромъ; я тамъ слушала молебенъ и была въ ихъ домѣ. Здѣсь все ликуетъ; я вчера была поражена, при въѣздѣ сюда, великолѣпіемъ ихъ представительности; всѣ другіе ордена свиньи передъ ними! Эти люди только что не танцуютъ; ихъ наѣхало къ намъ множество изо

---

[1]) Стр. 138.

[2]) Статуя, которую предлагали тогда императрицѣ купить у сэра Гамильтона, и отъ которой она отказалась въ этомъ же письмѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 163. Намекъ на тяжкія обвиненія противъ Іезуитовъ.

всѣхъ странъ. Ужъ какіе же они разбивные! У нихъ здѣсь прекрасная церковь. Они наговорили мнѣ всевозможныхъ нѣжностей на всѣхъ существующихъ языкахъ, кромѣ тѣхъ, которые я понимаю. Ахъ, до чего нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ плутами!» [1]) Эти строки, такъ живо и въ немногихъ словахъ обрисовавшія впечатлѣніе, произведенное на государыню Іезуитами, вызвали слѣдующій отвѣтъ Гримма, никогда не стѣснявшагося въ выраженіи своего мнѣнія о нихъ: «Какіе бы они ни были плуты, бьюсь объ закладъ, что они и не подозрѣваютъ, до какой степени ихъ августѣйшая и царственная Покровительница обладаетъ даромъ описанія. Однимъ движеніемъ кисти она показываетъ мнѣ безчисленное множество лицъ на гибкихъ и кривыхъ шеяхъ въ присутствіи той, чьи августѣйшія черты выражаютъ величіе и благость и вовсе не теряютъ легкой улыбки, вызванной на устахъ ея тайными размышленіями, улыбкой, которую тщеславные плуты принимаютъ за улыбку удовольствія отъ ихъ прекрасныхъ привѣтствій. И вотъ картина нарисована» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ подшучиваетъ надъ представительностью Іезуитовъ, которую похвалила императрица: «Я очень сожалѣю, что мой Carmen Saeculare (партитура Филидора), столь великолѣпно оплаченный моей императрицей, не поспѣлъ въ Россію, чтобъ быть исполненнымъ въ Могилевѣ въ присутствіи графа Фалькенштейна. Плуты ея императорскаго величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ весьма годились бы, чтобъ предсѣдательствовать на этомъ театральномъ праздникѣ и руководить имъ. Никто столько не смыслитъ въ религіозныхъ церемоніяхъ какъ они; это мастера на всякое театральное представленіе. Надо сознаться, что они были очень умны: жаль, что они такъ честолюбивы: въ отношеніи къ безграничному честолюбію умные люди ломаютъ себѣ шею чаще, чѣмъ люди ограниченные, потому что они слишкомъ натягиваютъ пружины» [3]).

---

[1]) Стр. 181—182

[2]) Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II-й, 58.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

Черезъ недѣлю послѣ того, 26 мая, государыня пишетъ изъ Могилева: «Сегодня утромъ гр. Фалькенштейнъ и я присутствовали при католической обѣднѣ, справленной могилевскимъ епископомъ въ сослуженіи Іезуитовъ, Эксъ-іезуитовъ и множества орденовъ религіозныхъ и нерелигіозныхъ. Мы болѣе смѣялись и шутили, чѣмъ слушали. Онъ былъ моимъ чичероне, а я зѣвакой (badaud)» [1]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Милордъ Гордонъ [2]) писалъ мнѣ изъ лондонской башни, чтобъ спросить у меня, правда ли, что императрица Греческая осквернила себя присутствіемъ при католической обѣднѣ? Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его лордству, что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки. Этой отговорки его лордство не принимаетъ» [3]). И при другомъ случаѣ Гриммъ не преминулъ кольнуть государыню насчетъ ея присутствія при этой обѣднѣ. Посылая ей планисферу, поднесенную ей однимъ капуциномъ для обученія маленькаго внучка ея—будущаго императора Александра, онъ пишетъ: «Ваше Величество приказали мнѣ оставить Васъ въ покоѣ съ капуцинами; но я ни къ чему не обязывался, потому что капуцины не обѣщали мнѣ оставить меня въ покоѣ. Они говорятъ: — такъ какъ императрица греческая ѣздитъ слушать латинскую миссу у покойныхъ Іезуитовъ, она должна имѣть слухъ и для ихъ лакеевъ-капуциновъ. Впрочемъ планисфера моего отца Хризолога назначена не для императрицы, а для г. Александра. Мой капуцинъ хочетъ, чтобъ этотъ августѣйшій молокососъ изучалъ по ней небо съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ знаменитая школьная учительница знакомитъ его съ землею; вотъ почему планисфера приспособлена къ широтѣ петербургской, и вотъ почему я не могъ отвергнуть приношенія капуцина,—естественное послѣдствіе успѣховъ полоцкихъ и могилевскихъ плутовъ во

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 181.

[2]) Лордъ Гордонъ, посаженный незадолго передъ тѣмъ въ тюрьму въ слѣдствіе волненій, возбужденныхъ его оппозиціею въ парламентѣ.

[3]) Письма Гримма, стр. 46.

время приснопамятнаго путешествія Екатерины, не желающей, чтобъ её называли великой, вѣроятно потому, что не слѣдуетъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Впрочемъ, еслибъ августѣйшая учительница г. Александра позволила мнѣ подать ея именемъ милостыню въ пятьсотъ или шестьсотъ ливровъ преподобному отцу Хризологу, кёльнскій газетчикъ столько же нашумѣлъ бы объ этомъ, сколько о полоцкомъ новиціатѣ, и три монастыря парижскихъ капуциновъ отслужили бы молебенъ» [1]).

Осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, императрица спрашивала Гримма, о какомъ ея панегирикѣ, написанномъ Іезуитами, онъ упоминаетъ, при чемъ выразила слѣдующее сужденіе: «Я очень была бы рада, еслибы обо мнѣ запретили говорить, и разсказчиковъ и писакъ вездѣ облагали за это штрафомъ, какъ это было и есть во Франціи. Я не знаю, о какомъ похвальномъ словѣ вы говорите и какое сочиненіе этого рода напечатали бѣлорусскіе бездѣльники (marouffles). Я не помню, чтобъ когда-нибудь объ этомъ слышала» [2]).

Когда Гриммъ, по поводу аудіенціи Рейфентштейна у папы, въ шутку назвалъ послѣдняго антихристомъ, то Екатерина отвѣчала ему такъ: «Мой вѣсъ и мѣра, въ разсужденіи папы, антихриста и дьявола, вотъ какіе: живите въ мирѣ и помогайте бѣднымъ» [3]). А говоря о самой аудіенціи, она мѣтко опредѣляетъ характеръ папства: «Папская аудіенція произвела на меня дѣйствіе внушительное; однако оно обращается болѣе къ выгодѣ языческихъ боговъ нежели на пользу церкви христіанской, потому что первые имѣютъ болѣе прикосновенности къ художествамъ, чѣмъ послѣдняя, которая говоритъ: бѣдность и любовь» [4]). Въ другомъ письмѣ она отдаетъ отчетъ Гримму въ своей перепискѣ съ папою: «Знаете ли вы, что мы пишемъ другъ другу собственноручныя письма на такихъ языкахъ, которые получателю неиз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII — стр. 221.
[3]) Стр 191.
[4]) Стр. 191.

вѣстны? Эти письма снабжены переводами опять-таки на языки, непонятные для получателя. Письма отца Браски ко мнѣ писаны по-итальянски и снабжены латинскимъ переводомъ, а отвѣты писаны по-русски и переведены на греческій языкъ. Вы найдете, что это странно, однако оно такъ» [1]).

«Въ іюлѣ 1781 года государыня пишетъ: «Папаша Браски у меня въ долгу отвѣтомъ, который что-то долгонько заставляетъ себя ждать». А въ февралѣ 1782: «Мы съ Піемъ VI пишемъ другъ другу прекрасныя письма и во всемъ совершенно согласны, на столько что онъ хочетъ одного, а я другого» [2]). Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о перепискѣ, касавшейся возведенія Сестренцевича въ санъ архіепископа. Интересныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ находимъ въ мемуарахъ Аркетти, папскаго нунція, посланнаго въ Петербургъ для посвященія Сестренцевича въ архіепископы въ 1784 году [3]). По поводу о́дного письма Гримма, гдѣ онъ упоминаетъ о монахахъ Кармелитскаго ордена, государыня отвѣчаетъ ему: «До вашихъ Кармовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, потому что моимъ запрещено сноситься съ другими Кармами, кромѣ находящихся въ странѣ. Мы становимся очень упрямы и желаемъ быть хозяйками у себя, а чужимъ носамъ нечего къ намъ соваться» [4]). Въ другой разъ она говоритъ: «Ужъ и вы тоже не становитесь ли въ ряды защитниковъ папы? Да кто же ему что сдѣлалъ? Вотъ большой шумъ изъ за того, что дюжиной или двумя десятками монастырей станетъ больше или меньше на свѣтѣ, какъ будто никогда не случалось обращать ихъ въ свѣтское владѣніе. Когда мнѣ хочется, чтобъ было монастыремъ меньше, я велю имъ сказать коротко и ясно:—идите въ другой,— и объ этомъ больше не говорятъ, и никто не разнѣживается по этому поводу. Тьфу, скверно быть плаксой. Александръ не пла-

---

[1]) Стр. 199.

[2]) Стр. 217 и 228.

[3]) Un nonce du pape à la cour du Catherine II. Mémoires d'Archetti. Paris 1872.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 226.

четъ и не пищитъ. Не знаю, получилъ ли папа прекрасный мѣхъ отъ графа Сѣвернаго [1]); но я знаю, что готовлю ему великолѣпный, который отправлю ему, какъ скоро онъ пришлетъ палліумъ моему могилевскому архіепископу.... Если только онъ заслужитъ мою шубу, то я ужъ буду имъ довольна» [2]). Но такъ какъ Пій VI все затягивалъ переговоры объ этомъ, то Екатерина писала: «Папа не хочетъ сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, ниже самыхъ пустяковъ, о которыхъ я прошу, какъ палліумъ для моего могилевскаго архіепископа и посвященіе въ епископы in partibus его товарища. Признаюсь вамъ, что наконецъ Пій VI вынудитъ меня прибѣгнуть, чтобъ выйти изъ этого затрудненія, къ такимъ средствамъ, которыя непріятно будетъ употребить; мнѣ очень надоѣли эти отсрочки и дрязги; ну ужъ если ему придется глотать змѣй, пусть пеняетъ на себя» [3]). Наконецъ, въ сентябрѣ 1783 года, императрица, возвѣстивъ Гримму о проѣздѣ папскаго нунція въ Петербургъ, говоритъ: «Папскій посолъ долженъ дать палліумъ римскому архіепископу въ Могилевѣ, а потомъ онъ долженъ освятить церковь своего исповѣданія [4]) и посвятить епископа—помощника могилевскому архіепископу: вотъ и все. Я всего этого добилась, потому что дала почувствовать, что если не достигну всего, то нисколько въ томъ не нуждаюсь и сумѣю принять другія мѣры [1]). Тогда мнѣ живо отрядили этого посла» [5]).

Какъ тверда была императрица въ своихъ настояніяхъ по отношенію къ папскому престолу, свидѣтельствуетъ самъ Аркетти въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы видимъ, что по поводу самой формулы присяги возникли недоразумѣнія и были пункты, на которые императрица рѣшительно не согласилась,

---

[1]) Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Европѣ въ 1782 году в. кн. Павелъ Петровичъ съ супругой.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 235.

[3] Стр. 259.

[4]) Подробное описаніе всего этого въ сочиненіи: Un nonce etc. Mémoires d'Archetti.

[5]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 287.

такъ что потребовалось два мѣсяца для полученія отъ папы новыхъ инструкцій и, по словамъ Аркетти, Пій VI отвѣчалъ ему въ началѣ 1784 г.: «что надо сообразоваться съ временами и нельзя помѣшать Сестренцевичу произнесть присягу въ предлагаемой формулѣ» [1]).

О самомъ Аркетти императрица въ то же время писала Гримму: «Нашъ папскій посолъ чрезвычайно добрый малый, и хорошо сдѣлаютъ, если его когда-нибудь самого изберутъ въ папы, и даже я полагаю, что будетъ полезно и нужно избрать его, потому что трудно найти лучшаго» [2]).

Оставшись вполнѣ довольною имъ, императрица ходайствовала о немъ передъ римскимъ первосвященникомъ, и онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ случаѣ были возобновлены папами попытки о возсоединеніи церквей восточной и западной. Самъ Аркетти разсказываетъ, что во время своего пребыванія въ Петербургѣ, сблизившись съ архіепископомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, онъ имѣлъ съ нимъ длинныя бесѣды объ основныхъ пунктахъ раздѣленія церквей и будто даже въ день принятія въ новомъ католическомъ храмѣ Сестренцевичемъ палліума, при громадномъ стеченіи народа, онъ произнесъ воззваніе къ возсоединенію [3]). Это вѣроятно подало поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ и надеждамъ на Западѣ, потому что императрица пишетъ Гримму: «Эти бѣлорусскіе плуты всегда готовы напечатать какую-нибудь ложь; кардиналъ Аркетти не сдѣлалъ никакого наброска, стало быть Буонакампаньѣ нечего будетъ оканчивать. Не вѣрьте ни единому слову объ этомъ мнимомъ соединеніи двухъ церквей; г. Аркетти ничего объ этомъ и не поминалъ. Первое изъ препятствій къ тому былъ бы самъ господинъ папа» [4]).

---

[1]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 300.
[3]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 335.

Путешествіе въ Бѣлоруссію и свиданіе съ Іосифомъ II.

Какъ сказано было выше, императрица начала свое путешествіе 10-го мая и въ Нарвѣ встрѣчена была съ восторгомъ, о чемъ она упоминаетъ въ письмѣ къ Гримму изъ Пскова отъ 16 мая: «Я думала, что меня заѣдятъ ласками», и прибавляетъ шутя, что жители Нарвы никакъ не уступятъ жителямъ Риги. Пріѣхавъ во Псковъ, императрица, постоянно заботливая о пробужденіи самостоятельныхъ жизненныхъ силъ государства, была поражена, что въ полосѣ, гдѣ по преимуществу воздѣлывается ленъ, не существовало фабрикъ льнянаго производства. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она пишетъ къ Гримму изъ Пскова: «Этому городу, расположенному среди льна, недостаетъ промышленности; до сихъ поръ не догадались обратить ленъ въ дѣло. Пріѣзжайте сюда, или привейте кому-нибудь вашъ талантъ развитія и пришлите его сюда: онъ можетъ-быть насадитъ здѣсь промышленность. Божественный Рейфенштейнъ очень хорошо сдѣлалъ бы, пославъ какого-нибудь ученика своего кліента Миллера въ Петербургъ, гдѣ мы, подготовивъ подмастерьевъ, употребили бы ихъ или здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; по крайней мѣрѣ пусть онъ намъ пришлетъ образцы самопрялокъ, которыя прядутъ и сучатъ въ одно время».

Это обращеніе къ Рейфенштейну выясняется изъ писемъ самого Гримма. Нѣкто — кавалеръ Миллеръ, — бывшій, по словамъ Гримма, тосканскимъ государственнымъ министромъ и въ слѣдствіе непріятностей удалившійся изъ своего отечества въ Римъ подъ покровительство папы Пія VI (Браски), подготовлялъ учениковъ прядильнаго искуства королю Сардинскому, который былъ ими очень доволенъ. Одному изъ русскихъ магнатовъ, проѣздомъ черезъ Италію, вздумалось вербовать этихъ учениковъ въ Россію, о чемъ Рейфенштейнъ и писалъ императрицѣ. Кажется однако, что впослѣдствіи Екатерина, зная какъ дорого обходились ей услуги иностранцевъ, не настаивала на мысли выписать прядильныхъ мастеровъ изъ Италіи и даже какъ будто забыла объ

этомъ. По крайней мѣрѣ Гриммъ выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ удивленіе, что она не помнитъ собственныхъ словъ и приводитъ ей на память все то мѣсто письма изъ Пскова, которое онъ поспѣшилъ конечно сообщить Рейфенштейну. Императрица отвѣчаетъ ему: «Перевода книги Миллера я буду ждать очень терпѣливо, такъ какъ я почти забыла, о чемъ рѣчь идетъ. А покамѣстъ я радуюсь съ нимъ, что онъ, совершенствуя свои прялки, учитъ прясть со всевозможнымъ успѣхомъ, какъ выучилъ прядильщиковъ короля Сардинскаго. Еслибъ было возможно, то я была бы очень рада не имѣть обо всемъ этомъ извѣстій до полнаго усовершенствованія прядильнаго искуства; но такъ какъ это комментарій, и всякій авторъ долженъ итти впередъ не оглядываясь, то вы лучше сдѣлаете, если ничего не сообщите изъ этого письма божественному, чтобъ голова его могла итти рысью мирно и спокойно безъ всякихъ препятствій» [1]). Между тѣмъ заказанныя Рейфенштейномъ прялки были уже готовы и отправлены съ эскадрой адмирала Борисова, а вскорѣ затѣмъ и набранные прядильщики. Гриммъ предложилъ императрицѣ поставить во главѣ дѣла нѣкоего Гуттена, способнаго, по его отзыву, на самыя большія предпріятія. Императрица велѣла адресовать новопріѣзжихъ къ князю Безбородкѣ. При этомъ Гриммъ ходатайствовалъ для Миллера не только о хорошей платѣ за его прялки, но и о награжденіи какимъ-нибудь титуломъ, въ родѣ существовавшаго въ Германіи титула тайнаго совѣтника коммерціи. На это государыня дала такой отвѣтъ: «Что касается титуловъ, ничего не обѣщайте, по крайней мѣрѣ до того времени какъ наши машины и прялки будутъ въ полномъ дѣйствіи. Что до денегъ, — то пожалуй» [2]).

По прибытіи въ Петербургъ прядильщики съ главнымъ мастеромъ, принятымъ на выгодныхъ условіяхъ, были помѣщены въ Софіи, близъ Царскаго-Села, позади фермы, — нынѣшняго

---

[1]) Стр. 194 — 195.
[2]) Стр. 199.

адмиралтейства на большомъ озерѣ,—и тамъ началась ихъ дѣятельность. Впослѣдствіи не разъ упоминается о нихъ; но изъ отзывовъ императрицы видно, что дѣло, искуственно насажденное, не пошло на ладъ, и она жалуется на дурное поведеніе прядильщиковъ и прядильщицъ. Миллеръ же подавалъ какіе-то проекты, которые были отданы на разсмотрѣніе Безбородкѣ, а позже императрица дала небольшую сумму на напечатаніе его словаря въ сокращенномъ видѣ, и при этомъ такъ подшучивала надъ петербургскимъ экономическимъ обществомъ: «Этотъ словарь Миллера, по отзыву вашему, такая книга, что её слѣдовало бы рекомендовать Экономическому обществу въ Петербургѣ, которое все нищенствуетъ и даже воруетъ, если дать ему волю. Я уже велѣла спросить у него, это ли оно называетъ экономіей. Впослѣдствіи она велѣла отправить къ Гримму триста экю для содѣйствія къ напечатанію сокращеннаго Миллерова словаря, и требовала, чтобы Гриммъ увѣдомилъ ее, достаточно ли этой суммы на такое изданіе. [1])

Изъ Пскова государыня направилась въ Полоцкъ. Съ этихъ поръ мы будемъ говорить о ея путевыхъ впечатлѣніяхъ и знакомствѣ съ Іосифомъ II собственными словами ея писемъ.

«Въ Полоцкѣ, 21 мая, день именинъ г. Константина съ необыкновенно умными глазками. Здѣсь большое стеченіе людей; я вижу изъ оконъ моихъ чужіе края, т. е. границу Польши, Двину, протекающую между моимъ домомъ и этой страной. Вотъ видите, какъ я близко къ вамъ; но это будетъ ненадолго, потому что я завтра уѣзжаю въ Могилевъ. Г-нъ Фалькенштейнъ пріѣхалъ въ Кіевъ 14-го. Онъ долженъ выѣхать оттуда 18-го. Вы найдете здѣсь записочку, которую я вамъ написала вчера; она драгоцѣнна по той минутѣ, въ которую писана, и горячая, совсѣмъ горячая». [2]) Это была вышеприведенная записка, писанная по выходѣ изъ дома Іезуитовъ, послѣ ихъ молебна и торжественнаго пріема императрицы.

---

[1]) Стр. 682.

[2]) Стр. 179.

«Изъ Могилева, сего 25 мая. Я вчера утромъ пріѣхала сюда и нашла г. Фалькенштейна расположившимся здѣсь уже двое сутокъ назадъ. Какъ только онъ узналъ, что я сократила на четыре дня свое путешествіе, чтобъ опередить его, онъ принялся скакать день и ночь и пріѣхалъ двумя днями ранѣе меня. Мы весь вчерашній день провели вмѣстѣ; казалось, что онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ: онъ любитъ говорить и говоритъ хорошо. Вчера весь день лилъ дождь, что̀ принудило насъ провести вечеръ вмѣстѣ, какъ будто бы это былъ зимній вечеръ... Такъ какъ русская декларація навела васъ на нормальныя школы, я должна сказать вамъ, что эти школы были вчера однимъ изъ предметовъ нашего разговора, и по всему, что я слышала, эти нормальныя школы превосходное изобрѣтеніе; но намъ нужно будетъ нормальныхъ школьныхъ учителей. Я тутъ еще разъ нашла, что нерѣдко дѣти представляютъ противоположность съ отцомъ и матерью [1]) Мы не кажемся очень набожны, а чтенія наши вовсе не таковы. Однако Эпохи (Бюффона) еще не попадались намъ подъ руку. Знаете ли, что когда видишь переодѣтыхъ императоровъ, это кружитъ голову; подымаешь носъ и нюхаешь воздухъ, что̀, какъ вы конечно понимаете, мѣшаетъ отвѣчать съ должнымъ вниманіемъ на получаемыя письма.

«26 мая. Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и г. Фалькенштейнъ сообщилъ мнѣ въ разговорѣ вещи, достойныя быть напечатанными, глубоко обдуманныя и которыя конечно принесутъ ему безконечную честь, если онъ ихъ исполнитъ въ дѣйствительности. Я не смѣю разглашать ихъ, потому что онѣ были сказаны на ухо, и не изъ трусости, а по скромности; вотъ чего я также требую и отъ васъ по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ моихъ писемъ, которыя вы находите достойными напечатанія золотыми буквами.

«27 мая, середа. Отсюда (изъ Могилева) мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ другъ возлѣ друга

---

[1]) Іосифъ II съ Маріей Терезіей.

въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда онъ поѣдетъ въ Москву и вернется черезъ Петербургъ, а я поѣду его тамъ дожидаться. Мы говоримъ обо всемъ на свѣтѣ, стало-быть и о васъ, а такъ какъ онъ все знаетъ, то знаетъ что вы были съ графами Румянцовыми въ Вѣнѣ.

«Петергофъ, 24 іюля 1780, день моего отъѣзда отсюда... ...Этотъ листокъ, начатый вчера въ Петергофѣ, я продолжаю сегодня, 25-го, въ Царскомъ Селѣ. Графъ Фалькенштейнъ уѣхалъ отсюда 10-го этого мѣсяца и долженъ быть недалеко отъ Вѣны. Я не кончила бы, еслибъ стала хвалить его. Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвѣщенная, какую я знаю. Ну ужъ кто его опередитъ, тому придется вставать рано. Мой высокій союзникъ велѣлъ отслужить панихиду за упокой души Вольтера; я же, считая его душу успокоенною, не послѣдую этому примѣру, потому что не люблю подражать другимъ; да и не надо оскорблять живыхъ изъ любви къ мертвымъ» [1]).

На эти строки о панихидѣ Вольтера Гриммъ отвѣчалъ слѣдующей шуточной выходкой: «Обезьяничать не въ ея вкусахъ. Я угадывалъ, что она не захочетъ раздѣлять честь и расходы службы за упокоеніе души патріарха и что ея высокій союзникъ будетъ вынужденъ отпѣть её фальсетомъ исключительно на свой счетъ, что̀, по точному исчисленію мнѣ присланному, стоило 42 экю и 8 грошей. Конечно, самая прекрасная уловка—сказать: я вѣрю въ полный покой его души!.. Но еслибъ каждый про себя возымѣлъ такое хорошее мнѣніе о своихъ друзьяхъ, родныхъ и близкихъ, отправляющихся на тотъ свѣтъ, плуты ея величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ и множество другихъ купцовъ, живущихъ тою же продажей извѣстнаго противоядія, очень затруднились бы убрать свои лавочки какъ слѣдуетъ, въ то время какъ они должны принимать и привѣтствовать свою государыню. Впрочемъ высокій союзникъ не былъ такъ безумно восхищенъ этою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 180, 181, 183.

идеей. Онъ подчинился ей немножко нехотя, по настояніямъ нѣкоего стараго дитяти[1]), того самаго, который хотѣлъ освободить у вашего величества своихъ вѣтряныхъ соотечественниковъ, взятыхъ между канальей—польскими конфедератами. Вотъ почему расходъ службы ограничился фальсетомъ, тогда какъ ваше величество могли бы обезоружить всякаго чудеснѣйшей панихидой, сочиненной Паизіэлло и исполненной всей императорской театральной капеллой, привезенной въ Могилевъ. Когда я говорю: всякаго — это потому что я навѣрно не знаю и въ качествѣ православнаго лютеранина не обязанъ знать, кто прислуживаетъ въ чистилищѣ, дьяволы или ангелы. Надѣюсь, что одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ плутовъ захочетъ сказать мнѣ въ точности, какъ совершается эта служба». [2])

Восторженные отзывы императрицы о Іосифѣ II, какъ кажется, сердили Гримма. Онъ какъ будто питалъ недовѣріе къ искренности намѣреній и обѣщаній Іосифа и тонко подшучивалъ надъ этой новой дружбой, особливо надъ тайною совѣщаній, о которыхъ не хотѣли сообщать ему. Однако отзывы его о личности Іосифа, котораго онъ съ этой минуты называетъ «высокимъ союзникомъ», не были враждебны послѣднему, хотя онъ предлагалъ императрицѣ нѣкоторые вопросы, въ такомъ родѣ: «Просвѣтился ли графъ Фалькенштейнъ въ петербургской нормальной школѣ? Или онъ болѣе говорилъ, чѣмъ слушалъ? Онъ имѣетъ передъ своими товарищами то единственное преимущество, что много видѣлъ, много путешествовалъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ много знаетъ; но приведено ли это сколько-нибудь въ систему, или въ головѣ его все перемѣшано, какъ въ парижскихъ кабачкахъ?» [3]) А въ другомъ мѣстѣ: «Я бы сказалъ моей августѣйшей государынѣ все, что она думаетъ о своемъ знатномъ гостѣ; но прежде чѣмъ пуститься въ эту опасную исповѣдь, я рискнулъ бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, какъ напри-

---

[1]) Вѣроятно Фридриха II.
[2]) Письма Гримма 57, 58.
[3]) Тамъ же, 43.

мѣръ: понимаетъ ли онъ языкъ треножника? сознаетъ ли благодѣтельное вліяніе сильнаго вѣтра или сильной головной боли? и много такихъ бездѣлицъ, которыя я наблюдаю прежде чѣмъ выскажусь о человѣкѣ. Послѣ этихъ предисловій я бы высказался и развилъ все то, что императрица удержала про себя въ своемъ императорскомъ сердцѣ о намѣреніяхъ своихъ въ будущемъ и тому подобныхъ мелочахъ» [1]). По этимъ словамъ можно видѣть, какъ интересовали Гримма политическія соображенія Екатерины и какъ тревожилъ Европу союзъ ея съ Іосифомъ II. Но такъ какъ императрица не переставала хвалить графа Фалькенштейна, то въ другомъ письмѣ Гриммъ говоритъ: «Я не могу усомниться въ немъ послѣ похвалъ, выраженныхъ Минервой его головѣ и уму; и по правдѣ сказать, одно это путешествіе, предпринятое и выполненное имъ нынѣшній годъ, достаточно, чтобъ подтвердить хвалу эту. Дюжинная голова не способна задумать и исполнить такое предпріятіе. Въ его положеніи дюжинная голова именно побоялась бы, что ее затмитъ блескъ, окружающій славнѣйшій изъ престоловъ Европы, и это глупое чувство униченія было бы достаточно, чтобъ удалить его. И если, несмотря на санъ свой, онъ осмѣлился къ нему приблизиться, то значитъ, онъ чувствовалъ себя въ состояніи поддержать это свиданіе; такое благородное довѣріе, такъ же какъ и значеніе, какое онъ придавалъ этому свиданію, никогда не могли быть принадлежностью души обыкновенной» [2]).

По отъѣздѣ графа Фалькенштейна Гриммъ сообщаетъ императрицѣ, что князь Лобковичъ, желавшій по словамъ его быть въ свитѣ своего государя, хотя бы въ качествѣ конюха, писалъ ему изъ Брюсселя: «Вы должны были получить подробныя свѣдѣнія о появленіи моего государя въ Россіи. Не знаю, имѣлъ ли онъ успѣхъ; но за то знаю, что онъ въ восхищеніи отъ этой страны и очарованъ истинно великой Екатериной. Надо будетъ

---

[1]) Письма Гримма 55.
[2]) Тамъ же, 53, 54.

сказать ему, чтó истинно великая Екатерина говоритъ о графѣ Фалькенштейнѣ. Многіе почтовые чиновники уже видѣли и записали это ранѣе его и меня, не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку» [1]). Даже и по отъѣздѣ Іосифа II государыня не только часто вспоминаетъ пріятное свиданіе съ нимъ, но высказываетъ о немъ такіе отзывы: «О Боже! какъ вы не знаете этого человѣка! Если вамъ съ нимъ когда-нибудь случится разговаривать, онъ овладѣетъ всѣмъ вашимъ слухомъ и вы не наслушаетесь его; онъ обладаетъ великимъ краснорѣчіемъ и мысль и слово у него въ полномъ распоряженіи. Это человѣкъ, который необыкновенно сильно желаетъ добра, ищетъ его вездѣ, и когда найдетъ его, то хитеръ будетъ тотъ, кто его отъ этого добра отклонитъ». [2])

Наслѣдный принцъ Прусскій, князь де-Линь, герцогъ Браганцскій, Марія I, королева Португальская.

Впечатлѣніе, произведенное на императрицу сближеніемъ ея съ Іосифомъ II, еще болѣе выиграло отъ противоположности, которую вскорѣ представило ей посѣщеніе наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха Вильгельма — племянника Фридриха II, прибывшаго въ Петербургъ какъ разъ по отъѣздѣ Іосифа II, 26 іюля 1780 г. Онъ пробылъ до 2-го октября. Гриммъ писалъ о немъ Екатеринѣ: «Графа Фалькенштейна смѣняетъ г. маркизъ Бранденбургскій, иначе сказать г. принцъ Прусскій. По званію германскаго принца и по личнымъ своимъ качествамъ, онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ ваше величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ графъ Гёрцъ имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай оттаять: если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ» [3]).

---

[1]) Тамъ же, 56.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.
[3]) Письма Гримма 45, 46.

Но это предостереженіе нисколько не побудило императрицу стѣсняться въ откровенномъ выраженіи своего мнѣнія о принцѣ, сопоставляя его съ Іосифомъ, о которомъ она говоритъ: «Сынъ не похожъ на мать; сынъ, сынъ, сколько онъ надѣлалъ шуму! Онъ и еще болѣе нашумитъ; но наши *племянники*[1]) чтó объ этомъ скажутъ и каково будутъ себя отъ того чувствовать? Что вы объ этомъ думаете, вы, которые любите какъ хлѣбъ все, что касается этихъ геніевъ, которыхъ вы руководили болѣе дюжины, хотя вы отрекаетесь отъ этой нѣжной любви, какъ отъ преступленія; скажите, исповѣдайте свое убѣжденіе; увы! это совершенная невозможность, это не вяжется съ моимъ разсудкомъ; вотъ младшій, такъ вполнѣ младшій, система младшаго и голова младшаго» [2]). И далѣе: «мнѣ нечего учить графа Фалькенштейна», говоритъ она: «онъ совершенно выученъ и изъ него выйдетъ весьма умѣлый мастеръ; но глубоко почтительный ученикъ (наслѣдный принцъ Прусскій), который только что отсюда отбылъ, долженъ еще много постранствовать, чтобъ изъ него вышелъ мастеръ. Вовсе не узнáешь, что въ этомъ бѣдномъ человѣкѣ сидитъ: онъ очень сильно запинается, или ужъ его такъ строго держатъ на привязи, что изъ него никогда ничего не выйдетъ; онъ обладаетъ такою сильною сдержанностью, что становится совершенно неперевари́мъ для тѣхъ, кому приходится съ нимъ сталкиваться на дѣлѣ, въ сношеніяхъ или обхожденіи. Говорятъ, что онъ благомыслящъ. Можетъ-быть; но то же самое можно сказать и объ индѣйкѣ, а быть или казаться индѣйкой, это не во всякое время годится. «Потомъ императрица опять переходитъ къ графу Фалькенштейну: «Могилевскій смотръ былъ не только полнымъ, но и полнѣйшимъ, и разъ, когда мы часовъ пять къ ряду болтали и хохотали во все горло, я сказала ему: «Въ то время, какъ цѣлая Европа заинтересована, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, смотрите пожалуйста, чему мы смѣемся?» Ему, ка-

---

[1]) Намекъ на прусскаго наслѣднаго принца, о которомъ сказано въ началѣ этой главы.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 184.

жется, здѣсь понравилось. Вначалѣ меня бросало въ жаръ, а подъ конецъ я привыкла. Онъ покинулъ насъ съ сожалѣніемъ и оставилъ здѣсь большое къ себѣ уваженіе. Но этотъ другой въ высшей степени тяжелъ. Боже, Боже! какая разница съ дядьями! Этотъ похожъ какъ двѣ капли воды на тѣхъ старинныхъ герцоговъ Бевернскихъ, которые всѣ были колоссальныя фигуры. Ледяной министръ остался ледянымъ, и кажется, что они заморозили и вашего протеже. Если вы на его счетъ знаете болѣе нежели я могу вамъ сказать, сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ, потому что всего этого я хорошенько не понимаю [1]).

. . . . «Если возможно, то пусть не пріѣзжаютъ ко мнѣ подобные люди послѣ графа Фалькенштейна: онъ избаловалъ мой слухъ, а вашъ протеже отвратилъ меня отъ подобныхъ визитовъ; клянусь вамъ что онъ скукой, которую заставлялъ меня испытывать, въ сильной мѣрѣ увеличилъ бывшую у меня ревматическую боль въ рукѣ, и она стала уменьшаться съ тѣхъ поръ какъ его здѣсь нѣтъ. Когда имѣешь племянниковъ подобной тяжести, никогда не надо посылать ихъ послѣ такихъ лицъ, съ какими мы поѣхали знакомиться въ Могилевъ: вообразите, что мы въ перепискѣ и что я получила письмо слаще меду отъ маменьки тоже. Бѣлорусскіе политики, видя какъ мы постоянно другъ съ другомъ перешептывались, говорили, что мы скоро обвѣнчаемся» [2]).

На эту выходку государыни противъ наслѣднаго Прусскаго принца Гриммъ отвѣчаетъ: «Но, тысячу разъ ради Бога, что же наконецъ случилось съ моимъ протеже, что онъ удалился и даже пріобрѣлъ репутацію индѣйки? На этотъ разъ я воскликнулъ, обращаясь прямо къ нему: Вижу!

Твой удивленный геній дрожалъ передъ ея геніемъ;
И никогда ты не могъ стать твердо и увѣренно.

«Это конечно не бездѣлица, особливо когда въ то же время

---

1) Стр. 190.
2) Стр. 192.

естественная механика устроена тяжеловѣсно и не гибко, и колеса не смазаны, чтобъ двигаться легко и свободно. Эта невзгода индѣйки напоминаетъ мнѣ разсказъ его дяди [1]), что когда онъ въ первый разъ былъ приведенъ въ присутствіе государыни, то вынужденъ былъ упереться ногами изо всей силы, чтобъ устоять. И вотъ однако племянникъ не устоялъ, и я вижу съ соболѣзнованіемъ, что онъ не удержался и не всталъ опять на ноги» [2]).

По поводу этихъ сужденій императрицы о двухъ знаменитыхъ путешественникахъ, нельзя не привести одного замѣчательнаго мѣста изъ письма Гримма, въ которомъ онъ обнаруживаетъ свою задушевную, но не осуществившуюся мечту, чтобъ Людовикъ XVI также посѣтилъ Россію, отъ чего онъ ожидалъ большой пользы для Франціи. Онъ говоритъ въ письмѣ отъ 6 сентября 1780 года. «Ваше величество могли бы также вспомнить, кого я хотѣлъ еще прислать въ школу нашей коронованной учительницы нормальныхъ школъ. Это было не пророчество, а весьма сильное желаніе великаго блага. Этотъ пріѣхалъ бы не столь свѣдущимъ, какъ графъ Фалькенштейнъ, который по своему положенію имѣлъ единственное преимущество между подобными себѣ—путешествовать и узнать всю Европу въ такомъ возрастѣ, когда умъ достигъ уже полной зрѣлости; но мой путешественникъ прислушивался бы и, пріѣхавъ ребенкомъ, можетъ-быть уѣхалъ бы мужемъ. Вѣрно однако то, что надо бы имѣть въ Петербургѣ, вблизи Эрмитажа, гостиницу съ вывѣской *Трехъ королей* и учрежденіе, по которому всегда было бы ихъ двое или трое не съ востока, а съ запада. Послѣ мѣсячнаго пребыванія была бы устроена смѣна, потому что тотъ, чьи уши цѣлый мѣсяцъ слушали безуспѣшно, могъ бы преспокойно возвратиться съ дипломомъ нечувствительнаго слухового барабана; кто не оказался бы таковымъ, собралъ бы достаточный запасъ, чтобъ долго пускать въ оборотъ добро, ему ввѣренное; и всѣ народы запада воздѣвали

[1]) Принца Генриха.

[2]) Письма Гримма 98, 99.

бы къ небу признательныя руки и благословляли бы гостиницу *Трехъ королей*, близкую къ Эрмитажу; а ваше величество, чтобъ наградить меня за мысль такого учрежденія, даровали бы мнѣ мѣсто кельнера или оберъ-кельнера въ этой гостиницѣ. Возможно ли, чтобъ самыя лучшія учрежденія всегда оставались въ головахъ людей, иникогда не осуществлялись бы ко благу рода человѣческаго! Какъ бы я былъ счастливъ, Государыня, еслибъ могъ быть кельнеромъ въ этомъ единственномъ случаѣ, и прибавить еще и эту пуговку къ сертучку моего безсмертія» [1]).

На это императрица отвѣчала: «Вы заставили бы меня бѣжать изъ моего Эрмитажа, еслибъ тамъ поставили вывѣску *Трехъ королей*. Даже ваше званіе оберъ-кельнера этой гостиницы не могло бы позолотить пилюли» [2]).

Одновременно съ принцемъ Прусскимъ прибылъ въ Петербургъ знаменитый князь де-Линь, котораго блестящій умъ и разнообразныя свѣдѣнія такъ очаровали императрицу и который впослѣдствіи сопровождалъ ее въ крымскомъ путешествіи и навсегда сохранилъ ея благорасположеніе, выразившееся между прочимъ въ перепискѣ съ нимъ, отчасти уже извѣстной. О первомъ впечатлѣніи, имъ произведенномъ, императрица пишетъ: «Сюда еще прибылъ князь де-Линь, который принадлежитъ къ числу людей самыхъ веселыхъ и пріятныхъ въ общежитіи, какихъ я когда-либо видала; вотъ оригинальная голова, которая мыслитъ глубоко, а дурачится по-дѣтски. Въ такомъ обществѣ я уживусь легко. Онъ другъ моего герцога Брагангскаго». [3]) Послѣдняго императрица очень жаловала и онъ также являлся путешественникомъ въ Россію. Онъ былъ двоюродный братъ Португальскаго короля Іосифа I; покинувъ родину, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ австрійскимъ волонтеромъ; потомъ поселился въ Вѣнѣ и много путешествовалъ, между прочимъ былъ и въ Россіи. Онъ отличался литературнымъ талантомъ и

---

1) Письма Гримма, 54—55.

2) *Сб. И. О.* XXIII, 192.

3) Тамъ же, стр. 185.

пріятными формами; по воцареніи дочери Іосифа Маріи I вернулся въ Португалію и основалъ въ Лиссабонѣ академію наукъ. Императрица называла его прямымъ и честнымъ рыцаремъ, а королеву Португальскую Марію *сестрицей Маріей* и представляла её какъ ревностную католичку, всегда стоящую на колѣняхъ передъ своимъ духовникомъ, при чемъ, говоря о ней, выразила слѣдующую шуточную, но вѣрную мысль «Ханжество дѣлаетъ душу и умъ задхлыми (muffig)» и прибавила: «берегитесь, вашъ умъ тоже сдѣлается задхлымъ, если вы слишкомъ будете заниматься однимъ предметомъ». [1])

Гриммъ не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть и де-Линя по поводу одного изданнаго имъ военнаго сочиненія. Онъ пишетъ: «Я не знаю, послалъ ли князь де-Линь свои военные предразсудки и фантазіи вашему императорскому величеству. Боюсь, что онъ не довольно наглотался атмосферы нормальной школы въ Петербургѣ. Говорятъ, что въ этомъ сочиненіи есть большія несообразности и даже плоскости. Я очень радъ, что ничего не читаю изъ появляющагося; я тоже доволенъ, что не всѣ безумцы въ одной Франціи: эта исключительная привилегія меня нѣсколько огорчила бы. У насъ довольно этого сѣмячка, чтобъ не завидовать когда оно процвѣтаетъ у сосѣдей. Я слышалъ чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ произведенія князя де-Линя, которые успокоиваютъ меня въ остальномъ. Напримѣръ, онъ поучаетъ своихъ читателей, и я не знаю предразсудокъ ли это или фантазія, что одинъ императоръ (Римскій) имѣетъ *народную армію*, съ которою ему можно будетъ итти, когда вздумается, въ Константинополь или въ Петербургъ, или въ ..... вѣроятно въ Парижъ. Это открытіе, съ которымъ я поздравляю автора: я былъ до сихъ поръ довольно глупъ, чтобъ думать, что если есть въ мірѣ народная армія, такъ это русская армія. Совсѣмъ нѣтъ. Я также познакомился со множествомъ національностей, подвластныхъ императору безъ моего вѣдома. Я правда подозрѣваю, что бóльшая часть этихъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 76.

націй, перечисленіе которыхъ такъ великолѣпно, состоитъ изъ пяти-шести бѣдняковъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ хатахъ, именуемыхъ селами, и что одна изъ многочисленныхъ націй, обитающихъ подъ скипетромъ Греческой императрицы, сразу проглотила бы всѣ эти націи, созданныя княземъ де-Линемъ; и мнѣ еще сдается, что если Іосифъ со временемъ доведетъ населеніе Венгріи до степени, на которую оно способно стать, то у него будетъ болѣе подданныхъ и менѣе націй. И потомъ надо прибавить съ царемъ Соломономъ, что люди большіе дураки, но что не всѣ дурачества забавны». [1]) Государыня отвѣчаетъ: «Я не знаю военныхъ предразсудковъ и фантазій принца де-Линя; но знаю, что голова его очень оригинальна». [2])

Во всякомъ случаѣ въ приведенной выпискѣ и мнѣніяхъ Гримма о народахъ Австріи замѣчательно обрисовался взглядъ на славянскій міръ кореннаго нѣмца и предчувствіе будущей австрійской политики, возвышающей Венгрію на счетъ славянскихъ народностей. Но тутъ же, хотя и въ формѣ лести Екатеринѣ, безсознательно высказалось и убѣжденіе въ могуществѣ Россіи, обладающей единственною въ мірѣ *народной арміей*. И къ этому нельзя не прибавить, что, во всѣхъ политическихъ совѣтахъ своихъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи, чтó мы увидимъ во многихъ случаяхъ. Но Екатерину излишне было поучать въ этомъ. Она сама лучше всѣхъ сознавала духовную силу своего народа и умѣла на нее опираться, и въ этомъ болѣе всего заключалась тайна успѣха всѣхъ ея великихъ дѣлъ и начинаній.

Титулъ Великой.

Ко времени бѣлорусскаго путешествія относится мысль о поднесеніи императрицѣ петербургскимъ сенатомъ титула Вели-

---

[1]) Письма Гримма 157, 158.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 208.

кой, и въ письмахъ Гримма за это время мы находимъ сначала намеки на то, а потомъ и разсужденія объ этомъ событіи. Онъ говоритъ: «Вотъ теперь и Петербуржцы, кичась своимъ новымъ управленіемъ, которымъ столица разрѣшилась въ отсутствіи своего генія-хранителя, тоже начинаютъ шумѣть какъ люди изъ Риги и Нарвы!»[1]) И въ другомъ письмѣ: «Правда ли, государыня, что сенатъ желаетъ, чтобъ мы звали императрицу Екатериной Великой? Зачѣмъ же такая перестановка? Всѣ привыкли говорить: великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ божественная Катò (Catau), что соотвѣтствуетъ Дивѣ, слову, которое Римляне прилагали къ императрицамъ. Наконецъ, какъ имъ угодно, а я скажу съ дономъ Іафетомъ армянскимъ: «Вовсе не важно, чтобъ Блезъ былъ впереди или Блезъ позади»[2]). На это императрица отвѣчала: «Оставьте глупыя прозвища, которыми нѣкоторые мальчишки захотѣли украсить мою сѣдую голову, и за каковую вѣтреность имъ надавали щелчковъ, такъ какъ они еще не родились, когда всѣ эти глупости были торжественно отвергнуты на собраніи уполномоченныхъ отъ округовъ, которые отъ Риги до Камчатки входятъ въ составъ обширной земли русской». [3])

Узнавъ объ этомъ отказѣ, Гриммъ пишетъ: «Но, тысячу разъ, зачѣмъ же, Бога ради, ваше императорское величество такъ рѣзко отпотчевали нашего храбраго и честнаго фельдмаршала Голицына, сенатъ и прочихъ новыхъ губернскихъ депутатовъ съ титломъ великой Екатерины? Всѣ ко мнѣ пристаютъ съ этимъ и говорятъ мнѣ прямо въ глаза: «ну, иногда она Богъ знаетъ какая странная голова. За что она сердится? Ей не предлагаютъ ничего другого, кромѣ ея настоящаго имени?» А я такъ предвидѣлъ, чтó случится съ этимъ добрымъ фельдмаршаломъ Голицынымъ, и его бѣдными тріумфальными арками, и отвѣчалъ на это: «Чего же вы хотите? Вотъ какова она на самомъ дѣлѣ! Мы должны

---

[1]) Письма Гримма 17.
[2]) Тамъ же, стр. 27.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.

уже примириться съ этимъ. Передѣлать её или исправить невозможно, и на это нечего надѣяться» [1]).

Императрица отвѣчаетъ: «Такъ какъ тріумфальныя арки князя Голицына и служба за упокой души Вольтера ничего не значатъ, то я отказалась отъ того и другого, а съ тѣхъ поръ какъ я знаю откуда произошла мысль о панихидахъ, я хвалюсь тѣмъ, что показала въ этомъ чутье» [2]).

Съ этихъ поръ Гриммъ хотя и употребляетъ иногда слово *великая* Екатерина, но чаще онъ шуточно говоритъ то Екатерина *коротко*, но не великая, то наша императрица *средняго роста* (von mittelmässiger Statur). Когда же онъ сталъ одно время называть ее Catherine le Grand (Екатерина *Великій*), то она не на шутку разсердилась и говоритъ:

«Прошу болѣе не называть меня или, лучше, не давать мнѣ насмѣшливаго прозвища Екатерины *Великаго*, потому что во-первыхъ я не люблю никакихъ прозвищъ, во-вторыхъ, потому что мое имя Екатерина II, въ-третьихъ я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, какъ о Людовикѣ XV, находя его неудачно названнымъ и въ-четвертыхъ ростомъ я не велика и не мала: представьте кому слѣдуетъ, что я уступаю всѣ насмѣшливыя прозвища тому, кто ихъ заслуживаетъ, какъ Георгъ и Густавъ (Gegu) [3]) и компанія» [4]).

Народное образованіе и нормальныя школы.

Въ самомъ началѣ переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ являются слѣды ея постоянной заботливости о созданіи въ Россіи стройной системы народнаго образованія. Извѣстно, что при первомъ ея знакомствѣ съ Дидро и Гриммомъ, въ ней родилась мысль привлечь къ этому дѣлу обоихъ знаменитыхъ

---

[1]) Письма Гримма 56.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 192.

[3]) Подъ этимъ общимъ именемъ императрица разумѣла Георга короля Англійскаго и Густава Шведскаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 438.

ученыхъ, свѣдѣніями которыхъ она захотѣла воспользоваться, поручивъ каждому изъ нихъ составить для нея проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Уже ранѣе приведено было нами (стр. 28) ея обращеніе къ гг. философамъ «не составляющимъ секты», въ которомъ она не безъ ироніи къ ихъ безплодной мечтательности указываетъ имъ болѣе практическое дѣло: точнѣе опредѣлить систему образованія и какъ должны слѣдовать одна за другою ступени школьнаго обученія. Она добивается того, чтобъ они выяснили ей, какая связь и зависимость должна существовать между первоначальной школой, гимназіей и университетомъ и не желаетъ полагаться въ этомъ на одно свое сужденіе.

Въ іюнѣ 1775 года государыня, получивъ записку Гримма, осталась ею очень довольна, какъ видно изъ этихъ словъ: «Искренно благодарю васъ за прекрасную записку о школахъ, которую я буду тщательно хранить, чтобъ воспользоваться ею только что работа, которая у меня на рукахъ, будетъ окончена, а это будетъ въ іюлѣ»[1]). Екатерину занимало тогда ея извѣстное учрежденіе о губерніяхъ. Къ сожалѣнію, записка Гримма не отыскалась при его письмахъ, и потому мы не можемъ судить, насколько она была принята въ соображеніе императрицей. Вскорѣ и Дидро прислалъ свою записку подъ заглавіемъ: Plan d'une Université pour le gouvernement de Russie, ou d'une éducation publique dans toutes les sciences, при чемъ необходимо пояснить, что здѣсь слово université употреблено во французскомъ значеніи, какъ совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній. Императрица писала Гримму: «Я получила трактатъ Дидро объ училищахъ и чистосердечно благодарю васъ обоихъ. Какъ скоро меня оставитъ болѣзнь легисломаніи (такъ называла она свои законодательные труды), я займусь этой работой; до тѣхъ поръ да хранитъ Богъ г. Эрнести»[2]). Послѣднія слова относились явно къ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXXIII, 25.
[2]) Тамъ же, 38.

мысли Гримма поручить управленіе будущими русскими училищами славившемуся въ то время германскому педагогу, профессору классической литературы, Эрнести, нѣкогда учителю Гримма въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проектъ Дидро появился недавно въ послѣднемъ изданіи его сочиненій (1875 — 1877) и былъ пространно разобранъ (г. Каро) въ «Revue des deux mondes» за октябрь и ноябрь 1879, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Diderot inédit». Сущность записки заключается въ нападкахъ на классическую школу, принятую въ Германіи и во всей Европѣ, которую Дидро предлагаетъ замѣнить тою реальной школой, о которой многіе мечтали въ наше время. Съ свойственнымъ этому писателю легкомысліемъ и парадоксальностью онъ силится доказать, что надо разорвать всякую связь съ прошедшимъ, и предлагаетъ оригинальнѣйшій планъ школы. Двери этой школы, называемой университетомъ, должны быть открыты дѣтямъ всей націи, и въ ней преподаватели, оплачиваемые государствомъ, должны передавать имъ *элементарныя* познанія во всѣхъ наукахъ. Школа эта не связана съ низшей никакимъ посредствующимъ звеномъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ въ ней преподаваніе на основаніи принципа общности познаній, то-есть начиная съ наукъ, необходимыхъ для всѣхъ и каждаго, и кончая знаніями, которыя нужны только немногимъ. Курсъ раздѣленъ на восемь лѣтъ, и въ первомъ, самомъ младшемъ классѣ, преподаются арифметика, алгебра, теорія вѣроятностей и геометрія. Во второмъ: законы движенія и тяготѣнія тѣлъ, центробѣжная сила, механика и гидравлика. Въ третьемъ сферы и глобусы, астрономія съ ея вспомогательными науками. Въ четвертомъ естественная исторія, экспериментальная физика. Въ пятомъ химія и анатомія. Въ шестомъ логика, критика, общая сравнительная грамматика. Въ седьмомъ русскій и славянскій языки, краснорѣчіе и поэзія. Параллельно съ этимъ преподаваніемъ, расчитаннымъ на восемь лѣтъ, развивается и продолжается тоже восемь лѣтъ другой курсъ ученія: первому классу соотвѣтствуетъ обученіе начальнымъ основаніямъ метафизики, нравственности, естествен-

ной религіи и откровенной. Второму: исторія и мифологія, географія и хронологія, первыя основанія экономіи политической и домашней и проч. «Не надо быть большимъ мудрецомъ», говоритъ авторъ разбора, «чтобъ замѣтить невообразимую смѣсь, безвыходную путаницу и полнѣйшую неопытность, которая обнаруживается въ этомъ планѣ». Чтобъ заманить императрицу Екатерину на выполненіе своего проекта, Дидро пускаетъ въ ходъ и нѣкоторую лесть, говоря: «Императрица болѣе чѣмъ какой-либо другой государь находится въ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ создать нѣчто новое и великое; минута, въ которую она задумываетъ планъ университета, особенно благопріятна... Великое преимущество, когда все приходится создавать вновь. Почва Россіи свободна: не все ли во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы?». Но императрица Екатерина, уже въ бытность Дидро въ Петербургѣ имѣвшая случай убѣдиться въ парадоксальной наивности этого вполнѣ революціоннаго ума, не воспользовалась ни одной изъ его утопій и отвела проекту его окончательное мѣсто въ архивахъ своей эрмитажной библіотеки.

Отзывы ея о легкомысленной парадоксальности Дидро встрѣчаются часто въ перепискѣ съ Гриммомъ, какъ мы увидимъ позже по поводу напр. его критики Наказа. Иное впечатлѣніе произвела на Екатерину записка Гримма. Изъ писемъ государыни видно, что она уже въ первый пріѣздъ Гримма, оцѣнивъ его практическій умъ и дѣльные взгляды на воспитаніе, уговаривала его остаться въ Россіи. Но во второй его пріѣздъ предложенія ея имѣли уже болѣе опредѣленную цѣль — поставить его во главѣ созидаемаго въ Россіи просвѣщенія. Вотъ любопытное письмо ея, писанное 2-го февраля 1777 года, въ день Срѣтенія, и заключающее въ себѣ это предложеніе:

«Екатерина вторая и только вторая безо всякаго другого эпитета, со всею властью и доброй волей ей присущею, не можетъ создать въ Россіи многихъ полезныхъ вещей безъ помощниковъ: и именно школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

«Прибавьте же, что къ этому затрудненію, причиненному или ея невѣжествомъ, или лѣнью, присоединяется другое, происходящее отъ деликатности: она опасается предложить единственному лицу, кажущемуся ей способнымъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ, оказать въ немъ содѣйствіе, или взять его на себя; и все это оттого что она боится стѣснить это лицо. А это лицо, я вамъ тонко и ловко намекаю на него,

— это вы.

«Уже два мѣсяца какъ ея умъ, который вы осмѣливаетесь называть просвѣщеннымъ, очищающимъ и животворящимъ, не знаетъ съ какой стороны подойти къ вамъ, чтобъ сказать это, и оттого дѣло ни на шагъ не подвигается. Когда я подумаю, что это предложеніе можетъ стѣснить васъ, и что вы пожалуй не захотите принять его, а отказать затруднитесь, то мнѣ лучше бы хотѣлось безъ всякихъ околичностей знать, что вы въ Парижѣ.

«Я желаю, чтобъ вы сказали коротко и ясно: хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и была бы очень довольна, еслибъ отвѣтъ согласовался съ моими желаніями; но не менѣе буду уважать васъ, если вы будете отвѣчать мнѣ отрицательно.

«Я впрочемъ нѣсколько въ правѣ сдѣлать вамъ эти предложенія: вы не разъ говорили мнѣ: употребите меня на что-нибудь. Знаю, что политическое назначеніе въ какомъ-нибудь уголкѣ міра могло бы вамъ быть пріятнѣе; но, предпочитая болѣе полезное, я полагаю, что не заслуживаю порицанія.

«Итакъ жалобы и весь кортежъ галиматьи сводятся къ двумъ вопросамъ: 1) хотите ли? 2) или не хотите?

«И еслибъ вы захотѣли, то я такъ мило устроила бы дѣло, что все необходимое весьма естественно стеклось бы къ вамъ подъ руку, а если не захотите, то объ этомъ болѣе не будетъ и рѣчи. Былъ бы еще средній способъ, еслибъ вамъ это нравилось: устроиться на извѣстное опредѣленное время, чтобъ ваши парижскіе друзья не приходили въ отчаяніе и вы также. Примете ли вы, или не примете предложеніе, посылаю вамъ пять тысячъ рублей, которые вамъ послужатъ на обратный путь или на первое

обзаведеніе здѣсь. Въ случаѣ, еслибъ вы остались, вашъ годовой доходъ былъ бы опредѣленъ, все остальное пошло бы своимъ чередомъ и вы сказали бы, а съ вами и я, что вы сдѣлались весьма полезны имперіи, и только вы можете принести тутъ пользу и даже болѣе чѣмъ я, такъ какъ вы понимаете дѣло лучше меня. Вы сказали, что вамъ необходимо согласіе его свѣтлости герцога Готскаго; можетъ быть: говорите чтó хотите. Пора мнѣ одѣваться и итти къ обѣднѣ по случаю праздника Срѣтенія [1]).

Мы знаемъ, что и на этотъ разъ предложеніе не было принято Гриммомъ. Кромѣ другихъ, можетъ-быть и личныхъ препятствій къ переселенію, онъ своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ долженъ былъ понять, что человѣкъ, не знающій языка страны, будетъ плохимъ руководителемъ ея просвѣщенія. Однако этотъ отказъ нисколько не умалилъ расположенія къ нему Екатерины, и съ тѣхъ поръ она продолжала его употреблять своимъ совѣтникомъ и посредникомъ между нею и педагогическими знаменитостями Европы. Такъ въ іюнѣ 1778 года она сообщаетъ Гримму, что читаетъ книгу барона Карла Дальберга (Betrachtung über das Universum) и хвалитъ ее, говоря что раздѣляетъ его мысли, а въ декабрѣ того же года она, получивъ черезъ Гримма записку барона Дальберга о школьномъ дѣлѣ, пишетъ: «Я спрятала нѣмецкую рукопись барона Дальберга тотчасъ по полученіи, еще не прочтя её, въ тотъ ящикъ, гдѣ покоится собираемая мною коллекція записокъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, и нетерпѣливо жду всего, что вы еще можете мнѣ прислать объ этомъ предметѣ по вашему обѣщанію, потому что вó-время и при мѣстѣ это можетъ быть употреблено въ дѣло, особливо если Господь даруетъ мнѣ вѣкъ покойнаго слуги своего Маѳусаила» [2]).

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію въ февралѣ 1780 года, императрица опять говоритъ о планѣ учебныхъ заведеній.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 696—697.
[2]) 115.

Вѣроятно Гриммъ торопилъ её исполненіемъ задуманныхъ ею воспитательныхъ учрежденій, особенно напирая на планъ присланный Дальбергомъ. Но изъ замѣчательнаго ея отвѣта видно, какъ она не любила предпринимать ничего поспѣшно, какую чувствовала потребность уяснить себѣ самой все чтó создавала, и сообразить задуманное съ дѣйствительностью и своими наличными средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь видно также, какъ Екатерина, такъ легко находившая сподвижниковъ для своихъ великихъ дѣлъ въ войнѣ и въ гражданскомъ управленіи, глубоко сознавала недостатокъ у себя дома помощниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія.

«Вы кажется не знаете», говоритъ она, «что часто императрица желала бы заставить работать надъ иною частью и что не отъ недостатка въ доброй волѣ за нею не работаютъ, но оттого что силы, необходимыя для такой работы, не въ такомъ положеніи, какого такая работа требуетъ. Та часть, для которой я желала вашего содѣйствія въ послѣдній пріѣздъ вашъ сюда, принадлежитъ къ тому числу. Милостивый государь! яблоко никуда не годится пока не созрѣло, а я подобнó Шаху-Багаму [1]) себя хорошо понимаю. Но планъ г. Дальберга невозможенъ; а чтобъ понять и это и меня, которая себя понимаю, нуженъ бы длинный комментарій.... Передъ Богомъ тысяча лѣтъ какъ одинъ день; лишній годъ къ великому цѣлому государства есть ничто; надо чтобъ яблоко созрѣло. Правда, что это скучно; но нельзя сдѣлать иначе, потому что мнѣ самой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ чтобъ изучить каждый предметъ.» [2]). Тѣ же мысли выражаетъ она и по поводу насажденія художествъ въ Россіи: «Если вѣрить первому параграфу письма божественнаго Рейфенштейна, можно бы вообразить, что стóитъ только приказать, и вкусъ къ художествамъ и артистамъ родится какъ петрушка, которую посѣешь;

[1]) Это часто упоминаемое лицо—индѣйскій султанъ въ сказкѣ Кребильйона младшаго «Le Sopha».

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 173.

но чтобъ это явилось, надо *хотѣть* и *жить долго*, и тогда получишь со временемъ и терпѣніемъ все, чего захочешь» [1]).

Во время путешествія въ Бѣлоруссію и свиданія съ Іосифомъ II мысль о школахъ не покидала Екатерину, и какъ мы уже видѣли изъ выписки, приведенной выше, нормальныя школы были неоднократно предметомъ разговора между высокими собесѣдниками. Въ слѣдствіе того, по возвращеніи своемъ въ Петергофъ, императрица пишетъ Гримму: «Пожалуйста, дайте мнѣ знать, чтó баронъ Дальбергъ думаетъ объ австрійскихъ нормальныхъ школахъ; по хорошимъ отзывамъ о нихъ я завладѣла всѣми учебниками, которые въ нихъ приняты, и имѣю ихъ изъ собственныхъ рукъ гр. Фалькенштейна» [2]).

На это Гриммъ пишетъ: «Баронъ Дальбергъ не дожидался моего вопроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Узнавъ, что этотъ предметъ былъ затронутъ въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей направленъ былъ тотъ планъ, который я осмѣлился послать нормальной школьной учительницѣ. Самъ Дальбергъ былъ первый и настоящій радѣтель о нормальныхъ школахъ въ Германіи: онъ и другой силезскій прелатъ; а потомъ это перешло въ Вѣну, потомъ въ Мюнстеръ. А я позволилъ себѣ сказать моей императрицѣ, что ея августѣйшая сестрица Марія Терезія не знаетъ, что изъ этого выйдетъ великое благо: народы сдѣлаются просвѣщеннѣе, разумнѣе, разсудительнѣе; только большіе глупцы или презрѣнные плуты боятся такихъ народовъ; тѣ же, кто рожденъ повелѣвать, желаютъ повелѣвать людямъ, а не звѣрямъ. Что говоритъ объ этомъ гр. Фалькенштейнъ?» [3]).

Екатерина отвѣчала на это слѣдующими замѣчательными словами: «Никогда не заставятъ меня бояться просвѣщенныхъ народовъ. Но когда будутъ они просвѣщены? Когда между

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 119.
2) Тамъ же, 183.
3) Письма Гримма, 68—69.

людьми знающими перестанутъ являться люди безнравственные съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, люди способные болѣе портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать»? [1]). Эту же мысль, что не въ количествѣ школъ въ государствѣ, а въ ихъ доброкачественности заключается условіе истиннаго просвѣщенія, она высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ, по случаю безпорядковъ въ Лондонѣ: «Четыре тысячи даровыхъ школъ еще не сдѣлаютъ людей умнѣе, да и проповѣдь нравственности тоже, вотъ что можно сказать» [2]). Кажется, что приблизительно къ этому же времени относятся нѣкоторыя присланныя Гриммомъ объяснительныя записки объ учебномъ дѣлѣ, сохранившіяся при его письмахъ и не помѣченныя никакими числами. Онѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ его письмамъ. По интересу и важности ихъ для исторіи нашего образованія мы приводимъ ихъ цѣликомъ.

I.

«Мысли г. Шадена, какъ кажется мнѣ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка разсудительнаго и достойнаго.

1.

«Мысль воспитывать въ школахъ не только учениковъ, но въ то же время людей, способныхъ учить другихъ и готовящихся къ разнообразному публичному преподаванію, кажется мнѣ прекрасною и вполнѣ соотвѣтствующею видамъ ея императорскаго величества, которая, желая распространить школы въ своей имперіи, особенно нуждается въ людяхъ, способныхъ хорошо обучать юношество.

«Г. Шаденъ предлагаетъ для этого семинарію студентовъ, которые служили бы репетиторами и имѣли бы присмотръ за учениками внѣ класснаго времени въ ихъ комнатахъ и пр. Онъ составляетъ изъ нихъ корпорацію, которая въ случаѣ болѣзни

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 193.
2) 187.

можетъ замѣнять профессоровъ и изъ которыхъ въ каникулярное время можно пополнять отсутствующихъ и снабжать школы лицами способными и совершенно подготовленными.

Прибавлю, что можетъ-быть было бы согласно съ видами вашего величества, чтобъ лучшіе ученики старшаго класса были избираемы въ репетиторы въ младшихъ классахъ, черезъ которые сами прошли. Молодой человѣкъ, ученикъ въ своемъ классѣ и репетиторъ въ младшемъ, не только усвоилъ бы себѣ тверже то, что выучилъ, но и ознакомился бы съ преподаваніемъ, что̀ чрезвычайно способствовало бы къ полученію ясныхъ и точныхъ понятій и легкости ихъ сообщенія. Надо бы присвоить особенное отличіе титулу и званію репетитора и давать его только такимъ ученикамъ, которые на общихъ испытаніяхъ превзошли своихъ товарищей, и только когда они позже, въ качествѣ репетиторовъ, покажутъ способность и прилежаніе. Надо также при всѣхъ общихъ упражненіяхъ давать имъ за эту заслугу почетныя награды. Извѣстно, что эти награды также должны быть идеальны, какъ награды взрослыхъ дѣтей, и что ученикъ можетъ быть болѣе будетъ гордиться кончикомъ своей измятой ленты, чѣмъ фельдмаршалъ своими лентами черезъ плечо».

2.

«Г. Шаденъ желаетъ, чтобъ въ школахъ былъ отдѣльный классъ, въ которомъ сообщались бы юношеству первыя понятія о природѣ, искуствѣ, нравственности и самыхъ общихъ и необходимыхъ законахъ, какъ естественныхъ, такъ и отечественныхъ, съ цѣлію образовать умъ и сердце учениковъ и воспитать не только ученыхъ, но и гражданъ».

3 и 4.

«Эти два параграфа касаются полиціи и инспекціи школы. Авторъ хотѣлъ, чтобъ инспекція московскихъ школъ была поручена профессорамъ по очереди и не была бы постоянной службой. Я нашелъ мнѣніе его по этому предмету весьма основатель-

нымъ, если только онъ обезпечитъ мнѣ постоянство общаго плана преподаванія, безъ чего я бы боялся, что всякій инспекторъ въ теченіе своего года, подъ предлогомъ улучшеній въ преподаваніи, будетъ дѣлать нововведенія для своего удовольствія и изъ славолюбія, а преемникъ его будетъ уничтожать ихъ, замѣняя новыми, которыя будутъ не лучше, изъ чего слѣдовали бы безпрерывныя перемѣны методы, весьма вредныя для учениковъ и способныя навлечь нареканія на профессоровъ.

«Въ протестантскихъ школахъ въ Германіи инспекторы называются школярами или эфорами и берутся изъ магистратуры, а имъ придаютъ обыкновенно суперъ-интендента, или начальника духовенства. Эти лица уважаются профессорами и пользуются большимъ почтеніемъ со стороны юношества.

«Я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами вашего императорскаго величества, чтобы профессорá школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ, не за свой орденъ и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобы считалось высокою честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу. Конечно, для осуществленія этой мысли, губернаторъ или представитель ея величества въ губерніи долженъ считать своею обязанностью присутствовать при публичныхъ испытаніяхъ школъ, оказывать съ профессорамъ величайшій почетъ и платить имъ такія деньги, которыя, не истощая государственной казны, могли бы производить удивительное дѣйствіе, когда бы они раздавались съ разборомъ.

«Авторъ желалъ бы, чтобъ обучали въ школахъ первымъ элементарнымъ основаніямъ нашихъ наукъ и нашихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что для этого не надо особеннаго профессора, но что ректоръ или кто другой изъ преподавателей можетъ соединить этотъ предметъ съ своимъ, что́ производило бы разнообразіе стало-быть доставляло бы лишнее удовольствіе и ему и ученикамъ. Онъ желалъ бы также, чтобъ не посылали молодыхъ людей изъ школы въ университетъ безъ первоначальныхъ познаній въ исторіи литературы.

6.

«Онъ нападаетъ на существующее въ Москвѣ раздѣленіе на языки и реальныя науки. Онъ говоритъ, что есть разница между учителемъ языка и профессоромъ языка; что послѣдній не можетъ преподавать юношеству грамматику языка, не помышляя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, чтобъ образовать сужденіе и даже сердце молодыхъ людей, тогда какъ учитель языка довольствуется тѣмъ, что наполнитъ имъ голову словами. Онъ говоритъ, что невозможно и вредно подчинить профессору преподаваніе въ продолженіе четырехъ часовъ сряду одного и того же, и я съ этимъ согласенъ.

7.

«Онъ желалъ бы, чтобъ въ школѣ былъ театръ и чтобъ ученики пріучались играть трагедіи и комедіи, дабы пріобрѣсти умѣнье держать себя непринужденно, выражаться свободно, имѣть грацію и проч. Несмотря на эти преимущества, которыми нельзя пренебречь, я нахожу, что не надо бы злоупотреблять этими драматическими представленіями, которымъ предшествуютъ долгія развлеченія, отрывающія отъ вседневнаго труда. Разъ или два въ годъ не болѣе».

II.

«Двѣ брошюры: одна о низшихъ и реальныхъ школахъ въ Майнцѣ, другая о латинскихъ школахъ въ той же странѣ, какъ кажется мнѣ, внушены прекраснымъ духомъ, и я полагаю, что трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ предметовъ изученія и найти болѣе умную методу преподаванія. Въ послѣдней брошюрѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіи гимназій или среднихъ школъ, предписывается преподавать языки: русскій, латинскій, французскій и греческій и предоставить каждому учиться языку французскому у себя или въ особыхъ школахъ, которыя не нуждаются въ поддержкѣ правительства.

Въ концѣ брошюры о реальныхъ школахъ приложенъ списокъ классныхъ пособій, все замѣчательныхъ. Изъ нихъ я отмѣ-

тилъ тѣ, которыя надо бы предпочтительно разсмотрѣть. Въ текстѣ приведены еще двѣ брошюры, заслуживающія большого вниманія: *Указаніе объ употребленіи азбуки.* Здѣсь, кажется, заключается метода, которую хотѣли принять за общую въ Майнцѣ и примѣнить ко всѣмъ предметамъ обученія. *Извѣстіе о томъ, какъ будутъ продолжаться занятія въ курфиршеской академіи школьныхъ учителей въ наступающемъ учебномъ 1773 году.* Кажется, что по этому заглавію въ Майнцѣ учредили академію для образованія школьныхъ учителей, и интересно было бы знать, какъ взялись за это.

Опытъ

Учебника для дѣтей поселянъ и для употребленія въ сельскихъ школахъ.

«Это сочиненіе назначено для образованія низшихъ гражданскихъ классовъ. Здѣсь религія занимаетъ часть книги. Въ остальной части сообщаются крестьянскимъ дѣтямъ вѣрныя и точныя понятія о предметахъ полезныхъ для ихъ просвѣщенія. Но этотъ опытъ не кажется мнѣ настолько удачнымъ, насколько могъ бы быть. Глава объ обществѣ и власти, о законахъ и солдатахъ показалась мнѣ одною изъ лучшихъ».

Другъ молодыхъ людей.

«Это переводъ съ французскаго, какого-то рапсодиста. *Другъ человѣка* Мирабо подалъ поводъ написать *Другъ женщинъ*, а потомъ и *Другъ молодыхъ людей.* Такъ слѣдуетъ по правилу. Но авторъ самъ ничего не обдумалъ, ничего не прочувствовалъ, ничѣмъ не проникнутъ, и стало-быть въ немъ нѣтъ ни жизни, ни силы. Можетъ-быть чтеніе такихъ книгъ и пригодно для нѣкотораго разряда головъ; но тотъ, кто приноситъ съ собою собственное содержаніе, не можетъ питаться подобными произведеніями».

III.

«Филантропинъ, учрежденный въ Дессау.

«Въ послѣднемъ выводѣ это все-таки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли своимъ кошелькомъ заведенію, которое, по моему мнѣнію, задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ перемѣнъ въ общемъ воспитаніи.

«Три брошюры, касающіяся учрежденія нормальныхъ и низшихъ школъ въ Австріи.

«Первая есть эдиктъ императрицы-королевы Апостолической отъ 6-го декабря 1774, подъ заглавіемъ: — Общій училищный уставъ.

«Вторая: *Извѣстіе о настоящемъ состояніи нормальной школы и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ училищъ въ императорско-королевской резиденціи, городѣ Вѣнѣ, общія инструкціи для суперъинтендента, директоровъ и преподавателей этихъ школъ.*

«Третья брошюра: *Начертанія для учрежденія нѣмецкихъ школъ*—самая значительная и замѣчательная изъ нихъ. Ее стóитъ прочесть со вниманіемъ, особливо тѣмъ, кто себя посвящаетъ обученію юношества.

«Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ послѣдовательность поколѣній. Я нахожу эту методу прекрасною, не только чтобъ связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобъ они пріучились также къ отчетливости, къ ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше не пріобрѣтать познаній. Составленіе такихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ отличнаго ума, и я считаю безыменнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны. Я отмѣтилъ въ самой брошюрѣ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся

мнѣ достойными вниманія. То, что авторъ называетъ методой складыванья и что должно облегчать ученикамъ затверживаніе наизусть, заключается въ слѣдующемъ пріемѣ: на таблицѣ пишется заглавная буква каждаго слова рѣчи, которую они должны запомнить, прибавляя къ тому точки, запятыя и другіе знаки, служащіе для опредѣленія смысла словъ. Я понимаю, что такая метода можетъ чрезвычайно сократить трудъ заучиванья наизусть и что постоянное упражненіе должно много способствовать молодымъ людямъ къ усовершенствованію памяти. Вообще весь этотъ планъ обученія кажется мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и прекраснымъ для соображеній и введенія при основаніи школъ».

Въ это же время оживленнаго обмѣна мыслей между императрицей и Гриммомъ по предмету основанія школъ, ее интересовалъ основанный Базедовомъ на новыхъ философскихъ началахъ (особливо Эмиля Руссо) космополитическій Филантропинъ въ Дессау (въ 1774 г.). Она долго добивалась мнѣнія о немъ Гримма, и когда получила приведенный выше отзывъ, что это заведеніе основано на началахъ довольно мечтательныхъ, что это болѣе чувствительная реклама къ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли заведенію своимъ кошелькомъ, нежели предпріятіе съ безкорыстной воспитательной цѣлью, она отвѣчала: «То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, неутѣшительно; я держусь нормальной формы, которая начинаетъ пріобрѣтать у насъ хорошую репутацію» [1]).

Такимъ образомъ видно, что планъ системы народнаго образованія долго зрѣлъ въ головѣ Екатерины. Все современное было принято ею во вниманіе и германская система школъ въ общихъ чертахъ была по долгомъ размышленіи признана лучшею. Нормальныя же австрійскія школы, съ тѣми измѣненіями, какихъ требовали различныя условія быта и образованія въ обѣихъ странахъ, были взяты въ образецъ для первоначальныхъ училищъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ австрійская учебная система,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 306.

преобразованная Маріей Терезіей, получила превосходную организацію. Въ бесѣдахъ съ императоромъ Іосифомъ II Екатерина старалась основательно ознакомиться не только съ учебнымъ планомъ этихъ нормальныхъ школъ, но и со всѣми принятыми въ этихъ заведеніяхъ учебниками, которые она получила изъ рукъ самого Іосифа II [1]). Наконецъ императоръ рекомендовалъ ей для исполненія занимавшихъ её плановъ славянина, своего подданнаго, серба Янковича де-Миріево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованіи этого дѣла въ Австрійскихъ владѣніяхъ и вскорѣ дѣйствительно былъ вызванъ въ Россію. Въ ноябрѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Что касается до вашего пророчества, то я очень дорожу имъ. Учреждаемыя мною нормальныя школы такъ хорошо пошли, что здѣсь обучаются двадцать учителей, благодаря братцу Іосифу, который снабдилъ меня фактотумомъ, основавшимъ уже сто школъ. Онъ исповѣдуетъ греческую вѣру и говоритъ по-русски какъ я, или даже лучше меня. А книжка для чтенія въ будущихъ нормальныхъ школахъ будетъ списана изъ Александровой ручной библіотеки. Отдѣлъ естественной исторіи принадлежитъ профессору Палласу, математика — профессору Эпинусу, русская исторія — профессору исторіи при академіи. Такъ сшиваемъ мы теперь школьныя книжки — великое предпріятіе, которое осуществится съ быстротою молніи, такъ какъ все это на очереди только съ 1-го сентября!» [2]). Тѣ же пріемы ученія ввела государыня и въ Смольный монастырь, о чемъ въ 1783 году упоминаетъ такъ: «Я велѣла ввести и въ монастырь форму нормальную, которая ужасно не нравится невѣждамъ и о которой отъ досады «Нѣмецкая библіотека» въ Берлинѣ отзывается какъ нельзя хуже» [3]). Въ 1784 императрица писала: «Знаете ли вы, или не знаете, что мы имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ десять нормальныхъ школъ въ

1) *Сб. И. О.* XXIII, 183.
2) 254.
3) 286.

одинъ годъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе 1000 учениковъ»? [1])

Бюффонъ, Бомаршэ, Руссо, Корилла.

Къ разрабатываемой эпохѣ принадлежатъ сношенія императрицы съ знаменитымъ естествоиспытателемъ того вѣка, Бюффономъ. Страстная къ чтенію всего, что могло питать ея ненасытную любознательность, Екатерина лѣтомъ 1779 г. проситъ Гримма прислать ей сочиненія Бюффона, говоря: «Кстати о сотвореніи міра, пришлите мнѣ пожалуйста книгу Бюффона, который говоритъ, что міръ существовалъ 74,000 лѣтъ и будетъ еще существовать 95,000 лѣтъ: я хочу знать причину этого». Чтеніе книги «Epoques de la Nature» произвело на императрицу сильное впечатлѣніе: «О, объ этомъ такъ можно говорить», пишетъ она Гримму: «это конечно стóитъ прочесть; по-моему его гипотеза (о выдѣленіи земли и другихъ планетъ изъ солнца) есть торжество человѣческаго ума, или, лучше сказать, генія. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ, а вотъ и другой. Да, милостивый государь, эта книга прибавила мнѣ мозгу. Ахъ! какъ бы я желала, чтобъ онъ все досказалъ; мнѣ кажется, что объ эпохѣ человѣка онъ не опросталъ своего мѣшка; правда, что если далѣе развить его мысль, то она станетъ довольно ясною. Да, да, берега Волги и даже Сибирь полны памятниковъ и заключаютъ въ себѣ работы всякаго рода; теперь запрещено подъ страхомъ смерти раскапывать ихъ, съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько разъ извлекали оттуда чуму въ началѣ этого вѣка и въ концѣ прошедшаго. Ахъ, милостивый государь, гипотеза Бюффона шевелитъ и перевертываетъ головы: да, это что-то новое и все такъ удивительно хорошо ладится въ этой области» [2]). Вскорѣ послѣ того государыня, продолжая размышлять о заинтересовавшемъ ее чтеніи, пишетъ Гримму: «Такъ какъ вы призваны быть хранителемъ моихъ меч-

---

[1]) 301.
[2]) 166.

таній, то 1-го марта 1780 г. посылаю вамъ прилагаемые здѣсь вопросы.

Вопросы, пришедшіе въ голову невѣждѣ при чтеніи «Эпохъ природы».

1) Когда матеріалъ, изъ котораго образовались планеты, выдѣлился изъ солнца, сдѣлалось ли отъ того солнце менѣе, потерявъ столько матеріи?

2) Не могутъ ли ежедневно случаться и еще такія же приключенія съ солнцемъ?

3) Отчего столько вѣковъ ничего подобнаго съ нимъ не приключалось?

4) Всякая комета уноситъ ли отъ солнца то что нужно, чтобъ образовать маленькій міръ?

Я не знаю графа де Бюффона; я не желала бы также предлагать ему вопросы столь маловажные, но я обращаюсь къ вамъ для того, чтобъ вы, которые навѣрное читали «Эпохи природы», сдѣлали одолженіе и отвѣчали мнѣ, разрѣшили мои сомнѣнія и сказали что́ вы объ этомъ знаете?» [1]) На эти вопросы Гриммъ заставилъ отвѣчать самого Бюффона, передавъ ихъ по назначенію. Послѣдній же отвѣчалъ на нихъ не однимъ только письмомъ къ императрицѣ, но и присылкою для нея къ Гримму большого ящика со всѣми своими сочиненіями и множествомъ раскрашенныхъ гравюръ, которыя Гриммъ препроводилъ на голландскій корабль, нагружавшійся въ Руанѣ и везшій между прочимъ картины графа Строганова, при чемъ Гриммъ саркастически прибавляетъ: «Ужъ вѣрно столько же будетъ уваженъ ящикъ, прямо адресованный къ вашему величеству, какъ вещи одного изъ вашихъ сенаторовъ» [2]). Черезъ годъ послѣ того, въ 1781 г., Гриммъ напоминаетъ императрицѣ, что она не можетъ не послать Бюффону какого-нибудь знака своего благоволенія, говоря:

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 175.
2) Письма Гримма, 26.

«Г. Бюффонъ единственный избалованный литераторъ въ этой странѣ; онъ пользовался всегда особеннымъ отличіемъ при дворѣ. Я могу предполагать, не будучи волшебникомъ, что послѣ заискиванья въ немъ Минервы и послѣ приношенья, которое она дозволила ему возложить на свой жертвенникъ въ прошедшемъ году, онъ расчитываетъ, что ему можно будетъ похвастать отличіемъ, котораго домогаются по всей землѣ—именно отличія, исходящаго отъ Екатерины»[1]). Послѣ того онъ совѣтуетъ ей подарить Бюффону собраніе золотыхъ медалей, выбитыхъ въ ея царствованіе по случаю важнѣйшихъ событій, намекая на цѣнность подарка, сдѣланнаго самимъ Бюффономъ и прибавляя: «Зачѣмъ она настроила струны такъ высоко?»[2]) въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Не скрою отъ вашего императорскаго величества, что камей (съ изображеніемъ головы Екатерины II), подобный тому, который возвратится ко мнѣ изъ Петербурга, вдѣланный въ богатую табакерку, вѣроятно произвелъ бы могучее впечатлѣніе на душу французскаго Плинія. Всѣ такъ привыкли къ щедротамъ вашего величества, что люди высшаго закала не увѣрены въ себѣ, т. е. въ своемъ геніи, пока они не получили какого-нибудь видимаго знака благоволенія Минервы-покровительницы, и какъ только они его получатъ, они шумятъ о томъ по цѣлой Европѣ. Моя ли это вина, или виновата царскосельская Минерва? Я отдаюсь на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Петербургѣ»[3])…. «Всего несчастнѣе для меня то, что это привлекаетъ ко мнѣ безчисленную толпу надоѣдалъ, которые далеко не Плиніи, не Софоклы и не Гомеры французскіе, а всѣ хотѣли бы докучать императрицѣ своими приношеніями… Что касается до г. Бюффона, который нашелъ средство быть терпимымъ Сорбонной, невзирая на всѣ свои ереси, то я предупреждаю ваше величество, что у него есть единственный

[1]) Тамъ же, 167.
[2]) Тамъ же, 168.
[3]) Незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго.

сынъ, — офицеръ гвардіи, котораго отецъ заставитъ скорѣе путешествовать на сѣверъ нежели на югъ, какъ только онъ будетъ постарше, и все это затѣмъ, чтобъ получить черезъ него прямыя извѣстія о нѣкоемъ блестящемъ свѣтилѣ, постоянно видимомъ подъ шестидесятымъ градусомъ, вотъ уже лѣтъ двадцать» [1]).

По полученіи письма Бюффона государыня пишетъ: «Я очень признательна за его отвѣты на вопросы. Четвертый заставилъ меня задумываться; я желала бы знать причину движенія кометъ. Я похожа на г. Александра (внука ея): мнѣ бы очень пріятно было знать причины причинъ». Императрица горячо приняла къ сердцу заботу о подаркахъ Бюффону, велѣла приготовить ему коллекцію медалей въ великолѣпной шкатулкѣ, и съ ними послала ему еще дорогихъ сибирскихъ мѣховъ и отвѣчала на письмо его въ январѣ 1782 г., спрашивая Гримма хорошо ли оно написано. Кромѣ того въ разное время послала ему черезъ Гримма же въ видѣ маленькаго вниманія сначала цѣпь, найденную на берегахъ Иртыша, а потомъ табакерку сдѣланную изъ камня, по словамъ ея, въ Петербургѣ очень обыкновеннаго, такъ какъ имъ устилали шоссе между Петербургомъ и Петергофомъ и который, по увѣренію генерала Бауэра, былъ лабрадоръ, камень безпрестанно мѣняющій цвѣтъ при обтесываніи и obдѣлкѣ. Императрица при этомъ спрашивала его мнѣнія объ этомъ камнѣ. О цѣпи же государыня пишетъ: «Посылаю вамъ для графа де Бюффона подарокъ, который, я полагаю, доставитъ ему удовольствіе. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ крестьянами, пахавшими на берегу Иртыша въ Сибири. Эта цѣпь была привезена въ Петербургъ купцами и попала въ руки нѣкоторыхъ дамъ, которыя сдѣлали изъ нея браслеты и цѣпочки для часовъ. Я завладѣла ими и послала часть въ академію, а остальное посылаю г. Бюффону. Крючечки сдѣланы здѣсь, но четыре части цѣпи, по мнѣнію лучшихъ здѣшнихъ мастеровъ, такой работы, что ни произвести подоб-

[1]) Письма Гримма 171, 172.

ной, ни поддѣлать они не въ состояніи, стало-быть она не нашего времени.» [1].)

Императрица пожелала также имѣть бюстъ знаменитаго ученаго и заказала его черезъ Гримма Гудону, который уже дѣлалъ для нея бюстъ Вольтера,—прибавивъ, что онъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора и что Бюффонъ занимаетъ въ ея мнѣніи весьма почетное мѣсто, ибо она считаетъ его первой головой своего вѣка въ области естествознанія. Объ обѣщанномъ пріѣздѣ сына Бюффона императрица отозвалась, что очень будетъ рада оказать ему гостепріимство.

Въ іюлѣ 1782 года она приняла пріѣзжаго молодого человѣка въ Царскомъ Селѣ и отписала Гримму: «Я видѣла сына г. Бюффона и приняла его какъ сына знаменитаго человѣка, то есть безъ всякой церемоніи: онъ со мною обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ; бюстъ его отца поставленъ въ Эрмитажѣ... Вы можете сказать г. Бюффону, что я ничего не нахожу такого въ его сынѣ, чтобъ нужно было наставлять его, и стало-быть не думаю, чтобъ нашелся случай примѣнить право, которое онъ мнѣ даетъ бранить его; поблагодарите его также за присылку продолженія его сочиненій. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ исполнилось то, что́ мнѣ сказалъ сынъ его,—что онъ не хочетъ ничего болѣе писать; надѣюсь, что онъ измѣнитъ свое намѣреніе» [2]).

Но къ сожалѣнію молодой Бюффонъ не оправдалъ добраго мнѣнія о немъ императрицы. Онъ уѣхалъ тою же осенью обратно во Францію, и уже по отъѣздѣ его она писала: «Здѣсь увѣряютъ, что этотъ молодой человѣкъ очень часто напивается пьянъ и что его видѣли пьянымъ въ обществахъ; надѣюсь, что это неправда. До сихъ поръ въ немъ нельзя замѣтить головы отца; но правда, что онъ еще ребенокъ» [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 188.
[1]) Тамъ же, 204.
[2]) 244—245.
[3]) 260.

Уже прежде мы говорили, что книгопродавецъ Панкукъ передалъ право на изданіе сочиненій Вольтера Бомаршэ, котораго императрица не жаловала, и по этому поводу она писала: «Я отчаяваюсь, чтобъ когда-нибудь были напечатаны сочиненія Вольтера, потому что вовсе не вѣрю словамъ и обѣщаніямъ Фигаро» [1]). Гриммъ писалъ ей, какъ пріѣзжалъ къ нему Бомаршэ съ разными предложеніями на счетъ подписки императрицы, заявляя, что онъ поставитъ во главѣ изданія: *Напечатано въ царскосельскомъ дворцѣ*, что онъ велитъ оттиснуть одинъ экземпляръ на веленевой бумагѣ для государыни; но Гриммъ уклонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, говоря, что передача Панкукомъ изданія перемѣняетъ всѣ условія и необходимо испросить у императрицы новыхъ инструкцій. Бомаршэ цѣлый годъ послѣ того не являлся къ Гримму, и когда тотъ встрѣтилъ его, то авторъ Фигаро жаловался, что подписка плохо идетъ. Гриммъ заключилъ изъ этого, что сочиненія Вольтера долго еще не появятся, и называя Бомаршэ человѣкомъ, который гонится не за однимъ зайцемъ, приписывалъ неуспѣхъ подписки недовѣрію къ задуманной имъ большой лотереѣ. Государыня благодарила Гримма за его осторожность и писала: «Я говорю аминь на ваши распоряженія, и спасибо, что вы предупредили всякій поводъ къ процессамъ, недоразумѣніямъ и какимъ бы ни было дѣламъ съ Фигаро — Севильскимъ цирюльникомъ, котораго я очень люблю въ представленіи, но съ которымъ знакомства надо избѣгать какъ можно долѣе» [2]). Пьеса же «Женитьба Фигаро» положительно не нравилась Екатеринѣ, и она высказала о ней слѣдующее мнѣніе. «Если я буду писать комедіи, то Женитьба Фигаро не можетъ служить мнѣ образцомъ, потому что послѣ прочтенія великаго Іоната Вильда я никогда не находилась въ такомъ дурномъ обществѣ, какъ на этой знаменитой свадьбѣ. Вѣроятно подражаніе комедіямъ древнихъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ, кото-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 285.
[2]) 140.

рый казался съ того времени очищеннымъ. Выраженія Мольера были свободны; но они исходили изъ неподдѣльно- возбужденной веселости и мысль его никогда не была порочна, тогда какъ въ этой, столь знаменитой пьесѣ безпрестанныя двусмысленности никуда негодны, и это продолжается цѣлыхъ три съ половиною часа. Кромѣ того это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа, и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ-быть, игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ» [1]).

О лотереѣ Бомаршэ Екатерина писала: «Избѣгайте пожалуйста всякихъ дѣлъ съ этимъ человѣкомъ; я до смерти ненавижу лотереи: онѣ запрещены у меня, какъ туземныя, такъ и иностранныя .... Я не желаю его программы, не люблю ни его лотерей, ни безконечныхъ его претензій; книги желаю покупать у книгопродавцевъ и не хочу имѣть кошку въ карманѣ» [2]). При появленіи напечатанныхъ въ изданіи Бомаршэ писемъ Вольтера къ императрицѣ, она была очень недовольна и писала: «Послушайте, это дерзость со стороны Бомаршэ, что онъ безъ моего позволенія напечаталъ письма, мнѣ принадлежащія; впрочемъ, если это только письма, написанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ все равно, лишь бы *мои* письма не были напечатаны: но если онъ напечаталъ и *мои*, то прошу васъ устроить, чтобъ они не появлялись; хотя въ нихъ конечно нѣтъ ничего, могущаго поразить непріятно; но онъ заслуживаетъ наказанія за то, что много себѣ позволилъ» [3]). Когда же оказалось невозможнымъ помѣшать напечатанію этихъ писемъ, то Екатерина потребовала, чтобъ по крайней мѣрѣ выпущены были мѣста, отмѣченныя по ея порученію Гриммомъ. Этотъ поступокъ Бомаршэ подалъ ей поводъ обратиться къ Гримму съ слѣдующими словами о разсматриваемой нами перепискѣ: «Послушайте, всѣ мы смертны: сожгите мои

---

[1]) 334.
[2]) 177, 202.
[3]) 421—422.

письма, чтобъ они не были напечатаны при моей жизни: они гораздо вольнѣе, чѣмъ письма мои къ Вольтеру и могли бы надѣлать дьявольскаго вреда; я требую, чтобъ вы ихъ сожгли, слышите ли? или положите ихъ въ такое вѣрное мѣсто, чтобъ сто лѣтъ никто не могъ откопать ихъ» [1]).

Не замѣчательно ли, какъ точно исполнилось это желаніе императрицы?

Руссо также не пользовался ея сочувствіемъ. Почти никогда не говоритъ она о немъ въ своихъ письмахъ. Послѣ смерти его вырвалось у нея такое шуточное слово о немъ: «Вы съ вашими опасеніями на счетъ пропажи писемъ похожи на покойнаго Ж. Ж. Руссо, сомнительной памяти, который воображалъ, что цѣлая Европа занимается изобрѣтеніемъ козней противъ него, тогда какъ никто объ этомъ и не думалъ» [2]). Однакоже, и мы уже сказали это по поводу воспитанія великаго князя Александра Павловича, Екатерина безсознательно подчинялась вліянію нѣкоторыхъ взглядовъ Руссо, а мысль его быть погребеннымъ въ саду очень ей нравилась [3]). Въ 1791 году, въ разгаръ французской революціи, императрица дѣлаетъ слѣдующую замѣчательную собственноручную выписку изъ Руссо и присоединяетъ ее особой записочкой къ письму отъ 13-го мая: «Руссо въ своихъ *Разсужденіяхъ о польскомъ правительствѣ*, изданіе 1793 г., стр. 264, говоритъ: Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали какою цѣною ты пріобрѣтаешься и сохраняешься, когда бы они чувствовали насколько законы твои суровѣе ига тирановъ, ихъ слабыя души — рабы страстей, которыя пришлось бы подавлять — убоялись бы тебя во сто разъ болѣе нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ ноши, которая грозитъ задавить ихъ. — Полезно прочесть и то, что предшествуетъ послѣднему воскли-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 422.
2) 117.
3) 167.

цанію: оно не менѣе сильно. Потрите-ка объ это курносые носы» [1]).

Довольно часто упоминается въ перепискѣ имя Кориллы. Это была итальянка, прославившаяся своимъ поэтическимъ талантомъ, уроженка Пистойи — Марія Магдалина Морелли, въ 1771 году увѣнчанная въ Капитоліи вѣнцомъ, нѣкогда присужденнымъ Петраркѣ и Тассу. Она умерла во Флоренціи 8-го ноября 1800 года. Уже въ 1776 государыня упоминаетъ о ней; о пріязни къ ней графа Алексѣя Орлова и о ея необыкновенной поэтической организаціи она говоритъ: «Я уже имѣла очень высокое мнѣніе о Кориллѣ: эта женщина рождена быть Сибиллой; древній Римъ воздвигъ бы ей храмы, до того онъ умѣлъ чтить всякаго рода добродѣтели и таланты. Новый Римъ воздвигъ ихъ множество глупцамъ, которые обладали только духомъ партій; а когда одно это обоготворяется и чтится, то и добродѣтели являются только модныя; другіе же роды добродѣтелей остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. Это, конечно—средство имѣть людей какихъ хочешь, но не способствуетъ появленію великаго» [2]). Въ 1778 году графъ Алексѣй Орловъ вызывалъ Кориллу въ Петербургъ, а въ маѣ 1779 государыня писала Гримму: «Что касается до Кориллы, то если ей хочется пріѣхать зябнуть съ нами, я ей въ томъ не препятствую, и вотъ проектъ о проводникѣ Дени Дидро почти принятъ; я напишу объ этомъ графу Алексѣю Орлову, черезъ котораго до меня дошло предложеніе этой дамы, и тогда проводникъ можетъ похвалиться, что сопровождалъ двѣ головы, самыя богатыя воображеніемъ, какія у насъ еще остаются» [3]). Но пріѣздъ Кориллы не состоялся. Изъ послѣдующей переписки видно, что она черезъ Гримма прислала длинное письмо со стихами (сонетомъ) и переводомъ къ нему, и императрица велѣла сказать ей, что еслибъ сама писала такъ же хорошо, то отвѣчала бы ей по-

---

[1]) Les nez Camus, намекъ на Камю, янсениста и депутата въ конституціонномъ собраніи и конвентѣ.

[2]) 56.

[3]) 140.

хвалой ея таланту. Ей назначена была маленькая пенсія, выдача которой была поручена Гримму, а позже послана медаль, которыхъ нѣсколько было роздано Гриммомъ по порученію императрицы за разныя литературныя и художественныя заслуги.

Графъ Каліостро, Масоны, графъ Караманъ, Гернгутеры.

Очертивъ отношенія Екатерины къ просвѣщенію и замѣчательнымъ людямъ эпохи въ области литературы и мысли, коснемся теперь ея взглядовъ на тѣ мистическія секты, которыя въ то время занимали общество и имѣли на него вліяніе.

Въ іюнѣ 1781 года Гриммъ пишетъ: «Говорятъ, что у насъ здѣсь скоро будетъ графъ Каліостро, шарлатанъ, производящій много шуму въ Страсбургѣ вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Онъ творитъ чудеса, какъ всѣ ему подобные, и однако отличается отъ своихъ товарищей тѣмъ, что ни за что въ мірѣ не заставишь его принять денегъ; можно только даромъ получить здоровье отъ этого чудеснаго человѣка. Ваше величество можетъ-быть не знаете, что графъ Каліостро былъ очень друженъ съ августѣйшей Греческой императрицей; итакъ я могу спросить его, что̀ ей дѣлать, чтобъ истребить остатокъ своего ревматизма. Онъ очень хвалится ея милостями, но утверждаетъ, что первые доктора ея не были къ нему такъ добры, какъ ихъ государыня. Они имѣли несчастіе завидовать его наукѣ (бѣдный г. Рожерсонъ!), и императрица вынуждена была,—чтобы предохранить графа отъ козней своихъ докторовъ,—дать ему конвой до границы. Эта честь не всякому дается, и я только не смѣлъ сказать, что его провожали, какъ другихъ выпроваживаютъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, то будетъ въ своей настоящей сферѣ, потому что для шарлатановъ всякаго рода существуютъ только Парижъ и Лондонъ. Чѣмъ болѣе они глупы, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены найти поклонниковъ въ этихъ двухъ клоакахъ глупости человѣческой» [1]).

[1]) Письма Гримма 186—187.

Императрица не безъ нѣкоторой досады на безстыдную ложь хвастливаго шарлатана отвѣчала на это слѣдующей картинкой, рисующей тогдашніе нравы и эпизодъ пребыванія Каліостро въ Петербургѣ: «Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, то и я должна вамъ кое-что о немъ разсказать. Онъ пріѣхалъ сюда, выдавая себя за испанскаго полковника и испанца по происхожденію, давая знать, что онъ колдунъ, мастеръ волшебства, показываетъ духовъ и имѣетъ ихъ въ своемъ полномъ распоряженіи. Услышавъ это, я сказала: этотъ человѣкъ совершенно напрасно сюда пріѣхалъ; нигдѣ онъ не успѣетъ менѣе чѣмъ въ Россіи; здѣсь не сжигаютъ колдуновъ, и въ двадцать лѣтъ царствованія было всего только одно дѣло, въ которомъ утверждалось существованіе колдуновъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть; когда же ихъ привели, то ихъ объявили глупыми и вполнѣ невинными. Г. Каліостро однако пріѣхалъ въ весьма благопріятную для него минуту, въ минуту когда нѣсколько масонскихъ ложъ, напитанныхъ ученіемъ Сведенборга, непремѣнно желали видѣть духовъ; итакъ они бросились къ Каліостро, который увѣрялъ, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга графа Ришельйэ и который нѣкогда заставилъ его среди Вѣны принести въ жертву чернаго козла, но, къ несчастью для него, онъ не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые хотятъ все видѣть, все осязать, тамъ гдѣ видѣть и осязать нечего. Тогда г. Каліостро выпустилъ свои дивныя тайны исцѣленій: онъ выдумалъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и его поймали на томъ, что онъ влилъ ложечку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить этого подагрика. Потомъ онъ изобрѣлъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическіе составы, которые ничего не произвели. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ уполномоченнымъ испанскимъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, послѣ чего мы открыли, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, опутанный долгами, онъ спасся въ погребъ г. Елагина — смѣщен-

наго или свергнутаго съ своей каѳедры [1]), гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго и портера сколько могъ; вѣроятно, онъ когда-нибудь перешелъ обыкновенную мѣру, потому что, выходя изъ за стола, онъ зацѣпилъ за тупей домашняго секретаря. Тотъ далъ ему пощечину. Отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Г. Елагину надоѣлъ братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, а также слишкомъ большой расходъ вина и пива, жалобы секретаря, и онъ учтиво уговорилъ его отправиться въ кибиткѣ, но не по воздуху, какъ тотъ грозилъ улетѣть. И чтобъ кредиторы никакъ не воспрепятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, онъ далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини до Митавы. Вотъ исторія Каліостро, въ которой является всякая всячина, кромѣ чудеснаго. Я никогда не видала его ни издали, ни вблизи, и не имѣю никакого желанія его видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Рожерсонъ думалъ о Каліостро столько же, а можетъ-быть и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ противъ своего обыкновенія не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые изъ пустого любопытства старались его увидѣть, и не мало способствовалъ къ тому, чтобъ разбавить водой вино сторонниковъ этого бѣдняги; но такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, имѣютъ право производить впечатлѣніе въ большихъ городахъ, надо полагать что Каліостро будетъ на мѣстѣ въ Парижѣ» [2]).

Когда же Каліостро, послѣ процесса съ кардиналомъ Роаномъ (по поводу знаменитаго ожерелья, купленнаго для Маріи Антуанеты), былъ посаженъ въ тюрьму, то императрица писала: «Я очень одобряю приговоръ, по которому г. Каліостро и жена его подверглись тюремному заключенію; давно уже эта чета того заслуживала; удивительно, какъ этотъ глупецъ Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать и невѣжественный до крайности,

---

[1]) Т. е. театральной дирекціи.
[2]) *Сб. И. О.*, XXIII 212.

могъ вводить людей въ обманъ и, право, загадочно какъ и чѣмъ, потому что его глупость и круглое невѣжество не могли не обнаруживаться съ первой минуты передъ самыми недальновидными [1])». Императрица полагала, что строгимъ отношеніемъ къ шарлатанству и обману вообще можно бы остановить вредъ ихъ, и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ» [2]). Однако парижскій парламентъ оправдалъ Каліостро послѣ десятимѣсячнаго заключенія. О кардиналѣ же Роанѣ по поводу этого дѣла государыня такъ выражалась: «Что же это значитъ, что уже третій Роанъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и окруженъ плутами? Фи, какъ я не люблю, чтобъ грязнили почетныя имена... Этотъ человѣкъ рожденъ для того, чтобъ даваться въ обманъ, и дошелъ до совершеннаго безумія, хоть онъ и архіепископъ Страсбургскій и князь Священной Имперіи» [3]).

Екатерина съ своимъ яснымъ, здравымъ и практическимъ умомъ конечно не могла сочувствовать никакимъ таинственнымъ ученіямъ, и еще ранѣе такъ отзывалась о мистицизмѣ и масонахъ: «Знаете ли, что одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, бывшихъ когда-либо въ ходу среди рода человѣческаго,—это франъмасонство. Я имѣла терпѣніе прочесть въ печати и рукописяхъ всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и видѣла съ возмущеніемъ, что какъ ни смѣйся двадцать разъ надъ людьми по поводу одной и той же ихъ слабости, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Хороши всѣ эти вздоры, и возможно ли, чтобъ послѣ всеобщаго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось? Исторія Адонирама такъ нелѣпа и столько повторялась, что хотѣлось бы ея распространителей отправить вмѣстѣ съ нимъ къ дьяволу; вотъ

[1]) 362.
[2]) 375.
[3]) 362, 366.

чѣмъ занимаются герои вѣка и этотъ принцъ Фердинандъ Браун-швейгскій во главѣ и столько другихъ, и Вольтера принимають они въ среду свою; ну право, возможно ли все это, и какъ они не смѣются, встрѣтясь другъ съ другомъ»?.. [1]).

«Надо вамъ сказать, что для удовлетворенія любопытства больного [2]) я принялась читать всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и такъ какъ это доставляло мнѣ множество матеріала, чтобъ подшучивать по крайней мѣрѣ надъ сотней лицъ въ день, господа члены братства поспѣшили просвѣтить меня поболѣе, полагая такимъ образомъ привлечь меня на свою сторону. Всѣ стряпуны принесли мнѣ самую свѣжую горчицу всѣхъ странъ и сектъ и между прочимъ новыя ребячества отъ васъ. Вотъ мой отвѣтъ, пока не пришлю въ другой разъ еще больше:

Mettez pour légende
Inutiles petits moyens
Dont il ne résulte rien.

«Форма этого притворства, увеличивая конечный результатъ случаевъ лицемѣрія въ этомъ мірѣ, совокупляетъ религіозные обряды съ дѣтской игрой; она носитъ на себѣ неопровержимую санкцію той страны, гдѣ зародилась, то-есть страны кишащей монастырями, конгрегаціями регулярными и иррегулярными, каноникам, аббатствами и проч. и проч. Всѣ лица къ нимъ принадлежащія даютъ тамъ самые превосходные обѣты. Польза для человѣчества отъ этихъ учрежденій, была однако такъ убѣдительно доказана въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, что послѣдовательными усиліями старались уменьшить ихъ число; кто дѣлаетъ добро для добра, тому зачѣмъ обѣты, притворство съ переодѣваньемъ, столько же суетнымъ какъ и смѣшнымъ?

«Когда стряпунъ прочелъ это, то онъ возразилъ мнѣ: — «согласитесь однако, что то̀, что я далъ вамъ, лучше остальнаго». —

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) И. И. Шувалова.

На это я отвѣчала: «Вижу, что трудно васъ исцѣлить, но если вы хотите знать, что́ я объ этомъ думаю, скажу вамъ, что по сравненію, это еще смѣшнѣе и нелѣпѣе всего другого, такъ какъ здѣсь соединеніе притворства съ ребячествомъ»... Однимъ словомъ, всѣ стряпуны плоски, уничтожены и даже прежній директоръ солнца въ оперѣ Нитетти (Елагинъ). Головѣ моей хотѣлось все это вамъ высказать. Никогда голова не работала съ такимъ прилежаніемъ какъ моя, и уже съ давняго времени» [1]).

Въ числѣ шарлатановъ, имѣвшихъ успѣхъ въ высшихъ петербургскихъ кругахъ Екатерина въ письмахъ своихъ называетъ еще нѣкоего графа Карамана, мистика, вліянію котораго подпалъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Надъ этимъ часто подсмѣивается государыня и въ одномъ письмѣ говоритъ Гримму: «Скажите мнѣ пожалуйста, какая надобность вамъ присылать къ намъ скучныхъ людей? Здѣсь ихъ полдюжины, которыхъ вы могли бы сохранить тамъ у себя, и міръ ничего не потерялъ бы отъ этого. Вы скажете, что это въ отместку, потому что ежедневно получаете такихъ же отъ насъ: пожалуй, но какая надобность была напримѣръ присылать къ намъ графа Карамана, экономиста и безрукаго, чтобы вызвать и увеличить всѣ сердечныя и умственныя страданія оберъ-камергера—нерѣшительность, ревматизмы и всякія безцѣльныя стремленія? Вы уморите этого человѣка, и если г. Караманъ захочетъ, то онъ посадитъ его въ пузырь и заставитъ летать среди бѣла дня надъ нашими головами, такъ онъ имъ занятъ. Но всего лучше то, что оберъ-камергеръ воображаетъ, будто этотъ господинъ здѣсь подъ его руководствомъ, и Богъ знаетъ какія нелѣпыя предпріятія онъ затѣваетъ со своимъ безрукимъ, который, какъ говорятъ, человѣкъ самый обыкновенный; но наклонность къ ханжеству заставляетъ святошу видѣть въ сынѣ другого святоши произведеніе живительной набожности, которая можетъ быть только исполнена благочестія, особливо

1) *Сб. И. О.* XXIII, 168—169.

когда оно таково, какъ намъ нужно, потому что ханжи никогда себя не забываютъ» [1]).

Удивительное знаніе человѣческаго сердца обнаруживаютъ эти замѣчательныя слова, такъ же какъ и всѣ сужденія Екатерины о томъ напускномъ благочестіи, которое выбираетъ изъ евангельскаго ученія только то, чтó ему сподручно, чтó согласуется съ свѣтской пустотою и требованіями житейской выгоды. О высокомъ уваженіи государыни къ духу истиннаго христіанства мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и въ сужденіи ея о Гернгутерахъ есть замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее о ея уваженіи къ православной церкви: «Вы сами не знаете, чтó говорите», пишетъ она Гримму: «вы ненавидите полоцкихъ, шутовъ а любите г. Рэнтгена [2]), хотя сознаете, что эти Гернгутеры столько же Іезуиты, какъ и другіе: вотъ прекрасное сужденіе! Вы такъ же противорѣчите себѣ какъ и я. Ваши Гернгутеры развѣ не отвергнуты ревностными сторонниками Мартына, такъ же какъ другіе маркизомъ Петромъ (папою)? Но все это принимаетъ мать святая церковь греческая, которая во всѣхъ видитъ людей и ко всему безъ исключенія относится съ терпимостью... Если вы любите гернгутерскія формы, желаю вамъ за грѣхи ваши подругу такой формы внѣшней и внутренней, послѣ чего вы сообщите мнѣ свои впечатлѣнія. Я видѣла ихъ тридцать шесть въ прекрасный лѣтній день, когда всѣ бѣгали на нихъ смотрѣть, какъ на чудо безобразія, и всѣ возвращаясь клялись, что не видали ничего подобнаго этимъ образцамъ [3]). Эти Гернгутеры умѣютъ узить умъ и кромѣ того обладаютъ въ высшей степени искуствомъ безобразить женщинъ. Между моими парадоксами существуетъ такой: что безобразіе человѣческаго тѣла женскаго или мужского есть недостатокъ воспитанія и если воспитаніе дѣй-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291.

[2]) Столяръ гернгутеръ, привезшій въ Петербургъ разныя издѣлія на продажу.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 331.

ствительно хорошо, то красота души и тѣла должны итти рука объ руку, и одно должно быть послѣдствіемъ другого»[1]).

Извѣстно, что Екатерина пробовала осмѣивать мистическія секты даже въ своихъ комедіяхъ. Такъ она въ началѣ 1786 г. пишетъ Гримму, что ея комедія *Обманщикъ* и другая *Обольщенный* «произвели большое впечатлѣніе и пріостановили ревность тѣхъ и другихъ». На послѣдней изъ этихъ комедій, по словамъ ея, опять присутствовалъ св. синодъ «не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ полномъ составѣ, и горячо рукоплескалъ пьесѣ»[2]). Тутъ же сказано, что пишется еще комедія *Шаманъ Сибирскій*, которая и была играна осенью того же года. Этотъ шаманъ—лицо, прошедшее черезъ 140 различныхъ ступеней (масонскихъ) и достигшее той степени блаженства, на которой онъ уже не отвѣчаетъ тѣмъ, кто съ нимъ говоритъ, а вмѣсто того мяукаетъ кошкой, поётъ пѣтухомъ, лаетъ собакой и проч. и пр., но при этомъ остается все таки большимъ плутомъ и обманщикомъ[3]).

Общее положеніе Европы и внѣшняя политика съ 1780-го по 1787-й годъ.

Въ обзорѣ политическихъ событій Европы до 1780 года мы дошли до вооруженнаго нейтралитета — этого великаго акта государственной мудрости Екатерины, ограничившаго хотя на время деспотизмъ Англичанъ и ихъ захваты на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ частяхъ свѣта. Государыня писала объ этомъ осенью 1780 года: «Теперь еще нашъ нейтралитетъ на помочахъ, но скоро онъ выступитъ походкой большой и красивой дѣвушки»[4]). На основаніи этого нейтралитета Екатерина заняла въ рѣшеніяхъ Европы первенствующее мѣсто и нельзя нагляднѣе очертить это положеніе, какъ сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ извлеченій изъ писемъ

---

1) 358.
2) 374.
3) 384.
4) 194.

Гримма. Съ свойственнымъ ему остроуміемъ онъ очень мѣтко изображаетъ въ шуточномъ тонѣ взаимныя отношенія главныхъ европейскихъ державъ. При этомъ онъ съ явнымъ и искреннимъ расположеніемъ къ Россіи указываетъ, какое почетное и славное положеніе она можетъ занять среди всеобщей путаницы, произведенной въ Европѣ великою Сѣверо-Американской войной, при затруднительныхъ обстоятельствахъ Англіи и слабости Франціи, опираясь на объявленный Екатериною вооруженный нейтралитетъ. Конечно при этомъ Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы. Вотъ какими словами, хотя и не чуждыми нѣкоторой лести, изображаетъ Гриммъ осенью 1780 года то положеніе, которое Екатерина умѣла создать себѣ въ Европѣ своимъ твердымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій, такъ неуклонно направленнымъ на благо Россіи: «Когда я вижу властелиновъ міра, суетящихся около ея (русской императрицы) школы; когда я вижу флагъ ея развѣвающимся на моряхъ, чтобъ заявить этой стихіи, покрытой морскими разбойниками, что настало царство правосудія; когда я вижу августѣйшее и священное имя, никогда не произносимое при мнѣ безъ особеннаго чувства, уважаемымъ и чтимымъ наперерывъ всѣми націями; когда я вижу прежнихъ ея хулителей или вынужденными публично отрекаться, или униженными до постыднаго молчанія, тогда сердце мое наполняется счастьемъ и отъ радости готово разорваться на тысячу кусковъ» [1]... Я увѣренъ, что рано или поздно (потому что минута опредѣлится безуміемъ или мудростью другихъ) наша августѣйшая государыня дастъ миръ Европѣ и Америкѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы, можно сказать съ тѣхъ поръ какъ она царствуетъ, ничего прекраснаго, мудраго, великаго въ этомъ мірѣ не совершается безъ нея и ея счастливаго вліянія».... «Трезубецъ гордой повелительницы, не довольствуясь владычествомъ на

[1]) Письма Гримма 47.

Каспійскомъ морѣ, Понтѣ Евксинскомъ и Балтикѣ, провозглашаетъ уставъ безпристрастія и справедливости на моряхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ варварствомъ и разбоями акулъ всякаго рода» [1]).

Около того же времени Гриммъ сообщаетъ государынѣ мнѣніе Фридриха II о вооруженномъ нейтралитетѣ. «Мнѣ приносятъ письмо высокаго союзника вашего величества, гдѣ онъ говоритъ: — «Морской уставъ, о которомъ вы мнѣ пишете, есть великое твореніе генія и политики; онъ таковъ, какъ можно было ожидать его отъ нашей великой императрицы, которая на всякое дѣяніе свое кладетъ печать безсмертія». — И затѣмъ выражена надежду, что г. полковникъ (т. е. я), когда поѣдетъ въ Россію, не откажетъ при проѣздѣ здѣсь (въ Потсдамѣ) пріостановиться для свиданія съ старымъ подполковникомъ русскимъ, который приметъ его съ удовольствіемъ.

«Закрывъ пакетъ, я снова его раскрываю, чтобъ сказать моей августѣйшей государынѣ смиренно и правдиво, что я получилъ коммерческое письмо изъ Лиссабона, извѣщающее меня, что адмиралъ Борисовъ бросилъ тамъ якорь 8 сентября (1780) съ своей дивизіей изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ и что кавалеръ Полибинъ поѣхалъ крейсеровать со своими къ Канарскимъ островамъ. Боже храни флагъ всей Россіи!»

Эта эскадра была послана къ берегамъ Португаліи, чтобъ побудить королеву португальскую присоединиться къ вооруженному нейтралитету, какъ говоритъ объ этомъ сама государыня: «Очень рада узнать, что мой прежній союзникъ одобряетъ вооруженный нейтралитетъ; сестрица Донна Марія начинаетъ одумываться; адмиралъ Борисовъ возымѣлъ для нея неотразимую прелесть, или, лучше сказать, его десять кораблей» [3]).

Но всего забавнѣе изображаетъ Гриммъ положеніе Англіи и

---

[1]) Тамъ же 88, 129.
[2]) Тамъ же 81—82.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 194.

Франціи въ слѣдующей комической картинкѣ, которую называетъ сномъ наканунѣ Новаго года [1]):

«Такъ какъ эта война, по словамъ вашего величества и по чутью всѣхъ честныхъ людей, самая глупая въ мірѣ, то императрица повелитъ морямъ успокоить свою ярость, морскимъ разбойникамъ прекратить свои разбои или, говоря безъ фигуръ, она остановитъ морскую войну, какъ остановила германскую. Это впрочемъ будетъ дѣломъ не одного вашего величества, хотя однако слава такого подвига будетъ приписана вамъ однѣмъ, тогда какъ вашему доброму братцу Георгу слѣдовало бы получить свою частичку этого пирога: вѣдь онъ поставилъ императрицу въ исключительную необходимость успокоить моря надежнѣйшимъ образомъ. Этотъ внезапный и надменный разрывъ съ Батавами (Голландцами) конечно геніальная выходка, не имѣющая другой цѣли, какъ учтиво вызвать императрицу показаться будущею же весною въ Ла-Маншѣ во главѣ пятидесяти или шестидесяти кораблей вооруженнаго нейтралитета. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ глухими, то правда, что она принуждена будетъ разговаривать съ ними нѣсколько вблизи; но это и будетъ единственное для нея усиліе; впрочемъ, все обойдется съ величайшею въ свѣтѣ любезностью и вѣжливостью. Прикрывъ Батавовъ своимъ заступничествомъ, она скажетъ Галламъ и Англиканамъ: Господа, долго ли вы будете еще безумствовать? Одни отвѣтятъ ей: государыня, право мы вовсе не закоренѣли въ своихъ глупостяхъ. Пусть насъ не трактуютъ какъ шалуновъ за то, что мы при могущественномъ Людовикѣ XV, управляемые великими геніями, были биты и на морѣ и на сушѣ: вотъ предѣлъ нашихъ нынѣшнихъ желаній, чтобъ насъ болѣе не били, ибо мы теперь управляемся людьми разумными. Въ сущности же, государыня, мы требуемъ того же, чего вы и сами требуете — законной свободы для всѣхъ. Мы не требуемъ смерти грѣшника. Если же онъ навлекъ на себя болѣзнь, мы въ томъ не виновны. Онъ очень

---

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.

долго забавлялся тѣмъ, что отсѣкалъ себѣ руки и ноги, а потомъ сталъ кричать: Мы ли тому причиной? Впрочемъ, мы видимъ по силѣ его голоса, что несмотря на отрубленныя руки, этотъ шутъ еще очень живучъ и еще далеко пойдетъ, не взирая на свои глупости, только потому что предки его нѣкогда были очень мудры. Вотъ стало-быть, дѣла со стороны Галловъ устроены. Съ другой стороны отвѣтятъ: Государыня, какъ скоро вы на этотъ тонъ берете, примите, что мы ничего не сказали ни Батавамъ, ни еще менѣе вамъ, такъ какъ вы, обладая наружностью матери амуровъ, на дѣлѣ жестки какъ Юнона волоокая, которую самъ дьяволъ не отведетъ отъ мыслей, забравшихся разъ въ ея голову. Я еще не нахожусь въ такомъ горячечномъ состояніи, чтобъ не захотѣть сохранить ни одного друга на землѣ. Въ сущности я уподобился пьяницѣ, который съ успѣхомъ отбивается отъ рукъ людей посильнѣе его, но наконецъ упалъ бы отъ изнеможенія, еслибъ вы не были столь добры и не взяли меня за руку, чтобъ отвести въ постель, гдѣ мнѣ необходимо отдохнуть отъ всѣхъ безумствъ, которыя я натворилъ. Что же касается до руки, отрубленной мною у себя съ такой ловкостью, я чувствую, государыня, что хотя вы и волшебница, вамъ никакъ не пришить ее къ моему плечу; итакъ не будемъ объ этомъ говорить. Избавьте меня только отъ сквернаго слова «независимость». Дайте мнѣ заключить съ москотильными торговцами Америки перемиріе, по которому они очутились бы ни рыбой ни мясомъ, ни зависимыми, ни независимыми, или, говоря яснѣе, по которому они станутъ независимы, но безъ этого титула, а я постараюсь привыкнуть мало по малу къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своей превосходной глупости. На это государыня скажетъ: Господа той и другой стороны, такъ какъ вы возвращаетесь къ здравому смыслу, что́ лучше поздно чѣмъ никогда, такъ поцѣлуйтесь же, пусть ваши дурачества кончатся и я болѣе о васъ никогда не хочу слышать; но вы, господинъ потребитель пунша, не думайте, что послѣдній припадокъ вашего безумія пройдетъ вамъ безнаказанно: такъ какъ вы перебили горшки мирныхъ и ней-

тральныхъ Батавовъ, вы за нихъ заплатите, и за всѣ, отъ перваго до послѣдняго, и до моего ухода: потому что я хочу, чтобъ правосудіе оказано было. И чтобъ подобныя низкія дѣла не совершались впредь, не угодно ли вамъ будетъ присѣсть немножко за азбуку; я хочу заставить васъ повторить при всѣхъ свой катехизисъ, чтобъ узнать не забыли ли вы его. На это императрица вынетъ изъ кармана свой морской катехизисъ, заставитъ повторить его громкимъ и внятнымъ голосомъ, статью за статьей, всѣхъ учениковъ, какой бы они ни были націи. Всякій подпишется подъ нимъ и обѣщаетъ болѣе не забывать его. Этотъ катихизисъ отдадутъ въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, съ надписью на корешкѣ: морской символъ безсмертной Екатерины, со всѣми его правами и дарующими блаженство догматами вѣры. Тогда императрица возвратится изъ Ла-Манша въ Финскій заливъ, среди благословеній и одобрительныхъ восклицаній народовъ. Вотъ, государыня, какой я видѣлъ сонъ эту ночь, наканунѣ греческаго новаго года. Когда я говорю, что видѣлъ ея пріѣздъ въ Ла-Маншъ, я не тѣлесно перемѣщаю ее, а разумѣю ея духъ, который разливается и распространяетъ свое могущественное вліяніе во всѣхъ извѣстныхъ концахъ земли для счастія человѣчества» [1]).

Императрицу очень позабавило это изображеніе; она благодаритъ Гримма за добрыя пожеланія и прибавляетъ: «Не знаю чѣмъ этотъ годъ себя покажетъ; онъ начался было маленькими переговорами; но они идутъ такъ вяло, что повидимому ни къ чему не приведутъ. Мнѣ кажется, что только я одна желаю видѣть прекращеніе тревоги этой войны, и вы увидите также, что я менѣе всего извлеку выгодъ изъ моей доброй воли. Но оставимъ эти дѣла, которые распутаетъ время [2]). И въ другомъ мѣстѣ встрѣчается возраженіе государыни, на желаніе Гримма втянуть ее въ европейскія распри: «О, не говорите мнѣ о посредничествѣ: ахъ, эти пачкуны такъ все портятъ, такъ путаютъ,

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197, 198.

такъ безчестны, что я уже сыта по горло; желала бы послать всѣ эти дѣла къ дьяволу и когда вы ихъ отсылаете туда же, то я говорю аминь» [1]).

Всегда мудро уклоняясь отъ вмѣшательства въ дѣла Европы, какъ скоро въ нихъ не были прямо замѣшаны интересы Россіи, Екатерина теперь менѣе чѣмъ когда-либо была расположена въ нихъ вступаться съ оружіемъ въ рукахъ, готовясь къ мирному присоединенію Крыма, которому такъ благопріятствовали обстоятельства.

Положеніе Франціи. Людовикъ XVI, Неккеръ, Сегюръ.

Мы уже ранѣе сказали, что при Людовикѣ XVI отношенія между Франціей и Россіей измѣнились къ лучшему. Гриммъ съ удовольствіемъ писалъ, что Парижъ наполненъ вывѣсками съ именемъ императрицы всероссійской, кофейнями, большими отелями подъ названіемъ «Россія» и даже магазинами платья подъ вывѣскою: «Русскій щеголь». Екатерина смѣялась тому, что вошла въ моду, находя, что это ей уже не по возрасту. «Какъ любопытно», говорила она, «что мода приходитъ съ Сѣвера; но еще любопытнѣе что Сѣверъ и особливо Россія въ модѣ во Франціи. Какъ? послѣ того, что объ насъ думали, говорили и писали такъ худо! По крайней мѣрѣ надо будетъ сознаться, что во всемъ этомъ нѣтъ послѣдовательности; надѣюсь, что по прибытіи этого письма чадъ пройдетъ» [2]). Она отчасти приписывала улучшеніе своихъ отношеній къ Франціи посланнику г. Жюинье и вспоминала о немъ такъ: «Скажите г. Жюинье, что мнѣ всегда пріятно слышать его имя, потому что онъ весьма честный человѣкъ и измѣнилъ тонъ, который имѣли его предшественники» [3]). По случаю рожденія дофина императрица, въ апрѣлѣ 1782 года, выражала свое удовольствіе и расположеніе къ Людовику XVI. Письмо

---

1) 200.
2) 270.
3) 200.

ея начинается такъ: «4 апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь маленькаго дофина, праздника, на которомъ я пробыла три часа, потому что онъ давался въ домѣ бывшаго вице-канцлера и меня интересуетъ первенецъ Людовика XVI по причинѣ добрыхъ поступковъ его чиновниковъ» [1]). Кромѣ того она послала Гримму фасонъ платьица безъ швовъ своего внучка Александра, для будущаго употребленія дофина.

Гриммъ не разъ хвалитъ счастливый выборъ государственныхъ людей въ началѣ царствованія Людовика: напр. Морепà, Верженна, Неккера и Кастри. Послѣдняго онъ называетъ человѣкомъ непоколебимой честности, возвышеннаго образа мыслей, великаго характера и большой мудрости, и въ видѣ высшей похвалы ему выражаетъ мысль, что онъ былъ бы достоинъ служить Екатеринѣ II. О расположеніи Верженна къ императрицѣ Гриммъ упоминаетъ не разъ, представляя его работавшимъ подъ начальствомъ Шуазёля, во вредъ Россіи, совершенно противъ своего убѣжденія, и теперь опрокинувшимъ министерскую репутацію послѣдняго, такъ что онъ никогда болѣе не возстановится. Мы видимъ изъ этой переписки, что Верженнъ выручилъ ѣхавшую изъ Италіи моремъ картину Менгса Андромеду, купленную императрицей и попавшую въ руки корсаровъ, но не хотѣлъ ничего взять за выкупъ ея, потребовавъ отъ Гримма только 24 копейки русской монетой, будто бы за укладку и хлопоты.

При этомъ Гриммъ въ шутку жалуется, что хотя онъ и добрый Русскій, но не имѣетъ ни одной русской копейки подъ рукою и проситъ государыню выслать ему съ курьеромъ или эскадрой 24 хорошо отчеканенныя русскія копейки. Екатерина отблагодарила Верженна за такую любезность присылкой женѣ его дорогой шубы, давъ этому подарку такой шуточно деликатный оборотъ, какъ будто она нашла въ ящикѣ съ картиной чужую вещь, вѣроятно принадлежащую г-жѣ Верженнъ, и нечаянно въ немъ забытую.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 235.

При посылкѣ императрицѣ знаменитаго отчета Неккера въ началѣ 1781 года отъ имени самого автора, Гриммъ такъ опредѣляетъ характеръ этого государственнаго человѣка, говоря о его произведеніи: «Это сочиненіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; но такъ какъ я постоянно замѣчалъ, что здѣшняя публика рано или поздно мститъ за восторгъ и увлеченіе, которыя внушены ей, то я никогда такъ не боялся за г. Неккера, какъ въ эти минуты, когда вижу его превознесеннымъ на верхъ славы. Его произведеніе конечно по всей Европѣ надѣлаетъ шуму. Я не знаю, будете ли ваше величество имѣть время прочесть его и не оттолкнетъ ли васъ лабиринтъ французскихъ финансовъ, черезъ который надо пройти. Особенно характерно въ человѣкѣ, хотя всѣ могли замѣтить это такъ же какъ и онъ самъ, его собственное завѣреніе, что онъ постоянно лишаетъ себя наслажденія что-либо дѣлать во имя дружбы. Это неутѣшительно для тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участіе. Конечно министръ прежде всего общественный человѣкъ, а потомъ уже другъ, а г. Неккеръ, иностранецъ и протестантъ, долженъ быть строже въ этомъ отношеніи, чѣмъ другой. Но дружба должна ли быть поводомъ къ устраненію, и когда общественное мѣропріятіе причинило вредъ кому-нибудь, въ комъ принимаешь участіе, надо ли бояться исправить это изъ опасенія, что насъ обвинятъ въ услугѣ, оказанной дружбѣ? Вотъ казуистическій вопросъ трудно разрѣшимый. Но вѣрно и всѣми замѣчено, что выгоднѣе быть врагомъ г. Неккера и считаться передъ нимъ виноватымъ, нежели быть его другомъ: потому что онъ никогда не сокращалъ и не бралъ ничего у тѣхъ, на кого онъ могъ жаловаться, чтобъ не заподозрѣли его въ увлеченіи страстью и мщеніемъ, и никогда онъ не хотѣлъ поправить зло, причиненное друзьямъ его распоряженіями, изъ опасенія, чтобъ его не сочли пристрастнымъ къ нимъ. Это можетъ-быть доказываетъ великій характеръ; но я не имѣю духу этому завидовать» [1]).

Здѣсь Гриммъ намекаетъ на то, что Неккеръ своимъ распо-

---

[1]) Письма Гримма 118, 119.

ряженіемъ объ уничтоженіи всѣхъ выдачъ съ откуповъ лишилъ пенсіи г-жу д'Эпинэ. Чтобъ пояснить это обстоятельство, не излишне будетъ сказать, что г-жа д'Эпине, больная и имѣвшая на рукахъ трехъ внучковъ, теряла такимъ образомъ свое единственное достояніе и находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. По всегдашней своей добротѣ и великодушію императрица пришла къ ней на помощь покупкою у ней двухъ брильянтовъ, и даже вызывалась хлопотать о сохраненіи этой пенсіи, но Гриммъ удерживалъ её, боясь, чтобъ это не имѣло вида жалобы со стороны г-жи д'Эпинэ и еще болѣе ей не повредило. Но, несмотря на личную причину неудовольствія противъ Неккера, Гриммъ, по благородству характера, не только отдавалъ справедливость его талантамъ, но и извинялъ его поступокъ отчаяннымъ положеніемъ финансовъ во Франціи. Онъ говоритъ: «Императрица никогда не пойметъ, какимъ образомъ государь можетъ взять назадъ то, что разъ далъ, ничѣмъ того не замѣняя, и когда передъ нимъ ни въ чемъ не провинились, а тутъ рѣчь идетъ о пенсіи въ какія-нибудь полторы тысячи рублей; но ваше величество не можете имѣть яснаго понятія, чтó такое—запутавшееся въ долгахъ правительство, по неволѣ скаредное и всегда ищущее, гдѣ бы занять денегъ» [1]).

Вотъ какъ отозвалась государыня о Неккерѣ по полученіи его отчета: «Поблагодарите отъ меня г. Неккера за его превосходное сочиненіе и скажите ему, что я въ высшей степени цѣню труды его и особливо его таланты. Я не сомнѣваюсь, что небо предназначило ему вывести Францію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ засталъ финансы этого королевства; но это работа не одного года, я знаю это по опыту» [2]).

Предчувствія Гримма о паденіи Неккера оправдались слишкомъ скоро. Уже въ іюнѣ того же 1781 года Гриммъ писалъ о его увольненіи: «Ваше величество узнали въ свое время объ отставкѣ этого замѣчательнаго человѣка. Такое событіе должно

1) Письма Гримма 39.
2) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

было удивить издали и это можетъ быть единственное рѣшительное событіе глупой войны, которая такъ сердитъ ваше величество; но тѣ, кто видѣлъ дѣла вблизи, видѣли также приближеніе этого несчастія тихими шагами, и считали его неизбѣжнымъ задолго до его совершенія. Зато я дьявольски сердился на этого дьявола человѣка всю эту зиму; онъ доказалъ мнѣ, что когда головы разгорячатся, то чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ дѣлаетъ болѣе тяжелыя неловкости. Да здравствуютъ дураки, умѣющіе вести себя превосходно! Это истина, которою я проникнутъ давно. Имъ не надо поручать поведенія другихъ, но въ своемъ собственномъ они безукоризненны. Г. Неккеръ прекрасно управлялъ финансами королевства; но за то, что онъ хотѣлъ итти слишкомъ быстро, итти съ большимъ шумомъ, и можетъ-быть не терпѣлъ возлѣ себя людей, не искавшихъ исторгнуть у него славы, — единственнаго его идола, — онъ сломалъ себѣ шею. Еслибъ онъ шелъ потише, то непремѣнно достигъ бы цѣли своихъ стремленій; но между тѣмъ какъ никто не смѣлъ думать о томъ, чтобъ смѣстить его, онъ самъ спѣшилъ къ своей погибели и можетъ-быть увлекъ туда же Францію. Я считаю его человѣкомъ умершимъ; онъ не перенесетъ этой катастрофы; онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, онъ только и былъ здоровъ съ тѣхъ поръ какъ былъ при мѣстѣ, и развѣ ему представится случай управлять имперіей, я не вижу для него спасенія. Ваше величество скажете мнѣ: ну, онъ немножко любилъ продавать товаръ лицомъ, громко зазывать въ свою лавку, привлекать всѣ взоры и можетъ-быть отводить ихъ ото всѣхъ другихъ, чтобъ исключительно наслаждаться шумомъ своей репутаціи: какая же въ томъ бѣда? Тѣмъ лучше, если находишь людей подъ рукою, которые полагаютъ все свое существованіе и видятъ всю награду въ этихъ игрушкахъ. Ваше величество говорите какъ вторая Екатерина, или какъ Екатерина вторая. При ней Неккеръ пришелъ бы къ безсмертію со всѣмъ громомъ, котораго онъ желалъ, а императрица сказала бы съ улыбкой: Боже мой, до чего люди—большія дѣти! Но когда при исполненіи должности, въ которой нельзя не нажить себѣ цѣлаго сонма вра-

говъ, имѣешь еще неловкость оскорблять гордость, можетъ-быть даже чувства тѣхъ, кого слѣдовало бы беречь, что можетъ тогда сдѣлать юный король среди столкновенія страстей, воюющихъ вокругъ него? Онъ вынужденъ избрать изъ нѣсколькихъ золъ то, которое ему представляютъ неизбѣжнымъ. Государственный человѣкъ сказалъ: Франція должна быть очень крѣпка, чтобъ выдержать все это, особливо если будутъ продолжать войну съ энергіей предшествовавшихъ годовъ. Всего болѣе можно опасаться, что все войдетъ въ обычный порядокъ, то есть въ безпорядокъ, и что едва подавленныя злоупотребленія всѣ незамѣтно возобновятся. Тогда г. Неккеръ увидитъ со скорбію, что его министерство прошло какъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ метеоровъ, которые на минуту ослѣпляютъ своимъ блескомъ, но которыхъ полётъ слишкомъ быстръ, чтобъ оставить прочное воспоминаніе и впечатлѣніе. Ваше величество совершенно правы, его трудъ не могъ быть дѣломъ одного года, только чрезъ десять или двадцать лѣтъ могли обнаружиться неизгладимые слѣды его, освященные благословеніями народовъ» [1]).

Впечатлѣніе, произведенное и на императрицу отставкою Неккера въ первую минуту, выразилось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Г. Неккеръ потерялъ свое мѣсто; это былъ прекрасный сонъ, приснившійся Франціи, и большая побѣда для враговъ ея. Характеръ этого рѣдкаго человѣка заставляетъ удивляться ему въ двухъ его сочиненіяхъ, потому что «Записка» стóитъ вполнѣ «Отчета». Король Франціи прикоснулся ногою къ великой славѣ. Ну, теперь не скоро что-нибудь подобное опять явится. Нужна была голова мастера, которая бы слѣдила за прыжками г. Неккера. Что же касается до слабости его предпочитать враговъ друзьямъ своимъ, то я понимаю, что голова навыворотъ, подобная его головѣ, могла считать великою доблестью охотнѣе дѣлать добро первымъ, и въ самомъ дѣлѣ не малая добро-

1) Письма Гримма 194, 195, 196.

дѣтель обходить друзей своихъ, чтобъ полагать преграду требованіямъ и показывать верхъ безпристрастія» [1]).

Долго государыня не могла приняться за внимательное чтеніе отчета Неккера и писала: «Увы! чтобъ не солгать, я еще не читала книги г. Неккера; два раза я ее начинала, но столько являлось дѣлъ и препятствій, что я еще не прочла и двадцати страницъ» [2]). Одолѣвъ наконецъ вступленіе, она говоритъ: «Я прочла вступленіе книги г. Неккера; я только что его кончила. Такъ какъ онъ дорожитъ вниманіемъ къ себѣ, то увѣрьте его въ моемъ уваженіи; видно, что онъ былъ на мѣстѣ и исполнялъ свое дѣло страстно, и самъ онъ въ томъ признается. Я люблю эти слова: — «что́ я сдѣлалъ, то сдѣлалъ бы и опять».—Такъ не говорятъ не добрые люди; надо имѣть много доброты, чтобъ не потерять изъ нея ничего послѣ столькихъ невзгодъ. Я прочту остальное и поговорю объ этомъ еще ранѣе, чѣмъ будетъ кончено это посланіе» [3]).

Когда же Неккеръ прислалъ ей свое большое сочиненіе о финансахъ, то она не очень желала за него приняться и объясняла это такъ: «Я думала, избавиться отъ этого чтенія, потому что французскіе финансы до меня не касаются, а также и потому что не думаю, чтобъ тамъ можно было чему-нибудь научиться для себя, развѣ только тому чтобъ избѣгать всего, являющагося камнемъ преткновенія, а я полагаю, что тутъ мы нѣсколько знаемъ, чего надо избѣгать.... Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія мелкихъ обложеній, которыя только истязаютъ людей, а приносятъ очень мало. Такъ какъ бюллетени говорятъ, что король французскій очень занятъ чтеніемъ книги г. Неккера, то я полагаю, что все неудовольствіе на него и его книгу не будетъ имѣть послѣдствій. Вѣдь не всякій же Людовикъ XV, котораго покровительство ни къ чему не служило» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 214, 215.
[2]) 359.
[3]) 371.
[4]) 334, 338.

Читая сочиненія Неккера и не будучи въ состояніи одолѣть ихъ, императрица писала: «Какая комиссія быть осужденной читать то, что до васъ не касается, что вамъ кажется скучнымъ, какова напр. отвратительная матерія финансовъ всехристіаннѣйшаго короля. Я не поздравляю его, что у него будетъ 48 сборщиковъ вмѣсто 12-ти. Я думаю, что скоро его величество узнаетъ который изъ этихъ образчиковъ финансовъ приходился ему болѣе по вкусу, потому что онъ пощупалъ и Тюрго и Неккеровъ и настоящую путаницу. Всѣ они имѣли разные взгляды: Экономисты, философы, выжиматели кошельковъ; слава Богу, я всѣми очень довольна и все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, прочищеніе же кошелька тоже хорошо» [1]).

Въ 1787 году Калоннъ также доставилъ Екатеринѣ свою записку, и она говоритъ: «Г. Калоннъ прислалъ мнѣ свой длинный списокъ проектовъ, который онъ выдаетъ за собственную работу короля; я еще этого не читала, и очень боюсь, чтобъ оно не было такъ же скучно, какъ три тома г. Неккера; желаю по крайней мѣрѣ, чтобъ это не было столько же мечтательно и безполезно» [2]).

Полное же разочарованіе въ дѣятельности Неккера императрица выражаетъ уже послѣ революціи 89 года, въ 1790, когда вполнѣ обрисовались результаты этой дѣятельности: «Что касается г. Неккера, то я давно откланялась ему»—говоритъ она, «и думаю что для счастія Франціи, было бы лучше еслибъ онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла» [3]).

Въ 1791 году государыня, возвращаясь къ Неккеру, говоритъ Гримму: «Вы были другомъ г. Неккера, сколько мнѣ помнится, до перваго его вступленія въ министерство: такъ отчего же не старались вы нашептывать ему то, что вы думали о его предпріятіяхъ? Но впрочемъ я знаю, что трудно образумить человѣка, если небо наказываетъ или надѣляетъ его гордостью; тогда всѣ органы его закрыты и онъ ничего слушать не хочетъ. Онъ одинъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 872.

[2]) 403.

[3]) 483.

видитъ, изобрѣтаетъ, обсуждаетъ, а все что говорятъ другіе, будь это лучшія вещи въ мірѣ, становится только оскорбленіемъ его гордости; гордый опьяненъ своею гордостью; я такихъ видѣла и списываю съ натуры».

Со времени перваго удаленія отъ дѣлъ Неккера и еще большихъ затрудненій французскихъ финансовъ, государыня часто называетъ Людовика XVI: *бѣдные люди*, arme Leute, большею частію употребляя, когда говоритъ о немъ, нѣмецкій языкъ, и такъ выражается: «Бѣдные люди! Люди необутые въ сапоги не могутъ терпѣть обутыхъ (т. е. слабые твердыхъ). Они для нихъ слишкомъ дюжи, толсты, тяжелы, слишкомъ разсудительны, логичны, полновѣсны: все это затрудняетъ. Болѣе дѣйствовать, менѣе говорить вотъ способъ, которымъ часто достигалось болѣе, чѣмъ громкою болтовней о самомъ себѣ. Много есть людей на свѣтѣ, которымъ не всегда хочется видѣть свои творенія въ зеркалѣ. Ну, теперь онъ сидитъ и скучаетъ, и потому пишетъ; но къ чему же это послужитъ? кто же отыскиваетъ людей по картинкѣ? И гдѣ ихъ найти? Искуство въ томъ, чтобъ со всякими людьми заставлять итти дѣла какъ можно лучше и каждый день лучше» [1]). И въ другомъ мѣстѣ: «Но, Боже мой, бѣдные люди, что же они дѣлаютъ! Въ теченіе девяти лѣтъ они не могутъ выбрать основныхъ началъ, чтобъ знать желаютъ ли они имѣть откупщиковъ или не хотятъ откупа; свѣту это кажется опасно, легкомысленно и робко. Мнѣ очень жаль, что они мнѣ оказываютъ столько дружбы, такъ что я могла бы лопнуть отъ благодарности, еслибъ была воздушный шаръ; но такъ какъ Господь уберегъ меня отъ этого, то я иду своей дорогой, хоть и не безъ признательности, но не связывая себя» [2]). Наконецъ, незадолго до революціи, уже въ 1787 году, Екатерина опять говоритъ: «Бѣдные люди! они хотятъ быть моими друзьями. Мнѣ право очень, очень жаль, что они внутренно и наружно такъ больны сердцемъ и слабы. Вы правду говорите, необходимо иногда разнообразить походку, чтобъ

[1]) 372.
[2]) 272.

достигнуть успѣха въ этомъ мірѣ, и надо какъ можно менѣе выставки. Доказательство — отчетъ г. Неккера» [1]).

Въ 1784 году французскимъ посланникомъ въ Россію назначенъ былъ Сегюръ. За это время письма Гримма не сохранились и мы не знаемъ, какъ онъ рекомендовалъ Сегюра Екатеринѣ, но въ началѣ 85 года: она пишетъ «Я не удивляюсь репутаціи г. Сегюра, но она мнѣ кажется заслуженною и навѣрное онъ лучше всего, что отъ васъ когда-либо пріѣзжало въ нашу страну. Остается узнать, будутъ ли глаза его ослѣплены предубѣжденіями, привычками, предписаніями и архивными свѣдѣніями, или онъ будетъ видѣть вещи ясно и не станетъ критиковать того, что у насъ не дѣлается, не думается, не говорится. Умны только мы одни: [2]) вотъ ужасная балаболка [3]), висящая на носу политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, заставляющая ихъ закидывать голову назадъ, точно какъ отъ украшенія, висящаго между глазами турецкихъ и персидскихъ лошадей въ упряжи этихъ странъ, украшенія, которое совершенно отсутствуетъ въ англійской упряжи, потому что тамъ сочли бы его черезъ чуръ жестокимъ для лошади. Англичанинъ слишкомъ любитъ свое животное, чтобъ привѣсить ему такое безпокойное украшеніе передъ глазами. Не есть ли это блестящее сравненіе»? [4])

Вообще государыня хорошо понимала, какъ легкомысленно и невѣрно Французы всегда судили о насъ и что если когда-нибудь случалось имъ выказывать Россіи чувства дружбы, то это было только подъ вліяніемъ минутнаго интереса или случайной преходящей моды, а никакъ не въ слѣдствіе прочнаго расположенія, основаннаго на изученіи страны или на сочувствіи народному характеру. Такъ она говоритъ: «Я желала бы знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю вѣрнаго понятія о Франціи; скорѣе же Французы вовсе не знаютъ Россіи, потому что бóльшая часть ихъ не-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 431.

[2]) Т. е. Французъ вообще.

[3]) Frandouille — слово, сочиненное государыней или гдѣ-нибудь ею вычитанное, но не находящееся ни въ одномъ словарѣ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 337.

вѣжественна, а другіе обмануты на нашъ счетъ или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти или по недостатку прозорливости, тогда какъ я всегда очень хорошо знала, чего можно отъ нихъ ожидать» [1]).

Извѣстно, что Сегюръ оказался самымъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ въ глазахъ императрицы, не только на придворныхъ собраніяхъ, но и въ короткомъ обхожденіи и въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и проч.: «Если Франція имѣетъ много головъ подобныхъ г. Сегюру», говоритъ государыня, «то я поздравляю её: къ достоинству, уму, талантамъ, знаніямъ онъ присоединяетъ благородство характера и любезность» [2]). Къ этому она прибавляетъ: «онъ кажется любитъ и уважаетъ маркиза Лафайэта, и надѣется, что онъ пріѣдетъ сюда; если послѣдній стóитъ его, то это будетъ очень пріятное знакомство».

Германія.

Хотя о Фридрихѣ II въ перепискѣ вообще говорится рѣдко, но нельзя пройти молчаніемъ и немногія высказанныя о немъ сужденія Екатерины за послѣднее время его жизни. Въ началѣ 1781-го года Гриммъ писалъ: «Мнѣ неизвѣстно, государыня, послалъ ли земной союзникъ вашего величества, въ качествѣ петербургскаго академика, нашей августѣйшей покровительницѣ брошюру своего сочиненія о нѣмецкой литературѣ. Такъ какъ я по милости, или благодаря спеціальному беззаконію вашего величества, собратъ по академіи этого августѣйшаго писателя, то онъ не преминулъ прислать мнѣ свое произведеніе, и я не могъ выразить ему за то своей благодарности, не войдя нѣсколько въ полемику. Эта книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ — одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ,—уже опровергли её со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора.

[1]) 251.
[2]) 342.

Гэттингенская литературная газета также произнесла о ней свое мнѣніе. Ну конечно нельзя отрицать, что царственный авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судить о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что̀ еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію, и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно онъ остается въ невѣдѣніи насчетъ всего, что̀ писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того, какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и головахъ германскихъ, и стало быть онъ не можетъ постичь, что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ, которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу ладовъ» [1]).

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Я ничего не получала и не читала о нѣмецкой литературѣ, но слышала, что объ этомъ отзывались также, какъ и вы объясняете; но что же вы хотите? Онъ принялъ извѣстный складъ, видитъ мало людей, а когда и видитъ, то *онъ* говоритъ, а другіе слушаютъ; никому нѣтъ выгоды ему противорѣчить, и его боятся. Этихъ причинъ достаточно, чтобъ онъ не зналъ многаго. Возрастъ тутъ также что-нибудь да значитъ. Въ 1740 году [2]) мы были молоды, а теперь уже нѣтъ» [3]).

Гриммъ отвѣчалъ: «То что вашему величеству угодно было сказать о старомъ господинѣ Беззаботномъ [4]), то и Тацитъ сказалъ бы не лучше того: именно этотъ старый господинъ никогда не говорилъ никому изъ своихъ застольниковъ того, что импера-

[1]) Письма Гримма 129—130.
[2]) Годъ вступленія Фридриха II на престолъ.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 202.
[4]) Т. е. обитателѣ дворца Sans-souci.

трица, его высокая союзница, сказала однажды своему многострадальному: «знаете ли вы, что вы ужасно *отдѣлали* (étrillé) меня сегодня?» и это заставило названнаго многострадальнаго такъ расхохотаться въ присутствіи августѣйшей *отдѣланной*, что я не могу вспомнить о томъ безъ слезъ умиленія и печали, восклицая: какое это было время! какая бесѣда, что за невѣроятное сновидѣніе! но я нарочно хочу напечатать книгу, чтобъ доказать, что король, который избѣгаетъ быть ежедневно отдѣланнымъ, стóитъ можетъ-быть не болѣе самой прекрасной сорочки, еслибъ её никогда не мыли» [1]).

Въ своихъ отзывахъ о Фридрихѣ Екатерина приводитъ нѣкоторыя явныя доказательства его неблаговоленія къ себѣ. Такъ она упоминаетъ о его стараніяхъ поссорить её съ принцемъ Генрихомъ, или, лучше, удалить её отъ него распространеніемъ слуховъ, что послѣдній сошелъ съ ума. Въ другомъ обстоятельствѣ— именно по поводу пребыванія молодаго Бобринскаго за границей, государыня сообщаетъ Гримму, что имѣетъ въ рукахъ доказательства, какъ происки и интриги Ирода и Герцберга (le boutonné) клонились къ тому, чтобъ создать въ головѣ молодого человѣка призракъ какого-то воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ не былъ еще врагомъ никому» [2]).

Наконецъ она подозрѣваетъ Фридриха въ томъ, что онъ постоянно занимается распространеніемъ слуховъ о ея болѣзни. «Кстати, я совершенно здорова», говоритъ она разъ Гримму, «и я не была больна съ прошедшаго іюля (письмо писано въ апрѣлѣ 1785 г.) наперекоръ газетнымъ сочинителямъ и бюллетенямъ, нашептаннымъ делегатами Ирода, которые приписываютъ мнѣ собственныя свои болѣзни; а такъ какъ я здорова, то очень мало занимаюсь здоровьемъ другихъ»..... «Іосифу лучше. Это Иродъ, самъ едва прозябая, распускаетъ слухи о плохомъ здоровьи другихъ» [3]).

---

[1]) Письма Гримма, 212.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.
[3]) 338, 361.

Кэльнская газета въ 1783 г. распространила слухъ о смерти Екатерины, и по этому поводу государыня пишетъ Гримму: «Кэльнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Признаться, я не совсѣмъ раздѣляю его мнѣніе и надѣюсь разувѣрить его и въ томъ и въ другомъ» [1]). Тутъ кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ подобномъ слухѣ во Франціи, и о забавномъ письмѣ, о которомъ Екатерина разсказываетъ Гримму: «На дняхъ я получила письмо съ слѣдующимъ адресомъ: *Ея Величеству Императрицѣ Россійской въ ея дворцѣ въ Петербургѣ.* Распечатавъ письмо, я увидѣла, что оно отъ пребывающаго въ Мецѣ, совѣтника французскаго короля. Этотъ человѣкъ говоритъ мнѣ, что испуганный молвою о томъ, что у меня ракъ въ груди и мнѣ собираются сдѣлать операцію, онъ посылаетъ мнѣ вѣрнѣйшее средство противъ этой болѣзни и присоединяетъ къ своему письму книжку, которой я конечно не прочла. И право, я не знаю, какое странное удовольствіе находятъ во Франціи распространять слухи о моей смерти, или о томъ, что я поражена какой-нибудь гадкой болѣзнью, которой я никогда не имѣла: покойный Дюранъ, любезный Беранжэ, остроумный Боссэ постоянно и съ такими точными перечисленіями подробностей приписывали мнѣ болѣзни, которыхъ я никогда не знала. Итакъ прошу васъ увѣрить вашихъ знакомыхъ и господъ совѣтниковъ французскаго короля, что я жива, совершенно здорова и не страдаю ракомъ, да и никакой хронической болѣзнью; хотя и освѣдомлялась въ Испаніи о какихъ-то ящерицахъ, которыми будто бы вылѣчиваютъ ракъ: это было изъ чистаго человѣколюбія, на пользу госпиталей, основанныхъ здѣсь и въ другихъ городахъ; вѣроятно господа совѣтники короля и имъ подобные не предполагаютъ возможности о комъ-либо другомъ заботиться, кромѣ какъ о себѣ, и потому награждаютъ меня ракомъ» [2]).

Въ послѣднюю болѣзнь Фридриха II Екатерина писала отъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 290.
[2]) 301.

7-го іюля 1786 г.: «Циммерманъ поѣхалъ лѣчить короля прусскаго отъ его 74-хъ лѣтъ», и вскорѣ за тѣмъ отъ 23 іюля. «Циммерманъ не спасъ прусскаго короля: его нельзя было спасти» [1]). Въ концѣ этого же письма прибавлено слѣдующее замѣчаніе: «Всего страннѣе въ судьбѣ Ирода то, что дома о немъ сожалѣла только одна жена, которой онъ не любилъ. Она въ самомъ дѣлѣ его оплакивала. Не удивительно ли? Ясно, что онъ не внушалъ большой нѣжности, но это была крупная пара рукавовъ (une grande paire de manches), когда онъ не являлся мелочнымъ и скупымъ» [2]). Переписка Фридриха II съ Гриммомъ вызываетъ слѣдующее замѣчаніе: «То, что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ королемъ прусскимъ, очень странно; я думаю, что вы въ глазахъ его были вдвойнѣ виноваты: были дружны съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей слугою, а онъ вѣдь не жаловалъ насъ» [3]).

Вотъ сужденія Екатерины о сочиненіяхъ умершаго Фридриха: «Творенія короля Прусскаго прибыли къ намъ давно; я прочла изъ нихъ только 30 страницъ, на которыхъ сдѣлала 27 письменныхъ замѣтокъ. У насъ говорятъ, что его величество лжетъ какъ зубной рвачъ [4]) въ безчисленныхъ мѣстахъ своей книги. Я еще не знаю, правда ли это, но въ томъ немногомъ, что я прочитала, мнѣ показалось, что и здѣсь блестящее красное словцо часто погрѣшаетъ противъ вѣрности факта; но есть и весьма хорошія вещи и ихъ нѣсколько. Братецъ Густавъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Но кто глупъ, тотъ ни изъ чего не извлечетъ пользы. Я не видала тѣхъ мѣстъ, которыя касаются принца Генриха и его пребыванія здѣсь; но вѣрно то, что король не всегда уважалъ правду, и онъ же разславилъ, что Генрихъ помѣшался въ ту зиму, какъ окончилась кампанія Тешенскимъ миромъ; этотъ фактъ я слышала отъ графа Панина, который увѣрялъ, что читалъ это мѣсто, написанное собственной рукой короля въ припискѣ (post-scriptum). Я часто

1) 380. 2) 384. 3) 391.
4) Comme un arracheur de dents.

размышляла о томъ, что̀ могло заставить его выдумать такую небылицу, и предполагаю, не была ли причиной экономія, чтобъ помѣшать принцу пріѣхать сюда въ третій разъ; но пусть все это останется между нами. Оно ужъ ни къ чему болѣе не годится. Впрочемъ добрыя намѣренія, замѣченныя вами у принца (Генриха), мнѣ очень пріятны; не могу сказать того же о поведеніи господина племянника его, проникнутомъ двуличностю и полнѣйшимъ Маккіавелизмомъ»[1]).

Въ іюлѣ 1781 года Гриммъ увѣдомлялъ Екатерину, что императоръ Іосифъ II собирается провести три дня въ Тріанонѣ съ королевой, своей сестрою, совершенно семейно и подальше отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Самъ же Гриммъ предполагалъ ѣхать въ Спа, куда приглашалъ его принцъ Генрихъ Прусскій, обѣщая ему комнату въ своемъ домѣ. Это путешествіе Генриха въ Спа должно было особенно интересовать императрицу, нѣсколько съ нимъ разошедшуюся и слѣдившую внимательно за всѣмъ что̀ происходило въ Европѣ, почему она и ожидала съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Гримма. Онъ написалъ ей изъ Спа длинное письмо, изъ котораго мы приведемъ здѣсь большое извлеченіе, прекрасно характеризующее личный характеръ Гримма и тонъ всей переписки. Въ этомъ письмѣ являются во всемъ блескѣ то игривое остроуміе, та ловкость, съ какими Гриммъ умѣлъ говорить своей царственной корреспонденткѣ самыя пріятныя вещи. Тутъ же обнаруживается и соединявшаяся съ его блестящимъ умомъ и образованіемъ большая доля тщеславія, которое питалось его сношеніями съ единственной повелительницей, единственнымъ *государемъ* Европы, какъ онъ часто называлъ Екатерину: они же доставляли ему почетное положеніе между представителями царствующихъ династій Европы. Это письмо и отвѣтъ на него Екатерины даютъ намъ также ключъ къ разъясненію охлажденія отношеній между Екатериной и принцемъ Генрихомъ, съ которымъ такъ сблизила ее болѣзнь и смерть пер-

[1]) Царствующаго короля—Фридриха II Вильгельма, 470 и 471.

вой супруги Павла Петровича, причемъ онъ показалъ столько участія. «Итакъ я говорилъ вашему императорскому величеству 28-го іюня, то-есть въ годовщину благополучной революціи, что уѣзжаю въ Спа — Царицыно здѣшнихъ странъ, получивъ формальное приглашеніе отъ прусскаго героя, поддержавшаго имя Генриха во всемъ блескѣ, которымъ оно пользуется въ Европѣ съ самаго Наварца, столь мучимаго при жизни, столь возвеличеннаго по смерти. Это приглашеніе сдѣлано было въ формѣ просьбы съ необыкновенной скромностью и деликатностью, и Генрихъ испрашивалъ у меня какъ милости позволенія удостоить меня этой любезности. Вотъ царскосельщина во всей чистотѣ и до жалости. Сколько разъ императрица выводила меня изъ терпѣнія такими пріемами. Подумаешь, что я принесъ величайшую жертву, пріѣхавъ въ Спа провести шесть недѣль съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка и провести ихъ самымъ интереснымъ и пріятнымъ образомъ. Ну, при такихъ любезностяхъ невольно пожимаешь плечами. Если я, предпринимая это прелестное путешествіе, былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ только тѣмъ, что не во всѣ Царицыны ѣдутъ черезъ Петербургъ; моя дорога меня вела совершенно просто напросто черезъ Брюссель... Я былъ очень радъ очутиться у ногъ моего покровителя. Въ первую минуту разговоры наши были нѣсколько шумны, смутны и безпорядочны; это было весьма естественно послѣ четырехлѣтняго отсутствія и великихъ событій. Идеи мѣшались, сталкивались между собою, и я не отвѣчаю, если кое-гдѣ оказались контузіи: ибо искуство говорить вдругъ и въ одно время о десяти предметахъ еще до нѣкоторой степени не выработано, а решето, черезъ которое приходилось процѣживать разговоръ, было такъ часто, что я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ имя Екатерины вдругъ не привело насъ въ согласіе послѣ перваго столкновенія. Я предоставляю ученымъ критикамъ въ потомствѣ рѣшить, кто изъ двухъ, герой или повѣренный его, первый произнесъ это августѣйшее имя, столько разъ произносившееся въ истекшія 19 лѣтъ; я полагаю однако, что

это былъ Генрихъ. Не безъ великаго смущенія узналъ я, что всякій обмѣнъ писемъ между императрицей Греческой и имъ прекратился. Какъ сознаться ему, что я былъ счастливѣе его и сохранилъ это неоцѣненное преимущество? Онъ увѣрялъ меня, что сожалѣетъ о томъ что потерялъ его не какъ принцъ въ отношеніи къ императрицѣ, а я убѣждалъ его, что я это понимаю тѣмъ болѣе, что самъ огорчился бы такимъ несчастіемъ, не какъ многострадальный передъ императрицей, если ужъ мнѣ суждено отъ этого умереть. Но что дѣлать? прибавилъ я. Прежде, любимымъ препровожденіемъ времени для нея было царапать письма, нынче вкусъ этотъ прошелъ, потому что она удручена недугами. — Вы говорите вздоръ, любезный мой повѣренный, сказалъ мнѣ Генрихъ, никогда она не была такъ здорова. — Да, конечно, но это только съ виду, отвѣчалъ я. Мнѣ извѣстно ея внутреннее состояніе: тамъ все въ очень жалкомъ положеніи: фоліанты и квартанты, юриспруденція и нормальныя школы, азбуки, учредительная манія и множество другихъ тяжкихъ недуговъ хозяйничаютъ въ императорской головѣ какъ полкъ казаковъ; это такое усложненіе болѣзней, среди котораго Роджерсоны, Кельхены и компанія теряютъ свою латынь, свой греческій, англійскій, нѣмецкій языкъ и ту небольшую долю русскаго, которою обладаютъ. Но развѣ нѣтъ никогда роздыха между этими припадками? спросилъ Генрихъ. Я полагаю что да́, но вѣроятно гг. Александръ и Константинъ овладѣваютъ сколько могутъ этими промежутками, и въ концѣ концовъ отсутствующіе виноваты, говоритъ пословица. Если я не подпалъ всеобщей реформѣ, то обязанъ этимъ императорскому милосердію. — Ну, отвѣчаетъ Генрихъ, если вы меня увѣряете, что ея молчаніе происходитъ не отъ перемѣны чувствъ, я перестану жаловаться, и даже дамъ вамъ понюхать табачку изъ этой табакерки, точеной ея руками на эрмитажномъ ея станкѣ. — Она! перемѣниться! окончилъ я, цѣлуя эту драгоцѣнную святыню. Никогда, никогда! Скалы могутъ сокрушиться, башни могутъ рушиться, но сердце Екатерины никогда не можетъ сдѣлаться вѣроломнымъ и духъ ея не можетъ измѣниться: ибо хорошее —

хорошо и правое — право. Генрихъ согласился съ этой истиной и утѣшеніе наполнило его великое сердце.

«Пять или шесть дней послѣ моего пріѣзда явился другой странникъ, по имени Іосифъ, который, ни дать ни взять какъ Екатерина, претендуетъ быть вторымъ по своему имени. Іосифъ вступилъ въ Спа пѣшкомъ, слѣдуя въ этомъ обычаю нашего Господа Спасителя, но не по той же причинѣ, а оттого что одна изъ его почтовыхъ лошадей пала. Скоро онъ взялъ фіакръ, и влетѣлъ какъ бомба къ Генриху. Могу увѣрить ваше величество, что по моимъ часамъ, которые идутъ не скорѣе всѣхъ другихъ, они пробыли два съ половиной часа взаперти съ глазу на глазъ. Іосифъ не скрылъ даже, что онъ замедлилъ свое путешествіе въ Спа нарочно, чтобъ встрѣтить тамъ Генриха. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у князя Лихтенштейна. Какъ только онъ возвратился въ свою гостиницу, Генрихъ въ свою очередь ввалился къ нему какъ бомба; но на этотъ разъ я очутился въ его свитѣ, и могу сказать, что вовсе не по моей винѣ императрица въ одну секунду примѣшалась къ нашей болтовнѣ. Всеподданнѣйше прошу избавить меня отъ вопроса: не можете ли вы говорить о чемъ-нибудь другомъ? Іосифъ началъ съ похвалы графовъ Румянцовыхъ, вспомнивъ что видѣлъ меня съ ними въ Вѣнѣ, и, сдѣлавъ переходъ отъ подданныхъ къ государынѣ, спросилъ меня давно ли я имѣлъ отъ нея извѣстія. Это былъ самый деликатный способъ сказать мнѣ, что ему извѣстно какъ чрезмѣрны милости моей августѣйшей государыни къ скудельному сосуду ея созданія. Онъ меня увѣрялъ затѣмъ, что имѣетъ извѣстія свѣжѣе моихъ. Мнѣ это показалось очень просто, потому что какъ ни тщеславится скудельный сосудъ, когда онъ твореніе императорское, онъ не лишенъ однако способности сужденія. Но когда Іосифъ сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ катехизисомъ, составленнымъ для г. Александра, тогда, признаюсь, гнѣвъ зажегъ мнѣ кровь и глаза мои заблистали отъ ярости. Вотъ, воскликнулъ я, роковой ударъ, который судьба готовила мнѣ! Цѣлый вѣкъ я неотступно нищенствую, чтобъ исторгнуть этотъ катехизисъ, и вотъ надо графу Фалькенштейну

пріѣхать въ Спа, будто нарочно чтобъ собщить мнѣ какъ можно получить этотъ катехизисъ помимо меня, такъ что я его и не понюхалъ: это ужъ черезъ-чуръ! Іосифъ расхваливалъ мнѣ его напропалую. Это ли было средство успокоить меня? Онъ увѣрялъ меня, что получилъ его на русскомъ языкѣ, и что велѣлъ перевести его на нѣмецкій у своего посланника. Хороша отговорка! сказалъ я. Развѣ около нея некому велѣть перевести его для меня по-нѣмецки? Развѣ она не можетъ сказать своему оберъ-кухмистеру фактотуму: «вели перевести это для моего многострадальнаго, и чтобъ я объ этомъ больше не слыхала»? При этомъ мы начали по косточкамъ разбирать Греческую императрицу съ ногъ до головы, и Богъ знаетъ, какъ ей досталось отъ Іосифа, Генриха и меня, разгнѣваннаго и пылавшаго яростію скудельнаго сосуда. Продержавъ её такимъ образомъ у купели крещенія почти полтора часа, Генрихъ, чтобъ успокоить меня, сказалъ: отправимся въ театръ. Іосифъ прибылъ вскорѣ въ ложу принца и сѣлъ между Генрихомъ и мною. Онъ назвался на другой день въ качествѣ графа Фалькенштейна обѣдать къ Генриху, который носитъ въ Спа имя графа д'Эльса и назначилъ къ приглашенію, независимо отъ своего спутника, генерала Терзи и особъ свиты принца — многострадальца греко-императорскаго и Рейналя, изгнаннаго по приговору Сегье, которому Генрихъ испросилъ у Іосифа самыя важныя милости, доставивъ ему убѣжище въ Брюсселѣ со всевозможными пріятностями. Эта же потребность великаго сердца внушать себѣ подобнымъ чувства благоволенія, которыя оно испытываетъ, вѣроятно побудила Генриха сдѣлать для меня то же, что̀ сдѣлала императрица прошлаго года въ Могилевѣ и Петербургѣ; но такъ какъ меня не было при этомъ, то я и не могу привести тому доказательствъ вашему величеству. Итакъ мы на другой день очутились вокругъ стола въ семь приборовъ, какъ семь мудрецовъ, и недоставало только осьмого: Минервы гиперборейской. За этимъ столомъ оставались около двухъ съ половиною часовъ, Іосифъ направо отъ Генриха, а я направо отъ Іосифа; а вечеромъ въ комедіи, въ ложѣ принца, повтореніе того

же; пьесу же всего менѣе слышали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось. И зѣваки города Спа, глядя на ложу, бормотали втихомолку: ну ужъ, ей Богу, греко-императорскій многострадальный долженъ однако быть знатная тварь! На слѣдующій за тѣмъ день Іосифъ показывался у всѣхъ источниковъ; на главномъ были танцы. Онъ былъ со всѣми очень любезенъ; но наконецъ, поклонившись всему обществу и обнявъ Генриха, уѣхалъ въ десять часовъ въ Брюссель, откуда уже отправился на недѣлю въ Версаль. Если ваше величество жаловались на несносный звонъ, происходившій въ императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 іюля, новаго стиля, это не мое дѣло. Я только подчинялся зуду, который чувствовали Іосифъ и Генрихъ, и не мнѣ было сказать имъ: ну, наконецъ довольно, поговоримъ о другомъ. А что касается нашихъ уединенныхъ утреннихъ прогулокъ, то намъ очень въ тягость — великому Генриху и его смиренному повѣренному — что противъ нашей воли императрица примѣшивается ко всякой нашей болтовнѣ, когда мы лазимъ по горамъ и сходимъ съ нихъ, тогда какъ мы могли бы исчерпать столько другихъ предметовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ я предложу, чтобъ для общаго спокойствія и удобства всѣхъ и каждаго, было запрещено говорить про Екатерину II, какъ про буллу о Тайной Вечерѣ, и чтобъ говорили только о Екатеринѣ Сіенской»[1]).

На это письмо Екатерина отвѣчала: «Я получила сегодня вашъ № 55 изъ Спа отъ 12 августа. Да благословитъ Господь моего многострадальнаго за это посланіе въ двадцать-четыре страницы. Я ожидала, что оно прибудетъ, но начинала терять терпѣніе, *какъ и всякій другой*, не имѣя ни слова собственной руки многострадальнаго о свиданіи его съ Іосифами, Генрихами, о которыхъ протрубили всѣ газеты. Мнѣ кажется, что я вижу какъ за столомъ. въ театрѣ вы сидите и болтаете съ ними, а зѣваки города Спа любуются на васъ»... «Но зачѣмъ смѣть такъ много говорить

---

[1]) Письма Гримма 214—222.

обо мнѣ? Мнѣ самой кажется, что имя мое становится такъ старо, что никто болѣе не хочетъ слышать о немъ. Зачѣмъ вы не говорили о чемъ-нибудь другомъ? По мнѣ, очень странно, что всякій желалъ бы заставить меня безпрестанно писать; отчего же я не жалуюсь, когда ко мнѣ не пишутъ? Смотрите, многострадальный, я едва имѣю время въ нѣсколько мѣсяцевъ написать вамъ маленькое письмо въ 20 страницъ, для котораго я не дѣлаю напередъ черновoго и не сочиняю громкихъ фразъ, и хотятъ, чтобъ я мучилась надъ льстивыми оборотами, которые берутъ у меня время и до смерти скучны. Я только Вольтеру и вамъ писала, не кляня необходимости, а всѣ эти Гага и проч. и проч. отнимаютъ множество времени, тогда какъ у меня его остаются самыя крошечные кончики, а еслибъ кромѣ того я сказала вамъ все что знаю, или полагала что знаю, вы не нашли бы ни одного слова въ возраженіе мнѣ и не стали бы ходатайствовать за своихъ протеже: могу ли я писать лицамъ, которыхъ постарались представить мнѣ не узнающими людей ихъ окружающихъ ни по имени и фамиліи, ни даже въ лицо»[1]).

При отъѣздѣ принца Генриха изъ Спа Гриммъ писалъ о немъ: «Генрихъ уѣзжаетъ отсюда, унося сочувствіе и одобреніе различныхъ націй, составляющихъ пестрый, разнообразный и странный конгрессъ въ Спа и его шумную жизнь. Всѣ національности Европы, соединенныя здѣсь, и болѣе или менѣе перессорившіяся въ эту минуту, были единодушны въ своемъ мнѣніи о немъ и во вниманіи, которое ему оказывали. Ни на западѣ, ни на югѣ Европы мы не знаемъ въ высшихъ сферахъ таланта быть любезнымъ при такихъ отличныхъ качествахъ, ни такого соединенія самой высокой репутаціи съ простотою и вѣжливостью, столько же приносящими чести ихъ обладателю, сколько лестныхъ для того, на кого они обращены; особливо же было оцѣнено его сочувствіе ко всякаго рода достоинствамъ. Это сочувствіе въ принцахъ и есть печать ихъ соб-

[1]) Опять намекъ на то, что принца Генриха изъ какихъ-то соображеній представляли ей сумасшедшимъ. *Сб. И. О.* XXIII, 219, 220.

ственнаго достоинства; жаль что многіе забываютъ её, когда являются въ свѣтъ. Что касается до Іосифа и до меня, мы нашли въ Парижѣ его орлиную голову такъ же, какъ привыкли ее знать; поэтому всѣ опасенія мои на счетъ его здоровья исчезли; притомъ здѣшнія воды навѣрно ему принесутъ пользу. Впечатлѣніе имъ произведенное сообщится этой весной въ Парижъ и Лондонъ, и нѣсколько прикроетъ прошлогоднее, оставленное въ Спа племянникомъ Гага (Густавомъ III)» [1]). О посланникѣ Гэрцѣ отзывы императрицы были неизмѣнно одни и тѣ же: она постоянно возмущалась его ледяной холодностью и таинственностью и называла его: la glace, le boutonné.

Въ концѣ 1780 года скончалась императрица Марія Терезія, и на извѣщеніе Гримма, едва только оправившагося отъ болѣзни, государыня писала: «Но знаете ли вы, что пока вы были въ постели, а въ Вѣнѣ все было погружено въ трауръ, ваша покорная слуга ужасно страдала отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, который былъ излѣченъ только шпанскими мушками; но онѣ уничтожили сильныя боли, а движенія этой руки до сихъ поръ еще не вполнѣ свободны, особливо во время бурь, весьма частыхъ въ этомъ году» [2]). Вскорѣ послѣ смерти Маріи Терезіи Гриммъ писалъ: «Когда графъ Фалькенштейнъ находился цѣлые часы съ глазу на глазъ съ нашей августѣйшей нормальной и морской учительницей, онъ вѣроятно не предполагалъ, какое повышеніе ожидаетъ его по возвращеніи и что мы такъ скоро увидимъ и его водицу въ котлѣ. Въ настоящую минуту все, что̀ онъ говорилъ на ухо императрицѣ и что̀ ваше величество съ такою жестокостью отказались повторить мнѣ, все это расгласится, и прежде конца этого начинающагося года я столько же узна̀ю обо всемъ этомъ, какъ будто бы я былъ регистраторомъ въ Могилевѣ и держалъ перо во время императорскихъ греко-римскихъ совѣщаній. Я охотно согласенъ, государыня, чтобъ не шумѣли болѣе о благодѣяніяхъ исторгнутыхъ младшимъ,

---

[1]) Письма Гримма, 225.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ этому не придавали важности и не ходили бы болѣе на охоту за этой дичью ни для младшаго, ни для племянниковъ. Я принадлежу къ греческой православной церкви; мы не любимъ государей-поповъ; эта одежда имъ не пристала; наша императрица не сдѣлаетъ своего Константина поповичемъ. Германской конституціи не достаетъ основного закона, который запрещалъ бы государямъ вступать въ капитулы и который предоставилъ бы дворянству пріобрѣтать церковныя владѣнія, пока милосердому Богу не будетъ угодно въ одинъ прекрасный день секуляризовать всѣ епископства, всѣ аббатства, упразднивъ католическую апостольскую римскую церковь. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю дѣло, бывшій графъ Фалькенштейнъ заявляетъ себя очень хорошо и миролюбиво, и если онъ будетъ слѣдовать ученіямъ Могилева, Эрмитажа и Царскаго Села, какъ оно кажется, то онъ менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ удвоитъ свое могущество, не проливъ ни капли крови»[1]). Здѣсь, на счетъ Австріи и ея таланта къ даровымъ пріобрѣтеніямъ Гриммъ оказался дальновиднѣе самой императрицы, которая въ то же время заявляла ему, что по смерти Маріи Терезіи Іосифъ началъ смѣлѣе дѣйствовать, противъ притязаній папы: «Мнѣ кажется, что графъ Фалькенштейнъ начинаетъ подергивать за уши святого отца» [2]). Гриммъ также замѣчаетъ это и говоритъ что Іосифъ хочетъ разбить окна у своего стараго папаши, прибавляя: «Но, тысячу разъ Бога ради, что же за дѣла предпринимаетъ прошлогодній нормальный ученикъ Іосифъ съ милымъ своимъ папашей Браски? И что же говорятъ на это господа могилевскіе и полоцкіе плуты? Развѣ день страшнаго суда въ самомъ дѣлѣ у дверей, и развѣ Вавилонская блудница должна абсолютно восторжествовать? Эти обстоятельства меня крайне огорчаютъ, и я говорю съ гораздо болѣе печальнымъ взглядомъ, нежели дармштадтскій бургомистръ: да къ чему же это все клонится? Если Греческая императрица не сжалится надо мной и надъ папашей Браски, и не замолвитъ за насъ сво-

---

1) Письма Гримма 99.

2) *Сб. И. О.* XXIII, 202.

его материнскаго словечка, то изъ этого можетъ выйти мерзость запустѣнія, потому что г. Іосифъ еще не высказалъ громко всего, что онъ шепталъ на ухо своей божественной нормальной школьной учительницѣ въ Могилевѣ. Ну, да поможетъ намъ Богъ»! [1])

«Совѣтую папашѣ Браски, пока еще не поздно, поставить свою переписку съ римскимъ императоромъ на ту же ногу, какъ и съ Греческой императрицей, то-есть чтобъ они переписывались на языкѣ обоюдно непонятномъ. Все зло въ этомъ мірѣ происходитъ отъ страсти къ объясненіямъ; пока не понимаютъ другъ друга, все идетъ наилучшимъ образомъ и остаются постоянно въ согласіи. Это одна изъ вѣчныхъ истинъ, которыхъ открытіе принадлежитъ мнѣ. Бьюсь объ закладъ, что никогда не произойдетъ неудовольствія изъ-за переписки главы греческой церкви со святымъ отцомъ латинскимъ; множество наушничества съ той и другой стороны — вотъ и все, тогда какъ если папаша Браски будетъ говорить со своимъ сыномъ въ Господѣ Іосифомъ II, какъ Пій (en pie, какъ сорока—каламбуръ), и будетъ писать ему на языкѣ понятномъ для маленькихъ дѣтей, я боюсь что его возлюбленный сынъ выскажетъ ему гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ бы. Къ счастію, все это не мое дѣло; я держусь своего лютеранизма и пою съ христіанской церковью въ тишинѣ: отъ ужасовъ Полоцка и Могилева и убійства папы сохрани насъ, милосердый Господи Боже»! [2])

Говоря о томъ, какъ мало оплакивали Марію Терезію послѣ ея смерти, Екатерина хвалитъ Іосифа за то, что онъ любитъ выслушивать правду: «Ну ужъ если вы любите тѣхъ, кто ставитъ себя въ возможность быть отдѣлану (étrillé), знайте, что вышеупомянутый ежедневно ставитъ себя въ такое положеніе, и вотъ почему маменька забыта уже черезъ шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, хотя она царствовала 40 лѣтъ» [3]). Чтобъ объяснить, что хотѣла она выразить словомъ étrillé, слѣдуетъ припомнить вышеприве-

---

[1]) Письма Гримма 157.

[2]) Тамъ же 223, 224. Тутъ намекъ на приписываемое Іезуитамъ отравленіе папы Климена XIV.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

денныя слова Гримма о государяхъ, умѣющихъ выслушивать правду.

Надъ отношеніями Гримма къ мелкимъ нѣмецкимъ государямъ Екатерина попрежнему подсмѣивается. «Давно уже я знаю, что вы никогда не бываете такъ счастливы, какъ когда вы возлѣ, вблизи, рядомъ, или когда у васъ спереди или сзади какое-нибудь нѣмецкое высочество, и Богъ знаетъ откуда вы умѣете ихъ откапывать и откуда они падаютъ на васъ какъ обильный дождь. Эта принцесса Мекленбургъ-Шверинская чуть не сдѣлалась моей невѣсткой: она была третья по мѣсту, но признаюсь, такъ какъ я знаю ея отца и дядей, я вовсе этимъ не соблазнилась: вѣроятно она на нихъ не похожа, если вы находите её любезной. Похвала королевы Шарлотты даетъ ей въ глазахъ моихъ репутацію доброй кумушки, вотъ и все; впрочемъ я вблизи видѣла вашихъ любезныхъ, какъ наслѣдный Дармштадскій»[1]).

Англія, Швеція, Турція.

Мнѣніе Екатерины о Георгѣ III намъ уже извѣстно. Эпоха 80-хъ годовъ была самая неблагопріятная для Англіи. Кромѣ войны съ Сѣверной Америкой, въ Лондонѣ вспыхнуло возмущеніе по поводу билля въ пользу католичества, противъ котораго страстно протестовалъ лордъ Гордонъ. Объ этомъ событіи Гриммъ пишетъ въ іюлѣ 1780 года: «Пока ваше величество приковывали взоры Европы къ Могилеву, Лондонъ чуть не испыталъ катастрофы, и я бьюсь объ закладъ, что иноходецъ (Paßgänger) не знаетъ, что это не есть дѣло сумасшедшаго Гордона, но лучшаго изъ гражданъ, какого сотворилъ Господь въ этомъ вѣкѣ»[2]).

Подъ этимъ именемъ гражданина (bourgeois) Георгъ часто является и въ письмахъ самой Екатерины. О причинѣ же, вызвавшей лондонскіе безпорядки, Гриммъ говоритъ: «Когда я увидѣлъ съ какою мудростью прикасались къ этимъ старымъ законамъ противъ католиковъ, гораздо вѣрнѣе упраздненнымъ отъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 270.
[2]) Письма Гримма 27, 28.

измѣненія нравовъ, нежели бы это могло быть произведено какимъ-либо закономъ, я взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: другъ Георгъ, вотъ прекрасное средство заставить народъ твой ступить шагъ на полтораста лѣтъ назадъ; тебѣ не поздоровится отъ этого, я тебѣ говорю. И вотъ милордъ Георгъ Гордонъ архибезумецъ взялся за исполненіе моего пророчества. Но другъ мой Георгъ никогда хорошенько не понималъ разницы между неловкимъ умомъ, какой былъ данъ ученицѣ г-жи Кардель, и неловкой поступью иноходца, который тридцать лѣтъ будетъ выступать одинаково и никогда не войдетъ въ тактъ. Весьма большое счастіе для этихъ неловкихъ, что имъ нечего дѣлить съ нѣкоторыми неловкими умами, выскочившими изъ кухни госпожи Кардель: ужъ эти послѣдніе дали бы имъ знать; но по счастью они имѣютъ дѣло съ умами самыми прямыми, съ которыми они рискуютъ только покроемъ собственныхъ глупостей: эти прямые умы, какъ мнѣ кажется, желаютъ во что бы ни стало, чтобъ всѣ бѣдствія неловкихъ были единственно ихъ собственнымъ твореніемъ, и стало-быть ни въ чемъ имъ не помогаютъ, чтобъ толкнуть ихъ въ трясину, куда они такъ остроумно сами забрались. Да благословитъ Богъ и прямыхъ и неловкихъ умомъ; они надоѣли мнѣ всѣ, сколько ихъ ни есть. Я довольствуюсь своимъ жребіемъ— своею нормальной школьной учительницей. Это всегда доставляетъ вамъ честь и удовольствіе, и никогда васъ не огорчаетъ»[1]).

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Увы, еслибъ вы знали о лондонскомъ шумѣ то, чтó я знаю, вы бы очень удивились. Если такъ, узнайте же, что самый преступный изо всѣхъ здѣсь въ тюрьмѣ въ Петербургѣ[2]), а гораздо менѣе виновные были повѣшены; это были сумасброды, вотъ и все... *Но... но*...и это *но* остается. Четыре тысячи даровыхъ школъ не сдѣлаютъ людей умнѣе, проповѣди нравственности тоже: вотъ

---

[1]) Тамъ же, 46, 47.

[2]) Для опредѣленія, кого именно разумѣла тутъ императрица, нѣтъ никакихъ данныхъ; вѣроятно, рѣчь идетъ о какомъ-нибудь тайномъ агентѣ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ для возбужденія смуты и у насъ, чему, какъ извѣстно, бывали примѣры и позднѣе.

все что можно сказать. Прекрасная натура всегда и вездѣ о себѣ заявитъ, г. Бюффону принадлежитъ честь её описывать».... [1])

«Послушайте, не восхищайтесь нынѣшнимъ вѣкомъ», говоритъ она въ другомъ ближайшемъ письмѣ, — «вѣкомъ которому вы боитесь причинить такой вредъ, скрывая отъ него мои письма: этотъ вѣкъ такъ же глупъ, какъ и многіе другіе; а послѣдующій вѣкъ будетъ безуменъ, если Господь не умудритъ его: ибо что такое просвѣщеніе, которое будетъ во всѣхъ родахъ сіять у васъ (во Франціи) и на всемъ югѣ? Все это—братцы Георги въ своемъ родѣ. О Боже мой, Боже мой! сколько братцевъ Георговъ вездѣ, вездѣ! Да благословитъ Богъ братцевъ Георговъ, добрыхъ гражданъ и посредственныхъ иноходцевъ, и потомъ восхищайтесь этимъ вѣкомъ и его произведеніями. Вѣдь въ этомъ вѣкѣ нашлись бездѣльники, которые захотѣли писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія: они думали, что для этого надо только красиво обдѣлывать фразу, или также вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ; когда я вижу это, я говорю: о Боже мой! это не то, не то. Не пишите сильно, когда не обладаете душою сильной, не пишите смѣло, когда не имѣете ни генія, ни пріятности! О, какъ они глупы, ваши бездѣльники и всѣ бездѣльники всѣхъ сортовъ... Этотъ вѣкъ есть предвѣстникъ того вѣка, который создадутъ братцы Георги»..... [2]).

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ Екатерина выражаетъ свое нерасположеніе къ личности и характеру Англійскаго короля, называя его самымъ фальшивымъ изъ людей, негодуя на коварство англійской политики, прикрываемой религіознымъ лицемѣріемъ, о которомъ и Гриммъ отзывается такъ: «Когда я вычиталъ съ большимъ благоговѣніемъ въ послѣднихъ газетахъ, какіе ревностные христіане братецъ нашей императрицы Георгъ и его супруга и съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ и заплаканными глазами они отправляли своего второго сына, пастора Оснабрюкскаго, въ чужбину на богомолье, то я сказалъ:

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.
[2]) 192, 193.

ну этакаго честнаго гражданина и отца семейства не отыщется во всей лондонской Сити. Кто же могъ вообразить себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который даетъ предписанія морского разбоя и подписываетъ приказы грабежа, чтобъ обкрадывать своихъ мирныхъ сосѣдей? То, что именуется человѣческой природой, весьма загадочная вещь»[1]).

О политикѣ Англіи въ Америкѣ Гриммъ отзывается такъ: «Мои каролинскіе москотильщики держатся очень хорошо: они всему научатся кромѣ дѣланія золота, потому что христіанамъ нейдетъ быть колдунами; но еслибъ имъ предложили порядочную сумму, я думаю, они давно убѣдили бы суконщиковъ, что ихъ надо оставить въ покоѣ. Большая странность со стороны папаши Жоржа полагать, что онъ можетъ возвратиться въ домъ своихъ дѣтей послѣ того какъ онъ шесть лѣтъ сряду жегъ его. Ну, вѣдь это же совершенная невозможность, говоритъ наша милостивая императрица, а дармштадтскій бургомистръ ударяетъ своими двумя пальцами по серебряной табакеркѣ и говоритъ: «Это будетъ трудновато, даже когда нашъ милостивѣйшій ландграфъ дастъ на то свой батальйонъ»[2]).

Есть въ письмахъ Гримма еще другой характеристическій отзывъ объ англійской политикѣ, по поводу американскаго генерала Арнольда, измѣнника, перешедшаго на англійскую службу и на имя котораго вскорѣ помѣщена была большая сумма денегъ въ лондонскомъ банкѣ. Французы захватили англійскій пакетботъ, отправлявшійся съ депешами отъ лондонскаго двора и между прочимъ съ отчетомъ банкира генералу Арнольду. Гриммъ, описывая этотъ случай, прибавляетъ: «Пусть платятъ за измѣну, пусть поощряютъ и награждаютъ измѣнниковъ; это конечно необходимое зло; но чтобъ измѣннику давали почетную одежду, военный мундиръ, чтобъ его ставили во главѣ экспедиціи и чтобъ британскіе офицеры соглашались служить подъ его начальствомъ, это ново въ лѣтописяхъ исторіи. Я хотѣлъ бы также знать, одоб-

---

[1]) Письма Гримма 97, 98.

[2]) Тамъ же, 134.

рила ли бы императрица начальника своихъ морскихъ или сухопутныхъ силъ, который, послѣ завоеванія непріятельскаго острова, позволилъ бы тамъ развѣваться непріятельскому флагу, чтобъ заманивать всѣхъ тѣхъ, кто по незнанію попадетъ въ ловушку. Это конечно хитрость ловкихъ людей; но есть ли тутъ чѣмъ хвастаться въ депешѣ, офиціально напечатанной?» [1]).

Послѣ пораженія Корнваллиса императрица пишетъ: «Мой братецъ суконщикъ испытывалъ тридцать-шесть несчастій арлекина». Наконецъ она не разъ проситъ Гримма не говорить ей о Георгѣ, котораго одно имя волнуетъ ей кровь. О принцѣ Вельсскомъ, будущемъ королѣ Георгѣ IV, Гриммъ сообщаетъ слѣдующій слухъ изъ Спа: «Другой фактъ, который я къ великому моему удивленію узналъ здѣсь и съ которымъ согласны всѣ, и оппозиція и партія двора—это поведеніе принца Вельсскаго, утопающаго въ распутствѣ и грязи, и погруженнаго въ нихъ по уши. Это должно быть очень тяжело господину папашѣ, гражданину и христіанину, и мнѣ доброму гражданину также огорчительно» [2]).

Густавъ въ 1780-мъ году путешествовалъ по Европѣ и пожелалъ посѣтить Францію, но пріѣздъ его учтиво отклонили. Тогда онъ отправился на воды въ Спа, гдѣ праздновалъ день св. Александра Невскаго съ бывшими тамъ русскими кавалерами и дамами и гдѣ выигралъ въ «trente et quarante». Екатерина, узнавъ это, шуточно замѣчаетъ: «Графъ Гага (Haga) — подъ этимъ именемъ Густавъ путешествовалъ по Европѣ — выигралъ въ Спа чѣмъ заплатить за свое путешествіе: въ первый разъ подобный выигрышъ обратится въ пользу государства [3]). Въ іюнѣ 1782 г. предполагалось свиданіе между Екатериной II и Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, но оно было отсрочено, и мы читаемъ въ письмѣ государыни отъ 7 іюня: «Вотъ мое фридрихсгамское путешествіе разстроено или отложено, потому что шведскій герой по неловкости и оттого, что онъ плохой наѣздникъ,

---

[1]) Тамъ же, 134, 135.
[2]) Тамъ же, 226.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

упалъ съ лошади и переломилъ себѣ лѣвую руку накось между плечомъ и локтемъ; съ этимъ прекраснымъ извѣстіемъ онъ прислалъ мнѣ своего камеръ-юнкера. Я велѣла сказать ему, что обошлась бы безъ подобной новости; я люблю хорошія, а не дурныя вѣсти» [1]).

Поѣздка въ Фридрихсгамъ состоялась однако недѣли черезъ двѣ, и государыня въ августѣ писала: «Кажется, я забыла сказать вамъ, что этимъ лѣтомъ я имѣла въ Фридрихсгамѣ свиданіе съ моимъ милымъ братцемъ, дономъ Густавомъ, который явился одѣтымъ по-испански, съ подвязанной рукой, потому что онъ вывихнулъ или сломалъ ее передъ тѣмъ въ своемъ лагерѣ, въ Тавастгусѣ. Болѣе всего казалось мнѣ странно — мнѣ, окруженной мундирами,—что изъ шведскаго лагеря наѣхало множество офицеровъ лучшихъ фамилій Швеціи, которые безпрестанно проходили подъ моими окнами, такъ какъ Фридрихсгамъ длиною не болѣе 260 сажень, и когда я спрашивала шведскаго короля: Что вы мнѣ ихъ не приведете? я бы желала видѣть ихъ поближе, онъ мнѣ отвѣчалъ: «У нихъ нѣтъ приличнаго платья, чтобъ предстать предъ вами». А подъ этимъ приличнымъ платьемъ разумѣлось то, чтобъ снять шведскій мундиръ и надѣть испанскій костюмъ, черный съ пунцовымъ. Мнѣ надоѣли эти фокусы и я поступила вотъ какъ: по мѣрѣ того какъ они проходили, я въ его присутствіи разговаривала съ ними изъ оконъ моихъ комнатъ, которыя были внизу. Я видѣла графа Крейца, пріѣхавшаго изъ Парижа прямо въ Финляндію; у этого не было кармана въ его испанскомъ камзолѣ, такъ что онъ принужденъ былъ класть въ шляпу то, что обыкновенно кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ несносенъ этотъ испанскій нарядъ. NB Мои люди имѣли глупость взять со мною только мундирное платье, какое я всегда ношу въ путешествіяхъ; такимъ образомъ дворы россійскій и шведскій представляли полнѣйшую противоположность» [2]).

---

[1]) 280.
[2]) 282, 283.

Лѣтомъ 1784 года Густавъ опять разъѣзжалъ по Европѣ. «Вообразите», говоритъ государыня Гримму, «что пока Густавъ разъѣзжаетъ по Европѣ, не пропуская ни одного бала, въ странѣ его положительно голодъ и въ нѣсколькихъ провинціяхъ въ буквальномъ смыслѣ, множество людей умерло съ голода; наши сѣверныя области могли бы очутиться въ томъ же положеніи, еслибъ не было запасныхъ магазиновъ, которые прокормили весьма многихъ, такъ какъ прошлогодній урожай былъ очень плохъ на сѣверѣ до 56°... Чтожъ вамъ сказать о такомъ королѣ? Вы видите его лицомъ къ лицу; если хотите заставить его зѣвать; говорите съ нимъ о чемъ нибудь серьезномъ, выразите при немъ дѣльное сужденіе; но если хотите овладѣть имъ, станьте спиной къ зеркалу, и говорите съ нимъ о стишкахъ, пѣсенькахъ, о театрѣ и нарядахъ, и онъ, любуясь на себя въ зеркало, долго васъ не покинетъ. Если онъ вамъ станетъ говорить, что любитъ меня, ни вѣрьте ему: мы сходимся какъ кругъ и четырехъугольникъ. Пиковый король разсѣянъ и льстивъ; онъ казался мнѣ не въ своей тарелкѣ и стѣсненъ съ дворомъ шведскимъ гораздо болѣе чѣмъ съ русскимъ» [1]). Когда же Гриммъ сообщаетъ государынѣ лестные отзывы о ней Густава, она отвѣчаетъ: «Вы можете быть увѣрены, что не смотря на все, что г. Гага можетъ сказать обо мнѣ, я для него прескучная особа, скучная до зѣвоты; только онъ не смѣетъ этого высказать, ппотому что мы имѣемъ слабость показывать, что цѣнимъ тѣхъ, кого другіе цѣнятъ, хотя въ глубинѣ души намъ это наскучаетъ и мы всего менѣе таковы, какими желаемъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы ежедневно старались отъ 4-хъ до 6-ти часовъ сидѣть взаперти съ вашей покорнѣйшей слугою. И Богъ знаетъ зачѣмъ: чтобъ казаться быть запертымъ съ нею. Мы говорили, говорили, переливали изъ пустого въ порожнее и вашъ покорнѣйшій секретарь, видя его зѣвающимъ, чтобъ положить конецъ болтовнѣ, отворялъ дверь, какъ только чуялъ въ прихожей приближеніе человѣка, чтобъ

---

[1]) 305.

избавить ихъ величества шведское и русское отъ этихъ скучнѣйшихъ сидѣній съ глазу на глазъ; это заставляло меня потѣть до смерти и не мало способствовало тому, что я прошедшимъ лѣтомъ схватила насморкъ, который продолжался цѣлыхъ шесть дней... Со всѣхъ сторонъ намъ говорятъ, что шведскій король хочетъ завладѣть Норвегіей; если это безумное предпріятіе приведется въ исполненіе, Россія будетъ вынуждена утереть носъ дону Густаву» [1]).

Такое полное неуваженіе къ личности Густава усиливалось еще свѣдѣніями Екатерины о томъ, что онъ получалъ деньги то отъ Франціи, то отъ Турціи и Англіи, чтобъ вредить Россіи по сосѣдству. Во время путешествія его по Европѣ въ 1785 году Екатерина писала Гримму: «Право, если г. Гага выловилъ въ какомъ-нибудь кошелькѣ средства къ покрытію издержекъ на свои путешествія, то только не въ моемъ, а если онъ это сказалъ, то передайте ему, что́ я говорю: — онъ лжетъ какъ зубной рвачъ и не первый разъ я на дѣлѣ ловлю его во лжи» [2]).

Вообще государыня въ своихъ отзывахъ часто соединяетъ Георга и Густава подъ однимъ именемъ Gegu и относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ ихъ политикѣ. Такъ въ 1784 году она говоритъ: «Извѣстно, что конторы братьевъ Г. понесли только потери; оттого мы и не смѣшиваемъ своихъ акцій съ акціями этихъ людей» [3]). О своемъ разочарованіи въ Англіи и ея государственныхъ людяхъ она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Со времени скандаловъ Жоржа Гордона я перехожу къ глубокому молчанію обо всемъ касающемся этой страны, которая была однимъ изъ моихъ коньковъ, какъ говорилъ покойный Тристрамъ Шанди; эти безумцы полагали, что они и у меня могутъ произвести великій скандалъ; кто бы могъ подумать, что у этихъ глубокихъ мыслителей случаются вещи, не имѣющія ни хвоста, ни головы?» [4]).

---

[1]) 312—314.
[2]) 370.
[3]) 297.
[4]) 190, 191.

О современникѣ своемъ Донъ-Карлосѣ испанскомъ Екатерина была невысокаго мнѣнія и не разъ подшучивала надъ его неудачными военными дѣйствіями. Такъ отъ 10-го декабря 1782 г. она пишетъ; «Кто не знаетъ, что король испанскій гнѣвается на Іезуитовъ? его увѣрили, что они распространяютъ, будто онъ незаконнорожденный; но развѣ, онъ все-таки не испанскій король при этомъ? законный ли онъ, или незаконный, я утверждаю, что неправда будто онъ незаконный, потому что обыкновенно незаконныя дѣти лучше выдерживаютъ осады, чѣмъ онъ при Гибралтарѣ; они также бываютъ счастливѣе на войнѣ, нежели онъ былъ въ Африкѣ, противъ Алжира и пр. и пр. Сами дополняйте чего недостаетъ» [1]).

По поводу взятія Англичанами Гибралтара, государыня говоритъ: «Поздравляю васъ съ блестящими побѣдами соединеннаго флота и удачной осадой Гибралтара. Я отъ природы не завистлива, однако завидую братцу Георгу, что онъ имѣетъ Роднея, Гова, и героя Элліота, а у васъ и у Испанцевъ я ничему не завидую» [2]).

Отношенія Россіи къ Турціи за этотъ періодъ времени опять начинаютъ быть натянутыми, и въ апрѣлѣ 1783 г. императрица пишетъ: «Господинъ Абдулъ-Гамидъ дѣлаетъ мнѣ непріятные сюрпризы; онъ распорядился занять Кубань и островъ Тамань и объявилъ всѣхъ жителей своими подданными; это несноснѣйшее дѣло и противное всѣмъ союзамъ: невозможно, чтобъ я позволила у себя на носу такъ хозяйничать. Вы знаете, что никогда ни одинъ нѣмецъ этого не терпитъ и что болѣе всего онъ заботится о своемъ носѣ. Это поглощаетъ все мое вниманіе» [3]).

Англичане, раздраженные противъ Екатерины объявленіемъ вооруженнаго нейтралитета, дѣятельно подстрекали Порту противъ Россіи, такъ что слухи о войнѣ распространялись и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ сама императрица: «Кстати,

---

1) 265.
2) 261.
3) 277.

въ городѣ тó говорятъ что у насъ будетъ война съ Турками, тó что ея не будетъ: я объ этомъ знаю не болѣе чѣмъ публика; будетъ что будетъ!» [1])

Гримма вѣроятно также тревожили эти слухи, ибо онъ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ объ умиротвореніи Европы, и то серьезно, то шутя, всячески старался отклонить мысли государыни отъ новой войны съ Турціей. На его доводы и опасенія императрица отвѣчаетъ: «Ну, господинъ статскій совѣтникъ, за что же вы сердитесь? Совѣтуйте сколько угодно, я ничего противъ этого не имѣю. Но прежде всего я должна поговорить съ вами обстоятельно на счетъ вашего добраго друга и протеже синьора Абдулъ-Гамида, чтобъ вы по крайней мѣрѣ знали дѣло такъ же какъ и я. Онъ можетъ-быть и очень красивый малый, я противъ него не питаю никакой злобы, но вотъ въ чемъ дѣло. По миру въ Кайнарджи я уступила Крымъ и пр. съ условіемъ, чтобъ онъ былъ свободенъ и независимъ. Съ 1774 по 1779 г. Порта не переставала возбуждать волненія въ Крыму и постоянно нарушала эту независимость; доказательство тому конвенція въ Али-Кавакѣ, окончившая въ 1779 г. весь шумъ и вооруженія, которыя при этомъ происходили. Эта конвенція осталась неприкосновенною, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, которыя мы не станемъ перечислять, потому что они того не стóятъ; въ 1782 году Порта послала въ Суджакъ, — гдѣ никогда не было паши, — подстрекателя о трехъ бунчукахъ. Черезъ три дня послѣ его прибытія, вдругъ двое братьевъ хана, получивъ разрѣшеніе этого подстрекателя, садятся на коней и подымаютъ знамя возстанія противъ своего брата. Паша, увидѣвъ ихъ на такомъ прекрасномъ пути, посылаетъ тогда на Кубань къ Черкесамъ, въ Тамань объявить всѣмъ этимъ племенамъ, что они впредь будутъ принадлежать султану, его высокому повелителю; въ Тамани онъ приказалъ отрубить голову ханскому агѣ, который былъ посланъ попросить у него объясненія насчетъ всѣхъ

[1]) 280.

этихъ дѣяній. Кажется, невозможно требовать, чтобъ Россія осталась равнодушной зрительницей подвиговъ высокой Порты: надо было каждую минуту вооружаться по прихоти божественнаго властелина суджакскаго паши [1]); Россія пожертвовала Крымомъ и всѣми своими завоеваніями желанію мира; но такое состояніе не есть миръ. Понесенныя издержки не преувеличиваются, когда ихъ оцѣниваютъ въ двѣнадцать милліоновъ; итакъ надо было дать дѣламъ этимъ другой оборотъ; если боятся Россіи, то не надо постоянно интриговать противъ всего, что она предпринимаетъ Этимъ торговымъ союзомъ насъ старались умаслить, тогда какъ пашѣ суджакскому давали полную волю, такъ хорошо снабдивъ его деньгами и оружіемъ, что едва братья хана выступили въ походъ, турецкія деньги нашлись въ изобиліи, — дѣло невиданное съ самаго заключенія мира, а обезоруженные Татары очутились вооруженными. Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ; я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ; можетъ-быть, Абдулъ-Гамиду неизвѣстны интриги дивана и компаніи [2]), но меня не проведутъ. Отъ высокой Порты зависитъ вполнѣ окончить все безъ шума, если это ей не по вкусу... Маленькая дура и большая смотрятъ съ великимъ спокойствіемъ на то, будетъ ли миръ или война, только у васъ кричатъ, потому что у васъ не Христіане, а Турки. Бѣдные люди! надо думать что они очень счастливы съ этимъ большимъ другомъ; еслибъ я была на ихъ мѣстѣ, я знаю, чтó бы сдѣлала; я осталась бы христіанкою и получила бы отъ того выгоды; я часто видѣла какъ въ политикѣ, да и во многомъ другомъ, олицетворяется басня собаки и тѣни» [3]).

Послѣ пріѣзда въ Россію графа Сегюра императрица шутила такъ: «Если г. Сегюръ будетъ болѣе любить великаго Турка нежели меня, онъ будетъ совсѣмъ не правъ, потому что я въ самомъ дѣлѣ гораздо любезнѣе этого человѣка; вотъ и теперь, пока этотъ неучъ дюжинами снимаетъ головы, посмотрите какія

---

[1]) Т. е. султана.

[2]) Т. е. происки европейской дипломаціи.

[3]) 287, 288.

я хорошенькія сочиняю газеты; прочтите-ка мои извѣстія, и тогда рѣшайте между Абдулъ-Гамидомъ и мною. Не правда ли я заслуживаю предпочтенія, хотя бы только за это» [1]). «Я очень рада что вы довольны моими декларацiями. Я всегда стараюсь избѣжать двухъ вещей: первое, сказать слишкомъ много, второе, сказать сухо, чтó всѣмъ не нравится и стало-быть не располагаетъ въ мою пользу. Впрочемъ, истинная правда, что призраки, созданные въ насмѣшку и въ воображенiи, должны исчезнуть и хорошо бы было не слишкомъ обращать на это вниманiе. Я очень довольна, что Марабу со своею рѣзней внушили вамъ къ себѣ большое отвращенiе и я тоже его чувствую и требую чтобъ вы любили меня больше нежели ихъ» [2]). На шуточный же совѣтъ Гримма съѣздить въ Константинополь государыня говоритъ въ концѣ 1785 г.: «Въ Херсонь я надѣюсь ѣхать въ концѣ 1786 г., но о путешествiи въ Константинополь можно ли думать? Туда надо итти въ хорошей и многочисленной компанiи. Одна мысль объ этомъ, какъ неисполнима она ни должна бы казаться, поднимаетъ однако желчь вашихъ политиковъ, отчаянно влюбленныхъ въ Марабу и дружески преданныхъ покровительству имъ. Эти Марабу такъ имъ близки и дороги, что нѣтъ случая, при которомъ они не сообщали бы мнѣ устно и письменно, что они всячески будутъ охранять цѣлость этихъ прелестныхъ Марабу. Думаютъ ли они внушить мнѣ этимъ страхъ, думаютъ ли помѣшать мнѣ дѣлать то, чего требуетъ польза моей имперiи? Что они этимъ производятъ? Они только удаляютъ отъ себя мою душу, и пусть будетъ, что будетъ! И чего могу я ожидать отъ людей, которые безпрестанно твердятъ мнѣ: естественные враги вашего государства—наши самые дорогiе друзья и благопрiятели, которыхъ мы обожаемъ, поддерживаемъ. Я на это могу отвѣчать: друзья моихъ естественныхъ враговъ не могутъ быть моими друзьями и я имъ низко откланиваюсь» [3]).

---

[1]) 346.
[2]) 359.
[3]) 370, 371.

Не заключается ли въ этихъ замѣчательныхъ выдержкахъ и въ знаменательныхъ словахъ Екатерины все прошедшее, настоящее и будущее нашего положенія относительно Европы по вопросу о Турціи и Христіанахъ Балканскаго полустрова? «Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ, я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ и меня не проведутъ»: вотъ отвѣтъ Екатерины на интриги европейской дипломаціи въ восточномъ вопросѣ, и мирное присоединеніе Крыма доказываетъ, что не твердая, самостоятельная политика вызываетъ войну и заставляетъ проливать потоки крови.

Отстаивая независимое положеніе Россіи на всѣхъ совѣтахъ Европы, Екатерина обращала не менѣе зоркое вниманіе и на всѣ враждебныя выходки противъ Россіи въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ и часто отражала ихъ въ письмахъ къ Гримму, зная конечно, что такимъ образомъ мнѣнія ея всего вѣрнѣе будутъ узнаны и произведутъ должное впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, выписывая черезъ Гримма Живописное путешествіе по Греціи, она, по полученіи нѣсколькихъ выпусковъ его въ 1780 г., пишетъ: «Въ этомъ сочиненіи на каждомъ шагу видно враждебное настроеніе Шуазэля и компаніи противъ Россіи. Малѣйшее и невиннѣйшее обстоятельство тотчасъ подаетъ поводъ къ эпиграммамъ и разнымъ нападкамъ, напоминающимъ тѣ сто тысячъ пасквилей, которые противъ насъ печатаютъ и которые однако не помѣшали намъ совершить все то, что мы совершили. Но поднимать глупости значитъ увеличивать ихъ число; надо ихъ презирать. Необходимо только замѣчать изъ нихъ каково настроеніе умовъ, особливо же какова ненависть къ русскому имени» [1]).

Мы уже ранѣе говорили, что императрица, составляя исторію Россіи для внучковъ своихъ, говорила, что это будетъ служить противоядіемъ тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россію. Великая монархиня умѣла относиться къ исторіи и судьбамъ своего народа съ тою же горячей любовью, которая вдохновляла

---

[1]) 180.

позже нашего незабвеннаго исторіографа въ его безсмертномъ трудѣ.

Когда Гриммъ въ 1780 году доставилъ императрицѣ одно политическое посланіе изъ Америки, то она отвѣчала:

«Что касается до вашихъ американскихъ грамотъ, избавляю васъ отъ труда посылать мнѣ ихъ, потому что я ихъ присоединяю къ числу тѣхъ 365 листковъ исполненныхъ лжи и клеветъ, которые еженедѣльно издаются въ Европѣ....

«Благодарю г. Мятлева и васъ за американскую грамоту, исполненную весьма неразумныхъ декларацій и слишкомъ большой и неумѣстной смѣлости; я разъ навсегда знаю чего держаться и не притронусь къ ней; притомъ у меня менѣе чѣмъ когда-либо времени на чтенія почти безполезныя» [1]).

Гриммъ отвѣчалъ такъ: «Ваше величество, не въ укоръ будь сказано, позволяете себѣ нѣсколько неуважительное отношеніе къ моимъ американскимъ грамотамъ. Вотъ благодарность человѣку за то, что онъ, изъ одной чести употребивъ немножко чернилъ и перо, желаетъ сдѣлать въ другомъ полушаріи что-нибудь могущее привлечь взоры Минервы посѣщаемой! Если такъ, то Минерва упрямая не получитъ ничего, ни журнала осады Чарлстоуна, ни другихъ прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ могла бы извлечь наслажденіе. Правда, Чарлстоунъ былъ взятъ, и журналъ осады является горчицей послѣ ужина, но дорогая мать родина [2]), кажется нисколько не подвинулась впередъ съ своими непокорными дочерьми. Среди 365 тысячъ лживыхъ слуховъ, распространяемыхъ въ Европѣ и Америкѣ, у многострадальнаго въ головѣ есть нѣсколько вѣчныхъ истинъ, которымъ онъ не измѣнитъ. Напримѣръ: процессъ между маменькой и непокорными дочерьми непоправимъ, и маменька вполнѣ заслужила его своей рѣдкой и удивительной глупостью. Если бъ у нея оставалась хоть одна крошка мудрости, она сказала бы: Дѣти мои, мы не должны жить вмѣстѣ. Ваша мать поражена была ослѣпленіемъ и ей есть что

---

[1]) 183.

[2]) Англія.

оплакивать во всю остальную жизнь свою, но забудьте прошедшее, и посмотримъ не можемъ ли мы—послѣ того, что разстроили свое хозяйство съ отвратительнымъ скандаломъ — быть сосѣдями и жить согласно. Другая истина того же многострадальнаго: что умиротвореніе Европы невозможно безъ приглашенія всемогущей и пресвѣтлѣйшей профессорши вооруженнаго нейтралитета явиться со своимъ морскимъ уставомъ подъ мышкой, открыть его, перелистовать и указать, какимъ способомъ, по ея мнѣнію, могутъ быть впослѣдствіи ограждены права рода человѣческаго. Но, кстати, вотъ русское купеческое судно задержано и взято англійскимъ флотомъ, и стало-быть вооруженный нейтралитетъ уничтоженъ. Если онъ воскреснетъ, то не изъ своего пепла, потому что меня увѣряютъ, что русскій корабль уже возвращенъ. Правда, наша императрица, говорятъ люди изъ Риги и изъ Нарвы, самая учтивая женщина на свѣтѣ. Она пальцемъ своимъ вяжетъ для церкви, но никогда никому не грозитъ. Онъ всегда у нея прямо подъ носомъ. Я думаю — чтобъ хорошо кончить на этомъ свѣтѣ, надо держать палецъ прямо, а умъ вкось. Что думаетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ? [1]).

Въ началѣ 1781 года Гриммъ опять прислалъ императрицѣ слѣдующее сообщеніе изъ Америки, доказывающее какое обаяніе соединялось съ именемъ Екатерины во всѣхъ концахъ міра, и какъ она умѣла привлечь къ себѣ всѣ взоры:

«Я хотѣлъ закончить подвигомъ покаянія и поручить себя императорскому милосердію; но вотъ вдругъ приходитъ посланіе изъ Америки, и еще вполнѣ свѣжее, такъ какъ всего только мѣсяцевъ семь, какъ оно въ дорогѣ. О, на этотъ разъ ваше величество не ускользнете отъ него. Этотъ филадельфійскій корреспондентъ, которымъ я обязанъ единственно своей августѣйшей государынѣ, каждую минуту душитъ меня толстыми пакетами, заключающими журналы конгресса и всего, что случается въ этой странѣ, не считая кучи американскихъ газетъ. Я глотаю

---

[1]) Письма Гримма 66, 67.

все это, пакетъ за пакетомъ, не говоря о томъ ни одного слова вашему величеству; но послѣднее выходитъ изъ границъ смѣха; это не бюллетень, не газета: это грамота. О, императрица пусть попробуетъ этого, хотя только для того, чтобъ дать ему мѣсто въ каминѣ — моемъ архивѣ. Однако это весьма забавная вещь — встрѣтить человѣка не надѣющагося никогда сдѣлаться извѣстнымъ вашему величеству и которому я никогда не пишу, думая тѣмъ отвратить его, а между тѣмъ онъ не находитъ бо́льшаго счастія въ Филадельфіи какъ извѣщать императрицу объ американскихъ дѣлахъ, о которыхъ она, въ свою очередь, ничего не знаетъ. И не странно ли, что американскія амазонки въ порывѣ патріотизма, сославшись на библію, говорятъ между собою, чтобъ подогрѣть себя, о Фалестрисѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ? [1]).

Въ іюнѣ 1781 года Екатерина возвѣстила Гримму о поѣздкѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны за границу въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ изъ Царскаго Села: «Вотъ я вернулась сюда и останусь здѣсь долго, чтобъ привить въ сентябрѣ оспу своимъ внучкамъ (великимъ князьямъ Александру и Константину), послѣ чего отецъ ихъ и мать, выразившіе мнѣ большое желаніе путешествовать, съ дозволенія моего поѣдутъ черезъ Москву и Кіевъ въ Вѣну, оттуда въ Италію, потомъ направятся въ Монбельяръ и возвратятся черезъ Дрезденъ кратчайшимъ путемъ въ Ригу... [2]) Прошу васъ сказать аббату Галіани и Рейфенштейну, что они увидятъ въ Неаполѣ и Римѣ графа и графиню Сѣверныхъ (Du Nord). Великій князь и великая княгиня выѣзжаютъ отсюда 16 или 17 (сентября) въ Вѣну, а оттуда поѣдутъ въ Италію» [3]).

Они выѣхали однако только 27 сентября. Когда они направлялись въ Италію, императрица писала: послѣднія письма отъ графа и графини Сѣверныхъ были изъ Болоньи; они ѣхали въ Римъ, а оттуда въ Неаполь. Смотрите пожалуйста, куда сѣвер-

---

1) Тамъ же, 178, 179.
2) *Сб. И. О.* XXIII, 214.
3) 219.

ные люди забираются; я полагаю, что они для своего удобства нигдѣ не обѣдаютъ и не ужинаютъ: въ нашемъ семействѣ не любятъ длинныхъ обѣдовъ и ночныхъ бдѣній; за то мы очень ранніе птицы» [1]).

Въ мартѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Праздники въ Венеціи, данные графу и графинѣ Сѣвернымъ были великолѣпны. Вотъ уже полгода какъ они гуляютъ; но они будутъ очень удивлены по возвращеніи своемъ замѣчательными успѣхами Александра» [2]). Какъ государыня наслаждалась своими внучками въ отсутствіи ихъ родителей и съ какой нѣжной заботливостью входила во всѣ мельчайшія подробности ихъ воспитанія — уже приведено нами годъ за годъ. Рейфенштейнъ оказался боленъ припадкомъ подагры во время пребыванія августѣйшей четы въ Римѣ, и Екатерина выражаетъ сожалѣніе, что онъ не могъ ходить съ ними на колокольни и соборы папской столицы. Въ Парижѣ графъ и графиня, по словамъ Гримма, имѣли большой успѣхъ и государыня отвѣчаетъ на это: «Признаюсь вамъ безъ обиняковъ, то что вы мнѣ писали о ихъ успѣхѣ превзошло мои ожиданія; благодарю васъ за сообщаемыя вами подробности, онѣ доставили мнѣ большое удовольствіе. Правда, что графиня пишетъ, что нашла васъ очень пополнѣвшимъ. Я думаю, и вы бы могли ей отвѣтить тѣмъ же... Очень рада, что вы довольны пріемомъ, который они оказали вашей милой Эмиліи» [3]).

Въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и его супруги было въ Парижѣ засѣданіе Французской академіи. Въ немъ Лагарпъ (критикъ), котораго Екатерина считала бездарнымъ, прочелъ свое посланіе (épître à M. le comte du Nord), называя въ немъ своего высокаго гостя Петровичемъ, а аббатъ Арно читалъ характеристику Юлія Кесаря (le portrait de César). Вотъ какъ отозвалась объ этихъ чтеніяхъ императрица. «Вы хорошо выразились, что *потерлись* о безсмертіе на ака-

---

[1]) 228.
[2]) 231.
[3]) 241, 242, 247.

демическомъ собраніи, открывшемся стихами г. Лагарпа; а онъ *потерся* о гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одного не запомнишь. Ахъ, мой учитель, мой учитель! [1]) Тебя заучивали противъ воли, и запоминался ты и приводился и переписывался даже тѣми, кто бы не раздѣлялъ твоихъ мнѣній. Вотъ что значитъ плѣнять умы, побѣждать мнѣнія! А портретъ Кесаря въ прозѣ — это самый жалкій остовъ, какой я когда-либо читала; позволительно ли унижать душу, которую не понимаешь? Мой учитель возбудилъ бы восторгъ къ великимъ и славнымъ дѣяніямъ и извлекъ бы, высосалъ бы добродѣтель изъ самого порока, а этотъ изображаетъ порочными дѣянія славныя и высокія; это глупо и плохое средство возвышать и окрылять душу; оно напротивъ способно низвести ее ниже посредственности: я не только не чувствую состраданія къ такимъ людямъ, но умъ мой негодуетъ, что подобныя головы являются ораторами, тогда какъ они только риторы. Я бы наговорила имъ дерзостей, еслибъ меня не удерживало размышленіе, что этимъ не образумишь никого. Не эгоистамъ изображать характеры великихъ людей; Кесарь не былъ эгоистомъ; онъ былъ вырванъ изъ узкой сферы себялюбія своимъ геніемъ и мужествомъ. Онъ стремился къ славѣ, не взирая ни на что и поклонялся только этому идолу, а себя не оберегалъ, тогда какъ эгоистъ всегда себя оберегаетъ» [2]). 20 ноября 1782 года императрица извѣщала Гримма о возвращеніи путешественниковъ.

Дѣла внутренняго управленія.

Дѣятельность Екатерины по законодательству и дѣламъ внутренняго управленія съ годами пріобрѣтала все бо́льшую силу и поглощала все болѣе времени, что иногда отражалось и на перепискѣ ея съ Гриммомъ. Не только письма становились все сжатѣе по выраженію мыслей, но они писались постепенно, иногда

---

[1]) Вольтеръ.
[2]) 248.

только по нѣскольку строкъ въ день и отсылались уже тогда, когда накоплялось достаточно интереснаго матеріала. Случилось разъ, что государыня цѣлыхъ три мѣсяца не писала Гримму, а онъ въ то время былъ очень серьёзно боленъ и послѣ болѣзни писалъ ей слѣдующія строки, которыя кстати привести здѣсь, такъ какъ онѣ чрезвычайно хорошо характеризуютъ тонъ переписки: «Надо теперь отдать отчетъ вашему величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была во Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я опять таки не иначе могу назвать какъ прелестной, небесной и незабвенной, я конечно исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобъ дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ огорченій, которыми небесная благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностью и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ. Она хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе шести недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался ни при чемъ, я сказалъ себѣ: ты бѣдный цвѣточекъ долженъ теперь увянуть, по-

тому что твоя небесная садовница тебя забыла. Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ чуть не доконалъ меня. Онъ явился передо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобъ кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣжить увядающій цвѣтокъ; рука императрицы съ нимъ... Ничуть не бывало; мой гувернеръ Тиръ пріѣхалъ изъ Штутгарда и Монбельяра, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну нѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ, по имени Принчипати (потому что ангелъ значитъ вѣстникъ), вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншень приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ вывести его изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, передъ которымъ я простираюсь ницъ двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншеня никакъ не достигло бы своей цѣли [1]).

Получивъ эту іеремиаду отъ Гримма, императрица объясняетъ ему, почему она рѣже пишетъ, говоря что зато пишетъ ему не письма, а цѣлыя тетради и при томъ такъ много занимается законодательствомъ, что перо не выходитъ у нея изъ рукъ. Тогда

[1]) Письма Гримма 90, 91, 92.

Гриммъ, убѣдившись въ истинѣ ея словъ, отвѣчаетъ: «А покамѣсть я съ тоскующей душей обращаюсь направо и налѣво и ищу кого-нибудь, кто могъ бы дать мнѣ извѣстіе о той, которой одинъ взглядъ можетъ осчастливить судьбу мою, я съ утѣшеніемъ слышу отовсюду: императрица въ превосходномъ здравіи; она работаетъ съ бо́льшимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, ничто не можетъ ни остановить, ни замедлить эту неистощимую ревность къ славѣ и благоденствію имперіи. Да, это мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, потому что я всегда зналъ ее за упрямую голову, и гдѣ она разъ закуситъ, тамъ ужъ и продолжаетъ»[1]).

Мы уже ранѣе упоминали, что государыня постоянно сообщала Гримму о ходѣ своихъ законодательныхъ работъ и приготовленіи къ нимъ и разсказала ему, какъ она занемогла, по ея выраженію, «отъ законодательной маніи». Не разъ говоритъ она также, что изученіе датскихъ законовъ изсушило ей мозгъ. Но уже въ самомъ началѣ переписки замѣтно, что англійское законодательство болѣе другихъ увлекало Екатерину. Особенно часто называетъ она писателя Блекстона[2]) своимъ вдохновителемъ и неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній и мыслей, прибавляя впрочемъ, что ничего не беретъ изъ него готоваго, а только тянетъ оттуда свою нить, которую разматываетъ по своему[3]). Осенью 1779 г. она пишетъ, что въ извѣстныя времена года у нея усиливается законодательная манія и въ этотъ годъ упорнѣе чѣмъ когда-либо. «Императрица чрезвычайно уединяется съ нѣкоторыхъ поръ», говоритъ она о себѣ. «Она не имѣетъ ни минуты свободной. Она суетится, не двигаясь съ мѣста; двадцать-четыре часа для нея слишкомъ коротки. Она много пишетъ и читаетъ, никуда не поспѣваетъ, работаетъ безъ устали, однако менѣе чѣмъ желала бы. Громадное количество бумажнаго хлама занимаетъ

---

[1]) 138.

[2]) William Blackstone профессоръ въ Оксфордѣ по каѳедрѣ гражданскаго и политическаго права, издалъ въ 1765 г. свои лекціи подъ заглавіемъ Записокъ объ англійскихъ законахъ. Это сочиненіе впослѣдствіи много разъ издавалось съ дополненіями и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 52.

три полки, ничто не готово, многое переписано, другое только на половину, одна матерія переплетается съ другою, обширные матеріалы собраны со всѣхъ сторонъ и готовы пойти въ дѣло» [1]).

По возвращеніи изъ Бѣлоруссіи осенью 1780 г. государыня пишетъ, что покинула для этого письма толстый фоліантъ, изъ котораго дѣлаетъ выписки: «Не во гнѣвъ вамъ будь сказано, этихъ выписокъ сдѣлано уже восемьдесятъ страницъ. Не думайте спрашивать, къ чему эти выписки, потому что тогда я должна буду сказать вамъ: для того чтобъ выписывать, а потомъ употребить это на другую большую работу. О, зато я работаю какъ оселъ и вотъ три, четыре, пять, шесть лѣтъ какъ это такъ продолжается, а что изъ этого выйдетъ, не знаю» [2]). Въ началѣ 1781 года она опять жалуется, что дѣла законодательныя оставляютъ ей мало свободнаго времени, и Богъ знаетъ какъ еще у нея разрываютъ это время. «Теперь, когда большое дѣло приходитъ къ концу, подробности подробностей принимаютъ такой объемъ, что едва силъ хватаетъ, но я не жалуюсь; я надѣюсь, что все это будетъ хорошо, полезно, разумно и мудро [3]). А покамѣстъ Эмилія (Belzunce) и вы даете балы, на которыхъ всѣ Русскіе и даже княгиня Дашкова присутствуютъ, знайте что я, какъ истый бука, все съ перомъ въ рукѣ, составляю томы, и испуганная толщиной этихъ томовъ, иногда порываюсь бросить ихъ въ огонь; но, правда, это было бы жаль, потому что оно и хорошо и очень обдумано. Вѣроятно, это не можетъ быть короче» [4]).

Плодомъ такихъ приготовительныхъ работъ были многія важныя узаконенія этого времени. Въ маѣ того же года государыня извѣщаетъ Гримма, что въ этомъ мѣсяцѣ она издастъ три законоположенія, изъ которыхъ одно подписано, другое переписывается, а третье проходитъ черезъ очищающій огонь ея секретарей. Подъ этими узаконеніями надо, кажется, разумѣть: новое

---

1) 166.
2) 185.
3) 196, 197.
4) 201.

расписаніе губерній (іюля 13-го), уставъ о соли (іюля 16) и уставъ купеческаго судоходства (іюля 25). При этомъ государыня хвалится, что узаконенія ея прививаются такъ хорошо, что когда законъ принялъ форму и вошелъ въ жизнь, никто болѣе не говоритъ о немъ, всякому кажется, что оно такъ и должно быть и не можетъ быть иначе, потому что законъ никого не тѣснитъ, не тяготитъ. Около этого же времени Гриммъ напоминалъ ей о приближеніи двадцатилѣтія ея царствованія. Онъ даже заранѣе прислалъ ей къ такому празднеству музыку извѣстнаго Филидора (партитура Carmen Saeculare) и совѣтовалъ выбрать день восшествія на престолъ для этого торжества, прибавляя: «Если столѣтнія игры будутъ праздноваться нынѣшній годъ, онѣ ознаменуютъ двадцатый годъ волшебнаго царствованія; если онѣ будутъ отложены до будущаго года, ими будетъ заключенъ этотъ двадцатый годъ; какимъ бы образомъ ихъ ни праздновали, это будетъ празднество не безъ значенія и характера. И если императрица счастливо и славно процарствовала два десятилѣтія, не почувствовавъ даже на четверть часа скуки (что однако есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ царственныхъ болѣзней), неужели она не захочетъ устроить праздника Божественному Провидѣнію[1])? Императрица отвѣчала на это: «Я не думаю праздновать двадцатилѣтіе моего царствованія болѣе, чѣмъ какой-либо другой годъ: праздники, мнѣ въ тягость, если они не происходятъ по какому нибудь особенно выдающемуся случаю, и я вовсе не люблю *себя* праздновать. Когда я издамъ какой-нибудь *хорошій законъ*, то вотъ мой праздникъ и я ему радуюсь. Какъ хотите вы чтобъ я скучала? Я всегда занята, только праздники для меня скучны[2]). Наше двадцатилѣтнее царствованіе отпразднуется только благодарственными молитвами, и вотъ какъ надо праздновать такіе дни; это милосердый даръ еще одного года, и больше ничего»[3]). Свое двадцатитрехлѣтнее царствованіе государыня помянула слѣдую-

[1]) Письма Гримма 142.
[2]) 206.
[3]) 253.

щими словами, писанными изъ Петергофа: «Вотъ двадцать-три года царствованія исполнились. Однако я сегодня встала двумя часами позже чѣмъ въ этотъ день (28 іюня) двацать-три года назадъ, потому что я тогда выѣхала отсюда въ шесть часовъ утра» [1]).

Вотъ какъ изображаетъ она распредѣленіе своего дня: «Отъ 6-ти часовъ утра до 7-и законодательство, потомъ до 11-ти текущія дѣла. Въ 11 являются Александръ и Константинъ. За полчаса до обѣда и полчаса послѣ обѣда мы пишемъ для упомянутыхъ господъ азбучки, сказки, повѣсти; потомъ два часа полнаго отдыха и потомъ полтора часа, чтобъ царапать письма и проч., послѣ чего упомянутые господа приходятъ шумѣть до восьми. Потомъ приходитъ кто хочетъ, до десяти. Итакъ я утверждаю, что вотъ день хорошо употребленный и искусенъ будетъ тотъ, кто найдетъ средство придумывать на него комментаріи» [2])... «Привычка сдѣлала съ нами то, что мы отдыхаемъ только когда голова уже окончательно на подушкѣ, и тутъ еще во снѣ приходитъ намъ на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сдѣлать» [3]).

Мудрено ли, что при такомъ изумительномъ трудолюбіи, при такой неутомимой ревности на пользу своего народа, Екатерина съ нѣкоторой гордостью могла сообщить Гримму перечень своихъ дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія, составленный гр. Безбородкой въ 1781, съ тѣмъ чтобы впредь каждый годъ пополнять этотъ списокъ:

Губерній, устроенныхъ по новому образцу .	29
Городовъ построено	144
Конвенцій и трактатовъ заключено	30
Побѣдъ одержано	78
Замѣчательныхъ указовъ законодательныхъ и учредительныхъ издано	88
Указовъ для облегченія народа	123
Итого . . .	492

[1]) 344.
[2]) 231.
[3]) 311.

«Все это дѣла государственныя, никакое частное дѣло не попало въ этотъ списокъ, какъ вы видите. Ну, милостивый государь, какъ-то вы довольны нами? Были ли мы лѣнивы?» [1]). Въ іюлѣ 1782 года государыня такъ изображаетъ свое времяпрепровожденіе: «Если хотите знать, что она дѣлаетъ, съ чѣмъ обращается, о чемъ думаетъ, то я вотъ что скажу вамъ. Она создаетъ теперь полицейскія и экономическія учрежденія, а время отъ времени занимается заключеніемъ мирныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, а потомъ играетъ съ маленькими дѣтьми (внучками) и вытачиваетъ ихъ (drechselt aus sie) и увеличиваетъ число честныхъ людей; она раскрываетъ ихъ пониманіе и направляетъ ихъ сердце на благотворительность, на любовь къ ближнему и человѣчность. Вотъ все что она дѣлаетъ, а потомъ мучитъ своего садовника: онъ долженъ сажать деревья, цвѣты, гдѣ хочетъ и гдѣ не хочетъ» [2]).

Въ концѣ того же года Екатерина опять упоминаетъ о своемъ полицейскомъ уставѣ, который Гриммъ проситъ её прислать ему, но она въ томъ отказываетъ, говоря, что напрасно ей приписываютъ какое-то великое предпріятіе, что уставъ этотъ очень простъ и не мудренъ (schlecht und recht). До какой степени государыня сама изучала каждое новое учрежденіе, вносимое ею въ государственную жизнь, какъ часто она сама прилагала руку къ законоположеніямъ, всего лучше можно прослѣдить въ этой переопискѣ, гдѣ она подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщаетъ Гримму всякую новую мысль, новое дѣло. Этими письмами потомство какъ бы вводится въ самую лабораторію ея неустанной дѣятельности. Въ одномъ изъ писемъ вырывается у нея признаніе, что она всю жизнь свою писала только для другихъ и «даже для перваго иноходца [3]), который болѣе чѣмъ кто-либо другой умѣлъ наряжаться въ павлиныя перья» [4]).

---

[1]) 216.

[2]) 240.

[3]) Въ перепискѣ съ Гриммомъ государыня часто называетъ такъ въ насмѣшку государственныхъ людей вообще. Здѣсь подъ именемъ *перваго иноходца* она разумѣетъ графа Н. И. Панина.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 311.

Въ 1785 году Екатерина посылаетъ Гримму уставъ о дворянствѣ и городовое положеніе и спрашиваетъ его, зачѣмъ ему все это и кто же читаетъ такія скучныя матеріи какъ законоположенія, но впрочемъ желаетъ узнать не только его мнѣніе, но и все, что говорится объ этомъ предметѣ по бѣлу свѣту (de par le monde) [1]). Въ томъ же году она пишетъ Гримму, что случайно отыскала въ каталогѣ библіотеки Дидро (уже послѣ его смерти) тетрадь, озаглавленную: *Замѣчанія на наказъ ея величества депутатамъ о составленіи законовъ.* «Эта статья», говоритъ она, «сущая болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, не предусмотрительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ повернулъ бы все вверхъ дномъ. А я утверждаю, что мой *наказъ* былъ не только хорошъ, но прекрасенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами, потому что вотъ 18 лѣтъ, какъ онъ существуетъ и не только не повредилъ ни въ одномъ пунктѣ, но еще и все добро, имъ произведенное и всѣми признанное, исходитъ изъ началъ, установленныхъ этимъ наказомъ. Критиковать легко, а создавать трудно, вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, во всю жизнь былъ настолько основателенъ, что нуждался въ опекѣ; должно быть, онъ написалъ это по возвращеніи отсюда, потому что не говорилъ мнѣ никогда объ этомъ» [2]).

Весьма замѣчательно собственное сужденіе государыни о созванномъ ею въ началѣ царствованія собраніи депутатовъ. По поводу химерическихъ финансовыхъ проектовъ Калонна и Неккера, она говоритъ: «Мысль о депутатахъ была превосходна; мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, оттого что я сказала имъ:— *Знайте, вотъ каковы мои начала.* Теперь вы выскажите свои жалобы. Гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Итакъ работайте, соби-

---

[1]) 363.
[2]) 372, 373.

райте матеріалы, создавайте проекты; узнайте чего вы хотите. И они принялись разъѣзжать, собирать матеріалы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорнѣйшая слуга слушала и была очень равнодушна ко всему, что не составляло общей пользы и общаго блага» [1]).

И позже, по поводу французской революціи, она много разъ, какъ мы увидимъ, выражала то же сужденіе Гримму, который отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, что раскачать машину легко, но надо хорошо знать, сумѣешь ли съ нею справиться.

По поводу дѣлъ въ Польшѣ Гриммъ извѣщалъ государыню какіе толки идутъ на этотъ счетъ въ западной Европѣ, гдѣ всегда особенно любили заниматься польскимъ вопросомъ. Пребываніе въ Парижѣ одной знатной польки давало пищу этимъ толкамъ и разсужденіямъ въ тамошнихъ гостиныхъ и Гриммъ пишетъ объ этомъ: «Мы имѣемъ здѣсь съ начала послѣдней зимы молодую польку, Годскую по имени, разведенную съ княземъ Сангушко, и которая вышла замужъ въ прошедшемъ году за принца Нассаускаго, поселившагося во Франціи и не признаваемаго въ Германіи. Я видѣлъ эту молодую принцессу въ эпоху ея перваго брака, въ Варшавѣ. Она здѣсь заискивала во мнѣ съ необыкновеннымъ стараніемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ разыгрывалъ жестокаго, и наконецъ она меня таки покорила. Пріятно слышать, какъ она говоритъ объ императрицѣ, и заставляетъ умолкнуть жужжанье жуковъ, которые позволяютъ себѣ толковать напримѣръ о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній. Надо видѣть съ какой легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ всѣхъ этихъ вралей. Я знаю, что по поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которые по своему положенію должны бы знать дѣло лучше. Она иногда напоминаетъ мнѣ Спасителя, сидящаго въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ среди учителей во храмѣ. Она вдвое старѣе своего Спасителя;

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 403.

но всегда интересно видѣть, какъ молодость и грація даетъ уроки мудрости бородачамъ. Итакъ я не могъ отъ нея отдѣлаться, и несмотря на суровость моего уединенія, я долженъ хотя разъ въ недѣлю, а иногда и два, посѣщать её, чтобъ слышать ея бесѣду объ императрицѣ и самому говорить о ней. Она намедни, при довольно многочисленномъ кружкѣ, характеризовала духъ правительствъ въ трехъ участкахъ Польши. Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: «Еслибъ у меня были земли въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссію, а еслибъ мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи. Потомъ она подробно развила намъ причину этого желанія и его степеней съ такою же ясностью, какъ и краснорѣчіемъ. Увы! что до меня касается, то она проповѣдывала обращенному. Кто лучше меня и рижскихъ обывателей знаетъ, какъ сладко жить подъ владычествомъ Россіи бѣлой, красной или зеленой, малой или великой, какого бы она ни была цвѣта и величины» [1]).

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ государыни: «По случаю того, чтó вы говорите мнѣ о вашей странствующей рыцаршѣ, проповѣдующей раскаяніе по поводу ложныхъ взглядовъ, укоренившихся на счетъ стараго польскаго вопроса, я должна сказать вамъ любимую поговорку Лифляндцевъ, что съ тѣхъ поръ какъ они находятся подъ владычествомъ Россіи, въ областяхъ ихъ болѣе денегъ и серебра нежели прежде было мѣди, а Бѣлоруссія въ томъ же положеніи: земли ея гораздо лучше обработываются и повысились въ цѣнѣ. Тотъ, у кого не было хижины, строится теперь, а у кого она была, тотъ улучшаетъ её» [2]).

По объявленіи вооруженнаго нейтралитета флотъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости Екатерины, и для созданія

---

[1]) Письма Гримма 151.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 207.

и улучшенія его она развернула изумительную дѣятельность: сама присутствовала при спускѣ кораблей, посѣщая петербургскія и кронштадскія верфи и укрѣпленія и подымая тѣмъ духъ и усердіе трудившихся надъ этимъ дѣломъ, какъ объясняетъ одно изъ ея писемъ: «Я сама спустилась съ лѣсовъ на кораблѣ Побѣдославъ, чтобъ показать морякамъ, какъ глазъ нашъ слѣдитъ за ихъ работой и цѣнитъ её»[1]). Еще въ 1780 году она писала Гримму: «Ваше желаніе, видѣть русскій флагъ развѣвающимся не въ одной только сторонѣ, будетъ удовлетворено. Вотъ четыре эскадры и болѣе отправляются въ плаваніе. Остальное будетъ или не будетъ: торговля моя, какъ и города, на бумагѣ и въ воображеніи, но не полагайтесь на это: все это выростетъ какъ грибы, когда менѣе всего будутъ ожидать того»[2]). Въ другой разъ она говоритъ: «Что мѣшаютъ вамъ мои корабли? развѣ не такъ же необходимо стрóить ихъ, какъ имѣть ногти на пальцахъ?»[3]).

25 іюня 1782 года, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться въ Петергофъ, государыня пишетъ: «Сегодня я обѣдала въ Эрмитажѣ, а завтра въ своемъ присутствіи очищаю адмиралтейскія верфи; это значитъ, что будутъ спускать военный 74-хъ-пушечный корабль, послѣ чего я бѣгу тотчасъ въ Петергофъ». Подробности объ этомъ сообщаются уже изъ Петергофа отъ 22 іюня: «Хотите знать, чтó я дѣлала въ день пріѣзда сюда? Я рыскала по-цыгански (comme un basque), именно: въ одиннадцать часовъ утра, такъ какъ это было воскресенье, я была у обѣдни, потомъ принимала въ аудіенціи г. де-ла-Торре, съ которымъ говорила о своихъ старыхъ знакомыхъ, а именно о г. де-ла-Геррейра и о графѣ Ласси; потомъ принимала саксонскаго министра, потомъ пробѣжалась за своимъ обѣдомъ пѣшкомъ вдоль сада и набережной къ г. Бецкому. Послѣ обѣда я съѣздила въ лодочкѣ въ адмиралтейство: тамъ я полила

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 259.
2) 177.
3) 226.

легтемъ и ударила три раза молоткомъ каждый изъ трехъ новыхъ стопушечныхъ кораблей, которые велѣла построить; оттуда я перешла на 74 пушечный корабль, который по приказанію моему спущенъ на воду; пока я сама находилась на немъ, онъ довезъ насъ до невскаго моста: тамъ бросили якорь и мы сошли съ него и на лодкѣ возвратились въ адмиралтейство, черезъ которое прошли пѣшкомъ, чтобъ сѣсть въ карету и проѣхать оттуда на дачу оберъ-шталмейстера (Нарышкина), гдѣ, исходивъ вдоль и поперекъ его рощи и гулянья, мы поужинали и въ $12^1/_2$ часовъ пріѣхали сюда. Ну, что вы скажете о такомъ днѣ? не былъ ли онъ превосходно наполненъ? Увѣряю васъ, что кромѣ меня всѣ выбились изъ силъ» [1]).

Петергофъ, 5-го іюля въ 7 часовъ утра. «Я ѣду отсюда завтра и одна изъ причинъ, почему я не люблю этого мѣста, то что я здѣсь сплю какъ сурокъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать: я пишу здѣсь только письма императорскія, королевскія и полукоролевскія. Зато я знатно услаждаю свою лѣнь, пока нахожусь здѣсь; три дня тому назадъ, я ѣздила въ Кронштадтъ противъ вѣтра, что заставляло господъ моряковъ предполагать, что я не доѣхавъ возвращусь; но я упорно продолжала путь и мы черезъ четыре часа вошли въ гавань: мы обошли её пѣшкомъ вдоль доковъ до верфей, построенныхъ въ видѣ креста въ началѣ канала; мимоходомъ произвели мы закладку еще одного стопушечнаго корабля, послѣ чего ходили взглянуть на огнечерпательную машину и потомъ опять также пѣшкомъ пошли пить чай къ адмиралу Грейгу. Чтобы просвѣтить васъ, прибавлю, хотя это менѣе интересно для васъ, чѣмъ для этого порта, — что мы одѣваемъ его внутри и снаружи гранитными плитами, — работа эта начнется въ нынѣшнемъ году и это интересное дѣло насъ очень и очень занимаетъ» [2]). Я разсказывала вамъ всѣ мои подвиги этого лѣта, чтобъ доказать вамъ какимъ хорошимъ здоровьемъ я поль-

[1]) 242, 243.
[2]) 245, 246.

зуюсь и какъ я бодра» [1]). «Что вамъ за дѣло до кронштадтскихъ верфей?» пишетъ государыня въ 1785 году: «развѣ г. Густавъ не построилъ на французскія деньги въ четыре года двадцать кораблей? Я строю на собственныя деньги» [2]).

Не меньшую заботливость и вниманіе государыни привлекаетъ черноморскій флотъ. Во время путешествія своего въ Крымъ въ 1787 году она пишетъ изъ Херсони отъ 15 мая: «Сегодня мы спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый, построенные здѣсь» [3]).

Потомъ изъ Севастополя: «Я нашла здѣсь, гдѣ за три года еще ничего не было, довольно хорошенькій городокъ и небольшую, но довольно проворную и ловкую флотилію. Гавань, якорная стоянка и пристань естественно хороши и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ показалъ большую дѣятельность и смѣтливость» [4]).

Весьма знаменательно, что Гриммъ, по поводу случившагося въ 1780 году сильнаго пожара въ Кронштадтѣ, какъ разъ по объявленіи вооруженнаго нейтралитета, писалъ Екатеринѣ: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ меня увѣряли, что благонамѣренные (т. е. Англичане) попробовали устроить фейерверкъ изъ кронштадтскаго флота, котораго флагъ такъ развертывается ко всеобщему удовольствію. Я увѣренъ, что это вниманіе со стороны благонамѣренныхъ не будетъ потеряно для императрицы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ добрая воля равняется факту» [5]).

Екатерина отвѣчала на это: «То, что вамъ разсказали о поджогѣ Кронштадта, чистѣйшая выдумка; это просто напросто случайность. Я полагаю, что не надо придавать вещамъ бо́льшаго значенія, чѣмъ какое онѣ имѣютъ» [6]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 333.
[3]) 410.
[4]) 412.
[5]) Письма Гримма 423.
[6]) *Сб. И. О.* XXIII, 191.

Въ другой разъ (въ 1782 г.) по поводу большого пожара въ гостиномъ дворѣ, который тоже приписывали поджогу, государыня пишетъ: «Пожаръ въ рядахъ произвелъ именно то, что вы говорите: я велѣла пренебречь предразсудкомъ и давней привычкой; будетъ десять рынковъ вмѣсто одного и каждому торговцу дозволено имѣть лавку у себя; на все это представляли много затрудненій; но я настояла, и все устроилось безпрекословно. Меня взяло нетерпѣніе и я сама отправилась посмотрѣть, отчего огонь не прекращается, и скоро съ нимъ справились. Убытокъ гораздо менѣе значителенъ чѣмъ сначала думали; ни одна бездѣлица не вздорожала, а все, что было въ большихъ каменныхъ рядахъ, уцѣлѣло» [1]).

О разныхъ другихъ сооруженіяхъ по предмету улучшенія городскихъ построекъ и путей сообщенія также безпрестанно встрѣчаются упоминанія въ родѣ слѣдующаго: «Невозможно всякій разъ сообщать вамъ о разныхъ пустякахъ, которые мы дѣлаемъ, потому что все это идетъ своимъ чередомъ и послѣ объ этомъ забывается: такъ мы копаемъ каналы, устраиваемъ большія дороги и тридцать-шесть гранитныхъ мостовъ между Москвой и Петербургомъ» [2]). Мы уже упоминали, какъ заботилась Екатерина о народномъ продовольствіи и предупрежденіи голода въ Россіи, для чего она учредила запасные магазины, о которыхъ говоритъ по поводу голода въ Швеціи. Другимъ предметомъ ея заботливости было удаленіе кладбищъ отъ жилыхъ мѣстъ въ городахъ и селеніяхъ, о чемъ она такъ упоминаетъ: «У насъ хоронятъ на кладбищахъ, устроенныхъ внѣ городовъ и селъ для пользы живыхъ, какъ и умершихъ» [3]).

Мы ранѣе говорили ужъ о постройкахъ, способствовавшихъ къ украшенію Петербурга и въ которыхъ самое дѣятельное участіе принималъ архитекторъ Кваренги. Въ 1782 году государыня говоритъ Гримму, что многихъ мѣстъ онъ вовсе не узналъ бы,

---

1) 259.
2) 390, 391.
3) 362.

какъ напримѣръ окрестностей Фонтанки, которыя чистятся, а набережныя обкладываются гранитными плитами» [1]).

Къ началу 1783 года относится основаніе Георгіевскаго капитула въ Чесмѣ, которую за годъ до того государыня такъ изображаетъ Гримму: «Вчера я была въ Чесмѣ, но эта Чесма, какъ вы можете разсудить, не та, гдѣ дана была морская битва, а та, что построена въ память этого событія и гдѣ есть церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, которой первый камень былъ положенъ Густавомъ III, королемъ Шведскимъ и Готскимъ, а на освященіи этой церкви присутствовалъ самолично Іосифъ II, императоръ Римскій (24 іюня 1780), что написано крупными золотыми буквами на мраморной доскѣ у дверей церкви. Не сомнѣваюсь, что разсказъ этотъ очень васъ утѣшитъ, потому что Нѣмцы любятъ надписи этого рода; но такъ какъ вы еще не знаете, гдѣ находится эта новооснованная Чесма, то́ имѣю честь извѣстить васъ, что она въ Лягушечницѣ» [2]). Такъ переводитъ императрица прежнее финское названіе этого мѣста Кекерекескиненъ — имя которое, какъ тогда объясняли, значитъ лягушечье болото [3]). Объ открытіи самаго ордена разсказано такъ: «Петербургъ, 19 апрѣля 1783 г., въ семь часовъ утра того дня, когда увезли всѣ мои бумаги, потому что я уѣзжаю въ Царское Село; по дорогѣ я открываю Георгіевскій капитулъ въ Чесмѣ въ присутствіи славной чернильницы, отъ которой у васъ нѣкогда столько разъ было удушье» [4]). «Царское Село, 20 апрѣля, въ 7 часовъ утра. Капитулъ Св. Георгія вчера началъ свое хозяйство съ капиталомъ въ двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей, которые господинъ великій магистръ постарался собрать независимо отъ доходовъ ордена» [5]).

По поводу учрежденія ордена св. Владиміра, основаннаго въ 1782 г., государыня пишетъ въ 1783: «Что касается до моихъ святыхъ, я отыскиваю ихъ въ своемъ календарѣ, и когда одинъ изъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 251.
[2]) 242.
[3]) См. Геогр. словарь Максимовича и Щекатова подъ словомъ Чесма.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 273.
[5]) 274.

нихъ мнѣ понадобится, то я ищу между ними такихъ, которые послужили бы государству или роду человѣческому; иногда мнѣ трудно найти ихъ, и тогда я просто беру звучное имя, вотъ и все. Господъ новыхъ кавалеровъ Владиміра я выбрала изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства; и въ этомъ качествѣ они пойдутъ въ рай, если будутъ достойны, но ни въ какомъ другомъ случаѣ. Ужъ если вы меня очень разсердите, то я объявлю вамъ, что св. Владиміръ былъ предокъ королевы Французской, что онъ былъ зять Романа, императора Константинопольскаго; одна изъ дочерей его была замужемъ за Стефаномъ, королемъ Венгерскимъ; по этому вы видите, что онъ былъ государь съ хорошимъ родствомъ и, несмотря на то, вы смѣете у меня спрашивать, откуда я его взяла; къ чему же послѣ того быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ и землею, если все-таки остаешься неизвѣстнымъ 900 лѣтъ спустя» [1]).

Въ 1786-мъ году и Гримму былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра второй степени, о чемъ государыня извѣщала его: «Такъ какъ мой многострадальный — самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статуты ордена св. Владиміра дозволяютъ и требуютъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число ихъ кавалеровъ, и по этой причинѣ я посылаю вамъ орденъ второй степени, который вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы прикрѣпите прямо на сердце. Да благословитъ васъ Господь» [2]). Первый отвѣтъ Гримма на эту милость не сохранился между его письмами. Но отъ 10-го сентября 1786 г. онъ пишетъ: «Государыня, я все ожидаю манифеста, который бы объяснилъ причины, побудившія ваше величество задушить вашего многострадальнаго видимымъ знакомъ вашего благоволенія, какъ будто онъ недовольно подавленъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ бременемъ вашихъ благодѣяній. Я просилъ этого манифеста у графа Безбородки, который въ своемъ качествѣ императорскаго

---

[1]) 271.
[2]) 378.

фактотума могъ имѣть участіе въ этомъ неожиданномъ проявленіи императорскаго могущества; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ чувствовать великую тягость на своей совѣсти; я также просилъ въ томъ отчета у маршала князя Потемкина, моего благодѣтеля по части музыки. Они оба, по близости своей къ престолу, конечно не допустятъ подозрѣнія, что та, которая занимаетъ его 24 года недурно, сдѣлаетъ что бы то ни было безъ причины; а мнѣ очень выгодно знать эти причины, потому что онѣ мнѣ откроютъ множество прекрасныхъ вещей, которыя я творилъ, самъ того не зная, и за которыя ваше величество мнѣ обязаны. Я замѣчу только, что очень важно напечатать этотъ манифестъ, чтобы предупредить войну на перьяхъ, которая пожалуй надѣлала бы столько же шуму, сколько и война господъ Геммингенъ и Домъ, и возникла бы между людьми Гриммы и фактотумами вашего императорскаго величества. Да отвратитъ милосердіе всемогущаго Бога это зло, и да сохранитъ Онъ отъ споровъ и раздора всѣхъ слугъ нашей великой государыни, будь они дѣлатели на всѣ руки или многострадальные. Аминь» [1]).

Осенью 1782 г. послѣдовало открытіе памятника Петра Великаго. Извѣстно, что первая отливка статуи была неудачна. Еще въ 1775 г. упоминается въ одномъ изъ писемъ: «Статуя Петра Великаго при отливкѣ не удалась. Голова императора, его правая рука и голова лошади должны быть передѣланы» [2]). Объ отношеніяхъ императрицы къ художнику Фальконету было ужъ говорено ранѣе. Въ декабрѣ 1782 г. она пишетъ по поводу открытія памятника: «Вы кажется желаете, чтобъ я вступила въ разговоръ съ Петромъ Великимъ и его статуей; но знайте, что я этого не сдѣлаю по недостатку времени». И на другой день: «Петръ Великій, увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ, показался намъ съ виду столь же смѣлымъ, какъ и величественнымъ; какъ будто бы онъ былъ доволенъ своимъ твореніемъ; долго я не мо-

---

[1]) Письма Гримма 239, 240.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 35.

гла на него смотрѣть. Я чувствовала себя растроганною, и когда взглянула вокругъ себя, я увидѣла, что у всѣхъ слезы на глазахъ. Лицо его было обращено въ сторону противоположную Черному морю; но движеніе головы показывало, что онъ не лишенъ зрѣнія ни съ какой стороны (il n'avait la berlue d'aucun côté). Онъ слишкомъ далеко стоялъ отъ меня, чтобы говорить со мною, но казался довольнымъ, что̀ сообщилось и мнѣ, и поощряетъ меня стараться въ будущемъ дѣйствовать, если могу, еще лучше» [1]).

На письмо Гримма 1783 г. (къ сожалѣнію не сохранившееся) Екатерина писала: «Критикуйте слова: — Петру первому Екатерина вторая. — Я сама захотѣла, чтобъ это такъ было, желая чтобъ знали, что я, а не жена его, воздвигла ему памятникъ» [2]). Но вотъ какъ великая Монархиня отзывалась въ то же время на льстивую мысль современниковъ о сооруженіи памятника ей самой. Разсуждая о памятникахъ вообще, она говоритъ:

«Но скажите мнѣ пожалуйста, кому же сооружать статуи, обелиски, если не людямъ отличившимся заслугами? Если же воздвигать ихъ людямъ безъ заслугъ, тогда на памятники станутъ смотрѣть какъ на украшеніе города, а не на награду. . . . . Вы конечно понимаете, что я себѣ не сооружу памятника, оттого что это было бы слишкомъ смѣшно.... Не знаю, будутъ ли Екатерины падать на Россію какъ дождь, но вѣрно то, что если эти берега должны производить только статуи въ честь мою, то я къ этому буду очень равнодушна и охотно откажусь отъ нихъ въ пользу Александра» [3]). «Я не хочу памятника, и если божественный (т. е. Рейфенштейнъ) мечтаетъ о томъ, то я ему въ этомъ удовольствіи не завидую; съ моего вѣдома конечно это не будетъ исполнено: всѣ петербургскія площади заняты» [4]).

---

[1]) 264, 265.

[2]) 272.

[3]) Желаніе императрицы сбылось: памятникъ Александру Благословенному явился многими годами ранѣе ея памятника, 264.

[4]) 284.

Загородные дворцы и постройки, увеселительное путешествіе по каналамъ и въ Москву.

Царское Село оставалось любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины, для котораго она болѣе всего поработала, среди котораго развернулся весь ея геній и изящество вкуса. Она восхищалась и справедливо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ. Она наслаждалась полной жизнью среди его величественныхъ парковъ и пышной растительности, какъ сама даетъ намъ о томъ знать многими живыми описаніями, встрѣчающимися въ перепискѣ и которыя мы приведемъ здѣсь: «Царскосельскій садъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изо всѣхъ странъ и нашихъ, побывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится единственнымъ въ своемъ родѣ. Не говорю о комнатахъ; но Кваренги увѣряетъ, что онѣ столь же прекрасны, какъ и своебразны, и что кто не видалъ ихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія. Напримѣръ, я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахиномъ дивану, обитому яркой зеленой матеріей съ серебромъ московскаго издѣлія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряные пилястры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь образуетъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою; бѣлое и голубое —стекло, а узоръ по нимъ—изъ арабесковъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 239. Все это— описаніе комнатъ Екатерининскаго флигеля, пристроеннаго къ старому дворцу Елисаветы Петровны и примыкающаго къ знаменитой колоннадѣ.

..... «Всѣ согласны, что Царское Село нынѣшнею весною —рай: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ прелестнѣйшая погода и я гуляю сколько могу [1].... Статуя Вольтера, сдѣланная Гудономъ, вынута и поставлена въ Утреннемъ залѣ [2]; тамъ она окружена Антиноемъ, Аполлономъ Бельведерскимъ и множествомъ другихъ статуй, которыхъ формы привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ и — о чудо! — статуя Вольтера нисколько не теряетъ ото всего её окружающаго. Вольтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любуется на лучшія статуи античныя и современныя. Господинъ многострадальный долженъ помнить, что эта зала имѣетъ дверь, выходящую на озеро, другая выходитъ на очень густую аллею; съ тѣхъ поръ какъ тамъ стоитъ Вольтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами. Другая новость: сэръ Томъ Андерсонъ околѣлъ эту зиму и зарытъ подъ плитою съ надписью позади гранитной пирамиды. Я еще не имѣла духу побывать тамъ, и до сегодня не объявляла о его смерти. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ» [3]. Черезъ годъ за сэромъ Томомъ послѣдовала Земира — другая особенно любимая собачка императрицы, которая зарыта тамъ же и которой Сегюръ сочинилъ извѣстную эпитафію въ стихахъ, приложенную императрицей къ одному изъ писемъ къ Гримму: «Ici mourut Zémire, et les grâces en deuil» и проч. [4]).

Въ 1786 году государыня возвратилась уже въ іюлѣ въ Царское Село изъ Петергофа, который она вообще не любила. «Дожди выгнали меня изъ Петергофа на прошедшей недѣлѣ», пишетъ она: «какъ только я вернулась сюда, начались жары. Вчера здѣсь играли комедію; послѣ театра вся дипломатическая клика гуляла и ужинала со мной; г. Кюстинъ былъ тоже, и всѣ въ такомъ настроеніи, что находили все прелестнымъ, восхитительнымъ. Чтобъ подразнить васъ, я должна сказать,

[1]) 279.
[2]) Весѣдка въ Царскомъ Селѣ обращенная къ озеру.
[3]) 313, 314.
[4]) 357.

г. кавалеръ, что вы меня здѣсь не легко найдете послѣ обѣда, потому что кромѣ семи комнатъ, украшенныхъ яшмою, агатомъ, настоящимъ и поддѣльнымъ мраморомъ, кромѣ сада, прямо прилегающаго къ моимъ покоямъ, я обладаю громадной колоннадой, которая примыкаетъ къ тому же саду и оканчивается лѣстницей, ведущей прямо къ озеру. И послѣ того ищите меня, если хотите; еслибъ вы когда-нибудь сюда пріѣхали, то развѣ только лай Томасовъ укажетъ вамъ путь, по которому я направляюсь, а иногда лепетъ пяти малютокъ (внучатъ), которые прилипаютъ ко мнѣ какъ репьи и надо мнѣ стряхнуться, чтобъ отогнать ихъ, потому что они никогда бы со мной не разстались» [1].

Гораздо позже, въ 1791 году, государыня опять такъ описываетъ колоннаду: «14 мая, въ 7-мь часовъ утра, сидя на царскосельской колоннадѣ, откуда я вижу предъ собой Пеллу, хотя отсюда до нея по крайней мѣрѣ 35 верстъ, и кромѣ Пеллы мнѣ видно около ста верстъ вокругъ». Эта колоннада тѣмъ особенно пріятна, что въ холодъ у нея есть всегда одна сторона, гдѣ онъ менѣе чувствителенъ. Средина моей колоннады, стеклянная, имѣетъ 39 саженъ длины; внизу и возлѣ — цвѣточный садъ; низъ моей колоннады занятъ приближенными мнѣ дамами, которыя тамъ какъ нимфы среди цвѣтовъ. На моей колоннадѣ стоятъ бронзовые бюсты величайшихъ людей древности, какъ то Гомера, Демосфена, Платона и проч. Есть нѣсколько другихъ статуй. Геркулесъ Фарнезскій и Флора украшаютъ лѣсницу колоннады, ведущую отъ террасы къ озеру» [2]. . . . . . Пишу вамъ это передъ стеклянной дверью, ведущей изъ моихъ комнатъ въ цвѣточный садъ, сего 3-го іюня послѣ обѣда; вы должны еще знать, что трое изъ Томасовъ лежатъ вокругъ меня на зеленомъ сафьянномъ диванѣ, стоящемъ на воздухѣ. Св. Николай [3]) вамъ скажетъ, если вы любопытны, что этотъ диванъ находится въ полуоткрытыхъ сѣн-

---

[1]) 379.
[2]) 540, 541.
[3]) Н. П. Румянцовъ.

цахъ противъ сада и что я здѣсь какъ Крымскій ханъ въ своемъ кіоскѣ, или попугай въ своей клѣткѣ. Вы не имѣете понятія, что̀ такое Царское Село, когда стоитъ теплая и ясная погода!» [1]).

16-го августа 1792 г. «Я возвращаюсь съ колоннады, гдѣ я гуляла между бронзовыми бюстами, тамъ стоящими, и если вы любопытствуете знать, кто эти честные господа, вотъ вамъ списокъ, который я сдѣлала для васъ, гуляя. Вы не можете себѣ представить, какія прекрасныя мысли внушаетъ подобная компанія; мнѣ нравится быть въ этомъ обществѣ: Юлій Кесарь, Ахиллъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосѳенъ, Сенека, Овидій, Софоклъ, Ѳеокритъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Ѳеофрастъ, Питтакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ [2]). Все это бронзовые бюсты, находящіеся въ настоящее время на царскосельской колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82» [3]).

По смерти Ланского императрица Екатерина, преслѣдуемая въ Царскомъ Селѣ грустными воспоминаніями, какъ будто искала новаго загороднаго мѣста, которое могла бы полюбить, и купила (у сенатора Неплюева) землю по шлюссельбургской дорогѣ, предполагая тамъ построить дворецъ и развести англійскій садъ. Это загородное мѣсто называлось Пеллой и скоро тамъ былъ заложенъ богатый увеселительный дворецъ придворными архитекторами Старовымъ и Козловымъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ аркадами, галереями, колоннадами, и въ главномъ зданіи находилась огромная зала для торжествъ на подобіе залъ въ римскихъ баняхъ, а между зданіями были дворы и сады. Постройки въ Пеллѣ нѣсколько разъ задерживались войнами, и наконецъ это мѣсто было окончательно брошено императоромъ Павломъ.

Въ апрѣлѣ 1785 года государыня пишетъ: «Я поѣду въ Херсонъ, но не нынѣшнимъ лѣтомъ; въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Боровичи, чтобы осмотрѣть каналы, по которымъ идетъ под-

---

[1]) 546, 547.

[2]) Этотъ списокъ написанъ карандашемъ на особомъ листкѣ.

[3]) 576.

возъ всего къ Петербургу, и вернусь сюда водою. На землѣ, которую я купила, недостаетъ только дома для житья; тотъ, который тамъ теперь—отвратителенъ. Земля эта лежитъ между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на жалкихъ невскихъ порогахъ; эта рѣка образуетъ тамъ родъ залива, въ который, саженяхъ во ста отъ дома, впадаетъ Тосна, тоже судоходная рѣка. Мѣстоположеніе прелестное, виды чрезвычайно разнообразные, и будетъ очень удобно украсить все англійскимъ паркомъ» [1]). Пріѣхавъ въ Пеллу 18-го іюля 1785, государыня такъ её описываетъ: вотъ я прибыла сюда, въ такое мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія; я нахожусь въ 26-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32-хъ отъ Петербурга, въ 35-ти отъ Царскаго Села, на изгибѣ Невы, ниже здѣшнихъ пороговъ. Въ настоящую минуту эти пороги отъ меня вправо, и на такомъ же разстояніи влѣво я вижу изъ окна своего впаденіе въ Неву рѣчки Тосны. Отъ пороговъ до устья Тосны материкъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ серединѣ котораго находится Пелла. Рѣка Нева, пройдя пороги и образовавъ губу, при которой я нахожусь, изволитъ продолжать свое теченіе противъ самыхъ моихъ оконъ, къ Петербургу. Такимъ образомъ фасадъ Пеллы вовсе не на сѣверъ, а какъ разъ въ сторону рѣки на западъ, надворный же фасадъ на востокъ. По ту сторону противъ Пеллы находится мысокъ, надъ которымъ виднѣются деревни, лѣса и дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня будетъ прекрасный домъ на этой землѣ; основаніе его уже заложено, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца, строеніи, которое скорѣй огромно чѣмъ красиво. Нева на этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большого озера; множество судовъ, короче, весь торговый грузъ и строительный матеріалъ Петербурга проходятъ мимо моихъ оконъ, и все въ эту минуту въ движеніи на водѣ и на берегу» [2]). Осенью того же года: «По выходѣ

[1]) 339.
[2]) 346, 347.

изъ Эрмитажа я имѣла долгое совѣщаніе съ синьйоромъ Кваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни я поручила заказать, для помѣщенія въ паркъ Пеллы, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ прихоть, которая овладѣла мною вдругъ въ послѣдніе три дня: у меня явилось какое-то лихорадочное желаніе имѣть эти три колонны, выполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Что вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ можетъ выйти больше, но для опыта довольно и трехъ» [1]).

Имя Пеллы государыня объясняетъ съ финскаго, говоря, что въ переводѣ это значитъ пыль. Она даже послала Гримму карту окрестностей Петербурга въ 1786 году, прибавляя: «Ищите Пеллу въ верховьѣ рѣки; противъ Пеллы вы найдете Островки дачу, или, лучше сказать, имѣніе князя Потемкина, мѣстечко прелестное и вблизи Пеллы Петрушкино, имѣніе оберъ-шталмейстера Нарышкина. Когда же я пріѣзжаю въ Пеллу, то въ обоихъ этихъ мѣстечкахъ происходитъ большая суматоха, такъ какъ они находятся противъ самыхъ пороговъ Невы. Когда же вы прочтете на картѣ «Софія», то знайте, что этотъ новый городъ находится противъ царскосельскаго парка, или лучше сказать противъ озера; а чтобъ вамъ все это было яснѣе, я дарю вамъ планъ Царскаго Села и даже два. Но всѣ мои загородныя дворцы только хижины въ сравненіи съ Пеллой, которая воздвигается какъ Фениксъ» [2]).

Каждое лѣто мы видимъ государыню предпринимающею поѣздки по окрестностямъ Петербурга. То возвращается она неожиданно въ городъ, то ѣдетъ въ Кронштадтъ, въ Петергофъ, въ Пеллу, въ Сюстербекъ, то осматриваетъ водяныя сообщенія, то обѣдаетъ на дачахъ у своихъ царедворцевъ, то предпринимаетъ экспромтомъ путешествіе въ Москву. Этой любовью къ независимости, этимъ стремленіемъ освободиться отъ всякой ру-

---

[1]) 364, 365.

[2]) 385.

тины, отъ стѣснительнаго дворскаго этикета, и освѣжать себя впечатлѣніями общечеловѣческими Екатерина истинно возвышалась надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Никогда не подчинялась она мысли, чтобъ отсутствіе внѣшней торжественности и церемоніальности могло отнять что-нибудь отъ ея царственнаго величія. При ея подвижности и частыхъ лѣтнихъ переѣздахъ, ей случалось останавливаться и даже проживать цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ. Тогда, какъ будто еще горячѣе пробуждались ея поэтическое чувство, ея любовь къ природѣ и та веселость, свѣжесть души и впечатлительность, которыхъ она не утратила до конца жизни.

«Я возвратилась въ городъ вчера,» пишетъ она 20 августа 1785 г. изъ Петербурга, «такъ же какъ и въ прошломъ году неожиданно. Я нахожу это прелестнымъ: никто меня не провожаетъ, никто не принимаетъ. Я проскальзываю какъ котъ, такъ что никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже пріѣду, то цѣлые сутки всѣ повторяютъ: она пріѣхала неожиданно! — И вотъ пустые мечтатели и политиканы отыскиваютъ на это причины, до того тонкія и скрытыя, что ихъ можно продѣть сквозь игольное ушко. А ваша покорная слуга покамѣстъ бѣгаетъ по Эрмитажу, осматриваетъ картины, играетъ со своей обезьяной, любуется на своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ американскихъ пташекъ голубаго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всякому свободно толковать, подобно городу Москвѣ» [1]).

Послѣ поѣздки въ Сюстербекъ, о которой она извѣщаетъ Гримма, онъ спрашиваетъ её, что это еще за новое для него мѣсто. Она отвѣчаетъ: «Сюстербекская фабрика — это заводъ оружія и другихъ желѣзныхъ издѣлій, какъ наприм. рѣшетокъ, кроватей и проч. Онъ находится на новой выборгской дорогѣ по ту сторону рѣки; чтобъ приблизить Выборгъ къ Петербургу мы строимъ на Невѣ второй мостъ на плашкоутахъ, выше литейнаго завода. Инспекторъ этого завода, всегда зависѣвшаго отъ артил-

---

1) 360.

лерійскаго вѣдомства,—генералъ Мюллеръ, командующій артиллеріей. Младшій сынъ покойнаго Эйлера — его директоръ» [1]).

Вотъ еще очеркъ своего образа жизни, который императрица даетъ Гримму: «Хотя я нынѣшнимъ лѣтомъ много странствовала по большимъ дорогамъ, но и осень эту я еще очень подвижна, потому что со дня возращенія моего въ городъ я ежедневно встаю утромъ въ шесть часовъ, пью чашку кофе, а потомъ бѣгу въ Эрмитажъ и тамъ отъ 6-ти до 9-ти верчу и переворачиваю винегретъ, который называю извлеченіями. Затѣмъ является фактотумъ (Безбородко) и всѣ фактотумы; въ одиннадцать я возвращаюсь въ свои комнаты одѣваться и играть съ толпою своихъ внучковъ и внучекъ; одѣвшись, иду обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда я опять ухожу въ свои покои а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣленькую векшу, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій въ бильярдъ. Затѣмъ я иду разсматривать свои рѣзные камни или какіе-нибудь эстампы, или брожу среди картинъ; послѣ чаю дѣлаю визитъ прелестной своей обезьянкѣ, которую никогда не могу видѣть безъ смѣху, до того она забавна. Въ четыре я возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю и пишу, въ шесть выхожу для пріемовъ, съ которыми теперь помирилась [2]); въ восемь я поднимаюсь на свои антресоли, куда собирается ко мнѣ болѣе избранное общество, въ одиннадцать ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мною шагъ за шагомъ всю зиму, если пожелаете» [3]).

Не въ этомъ ли строгомъ распредѣленіи дня, въ которомъ трудъ такъ умно и гармонически чередовался съ удовольствіемъ, съ семейными и общественными обязанностями надо искать тайну той ясности и послѣдовательности мысли, чуждой всякой односторонности, той бодрости духа и никогда не слабѣвшей дѣятельности, которыя отличали Екатерину?

24 мая 1785 года государыня съ большой свитой выѣхала

---

[1]) 365, 366.

[2]) Послѣ уединенія, вызваннаго смертью Ланскаго.

[3]) 367, 368.

изъ Петербурга на каналы и 1-го іюня писала Гримму изъ Твери: «Я отправилась осматривать водяныя сообщенія, доставляющія Петербургу съѣстные припасы и товары. Посолъ императорскій, посланники французскій и англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились въ моей свитѣ. Мы ѣхали по большой московской дорогѣ очень весело и въ наилучшемъ здоровьи, направляясь въ Боровичи, гдѣ предполагали пересѣсть на суда. Когда мы доѣхали до Вышняго Волочка, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать насъ ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ; никто его не слушаетъ, а онъ все толкуетъ свое. Какое дурачество! какъ въ Москву?— Да, въ Москву. — Да, гдѣ же взять лошадей? — Это ужъ мое дѣло.—Но мы хотимъ обѣдать, ужинать, говорятъ путешественники.—Вы все это найдете, — отвѣчаютъ имъ. Начинаютъ свыкаться съ этой мыслью, начинаютъ увлекаться ею; всѣ находятъ, что это будетъ прелестно и поддаются соблазну; графъ Брюсъ кидается въ карету и летитъ какъ молнія. Мы слѣдуемъ за нимъ, и вотъ мы въ Твери, въ чудную погоду, среди мѣстности, представляющей самые живописные ландшафты. Посолъ и посланники французскій и англійскій ѣдутъ въ моей шестимѣстной каретѣ; они всѣ трое очень уживчивы, очень образованы, XB. очень веселы; князь Потемкинъ, графъ Чернышовъ, оберъ-камергеръ, оберъ-шталмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторыя другія лица, всего шеснадцать человѣкъ, сопровождаютъ меня и наперерывъ стараются развеселить общество. Мы ѣдемъ сегодня послѣ обѣдни въ Москву; мы останемся тамъ два или три дня и вернемся, чтобъ опять сѣсть на суда въ Боровичахъ и плыть къ Петербургу. Что скажете вы объ этой шалости и что скажутъ газеты и застегнутые, которые продолжаютъ утверждать, что я при смерти?»

14 іюня: «Вотъ я вернулась изъ Москвы и уже двое сутокъ какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая должна завтра или послѣзавтра привести насъ въ Новгородъ, по озеру Ильменю, откуда мы войдемъ въ рѣку Волховъ, а эта принесетъ насъ въ

Ладожскій каналъ; потомъ войдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургѣ. О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, вы можете судить по прилагаемому здѣсь прекрасному литературному произведенію, которое написано подъ вліяніемъ этого настроенія. Надо отдать справедливость г. Сегюру: трудно быть любезнѣе и имѣть умъ пріятнѣе; ему, кажется, пріятно быть съ нами и онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ сочинялъ намъ стихи и пѣсни, а мы отвѣчали ему плохой прозой. Князь Потемкинъ моритъ насъ со смѣху во всю дорогу, да и всѣ другіе, кажется, лѣзутъ изъ кожи помогать ему. Погода превосходная и мы любуемся прелестными видами».

20 іюня, изъ Петергофа. «Третьяго дня доплыли мы по Невѣ до Петербурга, а вчера я сухимъ путемъ прибыла сюда. Посолъ и посланники англійскій и французскій были доставлены каждый до своего дома въ городѣ; ей ей, они бы согласились ѣхать со мною на край свѣта, еслибъ я того пожелала» [1) . . . . Здѣсь государыня высказываетъ похвалу Сегюру, нами уже приведенную, и продолжаетъ: «Замѣтьте пожалуйста, что англійскаго посла мы увезли больного; онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; боялись даже, чтобъ онъ не впалъ въ мрачную меланхолію, а назадъ мы его привезли выздоровѣвшимъ; онъ ѣстъ, пьетъ, хохочетъ и смѣшитъ другихъ; у него возвратился хорошій цвѣтъ лица и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ пожалуйста, какіе до васъ дойдутъ слухи о самомъ веселомъ путешествіи, какое, какъ я думаю, когда-либо предпринималось. По вашему приказанію вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца.

«Надо еще вамъ сказать, что въ теченіе всего моего путешествія, около тысячи двухсотъ верстъ сухимъ путемъ и шестисотъ верстъ водою, я нашла удивительную перемѣну во всемъ краѣ, который отчасти видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревушки, нашла я прекрасные города, отлично отстроенные

---

1) 341, 342.

изъ кирпича и камня; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе превзошли мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствіе моихъ распоряженій, которыя уже десять лѣтъ исполняются буквально, а я, глядя на все это, отвѣчала: Очень рада. Это не особенно остроумно, но зато сущая правда» [1]).

Такъ какъ прусскій посланникъ не участвовалъ въ путешествіи, то о немъ высказанъ слѣдующій отзывъ: «Я думаю, что это путешествіе приводитъ въ бѣшенство застегнутыхъ (les boutonnés), доказывая какъ дважды два четыре ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній» [2]).

Особенно подвижна была государыня въ это лѣто 1785 г., и 4-го іюля писала изъ Царскаго Села: «Наконецъ я вернулась сюда вчера вечеромъ, прорыскавъ шесть недѣль безъ одного дня; изъ Петергофа я ѣздила въ городъ, оттуда отправилась ночевать въ Осиновой рощѣ, оттуда поскакала въ Сюстербекъ и опять вернулась въ городъ; вчера я обѣдала и ужинала съ моими карманными министрами, посломъ императорскимъ, посланниками французскимъ и англійскимъ, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда пріѣхала сюда ...... Въ четвергъ я отправлюсь въ Пеллу съ моими тремя карманными министрами, а возвращусь въ понедѣльникъ ко дню Маріи Магдалины» [3]).

Въ Царскомъ Селѣ, 21 іюля. «Вчера въ эрмитажѣ распрощалась я со всей своей путевой компаніей, а при переѣздѣ водою изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ на одномъ креслѣ. Они представляли короля Дагобера и королеву Берту, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и хохотня, которыя продолжались до самой высадки на берегъ. Что вы объ этомъ скажете?..... Г. Кельхенъ увѣрялъ

[1]) 343.
[2]) Тамъ же.
[3]) 346.

насъ въ пути, что нельзя умереть отъ смѣха; я вѣрю этому, потому что никто не умеръ, хотя всѣ хохотали съ утра до вечера [1]).

Къ этому живому и полному веселости описанію путешествія приложены были разныя шуточныя дополненія: описаніе путешествія въ формѣ пародіи, во вкусѣ извѣстій распространявшихся объ императрицѣ и Россіи иностранными газетчиками, также стихи Сегюра, который, какъ извѣстно, имѣлъ даръ сочинять экспромтомъ, и между ними «эпитафія Земирѣ». Пародія же изображаетъ пріѣздъ въ Москву и происшедшій тамъ будто бы заговоръ и бунтъ, въ которомъ участвуютъ не только высшія сословія, но и самъ митрополитъ московскій. Окруженная опасностями, государыня спасается изъ одного дворца въ другой, и наконецъ въ загородные дворцы: Коломенское, Царицыно и вездѣ искусно и ловко ускользаетъ въ минуту опасности. Обратное путешествіе въ Петербургъ, гдѣ также готовится возстаніе, исполнено затрудненій всякаго рода: общество терпитъ нужду въ припасахъ, которыхъ никто не даетъ, при чемъ приведено имя тверского помѣщика Полторацкого во французскомъ переводѣ: «Un et demi». Наконецъ путешественниковъ ожидаютъ опасности на водяномъ пути, обилующемъ разбойниками и пр. Министрамъ и посланникамъ отведены при этомъ каждому своя роль, и шутка продолжается еще на петергофскомъ праздникѣ 29 іюня. Такія шутки и аллегоріи видимо очень нравились императрицѣ и ихъ въ перепискѣ встрѣчается нѣсколько по разнымъ поводамъ. Но всего заботливѣе старается Екатерина поразить ими завистниковъ Россіи и ея славы. Нѣтъ сомнѣнія, что для главы государства такое ясное сознаніе неустанной, направленной противъ Россіи вражды и происковъ иностранцевъ было чрезвычайно важно и вызывало ту твердую политику, которая была залогомъ достоинства и безопасности Россіи.

---

[1]) 347.

Ланскіе, Лагарпъ, графъ Бобринскій, Зельмира.

Въ 1781 году въ первый разъ упоминается имя Ланского въ слѣдующемъ обращеніи къ Гримму: «Царское Село, 31 августа 1781 г. Такъ какъ камергеръ Ланской [1]) посылаетъ своего двоюроднаго брата, подполковника Ланского, въ Парижъ съ курьерскимъ пашпортомъ, то я кончаю это письмо, поручая ему передать вамъ его въ собственныя руки. Рекомендую вамъ этого подполковника и прошу васъ быть ему полезнымъ, давать ему совѣты и изъ моихъ денегъ, которыми вы располагаете, выдать ему до трехъ тысячъ червонцевъ. Вы этимъ одолжите почтенное семейство, которое теперь въ тяжкомъ горѣ, причиненномъ вѣтреностью юноши, испорченнаго и увезеннаго негодяемъ; это братъ камергера Ланского, уѣхавшій изъ Дрездена въ Парижъ, говорятъ, безъ позволенія родителей. Съ нимъ отправился Фонтэнъ, пріѣхавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. За молодымъ человѣкомъ посланъ подполковникъ Ланской, съ тѣмъ чтобы привезти его обратно, или помѣстить его въ науку къ какому-нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоньѣ, и вотъ причина этого путешествія. Прошу васъ, помогите ему подъ рукою въ его поискахъ, и конечно такъ, чтобъ дѣло это производило какъ можно менѣе шуму; нашему повѣсѣ всего только 17 или 18 лѣтъ Еслибъ вы рекомендовали намъ въ Лозаннѣ или Болоньѣ какой - нибудь хорошій домъ, который согласился бы принять молодого человѣка на свое попеченіе, то премного бы насъ одолжили, и когда я сказала, что направлю курьера къ г. Гримму, то лицо брата просіяло удовольствіемъ, что доказываетъ въ какомъ почетѣ г. Гриммъ многострадальный у всѣхъ моихъ приближенныхъ» [2]).

Весьма характеренъ по поводу этой исторіи отзывъ Екате-

---

[1]) Камергеръ Ланской, Александръ Дмитріевичъ, является въ послѣдующихъ письмахъ подъ именемъ генерала Ланского. Двоюродный братъ его, Василій Сергѣевичъ, упоминается ниже подъ именемъ Базиля. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, единственный братъ Александра Дмитріевича—Яковъ.

[2]) 218, 219.

рины о тѣхъ иностранныхъ проходимцахъ, которые тогда уже наводняли Россію и, безъ всякаго разбору, съ улицы принимались въ лучшіе дома въ качествѣ воспитателей юношества: «Еще разъ прошу у васъ прощенія, что надѣлала вамъ хлопотъ письмомъ, котораго податель былъ подполковникъ Ланской. Генералъ Ланской самъ выразитъ вамъ благодарность, которую живо чувствуетъ; онъ очень раскаивается, что отправилъ своего брата въ Дрезденъ; но вѣдь не онъ придумалъ это путешествіе, не онъ откопалъ Фонтэна, но тѣ самые, кто теперь умываетъ себѣ руки въ этихъ событіяхъ, и которые однако были ихъ и первой и второстепенной причиной. Но что же дѣлать? Какъ ни кричи противъ того довѣрія, какое у насъ имѣютъ къ искателямъ приключеній всякаго рода, у насъ это до того вошло въ привычку, что её не выживешь, и развѣ только будущее поколѣніе отъ нея освободится. Вся эта исторія и поведеніе проходимца съ молодымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ приставленъ, должны возбудить ужасъ по отношенію къ подобнымъ людямъ. Опасности которымъ подвергался юноша, легко могутъ имѣть вліяніе на всю его жизнь» [1]). Вслѣдъ за этимъ государыня даетъ совѣты Гримму, какъ освободить молодого человѣка отъ преслѣдованій его Дульцинеи (какой-то Ленхенъ изъ Дрездена) и возвратить его въ повиновеніе родителямъ, предлагая для этого поѣздку въ Италію подъ руководствомъ двоюроднаго брата, который кроткимъ вліяніемъ долженъ былъ стараться обратить юношу на путь истинный. Гримму почему-то показалось что бракъ между этой особой и молодымъ Яковомъ Ланскимъ можетъ состояться, но императрица поспѣшила разувѣрить его въ этомъ и послѣ не разъ возвращалась къ тому же предмету съ живымъ участіемъ въ судьбѣ запутавшагося юноши. Но всего замѣчательнѣе этотъ эпизодъ тѣмъ, что привелъ въ Россію Лагарпа, будущаго воспитателя императора Александра I-го, выбраннаго по указанію Гримма сопровождать молодого Ланского въ этомъ путешествіи. Вотъ

---

[1]) 223.

какъ впервые является въ этой перепискѣ человѣкъ, который долженъ былъ впослѣдствіи имѣть не малое вліяніе на судьбы Россіи: «Хорошая нравственность, благоразуміе и здравый смыслъ г. Лагарпа такъ плѣнили присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо направилъ все дѣло, что оно идетъ совершенно согласно съ нашими желаніями, и онъ пріобрѣлъ репутацію и благодарность заинтересованныхъ. Итакъ мы не только одобряемъ, что другъ Лагарпъ направился въ Италію съ двоюродными братцами, но мы желаемъ, чтобъ послѣ поѣздки въ Италію, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Штутгардъ, котораго подробныя описанія насъ совсѣмъ разочаровали, они всѣ трое проѣхали бы черезъ Тріестъ, оттуда въ Вѣну, потомъ въ Подолію и Кіевъ и наконецъ потихоньку выѣхали бы на петербургскую дорогу. Будьте такъ добры и выдайте имъ изъ моихъ денегъ до Вѣны тысячу дукатовъ болѣе, чѣмъ я прежде назначила. Тамъ же, если имъ не хватитъ средствъ, князь Голицынъ снабдитъ ихъ»[1]. И въ этомъ же письмѣ прибавлено послѣ: «охотно устроимъ мы Лагарпу приличное положеніе»[2]. Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ два мѣсяца спустя, сообщается развязка этой исторіи: «Вы знаете или еще не знаете, что вашъ блудный и обрѣтенный сынъ, возвратится прямо сюда послѣ поѣздки своей по Италіи, и стало быть надо надѣятся, что дѣятельная жизнь, которую ему устроили, убережетъ его отъ женщины-змѣи, находящейся подъ вашимъ храненіемъ; вы поймете также, что весьма дурно поступили бы, еслибъ прислали ее къ намъ въ тюкѣ, потому что здѣсь семейство потребовало бы ея отсылки, опасаясь болѣе всего на свѣтѣ брака двухъ влюбленныхъ. Этотъ г. Лагарпъ, не похожій на другого, — хорошая голова»[3]. «Мы держимъ г. Лагарпа про запасъ; а покамѣсть онъ гуляетъ»[4], говорится въ маѣ 1784 г.

Признательность за спасеніе брата сблизила Александра

---

[1]) 229.
[2]) 230.
[3]) 231, 232.
[4]) 307.

Дмитріевича Ланского съ Гриммомъ и подала поводъ къ дружескимъ отношеніямъ и перепискѣ между ними. Извѣстно какія заботы положила Екатерина на образованіе ума и расширеніе познаній своего любимца, и вотъ какъ откровенно она сама говоритъ объ этомъ Гримму: «Чтобы вы знали, что̀ это за молодой человѣкъ, надо вамъ передать слова князя Орлова, сказанныя о немъ одному изъ друзей: «О, вы увидите какого онъ изъ него сдѣлаетъ человѣка! онъ все такъ и поглощаетъ». Началъ онъ съ того, что въ одну зиму поглощалъ поэтовъ и поэмы; въ другую — нѣкоторыхъ историковъ; романы наводятъ на насъ скуку, и мы черпаемъ вкусъ у Альгаротти [1]) и товарищей. Не пройдя серьезной науки, мы пріобрѣтаемъ безчисленныя познанія и намъ нравится только общество лучшихъ и образованнѣйшихъ людей; кромѣ того мы строимъ и сажаемъ, мы благотворительны, веселы, любезны и исполнены кротости» [2]). Говоря о красотѣ Ланского, государыня употребила выраженіе: онъ весь огонь, и душа такъ и искрится изъ глазъ его [3]). Изъ отзывовъ о немъ разсѣянныхъ въ перепискѣ видно, что въ немъ былъ сильно пробужденъ вкусъ къ художествамъ: онъ разыскивалъ камеи, картины и по его желанію пріобрѣтенъ былъ кабинетъ картинъ Бодуэна: «Каждое утро», говорится въ одномъ изъ писемъ, «генералъ Ланской шляется по всевозможнымъ мастерскимъ и у него есть свои многострадальные, которыхъ онъ заставляетъ работать какъ каторжниковъ» [4]). Онъ умѣлъ искусно дѣлать силуэты и доставлялъ нѣкоторые Гримму, заказывалъ для него хорошія копіи съ портретовъ императрицы и ея внучатъ и разными знаками вниманія старался доказывать ему свою признательность. Государыня разсказывала Гримму, что Ланской съ дѣтской радостью получаетъ его письма и потомъ хвастаетъ ими, прибавляя, что вотъ два друга, взаимно

---

[1]) Извѣстный итальянскій писатель и одинъ изъ величайшихъ знатоковъ своего времени въ художествахъ и архитектурѣ.

[2]) 244, 245.

[3]) 299.

[4]) 274.

нѣжно привязанные и не знающіе однако одинъ другого въ лицо. «Я передала генералу Ланскому», говорится въ одномъ письмѣ, «что вы желали бы, чтобъ васъ судьба почаще сталкивала съ кѣмъ-нибудь изъ Ланскихъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что очень радъ, если вы находите ихъ людьми умѣющими исполнять долгъ свой. Я же повторяю ежедневно, что это хорошее племя, но онъ перлъ изо всѣхъ, потому что ни одинъ, даже Базиль, не стóитъ своего двоюроднаго брата» [1].

Два раза жизнь Ланского была въ опасности: одинъ разъ отъ болѣзни, другой разъ отъ паденія съ лошади. Въ ноябрѣ 1782 г. говорится: «Генералъ Ланской порядочно напугалъ насъ: у него сдѣлалась воспалительная лихорадка, но слава Богу, онъ внѣ опасности и теперь ужъ храбро разъѣзжаетъ въ саняхъ» [2]. Въ августѣ же 1783 сообщено слѣдующее извѣстіе: «Когда генералъ Ланской узналъ, что отъ васъ ускользнула коллекція камеевъ и вы не купили ея, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ и не задохнулся; онъ узналъ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ ужаснаго паденія вмѣстѣ съ лошадью, которое уложило его на нѣсколько дней въ постель; однако теперь онъ совсѣмъ поправился, хотя сильно помялъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря своему прекрасному сложенію, онъ повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій» [3].

Въ 1784 году письма къ Гримму являются, ради шутки, часто съ подписью Ланского, какъ будто онъ бралъ государыню себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку. Въ этихъ письмахъ, полныхъ веселости, мы видимъ безпрестанные переходы отъ порученій и интересовъ Ланского къ ея собственнымъ дѣламъ и порученіямъ.

Письмо изъ Царскаго Села отъ 7-го іюня 1784, поразительное своимъ переходомъ отъ самой безпечной веселости къ безгра-

---

[1]) 286.

[2]) 258.

[3]) 282.

ничной горести, такъ замѣчательно, что нельзя не привести его здѣсь цѣликомъ:

«Я встала въ половинѣ седьмого и написала и занесла въ одну записку, которую веду подъ именемъ матеріаловъ, слѣдующее: — монастыри и общины — плохіе наслѣдники: они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ-чуръ хорошо, такъ что становятся несправедливы. Это прекрасное разсужденіе пробудило во мнѣ внезапное желаніе писать вамъ и сообщить, что я вчера слышала во второй разъ пѣніе удивительной Тоди [1]) и что эта пѣвица, по-моему единственная въ своемъ родѣ, необыкновенно взбудоражила мнѣ голову: она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства таковы, что они способны увлечь души и ученыхъ и невѣждъ. Сказавъ вамъ это, попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ и почему первая и вторая мысль могли итти рука объ руку и послѣдовать одна за другою въ моей головѣ, такъ какъ я не вижу между ними никакого сродства, развѣ только желаніе сообщить ихъ вамъ могло ихъ связать.

2 іюля. «Когда я начинала это письмо я была въ счастіи и радости, и дни мои летѣли такъ быстро, что я не знала куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубочайшую скорбь и счастье мое отлетѣло: я думала, что сама не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ мой воспитанникъ, — благодарный, кроткій и добросовѣстный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ; однимъ словомъ, рыдая, объявляю вамъ свое несчастіе: генерала Ланского нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Злокачественная горячка, соединенная съ жабой, въ пять сутокъ унесла его въ могилу, и комната

---

[1]) Пѣвица, пріѣхавшая въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Гримма.

моя, гдѣ мнѣ прежде было такъ пріятно, сдѣлалась для меня пустынной пещерой, въ которой я едва двигаюсь какъ тѣнь; и я схватила горловую боль съ жесточайшей лихорадкой наканунѣ его смерти; однако со вчерашняго дня я встала съ постели; но я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобъ рыданія не заглушали словъ моихъ; я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ; не знаю, что́ будетъ со мною, знаю только, что я никогда не была такъ несчастлива какъ теперь, когда лучшій и дорогой другъ мой меня покинулъ. Я открыла ящикъ и нашла этотъ начатый листокъ, написала эти строки, и вотъ силы покидаютъ меня» [1]).

Нужны ли какіе-нибудь комментаріи къ выраженію такой глубоко-человѣчной печали и той чувствительности женскаго сердца, въ которой многіе отказывали Екатеринѣ, считая это свойство несоединимымъ съ ея твердымъ мужественнымъ умомъ и геніальностью.

Такъ какъ письма Гримма отъ 1781 до 1784, за цѣлые три года, не сохранились, то мы и не можемъ привести его отвѣта на это скорбное письмо. Послѣ него переписка прерывается болѣе чѣмъ на два съ половиной мѣсяца, и вотъ какъ государыня сама изображаетъ свое состояніе за первыя недѣли послѣ смерти Ланского:

«Петербургъ, 9 сентября 1784 г.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ послѣднее отъ 11 (22) августа требуетъ скораго отвѣта.

Признаюсь, все это время я не въ состояніи была вамъ писать, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ іюльское письмо, пришли ко мнѣ графъ Федоръ Орловъ и князь Потемкинъ. До тѣхъ поръ я не могла выносить человѣческаго лица; но эти сумѣли взяться за дѣло: они принялись выть со мною, и я почув-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 316, 317.

ствовала при нихъ облегченіе, но надо было итти далѣе, а возбужденная чувствительность сдѣлала меня нечувствительной ко всему, кромѣ одной скорби. Эта скорбь росла и питалась на каждомъ шагу, съ каждымъ словомъ. Но впрочемъ не подумайте, что при такомъ ужасномъ состояніи я пренебрегала малѣйшимъ дѣломъ, къ которому требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ приходили за всѣми приказаніями и я давала ихъ аккуратно и сознательно: это особенно поражало генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ малѣйшаго облегченія; наконецъ наступили перемежки въ нѣсколько часовъ спокойствія, потомъ и цѣлые дни. Осень надвигалась, становилось сыро, понадобилось топить царскосельскіе покои; въ моихъ комнатахъ нáчало дымить, и такъ сильно, что 5 сентября вечеромъ, не зная куда дѣваться, я взяла карету и невзначай пріѣхала сюда въ городъ, когда никто не ждалъ меня, и прямо въ эрмитажъ. Вчера я въ первый разъ была у обѣдни, и стало-быть въ первый разъ я опять свидѣлась со всѣми, и всѣ меня видѣли; но право, это было такое великое усиліе надъ собою, что возвратясь въ свою комнату, я почувствовала совершенный упадокъ силъ. Другая на моемъ мѣстѣ упала бы въ обморокъ, что́ со мной никогда въ жизни не случалось». [1]).

«14 сентября 1784.

Мнѣ надо писать вамъ, надо бы перечесть ваши послѣдніе письма, но право я не могу; вы не услышите отъ меня ничего веселаго, потому что я стала существо весьма скучное, говорю только полусловами. Однако мнѣ теперь нѣсколько лучше нежели было, потому что я выхожу и могу выносить человѣческія лица. Посылаю вамъ двѣ тетради Русской исторіи [2]), переведенныя на нѣмецкій языкъ по вашему желанію. Голкондская царица пріѣхала, и все хорошо и прекрасно. Но...... все печалитъ меня...... [3]) А я никогда не любила внушать состраданіе. Видно, отъ подобнаго

[1]) 317, 318.
[2]) Екатерина сама писала Русскую исторію для своихъ внучатъ.
[3]) Оба ряда точекъ и въ подлинномъ письмѣ.

состоянія не умираютъ, потому что я жива и была въ постели только шесть дней. Изо всѣхъ, окружавшихъ больного во время этой злокачественной пятнистой горячки, которая началась съ горловой боли въ среду 19 іюня въ три часа пополудни, только я одна заразилась горловой болью и чуть не умерла отъ нея» [1]).

За этимъ слѣдуетъ подробный разсказъ о всемъ ходѣ болѣзни, о консиліумѣ и усиліяхъ докторовъ спасти больного, наконецъ о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ случаѣ былъ призванъ новоприбывшій докторъ Вейкардъ, принятый на русскую службу по рекомендаціи Циммермана. Изъ письма императрицы видно, что, чуждый всякой дворской политикѣ, онъ прямо объявилъ императрицѣ, что у Ланского злокачественная горячка и что онъ долженъ умереть. Когда это предсказаніе сбылось, Вейкардъ поспѣшилъ удалиться отъ двора [2]).

Въ томъ же письмѣ сказано: «Вы знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ двумя Ланскими и Базилемъ. Онъ находитъ своего ученика Александра даровитымъ».

21 сентября: «Скажу вамъ: что касается до дѣлъ общественныхъ, они пойдутъ своимъ чередомъ попрежнему; но что до меня лично,—я была очень счастлива и теперь лишилась этого счастья; я стараюсь утопить себя въ чтеніи и письмѣ, вотъ и все; во мнѣ осталась только крайняя чувствительность къ невознаградимой утратѣ, которую я испытала» [3]).

26 сентября: «Получила я вашъ № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьи; на это отвѣчу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ письма моего отъ 2-го іюля, но чрезвычайно огорчена; да, мнѣ невозможно обѣщать вамъ писать каждую недѣлю, потому что я буду забывать объ этомъ; да я и никогда не умѣла подчинить себя подобному этикету, и потомъ, за-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 319.

[2]) Ср. изданныя докторомъ Вейкардомъ записки: **Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte** etc. **Frankfurt und Leipzig**. 1802.

[3]) 320, 321.

чѣмъ такъ акуратно посвящать во все почтовыхъ чиновниковъ? Насчетъ рѣзныхъ камней, говорите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупала для себя, потому что не знаю въ нихъ толку и вовсе не стану покупать ихъ [1]). Если хотите имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, то скажу, что вчера исполнилось три мѣсяца, какъ я неутѣшно оплакиваю невознаградимую потерю, постигшую меня, и единственное замѣтное улучшеніе то, что я опять начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ, однакоже сердце все еще исходитъ кровью, какъ и въ первую минуту. Я исполняю долгъ свой и стараюсь дѣйствовать хорошо, но моя скорбь чрезмѣрна и никогда еще я такой не испытывала; и вотъ уже три мѣсяца какъ я въ такомъ положеніи и адски страдаю» [2]).

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Ланского, въ іюнѣ 1785 года, императрица вспоминаетъ и еще разъ изображаетъ свое нравственное состояніе послѣ этой потери. Извѣстно, что послѣ того, какъ первая ѣдкая скорбь ея нѣсколько ослабѣла, она болѣе чѣмъ когда-нибудь углубилась въ умственныя и особенно филологическія занятія, о которыхъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Гриммъ упрекалъ ее, что она слишкомъ много сидитъ взаперти, и на это она отвѣчаетъ: «Но послушайте, чего вы такъ кричите противъ моего маленькаго кабинета въ десять сажень и моего лексикона на двухстахъ языкахъ? Знаете ли вы, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета, чтобъ не пожелать въ немъ остаться, и что эта зала изо всѣхъ комнатъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится еще и теперь? Не проходитъ дня, чтобъ я, не взирая на вѣтеръ и ненастье, не проводила тамъ нѣсколько часовъ, когда я въ городѣ.... Вы находите, что я задыхаюсь подъ своимъ словаремъ, но это не совсѣмъ такъ въ дѣйствительности. Прошедшаго года въ этотъ день я

---

[1]) Изъ этого видно, что вкусъ къ рѣзнымъ камнямъ первоначально явился у Ланского, Мамоновымъ же былъ заимствованъ вѣроятно въ угожденіе императрицѣ, такъ какъ воскрешалъ для нея драгоцѣнныя воспоминанія.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 322.

была больна при смерти и почти безнадежна. Послѣ того, что я двѣ недѣли была между жизнью и смертью, являются къ намъ друзья на помощь: князь Потемкинъ изъ Крыма и графъ Федоръ Орловъ изъ Москвы. Это помогло, но сначала я не могла переносить этой помощи: ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи сказать слово или выразить мысль, которая была бы намъ по душѣ. Я была печальна, они желали видѣть меня опять веселой по привычкѣ, и все выходило не то. Надо было подвигаться тихо, шагъ за шагомъ, и на каждомъ шагу выдерживать битвы изъ которыхъ одна проигрывалась, другая была выиграна. Время однако не стояло: оно текло, хотя казалось безконечно долгимъ и все было вяло, скучно. Но князь (Потемкинъ) былъ очень хитеръ: онъ ходилъ вокругъ, какъ котъ. Если одно обстоятельство было не подходящее, онъ повертывался въ сторону и являлся съ новымъ предложеніемъ. Наконецъ я стала немножко повеселѣе. Это понравилось господину утѣшителю: тогда онъ принялся еще болѣе развеселять насъ и такъ пробудилъ меня отъ сна смерти» [1]).

Вѣнцомъ этихъ усилій Потемкина разсѣять грусть государыни и было путешествіе по каналамъ и поѣздка экспромтомъ въ Москву, такъ живо ею описанныя.

Заботы Екатерины II о воспитаніи графа Алексѣя Бобринскаго извѣстны. Любопытно однако прослѣдить въ перепискѣ ея съ Гриммомъ, какъ она характеризовала юношу, за судьбой котораго внимательно слѣдила, и какія принимала мѣры, чтобъ выводить его изъ затрудненій и спасти его отъ послѣдствій юношескаго легкомыслія. Раннее дѣтство свое Бобринскій провелъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ поступилъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Бецкій. Окончивъ свое воспитаніе 20-ти лѣтъ, онъ отправился въ путешествіе, сначала по Россіи, потомъ за границу въ сопровожденіи полковника Бушуева, академика Озерецковскаго и трехъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 344.

товарищей по корпусу: Болотникова, Свѣчина и Борисова. Но какъ скоро Бобринскій попалъ въ Парижъ, онъ уже не захотѣлъ выѣхать оттуда и спутники его были отозваны обратно въ Россію. Освободившись отъ всякой опеки, онъ поселился въ Парижѣ и своею расточительностью навлекъ на себя нѣсколько непріятныхъ исторій. Всѣ приписывали его образъ жизни дурному вліянію бывшаго при немъ съ ранней юности полковника де-Рибаса[1]), приближеннаго къ нему Бецкимъ.

Въ апрѣлѣ 1785 г. государыня спрашиваетъ Гримма: «Что такое это дѣло Бобринскаго? Онъ остался и такъ-сказать основался въ Парижѣ. Этотъ молодой человѣкъ необыкновенно безпеченъ, но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ. Онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ дурныя общества. Онъ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, кто находился при немъ[2]): однимъ словомъ, ему захотѣлось пожить на волѣ и эту волю ему дали. Впрочемъ онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ годоваго дохода и ему посылаютъ деньги по востребованію. Еслибъ вы могли поразвѣдать о положеніи его дѣлъ въ Парижѣ, вы очень одолжили бы меня. Получаетъ ли онъ деньги, или не получаетъ?[3]) Есть ли у него долги? Постарайтесь, если можете, предупредить исторіи подобныя той, какую сообщилъ вамъ Жюинье. Не худо было бы, еслибъ кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, но если онъ это замѣтитъ, то я опасаюсь, что недовѣрчивость заставитъ его надѣлать новыхъ промаховъ. Онъ немного своеобразная голова, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Но онъ не лишенъ ума, знаній и даже дарованій»[4]).

21 апрѣля 1786 г., «Я пользуюсь конвертомъ Бахуса Глуто-

---

[1]) Замѣчательно письмо, въ которомъ самъ де-Рибасъ оправдывается передъ молодымъ Бобринскимъ отъ клеветъ, будто бы возведенныхъ на него врагами и вслѣдствіе которыхъ онъ не былъ избранъ сопровождать его въ новое путешествіе. (См. *Русск. Арх.* 1876, ч. III, стр. 24).

[2]) Полковника Алексѣя Михайловича Бушуева.

[3]) Этотъ вопросъ явно доказываетъ, что до императрицы доходили слухи о расчетахъ его съ де-Рибасомъ и недобросовѣстности Бецкаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 332, 333.

новича[1]), чтобъ сказать вамъ, что третьяго дня уѣхалъ курьеръ, везущій вамъ мою громадную депешу, а я съ тѣхъ поръ поразмыслила и узнала кое-какія маленькія обстоятельствв, которыя были мнѣ неизвѣстны насчетъ молодого человѣка, протеже г-на Жюинье. Изъ письма вами присланнаго видно, какъ этотъ послѣдній показалъ ему участіе. Никогда бы вы не отгадали, что это интрига Ирода. Однакоже доказательства у меня въ рукахъ. Итакъ прошу васъ написать г-ну Б. (графу Алексѣю Бобринскому), что вы по моему приказанію сообщаете ему: что банкиръ Сутерландъ откроетъ ему ежегодный кредитъ въ тридцать тысячъ и что онъ Б. вполнѣ воленъ оставаться тамъ, гдѣ ему всего лучше понравится, воленъ также и возвратиться. Надо сказать, что вышеупомянутая проклятая шайка застегнутаго породила въ головѣ Б. призракъ воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничьимъ врагомъ не былъ[2]). Вы еще лучше сдѣлаете, если зазовете его къ себѣ и сами поговорите съ нимъ. Посовѣтуйте ему обращаться къ вамъ. Вы увидите, что онъ не глупъ, но очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извиненія, что утруждаю васъ и предоставляю вамъ дѣйствовать по усмотрѣнію, только бы онъ зналъ, что будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно»[3]).

Царское Село, 22 іюля 1786: «Все, что вы мнѣ говорите объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не удивляетъ меня, потому что онъ принадлежитъ къ роду людей весьма своеобразныхъ, отъ которыхъ многое наслѣдовалъ, но онъ никакъ не долженъ умирать съ голоду изъ-за прихоти посторонних людей, не имѣющихъ никакихъ правъ на него[4]). Онъ совершенно воленъ остать-

---

[1]) Не легко догадаться, кого именно императрица и Гриммъ разумѣютъ подъ этимъ именемъ: судя однакожъ по свойствамъ, которыя Екатерина въ одномъ письмѣ приписываетъ банкиру Сутерланду, мы заключаемъ, что именно онъ и есть Бахусъ Глутоновичъ. (См. *Сб. И. О.* XXIII, 585).

[2]) Мы уже упоминали, что германская политика пыталась воздвигнуть Екатеринѣ врага въ лицѣ Бобринскаго.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.

[4]) Ясно, что государыня разумѣетъ тутъ Бецкаго.

ся или возвратиться, и на что бы онъ ни рѣшился, деньги его будутъ ему доставлены. Его годовой доходъ превышаетъ 37,000 рублей; капиталъ положенъ въ воспитательный домъ. Не понимаю, какимъ образомъ случилось, что онъ этого не знаетъ, такъ какъ въ 1782 году я написала ему собственноручное письмо, чтобъ сообщить ему, какъ великъ его капиталъ и доходы. Его разсужденія о Бецкомъ весьма справедливы и разумны; не понимаю, зачѣмъ бы этому послѣднему впередъ вмѣшиваться въ его дѣла, потому что воспитательный домъ долженъ платить проценты съ капитала ему, молодому человѣку, или его повѣреннымъ. Посылаю вамъ при этомъ счетъ всего капитала и копію съ моего распоряженія по этому предмету. Прилагаемая при семъ записка Бецкаго доказываетъ, что онъ опять желалъ къ нему придраться. Я положительно остановила это, написавъ ему, чтобъ проценты были посланы безъ придирокъ и что всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ и не заслужилъ бы моего одобренія» [1].

Вотъ записка Бецкаго: «По повелѣнію вашего величества, Сутерланду будетъ уплачено, и это было бы уже сдѣлано, еслибъ онъ намъ представилъ квитанціи гг. Бобринскаго и Бушуева, чтобъ окончить старые счеты по первому векселю и узнать достовѣрно, съ какого числа начать считать 10,000 по третямъ, тѣмъ болѣе что г. Бобринскій, по первымъ приказаніямъ вашего величества, получалъ со всей суммы своихъ капиталовъ 37,645 р. дохода и имѣетъ въ своихъ рукахъ расписку совѣта, которую придется уничтожить, пославъ ему другую въ 30,000 [2]). Смѣю, наипокорнѣйше представить вашему величеству, что г. Бобринскій, по вышеупомянутому свидѣтельству имѣетъ право получать свои доходывсякимъ другимъ путемъ, какой ему заблагоразсудится.

И. Бецкій.

«19 іюля 1786. Простите великодушно, государыня, мой дрожащій почеркъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 380.

[2]) Здѣсь Бецкій иронически даетъ почувствовать императрицѣ, что доходъ Бобринскаго значительнѣе, чѣмъ она полагала: что она забыла собственное распоряженіе. Это было также средство выставить на видъ свою честность.

На другой сторонѣ записки Бецкаго собственной рукою императрицы написаны слѣдующія строки:

«На эту записку Бецкаго, въ отвѣтъ на письмо мое отъ 13 іюля, я отвѣчала, что 43,645 рублей должны быть ему доставлены и что всякія крючки возбудятъ мое негодованіе»[1]).

Въ концѣ того же письма отъ 23 іюля сказано:

«Молодой человѣкъ совершенно свободенъ располагать своей судьбою. Такъ какъ въ настоящую минуту военнымъ у насъ не предстоитъ никакого дѣла, то онъ можетъ оставаться, вернуться, дѣлать что̀ ему нравится; еслибъ гдѣ-либо открылась война, ему можно бы посовѣтовать итти волонтеромъ. Если захочетъ видѣть Англію, и это ему дозволено. Если онъ возвратится, онъ будетъ отправлять службу, пока подойдетъ его очередь выйти въ армію»[2]).

Во время путешествія своего по южной Россіи государыня пишетъ коротенькое письмецо изъ Кіева отъ 16 февраля 1787 года: «Я получила здѣсь два письма Бецкаго, къ которымъ были приложены два другія отъ молодого Бобринскаго изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января, гдѣ онъ жалуется, что терпитъ нужду, и проситъ денегъ у перваго, тогда какъ тотъ увѣряетъ, что годовые проценты переданы были Сутерланду банкиру. Прошу васъ не оставлять безъ денегъ молодого Бобринскаго и устроить такъ, чтобъ онъ сосчиталъ или поручилъ сосчитать что̀ онъ получилъ и чего не дополучилъ и что̀ ему слѣдуетъ получить; онъ можетъ разсчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые принадлежатъ ему и составляютъ его состояніе и которыми никто не долженъ и не можетъ располагать, кромѣ него»[3]).

Въ апрѣлѣ того же года государыня говоритъ: «Какъ мнѣ при-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 380, 381.
2) 383.
3) 405.

скорбью, что Бобринскій входитъ въ долги; онъ знаетъ свой доходъ, который весьма изряденъ; но за тѣмъ у него нѣтъ ничего. Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ свой доходъ за два года и даже болѣе. Ну чтожъ! надо войти въ соглашеніе съ его кредиторами, чтобъ долги его были заплачены, и вотъ какимъ образомъ: ему извѣстно сколько у него годового дохода; пусть они (кредиторы) оставятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай выдастъ имъ обязательство отдавать имъ доходъ до полнаго погашенія долга. Странно, что такой скряга, какъ онъ, увлекся до подобной растраты своего бюджета. Я могла бы послать когонибудь, чтобъ выручить этого господина, но онъ такой дикарь и скрытникъ, что пожалуй встрѣтитъ это съ недовѣріемъ: скажется больнымъ и увернется. Я думаю, всего бы лучше вамъ зазвать его къ себѣ и сказать ему, что я вамъ поручила посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не биться объ закладъ на такія суммы, которыя превышаютъ его доходъ, а расплатиться съ долгами указаннымъ выше способомъ. Вы тогда услышите, что́ онъ скажетъ; потребуйте отъ него откровеннаго признанія, и если онъ покается, то заставьте его изложить письменно, какъ онъ желаетъ распутаться. Если же онъ напротивъ станетъ скрытничать и будетъ стараться ускользнуть, представьте ему послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили г. Бушуеву, что ему захотѣлось затѣмъ полной независимости, и ему дали волю. Но послѣдствіемъ этого было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если впредь станетъ лучше и осмотрительнѣе распоряжаться своими деньгами, а впрочемъ, если хочетъ разоряться, то это его дѣло. Чтобъ выручить его изъ Парижа, я думаю, надо бы ему посовѣтовать ѣхать въ Англію: тамъ найдутся русскіе корабли, на которыхъ онъ, если захочетъ, можетъ сдѣлать морскую кампанію, такъ какъ не предстоитъ сухопутной. Если вы увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ къ отъѣзду, вы можете выдать ему на перехватъ до тысячи червонцевъ, но ни копейки сверхъ этого,

потому что, я полагаю, ему будетъ полезно испытать хоть немножко такого рода нужду. Вы должны знать, что при большомъ умѣ и даже отвагѣ, нашъ молодой человѣкъ слыветъ завзятымъ лѣнтяемъ, и умѣлъ пріобрѣсти репутацію рѣдкой распущенности, но ко всѣмъ этимъ недостаткамъ, которые могутъ со дня на день измѣниться къ лучшему, не надо относиться строго: можетъ-быть нужда его исправитъ, потому что основа у него хорошая, но мы не на мѣстѣ. Впрочемъ Сутерландъ давалъ ему взаймы подъ его доходы, и если предоставить, какъ я выше говорила, доходы его кредиторамъ, то я полагаю, что они будутъ довольны» [1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1787 года, по возвращеніи своемъ изъ путешествія, императрица писала изъ Коломенскаго: «Останавливаюсь единственно на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится молодой человѣкъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей, и чтобъ не имѣть никакого дѣла съ его прежнимъ любезнымъ опекуномъ и съ несносными каверзами, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, упрямства и недостатка доброй воли, я приказала фактотуму прислать вамъ 23,000 рублей, въ которыхъ молодой человѣкъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ запаснаго его капитала, о которомъ онъ ничего не знаетъ и не долженъ знать; итакъ вы можете дать этому какой хотите оборотъ, лишь бы вы уплатили или велѣли уплатить то, что необходимо» [2]).

Вскорѣ послѣ того государыня опять справляется о положеніи Бобринскаго и говоритъ: «Надѣюсь, что молодой человѣкъ выпутался изъ бѣды, потому что кромѣ 23,000 ему посланныхъ, я приказала письмомъ г. Бецкому послать ему 51,426 рублей, которые онъ просилъ и которыми тотъ увеличилъ его капиталъ. Итакъ вотъ у него въ рукахъ 51,426+23,000=74,426 рублей, кромѣ третныхъ денегъ. Коли онъ не хочетъ разориться, то

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 401, 402.
2) 412, 418.

хорошо сдѣлаетъ, если не часто будетъ предаваться подобнымъ кутежамъ, которые не принесутъ ему ни чести, ни радости»[1]).

Въ октябрѣ 1787 года: «Скажите или напишите молодому человѣку, что рѣшено не принимать никакихъ волонтеровъ въ армію, ни своихъ, ни чужихъ, и стало-быть онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ находится, заплатить свои долги и тратить свой доходъ. Премного благодарю васъ за ваши старанія устроить дѣла его. Не захочетъ ли онъ сѣсть въ Англіи на одинъ изъ нашихъ кораблей, отправляющихся въ Средиземное море?»[2]).

Въ ноябрѣ того же года: «Благодарю васъ за всѣ хлопоты ваши по дѣламъ молодого человѣка. Не правда ли, что это голова, которая постоянно страшится, чтобъ кто-нибудь не присвоилъ себѣ право руководить её, и изъ боязни чтобъ ея не направили вправо, беретъ всегда влѣво, а потомъ говоритъ про себя: — О! я таки никому не позволилъ распоряжаться собою; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Слава Богу, что онъ заплатилъ долги и вы съ этимъ покончили. Я полагаю, что вы хорошо сдѣлаете, если уплатите остальные 15 тысячъ ливровъ, и отошлете мнѣ расписки, какъ предлагаете. Чтó при этомъ всего страннѣе въ молодомъ человѣкѣ, такъ это то, что онъ въ сущности очень скупъ. Вы будете имѣть насчетъ этого дѣла особое утвержденіе. Но какъ хотите вы, чтобъ я подобнаго мота (panier percé) поставила во главѣ полка? У него нѣтъ еще ни опытности, ни даже простого здраваго смысла»[3]).

Вотъ обѣщанное официальное утвержденіе израсходованныхъ для расплатъ за Бобринскаго суммъ:

«Господинъ баронъ Гриммъ! Одобривъ употребленіе, сдѣланное вами изъ переданныхъ вамъ до сего числа суммъ насчетъ гвардіи капитанъ-лейтенанта Бобринскаго, пишу къ вамъ это

---

[1]) 415.
[2]) 418, 419.
[3]) 424, 425.

письмо, чтобъ оно служило вамъ общею квитанціею во всѣхъ сказанныхъ суммахъ. Затѣмъ молю Всевышняго, дабы Онъ сохранилъ васъ подъ святымъ Своимъ покровомъ. Екатерина» [1]).

Гриммъ дѣйствительно выпроводилъ Бобринскаго въ Англію, куда писалъ ему письма, предостерегая отъ новыхъ опасныхъ связей, которыя въ Англіи еще губительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ передавалъ Бобринскому желаніе императрицы, чтобъ онъ ѣхалъ въ Средиземное море, говоря что она особенно цѣнитъ морскую службу, такъ какъ ей принадлежитъ слава возрожденія мореходства, созданнаго въ имперіи Петромъ Великимъ [2]).

Надо полагать, что дѣла Бобринскаго дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и пересудамъ, особливо за границей, такъ какъ государыня въ апрѣлѣ 1788 г. пишетъ Гримму: «Императрица ни изъ какихъ другихъ источниковъ не платила долговъ повѣсы, какъ только изъ доходовъ съ имѣнія, которымъ онъ здѣсь владѣетъ» [3]).

Тогда, вѣроятно чтобъ прекратить всѣ толки, она рѣшилась выписать его въ Россію и, чтобъ окончательно распутать его дѣла и спасти его отъ разоренія, назначила къ нему опекуномъ Завадовскаго, о чемъ извѣстила Гримма: «Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Ригу, откуда я его отправила въ Ревель. Туда же поѣхалъ его опекунъ, чтобъ съ нимъ уладить его дѣла и вывести все на чистую воду; теперь мы сдаемся на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе что разорился; я сказала, что если у него осталось столько, что ему есть съ чѣмъ ѣхать въ армію, пусть ѣдетъ» [4]).

Замѣчательное по силѣ, твердости и правдивости письмо Екатерины къ Бобринскому, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ и ту истинную нѣжность, которая хочетъ прежде всего душевной пользы и исправленія любимаго существа, и отвѣтъ полный раскаянія

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 435.
[2]) См. *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 32.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 447.
[4]) 448.

заблудшаго юноши напечатаны были вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами Бобринскаго въ *Русскомъ Архивѣ*[1]). Гриммъ, зная слабость человѣческаго сердца, конечно думалъ быть пріятнымъ императрицѣ, ходатайствуя, чтобъ Бобринскому данъ былъ полкъ. Честный же и энергическій отвѣтъ Екатерины доказываетъ, что она ни на минуту не забывала своей царственной отвѣтственности и умѣла, гдѣ нужно, ставить пользы своего государства выше своихъ частныхъ интересовъ.

Екатерина выдержала свой характеръ и скоро въ Бобринскомъ добрыя наклонности взяли верхъ надъ увлеченіями. Благодаря стараніямъ графа Завадовскаго, дѣла его были распутаны и онъ купилъ себѣ имѣніе Оберъ-Паленъ, а потомъ женился на женщинѣ высокихъ качествъ, баронессѣ Унгернъ-Штернбергъ, но кажется, оставался въ Эстляндіи до конца жизни Екатерины. Послѣ смерти ея онъ былъ внезапно взысканъ милостями императора Павла Петровича и вызванъ въ Петербургъ.

Замѣтную роль въ перепискѣ съ Гриммомъ играетъ родственная молодая чета: братъ великой княгини Маріи Феодоровны Фридрихъ, впослѣдствіи король Виртембергскій, женившійся на Августѣ, принцессѣ Брауншвейгской, которая является въ письмахъ подъ вымышленнымъ именемъ Зельмиры.

Уже въ началѣ ихъ брака и пребыванія въ Россіи возникли между супругами семейные раздоры. Въ распространеніи слуховъ о томъ императрица подозрѣвала прусскаго посланника Гэрца и не становилась сначала ни на ту, ни на другую сторону; но, по свойственному душамъ благороднымъ и высокимъ безпристрастію, относилась къ обоимъ супругамъ безъ предубѣжденій, стараясь найти хорошія и примиряющія качества въ обоихъ. Такъ въ іюлѣ 1782 года государыня пишетъ изъ Царскаго Села: «Я охотно становлюсь на сторону Зельмиры, потому что возможно ли наконецъ вмѣнять человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ то, что ему таковымъ не кажется? Но я хочу пого-

[1]) *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 13, 14.

ворить съ вами о мужѣ Зельмиры, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но котораго, мнѣ кажется, оклеветали несправедливо. Мы нашли его здѣсь: толстая масса и ничего больше. Мы далеки были отъ того, чтобъ считать его жестокимъ, подозрѣвать его въ жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи. Мы видѣли его въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаруживалъ сострадательность, большое благодушіе и даже благородство въ образѣ мыслей. Онъ два раза былъ въ ссорѣ со своимъ зятемъ [1]) изъ-за пустяковъ и вышелъ изъ этого положенія съ достоинствомъ. Разъ, заставъ женщинъ своей сестры въ слезахъ, онъ упрекалъ её зачѣмъ она бранитъ ихъ, и много было такихъ случаевъ, которые говорятъ болѣе въ его пользу нежели противъ него. Но, сознаюсь вамъ откровенно, что я сильно подозрѣваю ледянаго и застегнутаго, не пролилось ли тутъ его желчи, такъ какъ онъ часто лжетъ изъ любви къ ремеслу. Мнѣ случалось видѣть въ свѣтѣ, какъ часто выставка высокихъ чувствъ и доброты сердечной прикрываютъ злобу и самую жестокую клевету: фальшивость надѣваетъ всякія маски, а когда ей нечѣмъ прикраситься, то называетъ свои козни и происки политикой и ловкостью. Это — обыкновенная уловка эгоистовъ, на которыхъ я болѣе чѣмъ когда-либо сердита съ тѣхъ поръ какъ они признали эгоистомъ Кесаря, который былъ менѣе всего эгоистомъ. И это оттого, что такіе господа никакъ не могутъ выйти изъ узкаго маленькаго кружка своего *я*, который онѣ себѣ создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Кесаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова» [2]).

О принцессѣ Августѣ государыня отзывается такъ: «Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо; я даже тщательно старалась разобрать, кто изъ двухъ, мужъ или жена, болѣе виновенъ, и мнѣ кажется что мужъ могъ бы имѣть обхожденіе менѣе грубое; однако теперь говорятъ, что семейныя отношенія улучшились противъ

---

[1]) Вел. княземъ Павломъ Петровичемъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 249. Юлій Кесарь былъ любимымъ героемъ Екатерины II.

прежняго» [1]). «Такъ какъ Зельмира лежитъ, то очень трудно сказать, что́ она такое: она рта не раскрываетъ. Я все на свѣтѣ дѣлала, чтобъ она почувствовала себя со мной не стѣсненною, но мнѣ это не удалось; посмотримъ, не будетъ ли она сообщительнѣе лѣтомъ» [2]). «Видите ли: по правдѣ сказать, у насъ Зельмира слыветъ не очень умной, но такъ какъ мнѣ удается разсмѣшить её до упаду и она любитъ всѣ живыя упражненія, то я не могу согласиться съ большинствомъ. Но я полагаю, что ея бука внушилъ ей такой страхъ, еще поддерживаемый золовкою [3]) въ отсутствіи буки, который въ Херсони съ мая мѣсяца (NB онъ вернулся [4]), что Зельмира боится говорить; впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ; я подозрѣваю, что мать [5]) не такого орлинаго ума, какъ отецъ. Зельмира не такъ выработана, какъ можно бы ожидать: у насъ ее не находятъ ни умной, ни любезной, потому что она все мечтаетъ и молчитъ» [6]).

Два года спустя, въ апрѣлѣ 1785: «Вы мнѣ пишете о Зельмирѣ и поручаете мнѣ её отъ имени родителей. Я должна прежде всего сказать вамъ, что она ведетъ себя превосходно и что её рѣшительно не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ совершенно невозможный, который такъ грубо и неуважительно съ нею обходится, что онъ уморитъ съ горя эту бѣдняжечку, и я даже не могу сказать, безопасны ли съ нимъ ея жизнь и здоровье. У нихъ произошла на прошедшей недѣлѣ возмутительная сцена, о которой всѣ знаютъ: онъ билъ её, таскалъ за волосы и потомъ заперъ её на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, зять, всѣ рѣшительно на сторонѣ жены. Какъ только я узнала объ этомъ, то, щадя жену и тѣхъ кто въ ней принимаетъ участіе, я, чтобъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 263.
[2]) 271.
[3]) Великой княгиней Маріей Феодоровной.
[4]) Приписано послѣ.
[5]) Августа, дочь принца Фридриха Вельсскаго.
[6]) *Сб. И. О.* XXIII, 289, 290.

не огласить дѣла, выслала мужа въ его губернію [1]) подъ предлогомъ спѣшнаго порученія; при отъѣздѣ они слегка помирились, но надо предвидѣть, что миръ не будетъ проченъ; она поѣдетъ со мной на дачу, куда я переѣзжаю послѣ-завтра: господинъ супругъ ежечасно повторяетъ ей, что онъ её терпѣть не можетъ; это самое нѣжное привѣтствіе, какое ей приходится слышать отъ него. Я полагаю, полезно было бы для бѣдняжки чтобъ родители ея знали, въ какомъ она несчастномъ положеніи, и безъ малѣйшей вины съ ея стороны; но надо бы внушить имъ, чтобъ они не оглашали этого. Она вовсе не знаетъ, что я вамъ объ этомъ пишу, а пишу я потому, что предвижу, что рано или поздно придется развести ихъ, если не захотятъ уморить её. Вы сдѣлаете изо всего этого такое употребленіе, какое вамъ покажется лучшимъ. Если будетъ возможно, мы постараемся отвращать всякій случай, который могъ бы нарушить миръ, но съ такимъ бѣшенымъ человѣкомъ это будетъ трудненько» [2]).

Черезъ два мѣсяца послѣ того государыня пишетъ Гримму: «Послушайте же, вѣдь я ужъ писала вамъ о Зельмирѣ и ея несчастномъ положеніи; я держала ея сердитаго мужа цѣлыхъ два мѣсяца вдали отъ нея; теперь я не имѣю на это болѣе приличнаго предлога: онъ вернулся сюда; сестра и зять опасаются возобновленія сценъ. Эта бѣдная женщина замѣтно таетъ; передали ли вы отцу Зельмиры, какъ я васъ о томъ просила, о несчастномъ положеніи его дочери? Если вы этого еще не сдѣлали, прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей то, что я вамъ сообщила и, кромѣ того, что для спокойствія сестры и зятя я вынуждена буду скоро выслать бездѣльника домой. Что же тогда станется съ бѣдной, невинной Зельмирой? Какъ послѣдовать за такимъ человѣкомъ, отъ котораго она можетъ ожидать только жестокаго обращенія? Я бы желала, чтобъ отецъ Зельмиры согласился сговориться со мной, какъ облегчить судьбу этой несчастной женщины.

---

[1]) Онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 340.

Отецъ погрозилъ, что онъ запретъ её, если она вздумаетъ покинуть мужа, но не хочетъ ли папаша самъ попробовать пожить съ этимъ неучемъ? Онъ увидѣлъ бы, что отъ него можно ждать только брани, да побоевъ. Я думаю, что Зельмира недолго протянетъ съ этимъ дуралеемъ; даже дѣти его, какъ они ни малы, смертельно его боятся. По-моему, надо выбрать и предпринять три способа помочь дѣлу, если оно дойдетъ до развязки, то-есть если этотъ уродъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и питаютъ къ нему отвращеніе какъ къ гадинѣ: 1) чтобъ Зельмира возвратилась спокойно къ своимъ родителямъ; 2) если родители на это несогласны, пусть она останется здѣсь, или ѣдетъ и поселится въ другомъ мѣстѣ; 3) чтобъ дѣти не были отданы отцу, а сыновья были поручены виртембергскому правительству, дочери же были бы оставлены у матери, которая безукоризненнаго поведенія. Короче, повторяю въ сотый разъ, я обѣщала Зельмирѣ свое покровительство: я ей дала слово, что не покину ея; я очень желаю, чтобъ отецъ и мать знали это, и не допущу, чтобъ она тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлалась еще несчастнѣе. Я хочу, чтобъ въ случаѣ, если ей нельзя будетъ оставаться съ грубьяномъ, она имѣла спокойное убѣжище, и объявляю вамъ начистоту, что я не позволю Зельмирѣ покинуть Россію, пока не удостовѣрюсь надлежащимъ и вѣрнымъ образомъ, что она будетъ въ полнѣйшей безопасности. Слышите ли? Ясно ли вамъ все это и поговорите ли вы объ этомъ, какъ слѣдуетъ, съ папашей, или нѣтъ? И если вы не можете говорить съ нимъ объ этомъ, я заставлю говорить другихъ; но такъ какъ онъ васъ употребилъ, чтобъ поручить мнѣ свою дочь, то я полагаю, что вы бы и могли сказать ему все, что я вамъ говорю для блага его дочери» [1].

Въ концѣ этого же письма прибавлено: «Бука немножко лучше обращается съ Зельмирой; зять и сестра читаютъ ему мораль» [2].

Въ сентябрѣ 1785: «Зельмира уѣхала со своимъ букой въ

[1] 344, 345.
[2] 347.

Финляндію [1]), гдѣ дѣтямъ ихъ привили оспу; письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только въ случаѣ надобности. Она пишетъ золовкѣ, что они хороши между собой, и если онъ будетъ продолжать съ ней такъ же хорошо обращаться, то она будетъ довольна. Онъ, кажется, намѣренъ возвратиться во-свояси будущею весною; его терпѣть не могутъ какъ гадину въ его губерніи и, по мнѣнію зятя и сестры, ни минуты нельзя расчитывать на это примиреніе [2]).

Въ ноябрѣ 1785 г. императрица пишетъ о Гэрцѣ и женѣ его: «Около мѣсяца, какъ старый брюзга (Krippenbeißer [3]) убрался отъ насъ. Право, этотъ человѣкъ олицетворенная жолчь; онъ служилъ своему господину не ревностно только, а бѣшено; онъ задавался задачей быть злымъ; если это называется быть пріятнымъ при дворѣ, право нѣтъ награды, которой бы онъ не заслуживалъ; не наговорилъ ли онъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, потому что она всѣми возможными способами старалась повредить бѣдняжкѣ въ мнѣніи свекрови и ужъ мой сынъ и моя невѣстка обличили эту гадкую женщину и удалили ее отъ Зельмиры....

«Зельмира и мужъ ея возвратились изъ Выборга; она увѣряетъ, что это лѣто нельзя было на него жаловаться; вотъ ужъ три недѣли какъ они здѣсь. Сегодня она у меня обѣдала. Я не отдала ей писемъ ея родителей и отдамъ ихъ только, когда сочту нужнымъ. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна: и она не столько застѣнчива, сколько подавлена горемъ. Такъ какъ они въ ладахъ, то я не хочу разбудить задремавшаго звѣря; но если несогласіе возникнетъ опять, я пущу въ ходъ письма, и родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Она была въ Царскомъ Селѣ этимъ лѣтомъ безъ мужа, и осенью она ѣз-

---

[1]) Въ Выборгъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 363.

[3]) Въ собственномъ смыслѣ Krippenbeißer означаетъ лошадь, имѣющую привычку грызть ясли; въ переносномъ — злого и сварливаго человѣка.

дила къ нему на шесть недѣль въ Выборгъ по собственному желанію, чтобъ привить оспу дѣтямъ.... Мнѣ было очень пріятно узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что палочная расправа прирожденна въ семействѣ супруга; это мнѣ подтвердило мою догадку: именно, что всѣ они очень дурно воспитаны: своимъ пристрастіемъ къ палкѣ они хотятъ выказать себя превосходными военными; оттого я всѣхъ ихъ считаю отпѣтыми капралами. Если братъ его Людвигъ не перестанетъ колотить свою Польку [1], я полагаю, что она не проживетъ съ нимъ долго. Женщины этой страны не очень-то выносливы, и онъ останется безъ жены и богатства, какъ братъ его датчанинъ, остался безъ слугъ послѣ франкфуртской палочной расправы. Не старый брюзга очернилъ Зельмиру передъ отцомъ, а старая вѣдьма (Krippenbeißerin), потому что эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, то и дѣло всѣмъ нашептывала на ухо о Зельмирѣ самыя ужасныя вещи, такъ что, какъ я ужъ прежде сказала, зять и золовка были до того возмущены, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры» [2].

Вполнѣ угадала императрица, что миръ между супругами продлится недолго, и вотъ что читаемъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1786 года: «Дѣла Зельмиры дошли до послѣдней крайности и повидимому мнѣ придется дня черезъ два обратиться прямо къ отцу. У меня, вотъ ужъ недѣля, дѣлается родъ лихорадки, когда я о ней думаю. Говорите же послѣ того, если можете, что я не принимаю участія въ чужой судьбѣ».... И далѣе, отъ 26 декабря: «У насъ въ Эрмитажѣ дней десять какъ обрѣтается заколдованная принцесса. Зельмира укрылась у меня, находясь въ смертельной опасности у своего негодяя супруга. Нѣтъ такой жестокости и такого позора, которыхъ бы она не испытала и не могла ожидать; я воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, и велѣла сказать бѣснующемуся негоднику, чтобъ онъ убирался отсюда. Онъ на-

---

[1]) Урожденная княжна Радзивиллъ.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII. 367, 368, 369.

писалъ мнѣ бѣшеное письмо, но долженъ былъ однако уложить свои пожитки и въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ прошедшій вторникъ. Онъ объявилъ, что ѣдетъ прямо къ тестю, и Зельмира дрожитъ, чтобъ онъ не очернилъ ея въ глазахъ родителей. Все общество возстановлено противъ негодяя. Самые близкіе [1]) его не оправдываютъ, но недовольны, зачѣмъ она не къ нимъ обратилась; а она, сказать по совѣсти, не могла къ нимъ обратиться. — Я думаю, на меня тоже дуются, но сами будутъ имѣть двойной трудъ посердиться и перестать сердиться (se fâcher et se défâcher). Мое положительное и точное намѣреніе — отправить Зельмиру обратно къ родителямъ, и во всей этой исторіи я поступала, поступаю и буду поступать такъ, какъ велитъ долгъ. Я не могу дождаться здѣсь отвѣта родителей, такъ какъ ѣду 2-го января [2]). Не могу отправить Зельмиру на авось; а отсюда увезу её, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Въ эту минуту не могу сказать вамъ опредѣленно, въ какомъ мѣстѣ она будетъ ждать рѣшенія своей участи, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ поискать ей удобное и приличное убѣжище; затѣмъ я дала ей слово, что безъ ея воли и не убѣдившись, что судьба ея улучшится противъ теперешняго грустнаго положенія, её не заставятъ покинуть уединенія или временнаго пріюта, гдѣ мы пока устроимъ её. Мнѣ кажется, что все это по-человѣчески и прилично; сколько было возможно, я постаралась прикрыть молчаніемъ всѣ ужасы, а на другой день послала курьера и написала отцу Зельмиры, прося его войти со мною въ дружелюбное соглашеніе. Я нахожу, что Зельмира далеко не глупа; въ ней довольно мужества и твердости духа, и она надѣется, что я её не оставлю. И конечно я этого не сдѣлаю. Она желала бы остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но этому кажется не бывать, потому что у насъ очень рады будутъ забыть всю эту непріятную исторію. Надо сознаться, что роду Зельми-

---

[1]) Т. е. В. К. Павелъ Петровичъ и В. К. Марія Феодоровна

[2]) Въ знаменитое крымское путешествіе.

ріяну не посчастливилось въ Россіи: вотъ осьмая или девятая особа страдаетъ здѣсь [1]). Сообщите мнѣ, что́ вы узнаете о чувствахъ Зельмирина отца: доволенъ ли онъ мною, или недоволенъ? Не могу допустить, чтобъ негоднику удалось заставить его забыть, какъ онъ золъ; я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ одного изъ героевъ вѣка. А негодникъ — герой злости. Говорятъ, что онъ поселится въ Швейцаріи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ врагъ безпощадный и не понимаетъ, какъ можно прощать; не правда ли, какой милый характеръ?» [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ Зельмиры говорится: «Никогда котелъ такъ не кипѣлъ, какъ эти двѣ, три недѣли: прилагаемое письмо познакомитъ васъ со всѣми непріятностями по поводу Зельмиры; и я должна была посвятить этому дѣлу не пол-вниманія, а полтора. Золовка ребячится; всего ей нельзя сказать, она такова, какова есть, и въ ней нѣтъ того, чего нѣтъ; вотъ почему всего разумнѣе и осторожнѣе было поступить такъ, какъ я поступила. Но все это для васъ однихъ» [3]).

И въ путешествіи, среди новыхъ впечатлѣній Екатерина не забывала несчастной страдалицы и переписывалась съ ней и объ ней, не уступая ея мучителю и не переставая защищать её и заботиться о ея участи. Изъ Кіева государыня писала въ февралѣ: «Я въ разумныхъ переговорахъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; онъ прислалъ мнѣ курьера, а я ему вчера обратила другого. Я выдамъ мою принцессу только тогда, когда увѣрюсь, что всѣ злобныя внушенія ея мужа не повредили ей въ глазахъ родителей, чего она очень боится; когда я кому покровительствую, то дѣлаю это различными способами и хочу чтобъ моей принцессѣ послѣ столькихъ страданій и оскорбленій было въ будущемъ обезпечено тихое и спокойное существованіе. И вотъ, до тѣхъ поръ она будетъ жить

---

[1]) Тутъ конечно императрица припоминаетъ несчастное семейство Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Брауншвейгскихъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 387, 388, 389.

[3]) 390.

въ своемъ убѣжищѣ. Это должно быть такъ, а не иначе и я это написала папенькѣ. Такъ какъ я писала мужу съ перваго же дня, что не буду судьей въ его дѣлѣ, то и стою на этомъ. Но если онъ будетъ очень заноситься, мы будемъ защищаться, я надѣюсь, и тогда посмотримъ кто будетъ доволенъ» [1]). Отъ 1 апрѣля 1787 г. «Я получила письмо отъ Зельмиры, въ которомъ было вложено письмо отъ отца, доказывающее, что несмотря на его обѣщанія, рѣчи бѣшенаго супруга возымѣли на него дѣйствіе. Этотъ бѣшеный по крайней мѣрѣ столько же разбѣшенъ на меня, сколько на жену, за то что я ей оказала покровительство. Хорошо бѣшеному, что я укрыла его мерзости, но если онъ меня выведетъ изъ терпѣнія, я въ свою очередь заговорю, и тогда увидятъ, кто изъ насъ двухъ правъ. Я очень хорошо вижу по послѣднему письму, написанному мнѣ отцомъ Зельмиры, что онъ, кажется, болѣе скрытенъ со мною, нежели вначалѣ; я это приписывала первому движенію послѣ шестичасоваго разговора съ зятемъ, но письмо, написанное имъ дочери, доказываетъ что этотъ разговоръ пускаетъ корни. Зельмира въ смертельномъ страхѣ, чтобъ ея не возвратили къ мужу; я не могу этому повѣрить; зная дѣло какъ я его знаю, я нахожу, что это была бы страшная жестокость. Я буду молчать пока смогу, и никогда не заставлю Зельмиру покинуть убѣжище, гдѣ она и безопасна и свободна, развѣ сама она будетъ внутренно убѣждена и успокоена, что судьба ея улучшится и что ей болѣе нечего бояться. Послушайте, я говорю съ кашей во рту, потому что скажу свое слово только тогда, когда увижу, что необходимо его сказать. Сдѣлайте изо всего этого по отношенію къ отцу такое употребленіе, какое заблагоразсудится; я буду очень довольна, если меня не вынудятъ говорить» [2]).

«Я нахожу въ вашемъ донесеніи отъ 12 декабря, что вы говорите о мнимомъ спокойствіи въ домѣ Зельмиры, потому что въ моей большой депешѣ, посланной съ Кашкинымъ, упоминается

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 394.
[2]) 394, 395.

только вначалѣ о нѣкоторыхъ неистовыхъ сценахъ. Во-первыхъ невозможно же требовать, чтобъ я постоянно записывала всѣ сцены, которыя происходили между Зельмирою и мужемъ къ великому соблазну всего Петербурга и Финляндіи, когда они тамъ жили. Во-вторыхъ было много такихъ сценъ, о которыхъ я узнавала уже по прошествіи нѣкотораго времени. Въ-третьихъ я не всегда и упоминала о нихъ, потому что это мнѣ надоѣло и я вовсе не подряжалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе поражаетъ меня въ настоящую минуту, что и отецъ говоритъ дочери, будто до ея переѣзда отъ мужа ко мнѣ тишина и спокойствіе царствовали въ ея домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но это пахнетъ упрекомъ и дочь этимъ очень огорчилась. На самомъ же дѣлѣ Зельмира клялась мнѣ, что въ теченіе семи лѣтъ брачной жизни она среднимъ числомъ никогда не имѣла и шести недѣль спокойствія; да и тутъ еще двѣ недѣли прибавила я, а она увѣряла, что не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, было множество сценъ за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что приглашеній на ихъ обѣды боялись какъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она опасается что папаша выдастъ её тирану. Впрочемъ все, что сдѣлаютъ въ пользу Зельмиры, очень порадуетъ меня, потому что я принимаю искреннее участіе въ несчастной молодой женщинѣ, которой участь могла бы быть совершенно иною, еслибъ её не выдали за этого полоумнаго, у котораго жолчь, кажется, помрачаетъ разсудокъ, потому что онъ злится на весь родъ человѣческій безъ исключенія. Я не могу прямо вмѣшаться въ разводъ, потому что съ перваго же дня заявила бѣшеному супругу, что я не судья его, и счастье его, что это такъ. Этотъ же отвѣтъ свой я сообщила герцогу Брауншвейгскому; но если онъ, или владѣтельный герцогъ Виртембергскій пожелали бы моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ во Франкфуртѣ уполномоченъ оказать имъ таковое. Итакъ я покамѣстъ ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь быть какъ можно болѣе полезной Зельмирѣ, которая въ уединеніи переноситъ своё горе съ твердостью и му-

жествомъ философа, и оказалась гораздо умнѣе чѣмъ я думала, когда она была запугана. Желаю, чтобъ молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать замужъ года полтора тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жоны двухъ старшихъ братьевъ [1]). Зельмира говоритъ мнѣ: «они всѣ большіе охотники жениться». Мнѣ конечно понятна причина: это бѣдность. Такъ какъ вы увѣряете меня, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ дѣтей, то когда увидите её, постарайтесь вывѣдать, извѣстны ли ей подвиги старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ причинялъ сестрѣ, и какое онъ, несмотря на то, имѣетъ вліяніе на сестру; она конечно боится его болѣе вблизи чѣмъ издали; но однако я отнюдь не требую, чтобъ вы дѣлали всѣ эти разоблаченія въ ущербъ ея зарождающемуся благоволенію къ вамъ. Ея наивное признаніе, что она питала къ вамъ большое отвращеніе, полагая что вы у меня въ милости, неоцѣненно» [2]).

Во все время своего путешествія императрица энергически переписывалась объ интересахъ Зельмиры: «Вы правы», говоритъ она Гримму, «что дѣло Зельмиры интересуетъ меня не вполовину, а въ полтора раза. Я особенно занята ея судьбой. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать отцу ея цѣлыя тетради насчетъ ея положенія, но удержалась только потому, что сказала себѣ: «но развѣ ты забыла, что объявила сама, что не желаешь быть судьею въ этомъ дѣлѣ? или ты хочешь записаться въ адвокаты и впутаться въ это болѣе чѣмъ слѣдуетъ?» Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ дѣлу Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя, что послѣдній поддался убѣжденіямъ бѣшенаго мужа, чтобъ ему выдали её, и вотъ Зельмира такъ поражена, что нельзя и выразить. Полагаю, что если отецъ дастъ мнѣ честное

---

[1]) Виртембергскій принцъ Людвигъ, братъ Фридриха, женатъ былъ на дочери князя Адама Чарторыскаго Маріи, съ которою онъ развелся въ 1792 году, а въ 1797 онъ женился на Нассауской принцессѣ Генріэттѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 397, 398.

слово не принуждать нисколько Зельмиру съѣхаться съ мужемъ, отъ котораго она всего можетъ опасаться, то я легко могла бы убѣдить её возвратиться къ родителямъ, и, сообразивъ все, я назначаю срокомъ къ тому время моего возвращенія въ Петербургъ, полагая, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Еслибъ ему обѣщали дочь, то это могло бы быть приманкой, но я вижу что у нихъ эта статья уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я вижу что онъ ей предлагаетъ 7000 флориновъ ежегодно; но конечно они будутъ плохо выплачиваться, потому что петербургскіе кредиторы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда не платитъ. А если вы хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное — это доходъ съ дома, который я ей подарила въ Петербургѣ, да и то надо стараться его продать, потому что мужъ запустилъ его страшно, такъ какъ онъ не ему принадлежалъ, и онъ никогда не хотѣлъ ни гроша истратить на его поддержку»[1]).

Между тѣмъ Зельмира нашла тихій пріютъ въ небольшомъ имѣніи Лоде, принадлежавшемъ императрицѣ въ Эстляндіи, и проживала тамъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Жизнь ея тамъ изображается въ одномъ изъ писемъ: «Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего убѣжища, что въ жизнь свою она не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ добрыми и честными людьми, которыхъ я при ней поставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и кажется здорова. Она кротка, показываетъ твердость духа, и я сдѣлалась ея идоломъ; и вправду я ни за что её не покину. Мужъ ея употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ вездѣ чернить её: и въ самомъ дѣлѣ она ужасно виновата, что не обожаетъ изверга»[2]).

Но и отецъ продолжалъ сурово относиться къ дочери; государыня пишетъ съ галеры на Днѣпрѣ: «Послушайте же: отчего это брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку?

---

[1]) 404.
[2]) 406.

эта бѣдная женщина пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія Лоде въ Эстляндію, будто она видитъ изъ писемъ отца, что онъ очень на нее сердится; за что, скажите этотъ гнѣвъ? Развѣ за то на нее дуются и сердятся, что она не могла выдержать жестокаго обхожденія мужа? Такъ зачѣмъ же ей не дали лучшаго? Если хотятъ имѣть её у себя, не надо показывать ей гнѣва, потому что иначе невозможно будетъ выгнать её изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей хочется возвратиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои планы; когда я вернусь, то надѣюсь, что дѣла ея успѣютъ уладиться, и тогда я бы желала даже её отправить; иначе чтó будетъ она дѣлать у меня? Но если мнѣ возвратятъ её запуганною и предубѣжденною, какъ могу я устроить ея отъѣздъ по доброй волѣ, а право безъ ея доброй воли и увѣренности, что участь ея обезпечена спокойствіемъ, я не могу совѣтовать ей отважиться на такое путешествіе. Итакъ моя крошка (ma petite), у которой я одна и есть на свѣтѣ и которая держится за меня такъ же крѣпко какъ репей, не такъ виновата и въ томъ, что она предпочитаетъ зáмокъ Лоде, гдѣ она спокойна, разнымъ другимъ непріятностямъ. Мнѣ также кажется, что папенька на меня немножко дуется; потому что о немъ что-то не слышно съ февраля; все это происходитъ отъ того, что я не разболтала все что знала, и что я дѣйствовала съ рѣдкой мудростью, до того, что сама себѣ удивляюсь; это можетъ-быть развязываетъ языкъ ея отвратительному мужу, который кажется овладѣлъ ушкомъ папеньки и шепчетъ въ него не вѣсть что. Но еслибъ я рѣшилась пустить въ ходъ свой товаръ, то подуло бы противнымъ вѣтромъ на мужа, котораго подвиги я предала забвенію, объявивъ что я ему не судья. NB. NB. NB. Вотъ чему подвергаешься, когда говоришь оракуломъ и дѣйствуешь съ удивительной осторожностью и мудростью. Мужья прячутся, папеньки дуются, а бѣдняжки (les petites) не могутъ добиться спокойной жизни. Ну, чтожъ, дѣйствуйте же наконецъ! Вы, съ вашимъ высокимъ даромъ развитія, дѣйствуйте и направьте это на такой путь, чтобъ всѣ были довольны; тогда и мы будемъ довольны я, и моя маленькая протеже» . . . .

Въ томъ же письмѣ нѣсколько дней спустя писано изъ Бахчисарая: «Дни два три тому назадъ, я получила письмо отъ папаши изъ Брауншвейга съ копіей окончательныхъ условій, которыхъ подлинникъ, по словамъ его, посланъ дочери для подписанія. Онъ проситъ меня совѣтовать ей въ этомъ духѣ; но когда все рѣшено и посылаютъ условія на подписаніе, чего же еще совѣтовать? Я—въ Крыму, Зельмира—въ Лоде; нуженъ по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ, чтобъ сговориться; я теперь буду ожидать, чтобъ она чистосердечно сказала мнѣ, чтó думаетъ обо всемъ этомъ, и тогда мнѣ легче будетъ дать ей совѣтъ. Но, по теоріи вѣроятностей, я предвижу, что мужъ не дастъ ей ни копейки, несмотря на свои обѣщанія, и что если папаша ей ничего не дастъ, то у нея ничего и не будетъ. Остается узнать, будетъ ли моя протеже довольна ничѣмъ, когда она теперь имѣетъ вполнѣ обезпеченное содержаніе. Если она мнѣ это скажетъ, то я не буду знать, что ей отвѣтить, развѣ папаша обѣщаетъ намъ, что если мужъ не будетъ платить, то папенька вмѣсто него заплатитъ за наше содержаніе, потому что умереть съ голоду, когда не удалось умереть съ горя—это участь слишкомъ печальная и непріятная, и я бы не удивилась, еслибъ одна перспектива такой будущности положила въ постель мою протеже, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась чахоточною» [1]).

Наконецъ, доведенная до крайности бездушнымъ отношеніемъ родителей къ страдалицѣ дочери, императрица пишетъ на обратномъ пути изъ Москвы слѣдующее энергическое и полное негодованія письмо:

«Отецъ Зельмиры [2]) находится въ настоящую минуту въ странѣ и во главѣ дѣлъ, въ которыя я бы никакъ не желала, чтобъ сказали, что я малѣйшимъ образомъ вмѣшиваюсь; потому я не нахожу приличнымъ, чтобъ мои курьеры разъѣзжали туда и оттуда, и лучше выскажу *вамъ* все, что касается Зельмириныхъ дѣлъ.

---

¹) *Сб. И. О.* XXIII, 409, 10, 11, 12.

²) Король Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій, съ 1773 г. находившійся на службѣ въ прусской арміи и умершій 1806 отъ раны, полученной при Ауэрштадтѣ.

Она, несмотря на всѣ мои убѣжденія, не показываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ во-первыхъ, что не можетъ ожидать тамъ ничего кромѣ горя и притѣсненій, и такъ какъ содержаніе ея должно зависѣть отъ мужа, то считаетъ несомнѣннымъ, что онъ не станетъ ей давать ничего, что она будетъ только въ тягость своимъ родителямъ, они же будутъ ежедневно приставать къ ней съ совѣтомъ возвратиться къ мужу, а это значитъ не имѣть даже простой безопасности. Изъ этого слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она укрыта отъ всякихъ напастей, и хотя живетъ очень скромно, но вполнѣ спокойно. Если вы хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ объясню его и скажу свое мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ маленькое имѣніе, мнѣ принадлежащее въ Эстляндіи, которое называется Лоде. Это было за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, и она твердо вознамѣрилась ждать тамъ окончательнаго устройства своего дѣла, предоставленнаго, по ея и моему желанію, благоусмотрѣнію ея отца, къ которому я послала курьера. Родитель ея нашелъ нужнымъ по пріѣздѣ послѣдняго имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Странно конечно, что отецъ оскорбленной и несчастной дочери имѣетъ свиданія съ бѣшенымъ мужемъ и допускаетъ отводить себѣ глаза, а Зельмира заключаетъ изъ этого и убѣждается окончательно, что отецъ ея даетъ полную вѣру всему, чтó любезному муженьку угодно будетъ наговорить на нее. Правда, что письма ея отца и особливо прибытіе нѣкоего г. Шрэдера, находящагося въ настоящую минуту на службѣ у мужа и присланнаго отъ самого папеньки съ письмомъ къ дочери въ Лоде, во время моего отсутствія, достаточно доказываютъ, что папенька не дѣйствуетъ тутъ съ благородствомъ, свойственнымъ великому характеру, какимъ я себѣ его до сихъ поръ представляла. Мнѣ слѣдовало бы жаловаться на недостатокъ искренности со мною герцога; я дала ему это почувствовать и онъ довольно неловко выпутался изъ обвиненія, почти обойдя этотъ пунктъ моего письма. Вообразите, что пока отецъ посылаетъ этого Шрэдера съ

грознымъ письмомъ къ дочери и *приказываетъ* ей подписать въ присутствіи Шрэдера условія, для нея весьма невыгодныя, мнѣ онъ пишетъ письмо въ Кіевъ, по которому проситъ меня ей совѣтовать. По-моему, это значитъ смѣяться надъ людьми. Онъ приказываетъ дочери *подписывать* въ Лоде, тогда какъ я за тысячу и болѣе верстъ, а меня просятъ *совѣтовать*! Ясно, что или она подпишетъ безъ моего совѣта, или, не послушавъ отца, обратится за совѣтомъ ко мнѣ, а я, ничего не зная о приказаніяхъ ею полученныхъ, изволь давать совѣты! Но коса нашла на камень. Шрэдеръ не видалъ Зельмиры. Другъ мой г. Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланнаго отъ супруга и папаши, и сказалъ ему, что безъ моего особаго приказанія никто не можетъ быть принятъ въ аудіенціи у Зельмиры. Тогда Шрэдеръ вытащилъ письмо папеньки и оно было передано Зельмирѣ. Это громоносное посланіе привело бѣдняжку въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Между тѣмъ я возвратилась сюда, и такъ какъ я была извѣщена о ея горестномъ положеніи, то обмѣнялась съ нею нѣсколькими письмами и, высказавъ ей все что я находила разумнымъ, чтобъ убѣдить её возвратиться къ родителямъ, я однако почувствовала къ ней такую жалость, что, вы можете быть увѣрены, я не сдѣлаю болѣе ни одного шага въ этомъ направленіи какъ относительно Зельмиры, такъ и господина ея батюшки. Зельмира останется въ Лоде сколько ей заблагоразсудится, и возвратится къ родителямъ тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада остаться въ Эстляндіи, я тоже довольна. А если папенькѣ угодно слушать рѣчи изверга мужа, и если тотъ внушаетъ ему болѣе довѣрія чѣмъ Зельмира и я, пусть его слушаетъ и питается его рѣчами, толстѣя или худѣя отъ нихъ на здоровье. Такъ какъ у Зельмиры только я одна на свѣтѣ, клянусь вамъ какъ свидѣтелю, что не покину её. Она кротка какъ агнецъ въ Лоде, и её обожаютъ тѣ немногіе, которыми она окружена. Польманъ сдѣлался ея другомъ; госпожа Вильде тоже; люди ея души въ ней не чаютъ. Она читаетъ, или работаетъ, или занимается музыкой, или гуляетъ и

при этомъ съ мужественной твердостію переноситъ свое положеніе» [1]).

Въ ноябрѣ того же 1787 г. государыня такъ дополняетъ это письмо: «Вы должны теперь уже знать все, что я сообщила по поводу Зельмиры. Совершенно вѣрно, что Донъ-Феросъ-де-Монбельяръ [2]) донесъ мнѣ что по страстной любви къ россійскому оружію онъ желаетъ служить, и я отвѣчала, что обстоятельства, вызывавшія его удаленіе отсюда остались неизмѣнны, а потому я и не могу согласиться на его желаніе; на это онъ объявилъ мнѣ, что подаетъ въ отставку, и я распорядилась выключить его изъ службы имперіи. Что касается Зельмиры, то она будетъ проводить лѣто въ Лоде, въ своей деревнѣ [3]), а зиму въ Ревелѣ» [4]). И въ другомъ мѣстѣ: «Моя Зельмира совершенно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и дѣлаетъ очень хорошо; я получила письмо отъ нея— и она кажется совершенно спокойной и довольной. Донъ-Феросъ хотѣлъ вернуться и служить въ арміи, а я сказала: nego — не хочу. Когда же его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что ему было отказано, она сказала, что за сто миль отъ нея онъ будетъ всегда казаться ей еще слишкомъ близкимъ» [5]).

«Что касается вашего свиданія въ Делисѣ (aux Délices) съ Домомъ-Феросомъ-де- Монбельяромъ, я очень тому смѣялась. Это была сцена, достойная кисти художника. Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю то, что поручалъ вамъ сказать мнѣ по отношенію къ дочери. Право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ, что станутъ повѣрять другъ другу все, что до тѣхъ поръ тщательно другъ отъ друга скрывали! Если хотите узнать правду, то скажу что я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое теперь вынесла о немъ изо всего этого дѣла: онъ фальшивъ и безсердеченъ. Какъ рѣшился бы человѣкъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 416, 417.

[2]) Мужъ Зельмиры.

[3]) По тому, что государыня называетъ иногда Лоде имѣніемъ Зельмиры, надо думать, что оно было подарено ей.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 422.

[5]) 431.

съ сердцемъ обращаться съ мучителемъ своей дочери, какъ съ ближайшимъ другомъ? А со мною онъ дѣйствовалъ съ такимъ двоедушіемъ, какого я никакъ не могла ожидать. Замѣтьте, что мнѣ всегда казалось, что дочь весьма мало вѣритъ въ правдивость папаши, и часто она говорила: о, онъ обманываетъ мою мать, но собственно это не такъ. Но объ этомъ пожалуйста никому ни слова, чтобъ не поставить ихъ на ножи» [1]).

Очень любопытно было бы прослѣдить по письмамъ Гримма, какую роль онъ игралъ среди всей этой исторіи, но, какъ мы уже говорили, переписка его за эти годы не отыскалась. Однако въ одномъ изъ писемъ императрицы мы читаемъ: «Я очень рада, что вы довольны всѣмъ, что я сдѣлала для Зельмиры, и что другъ мой Польманъ, котораго осторожность вамъ извѣстна, разрушилъ замыслы папаши и супруга» [2]).

«Поведеніе родителей Зельмиры съ нею и со мной», вспоминаетъ государыня въ одномъ письмѣ два года спустя, «было и очень фальшиво и очень необдуманно. Мать всегда говорила ей нѣжности, совѣтовала ей ко мнѣ обращаться, часто казалась несогласна съ мужемъ и разоблачала его тайны; а потомъ критиковала и не одобряла образъ дѣйствій дочери; папенька дѣйствовалъ заодно съ мужемъ, а мнѣ говорилъ, что полагается на мои совѣты Зельмирѣ. Но Зельмира боялась возвращенія, боялась выпустить кусокъ въ виду тѣни. Она была достаточно умна и тверда, и у нея была своя хозяйка-головка; она совершенно рѣшилась жить независимо, и въ Лоде завоевала любовь всѣхъ окружавшихъ ее» [3]).

Несчастная Зельмира скончалась въ Лоде и императрица такъ описываетъ смерть ея, отъ 24 января 1790 года: «Повидимому г. Феронсу [4]) любопытно узнать, что́ я вамъ писала о смерти Зель-

[1]) 428.
[2]) 440.
[3]) 472, 473, 480.
[4]) Первый министръ герцога Брауншвейгскаго.

миры: но что могу я сказать, кромѣ того что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. «Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Прежде всего фактотумъ обратился въ Лоде. Докторъ сообщилъ, что Зельмира посылала за нимъ нѣсколько разъ, чтобъ совѣтоваться съ нимъ о своемъ здоровьи, что онъ ей прописывалъ лѣкарство отъ болѣзни, которая унесла её, а въ минуту смерти ея онъ былъ въ отсутствіи: за нимъ послали, но когда онъ пріѣхалъ, она уже скончалась, такъ какъ она была больна всего нѣсколько часовъ. Теперь папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался сохранить для внучатъ то немногое, что осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубьянъ требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни порошинки, если все ему попадетъ въ руки, потому что это дырявый мѣшокъ и онъ по уши въ долгахъ» [1]).

Объ отцѣ Зельмиры государыня въ послѣдній разъ упоминаетъ въ концѣ того же года: «Говорятъ, что отецъ Зельмиры въ эту минуту принялъ бразды правленія надъ головой своего двоюроднаго братца». Его поведеніе въ дѣлѣ Зельмиры открыло мнѣ вполнѣ что́ онъ такое, и я увидѣла въ немъ гораздо болѣе коварства чѣмъ простодушія» [2]).

Приближенные Екатерины.

Среди богатаго матеріала для исторіи Екатерины II и ея времени, представляемаго ея перепиской съ Гриммомъ, всего замѣчательнѣе набросанныя ею самою характеристики лицъ, окружавшихъ её: часто нѣсколькими мѣткими словами она опредѣляла ихъ свойства и значеніе съ такою выразительностью, что они какъ живые возстаютъ предъ нами. Особенно краснорѣчивы тѣ

---

1) 479, 480.
2) 495.

страницы, гдѣ она, послѣ потери нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ сподвижниковъ, очерчиваетъ ихъ мастерской рукою, и конечно, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ была отмѣчена рѣзкими чертами энергіи и величія, подходившими къ характеру самой государыни, тѣмъ портреты выходятъ удачнѣе.

О смерти Бибикова императрица упоминаетъ только вскользь, на самыхъ первыхъ страницахъ переписки: «Оренбургъ освобожденъ, но меня постигла весьма чувствительная утрата: генералъ Бибиковъ умеръ на тринадцатый день отъ желчной горячки, за сто верстъ отъ Оренбурга» [1]).

Отзывы Екатерины о гр. Румянцовѣ, о его побѣдахъ, щедрыхъ наградахъ ему пожалованныхъ, рѣчи къ нему митрополита Платона были уже приведены нами въ самомъ началѣ этого очерка.

По возвышеніи Потемкина въ 1775 году князь Григорій Орловъ предпринялъ путешествіе за границу, и императрица писала Гримму: «Появленіе князя Орлова въ Парижѣ вѣроятно было вамъ пріятно, потому что вы, какъ кажется, принимаете участіе въ людяхъ, которые къ вамъ пріѣзжаютъ отъ насъ. Если вы еще увидите его въ Парижѣ, скажите ему пожалуйста, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобъ видѣть тамъ аудіенціи и пріемъ князя Репнина» [2]). Я читала, какъ князь Орловъ описываетъ Парижъ; онъ очень похваляется сдѣланнымъ ему пріемомъ, и я полагаю, что онъ туда вернется» [3]).

Черезъ недѣлю послѣ того говорится: «Князь Орловъ, покинувъ васъ, (т. е. Парижъ) чуть не утонулъ подъ Кёльномъ въ Рейнѣ. Одно описаніе этого происшествія приводитъ въ содроганіе» [4]).

По возвращеніи своемъ въ Россію Орловъ привезъ съ собою отзывъ экономистовъ о Екатерининскомъ наказѣ, и вотъ какъ государыня приняла это: «Что бы тамъ ни было, ужъ конечно не эконо-

---

[1]) 2.
[2]) 33.
[3]) 35.
[4]) 36.

мисты будутъ руководить мною; я безъ ума полюбила французскій парламентъ со времени безсмысленныхъ преній, на которыхъ толковали, надо ли ихъ считать сектою, или сектою *вредною для государства* [1]). Здравый смыслъ, по-моему, заключался въ трехъ подчеркнутыхъ словахъ. Еслибъ вы знали, какъ эти дураки бомбардируютъ меня книгами! Они комментировали мой наказъ такимъ образомъ обработанный прислали мнѣ его черезъ князя Орлова, вѣроятно, чтобъ придать ему вѣсу, но я его читать не стану [2]).

О вліяніи Орлова на Екатерину она сама дѣлаетъ такое признаніе по поводу сужденія, высказаннаго Гриммомъ о людяхъ геніальныхъ: «Вы говорите мнѣ о великомъ Гюберѣ (живописцѣ) эти замѣчательныя слова: *Онъ, какъ и всѣ геніальные люди — дитя, которое надо водить на помочахъ, но никогда не давая ему этого почувствовать. Безъ этакой предосторожности дитя потеряется и не будетъ знать куда итти.* Знаете ли вы, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова? Мнѣ бы хотѣлось, прочитавъ ихъ, счесть себя геніемъ: отчего? Оттого что я всегда чувствовала въ себѣ большую наклонность отдаваться въ руководство людямъ, знающимъ болѣе нежели я, подъ условіемъ однако, чтобъ они не давали мнѣ чувствовать, что имѣютъ желаніе и претензію быть моими руководителями, потому что тогда я убѣгаю отъ нихъ со всѣхъ ногъ. Изо всѣхъ людей, способныхъ приходить на помощь этой моей склонности, я не знаю никого, кто бы такъ отвѣчалъ ей, какъ князь Орловъ; голова его естественна и идетъ своимъ ходомъ, а моя слѣдуетъ за нею; это для меня тотъ же Блэкстонъ, разматывающій мою нить» [3]).

Въ одномъ мѣстѣ переписки государыня передаетъ Гримму мнѣніе Орлова о королѣ неаполитанскомъ [4]): «По словамъ князя

---

[1]) Тогдашніе выдающіеся представители ученія экономистовъ, принявшаго политическій оттѣнокъ, были Тюрго и Мирабо.

[2]) 44.

[3]) 56, 57.

[4]) Фердинандъ IV, изъ дома испанскихъ Бурбоновъ, род. въ 1751, впослѣдствіи съ 1812 король обѣихъ Сицилій († 1825).

Орлова—NB, котораго онъ такъ полюбилъ, что предложилъ играть съ нимъ въ шары—онъ не дуракъ, а шаль [1]), а это по-русски значитъ человѣка, который попускаетъ себя такъ таки потихоньку, да понемножку дѣлать все то, что приходитъ ему на умъ, не принимая въ соображеніе ничего другого, кромѣ удовлетворенія своихъ желаній» [2]).

Что Орловъ по возвращеніи своемъ въ Россію продолжалъ оставаться близкимъ къ государынѣ, доказываютъ многія мѣста ея писемъ. Такъ напримѣръ въ 1778 году, когда Гриммъ разъ прислалъ императрицѣ по обыкновенію разные маленькіе подарочки, она шутливо отвѣчаетъ: «Сколько подарковъ: спаржа изъ Тура, она очень хороша, я занимаюсь ея истребленіемъ; леденцы Морé: такъ какъ это специфическое средство противъ кашля, котораго у меня нѣтъ, то Леди (собачка) его употребляетъ; я нахожу что у нея катарръ. Пара чулокъ изъ кроликовой шерсти валяется на столѣ; князь Орловъ хотѣлъ завладѣть ими и только разсужденіе, что они будутъ ему коротки и узки, удержало его отъ этого» [3]). Въ иныхъ письмахъ она сообщаетъ, что Орловъ, такъ же какъ и Потемкинъ, хвалитъ записку о ея царствованіи, ею самою написанную; въ другихъ приводитъ отзывы Орлова о маленькомъ внучкѣ ея Александрѣ Павловичѣ (въ 1779), о Ланскомъ (1782) и проч.

Въ 1780 году Орловъ ѣздилъ на воды въ Спа, городъ, который тогда былъ самымъ моднымъ сборнымъ мѣстомъ для путешественниковъ всѣхъ странъ, и Гриммъ такъ характеризуетъ его: «Въ этой общей европейской кофейнѣ всѣ живутъ братьями и пріятно видѣть дамъ изъ Парижа, Лондона, Дублина, Амстердама, Гаги, танцующихъ вальсъ и обнимающихся какъ сестры» [4]).

Шведскій король, прибывши изъ Спа въ Парижъ, сообщалъ

---

[1]) Слово *шаль*, нынѣ забытое, было очень употребительно въ 18 вѣкѣ. Значеніе его близко къ слову *шальной*.

[2]) 60.

[3]) 74.

[4]) Письма Гримма 283.

Гримму, что онъ служилъ какъ будто русскимъ посланникомъ при князѣ и княгинѣ Орловыхъ, знакомя ихъ съ парижскими дамами. Вслѣдъ за этимъ Гриммъ пишетъ: «Я, Государыня, очень недоволенъ всѣмъ, что узнаю о князѣ Орловѣ. Говорятъ, что онъ отдался въ руки англійскаго доктора, живущаго въ Брюсселѣ, шарлатана, никому неизвѣстнаго. Этотъ человѣкъ даетъ ему лѣкарства, способныя умертвить лошадь. Онъ ихъ употребляетъ, чувствуетъ себя отъ нихъ все хуже, и продолжаетъ. Къ чему же послужило ему пройти школу Екатерины II, если онъ въ ней не научился, что медицина послѣ теологіи самая безполезная изъ наукъ, и что надо быть безумнымъ, чтобъ отдать свое тѣло на шарлатанскіе опыты? Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и я о томъ сожалѣю. Умоляю ваше величество приказать ему какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ на поклонъ въ Парижъ, чтобъ я могъ побранить его и передать его на руки Троншена, который можетъ-быть и не вылѣчитъ, но навѣрное не уморитъ его. Маркизъ де Кастри провелъ четыре или пять дней въ Спа, и только двѣ недѣли какъ вернулся оттуда, когда сдѣланъ былъ министромъ. Военный объѣздъ для осмотра полковъ, стоящихъ на границѣ, привелъ его въ Спа, гдѣ были знакомыя ему дамы, и онъ посѣтилъ ихъ. По возвращеніи онъ много говорилъ со мною о князѣ Орловѣ, такъ какъ друзья мои знаютъ, что меня ничѣмъ нельзя такъ осчастливить и обласкать, какъ разговоромъ о Россіи» [1]). Государыня около того же времени даетъ слѣдующее порученіе Гримму: «Если увидите князя Орлова въ Парижѣ, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что прелестная табакерка, которую онъ мнѣ прислалъ изъ Спа, постоянно у меня на столѣ вмѣстѣ съ его античными барельефами» [2]).

Въ январѣ 1781 года Гриммъ опять сообщаетъ слѣдующія извѣстія объ Орловѣ: «У насъ нѣсколько дней гостилъ здѣсь князь Орловъ, который поѣхалъ провести лѣто въ южныя провинціи. Онъ

1) Письма Гримма 87.
2) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

по обычаю и обязанности сдѣлалъ только два визита: первый Дидероту, второй мнѣ. Онъ былъ у меня въ самый день появленія ангела Принчипати[1]); я былъ еще очень боленъ, но императорская грамота находилась въ моемъ карманѣ. Я далъ ему выписку того мѣста, которое касалось его табакерки, и очень возгордился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе августѣйшей моей покровительницы относительно князя генералъ-фельдцейхмейстера. Я нашелъ, что здоровье его лучше, чѣмъ я полагалъ; напротивъ, княгиня жалуется, что очень больна, хотя этого и не замѣтно. Я думаю, что еслибъ они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова. Князь обѣщалъ мнѣ пріѣхать опять будущимъ лѣтомъ, повидавшись съ лѣкаремъ-крестьяниномъ, швейцарцемъ Мишелемъ. Я спросилъ его, какъ не стыдно путешествовать отъ шарлатана къ шарлатану» [2]).

«Если князь Орловъ въ Парижѣ», отвѣчала государыня, «то поклонитесь ему отъ меня и скажите, чтобъ онъ по возвращеніи сюда привезъ маленькаго князя Орлова видимаго или невидимаго; по газетамъ, докторъ его Мишель умеръ» [3]).

Въ іюлѣ того же года Гриммъ пишетъ: «Если князь Орловъ не зналъ графа Каліостро въ Россіи, я смѣлъ бы почти льститься надеждою видѣть его въ Парижѣ въ погонѣ за графомъ, какъ за неутомимымъ охотникомъ до шарлатановъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, князь или, лучше, княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ и плодородіемъ по Швейцаріи, и въ этомъ вѣкѣ безвѣрія, — отребьи всѣхъ вѣковъ, — уже не вѣрою въ разныя священныя и мірскія чудеса пріобрѣтается потомство; это обыкновенно случается, когда о томъ не думаютъ, и безпрестанно объ этомъ думать есть весьма худое средство достигнуть желаемаго» [4]).

На это Екатерина отвѣчаетъ приведеннымъ ранѣе мѣстомъ:

---

[1]) Одинъ изъ курьеровъ.

[2]) Письма Гримма 100, 101.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 198.

[4]) Письма Гримма 187.

что князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, вовсе не былъ почитателемъ Каліостро (см. стр. 56), и въ этомъ же письмѣ она освѣдомляется о здоровьи князя: «Если вамъ что-нибудь извѣстно о здоровьи князя или княгини, прошу васъ написать мнѣ объ этомъ: графъ Алексѣй и старшій братъ его поѣхали въ Лозанну и здѣсь увѣряютъ, будто онъ очень боленъ» [1]). Въ августѣ того же 1781 г. Гриммъ сообщаетъ: «Узнаю́, что князь Орловъ послѣ своего несчастія [2]) направился въ Петербургъ, а графы Иванъ и Алексѣй выѣхали ему навстрѣчу» [3]). Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ о ихъ возвращеніи въ Петербургъ.

Черезъ годъ, въ ноябрѣ 1782 года, государыня писала: «Кромѣ всѣхъ трудовъ я еще до смерти огорчена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на царицынскія воды [4]) и только что началъ употреблять ихъ, какъ у него обнаружились припадки умственнаго разстройства; послѣ лѣченья водами онъ вернулся въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ ускользнуть отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ: онъ пріѣхалъ сюда и я видѣлась съ нимъ три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и мысли у него не вяжутся, сохранилась только непоколебимая привязанность ко мнѣ. Представьте себѣ все что я вынесла, увидѣвъ его въ этомъ положеніи; теперь онъ въ постели, и полагаютъ, что его разстройство есть слѣдствіе удара, и, стало-быть, не остается никакой надежды на выздоровленіе» [5]).

Январь 1783: «Князю Орлову все хуже и онъ ужъ подъ опекою своихъ братьевъ» [6]). 20-е апрѣля того же года, изъ Царскаго Села: «Пріѣхавъ сюда, я узнала прискорбное извѣстіе о смерти князя Орлова, скончавшагося въ Москвѣ ночью съ 12-го

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 211.

[2]) Смерти жены.

[3]) Письма Гримма 233.

[4]) Царицынскія воды были въ большой модѣ при Екатеринѣ; она сама сбиралась не разъ туда ѣхать и старалась видимо поднятіемъ этого мѣста для лѣченья противодѣйствовать стремленію Русскихъ на заграничныя воды.

[5]) *Сб. И. О.* XXIII, 252.

[6]) 267.

на 13-е этого мѣсяца. Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшей признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобъ облегчить себя. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобъ помогать мнѣ переносить это горе, но это меня только еще болѣе растрогиваетъ. Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова: именно, что графъ Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его[1]), и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столько представляютъ различія, сколько эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ, каждый свое, и однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. За то, часто была я вынуждена поступать, какъ Александръ — съ Гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга выступающая курцъ-галопомъ между ними придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности. Вы скажете мнѣ: — какъ теперь быть? — На это я вамъ отвѣчу: какъ сможемъ. — Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на этомъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало-быть, могутъ и съ этимъ управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; его мужество было верхомъ мужества. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло направить

[1]) 31 марта 1783 г.

дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ эту минуту онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, противъ которой никто не могъ устоять, потому что оно озадачивало умы, и только онъ одинъ никогда не терялся. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности въ томъ, что ему казалось не стоящимъ вниманія, а онъ только немногіе предметы удостоивалъ своего вниманія или, лучше сказать, труда, потому что вниманіе было для него трудомъ; отъ этого онъ часто казался небрежнымъ и презрительнымъ, гораздо болѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и, на все, что не мгновенно приходило ему въ голову, онъ былъ лѣнивъ. Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ, и обладалъ искуствомъ выдавать эту лѣность за обдуманную осторожность; отъ природы онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямодушенъ какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они у него были великіе» [1]).

Въ іюнѣ того же года государыня писала изъ Царскаго же Села: «Мнѣ очень нуженъ былъ отдыхъ послѣ всѣхъ горестей, которыя я испытала отъ понесенныхъ потерь [2]): съ 14 октября я не имѣла ни минуты покоя, и потеря князя Орлова уложила меня въ постель съ такою сильной лихорадкой и такимъ бредомъ ночью, что мнѣ должны были пустить кровь 1-го мая въ двѣнадцатъ часовъ. Я не говорю съ вами о вашей потерѣ [3]), потому что не надо питать грустныхъ мыслей и безпрестанно возращаться къ нимъ. Будьте увѣрены, что я раздѣляла ваше горе, такъ же какъ я убѣждена, что вы раздѣляли мое. Каково здоровье Эмиліи? Гдѣ она? Баста» [4]).

21 сентября: «Не только не нахожу чтó возразить противъ вашего царапанья, но меня очень радуетъ ваше довѣріе ко мнѣ,

---

[1]) 274, 275.

[2]) Князя Орлова и генерала Бауера, еще за годъ слишкомъ до смерти Ланскаго.

[3]) Госпожи д'Эпинэ.

[4]) 279.

и я искренно раздѣляю вашу горесть, такъ же какъ и вы раздѣляли мою по поводу невознаградимыхъ утратъ князя Орлова и генерала Бауэра, мною понесенныхъ. Я не могу вспомнить о нихъ, чтобъ не залиться слезами. Я сдѣлала уговоръ съ королемъ шведскимъ, еще до отъѣзда въ Фридрихсгамъ, чтобъ онъ со мной не говорилъ о нихъ»[1]).

Года три спустя, государыня хлопочетъ о томъ, чтобъ получить изъ рукъ родственниковъ Орлова хорошій портретъ его и пишетъ Гримму: «Но гдѣ же я достану этотъ портретъ князя Орлова, съ котораго вы имѣете копію; онъ можетъ быть только въ рукахъ его братьевъ, но у котораго? Кто-то изъ нихъ живетъ въ окрестностяхъ Саратова. Вещи въ Москвѣ подъ ключемъ; какъ достать ихъ? Это возьметъ время. Надо будетъ здѣсь снять съ него копію. Вообразите, какія хлопоты!»[2]).

О братьяхъ Орловыхъ, Алексѣѣ и Федорѣ, упоминается нѣсколько разъ только вскользь. Эти мѣста уже были приведены нами: о первомъ по поводу его дружбы съ Кориллой, а о второмъ по случаю участія, выказаннаго имъ къ горести императрицы послѣ смерти Ланского. Объ участіи его и многихъ другихъ приближенныхъ при этомъ случаѣ государыня говоритъ такъ: «Какъ вы видите, я не умерла, что́ бы тамъ ни говорили газеты. Не осталось и никакихъ слѣдовъ моей болѣзни, только я до сихъ поръ была существомъ неодушевленнымъ, прозябавшимъ, неподвижнымъ; но въ это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей и часто ихъ дружба была мнѣ въ тягость. Однако многое сумѣли они обратить мнѣ на пользу, и, право, это ужъ не малая заслуга. Баста: вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать»[3]).

Генералъ-инженеръ Федоръ Васильевичъ Бауэръ (1731—1783 г.), умершій почти въ одно время съ княземъ Орловымъ, служилъ въ арміи Фридриха Великаго, въ 1769 г. былъ пригла-

---

[1]) 285.
[2]) 380.
[3]) 326.

шенъ Екатериною II въ русскую службу и въ званіи генералъ-квартирмейстра со славою участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ. По заключеніи мира онъ занимался устройствомъ водяныхъ сообщеній въ С.-Петербургской и смежныхъ губерніяхъ, и ему Москва обязана Мытищенской водой. Онъ же строилъ въ Петербургѣ Большой театръ, открытый въ 1783 году, и государыня говоритъ въ ноябрѣ 1782. «Бауэръ окончилъ Большой театръ и готовился дать ему видъ и форму, которые были бы по вкусу и мнѣ и публикѣ; вмѣсто того онъ въ постели вотъ ужъ три мѣсяца, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ»[1]). Какъ высоко она цѣнила его, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки по поводу его болѣзни. 15 ноября 1782: «Многострадальный, надо чтобъ ты зналъ мои радости, такъ же какъ и печали: сегодня утромъ я получила извѣстіе, что графъ и графиня Сѣверные пріѣхали 12-го этого мѣсяца въ Ригу; только что я прочла ихъ письмо, какъ мнѣ приносятъ письмо генерала Бауэра, больного и очень больного здѣсь, съ начала августа мѣсяца. Вчера, почитая себя умирающимъ, онъ написалъ мнѣ письмо до того трогательное, что кажется камень прослезился бы, и вотъ я плачу и рыдаю отъ страха потерять этого вѣрнаго слугу. Онъ одаренъ геніальными способностями и я за него охотно отдала бы болѣе десятка глупцовъ, лишь бы не мнѣ пришлось выбирать ихъ. Является Роджерсонъ и докладываетъ мнѣ, что ему не такъ худо. О! онъ пришелъ кстати: я сказала ему, что ни одинъ докторъ не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который не въ состояніи никого вылѣчить, хотя они по три мѣсяца держатъ людей въ постели. Я успокоилась только, когда онъ сознался, что онъ и вся его братія невѣжды, никого не умѣющіе вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: — довольно, идите! и принялась писать многострадальному, чтобъ облегчить себя. Между-прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы не умирали, чтобъ вы были здоровы, потому что почти ужъ мѣсяцъ,

---

[1]) 256.

какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе»[1]). Въ тетради писемъ къ Гримму сохранился и списокъ со слѣдующаго собственноручнаго письма императрицы къ Бауэру, писаннаго въ тотъ же день, какъ она получила его письмо:

«Господинъ генералъ Бауэръ! Я утвердила распоряженія, которыя вы, какъ добрый мужъ и добрый отецъ, сочли нужнымъ сдѣлать. Отъ всей души желаю, чтобъ это осталось только предосторожностью; молю Небо насколько можно удалить и отодвинуть эту минуту. Мнѣ было бы въ высшей степени горестно лишиться такъ рано вашей вѣрной службы, которую я цѣню вмѣстѣ съ вашими дарованіями такъ высоко, какъ только можетъ внушить истинное достоинство. Будьте увѣрены, что я сочту счастливой минутой ту, когда увижу васъ въ совершенномъ здоровьи; не сомнѣвайтесь, что я во всякомъ случаѣ оправдаю довѣріе, которое вы мнѣ всегда оказывали. Екатерина. Сего 15 ноября 1782 г.»[2]).

Въ январѣ 1783: «Генералъ Бауэръ плохо поправляется, а я обременена работой и разстроена болѣзнью людей, которыхъ люблю и уважаю. Итакъ не надо хворать; кто имѣетъ уши, пусть слышитъ. Слышите ли вы»?[3])

Незадолго до смерти Бауэра, императрица написала ему еще письмо, копію съ котораго Гриммъ пожелалъ имѣть, и генералъ Ланской долго отыскивалъ его въ бумагахъ императрицы. Оно также сохранилось между письмами ея къ Гримму. Вотъ оно: «Господинъ генералъ Бауэръ. Я только что получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, присланное вами. Предоставляю себѣ подробнѣе отвѣчать вамъ, когда прочту сочиненіе. Но меня удивляетъ, что вы работаете такъ усидчиво, выдержавъ такую сильную болѣзнь. Вы знаете, какое я принимаю участіе въ вашемъ здоровьи, и весьма серьёзно прошу васъ беречь себя, чтобъ

[1]) 253.
[2]) Тамъ же.
[3]) 267.

вполнѣ поправиться. Признаюсь, что я очень обрадовалась, увидѣвъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе видѣть васъ совершенно выздоровѣвшимъ. Прощайте. Въ 5 часовъ сего 18 января». Но Бауэръ вскорѣ послѣ того скончался и въ мартѣ государыня пишетъ: «Я была очень опечалена смертью генерала Бауэра. Я проклинаю докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ. Они еще уморили мнѣ одного человѣка, который былъ при мнѣ тридцать-три года [1]); наконецъ я не кончила бы, еслибъ разсказала вамъ, сколько горя они причинили мнѣ въ этомъ году».

Свое нерасположеніе къ докторамъ государыня вскорѣ опять высказывала такъ: «Но послушайте, не надо быть больнымъ, а ужъ если заболѣли, то вы хорошо дѣлаете, когда стараетесь освободиться отъ болѣзни, какъ я, не прибавляя къ ней еще другого зла, то есть доктора. Зло и — докторъ у меня сдѣлались синонимами. Эти жалкіе люди много разъ морили меня, но никого не вылѣчивали. У меня, два мѣсяца тому назадъ, чуть не сдѣлалась горячка. Недѣлю я пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ моего порога» [2]).

Уже и ранѣе этого, съ самаго начала переписки, разсѣяны разныя выходки противъ докторовъ, которыхъ Екатерина вообще весьма не жаловала; такъ напр. она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Доктора, какъ и авгуры должны бы при всякой встрѣчѣ другъ съ другомъ смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ и надъ легковѣріемъ людскимъ» [3]).

20 сентября 1783: «Мнѣ очень прискорбно, что этотъ годъ былъ для васъ такимъ же роковымъ, какъ и для меня. У меня были

---

[1]) 268. Это сказано вѣроятно по поводу смерти камердинера императрицы Брозинскаго, про котораго она позже пишетъ Гримму: «Потеря Брозинскаго незамѣнима; это былъ умный и достойный человѣкъ; когда я бывало прочитаю хорошую книгу, то ему даю прочесть ее; никогда никто мнѣ такъ не служилъ, какъ этотъ человѣкъ; потому я считала потерю его — одною изъ самыхъ тяжкихъ . Но мнѣ не нравится то, что вы мнѣ говорите по этому поводу; и потому избавьте меня отъ труда отвѣчать на это». См. стр. 383.

[2]) 276.

[3]) 165.

то болѣзни, то горести попеременно; всѣ, къ кому я чувствовала расположеніе, не разъ доставляли мнѣ безпокойство. Среди лѣтней жары я сама схватила такой кашель, что чуть не впала въ чахотку. Князь Потемкинъ былъ при смерти, генералъ Ланской чуть не сломилъ себѣ шею. При такихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна.... Еще угрожаетъ мнѣ потеря фельдмаршала князя Голицына, котораго состояніе здоровья мнѣ вовсе не нравится. Онъ хорошій, честный человѣкъ, и я къ нему привыкла, я его люблю и уважаю» [1]). И въ самомъ дѣлѣ ровно черезъ мѣсяцъ мы читаемъ: «Фельдмаршалъ, князь (Александръ Михайловичъ) Голицынъ, скончался вчера; вотъ еще новая потеря, очень для меня чувствительная»... [2]).

Въ томъ же 1783 году умерли оба знаменитые ученые, Эйлеръ и Миллеръ: первый 7 сентября, а второй 4 октября, и о нихъ упоминается такъ: «Мы только что потеряли великаго Эйлера; исторіографъ Мюллеръ тоже умеръ» [3]). Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ императрица называла этотъ годъ роковымъ для себя и говорила: «Пока дѣла Тавриды [4]) устроивались, я очень принимала къ сердцу ваши огорченія. 1783 годъ, если взять его въ цѣлости, былъ и для меня и для васъ несчастливымъ годомъ. Вообще я замѣтила, что величайшія горести являлись у меня рядомъ съ событіями радостными и славными. Госпожа Таврида стоила мнѣ много слезъ тѣми утратами, которыя я претерпѣла или которыя мнѣ угрожали» [5]). Это было сказано ровно за годъ до смерти Ланского.

Вскорѣ послѣ смерти Бауэра государыня, извѣщая Гримма о пріѣздѣ доктора Вейкарда, прибавляетъ: «Я видѣла также другого новопріѣзжаго родственника, друга и школьнаго товарища покойнаго генерала Бауэра. Его имя — Канкренусъ. Мы искусно

---

[1]) 283.
[2]) 289.
[3]) 288.
[4]) Присоединеніе Крыма.
[5]) 302.

похитили этого — для нашихъ соляныхъ копей, изъ стороны Аншпаха. Ахъ, сколько въ Германіи въ эту минуту людей замѣчательныхъ, и какъ хорошо оттуда черпать!» [1])! Этотъ Канкренусъ былъ отецъ знаменитаго впослѣдствіи министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина. Изъ этого отзыва видно, что не только высокіе и безпристрастные умы и выдающіеся таланты въ Европѣ пользовались признаніемъ и горячимъ сочувствіемъ Екатерины, которая имъ благотворила, но она не пренебрегала иногда вызывать и въ Россію иностранцевъ, подобныхъ генералу Бауэру, вышеупомянутому Канкренусу, Ангальту и пр., ставя имъ однако въ первую обязанность безкорыстно и вѣрно служить своему новому отечеству. Даже, говоря о самой себѣ какъ государынѣ иностраннаго происхожденія, она въ предисловіи своемъ къ «Запискамъ» о русской исторіи выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль: *„Собиратель сихъ записокъ не въ числѣ змѣй вскормленныхъ за пазухой"*.

Мнѣніе государыни объ оберъ-камергерѣ И. И. Шуваловѣ мы уже приводили, говоря о художествахъ. Его нерѣшительный характеръ совсѣмъ не подходилъ къ свойствамъ и вкусамъ императрицы, отчего она всегда говорила о немъ съ нѣкоторой ироніей и часто надъ нимъ подсмѣивалась, хотя Шуваловъ видимо старался угождать ей и быть пріятнымъ. Такъ по возвращеніи его изъ за границы, въ 1777 году, государыня пишетъ: «Знаете ли, что я совсѣмъ возгордилась съ тѣхъ поръ какъ Шуваловъ, вернувшись изъ чужихъ краевъ, сказалъ мнѣ, что итальянскіе художники вовсе не затруднены дѣлать мой профиль, что они просто берутъ бюстъ, медальйонъ или медаль Александра (Македонскаго) и производятъ изображеніе весьма на меня похожее; есть камей, сдѣланный такимъ образомъ, который всѣ охотники до моей физіономіи хотятъ скопировать. Этотъ случай заставляетъ меня пріосаниться» [2]).

---

[1]) 300.
[2]) 70.

Въ другой разъ императрица пишетъ, что Шуваловъ хвалитъ записку о ея царствованіи и находитъ, что это вещь академическая. Но это не мѣшало ей находить его медлительнымъ и лишеннымъ вкуса въ художествахъ, а позже преданнымъ ханжеству подъ вліяніемъ святоши—иностранца графа Карамана.

О его безвкусіи государыня говоритъ такъ: «Это оберъ-камергеръ распускаетъ слухи, что Рейфенштейнъ будто все покупаетъ дорого, потому что онъ, оберъ-камергеръ, никогда ничего не покупаетъ кромѣ дряни, но за то дешево. И эту дрянь онъ пробовалъ выдавать намъ за превосходныя вещи. Удивительно впрочемъ, какъ, проведя столько лѣтъ въ Римѣ, онъ такъ мало образовалъ свой вкусъ и пониманіе. Знайте, что онъ въ дружбѣ съ тремя, четырьмя старыми герцогинями, которымъ онъ разсказываетъ эти жалкія вещи» [1]).

О ханжествѣ его мы приводили выписки и прежде. Вотъ еще подобные же отзывы: 1 іюля 1779 г. изъ Петергофа: «Г. оберъ-камергеръ поѣхалъ въ Москву, а по дорогѣ заѣзжалъ на всѣ богомолья. Онъ молился день и ночь до истощенія силъ; онъ блѣденъ и изнеможенъ, непонятно отчего, а при этомъ ему хочется поддержать прежнюю репутацію любезности и еще Богъ знаетъ чего, а втихомолку онъ себя въ этомъ упрекаетъ. Все это заставляетъ вздыхать и дѣлаетъ насъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нерѣшительными. Право, страдаешь за него, когда его видишь» [2]). «Если хотите, рядомъ съ той каѳедрой, которую вы мнѣ совѣтуете создать, я хочу основать каѳедру науки нерѣшительности, гораздо болѣе мнѣ свойственной чѣмъ думаютъ, а первымъ профессоромъ ея по справедливости будетъ оберъ-камергеръ [3])…. Онъ заказываетъ въ Римѣ вкривь и вкось, тогда какъ его самого здѣсь нѣтъ и онъ пасетъ гусей въ одномъ изъ имѣній сестры въ Калужской губерніи за двѣсти верстъ отъ Москвы по дорогѣ въ Украйну» [4])

[1]) 209.
[2]) 146.
[3]) 153.
[4]) 162.

Вскорѣ послѣ того, въ январѣ, государыня возвѣщаетъ его возвращеніе: «Г. оберъ-камергеръ вернулся по этому холоду изъ Москвы блаженнымъ и несчастнымъ и являлся ко мнѣ съ комедіями г-жи Жанлисъ подъ мышкой: это было ужъ совершенно противоположно Тартюфу» [1]).

Генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, какъ управлявшій государственными доходами, былъ для Екатерины источникомъ тѣхъ средствъ, которыя требовались для заказовъ и различныхъ порученій Гримму. Поэтому онъ очень часто упоминается въ перепискѣ и, замышляя о какомъ-нибудь новомъ пріобрѣтеніи, государыня подшучиваетъ насчетъ впечатлѣнія, которое этотъ сюрпризъ произведетъ на генералъ-прокурора. «Я очень соблазняюсь рѣзными камнями бальи де-Бретэля . . . Я подстерегу добрую минутку у Олсуфьева или генералъ-прокурора, чтобъ предложить имъ эту покупку. Напримѣръ, первому я предложу ее къ моимъ именинамъ, когда онъ мнѣ покупаетъ всегда какую-нибудь дрянную тряпку» [2]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Какъ только князь Барятинскій уѣдетъ, я примусь за переговоры о кабинетѣ рѣзныхъ камней бальи де-Бретэля, который только что возвратился съ водъ. Я полагаю, что генералъ-прокуроръ или г. Олсуфьевъ не прочь купить маленкій букетъ императрицѣ ко дню ея именинъ. Она заслуживаетъ хоть время отъ времени маленькаго подарочка и при этомъ нельзя сказать: у меня нѣтъ денегъ; а надо знать сначала, стóитъ ли подарокъ тѣхъ денегъ» [3]). «Я совершенно покоенъ, что г. Олсуфьевъ и г. генералъ-прокуроръ настроены такъ же какъ и я, и весьма расположены поднести императрицѣ на ея деньги подарки, ею заслуженные» [4]).

Когда италіянскій банкиръ Сантини дѣлаетъ выдачи Рейфен-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) 178.
[3]) Письма Гримма 42.
[4]) Тамъ же 60, 61.

штейну на покупки, она велитъ ему адресовать всѣ счеты къ князю Вяземскому или Безбородкѣ, прибавляя, что эти господа лучшіе плательщики какихъ она знаетъ и дѣлая замѣчаніе, что князь Вяземскій любитъ во всѣмъ опредѣленность[1]).

Въ 1782 г. государыня пишетъ къ Гримму: «Генералъ-прокуроръ только что открылъ вамъ новый кредитъ на 25 тысячъ рублей и въ первый разъ, какъ я его увижу, я предложу ему, чтобъ онъ вамъ открылъ кредитъ неограниченный. Но это слово навѣрно будетъ ему стóить припадка удушья, и несмотря на все мое вліяніе на него, мнѣ не добиться этого безъ особаго моего повелѣнія; у него же сдѣлается біеніе сердца, которое, какъ я опасаюсь, увеличитъ его начинающуюся одышку, а вы согласны со мною, что необходимо беречь здоровье человѣка, который, кромѣ другихъ своихъ хорошихъ и почтенныхъ качествъ, имѣетъ еще и то, что у него всегда находятся готовыя деньги на всевозможныя непредвидѣнные случаи, да еще для такого поглотителя и мота какъ я»[2]). Въ апрѣлѣ 1783 г.: «Г. генералъ-прокуроръ будетъ менѣе чѣмъ когда-либо страдать удушьемъ, потому что я ему доставлю на этихъ дняхъ маленькое денежное подкрѣпленіе, противъ своей обыкновенной привычки давать глотать эти послѣднія 8 лѣтъ одни слабительныя»[3]). Въ октябрѣ 1785: «Что касается до г. генералъ-прокурора, то онъ не жалуется теперь ни на какія выдачи: онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ настоящую минуту даетъ самымъ любезнымъ образомъ и часто самъ подаетъ проекты, могущіе способствовать опустошенію его кассъ. Но на это есть маленькая причина — та, что средства его увеличились немножечко, а затрудненія уменьшились, потому что мы склонны считать себя чрезвычайно благоразумными и всѣ царапины злорѣчиваго пера многострадальнаго нисколько не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надо давать ему

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 194, 200.
[2]) 236, 237.
[3]) 277.

свободу говорить и выражать свое мнѣніе, какъ городу Москвѣ, и пусть таки онъ идетъ своей дорогой» [1]).

Это не мѣшаетъ однако Екатеринѣ, дѣлая свои заказы Гримму, не разъ повторять ему: «постарайтесь купить какъ можно дешевле, чтобъ не увеличить удушье князя Вяземскаго» [2]).

Хотя мы не можемъ знать, какой именно выходкой Гримма было вызвано замѣчаніе государыни о его злорѣчивомъ перѣ, потому что письма его за этотъ годъ не сохранились, но можно привести здѣсь другое мѣсто по поводу ея заграничныхъ покупокъ, которое доказываетъ, что Гриммъ любилъ иногда пересыпать свои шутки довольно грубоватой солью, перемѣшивая её и съ тонкой лестью, чтобъ смягчить впечатлѣніе.

«Со всѣми добрыми и вѣрными слугами вашего величества радуюсь отъ глубины души мужественной рѣшимости, принятой императрицею болѣе ничего не покупать. Когда я увидѣлъ, что она отказывается отъ Корреджіо, я сказалъ: о, на сей разъ это ужъ вѣрно; немедленно я сталъ на колѣни, чтобъ благодарить Небо, я три раза перекрестился, и воскликнулъ: Боже, поддержи Свою Помазанницу въ такихъ назидательныхъ, христіанскихъ чувствахъ, и это сдѣлаетъ Тебѣ великую честь. Правда, что я былъ немножко сконфуженъ, замѣтивъ между первыми и послѣдними листками божественной грамоты, то есть менѣе нежели въ мѣсяцъ, большую разницу, потому что, послѣ рѣшительныхъ словъ: Я болѣе ничего не покупаю, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ читаешь: — Надо, чтобъ божественный скорѣе прислалъ то и другое, — и затѣмъ слѣдуетъ нескончаемый списокъ. И я еще простерся и сказалъ: Господи, Робинъ помнитъ свою дудку; подумаешь, что рѣшенія Твоей Помазанницы шатки, и это не сдѣлаетъ тебѣ большой чести [3]). Что до меня, бѣдняка, мое дѣло только повиноваться. Если я не напишу тотчасъ божественному, если онъ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 365.

2) 396.

3) Читатель долженъ помнить, что эта легкомысленная шутка выходитъ изъ устъ энциклопедиста XVIII вѣка.

не поспѣшитъ притти на помощь къ Твоей помазанницѣ, она будетъ упрекать меня, что я подвергъ опасности дни ея, что я не захотѣлъ спасти ей жизнь, и разумное мое противодѣйствіе сдѣлаетъ меня пугаломъ для всего моего вѣка. Да, Господи, это слишкомъ дорого обойдется. Ты хвалишься круглый годъ, что держишь сердца королей и императрицъ въ рукѣ Своей; это Твое дѣло, выпутывайся изъ этого какъ Тебѣ угодно; я умываю себѣ въ томъ руки. Послѣ этой набожной и усердной молитвы, я скажу вашему величеству, что безполезно, взявъ доброе и твердое намѣреніе, кричать во всю мочь:—я болѣе ничего не покупаю.— Это слишкомъ похоже на трусовъ, которые поютъ ночью на улицахъ, чтобъ доказать, что они не боятся, или лучше изъ боязни, что струсятъ. Слѣдуетъ только сказать положительно и искреннно: многострадальный, охота покупать у меня прошла; я забавляюсь только тѣмъ, что царствую, дѣлаю свои народы счастливыми и воспитываю имъ маленькаго Александра въ хлопочкахъ для той же цѣли; итакъ мнѣ ничего не нужно. А я на это отвѣчаю: вотъ тутъ-то лучшая минута, чтобъ дѣлать предложенія императрицѣ, потому что она наотрѣзъ откажется и мы одержимъ побѣду: г. генералъ-прокуроръ, мудрость и я, и императрица будетъ намъ за то безконечно благодарна, потому что послѣ побѣды она скажетъ: однако я сама не поддалась искушенію; я героиня, не только когда ношу императорскую корону на головѣ: я остаюсь такова и въ шлафрокѣ и это очень граціозно; и тотъ кто сказалъ, что никто не герой для своего камердинера, солгалъ. Стало-быть, чтобъ доставить вашему величеству такое постоянное довольство собою и славу мнѣ отказывать, я всегда буду дѣлать вамъ кой-какія маленькія предложенія»[1]).

Знатные Русскіе, пребывавшіе въ Парижѣ, не только были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гриммомъ, но въ торжественные дни рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ государыни онъ приглашалъ къ себѣ ихъ молодежь, сверстниковъ Эмиліи Бель-

---

[1]) Письма Гримма 189, 190, 191.

зэнсъ, удостоенной отъ государыни фрейлинскаго шифра, и такъ описывалъ эти празднества: «Мы празднуемъ всѣ праздники императрицы. Всѣ маленькія удовольствія, даже всѣ забавы относимъ мы къ императрицѣ. Былъ прелестный балъ въ домѣ многострадальнаго. И вся русская молодёжь блистала на немъ. Шуваловы, Строгоновы, Салтыковы, Чернышевы, и къ концу бала явилась княгиня Дашкова въ сопровожденіи своего сына и дочери»[1]).

Въ апрѣлѣ того же 1781 года ко дню рожденья государыни Гриммъ пишетъ: «Если эта грамота придетъ въ должную минуту, она напомнитъ вашему императорскому величеству, что въ то время, когда пожеланія цѣлой Россіи раздаются на улицахъ, въ воздухѣ, въ императорскомъ дворцѣ,—лачуга многострадальнаго вся перевернута вверхъ дномъ; всѣ дѣвчонки засуетились по поводу торжественнаго дня. Всѣ эти дѣвчонки съ каждымъ годомъ понемножку перестаютъ быть дѣвчонками; онѣ выходятъ замужъ одна за другой подъ носомъ многострадальнаго; но это не отнимаетъ у нихъ охоту чествовать ту, имя которой чтится отъ береговъ Невы за предѣлы теченія рѣки Амазонской: это только налагаетъ на нихъ долгъ произвести другихъ дѣвчонокъ, чтобъ передать имъ обычай праздновать 2-е мая изъ рода въ родъ. Зная, какой шумъ онѣ произведутъ у меня, я желалъ бы очутиться за восемьсотъ льё отсюда, какъ напримѣръ въ Петербургѣ въ свитѣ г. Александра, въ качествѣ носителя его верхняго платья, или носителя *шлейфа*, когда онъ въ парадной формѣ пойдетъ привѣтствовать императрицу. Вотъ съ чѣмъ я на худой конецъ весьма охотно бы примирился; но г. Александръ говоритъ, что онъ пойдетъ къ императрицѣ и безъ носителя верхняго платья, и отсылаетъ меня стеречь верхнее платье моихъ дѣвчонокъ»[2]).

Въ іюнѣ того же года Гриммъ собирается праздновать въ Спа восшествіе на престолъ, и пишетъ: «Мы не на шутку те-

---

[1]) Письма Гримма 125, 126.
[2]) Тамъ же 136, 137.

ряемъ все племя Шуваловыхъ: они возвращаются прямо въ Петербургъ. Совѣтую вашему величеству имѣть большое уваженіе къ своему многострадальному. Это единственный человѣкъ во Франціи, къ которому княгиня Дашкова удостоила взять рекомендательное письмо изъ Англіи. Правда, она надѣется, что я скажу много хорошаго о ея дѣтяхъ передъ царскимъ треножникомъ, и въ самомъ дѣлѣ ея дѣти заслужили всеобщее одобреніе. Ея сынъ, кажется, очень воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Шотландіи, и я всегда очень радъ, когда могу сказать что-нибудь хорошее о комъ-либо изъ подданныхъ вашего величества» [1]).

На это государыня отвѣчаетъ: «Я очень довольна, что вы хорошо отзываетесь о сынѣ княгини Дашковой; я всегда интересовалась этимъ ребенкомъ, потому что мнѣ казалось, что у него очень доброе сердце» [2]).

Замѣчательно еще одно мѣсто изъ писемъ Гримма, касающееся русскихъ путешественниковъ въ Парижѣ и той репутаціи, которую они пріобрѣли за границей вслѣдствіе своихъ займовъ и неаккуратныхъ платежей своимъ кредиторамъ:

«Мнѣ стóитъ большаго усилія надъ собой начать съ вашимъ величествомъ разговоръ объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ, которое вовсе меня лично не касается. Но послѣ того, что я 18 мѣсяцевъ избѣгалъ вмѣшательства въ него, я расчелъ, что сами заинтересованныя стороны будутъ мнѣ благодарны, если я доведу это дѣло до свѣдѣнія вашего величества, чтó гораздо лучше, нежели допустить, чтобы оно дошло до васъ посредствомъ мемуара, который хотѣли представить по этому случаю г-ну Верженну. Только увидѣвъ, что такое рѣшеніе близко къ исполненію, я остановилъ его, сказавъ, что беру на себя это дѣло. Ваше величество знаете, можетъ-быть, съ какою заботливостью и даже съ какими издержками 84 лѣтній маршалъ герцогъ Биронъ принимаетъ иностран-

[1]) Тамъ же 213.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

цевъ всѣхъ націй, а особливо Русскихъ. Графъ Петръ Разумовскій и его супруга были постоянымъ предметомъ его вниманія во время ихъ пребыванія во Франціи, и они никогда не могли бы покинуть Парижа безъ отмѣнной услуги, которую онъ имъ оказалъ. Онъ имъ повѣрилъ на слово 52 тысячи французскихъ ливровъ, чтобы дать имъ возможность заплатить свои долги и благополучно достигнуть отечества. Подобную же услугу онъ оказалъ адмиралу Роднею, долги котораго безъ помощи маршала задержали бы его во Франціи на все время войны, а это для него конечно не могло быть безразлично. Маршалъ за такія услуги никогда не получаетъ ни росписокъ, ни благодарности; выходитъ, что это долгъ чести еще болѣе священный. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи графа Петра г. маршалъ Разумовскій письмомъ выразилъ маршалу Бирону благодарность за отмѣнную услугу, оказанную его сыну, безъ которой онъ никогда не вырвался бы изъ Парижа, и обѣщалъ заплатить долгъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. Шесть лѣтъ прошло съ той поры и маршалъ не получилъ обратно своего капитала, что́ не помѣшало ему давать другимъ русскимъ путешественникамъ денежныя ссуды, правда менѣе значительныя, но также невозвращенныя. Маршалъ говоритъ, что въ его годы нельзя и не надо ждать долѣе, и полагаетъ, что какъ только императрицѣ будетъ сдѣлано это сообщеніе, онъ тотчасъ получитъ свои деньги; а я этого желаю изъ привязанности къ русскому имени: мнѣ каждый разъ вонзаютъ кинжалъ въ сердце, когда разсказываютъ исторіи такого рода. Я кончаю этотъ листъ, присоединяя къ нему письмо добраго Ваньера, которое я не хочу оставить безъ отправки, и приношу къ подножію вашего императорскаго величества выраженіе моего величайшаго благоговѣнія»[1]).

Въ 1782 г. княгиня Дашкова возвратилась въ Россію и государыня, говоря съ Гриммомъ объ аббатѣ Рейналѣ, прибавляетъ: «Онъ долженъ былъ производить превосходный эффектъ между

---

[1]) Письма Гримма 236, 237, 238.

княгиней Дашковой, которая возвратилась къ намъ на дняхъ, и графомъ Сакеномъ [1]): этотъ, сказать мимоходомъ, всегда былъ для меня противнымъ существомъ, котораго я избѣгала [2]).

«Кто такая эта госпожа княгиня, которая не желаетъ, чтобъ изъ за нея страдали»? восклицаетъ государыня въ другомъ письмѣ: «Ахъ, какъ она добра! Тьфу пропасть, да я думаю, что это моя директриса! (т. е. княгиня Дашкова) клянусь, что она не называла своего имени съ тѣхъ поръ, какъ у нея Академія въ умѣ и передъ глазами» [3]).

Въ началѣ 1783 г. государыня извѣщала Гримма о томъ, что въ Петербургѣ началъ выходить журналъ *Собесѣдникъ*, который издавала княгиня Дашкова, говоря что этотъ журналъ есть смѣсь весьма забавныхъ вещей и что она помѣстила тамъ первую эпоху написанной ею для внуковъ исторіи Россіи. Кромѣ того она помѣщала тамъ свои Были и Небылицы,—сатирическія замѣтки, въ которыхъ задѣвала смѣшныя стороны современнаго общества и лицъ ей близко извѣстныхъ. Въ концѣ же года она сообщаетъ что «авторы поссорились съ издателями» [4]), то есть заявляетъ о прекращеніи своего участія въ журналѣ, по крайней мѣрѣ въ сатирической его части, вслѣдствіе того, что княгиня Дашкова обидѣлась помѣщенной государынею статьей «Общества незнающихъ ежедневная записка». Это была пародія на засѣданія Россійской академіи, приписанная государыней Л. А. Нарышкину. Княгиня Дашкова, какъ президентъ академіи, серьёзно оскорбилась и возникли недоразумѣнія. Вотъ какъ разсказываетъ про этотъ случай сама императрица: «Чтобъ развеселить васъ, я желала бы прислать вамъ нѣсколько шуточныхъ переводовъ изъ этого ералашнаго журнала. Между прочимъ тамъ есть «общество незнающихъ», раздѣленное на двѣ палаты; первая съ

---

[1]) Вѣроятно, баронъ Іоаннъ Густавъ, бывшій долгое время саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 247.

[3]) 277.

[4]) 291.

чутьемъ, вторая безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось, вторая однако судитъ по здравому смыслу, а первая доставляетъ ей матеріялъ. И все это такъ серьёзно, такъ правдоподобно, что читатель помираетъ со смѣху, и есть черты, которыя обратятся въ пословицы. Но, видно, это было слишкомъ хорошо, потому что авторы поссорились съ издателями; и послѣдніе только потеряютъ при этомъ, потому что это составляло восторгъ и города и двора»[1].

Графъ и графиня Брюсъ часто упоминаются въ перепискѣ и всегда тономъ благоволенія, особливо первый: сначала при встрѣчѣ въ Римѣ молодой четы графа и графини Сѣверныхъ, потомъ при свиданіи императрицы съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ, и наконецъ во время неожиданнаго путешествія въ Москву при посѣщеніи каналовъ, когда онъ былъ уже московскимъ генералъ-губернаторомъ. Позже, во время путешествія въ Крымъ, государыня пишетъ Гримму, что она три раза въ недѣлю «отдаетъ отчетъ въ своемъ поведеніи графу Брюсу, чтобъ и его вызвать на то же, что впрочемъ онъ всегда и исполняетъ»[2]. О смерти графини Брюсъ, урожденной Румянцовой, — сестры Задунайскаго, она такъ сообщаетъ въ апрѣлѣ 1785 г.: «Семейство Румянцовыхъ понесло весьма чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, скончавшейся въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ. Невозможно не сожалѣть о ней тому, кто хорошо зналъ её, потому что она была очень любезна. Лѣтъ шесть, семь тому назадъ это меня еще болѣе огорчило бы, но съ тѣхъ поръ мы противъ прежняго нѣсколько удалились другъ отъ друга и были разлучены»[3].

Но всѣхъ чаще и при всякомъ почти случаѣ, касающемся заказовъ, расплатъ, выписки художниковъ, при сообщеніяхъ государыни о ея дѣятельности законодательной и учредительной, является имя ея *фактотума*, графа Безбородки. Въ 1779-мъ

[1] *Сб. И. О.* XXIII, 291.
[2] 408.
[3] 330.

году онъ представилъ Екатеринѣ записку о 17-ти лѣтнемъ ея царствованіи и вотъ какъ она отзывается объ этомъ: «Г. Безбородко вздумалъ составить списокъ событій и достопамятныхъ общественныхъ дѣлъ за послѣднія семнадцать лѣтъ; онъ принесъ намъ все это въ первый день нашего восемнадцатаго года. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась, что въ немъ далеко не все, и чтобъ убѣдиться что нѣтъ опущеній, я велѣла каждому вѣдомству представить то, чего недоставало: напримѣръ, тамъ не было упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, которыя однако не настолько маловажны, чтобъ не могли занять уголокъ въ спискѣ» [1]).

Черезъ два года Безбородко составилъ списокъ за 19 лѣтъ царствованія, уже приведенный нами, который онъ ежегодно долженъ былъ дополнять, а государыня перевела этотъ списокъ на нѣмецкій языкъ для Гримма.

Въ томъ же 1779 году государыня проситъ препроводить къ Безбородкѣ контракты съ архитекторами Тромбарой и Кваренги, а позже и самихъ архитекторовъ, такъ же какъ и выписанныхъ прядильщиковъ Миллера велитъ адресовать къ нему же [2]).

Всѣ счеты по расплатамъ Гримма, всѣ пожалованья, подарки, патенты иностраннымъ знаменитостямъ проходили черезъ его руки. Наконецъ ему же переданы были и суммы на особыя издержки государыни [3]), такъ что она проситъ Гримма сообщить банкиру Сантини, чтобъ онъ всѣ свои счеты, по сдѣланнымъ за нея уплатамъ, адресовалъ или прямо къ генералъ-прокурору Вяземскому, или къ Безбородкѣ, потому что они лучшіе плательщики въ мірѣ. Въ 1783 г. государыня писала, что Ланской, признательный за спасеніе брата, желая одолжить Гримма, готовитъ ему копію ея портрета не съ Бромптона, а съ прекраснаго портрета русскаго художника Левицкаго, сдѣланнаго для фактотума

---

1) 148.
2) 163.
3) 186.

(Безбородки), который онъ ставитъ гораздо выше перваго. Этотъ знаменитый портретъ воспѣлъ Державинъ въ одѣ «Видѣніе мурзы». Копія съ него находится въ Императорской публичной библіотекѣ.

О Бецкомъ и его отношеніяхъ къ Бобринскому уже было говорено выше, но о немъ еще упоминается въ письмахъ какъ о чтецѣ. Такъ въ 1779 году онъ читаетъ государынѣ комедію французскаго писателя Седэна и она пишетъ объ этомъ: Бецкій не знаетъ ни откуда эта пьеса, ни чья она. Онъ равнодушно прочиталъ первое дѣйствіе, послѣ чего нашелъ, что у Реймона мало соображенія, и что онъ могъ сказать, что получилъ пьесу по почтѣ; я давала ему говорить. Г. Гаводанъ ему понравился, но замѣтилъ онъ,—вѣдь это значитъ давать уроки государямъ.—Кто же можетъ это взять на себя? Я молчала, онъ продолжалъ и прочелъ въ этотъ день только три дѣйствія. Онъ ворчалъ сквозь зубы:—Это оскорбительно для многихъ.—Я притворилась что не обращаю вниманія на его замѣчаніе; онъ же принималъ живое участіе въ томъ, что читалъ: ни одного слова не ускользало отъ него, что́ не бываетъ съ нимъ, когда онъ читаетъ то, что ему кажется скучнымъ. На другой день онъ поспѣшилъ возвратиться къ чтенію и кончить его; время отъ времени онъ сердился читая, а по окончаніи объявилъ: эту пьесу поставить нельзя, потому что она задѣнетъ слишкомъ многихъ; я ему замѣтила, что она написана сильно, что это прекрасная пьеса. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что комедія должна веселить и забавлять зрителей, а такое представленіе при дворѣ было бы непріятно для присутствующихъ и набольшій играетъ въ ней роль слишкомъ мало почетную. Я отвѣчала ему:—я хотѣла бы, чтобъ ее сыграли, хотя бы для того, чтобъ показать, что я пользуюсь у себя бо́льшимъ авторитетомъ чѣмъ Реймонъ.— Онъ возразилъ мнѣ:—хорошо, но пріятно ли вамъ будетъ въ кругу людей, гдѣ каждый будетъ чувствовать себя оскорбленнымъ? На это я должна была замолчать... Эта пьеса заставляетъ задуматься [1]).

Въ томъ же 1779 году государыня помышляла замѣнить Бец-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 129.

каго, какъ чтеца, Ваньеромъ, секретаремъ Вольтера, и говорила: Бецкій старѣетъ и начинаетъ читать очень невнятно и читаетъ лѣниво. Но Ваньеръ, долго прохворавъ въ Петербургѣ, не остался въ Россіи. По поводу разныхъ дѣлъ въ Академіи художествъ и желанія нѣкоторыхъ иностранцевъ напр. Клериссо, Седэна быть принятыми въ ея члены, государыня обращаетъ Гримма къ Бецкому, такъ же какъ и по случаю исторіи нѣкоего француза Жиллэ, служившаго въ Академіи и получавшаго оттуда пенсію по переселеніи своемъ въ Парижъ. По ходатайству Гримма государыня пожаловала этому Жиллэ шесть тысячъ ливровъ, а случай съ нимъ или, лучше, исторію его съ Академіей Гриммъ разсказываетъ такъ:

«Добродушный Жиллэ приходилъ ко мнѣ поплакать, когда я ему сказалъ, что императрица обѣщала мнѣ прислать шесть тысячъ ливровъ для него. Это пролило бальзамъ на рану, сдѣланную собственной его вѣтреностью. Я не знаю, по какому случаю императорская Академія распорядилась уплатить ему здѣсь пенсію два раза, черезъ двухъ различныхъ банкировъ, на растояніи немногихъ мѣсяцевъ. Добрякъ подписалъ обѣ расписки, поданныя ему банкирами, не поглядѣвъ ихъ, и принялъ деньги, полагая, что ему платятъ за два года вмѣсто одного. Когда эти двѣ расписки прибыли въ Петербургъ, замѣтили, что онъ получилъ два раза за тотъ же годъ, разгнѣвались, вспыхнули и отняли у него пенсію, чтобъ научить его впредь не обманывать. Но еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе обманывать, то своею дважды повторенною подписью онъ самъ доставилъ бы доказательство своего обмана, и эта двукратная подпись напротивъ очевидно доказываетъ его невинность. Гораздо труднѣе объясняется, какимъ образомъ могли ему сдѣлать двойной платежъ по тому же предмету, чрезъ двухъ различныхъ банкировъ. Впрочемъ, бѣднякъ нашелъ теперь ходатаевъ за себя у г. Бецкаго и ожидаетъ отъ его правосудія, что онъ возвратитъ ему пенсію немедленно. Не надо даже, чтобъ императрица знала объ этомъ, ни чтобъ она въ это вмѣшивалась, развѣ захотятъ ей представить Жиллэ плутомъ, который беретъ обѣими

руками. Я вовсе не оставилъ ему надежды насчетъ шести тысячъ ливровъ, о которыхъ онъ черезъ меня ходатайствовалъ. Его радость и признательность тѣмъ болѣе были велики, что кромѣ непріятностей по двойной распискѣ, банкиръ, которому онъ повѣрилъ половину своего состоянія, обанкрутился. Сколько ваше величество заставляете проливать слезъ благодарности во всѣхъ уголкахъ земли»! [1])

О графѣ Панинѣ, котораго государыня такъ живо изобразила, сопоставляя его съ Орловымъ, она прибавляетъ въ одномъ письмѣ слѣдующую характеристическую черту: «Я очень рада», говоритъ она, «что у васъ приходится натыкать публику носомъ на самыя интересныя вещи, иначе она бы ихъ не замѣтила. Никто не зналъ этого искуства лучше графа Панина: въ одну минуту онъ умѣлъ украсить свое платье чужими перьями, и чѣмъ менѣе оно ему принадлежало, тѣмъ болѣе онъ восхвалялъ его, чтобъ повѣрили его отеческой нѣжности къ ребенку, тогда какъ ребенокъ былъ чужой» [2]).

Литературные труды Екатерины. Исторія и политическая мудрость.

Упомянувъ объ изданіи Собесѣдника, въ которомъ дѣятельное участіе принимала сама Екатерина, мы постараемся прослѣдить по ея письмамъ и другія ея литературныя занятія, которымъ она отводила столько времени среди трудовъ правленія. Между ними, кромѣ дѣтской литературы, являющейся въ перепискѣ подъ именемъ библіотеки Александро-Константиновской, первое мѣсто принадлежитъ Исторіи Россіи подъ заглавіемъ: «Записки касательно Россійской исторіи». Онѣ занимаютъ почти половину журнала Собесѣдникъ и изданы потомъ отдѣльно въ 6-ти

---

[1]) Письма Гримма, стр. 41.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 330.

частяхъ, съ именемъ императрицы. Эта исторія выдержала три изданія, послѣднее было напечатано въ 1801 году въ Собесѣдникѣ. «Записки» доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ же изданіи продолжены до 1276 года. Этотъ трудъ былъ начатъ ею для внуковъ, о воспитаніи которыхъ она такъ много заботилась, а позже она имѣла въ виду и потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ школъ. О первоначальной мысли, побудившей ее заняться русской исторіей, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто одного письма 1782 года: «Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, вотъ г. Александръ требуетъ у меня одного чтенія за другимъ. На дняхъ онъ познакомился съ Александромъ Великимъ. Онъ попросилъ, чтобъ я его лично съ нимъ познакомила и ужасно былъ пораженъ, когда узналъ, что тотъ умеръ. Онъ очень о немъ сожалѣлъ»[1]).

Естественно, что начавъ съ внучкомъ бесѣды о предметахъ историческихъ, Екатерина должна была чувствовать, что для него всего важнѣе знакомство съ судьбами своего родного края, а такъ какъ никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части еще не было, то императрица и рѣшилась сама заняться этимъ дѣломъ. Она поручила разнымъ лицамъ, между-прочимъ Мусину-Пушкину[2]), а въ Москвѣ профессорамъ Чеботареву и Барсову, дѣлать для нея выписки изъ лѣтописей и доставлять эти матеріалы прямо къ ней. Уже самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей — для того времени замѣчательна. Собрать же и объединить эти лѣтописи, облечь ихъ въ общедоступную форму историческаго разсказа, дать имъ воспитательное значеніе, какъ для своихъ внуковъ, такъ и для всего общества — этотъ трудъ Екатерина взяла на себя и выполнила съ истинною и не лицемѣрною любовью къ своему народу и его исторіи. Но это не было еще единственною цѣлью государыни. Она вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 252.

[2]) **Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный любитель древностей, род. въ 1774 † 1817.**

стремилась уронить тотъ укоренившійся на Западѣ высокомѣрный взглядъ на нашу исторію, который утверждалъ, что собственно исторіи въ нравственномъ смыслѣ слова у русскаго народа нѣтъ, что русская исторія есть какое-то сцѣпленіе случайныхъ и часто дикихъ фактовъ безъ всякаго внутренняго значенія. Мнѣніе это еще не такъ давно смѣло повторялось иностранцами, призывавшимся къ воспитанію нашего русскаго юношества въ высшихъ сферахъ общества и даже нашло отголосокъ въ нѣкоторыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ нашего времени.

Въ противоположность этому взгляду, Екатерина, прилежно занявшись изученіемъ русской исторіи по выпискамъ изъ лѣтописей, старалась отыскать въ ея событіяхъ тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки имъ отказывали. По выраженію Добролюбова[1]) она умѣла «набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ».

Мы уже приводили слова негодованія, которыми государыня встрѣтила исторію Леклерка, француза, долгое время прожившаго въ Россіи и возымѣвшаго желаніе познакомить иностранцевъ съ русской жизнью. Множество невѣрностей, искаженій и завѣдомой лжи были отличительными чертами этого многотомнаго сочиненія. Оно произвело самое тяжелое впечатлѣніе на русскихъ читателей, и членъ Россійской академіи Болтинъ написалъ на эту исторію обширныя примѣчанія. Вотъ какой отвѣтъ даетъ подобнымъ хулителямъ Россіи Екатерина въ предисловіи къ своему труду.

«Сія записка касательно Россійской исторіи сочинена для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣй именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено,

---

[1]) См. изслѣдованіе его «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» въ Современникѣ 1856 года за августъ.

но къ онымъ не стыдилися прибавить злобные толки. Писатели тѣ, хотя сказываютъ, что имѣли Россійскихъ лѣтописцевъ и историковъ передъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же перо ихъ слѣпою страстью водимо было. Безпристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи съ исторіями современниковъ великихъ князей каждаго вѣка [1]), усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка и что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинакіе способы. Всѣ европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе евангельское, получили правила до того имъ неизвѣстныя, кои не иначе могли перемѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей стариной занятыя, какъ мало по малу».

Не менѣе замѣчательна и выноска къ этому предисловію: «Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тщился исполнить долгъ благодарнаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы, непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его».

Изъ послѣднихъ словъ видна благородная, патріотическая цѣль государыни заставить русское юношество, искалѣченное иностраннымъ воспитаніемъ, полюбить свою родную исторію и высоко цѣнить ея изученіе и знаніе.

Мы сочли нужнымъ для ясности пониманія предпослать это вступленіе тѣмъ выпискамъ, которыя будутъ слѣдовать.

9 марта 1783 государыня пишетъ Гримму, что она для него должна была бросить на своемъ столѣ вторую эпоху русской

[1]) Для такого сравненія въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ.

исторіи для употребленія гг. Александра и Константина. Радуясь что ея трудъ заслужилъ одобреніе такихъ взыскательныхъ судей какъ: князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, г. фактотумъ и многіе другіе, она прибавляетъ: «А это одобреніе подстрекаетъ насъ къ продолженію любимаго труда и мы уже довершили жизнь и дѣянія св. Владиміра, который на зло вамъ и басурманамъ, былъ человѣкъ не дюжинный. А! г. многострадальный, не правда ли, что это заставляетъ васъ подымать носъ, чтобъ пронюхать какъ бы достать переводъ? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я убѣждаюсь въ совершенствѣ изображенія одной эпохи, только по мѣрѣ того, какъ подвигаюсь въ другихъ» [1]).

«Я пишу Исторію, раздѣливъ ее на пять частей и начавъ ее съ 480 г. Итакъ вотъ тысячу триста лѣтъ предстоитъ обозрѣть. Дай Богъ хорошихъ желудковъ ребятамъ, которымъ придется это переваривать; теперь мы на 988 году; остается почти столько же» [2]).

Пославъ Гримму первую эпоху своей Исторіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ лѣтомъ 1783 года, государыня спрашиваетъ его: «Что скажете вы о первой эпохѣ Русской Исторіи? Прислать ли вамъ остальное? Или она показалась вамъ скучною?... Я пишу исторію древняго періода и дошла до 1137 года. У меня въ головѣ шевелится мысль, что исторія всѣхъ современниковъ по вѣкамъ могла бы бросить большой свѣтъ на событія, какъ они происходили, и особливо на древнюю исторію» [3]).

«Я сунула первую эпоху Русской Исторіи въ журналъ (*Собесѣдникъ*) и ею кажется изрядно довольны. NB. Такъ говорится по скромности, потому что успѣхъ кажется полный» [4]). «Я пишу исторію въ свободные часы, а когда должна писать письма, то откладываю въ сторону исторію; это очень просто, не правда ли? Эта Исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который не

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 269. 2) 268.
3) 280. 4) 281.

ударить лицомъ въ грязь и выходитъ каждый мѣсяцъ. Столько-то царствованій въ мѣсяцъ — это ее даетъ въ руки каждому, и я не могу отрицать, что она имѣетъ успѣхъ: ее находятъ самою сносною изъ существующихъ до сихъ поръ и оцѣниваютъ въ ней искреннюю ревность къ отечеству, которая согрѣваетъ чувство»[1]. «Не кричите; надѣюсь прислать вамъ часть второй эпохи Русской Исторіи въ компаніи съ этимъ письмомъ»[2].

«Я могла бы написать вамъ цѣлый томъ о всѣхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, когда пишу и порчу вторую эпоху Русской Исторіи; но я помѣщу большую часть своихъ размышленій въ нѣкотораго рода обозрѣніи, которое будетъ заключеніемъ, и послѣ этого обозрѣнія окончу свой трудъ, потому что въ Москвѣ, въ архивѣ, уполномоченные покойнаго Мюллера пишутъ для нормальныхъ школъ Русскую Исторію гораздо лучше моей; можетъ-быть я послѣ къ каждой эпохѣ возьму на себя трудъ сдѣлать обозрѣніе въ своемъ вкусѣ: что вы объ этомъ скажете? Вѣроятно, вы не скажете ничего, потому что еслибъ я вздумала составить списокъ всего о чемъ я васъ спрашивала и на что вы не отвѣчали, то списокъ вышелъ бы длинный. Мнѣ кажется, я отсюда вижу какъ вы на это возражаете, что я напрасно васъ обвиняю; но все это безполезно, потому что вамъ уже давно прощено, что вы не отвѣчали на всѣ жалкіе вопросы, которые я вамъ часто задавала... Знаете ли что, несмотря на господина Леклерка, который по-моему не имѣетъ здраваго смысла, исторія Россіи болѣе наполнена фактами и движеніемъ, чѣмъ какая либо другая исторія въ мірѣ. Вотъ въ главныхъ чертахъ планъ обозрѣнія, который я приму для второй эпохи:

1) Замѣчательные перевороты.
2) Постепенное измѣненіе въ порядкѣ вещей.
3) О народонаселеніи и финансахъ.
4) Трактаты и документы.

---

[1]) 286.
[2]) 289.

5) Примѣры ревности или небрежности государей и ихъ послѣдствія.

6) Примѣчанія о томъ, чего можно было избѣжать.

7) Примѣры мужества и выдающихся добродѣтелей.

8) Примѣры пороковъ, каковы жестокость, неблагодарность, невоздержность и ихъ послѣдствія» [1]).

«Мнѣ сказали, что Гарди уѣзжаетъ», пишетъ государыня въ мартѣ 1784 г., «онъ будетъ подателемъ этой депеши и нѣмецкой тетради Русской Исторіи. У г. Фрид. Николаи въ Берлинѣ ея еще нѣтъ. Итакъ вотъ вы опередили его и не имѣете повода ворчать» [2]).

«Вы говорите что я по природѣ проныра, а я вамъ объявляю, что я сдѣлалась настоящей архивной крысой» [3]).

«Мы собираемъ по годамъ доблестные подвиги Славянъ изо всѣхъ возможныхъ исторій» [4]).

«Такъ какъ ея величество получила ободреніе отъ г. многострадальнаго на полное составленіе Россійской Исторіи, то весьма возможно, что окончивъ заключеніе второй эпохи и сокращенный обзоръ, параллельно съ каждымъ царствованіемъ, современныхъ ему царствованій, она примется за третью эпоху. Это для нея трудъ любезный и вполнѣ увлекательный, тѣмъ болѣе, что она употребляетъ на него часы досуга, и я полагаю, что трудно полезнѣе для государства употреблять свой досугъ, какъ распутывая и разработывая его исторію. Но кстати, ты долженъ знать, г. многострадальный, что господа Московскаго архива употребляютъ въ дѣло наши тетради не хуже чѣмъ всякія другія. При этомъ ваше превосходительство найдете приложенною еще толстую тетрадь, которою можете позабавиться или оставить ее въ покоѣ, какъ вамъ заблагоразсудится, потому что лишь бы мы писали, намъ все равно, прочтутъ ли насъ или нѣтъ; но когда

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291, 292.

[2]) 297. Фридрихъ Николаи, берлинскій книгопродавецъ и писатель, котораго Екатерина удостоивала многихъ порученій учено-литературнаго характера.

[3]) 303. [4]) 294.

человѣкъ какъ вы удостоиваетъ насъ чести прочтенія, и говоритъ еще, что это хорошо и исполнено силы и сочности (Kraft und Saft), тогда, о тогда — мы пріосаниваемся. Съ нѣмецкаго не трудно будетъ велѣть перевести на французскій. Фридрихъ Николаи только что напечаталъ всю библіотеку Александро-Константиновскую въ двухъ маленькихъ томикахъ» [1]).

«Кстати, вы должны узнать, что ея императорское величество любезнѣйшая императрица вчера изобразила всю первую эпоху своего царствованія въ медаляхъ, и что генералъ Ланской, увидѣвъ ея набросокъ, нашелъ, что это прехорошенькая работа, потому что генералъ этотъ становится викаріемъ многострадальнаго, то есть когда хотятъ чѣмъ-нибудь похвастаться, то показываютъ это генералу-викарію» [2]).

Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ того, въ сентябрѣ 1784 г., то есть уже послѣ смерти Ланского, государыня пишетъ изъ Петербурга: «Я слаба и Богъ знаетъ сколько разныхъ горячекъ я вынесла въ эти два съ половиной мѣсяца. А покамѣстъ я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif (Первобытный міръ)» [3]). Это было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе Куръ де Жебеленя, о которомъ государыня отзывалась такъ: «Я смотрю на эту всемірную грамматику какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій, появившихся въ этомъ вѣкѣ» [4]).

Какъ внимательно Екатерина читала и съ какимъ умѣніемъ дѣлала выписки изо всего что поражало её, тому доказательства видимъ мы на каждомъ шагу въ ея перепискѣ. Мы приведемъ одну замѣчательную выписку ея изъ сочиненія Куръ де Жебеленя. Эти строки живо рисуютъ намъ, какое вдохновеніе обхватывало Екатерину всякій разъ, когда она нападала на какую-нибудь возвышенную мысль или чувство. И тотчасъ относила она её къ славѣ и судьбамъ Россіи, тотчасъ примѣняла её къ характеру

---

[1]) 305. [2]) 312.
[3]) 318. [4]) 321.

или исторіи своего народа, которыхъ смыслъ и сущность она такъ хорошо постигла. Отъ 22 апрѣля 1785 года она пишетъ:

«Знайте, милостивый государь, знайте что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что говоритъ авторъ «Первобытнаго міра»:

«Всякая исторія имѣла свою причину, какъ всякое слово свое основаніе.

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Такія событія всегда были необходимымъ и поддающимся расчету послѣдствіемъ хорошаго или дурного примѣненія великихъ началъ всякаго общества; мелкія страсти или обстоятельства только пользовались состояніемъ дѣлъ но никогда не производили этого состоянія. Бури конечно могутъ опрокинуть зданіе, поставленное на зыбкомъ основаніи. *Но то, которое поставлено твердо, смѣется ихъ усиліямъ.* Какъ! люди, соединенные въ общества, государства, имперіи будто бы не могутъ расчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться такъ же устойчивы, какъ почва подъ ихъ ногами! И потому что мы видѣли царства, исчезавшія какъ паръ, разносимый вѣтромъ, воображать что такая же судьба неизбѣжно ожидаетъ всякое государство, всякую имперію! Нѣтъ! Ничто не происходитъ безъ причины, безъ повода, безъ неизмѣннаго закона: есть одна такая причина, которая навсегда упрочиваетъ благоденствіе народовъ и царствъ: это исполненіе своего долга. Есть точно такъ же только одна, которая можетъ привести ихъ къ паденію! Это нарушеніе долга, извращеніе тѣхъ началъ, которымъ эти народы и царства были обязаны своимъ возвышеніемъ и счастіемъ. Всѣ націи, пользовавшіяся благоденствіемъ, дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что были внимательны къ голосу порядка и подчинялись его требованіямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ, и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи

начинають клониться къ упадку какъ скоро онѣ заводять, такъ сказать, деревни въ городахъ, а города въ одной обширной, громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе государства заключается въ томъ, чтобъ быть великимъ и могущественнымъ не въ одномъ только мѣстѣ, но вездѣ и вездѣ проявлять силу, энергію и порядокъ».

«Все имѣетъ свою неизмѣнную и вѣчную причину; царства, какъ и малѣйшее хлѣбное зернышко: общества стоятъ на однихъ или другихъ началахъ: изъ этого вытекаютъ тѣ или гругія права, тѣ или другія обязанности. Будутъ эти права соблюдаемы, эти обязанности исполняемы, и общества будутъ процвѣтать, а имперіи будутъ навсегда незыблемы въ своихъ основаніяхъ и порядокъ будетъ постоянно въ нихъ царствовать. Я переписала вамъ все это мѣсто по причинѣ его отмѣнной красоты; скажите, что вы объ этомъ не сожалѣете».

«Сего 25 апрѣля. Итакъ Россійское государство не можетъ пасть, потому что мы добиваемся порядка, находимъ и утверждаемъ его. Онъ пускаетъ корни и пусть попробуютъ сокрушить его, и надо сознаться, что это государство стоитъ твердо» [1]).

Отвѣтъ Гримма на это письмо не сохранился, но, по тому, что̀ государыня пишетъ ему въ августѣ того же года, можно заключить, что онъ отнесся скептически къ этой выпискѣ, сомнѣваясь, точно ли въ «Monde primitif» государыня прочла это мѣсто. Вотъ отвѣтъ ея: «То, что я привела вамъ изъ «Первобытнаго міра», и чѣмъ вы восхищаетесь такъ же какъ и *я*, найдете вы въ 8-мъ томѣ, на LVIII страницѣ *Общаго взгляда;* на двѣнадцатой строкѣ начинается мѣсто, выписанное вашей покорнѣйшей слугою, которая не во снѣ видитъ, какъ покойный Дидро и не читаетъ въ книгахъ иного, какъ то, что въ нихъ есть. Многотомная книга Куръ де Жебеленя наполнена такими мѣстами и многимъ другимъ любопытнымъ и драгоцѣннымъ, чего ни у кого иного не встрѣ-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 335, 336.

тишь... Извѣстности сочинителя помѣшаю, я полагаю. то, что не всякій въ силахъ одолѣть 9-ть томовъ in-quarto, но никогда Франція не имѣла человѣка столь основательно-ученаго. Его всеобщая грамматика есть совершенство въ своемъ родѣ: кромѣ того авторъ имѣетъ особенную способность вызывать движеніе въ головахъ своихъ читателей» [1]).

Государыня такъ увлекалась своими историческими работами, что сознавалась лѣтомъ 1786 года, что Русская Исторія довела её до кашля, точно такъ же какъ три года ранѣе она схватила кашель отъ многописанія, а отъ усиленныхъ законодательныхъ работъ чувствовала разстройство всего организма. Что занятія русской исторіей не были только преходящимъ увлеченіемъ Екатерины, видимъ мы изъ того, что она продолжаетъ ихъ до конца жизни. Въ 1793 году она пишетъ: «Я погружена въ исторію, или, лучше сказать, въ лѣтописи русскія, которыя люблю до безумія»... «У меня одинъ уголъ стола занятъ вашими письмами, требующими отвѣта, и чтобъ не забыть этого, я положила старую ливонскую лѣтопись на эти письма. Но я не имѣю времени отвѣчать вамъ, потому что составляю вторую часть генеалогіи къ русской исторіи, NB: всѣ, кто прикасался къ русской исторіи, впадали изъ ошибки въ ошибку, потому что не имѣли этой родословной таблицы, которую мы теперь имъ составимъ. Первый томъ уже напечатанъ и получилъ репутацію книги классической, съ которою долженъ справляться на всякомъ шагу тотъ, кто занимается русской исторіей; томъ этотъ оканчивается 1224 годомъ, а затѣмъ начинается второй, который продолжается до настоящаго времени. О, какъ эта номенклатура прелестна! это работа въ самомъ дѣлѣ для лѣниваго ума, не имѣющаго ни одной мысли. Г. Елагинъ [2]), который изображалъ русскую исторію въ стилѣ восклицательномъ, потому что онъ краснорѣчивъ и скученъ, чинитъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 359.

[2]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, оберъ-гофмейстеръ, родился въ 1725 г. Сочиненіе о которомъ здѣсь говорится, озаглавлено: *Опытъ повѣствованія о Россіи;* оно доведено только до 1389 года.

теперь свою исторію по нашей генеалогіи. Я же нахожу въ этой генеалогіи все, что относится до исторіи, точно также какъ Вестрисъ видѣлъ истинное благополучіе Франціи въ менуэтѣ тогдашняго дофина [1]).

12 января 1794: «Небо, кажется, опредѣлило этотъ день на то, чтобъ я принесла вамъ свои поздравленія съ новымъ годомъ, такъ какъ до сихъ поръ я не находила для этого ни минуты, благодаря дѣламъ и старымъ лѣтописямъ. Дошедъ до 1321 года, я пріостановилась и дала переписать почти восемьсотъ страницъ царапанья. Вообразите, какая ярая страсть писать о старыхъ событіяхъ, которыми никто не интересуется; и читать ихъ, я увѣрена, никто не станетъ кромѣ двухъ педантовъ: одного, по имени Фолькнера, моего переводчика, другого—Буссе, академическаго библіотекаря; этотъ тщится хвалить мою аккуратность и проч. въ такихъ журналахъ, которые не будутъ прочитаны даже четырьмя лицами въ Европѣ, а я довольна, что привела въ порядокъ все, что можетъ служить пособіемъ къ исторіи, лучше нежели это было до сихъ поръ сдѣлано. Подумаешь, мнѣ за это платятъ, столько я вношу сюда старанія, труда, пониманія и мудрости, и когда окончу страницу, то восклицаю: «ахъ, какъ это прекрасно, восхитительно»! но я остерегаюсь сказать это какой-нибудь живой душѣ, кромѣ васъ, потому что надо мною смѣялись бы, какъ вы можете понять. Но многострадальный повѣренный: все это не отвѣтъ на ваши грамоты, скажете вы. Сознаюсь въ томъ, но историческая блажь увлекла перо мое . . . Что касается Елагина, то онъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется не конченною» [2]).

«Я читаю только лѣтописи за 500 лѣтъ тому назадъ, но, со времени прибытія вашихъ грамотъ, я ихъ отложила въ сторону. Понимаете ли великость этой жертвы? Я такъ же влюблена въ лѣтописи, какъ нѣкій джентльменъ въ нѣмецкихъ принцевъ», го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 584, 585, 586.

[2]) 589. Показаніе митрополита Евгенія и Бантышъ-Каменскаго, что Елагинъ умеръ въ 1796 году оказывается невѣрнымъ.

воритъ государыня въ другомъ письмѣ.... «Ахъ мои милыя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете. Когда-то я опять начну тормошить васъ? Я дошла до 1368 и 1369 года»[1]).

Въ 1794 году государыня говоритъ Гримму, что Фолькнеръ старъ и переводитъ тихо, и прибавляетъ: «Пятый томъ Записокъ весь состоитъ изъ генеалогіи, а шестой доходитъ до жизни Св. Александра включительно. Седьмой уже въ работѣ, и я полагаю, что онъ дойдетъ до Дмитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ по причинѣ побѣды его надъ Татарами при рѣкѣ Донѣ, иначе Танаисѣ; этотъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Ни одна исторія не представляетъ лучшихъ и болѣе великихъ мужей, какъ наша; я люблю эту исторію до безумія»[2]).

Въ 1795 году государыня, задѣтая сужденіями Герцберга о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, пишетъ: «Этотъ дуракъ Герцбергъ заслуживаетъ, чтобъ его порядкомъ поколотили: у него столько же познаній въ исторіи, сколько у моего попугая. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, потому что Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему сыну его Изяславу. А послѣдній былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I, между которыми отецъ раздѣлилъ свои владѣнія, когда женился на Аннѣ, дочери Греческаго императора, и, принявъ крещеніе, отослалъ своихъ шестерыхъ женъ и ихъ дѣтей въ назначенныя имъ владѣнія. А замѣтьте, что отъ этого старшаго сына Владимірова произошли князья Полоцкіе. Позже Владиміръ I, какъ великій князь литовскій, далъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда Ягеллонъ или Яковъ, въ 1386 г., сдѣлался королемъ Польскимъ, и принялъ латинство подъ именемъ Владислава, женившись на Ядвигѣ, королевѣ и наслѣдницѣ Польши. Итакъ онъ соединилъ Литву съ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 598, 604.
2) 609.

Польшею; но глупый, невѣжественный министръ вовсе этого не знаетъ; высокомѣріе доводитъ его до того, что онъ невѣжественъ, глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Неоткормленный (покойный король морилъ его съ голоду, по собственному его признанію) не знаетъ, что не одинъ Полоцкъ, но и вся Литва во всѣхъ округахъ до 17-го вѣка производила всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты написаны на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра велось по нашему церковному обычаю, и что даже греческіе церковные индикты всякій разъ при этомъ обозначены. Что же это доказываетъ? что до 17-го вѣка греческое исповѣданіе не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ было господствующимъ и между князьями и великими князьями, что даже всѣ церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по обычаю Восточной церкви; если вамъ надобны еще доказательства, можете требовать: правду доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала или одной части, или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть еще сильнѣе побитъ при случаѣ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ его глупаго господина. Оселъ! Вы видите, что въ этомъ разсужденіи учтивость уступила желанію васъ посмѣшить; впрочемъ споры педантовъ не всегда учтивы, когда гнѣвъ или ревность увлекаютъ ихъ, какъ вы это очень хорошо знаете, а я ужъ навострилась во всемъ этомъ, перебирая архивы и лѣтописи, какъ это вамъ тоже не безызвѣстно» [1]).

Въ 1795 году къ іюльскому письму присоединена собственноручная записка императрицы слѣдующаго содержанія. «Изъ *напечатаннаго въ Академіи* я нашла только это, и скажу вамъ что̀ это такое: не смѣя включить мои догадки о Рюрикѣ въ исторію, потому что онѣ были основаны только на нѣкоторыхъ тёмныхъ

---

[1]) 620, 621.

словахъ Нестора въ его хроникѣ и на одной выдержкѣ изъ Далина въ его исторіи Швеціи, и читая тогда Шекспира по-нѣмецки, мнѣ пришло въ голову въ 1786 году выразить въ драмѣ мои догадки, и её напечатали [1]). Никто не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было играно, и я поѣхала въ Крымъ. Въ 1792 году покойный Болтинъ [2]), черезъ Пушкина, синодальнаго прокурора [3]), прислалъ мнѣ свою критику на князя Щербатова и его Исторію Россіи, и такъ какъ они много занимались русской исторіей, я очень была рада подвергнуть суровой критикѣ Болтина то, что я царапала по исторіи. Я разъ сказала Пушкину, что эта драма заключаетъ въ себѣ мои догадки, но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и оказалось что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда этого не читали и не видали. Когда эта драма попала въ руки Болтина, онъ началъ ее объяснять и просилъ меня позволить напечатать съ его комментаріемъ, что́ и сдѣлалъ; слова же Нестора [4]) говорятъ, что Гостомыслъ, князь славянскій, княжившій въ Новгородѣ, завѣщалъ умирая призвать на его мѣсто князей, покрывшихся славою въ прошедшихъ войнахъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки по старшей дочери.

«Далинъ говоритъ, что на Сѣверѣ считалось встарину стыдомъ не только для князей, но и для всякаго человѣка знатнаго рода не служить на морѣ. Стало-быть, надо искать въ седьмомъ вѣкѣ, когда были главнѣйшія морскія войны, нашихъ трехъ князей, легко занявшихъ здѣсь видное мѣсто»..... Вотъ вамъ жизнеописаніе Св. Александра, написанное Туманскимъ. Но оно не самое лучшее. Жизнь Св. Александра, напечатанная, но можетъ быть еще не переведенная, въ шестомъ томѣ моего сборника, который

---

[1]) Подъ заглавіемъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шекспиру».

[2]) Ив. Никитичъ Болтинъ, членъ Росс. Академіи, родился въ 1735 г., умеръ 6-го октября 1792 г.

[3]) Извѣстный любитель древностей графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ.

[4]) Не Нестора, но Іоакимовской лѣтописи.

г. Буссе озаглавилъ *Записками* (Aufschreibungen), потому что онъ такъ названъ по-русски, далеко оставляетъ назади первое изъ нихъ, и въ самомъ дѣлѣ, попробуйте найти здѣсь болѣе чѣмъ тамъ о немъ сказано»[1]).

Прослѣдивъ въ перепискѣ историческія занятія Екатерины, считаемъ не лишнимъ привести здѣсъ нѣкоторые, высказанные ею по разнымъ поводамъ, общіе взгляды на этнографію, исторію и будущность русскаго народа. Такъ, получивъ еще въ 1777 году черезъ Шувалова сочиненіе Неккера о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, она говоритъ Гримму, что включила это сочиненіе въ число своихъ классическихъ книгъ, удостоивая его чести отмѣтокъ краснымъ карандашемъ, и прибавляетъ: «Я очень люблю главу, начинающуюся на стр. 136, особливо то, что онъ говоритъ о сѣверѣ; не могу только съ нимъ согласиться. Не бывъ никогда на сѣверѣ, онъ не довольно знаетъ его особенности, судитъ слишкомъ рѣзко и обобщаетъ слишкомъ неопредѣленно. Еслибъ я знала Неккера, я въ иномъ вступила бы съ нимъ въ споръ. Напримѣръ, я бы сказала ему: сѣверныя страны имѣютъ и южныя провинціи, самыя плодородныя и ни въ чемъ не похожія на берега Ледовитаго моря. Если эти берега мало населены, знайте что въ другихъ мѣстахъ земли не хватаетъ. Терпѣніе: черезъ нѣсколько лѣтъ вы увидите карты Россіи, которыя дадутъ о ней вѣрное понятіе; много такихъ ошибокъ происходитъ отъ того, что столицы построены подъ непривѣтливыми небесами»[2]).... «Я люблю страны еще невоздѣланныя», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ: «вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я вамъ повторяла тысячу разъ: я годна только въ Россіи, помните это. — Въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы (sancta natura); все столько же искажено, сколько чопорно»[3]).

Во время волненій въ Крыму, вызванныхъ подстрекательствомъ западныхъ державъ, особливо Франціи, и при заключеніи

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 639.
[2]) 66.
[3]) 70.

Тешенскаго мира Екатерина писала въ 1779 году: «Вы согласитесь со мной, что въ featureвознѣ съ Марабу у меня будетъ болѣе работы чѣмъ когда-либо. На Россію угрожаетъ свалиться весьма толстый in-quarto [1]), наполненный тысячами вещей о которыхъ слѣдовало бы забыть, чтобъ машина могла итти сама, силою ей даннаго толчка столько же въ головахъ какъ и въ книгахъ; это такъ и будетъ, когда дѣло будетъ устроено просто и естественно, такимъ образомъ чтобъ всякій предметъ стоялъ именно тамъ гдѣ надо, не мѣшая другому. Вотъ развитіе сотворенія міра, которое не можетъ быть разстроено однимъ толчкомъ» [2])…. «Надо сознаться, что у васъ иногда странныя мысли», писала государыня Гримму въ 1782 году: «Вотъ вы мнѣ пишете диссертацію, чтобъ сдвинуть меня съ сѣвера, Богъ знаетъ куда. Да кто же занимаетъ сѣверъ, если не мы, которые отъ Риги до Камчатки составляемъ поясъ вокругъ сѣвернаго полюса? Мои сосѣди Китайцы называютъ себя *Серединной Имперіей*; я ни о чемъ не спорю, я ихъ тамъ оставляю, но зачѣмъ же мой многострадальный хлопочетъ о томъ, чтобъ перемѣстить меня? Кого же онъ поставитъ на мое мѣсто? И зачѣмъ говорить сѣвернымъ людямъ о востокѣ, который до нихъ не касается» [3])? Вскорѣ послѣ того государыня пишетъ: «Такъ какъ вы мнѣ столько твердите о границахъ имперіи, я должна съ вами поговорить о восьмидесяти и болѣе народахъ, обитающихъ въ этой имперіи. Только что вышла по этому предмету книга одного профессора академіи, по имени Георги [4]), самая любопытная въ мірѣ, потому что въ ней описаны всѣ жилища отъ Мраморнаго дворца до пещеры, и точно такъ же соединены въ ней всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ, чтобъ узнать о постройкахъ, языкахъ и вѣрова-

---

[1]) Намекъ на акты Тешенскаго мира.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 139.

[3]) 246.

[4]) Іоаннъ Готлибъ Георги, профессоръ естественной исторіи и химіи въ Академіи наукъ, напечаталъ въ 1782 году второе изданіе своего сочиненія Beschreibung sämmtlicher Rußland bewohnender Völkerschaften. Эта книга была издана также въ переводахъ русскомъ и французскомъ.

ніяхъ все что вамъ только пожелается: вы все тамъ отыщете. Но такъ какъ вы руководите востокомъ и сѣверомъ, съ вашимъ прекраснымъ способомъ доказательствъ, вы Богъ знаетъ чтó докажете. Но госпожа Сибилла вина не пьетъ»[1]).

Въ 1791 году, говоря о Мирабо и его чудовищности, какъ человѣка, государыня высказываетъ такое сужденіе: «Надо бы перелистовать страницы исторіи, чтобъ увидѣть, была ли какая-нибудь страна спасена кѣмъ-либо инымъ, какъ человѣкомъ истинно *великимъ*, и смотря по этому открытію, я предсказала бы чтó будетъ съ Франціей. Вотъ Персія болѣе пятидесяти лѣтъ разрушается, и такой спаситель еще не являлся. Россія, при пресѣченіи рода Рюрикова, была спасена отъ сорокалѣтняго междоусобія тремя людьми: однимъ богатымъ, другимъ мужественнымъ, третьимъ искуснымъ политикомъ, и эти трое обладали всѣми нужными качествами, чтобъ имѣть успѣхъ въ свое время. Только что первый князь изъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ, все кончилось, потому что не о чемъ было и ссориться, мѣсто было занято. Этому князю было только 16 лѣтъ, и отецъ его патріархъ управлялъ за него; такимъ искуснымъ для своего времени политикомъ былъ онъ»[2]).

18 сентября 1785 г.: «Я совершенно согласна съ мнѣніемъ шотландскаго пэра на счетъ Петербурга. По ходу русской исторіи обладатели сѣверной имперіи легко становились повелителями юга имперіи. Владѣтели же южные, безъ сѣвера, всегда были слабы и немощны въ своемъ могуществѣ. Но сѣверъ очень хорошо обходился безъ юга или южныхъ провинцій. Итакъ столица этой имперіи, по моему разумѣнію еще не найдена, и вѣроятно не мнѣ найти её. Но еслибъ во время шведской войны я не была здѣсь, намъ надо бы болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ лишняго войска, чтобъ защититься отъ этого стремительнаго нападенія. Аналогія бычачьей кожи имѣетъ нѣсколько истолкованій:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 520, 521.

мое — вотъ какое: когда восточный властелинъ сѣлъ въ серединѣ, то всѣ четыре конца кожи поднялись разомъ»[1]).

Финансовые взгляды Екатерины отличались простотой и видимымъ желаніемъ оградить Россію отъ европейской спекуляціи и установить въ ней кредитъ самостоятельный, сообразный съ ея гораздо менѣе сложными формами жизни, чѣмъ на западѣ Европы. Она не любила также никакихъ внутреннихъ стѣсненій торговли, никакихъ мелкихъ фискальныхъ пошлинъ, монополій и особливо никакой эксплуатаціи русскихъ богатствъ иностранцами. Однако пользу нѣкоторыхъ пошлинъ, установленныхъ съ цѣлями благодѣтельными для страны, она признавала, и жалѣла напримѣръ объ уничтоженіи городского акциза при Елисаветѣ, о чемъ писала Гримму еще въ 1776 г.: «Я не расположена къ стѣсненіямъ, однако полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ были установлены во избѣжаніе важныхъ неудобствъ, и весьма неосторожно и дерзко къ нимъ прикасаться. У насъ, напримѣръ, городскіе акцизы были уничтожены въ царствованіе покойной императрицы Елисаветы, и изъ этого вышло, что все равно стало жить въ деревнѣ или въ городѣ по отношенію къ дороговизнѣ. Это привлекло множество народа въ города, дороговизна оттого увеличилась, но никто не хотѣлъ возвратиться въ деревню, входили въ долги и разорялись, а деревни опустѣли, и дѣло было уже непоправимо. Вы знаете чтó можетъ произвести неограниченная свобода въ вывозѣ хлѣба и проч. Я вамъ привожу только факты и не хочу входить въ умозаключенія»[2]). Когда въ 1778 году Гриммъ совѣтовалъ дать какую-то исключительную торговую привилегію одной голландской компаніи въ Россіи, государыня отвѣчала: «Я не особенно люблю предпріятія этого рода. Русскія гавани открыты для всѣхъ, кому желательно въ нихъ торговать, вотъ и все. Я страшно боюсь монополій, не люблю все регламентировать, а еще менѣе стѣснять. Предпріятія такого рода рискованы, съ подоб-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 648, 649.
[2]) 44.

ными компаніями всегда много возни. Я какъ Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»: у меня есть кое-какія маленькія правила которыхъ я держусь и которыя прилагаю съ извѣстнымъ разнообразіемъ [1]). Ваши финансовыя дѣла — это искуство, котораго я не понимаю. У насъ всякая община платитъ свои подати два раза въ годъ въ уѣздное казначейство. У насъ только водка на откупу. Я учредила казенныя палаты (chambres de finances) въ каждой губерніи. Казначеи имъ подчинены, и до всего этого, само собою разумѣется, что архіепископу нѣтъ никакого дѣла» [2]). 1779-го года: «Я не читала записки о торговлѣ, потому что насъ душатъ подобными произведеніями люди, которые понятія не имѣютъ о мѣстныхъ условіяхъ, а мое правило таково, чтобъ всякая торговля развивалась свободно, какъ она сама можетъ, только бы эту торговлю, какъ и все другое, не подшибать подъ ноги. Въ свидѣтели призываю послѣдствія такихъ подшибовъ, заключающіяся въ новыхъ, присланныхъ мнѣ Панкукомъ, тетрадяхъ. Я отдала предпочтеніе рецепту противъ полевыхъ мышей, потому что онъ по крайней мѣрѣ коротокъ и разуменъ, но у насъ все это считается слишкомъ мелкимъ, благодаря размѣрамъ и различію произведеній и климатовъ. Записка о Китаѣ говоритъ, что маленькая Европа и понятія не имѣетъ о неизмѣримости Китая и всего, что онъ въ себѣ вмѣщаетъ. Ну, и мы въ томъ же точно положеніи относительно васъ» [3]). «Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія ничтожныхъ источниковъ дохода, которые только надоѣдаютъ людямъ, а приносятъ очень мало» [4]).

Лотерей государыня не любила и не допускала у себя. Мы говорили по поводу предпріятія Бомаршэ, что она объявляла Гримму, какъ она ненавидитъ лотереи столько же внутреннія, сколько и иностранныя. О проектахъ и прожектерахъ она замѣчала при чтеніи книги Неккера, что она не любитъ ни тѣхъ, ни

---

[1]) 94. [2]) 100, 101.
[3]) 138. [4]) 338

другихъ и что изо ста проектовъ рѣдко найдешь одинъ годный и приложимый къ дѣлу [1]).

Гриммъ однако очень часто давалъ императрицѣ финансовые совѣты. Такъ банкиръ Сантини, дѣлавшій за нее расплаты въ Италіи, сообщалъ черезъ Гримма мысль объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Италіей по плану, имъ предложенному, и Гриммъ прибавлялъ: «Предметъ обширенъ и стóитъ вниманія, независимо отъ сбереженій, которыя мы сдѣлаемъ императрицѣ на векселя и размѣнъ; это можетъ со временемъ способствовать расширенію торговли на Черномъ морѣ. Стóитъ только вначалѣ итти потихоньку. Маленькій удачный опытъ вызываетъ другихъ на то же, и вотъ какъ былъ созданъ міръ» [2]). Въ 1781 году, по случаю паденія нашего курса за границей, онъ писалъ: «Я знаю, что конечно не покупки вашего величества, можетъ-быть и не огромное количество русскихъ путешественниковъ вліяютъ на положеніе курса; во всемъ виною эта смѣшная и гадкая война, разоряющая купеческое мореходство почти всѣхъ странъ Европы, и вынуждающая ихъ сокращать или вовсе прекращать свои обороты до заключенія мира. Чортъ побери воинствующихъ!.. Но пока осуществится это благое дѣло, многострадальный мечтаетъ въ своей мурьѣ о способахъ поднять курсъ, не дожидаясь мира. Я уже видѣлъ съ удовольствіемъ, что ваше величество дозволили вывозъ поташу: чѣмъ болѣе откроется источниковъ вывоза, тѣмъ ближе будутъ къ лѣкарству. Графъ Шуваловъ утверждаетъ, что вывозъ мѣди не представитъ никакого неудобства, а напротивъ, большія выгоды. Такъ какъ повѣтріе подбивать суда мѣдью сдѣлалось общимъ въ королевскихъ и военныхъ флотахъ, то навѣрное эта отрасль торговли должна имѣть значительное примѣненіе. Я, въ качествѣ мухи императорской кареты, желалъ бы сдѣлать заемъ въ Голландіи и можетъ-быть въ Генуѣ, не имѣя другой цѣли, какъ предупредить паденіе курса;

---

[1]) 372.

[2]) Письма Гримма 80.

а такъ какъ при заключеніи мира этотъ курсъ непремѣнно возвысится пропорціонально своему паденію, я выбралъ бы эту минуту для возвращенія капиталовъ. Императрица можетъ-быть скажетъ мнѣ: «Многострадальный, кто просилъ тебя нести вздоръ о курсѣ и надоѣдать мнѣ твоимъ вздоромъ»? Кто мнѣ это позволилъ, государыня? Развѣ я даромъ коллежскій совѣтникъ, и не въ самомъ ли существѣ совѣтника давать совѣты вкривь и вкось»?[1]) Этому италіянскому банкиру Сантини, о которомъ упоминалось выше, Рейфенштейнъ черезъ Гримма старался выхлопотать титулъ консула, или банкира ея императорскаго величества. Государыня отвѣчала: «О, объ этихъ титулахъ банкира и консула лучше не говорите мнѣ. Мы имѣемъ дѣла́ съ цѣлой Европой и наши титулы будутъ похожи на тѣ, которые жалуетъ курфирстъ Кёльнскій то есть люди станутъ бѣгать отъ тѣхъ, кто ихъ носитъ»[2]). Гриммъ не переставалъ однако заботиться о нашемъ курсѣ и писалъ: «Я все мучусь въ своемъ кабинетѣ, какъ бы поднять курсъ, но мои мученія на него нисколько не дѣйствуютъ. Графъ Шуваловъ говоритъ, что ваше величество могли бы и должны бы послать часть мѣди изъ вашего банка въ Голландію. Я этого хорошенько не разумѣю, потому что не понимаю, или не понимаю хорошенько, потому что не разумѣю. Но я, который не вижу далѣе своего носа въ этихъ дѣлахъ, желалъ бы, чтобъ императрица имѣла кассу и кассира въ Амстердамѣ. Пока размѣнъ въ Россіи былъ бы въ хорошемъ состояніи, кассиръ размѣнивалъ бы капиталы своей кассы на хорошія бумаги, которыя давали бы проценты; но только что курсъ вздумалъ бы опуститься, онъ продалъ бы свои бумаги и сталъ бы на стражѣ, чтобъ помѣшать паденію. Я полагаю, что человѣкъ умный и свѣдущій въ денежной стряпнѣ предотвратилъ бы этимъ способомъ всякое чувствительное и невыгодное измѣненіе курса, и доставилъ бы другимъ мѣрамъ, къ которымъ бы мудрость вашего величества прибѣгла, время необходимое,

---

[1]) Тамъ же, 116, 117.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 209.

чтобъ произвести свое дѣйствіе. Эта касса могла бы составиться сначала изъ открытыхъ займовъ, потому что, слава Богу, мы имѣемъ болѣе кредита, чѣмъ нуждъ: вотъ рѣшенія слѣпого, судящаго о цвѣтахъ. Я тоже узналъ недавно, что Франція въ состояніи доставить Россіи піастры дешевле чѣмъ Голландія»[1]).

«Оставьте курсъ въ покоѣ», отвѣчала государыня: «Нельзя всегда быть въ барышахъ. Г. Шуваловъ кричитъ о курсѣ, не имѣя другого предмета, на что излить свою желчь. Когда курсъ достаточно упадетъ, то онъ опять поднимется. Всѣ эти люди сами все на свѣтѣ дѣлаютъ, чтобъ уронить его, а потомъ кричатъ: курсъ упалъ»[2]).

Мы уже по поводу французскихъ финансовъ приводили замѣчаніе государыни, что поправленіе финансовой системы не есть дѣло одного года. Гриммъ хорошо понималъ, какую вредную роль въ финансахъ играютъ жиды, и потому писалъ о нихъ: «Это люди такого закала, о которомъ нельзя даже дать и приблизительнаго понятія нашей государынѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ настоящихъ финансистовъ, ибо жиды, могущіе представлять ихъ образъ, нетерпимы въ ней»[3]).

Въ 1787 году Екатерина заключила торговый союзъ съ Франціей и такъ извѣщала о томъ Гримма: «Сего 2-го апрѣля. Я пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ подписала ратификацію торговаго союза съ Франціей»[4]). О внѣшнихъ займахъ государыня всегда отзывалась неблагопріятно, даже когда говорила о чужихъ министрахъ финансовъ, напр. Калоннѣ: «Мнѣ никогда не приходился по вкусу г. Калоннъ: одни его займы должны возбуждать къ нему ненависть»[5]). Мы приведемъ еще выдержку, доказывающую какъ государыня понимала, что къ намъ ни въ чемъ нельзя прилагать мѣрку европейскую, и отклоняла пред-

---

[1]) Письма Гримма 204.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 216, 217
[3]) Письма Гримма 241.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 395.
[5]) 415.

ложенія иностранныхъ услугъ для поднятія у насъ земледѣлія, не довѣряя опытамъ, обыкновенно не приводившимъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ на нашихъ громадныхъ пространствахъ. 13-го мая 1796 года: «Боже мой, Боже мой! Когда бы вы знали какое отвращеніе я питаю къ агрономамъ и хлѣбопашцамъ, никогда не имѣвшимъ сохи въ рукахъ, что вы бы ни говорили мнѣ о г. Янишѣ и о г. Финдлэтерѣ. Вдобавокъ и русскіе крестьяне еще болѣе ихъ ненавидятъ нежели я, и не безъ причины. То, что можетъ быть пригодно на клочкѣ земли величиною съ мою комнату, не можетъ быть хорошо для громадныхъ пространствъ: у насъ привыкли имѣть безъ большихъ усилій все что нужно, и мы снабжаемъ лошадьми и скотомъ многія страны. Мы ужъ видѣли такихъ хлѣбопашцевъ изъ Англичанъ; но никто и не подумалъ подражать имъ: ни обстоятельства, ни климатъ не одинаковы. Знаете, что случилось бы съ такъ называемымъ хлѣбопашцемъ Янишемъ, еслибъ онъ сдѣлался управляющимъ казенными землями? Крестьяне убили бы его съ его хваленой агрономіей, вотъ и все: предоставьте насъ самимъ себѣ: мы болѣе воздѣлываемъ и продаемъ хлѣба, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ, и какъ хотите вы, чтобъ обработка земли маленькой Англіи была для насъ пригодна? Это бы значило надѣть платье карлика на великана. Кромѣ того, нигдѣ народонаселеніе такъ не увеличивается въ деревняхъ и городахъ, какъ у насъ. Я не смѣю утверждать того, но вѣрно, что оно удвоилось въ мое царствованіе; у насъ умираютъ отъ объяденія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ и ни одного въ лохмотьяхъ, а если есть нищіе то по большей части это лѣнивцы: Это говорятъ сами крестьяне, которые впрочемъ гостепріимны какъ нигдѣ»[1]).

Въ этой выпискѣ ясно выразилось не только сознаніе, что всякое развитіе и улучшеніе должно исходить у каждаго народа изъ него самого, изъ собственныхъ его потребностей, усилій и

---

[1]) 676.

опытовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нежеланіе отдавать русскаго человѣка въ школу иностранныхъ проходимцевъ, которые, за рѣдкими исключеніями, болѣе радѣютъ о своемъ карманѣ, чѣмъ объ успѣхѣ дѣла въ странѣ для нихъ чуждой.

Отъ историческихъ и финансовыхъ взглядовъ государыни мы перейдемъ къ обще-государственнымъ. Вотъ какъ судила она о прогрессѣ, когда онъ выражается не въ улучшеніи уже существующаго, а во всеобщей ломкѣ, въ стремленіи молодыхъ поколѣній превзойти своихъ предшественниковъ чѣмъ-нибудь совершенно новымъ, что такъ обуяло Францію конца 18-го вѣка и было предвѣстникомъ губительной для нея революціи: «Всѣ младшія головы въ Европѣ», говоритъ государыня, «соединились въ одну партію, такъ же какъ и головы старшія. Духъ партіи младшихъ головъ заключается въ томъ, чтобъ быть парадоксальнымъ въ отношеніи къ своимъ старшимъ, по той же причинѣ, которая часто заставляетъ дѣтей принять образъ дѣйствій совершенно противоположный тому, какого держатся родители: хотятъ дѣлать лучше, но на самомъ дѣлѣ *могутъ* дѣлать лучше только тѣ, которые имѣютъ въ себѣ средства сдѣлать лучшее, а дѣлаютъ хуже всѣ тѣ, которые, вмѣсто того чтобъ подражать хорошему, хотятъ превзойти другихъ самыми крайними парадоксами» [1]). Здѣсь кстати будетъ припомнить вѣрное сужденіе Екатерины о духѣ партій, приведенное нами по поводу Кориллы. Сожалѣя, что новый Римъ воздвигъ множество памятниковъ глупцамъ, обладавшимъ только духомъ партій, она говоритъ, что этотъ духъ производитъ и добродѣтели только модныя, а настоящія добродѣтели остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. «Это конечно средство имѣть людей *какихъ хочешь*, но никакъ не способствуютъ къ проявленію *великаго*», прибавляетъ государыня [2]).

Вотъ мнѣніе государыни о системахъ и страсти къ доктринѣ: «Тотъ, кто создаетъ системы, старается включить въ нихъ и то, что хорошо сходится, и то, что вовсе не сходится, а потомъ са-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 127.
[2]) 56.

молюбіе переходитъ въ любовь къ системѣ, чтó порождаетъ упрямство, нетерпимость, преслѣдованіе, всю дрянь, отъ которой мой учитель (Вольтеръ) совѣтуетъ воздерживаться»[1]).

Взглядъ Екатерины на восемнадцатый вѣкъ мы уже приводили, такъ же какъ и ея мнѣніе, что подражатели великихъ людей почти всегда искажаютъ ихъ мысли и что во Франціи желавшіе писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія, думали, что достаточно красиво обдѣлывать фразу и вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ. «Не пишите сильно», восклицаетъ она, «когда не имѣете духа силы, не пишите смѣло, когда не обладаете ни геніемъ, ни пріятностью»[2]). «Да», говоритъ она, въ другомъ мѣстѣ, «много дурныхъ дѣлъ, а между прочимъ и святая инквизиція запачкали 18-й вѣкъ. Но что дѣлать, міръ ужъ таковъ, что онъ немногаго стóитъ; покойный пасторъ Вагнеръ говорилъ: — «На половину — все наслѣдственный грѣхъ! —»[3]) Послушайте: я нахожу, что свѣтъ становится гораздо менѣе чувствителенъ къ достоинству вообще и даже къ великому достоинству, и мнѣ кажется, что всѣ дрянные писатели, принимающіе фразу за дѣло, злость за остроуміе и отвлеченныя умствованія за геніальность, не мало способствовали такому упадку»[4]).

Мы уже говорили какъ Екатерина сожалѣла, что подъ личиной просвѣщенія люди съ кривымъ и превратнымъ умомъ бросаютъ среди общества ложные взгляды и понятія и болѣе портятъ чѣмъ просвѣщаютъ. (См. выше стр. 37).

Но особенно разочаравалась она въ своемъ вѣкѣ послѣ ужасовъ французской революціи: «Я вчера вспомнила», говоритъ она въ 1794 г., «что вы мнѣ говорили не разъ: — этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобъ приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производятъ, производили и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество не-

---

1) 217. 2) 193.
3) 124. 4) 221, 222.

счастныхъ»[1]). О второй половинѣ 18 вѣка говорится, что это царство Сатаны на землѣ»... «Половина изъ всѣхъ оставшихся на землѣ людей — сумасшедшіе или бѣшеные. Живите-ка съ этими людьми, если можете»[2])! Объ упадкѣ французской литературы государыня соболѣзновала не разъ и писала въ 1782 году: «Бѣдные люди (т. е. Людовикъ XVI)! У нихъ нѣтъ ни одной книжки, на которую можно бы указать, съ тѣхъ поръ какъ умеръ мой учитель. Жалкія, спутанныя головы и мудрые пустомели съ мастерами на всѣ руки, ничему не учившимися основательно и однако выдающими свои разнообразныя ребячества за послѣднее слово мудрости,—вотъ эти-то у него во множествѣ! Право чудный вздоръ былъ у нихъ читанъ на публичныхъ, ученыхъ собраніяхъ въ маѣ или началѣ іюня. Благослови Боже этихъ несравненныхъ мастеровъ! У насъ былъ два года тому назадъ бравый и честный человѣкъ, который падалъ въ обморокъ, когда ему читали глубокомысленно ученый вздоръ, казавшійся ему непереваримымъ»[3]).

Вотъ какъ Екатерина въ 1791 году взглянула на готовившуюся французскую конституцію, которую считали способною уврачевать всѣ раны и умиротворить возбужденныя народныя страсти: «Лучшая изъ конституцій не стоитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что прямые и честные люди отъ нея страдаютъ и только для злодѣевъ она выгодна, такъ какъ имъ наполняютъ карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагается къ подражанію цѣлой Европѣ; но прежде она, кажется, должна сойти съ ума. Да извинятъ меня французскіе демократы, но ими овладѣло безуміе»[4]). Всѣ эти слова получаютъ еще бо́льшій вѣсъ въ устахъ государыни, которая во дни своей молодости сама вѣровала въ силу и справедливость началъ, приведшихъ Францію къ прискорбнымъ крайностямъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Екатерины объ адвокатахъ, — учрежденіи, которому она

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 601. 2) 516.
3) 247. 4) 539.

приписывала бѣдствія французской революціи. Вотъ что она говоритъ о нихъ въ 1790 году: «Противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы, и даже очень строгіе, а во Франціи эти шавки возведены въ роль законодателей. Эта сволочь похожа на маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что никто лучше его самого не знаетъ какой онъ злодѣй. Эти адвокаты, соображаясь съ тѣмъ когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ, что они натворили или творятъ; это пришло бы послѣ, но говорятъ, что хозяину [1]) нравится эта буржуазія. Жаль Государства и людей здравомыслящихъ! Что до толпы и ея мнѣній, то имъ нельзя предавать большаго значенія [2]). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая Гримму, какъ щедро она награждаетъ заслуги отечеству, Государыня прибавляетъ: «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуютъ, и никогда законодателями не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ» [3]). О юстиціи государыня говорила, что она любитъ только ту, «въ которой каждый поставленъ судьею» [4]), то есть прямо сознавала необходимость гласнаго суда.

Въ 1793 году, когда Гриммъ, уже удрученный несчастіями, конечно самъ сознавалъ, что легкомысленныя ученія философовъ 18 вѣка были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій Франціи, государыня, вѣроятно желая мысленно защитить Вольтера, отвѣчала ему: «Послушайте! на первыя двѣ страницы вашего № 65 я скажу вамъ, что французскіе философы, которыхъ обвиняютъ, что они подготовили французскую революцію, впали только въ одну ошибку. Они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и

---

[1]) Людовику XVI.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 489.
[3]) 497.
[4]) 382.

всѣ злодѣи, прикрываясь ихъ принципами, и подъ этимъ плащемъ, который они впрочемъ скоро сбросили, производили все, что только возмутительнѣйшее нечестіе могло придумать самаго неистоваго. И эта парижская сволочь, порабощенная самыми звѣрскими преступленіями, смѣетъ называть себя свободною, тогда какъ она никогда не испытывала болѣе жестокой и безсмысленной тираніи» [1]).

«Вы правы», говоритъ государыня Гримму въ 1794 году, разсуждая о свободѣ и власти, «вы правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, мечтателямъ и философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль—разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ власти и все-таки лучше для него временное неразуміе *одного*, чѣмъ безуміе *множества*, приводящее двадцать милліоновъ людей въ ярость за одно слово *свобода*, которой они не имѣютъ и тѣни и за которою эти безумцы бѣгутъ, никогда ее не достигая» [2]).

О постоянномъ и всеобщемъ мирѣ Екатерина высказываетъ слѣдующее сужденіе: планъ постояннаго мира — это прекрасная мечта, способная опоить водою не одну посредственную голову, но кто же, будучи хозяиномъ у себя, и имѣя свою собственную шапку, потерпитъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, куда всунуто ужъ нѣсколько головъ, которыя всѣ сталкиваются и вѣчно будутъ сталкиваться?» [3]).

Въ прекрасныхъ строкахъ вылился взглядъ ея на силу нравственнаго вліянія и на истинную славу: «Въ жизни моей я не полагала славы въ дѣйствіяхъ всего болѣе превозносимыхъ. Всякій превозноситъ или не превозноситъ, смотря по собственному интересу. Но не здѣсь правда! Мнѣ нравится та слава, которая часто менѣе всего превозносится. Это та слава, которая

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 587.
2) 593.
3) 514.

не только въ настоящемъ производитъ благо, но создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ! Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ, одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые люди иногда ищутъ съ фонаремъ въ рукѣ, и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не понимаютъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, милостивый государь, одна капля такой славы затмеваетъ въ глазахъ моихъ всѣ маленькія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ» [1]).

Размышляя о дѣлахъ, вокругъ нея происходившихъ, Екатерина говоритъ: «На свѣтѣ все идетъ постарому, будетъ итти какъ шло, а шло такъ же какъ идетъ теперь» [2]). Еслибъ вы мнѣ объяснили, что такое этотъ міръ, вы бы очень меня одолжили. Г. Александръ спрашивалъ меня о томъ уже не разъ» [3]). О загадочности самого человѣка у нея вырывается слѣдующее размышленіе: «Я часто опускаю голову на все что дѣлаю, потому что человѣкъ — существо, на дѣянія котораго не стóитъ слишкомъ обращать вниманія, такъ какъ мы сами не очень хорошо понимаемъ, что мы такое» [4]).

О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей, призванныхъ окружать престолъ, также высказаны замѣчательныя мысли: «Скажите мнѣ, многострадальный, выбиралъ ли какой другой государь своихъ министровъ и прочихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общества, чѣмъ Людовикъ XVI? А мы видѣли, чтó случилось. По-моему ни одна страна не имѣетъ недостатка въ людяхъ: дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ искать, а въ томъ, чтобъ умѣть употреблять тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно говорили, что у насъ недостатокъ въ людяхъ: несмотря на это, все дѣлалось. У Петра Великаго были такіе сподвижники, которые не умѣли ни читать, ни писать. И развѣ дѣла шли дурно? Стало-быть, нѣтъ недостатка въ людяхъ: ихъ множество, но надо

---

1) 165, 166. 2) 184
3) 241. 4) 160.

умѣть управлять ими. Все пойдетъ, когда будетъ та сила, которая двигаетъ. Какъ поступаетъ твой кучеръ, многострадальный, когда ты засядешь въ карету?[1])... Конечно, людей съ достоинствомъ довольно во всякое время, потому что люди совершаютъ дѣла, а дѣла образуютъ людей. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и по большей части служили хорошо. Кромѣ того я въ иное время люблю людей новыхъ. Они очень пригодны *вмѣстѣ* съ самыми старыми и *возлѣ* нихъ: Это новые собесѣдники, которые, когда кстати брошены на сцену, только оживляютъ дѣйствіе и мѣшаютъ ржавчинѣ останавливать колеса. Это также шпоры для иноходцевъ»[2])... Еще гораздо ранѣе, въ 1782 году, Екатерина открываетъ намъ тайну того счастливаго выбора людей, который прославилъ ея царствованіе: «Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что чье-нибудь достоинство можетъ испугать меня. Напротивъ, я бы желала имѣть вокругъ себя однихъ героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ я видѣла малѣйшее къ тому призваніе»[3])... «Я люблю, когда достоинство получаетъ доброе, хорошее мѣсто, такъ какъ Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а ихъ много на этомъ свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается»[4]).

Вотъ какъ она разсуждаетъ о счастіи и несчастіи по поводу гибели французскаго короля, который, по ея мнѣнію, самъ способствовалъ торжеству порока, злобы и всѣхъ ужасовъ, которые ихъ сопровождаютъ: «Каковы средства, таковъ и результатъ. Счастье и несчастье каждаго въ характерѣ человѣка. Этотъ характеръ заключается въ правилахъ имъ принятыхъ. Успѣхъ же — въ выборѣ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; если человѣкъ колеблется въ своихъ правилахъ, если онъ оши-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 607, 608.
[2]) 624.
[3]) 255.
[4]) 409.

бается въ средствахъ имъ избранныхъ, то въ планахъ его ужъ не можетъ быть послѣдовательности. Путь же людей порочныхъ долженъ быть гораздо труднѣе, такъ какъ имъ, кромѣ труда, положеннаго на предпріятіе, необходима еще маска, чтобъ прикрыть его... Но я начинаю чувствовать, что я похожа на Шаха-Багама, который всегда оканчивалъ свои разсужденія словами:—не моя вина, если вы меня не понимаете, а я самъ себя очень хорошо понимаю»[1]). О людяхъ, дѣйствующихъ интригой черезъ другихъ, искусно скрываясь за ними, Екатерина говорила, что она ихъ очень хорошо понимаетъ, и разъ полученное ею впечатлѣніе никогда не сглаживалось: «Вы вполнѣ правы, что у меня голова не податливая», говоритъ она: «когда какая-нибудь личность меня поразила, то, будь ихъ хоть тридцать того же имени, я приписываю всѣ ихъ дѣянія, если они не ясно обрисовываются, тому, кто ударилъ по наковальнѣ»[2]).

Какъ твердая и энергическая представительница верховной власти, Екатерина не любила слабости и безначалія, и приводитъ Гримму слѣдующую пословицу въ поученіе: «Котъ изъ дому, мыши расплясались по столамъ и стульямъ; котъ домой, и мыши попрятались въ норы», и другую поговорку: «Часто надо только ногой топнуть, и все придетъ въ порядокъ»[3]).

Правило государыни сохранять присутствіе духа и не унывать ни въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ выражено ею такъ: «Древніе полагали высшее мужество въ томъ, чтобъ переносить и исправлять несчастія; тутъ-то обнаруживали они истинное величіе души и сильный закалъ своего ума и характера. Современные герои должны бы имъ подражать, они должны бы питать душу чтеніемъ древнихъ. Это бы ихъ укрѣпляло и поддерживало въ нихъ необходимыя качества для великихъ дѣлъ»[4]).

Отзывы императрицы объ усердіи русскаго народа, его послушаніи голосу порядка, его покорности Промыслу, о храбрости

---

1) 595, 596. 2) 163.
3) 596. 4) 496.

и стойкости русской арміи приведены будутъ нами въ послѣдней части нашего труда по поводу войнъ шведской и второй турецкой. Здѣсь же въ заключеніе очертимъ взглядъ императрицы на русскую православную Церковь.

Несмотря на вліяніе французскихъ философовъ, особливо въ молодые годы, государыня во всей своей перепискѣ является искренно вѣрующею. На циническія выходки Гримма противъ религіи она отвѣчаетъ почти всегда глубокимъ молчаніемъ. Духъ христіанства она понимаетъ во всей его чистотѣ, какъ ученіе любви къ ближнему по преимуществу, о чемъ свидѣтельствуетъ весь характеръ ея отношеній къ людямъ и то, какую цѣну она придаетъ добротѣ сердечной. Христіанство — это «бѣдность и любовь», опредѣляетъ она его, говоря о пышности папскаго двора. Въ нашей русской церкви она охуждаетъ только суевѣріе, характеръ праздности въ монастыряхъ и ихъ управленіе: то черезъ чуръ плохое, то слишкомъ хорошее въ смыслѣ эгоистическомъ и мало христіанскомъ. По веселости своего характера она иногда шутитъ надъ нѣкоторыми черезъ чуръ первобытными сторонами въ нравахъ духовенства, напримѣръ надъ тѣмъ, что архіерейскіе дома рѣдко провѣтриваются. Во время посѣщенія Воскресенскаго монастыря, иначе Новаго Іерусалима около Москвы, императрица писала въ 1775 году: «Пишу вамъ, сидя на диванѣ настоятеля этого монастыря, то есть, выражаясь учтиво — празднаго человѣка. Я подозрѣваю, что это мѣсто никакого вліянія на воображеніе не имѣетъ, и вотъ мое доказательство: этотъ монастырь до сихъ поръ не славился ни явленіями, ни особенными чудесами. Онъ довольствуется прекрасными зданіями и совершеннымъ сходствомъ своимъ съ храмомъ Св. Гроба Господня въ Іерусалимѣ; по этой причинѣ большое количество любопытныхъ посѣщаетъ его, и такъ какъ монахамъ есть что показать, то они только и дѣлаютъ что разсказываютъ. Можетъ-быть вы полюбопытствуете узнать, милостивый государь, отчего я вамъ пишу: тому причиною праздность, такъ какъ у меня рѣшительно нѣтъ съ собою ни одной бумаги и никакого дѣла, и все для того, чтобъ я могла на-

слаждаться полнымъ бездѣльемъ. Но, увидѣвъ у себя на столѣ хорошее перо, очень чистенькую чернильницу и бѣлую бумагу, я поддалась демонскому искушенію, потому что пословица гласитъ: «случай создаетъ вора» [1]).

Вообще императрица не очень жаловала монастыри, особливо католическіе, и нельзя упустить изъ виду, что въ эту эпоху наши монастыри подпали нѣсколько подъ вліяніе католическаго духа стяжанія и мало по малу уклонились отъ своего первоначальнаго характера — строгаго смиренія и подвижничества. Мы уже приводили одно мѣсто ея письма, гдѣ она объясняетъ Гримму, какъ высоко цѣнитъ въ архипастырѣ доброту сердечную, но въ другомъ мѣстѣ она еще поясняетъ эту мысль: «люди съ добрымъ сердцемъ и обширнымъ умомъ скорѣе принимали истину христіанскую, нежели глупцы и злые люди: причину тому я ищу въ нравственномъ ученіи о любви къ ближнему» [2]). Обряды церкви Екатерина исполняла съ усердіемъ и когда Гриммъ позволялъ себѣ издѣваться надъ ними, она горячо ихъ отстаивала, исправляла его предубѣжденія и лжетолкованія. Но къ ханжеству и лицемѣрію Екатерина чувствовала искреннее отвращеніе и боролась всѣми силами съ ханжами и обманщиками, употреблявшими набожность орудіемъ для достиженія цѣлей человѣческихъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ ея отзывы о гр. Караманѣ, объ Ив. Ив. Шуваловѣ, ея споры съ масонами и духовидцами, наконецъ ея рѣшимость перенести эту борьбу на театръ, чтобъ изобразить ее нагляднѣе. Присутствованіе св. Синода на этихъ представленіяхъ не можетъ быть предметомъ соблазна, когда мы вспомнимъ, что Екатерина была движима высокой мыслію защиты правовѣрія отъ всякихъ западныхъ лжеученій, врывавшихся къ намъ изъ просвѣщенной и всегда неблаговолившей къ намъ Европы и на которыя наше такъ называемое образованное общество всегда было такъ падко. Мы уже приводили поразительно вѣрныя мысли

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 34.
[2]) 272.

ея, что *ханжество дѣлаетъ душу задхлою* и что *ханжи никогда себя не забываютъ*. Передъ чистотою же православнаго ученія, которое она признавала истинно апостольскимъ и не искаженнымъ страстями и ошибками человѣческими, Екатерина глубоко преклонялась. Такъ у нея невольно вырвалось въ одномъ изъ наиболѣе задушевныхъ писемъ къ Гримму: «Вы хорошо дѣлаете, что любите греческое исповѣданіе. Оно первое въ мірѣ! Перейдите въ греческую церковь». О широкой терпимости православнаго ученія она говорила, что мать Святая Греческая Церковь во всѣхъ видитъ людей и всѣхъ принимаетъ въ свое лоно (см. выше II, стр. 60). Въ концѣ же своего царствованія, утомленная зрѣлищемъ продолжительныхъ европейскихъ войнъ и коварства, отличавшаго взаимную политику государствъ, Екатерина опять восклицаетъ: «Предлагаю всѣмъ протестантамъ присоединиться къ Греческой Церкви, чтобъ предохранить себя отъ языческаго безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, враждебнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна апостольская и истинно христіанская. Это дубъ съ глубокими корнями»[1]).

Филологія, словари, пословицы.

Въ связи съ историческими трудами Екатерины является въ ней интересъ къ филологическимъ занятіямъ, обнаруживающій не только изумительную многосторонность, но и проницательность ея ума, такъ какъ она своими филологическими трудами, хотя слабыми въ научномъ отношеніи, выдвинула однако впередъ вѣрную мысль о важности сравнительнаго языкоученія, что́ признавали заграничные ученые критики, отнесшіеся къ ея предпріятію серьёзно и безпристрастно. Подробная оцѣнка этихъ трудовъ Екатерины сдѣлана нами въ статьѣ: «Филологическія занятія Екатерины II»[2]); здѣсь мы напомнимъ только сущность этого изслѣдованія.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 597.

[2]) *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. IV.

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ пробудился въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была великой княгиней, конечно болѣе всего при изученіи русскаго языка. Уже тогда она приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, опытъ, который и явился подъ заглавіемъ *Comparative vocabulary of the Eastern languages*, но къ сожалѣнію нигдѣ не сохранился, потому что вѣроятно былъ изданъ въ маломъ количествѣ экземпляровъ. Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенной живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ эпоху потери Ланского, лѣтомъ 1784 года, когда печаль заставила её искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Незадолго до того прислано было государынѣ знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 году Куръ-де-Жебеленя. Особенно заинтересовала императрицу смѣлая мысль этого ученаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного коренного. Ей показались славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за кельтскія, и, предполагая во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ обширномъ русскомъ царствѣ и отчасти только въ немъ, она захотѣла познакомить ученыхъ съ такими языками, которые были имъ еще неизвѣстны. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій государыня начинаетъ сама составлять словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ и осенью 1784 г. пишетъ Гримму: «Я велѣла доставить себѣ столько лексиконовъ различныхъ языковъ, сколько можно было отыскать ихъ, между прочимъ: финскій, черемисскій, вотяцкій, и всѣ мои столы ими завалены; кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ, и скоро буду въ состояніи доказать, что они дали имена большему числу рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и мѣстностей Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странъ»[1]).

---

[1]) 318.

Что впрочемъ государынѣ еще ранѣе смерти Ланского приходило на мысль заниматься филологіей, какъ наукой соприкасавшейся съ ея историческими и лѣтописными разысканіями, видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ еще весною того же года: «Такъ какъ вы придаете большое значеніе моимъ способностямъ къ этимологіи, вы получите этимологическій рагу, который чего-нибудь да стóитъ, но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ онъ едва явился на русскомъ языкѣ, а переводъ возьметъ время» [1]). Даже въ концѣ 1783 г. мы уже видимъ первые слѣды занятій ея корнесловіемъ и попытки объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ на различныхъ языкахъ.

Но со смертью Ланского потребность, по собственному выраженію императрицы, *утопить* свое горе въ умственныхъ занятіяхъ, заставила её усидчиво заниматься приготовительными работами къ задуманному словарю. До чего разнообразны и часто серьёзны были ея чтенія, тому свидѣтельство находимъ мы на каждомъ шагу. Такъ въ ту же осень 1784 года она пишетъ: «Прошу васъ взглянуть на приложенные листки: они были написаны послѣ прочтенія исторіи астрономіи г. Бальи; онъ много говоритъ въ этомъ сочиненіи о первобытномъ народѣ, который будто бы существовалъ въ Сибири. Книга его произвела то, что мы начинаемъ дѣлать разысканія, которыя могли бы пролить свѣтъ на его предположеніе, одинаковое съ мнѣніемъ г. Бюффона. Если тотъ и другой поинтересуются тѣмъ, что заключается въ этихъ листкахъ, вы можете сообщить имъ эти слабые опыты. Если эти господа пожелаютъ прислать намъ свои вопросы, доставьте ихъ мнѣ. Но вотъ это для васъ однихъ, потому что оно можетъ-быть не довольно основательно: — Салійцы и законъ Салическій, Хильперикъ I, Кловисъ и весь родъ Меровинговъ были Славяне, точно такъ же какъ и всѣ вандальскіе короли Испаніи; ихъ имена обличаютъ ихъ и ихъ движеніе тоже. Величайшіе враги Славянъ были

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 305.

итальянскіе монахи; они были ихъ врагами по причинѣ язычества и различія христіанскаго исповѣданія. Итакъ не удивляйтесь, если французскіе короли присягаютъ на славянскомъ евангеліи при своемъ коронованіи въ Реймсѣ [1]). Хильперикъ I былъ лишенъ престола за свое желаніе, чтобъ Галлы, принявшіе римскую азбуку, прибавили къ ней три буквы греко-славянскія, именно Ћ или Ч, Х, которое произносится херъ, и Ѱ, которое произносится пси.

«Еслибъ Куръ-де-Жебеленъ зналъ по-русски или по-славянски, онъ еще болѣе сдѣлалъ бы интересныхъ открытій» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ государыня пишетъ Гримму на трехъ, четырехъ страницахъ цѣлую этимологическую диссертацію, перемѣшанную съ историческими замѣчаніями насчетъ переселенія и движенія Славянъ, связывая все это съ исторіей, особенно норманскихъ походовъ. Она говоритъ о Славянахъ, что «вездѣ куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало-быть, это былъ народъ не пастушескій, не кочевой? Славяне были народъ свободный и любили свободу. Рабами были у нихъ только военноплѣнные» [3]). Точно такъ же государыня видитъ Славянъ и въ воинственныхъ Норманнахъ, потомкахъ Одина, пришедшаго съ Дона, или Танаиса. Но совершенно вѣрно помѣщаетъ она ихъ въ Саксоніи, въ Лужицѣ и въ Пруссіи, и съ запальчивостью говоритъ о Герцбергѣ: «Онъ тщится задушить историческія истины, доказывая что Славянъ въ земляхъ его короля и господина никогда не было, тогда какъ всѣ ихъ города и села носятъ имена славянскія, такъ же какъ ихъ рѣки, озера и горы» [4]). Для насъ всего драгоцѣннѣе въ этомъ

---

[1]) Такъ называемое Реймское Евангеліе, найденное первоначально въ Сазаво-эмаусскомъ монастырѣ въ Прагѣ. Въ царствованіе императора Николая оно было напечатано въ Парижѣ на счетъ русскаго правительства. Подлинникъ находится нынѣ въ библіотекѣ г. Реймса.

[2]) 321.

[3]) 325.

[4]) 331.

историко-филологическомъ увлеченіи государыни не ученая заслуга ея, но горячая любовь къ своему народу. Она вѣрила въ высокія судьбы и способности славянскаго племени, которому Европа, гордая своей цивилизацiей, отказывала въ правахъ на самостоятельное существованіе, прикрывая этотъ взглядъ обвиненіемъ ихъ въ варварствѣ и неспособности къ европейской культурѣ. Никто изъ русскихъ государей такъ ревностно и сознательно не отстаивалъ правъ Россіи на независимое отъ Европы развитіе и существованіе; никто такъ не поработалъ для этой идеи какъ Екатерина, и однимъ этимъ она уже заслужила безпредѣльную признательность Россіи и имя великой. Конечно филологическія и этимологическія догадки Екатерины были во вкусѣ любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи, и основывались на чисто внѣшнихъ признакахъ, но Екатерина и не придавала имъ значенія непреложныхъ истинъ. Она замѣчательно трезво судила о своей неподготовленности къ такимъ ученымъ трудамъ и даже о непригодности слишкомъ сухой научной работы для женскаго ума. Такъ у нея невольно вырывается слѣдующее признаніе: «Первобытный міръ, первобытные словари двухсотъ нарѣчій превратили меня въ существо до крайности скучное; я хотѣла свою тоску потопить въ этомъ хламѣ, а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и скучною»[1]). Въ своемъ незнаніи грамматики государыня откровенно сознается Гримму и часто шутитъ сама надъ собою. Когда онъ однажды позволилъ себѣ замѣтить, что у нея свой собственный языкъ, она отвѣчаетъ: «Знаете ли, откуда происходитъ языкъ Като́? Оттуда,—что она незнаетъ правильно ни одного языка[2]). Послушайте: не подумайте, что я, занявшись языками и грамматиками, въ дѣйствительности сдѣлалась отъ этого ученѣе. Нѣтъ, я сохранила свое невѣжество непочатымъ»[3]).

«Неотступно прошу васъ оставить мое невѣжество неприкосновеннымъ. Шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы невѣжды по реме-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 326.
[2]) 329, 330.
[3]) 346.

слу и своимъ невѣжествомъ приводимъ въ бѣшенство оберъ-камергера Шувалова и графа Строганова, который членъ 24-хъ академій по крайней мѣрѣ и, вдобавокъ, Россійской академіи. Отчасти, чтобъ ихъ подразнить и показать имъ, что они должны сообразовать свой русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы собрали словарь Богъ знаетъ во сколько языковъ, и этотъ трудъ есть трудъ невѣжественнѣйшихъ ребятъ (ignorantissimi bambinelli»[1]). Въ этомъ трудѣ Екатеринѣ помогалъ сначала иностранный ученый, берлинскій книгопродавецъ и писатель Николаи, котораго она просила составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій, чтó и было исполнено. Еще въ 1785 году Николаи прислалъ составленный имъ толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «Tableau général de toutes les langues du monde etc. fait par ordre d. S. M. l'Impératrice de toutes les Russies» («Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра и пр. Составлено по повелѣнію Ея В. Всероссійской Императрицы»). Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ[2]), а потомъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, пéреданъ былъ академику Палласу. Для окончанія задуманнаго словаря Екатерина избрала Палласа, какъ человѣка съ громкимъ европейскимъ именемъ, и отчасти лингвиста. Знаменитый путешественникъ уже давно собиралъ лингвистическіе матеріалы для извѣстнаго петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя Russische Bibliothek), предпринявшаго трудъ однородный съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериной. Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, но трудность дѣла и другія занятія не позволили ему исполнить это предпріятіе. Палласъ же воспользовался всѣми собранными имъ для Бакмейстра матеріалами, когда ему пришлось

[1]) 367. Извѣстно, что Екатерина въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ» въ шутку называетъ членовъ общества незнающихъ: ignoranti bambinelli.

[2]) Главное собраніе черновыхъ работъ Екатерины по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

быть исполнителемъ плана Екатерины. Онъ не могъ отказаться отъ этого почетнаго порученія, хотя оно не вязалось съ главнымъ его предметомъ, и вотъ что онъ самъ писалъ Аделунгу, въ послѣдній годъ своей жизни: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобъ не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи».

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ 1-мъ томѣ, а 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ (при каждомъ переводѣ означено названіе языка), которые слѣдуютъ одинъ за другимъ произвольно безъ особенной системы.

Отовсюду государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайетъ уже прислалъ ей часть своего вклада. Черезъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго она посылала въ его копорскія деревни записывать слова у тѣхъ мужиковъ, «кои себя варягами называли»; черезъ графа Безбородко отправила списокъ русскихъ словъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ Я. И. Булгакову, чтобъ онъ «черезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ на абиссинскій и эфіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только литерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими и латинскими буквами, для показанія, какъ которое читать или произносить должно».

Когда же государыня передала трудъ Палласу, то онъ 22 мая 1785 г. поспѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ. Въ этомъ замѣчательномъ объявленіи, которое выражаетъ конечно мысли самой государыни, развитыя и изложенныя знаменитымъ ученымъ, Пал-

лась говорить, что остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ достойныхъ ученыхъ и историковъ того вѣка придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ (филологіи), которая умамъ поверхностнымъ казалась до тѣхъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною, и что, просматривая книгу Куръ-де-Жебеленя изумляешься блестящимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Но тутъ же выражается сожалѣніе, что онъ не могъ примѣнить своей методы ко всѣмъ языкамъ міра и указывается на значеніе Россіи въ отношеніи къ новымъ открытіямъ еще болѣе интереснымъ, къ громадному количеству языковъ и нарѣчій, которые заключаетъ въ себѣ эта держава не только въ европейской части своей, но также на Кавказѣ, въ Сибири, Камчаткѣ и пр. Говоря о томъ, что никто до сихъ поръ не обнималъ совокупности языковъ, онъ объявляетъ что это обширное предпріятіе, которое можетъ привести къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка, было предоставлено 18-му вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы своего досуга на подготовленіе начала *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ. «Ея Императорское Величество», сказано далѣе «сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ мало образованныхъ народовъ... По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго Русскаго царства; потомъ еще большее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода»..

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues). Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ просьбою доставить, въ самомъ скоромъ времени, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были

отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Въ слѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частію оффиціальными переводчиками и были посылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. И посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились. Изъ Лондона, Гаги, Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію. Замѣчательно отнесся къ этому король испанскій, что́ и приводитъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Екатерина. «Странная ревность короля католическаго велѣла отказать мнѣ въ словаряхъ Мексики и Перу. Они отвѣчали, что эти языки государственная тайна»[1]). И тутъ же она прибавляетъ: «Нѣтъ ни одного человѣка, противъ кого бы его такъ возстановили, какъ противъ меня, и нѣтъ страны, въ которой онъ такъ много расходовалъ бы на шпіоновъ какъ здѣсь; предоставляю вамъ судить, какъ много отъ этого пользы. Всѣ эти люди служатъ для того, чтобъ предупреждать во́-время; но, честное слово, ни король католическій и никто другой не можетъ помѣшать тому, что намъ покажется нужнымъ»[2]). Въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученымъ, лицамъ собиравшимся въ экспедиціи, всѣмъ были розданы списки для собиранія матеріаловъ, и собранное со всѣхъ сторонъ передано было Палласу для редакціи на первый случай отдѣла европейскихъ и азіятскихъ языковъ, который долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Тогда государыня писала Гримму: «Вотъ мой милый словарь скоро будетъ напечатанъ. Это можетъ-быть трудъ самый полезный, какой когда-либо совершаемъ былъ для всѣхъ языковъ и для всѣхъ словарей, и особливо для русскаго языка, для котораго Россійская ака-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 333.
[2]) 333.

демія предприняла было словарь: но на это, по правдѣ сказать, у нея не хватило знаній. А мой трудъ—это яркій свѣтильникъ и про него-то можно сказать: кто имѣетъ уши чтобъ слышать и глаза чтобъ видѣть, будетъ слышать и видѣть. А кто рожденъ слѣпымъ и глухимъ, тотъ такимъ и останется.... Когда вы будете имѣть мой словарь всѣхъ языковъ, то сдѣлаете много новыхъ открытій; сто словъ уже напечатаны на двухстахъ языкахъ; когда ихъ будетъ стопятьдесятъ, то выйдетъ первый томъ въ четвертку (in quarto)» [1]). Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года, и тотчасъ за тѣмъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіятскіе языки. Часть первая. Въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено и въ книгѣ на латинскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ не умолчано о личномъ участіи императрицы въ трудѣ, написано и по-русски и по-латыни. Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи. Только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было отослано въ даръ по ея повелѣнію иностраннымъ дворамъ и ученымъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Онъ былъ составленъ поспѣшно, безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, и для выполненія такого обширнаго труда нужно бы не только гораздо болѣе свѣдущихъ сотрудниковъ, но, по мнѣнію французскаго критика Вольнея, нужна была бы цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила бы на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ. Но, несмотря на всѣ его недостатки, отно-

---

[1]) 344, 382.

сительное достоинство и польза этого словаря, замѣтно оживившаго успѣхи сравнительнаго языкоученія, были признаны даже строгими его критиками, и онъ остается однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій 18-го вѣка.

Второе изданіе Словаря, усовершенствованное и пополненное недостававшими языками Африки и Америки, поручено было извѣстному Янковичу де Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ, и вѣроятно объ этомъ-то словарѣ второго изданія упоминаетъ Екатерина въ одномъ письмѣ къ Гримму отъ іюня 1792 года: «Я бы охотно послала вамъ словарь коренныхъ словъ на нсѣхъ языкахъ для библіотеки короля, еслибъ книгамъ этой библіотеки не угрожала судьба быть разграбленными и обращенными въ бумагу для ассигнацій. Но чтобъ показать вамъ въ какомъ видѣ существуетъ этотъ словарь, посылаю вамъ два тома перваго и четыре тома второго изданія» [1]).

При такомъ внимательномъ изученіи языка и исторіи своего народа Екатерина конечно не упустила изъ виду богатаго запаса народной мудрости, заключенной въ его пословицахъ. Она даже примѣнила ихъ къ педагогическимъ цѣлямъ, такъ какъ въ библіотекѣ Александро-Константиновской являются *Выборныя россійскія пословицы*, какъ воспитательный матеріалъ, знакомящій учащагося съ народнымъ языкомъ и народнымъ духомъ. Но кромѣ того, по порученію императрицы были собраны и напечатаны Богдановичемъ всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она велѣла перевести и послала въ назиданіе Гримма, гакъ какъ постоянно старалась знакомить его, а черезъ него и Европу, со всѣмъ что дѣлалось въ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ она говоритъ ему: «Увѣряю васъ, что не только эти пословицы для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по-русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 568, 569.

изъ книги написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало-быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ» [1]). Очень часто въ своихъ письмахъ, желая доказать какую-нибудь истину, государыня опирается на русскія пословицы, напр. по поводу Германской политики она высказываетъ разсужденія, въ подкрѣпленіе которыхъ приводитъ нѣкоторыя пословицы, и прибавляетъ: «Еслибъ покойный Санхо Панса зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ-Кихота и его конюшаго Санхо Пансы» [2]).

Театръ и педагогика.

Всѣ, занимавшіеся изученіемъ литературныхъ занятій Екатерины, приходили къ одному заключенію: что историческіе и драматическіе труды были предпринимаемы ею съ цѣлью воспитательною, и нельзя отрицать, что для тогдашняго общества они дѣйствительно имѣли просвѣтительное значеніе. «Знаете ли», говоритъ она Гримму, «что мы дѣлаемъ много хорошаго и идемъ быстрымъ ходомъ къ разлитію просвѣщенія» [3])? Изъ этихъ словъ видно, что государыня задавалась мыслію направлять развитіе молодого русскаго общества и, то стараясь исправлять сатирой темныя стороны его нравовъ, то возвышая его любовь къ родинѣ знакомствомъ съ отечественной исторіей, устремляла его къ лучшему и болѣе разумному порядку вещей. Такъ она нападала на невѣжество и грубость, прикрытыя лоскомъ французскаго образованія, на безотчетную привязанность ко всему чужеземному, соединенную съ такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому, на иностранныхъ учителей, взятыхъ изъ поваровъ или скороходовъ

---

[1]) 276.
[2]) 596.
[3]) 301.

въ качествѣ воспитателей и разыгрывавшихъ послѣ роль шутовъ въ семействахъ своихъ воспитанниковъ, на то унизительное положеніе, какое выпадало вообще на долю домашняго учителя, на ханжество, развившееся подъ вліяніемъ чуждыхъ нашей церкви ученій и прикрывавшее часто разные пороки и даже самое нехристіанское отношеніе къ ближнему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не менѣе подвергаетъ осмѣянію и закоренѣлую превратность нѣкоторыхъ сторонъ русскаго воспитанія, встарину переходившую у насъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Она осмѣиваетъ суевѣріе, невѣжество, грубость и часто жестокость, отличавшія женщину-хозяйку въ ея домашнемъ быту, излишнюю приверженность къ старинѣ, проявлявшуюся въ коснѣніи, неподвижности и безусловномъ осужденіи всякой новизны. Не менѣе остроумно издѣвается она и надъ модной страстью къ путешествіямъ въ чужіе края, исходящею не изъ любознательности, а изъ желанія не отстать отъ другихъ, покутить и помотать на свободѣ и вывезти къ себѣ домой новый покрой платья и обуви, умѣнье завить кудри по послѣдней модѣ, также новыя карточныя игры, въ которыхъ поудобнѣе было бы обыграть другихъ. Самыя имена ея лицъ: Промотаевы, Ханжаковы, Вѣстниковы, Чудихины, Ворчалкины, Потачкины, по господствовавшему тогда обычаю, часто указываютъ на ихъ отличительный характеръ. Комедіи Екатерины, не имѣя серьёзнаго художественнаго значенія, отличаются однако веселостью и замѣчательною для того времени легкостью языка, который совершенно близокъ къ разговорному. Приблизить къ живой рѣчи тяжелый и неуклюжій въ то время письменный языкъ было также одною изъ задачъ геніальной государыни. Кромѣ того, легко и быстро набросанныя въ часы досуга театральныя пьесы ея удовлетворяли той врожденной веселости, которая была господствующею чертою ея характера. Вотъ какъ она сама опредѣляетъ Гримму цѣль своихъ драматическихъ упражненій, которымъ предавалась съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ занятіями исторіей и филологіей: «Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pincé):

по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что это меня забавляетъ; во-вторыхъ, потому что я желала бы поднять національный театръ, который за неимѣніемъ новыхъ пьесъ находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ-третьихъ, потому что слѣдовало хорошенько потормошить духовидцевъ, которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули, покрытые стыдомъ. *Обманщикъ* и *Обольщенный* имѣли громадный успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ пьесъ, и когда объявляли другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызвали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю десять тысячъ въ три представленія» [1]).

Еще заслуживаетъ быть упомянутымъ по поводу комедіи *Обманщикъ* одинъ эпизодъ, разсказанный Гримму о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ въ томъ же письмѣ отъ 18 марта 1785 г., стало-быть, когда ему только что минуло 8 лѣтъ: «Надо вамъ дать отчетъ въ томъ, что совершилъ сегодня г. Александръ. Сдѣлавъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ, и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не было вовсе обезображено такимъ нарядомъ, онъ объявилъ намъ:—Прошу васъ менѣе обращать вниманія на мой парикъ, чѣмъ на то, что я буду дѣлать.—Вотъ онъ беретъ комедію *Обманщикъ*, лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать сцены изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру лица. Никогда ни Калифалькгерстонъ, ни Самблинъ, ни его дворецкій не были представлены естественнѣе и правдивѣе и вдобавокъ съ тою граціей, которую этотъ удивительный ребенокъ обнаруживаетъ во всемъ, за что ни возьмется. Мы были поражены тѣмъ что̀ онъ производилъ, и притомъ хохотали до упаду. Никогда никто не училъ его

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 328.

играть на сценѣ. Но эту зиму онъ какъ-то пристрастился къ моему эрмитажному театру. Онъ очень часто посѣщалъ его и слушалъ съ большимъ вниманіемъ и охотно прочитывалъ, или заставлялъ себѣ прочитывать пьесу до представленія. Увѣряю васъ, что я была поражена дарованіями, которыя этотъ мальчуганъ обнаруживаетъ. Я побьюсь объ закладъ, что этотъ — будетъ удаченъ; онъ идетъ самъ собою, да еще какъ» [1])!

Какъ и всѣ прочія произведенія государыни, комедіи ея переводились по-нѣмецки, и она посылала ихъ Гримму; вѣроятно онъ хвалилъ нѣкоторыя изъ нихъ, потому что государыня отвѣчаетъ ему: «Ахъ, и вы прочли *Обманщика* отъ начала до конца, и хорошо о немъ отзываетесь. Вы скрѣпляете драматическій талантъ автора. Я не премину угостить этимъ свое самолюбіе» [2])...

«Для развлеченія нѣтъ ничего лучше какъ писать комедіи; съ марта мѣсяца я ихъ написала двѣ, но онѣ навѣрно не скоро появятся на театрѣ, потому что слишкомъ хороши. Что вы не пишете комедій? Это бы васъ развеселяло. Я читаю свои двумъ-тремъ лицамъ, а потомъ прячу ихъ въ свой портфель; онъ такъ же наполненъ комедіями, какъ и законами. Публика съ ума сходила бы отъ двухъ послѣднихъ, — но она ихъ не получитъ» [3]).

«Комедіи *Обманщикъ* и *Обольщенный»,* говоритъ государыня въ февралѣ 1786 года, «имѣли необыкновенный успѣхъ и то хорошее дѣйствіе, что удержали и остановили прыть обманщиковъ и обманутыхъ. Въ дѣлѣ находится еще комедія *Февей* комическая опера, и *Шаманъ Сибирскій,* комедія. Все это будетъ весело до нельзя: Шаманъ — это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарланства собратій Парацельса. Посмотрите на статью *Теозофъ* въ Энциклопедіи; и вы получите секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. Св. Синодъ былъ на послѣднемъ представленіи и не въ одиночку, а во всемъ составѣ

1) *Сб. И. О.* XXIII, 327.
2) 332.
3) 361.

они смѣялись до упаду и хлопали до безумія... Мы теперь работаемъ за седьмой пьесой въ теченіе года»[1])...

Лѣтомъ 1786 года государыня пишетъ: «На нашемъ столѣ разложена 9-я пьеса для театра, и мы такъ хорошо подали тонъ и согрѣли стряпню, что теперь дождемъ падаютъ пьесы со всѣхъ сторонъ; надо только желать, чтобъ дождь не былъ такъ холоденъ какъ сегодня, когда только три градуса тепла... Циммерманъ съ ума сходитъ отъ *Обманщика*; я подозрѣваю, что онъ далъ разыграть эту пьесу въ Гамбургѣ» [2])... Въ годъ девять пьесъ, что вы скажете объ этой драматической причудѣ? Отвѣчайте же, вы, который по страсти къ многописанію никогда не отвѣчаете на то, что у васъ спрашиваютъ» [3]). «Я написала десять комедій, пишу одиннадцатую, но это не называется работать... Эти сочинители комедій теперь пишутъ историческія пьесы въ подражаніе Шекспиру, котораго мы прочли по-нѣмецки въ переводѣ Эшенбурга: девять томовъ уже поглощены. Одна изъ такихъ пьесъ скоро послѣдуетъ за *Шаманомъ*, котораго играютъ сегодня вечеромъ. А эти подражанія Шекспиру очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими. Надо только избѣгать скучнаго и сухаго; наши пьесы будутъ имѣть историческую достовѣрность, насколько она не будетъ поражать непріятно; много для зрѣлища, прекрасныя души съ возвышенными чувствами, когда онѣ будутъ кстати, какъ можно менѣе выставки ума со стороны самого писателя, величавые сюжеты и положенія лицъ какъ можно болѣе интересныя. О первой изъ этихъ пьесъ тѣ, кто читалъ её и видѣлъ ея репетиціи, говорятъ уже, что ее примутъ какъ родственную каждому, такъ она интересна. Это очень странно. Вы мнѣ скажете: — Чортъ побери проклятую страсть сочинять комедіи! — Но меня оно забавляетъ, что бы вы тамъ ни говорили,

---

[1]) 374, 375.
[2]) 377.
[3]) 379.

а вѣдь это изо всего самое лучшее» [1]). «Ну, скажите же, скажите, что наши комедіи плохи; право, никто за это не станетъ сердиться. Однако многія изъ нихъ произвели то дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали» [2]). «Находите ли вы, что *Шаманъ Сибирскій* съ братіей хороши или дурны, какъ драматическія произведенія? Ожидаю категорическаго отвѣта» [3]).

По возвращеніи своемъ изъ крымскаго путешествія въ Москву, государыня пишетъ Гримму, что князь де-Линь посылаетъ ему *пословицу* на половину своего, на половину же ея сочиненія. «Пьесы эти льются у насъ какъ дождь, и это единственное средство установить на театрѣ хорошую комедію» [4]). Гриммъ, какъ кажется, критиковалъ нѣкоторыя изъ театральныхъ пьесъ Екатерины, такъ какъ она пишетъ ему: «Ну вотъ драматическія произведенія истолчены въ порошокъ, неправда ли? Совсѣмъ нѣтъ, я утверждаю что они все-таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ они пріостановили сектаторское возбужденіе, — значитъ, это такія пьесы, которыя, несмотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пьесами» [5]). И въ другомъ письмѣ: «Что касается до моихъ бѣдныхъ драматическихъ произведеній, которыя вы поставили такъ низко, и такъ сильно презираете, хотя публика бѣгаетъ ихъ смотрѣть, а дирекція получила на нихъ въ эту зиму отъ десяти до двѣнадцати тысячъ чистаго барыша, то чтобъ побѣсить васъ, посылаю вамъ послѣднюю пьесу, отъ которой публика была безъ ума: она переведена на нѣмецкій языкъ и, несмотря на вашу критику, я утверждаю что она хороша, даже очень хороша» [6]).

Весною 1791 года государыня писала: «Знайте, что эта зима была вообще зима хоровъ, музыки и танцевъ и что съ 8 сентября до 1-го мая, когда я бѣжала изъ города, только и дѣлали

---

[1]) 383, 384. [2]) 391. [3]) 403.
[4]) 418. [5]) 432. [6]) 439.

что танцовали, да пѣли хоромъ. Историческая пьеса Олега подала къ тому сигналъ: хоры Олега въ высшей степени прекрасны и большею частію композиціи Сарти; всѣ греческія мелодіи соединены въ нихъ. Послѣ этого не слѣдовало бы говорить о бѣдномъ маленькомъ дивертисментѣ, данномъ въ эрмитажѣ, и который имѣлъ самый рѣшительный успѣхъ на городскомъ театрѣ: это *Федулъ*, въ комическихъ хорахъ; милостивому государю прислана будетъ музыка обоихъ, какъ скоро она явится, и я надѣюсь, что она будетъ сопровождать эту грамоту. Слова въ *Федулѣ*—это старыя русскія пѣсни и пословицы, сшитыя вмѣстѣ авторомъ *Олега. Олегъ* же составленъ изъ подлинныхъ словъ исторіи; пришиты только хоры и сцена изъ Еврипида, хоры послѣдняго дѣйствія взяты изъ одъ Ломоносова; въ третьемъ же актѣ они составлены изъ старинныхъ русскихъ пѣсень»[1]).

На историческіе сюжеты въ комедіяхъ императрица конечно наведена была своими занятіями по исторіи, и здѣсь замѣчательно то же чувство любви къ русской исторіи, которое она проявила сознательнѣе и горячѣе, нежели кто-либо изъ ея подданныхъ и вообще изъ ея современниковъ.

Понятія свои о театрѣ и игрѣ актеровъ императрица выражаетъ въ слѣдующихъ напримѣръ строкахъ, по поводу игры знаменитаго тогда французскаго актера Офрена (Aufresne). Изъ трагедій Корнеля она болѣе всего любила *Цинну,* и послѣ представленія его съ участіемъ этого знаменитаго актера въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1785 года пишетъ: «Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго я видѣла какъ игралъ Офренъ. Онъ играетъ съ благородной простотой и помнитъ, когда играетъ въ *Циннѣ*, что онъ Августъ: по-моему это прекрасный актеръ. Но товарищи его метались какъ угорѣлые, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое Римлянинъ временъ Августа. Надо было бы ежеминутно подсказывать Циннѣ, что онъ внукъ Помпея. Я думаю, по правдѣ сказать: для того, чтобъ хорошо играть ту или

[1]) 525, 526.

другую роль въ трагедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется, что и мимика дѣлается тоже вѣрна. Я въ жизнь свою не видала болѣе вѣрной мимики, болѣе естественной и граціозной, какъ у г. Александра: онъ отъ природы большой мимикъ[1]).

Изъ французскихъ современныхъ авторовъ комедій Екатерина особенно любила Седэна, и заказывала ему пьесы для эрмитажнаго театра. Лѣтомъ 1779 года она писала: «Скажите Седэну, что если онъ напишетъ вмѣсто одной двѣ или три пьесы, сто пьесъ, я всѣ ихъ прочту съ жадностью. Вы знаете, что послѣ пера патріарха, нѣтъ другого, за которымъ бы я такъ любила слѣдить какъ за Седэномъ; когда я говорю «слѣдить», это значитъ, что въ чтеніи какъ и въ представленіи я люблю слѣдить за ходомъ мыслей автора; но вы не говорите этого Седэну, изъ опасенія чтобъ это не заставило его вдумываться въ ходъ своихъ мыслей и не повредило его естественности; а она-то именно и драгоцѣнна. Въ комедіяхъ фернейскаго патріарха я такъ люблю слѣдить за этой работой головы: въ его пьесахъ есть сто тысячъ вещей, которыя ускользаютъ отъ множества умныхъ и образованныхъ людей, и остаются незамѣченными. Еслибъ мнѣ когда-нибудь пришлось очутиться возлѣ васъ во время представленія одной изъ такихъ пьесъ, я вступила бы съ вами въ разсужденія, которыя помѣшали бы вамъ слушать пьесу и слѣдить за ней, но вы согласились бы что я права... Дайте Седэну двѣнадцать тысячъ ливровъ изъ суммъ, имѣющихся въ Парижѣ и которыми я могу располагать; его пьеса вовсе не упала: она очень хороша, но не была представлена изъ предосторожности, чтобъ помѣшать воркунамъ ворчать[2]); это учтивость, вотъ и все, но пьеса хороша, и очень хороша. Пусть онъ вамъ даетъ все что родитъ его голова: я увѣрена, что это доставитъ удовольствіе и мнѣ и дру-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 360.

[2]) Подъ воркуномъ императрица разумѣетъ Бецкаго, читавшаго ей вслухъ комедію Седэна.

гимъ» [1]). «Дайте же намъ поскорѣе Седэна, Седэна веселаго, потому что я не люблю печальнаго» [2]).

Въ апрѣлѣ 1781 года Седэнъ прислалъ государынѣ одну изъ своихъ пьесъ и она пишетъ: «Комедія г. Седэна очень хороша и ее сейчасъ же разыграютъ на театрѣ въ Царскомъ Селѣ, куда я хочу переѣхать будущее воскресенье; я читала ее съ величайшимъ удовольствіемъ, и авторъ сдѣлаетъ мнѣ подарокъ, если пришлетъ свою трагедію въ прозѣ: *Спасенный Парижъ*, и если онъ желаетъ, я тоже велю сейчасъ разыграть её, съ рискомъ не избѣгнуть посвященія» [3]).

«30 апрѣля. Комедія г. Седэна была играна третьяго дня здѣсь (въ Ц. С.) и ей апплодировали безъ конца, но всего забавнѣе, что городъ, не видавшій комедіи, говоритъ, что она написана мною» [4]).

«Комедію Седэна играли безконечно и меня обвиняли, что я её написала!.. Вы можете сказать г. Седэну, что его пьесу играли и повторяли и требовали еще и еще, и представленія ея были очень посѣщаемы. Я получила его трагедію, которую прочту прежде всего; письмо её сопровождающее прелестно» [5]).

Когда Гриммъ прислалъ государынѣ драматическіе досуги нѣкоего Троншеня, то она писала: «Что касается драматическихъ досуговъ г. Троншеня изъ Делисъ, который не докторъ [6]), увы! я не могу читать ихъ, по причинѣ, которую я высказала вамъ на третьей и четвертой страницѣ длиннаго произведенія, озаглавленнаго письмомъ, начатымъ 7 декабря 1779 г. Я вамъ сказала: Люблю Корнеля; онъ мнѣ всегда возвышалъ душу, и не терплю, чтобъ кто-нибудь прикасался къ твореніямъ людей геніальныхъ. Это я пишу очень маленькими буквами, чтобъ оно оставалось между вами и мною. Пусть всякій самъ дѣлаетъ какъ знаетъ, но только автору принадлежитъ право исправлять свои творенія. Итакъ я присѣдаю г. Троншеню, и если онъ можетъ,

---

[1]) Письма Гримма, 146, 147. [2]) 150. [3]) 201. [4]) 204. [5]) 206, 215.

[6]) Былъ въ Парижѣ извѣстный докторъ Троншенъ, распространявшій оспопрививаніе во Франціи. Онъ былъ и домашнимъ докторомъ Гримма.

то пусть дастъ намъ что-нибудь свое, и мы будемъ его читать» [1]).

Въ числѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины видное мѣсто занимаетъ ея инструкція князю Салтыкову по воспитанію императора Александра I-го. Многочисленныя упоминанія о самыхъ разнообразныхъ и непрерывныхъ чтеніяхъ, разсѣянныя во всей перепискѣ, свидѣтельствуютъ что не только государыня прилежно изучала всѣ замѣчательнѣйшія произведенія мысли, но и была знакома съ лучшими педагогическими сочиненіями и взглядами того времени. Приведенныя нами выше выписки о дѣтствѣ Александра Павловича служатъ краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ. Всѣ умственныя свѣтила не только того времени, но и прежнихъ временъ (напр. Плутархъ) были ея постоянными собесѣдниками; въ чтеніяхъ она не останавливалась на пустомъ и посредственномъ, но никогда не забывала ничего истинно замѣчательнаго и тотчасъ опредѣляла ему цѣну. Зорко слѣдя за современнымъ умственнымъ движеніемъ и обращеніемъ новыхъ идей въ воспитаніи, она изучала Монтеня, Локка, Руссо, Базедова и критически отнеслась къ крайнимъ увлеченіямъ, слишкомъ рѣзко противорѣчившимъ основнымъ началамъ общественной жизни; но въ то же время она приняла за основаніе своей инструкціи мысли первыхъ двухъ педагоговъ, сильно вооружившихся противъ небрежности въ воспитаніи дѣтей и мертвящаго формализма въ обученіи. Основными положеніями ея инструкціи были: *свобода развитія,* избѣгающая всякихъ сильныхъ принудительныхъ мѣръ, и *самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія*, другими словами *самодѣятельность*. Воспитатель долженъ явиться только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ эту самодѣятельность, указывающимъ ему цѣль для стремленій и путь къ ея достиженію. Цѣль же эта есть чисто нравственная: «наклоненіе къ добру». При этомъ конечно нельзя упустить изъ виду то, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ, домашнемъ воспитаніи, гдѣ

[1]) Письма Гримма, 167.

воспитатель можетъ быть вполнѣ знакомъ съ духовной природой своего воспитанника, и что такое отношеніе къ каждому отдѣльному субъекту конечно трудно осуществимо въ воспитаніи общественномъ, гдѣ общія правила, общая дисциплина всегда будутъ неизбѣжны, какъ бы ни были различны харектеры и способности воспитывающихся.

Понятно, какъ новы были, особливо для нашего общества, такіе взгляды императрицы на воспитаніе и какъ она въ этомъ стояла выше своего вѣка. Локкъ, изучившій медицину, сильно выдвинулъ впередъ мысль о физическомъ воспитаніи и укрѣпленіи тѣла, и эту мысль Екатерина также приняла въ своей инструкціи. Но по тому, какъ она отзывалась о непрактичной мечтательности Руссо и Дидро, о неудачномъ опытѣ Базедова, болѣе всего обнаруживается самостоятельность ея сужденія, не позволявшая ей отдавать свое сочувствіе рѣзкимъ крайностямъ, способнымъ потрясти нравственныя основанія въ обществахъ и бѣдственно отразиться на молодыхъ поколѣніяхъ. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру» составляютъ все воспитаніе, сказано во введеніи къ ея инструкціи. Умственное же образованіе государыня считаетъ только приложеніемъ къ воспитанію нравственному: «ученіе же или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію». Что такимъ образомъ нравственное воспитаніе ставилось Екатериной выше всего остальнаго, доказываетъ и слѣдущая мысль, вызсказанная ею въ одномъ изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ *Запискахъ первой части,* гдѣ опредѣляются обязанности родителей и воспитателей: «Должность ихъ исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно, дабы какъ выростутъ велики и имѣвъ неравно пороки, не могли пенять: вы насъ не исправляли, вы насъ не учили, вы насъ не остерегали, вы намъ не указывали путь, по которому итти»[1]). Не менѣе замѣчательна

[1]) *Соч. Екатерины II.* Т. III, стр. 158.

еще одна мысль государыни, высказанная въ инструкціи, что воспитаніе должно сообразоваться съ назначеніемъ и кругомъ дѣйствія тѣхъ, кому оно дается, что общечеловѣческое воспитаніе, въ томъ широкомъ значеніи какъ понималъ его Руссо, есть непримѣнимая утопія. «Во-первыхъ мыслимъ мы», сказано въ инструкціи, «что всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается»... Такое убѣжденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что находится въ противорѣчіи съ пущенными тогда въ ходъ идеями *Эмиля* Руссо въ пользу общечеловѣческаго воспитанія, которое пытался практически осуществить Базедовъ въ своемъ Филантропинѣ. Общій же духъ инструкціи Екатерины дышитъ кротостью, любовью къ дѣтямъ, сохраненіемъ въ нихъ веселости и свободнаго самообладанія. Изъ воспитанія изгнаны всѣ деспотическіе пріемы, способные сломить волю ребенка, но не направить её къ добру. Напротивъ, широкое мѣсто отведено нравственному вліянію, привлеченію дѣтей къ сознанію своихъ проступковъ и раскаянію, хотя вездѣ поддерживается мысль о необходимости послушанія въ дѣтяхъ, о твердости и послѣдовательности въ образѣ дѣйствій воспитателя, какъ главномъ условіи его авторитета.

Что касаетя собственно обученія, то и здѣсь государыня высказываетъ многія замѣчательныя мысли: для дѣтскаго возраста она не допускала слишкомъ однообразныхъ и строго опредѣленныхъ пріемовъ, ни строго опредѣленныхъ часовъ. Занятія должны отличаться живостью, свѣжестью и разнообразіемъ, согласно съ характеромъ дѣтской природы. Предписывалосъ «отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», стало-быть познаніе Россіи выдвинуто на первый планъ, какъ средоточіе для занятій великихъ князей, и это правило проведено въ преподаваніе географіи, гражданскихъ законовъ и наконецъ русской исторіи, для которой сама императрица столько потрудилась. Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій *„какъ первая добродѣтель“*. Приставникамъ внушается говорить съ должнымъ почтеніемъ о религіи, и самое ихъ обращеніе и отношеія ихъ къ вос-

питаннику должны быть приведены въ связь съ уроками Закона Божія. Такъ смотрѣла развившаяся въ свободомысліи писателей 18-го вѣка Екатерина на важность религіознаго воспитанія. Кромѣ языковъ живыхъ: нѣмецкаго и французскаго, великихъ князей обучали и языкамъ латинскому и греческому. Послѣдній изъ этихъ языковъ, по объясненію императрицы, долженъ былъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, которые ихъ высочествамъ полезны быть могутъ. Причины тому приведены въ самой инструкціи: — во-первыхъ, неудовлетворительность переводовъ, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе утрачивается красота подлинниковъ. Во-вторыхъ, изъ греческаго языка заимствованы общепринятыя техническія слова для наукъ и художествъ, указывающія на существо самой вещи. Въ-третьихъ, языкъ этотъ отличается пріятною гармоніей, игрою мысли и изобиліемъ [1]). Во всей инструкціи повторяется наставленіе отнюдь не обременять память воспитанниковъ заучиваніемъ наизусть. Изъ дѣтскихъ книгъ и руководствъ, написанныхъ самою Екатериною для внуковъ, мы уже упоминали кромѣ азбучекъ и первыхъ книжекъ для чтенія: *Сказки о царевичѣ Хлорѣ* и *царевичѣ Февеѣ*, *Выборныя россійскія пословицы*, *Гражданское начальное ученіе*, *Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части*. Мы уже сказали, что въ мартѣ 1785 года государыня извѣстила Гримма, что ея внуки перешли въ мужскія руки и въ воспитаніи ихъ установлены «неизмѣнныя правила». Здѣсь именно и разумѣется инструкція. Изъ предметовъ обученія музыка была исключена какъ занятіе, отнимающее слишкомъ много времени, и государыня говорила въ письмѣ къ Гримму, кажется предлагавшему покупку инструментовъ: «Не надо фортепіанъ. Господа Александръ и Константинъ не будутъ учиться музыкѣ; они будутъ скрыпѣть или играть, если хотятъ, самоучкой» [2]). Въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1789 г. государыня говоритъ: «господа Александръ и

---

[1]) См. превосходную статью «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой», соч. Николая Лавровскаго, Харьковъ. 1856 года.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 234.

Константинъ переданы на руки генерала Салтыкова, который, такъ же какъ и прочіе окружающіе, слѣдуетъ во всѣмъ пунктахъ моимъ началамъ и предписаніямъ, и въ самомъ дѣлѣ они восхитительно хороши собою, рослы, сильны, здоровы, разумны и послушны; видѣть ихъ—наслажденіе. Я увѣрена, что Александромъ будутъ всегда отмѣнно довольны: онъ обладаетъ удивительной ровностью духа, соединенною съ привѣтливостью, рѣдкою въ его возрастѣ; лицо у него открытое, веселое и полное благоволенія; воля его всегда хороша: онъ стремится къ успѣху и успѣваетъ во всемъ не по возрасту; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ; рисуетъ и его ни къ чему не принуждаютъ. Онъ пишетъ или изъ исторіи, или изъ географіи, или избранныя поученія или что-нибудь веселое; сердце у него предоброе»[1])...

«По поводу вашего подарка, бронзоваго Геркулеса, господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что не проходитъ дня, чтобъ Александръ не занимался разсматриваніемъ эстамповъ, особливо когда ему сколько-нибудь не здоровится: тогда онъ обложитъ себя ими кругомъ и, пока онъ забавляется разсматриваніемъ ихъ, проситъ чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ взялъ книгу и громко читалъ ему, такъ какъ мы хотимъ быть постоянно заняты по вкусу и наклонности. Что вы объ этомъ скажете»[2])?

Въ августѣ 1785 года: «Господа Александръ и Константинъ въ эту минуту очень заняты бѣленіемъ снаружи царскосельскаго дворца подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и Богъ знаетъ какими мастерствами они не занимались»[3]).

Въ маѣ 1786 года: «Я сегодня утромъ пріѣхала сюда изъ Царскаго Села съ моими двумя внуками; одна комната отдѣляетъ меня отъ нихъ; стало-быть они живутъ у меня и шумятъ ужасно: я должна была ихъ прогнать, чтобъ имѣть хоть минуту покоя; и они ушли, напѣвая оперный маршъ и ведя каждый за лапку свою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 336, 337. [2]) 338, 339. [3]) 358.

собачку, вмѣсто принцессы. Вы можете по этому судить, какой мы беремъ тонъ; эти мальчуганы прелестны. Но конецъ бабушкинымъ сказкамъ» [1]).

О характерѣ великаго князя Константина Павловича государыня часто отзывается, что у него умъ и голова своебразныя и надо давать ему свободу развиваться по-своему, и находить въ чертахъ лица его сходство съ Петромъ Великимъ [2]). Она успокоиваетъ Гримма, что при великомъ князѣ нѣтъ никакихъ греческихъ кадетовъ и тутъ нечего пронюхивать, что все это злая ложь Фридриха II, котораго она при этомъ называетъ старымъ хитрымъ котомъ (der alte, tückische Kater [3]).

Извѣщая Гримма лѣтомъ 1783 года о рожденіи первой великой княжны, Александры Павловны, государыня объявляетъ, что она гораздо болѣе любитъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Въ это лѣто Екатерина сильно простудилась и схватила упорный кашель; многіе изъ ея любимыхъ приближенныхъ были также серьёзно больны, и она, сообщая Гримму свои тревоги, говоритъ: «Вотъ прекрасныя предзнаменованія, при которыхъ родилась Александра Павловна. Все это не имѣетъ никакого смысла» [4]). Тою же осенью она пишетъ: «Дѣвица Александра Павловна существо очень некрасивое, особливо по сравненію съ своими братцами» [5]).

Елена Павловна родилась въ декабрѣ 1784 года, въ то самое время, когда государыня, подавленная горемъ — потерей Ланского, — на цѣлые полгода прервала переписку съ Гриммомъ. Въ первомъ же письмѣ послѣ того, отъ марта 1785 года, она говоритъ: «Прекрасная Елена названа удачно, потому что она необыкновенно красива, и вотъ почему я назвала её Еленой». И далѣе: «Прекрасная Елена процвѣтаетъ и въ шесть мѣсяцевъ, увѣряю васъ, показываетъ болѣе смысла и живости, чѣмъ старшая, которой на будущей недѣлѣ минетъ два года» [6]). Марія Павловна родилась въ началѣ февраля 1786 года. Го-

[1]) 377. [2]) 313. [3]) 254. [4]) 283.
[5]) 288. [6]) 326, 346.

сударыня извѣщаетъ Гримма о ея рожденіи письмомъ отъ 4-го февраля. Невѣстка моя вчера родила дочь, которую назвали Маріей. Она не хороша, но очень велика»[1]). Лѣтомъ 1786 года государыня уже наслаждается всѣми пятью внучками въ своихъ царскосельскихъ садахъ и говоритъ Гримму, что отыскать её тамъ можно развѣ только по лаю Томасовъ и щебетанью пяти малютокъ, которыя «прилипаютъ къ ней какъ репьи»[2]).

Въ апрѣлѣ 1787 г. она пишетъ изъ путешествія въ южный край: «Александръ и прекрасная Елена въ отсутствіи моемъ были больны корью, такъ же какъ всѣ сестрицы и братцы, да еще тотчасъ послѣ вѣтреной оспы, и такъ какъ надо опасаться, чтобъ они не схватили натуральной оспы (то есть дѣвочки, потому что мальчикамъ она была привита), то теперь же привьютъ её прекрасной Еленѣ и ея сестрамъ»[3]).

Палласъ и экспедиція Биллингса. Галіани, Рейналь, Балы. Смерть Дидро и д'Аламбера. Аэростаты. Разныя мелкія замѣтки и происшествія.

Имя Палласа встрѣчается въ перепискѣ не только по поводу словаря всѣхъ нарѣчій, но и по разнымъ другимъ случаямъ. Такъ въ 1779 году государыня пишетъ Гримму: «Ваше письмо къ г. Палласу было доставлено Безбородкой по назначенію. Господинъ герцогъ-географъ для мѣня слишкомъ ученъ, и я полагаю, что ни г. Палласъ и никто здѣсь не можетъ сказать ему, чтó находится между Алеутскими островами и Америкой, такъ какъ у насъ никто не плавалъ далѣе этихъ острововъ и не причаливалъ къ Америкѣ. Алеуты говорятъ, что есть на значительномъ разстояніи отъ нихъ большая земля, вотъ и все»[4]).

Въ 1782 году мы видимъ, что Палласъ участвуетъ въ составленіи учебниковъ для нормальныхъ школъ, создаваемыхъ въ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 374. 2) 379. 3) 399. 4) 141.

Россіи. Въ 1785 Екатерина посылаетъ Гримму его «Россійскую флору» (Flora Rossica) и черезъ нѣсколько времени послѣ того пишетъ: «Г. Палласъ удержалъ изрядное количество экземпляровъ для охотниковъ до россійской флоры, но я сомнѣваюсь, чтобъ они пошли въ продажу» [1]). Въ томъ же году, подъ предсѣдательствомъ Палласа, составлена была комиссія для снаряженія географической и астрономической экспедиціи въ сѣверныя моря, которая надѣлала въ Европѣ много преувеличеннаго шума, вслѣдствіе чего государыня писала Гримму: «Когда васъ станутъ разспрашивать о мнимомъ двѣнадцатитысячномъ отрядѣ съ академиками, философами, натуралистами и проч. и проч., вы можете отвѣчать, что все это ограничивается очень немногимъ и когда у васъ говорили, что они уже уѣхали отсюда, еще не было назначено ни одного человѣка, кромѣ офицера, командующаго судномъ и ѣдущаго съ цѣлью открытій, или, вѣрнѣе сказать, провѣрки ранѣе сдѣланныхъ открытій. Этотъ планъ составленъ Палласомъ и его собратьями. Офицеръ этотъ (Биллингсъ) служилъ на кораблѣ Кука, и между ихъ наблюденіями и нашими есть нѣкоторое различіе; эта экспедиція и рѣшитъ тяжбу»...[2]) «По газетамъ г. де-Лаперузъ не уѣхалъ, ни сэръ Биллингсъ тоже. Послѣдній еще ѣдетъ въ Камчатку, чтобъ тамъ сѣсть на корабль» [3]).

Въ слѣдующемъ же 1786 году говорится: «Г Ледіардъ [4]) хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ другой путь нежели черезъ Камчатку, потому что такимъ образомъ нѣтъ возможности догнать экспедицію. Впрочемъ все напечатанное объ этой экспедиціи — совершенная ложь и пустое мечтаніе. Никакого нѣтъ дессантнаго отряда, и все ограничивается экспедиціей капитана Биллинг-

---

[1]) 381. [2]) 330. [3]) 359.

[4] Ледіардъ былъ американецъ, задумавшій, по увѣренію Кастеры, проникнуть пѣшкомъ къ Чукчамъ, чтобъ съ ними перейти Беринговъ проливъ и дойти до англійскихъ поселеній въ Гудзоновомъ заливѣ, и по подозрѣнію въ шпіонствѣ, захваченный въ Якутскѣ и отправленный черезъ прусскую границу обратно въ Англію. О высылкѣ этой говорится и въ *Дневникѣ* Храповицкаго, стр. 58.

са и экипажа, выбраннаго имъ и Палласомъ»[1]). Этой экспедиціи сопутствовалъ членъ академіи наукъ, гидрографъ Сарычевъ, который въ 1802 году напечаталъ описаніе своего путешествія и сверхъ того издалъ извлеченіе изъ Биллингсовыхъ записокъ, съ словаремъ двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ.

Въ 1794 году государыня пишетъ, что Палласъ собирается переѣхать на житье въ Крымъ.

Сношенія Екатерины съ неаполитанскимъ аббатомъ Галіани и отзывы о немъ безпрестанно встрѣчаются въ ея письмахъ. Этотъ Галіани былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ. Въ качествѣ секретаря неаполитанскаго посольства онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особливо съ Гриммомъ и Дидро. Онъ также былъ замѣчательнымъ антикваріемъ и одинъ изъ первыхъ началъ разработывать археологическія богатства Геркуланума. Еще въ 1776 году Екатерина пожелала имѣть его изданія и писала: «Я велѣла послать въ Ливорно Ганнибалу (адмиралу) 5,750 французскихъ ливровъ на книги аббата Галіани. Перешлите мнѣ ихъ пожалуйста и примите мою благодарность за предложеніе»[2]). Когда Гриммъ переслалъ къ ней одно изъ писемъ Галіани, она пишетъ: «Письмо аббата Галіани прелестно. Присылка его книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что я безъ ума люблю книги по архитектурѣ. Вся комната моя наполнена ими, и мнѣ все еще мало»...[3]) «Еслибъ вы черезъ аббата Галіани или кого-нибудь другого могли достать мнѣ изображеніе Везувія, Помпеи и Геркуланума и все, что неаполитанскій дворъ издалъ по этимъ предметамъ, вы бы доставили мнѣ истинное блаженство»[4]). Получивъ всѣ эти изданія государыня пишетъ: «Библіотека Галіани очень часто утѣшаетъ меня; за часъ до обѣда я иду посѣтить ее и какъ маленькія дѣти разсматриваю тамъ ея эстампы, чтобъ вынести оттуда меду въ свой улей. На переплеты я никогда не

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 378. 2) 47. 3) 53. 4) 67.

смотрю: мнѣ до нихъ нѣтъ нужды. Я пошлю аббату Галіани медаль (бронзовую), которая будетъ служить ему портретомъ»[1]). Послѣ того государыня спрашиваетъ Гримма, что́ дѣлаетъ аббатъ Галіани и опять благодаритъ его за присылку другого его прелестнаго письма. Когда же Галіани, вѣроятно, по полученіи медали, написалъ письмо самой императрицѣ, то она нашла его слишкомъ офиціальнымъ. «Оно отзывается тѣмъ, что сочинено для священнаго величества. Скажите ему, что ея священное величество получила его письмо и благодаритъ его, что она очень любитъ людей достойныхъ, а онъ къ этому качеству присоединяетъ еще репутацію большого ума; также—что я очень высоко цѣню его Разговоръ о хлѣбѣ[2]) что я никогда не читала Горація и вѣроятно прочту его только, когда онъ напишетъ къ нему объясненія, и тогда, ужъ во что бы ни стало, у насъ онъ будетъ переведенъ, что книга его о Монетѣ[3]) уже теперь возбуждаетъ мое любопытство, что я у него не выпрашиваю ее, а постараюсь овладѣть ею, только что она будетъ напечатана»[4]).

Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила умъ и способности Галіани и говорила о немъ: «Какъ жалко, что голова этого человѣка безъ пользы пропадаетъ въ Неаполѣ, что тамъ даже не знаютъ его сочиненій и издаютъ указы въ старинномъ вкусѣ, не пользуясь имъ, ни его умными мыслями. Этотъ тоже не на мѣстѣ»....[5]). «Объ аббатѣ Галіани можно сказать, что отечество его не оцѣнило».... [6]). Его пророчество о Casa Santa въ Фернеѣ очень мнѣ по вкусу, не потому чтобъ я любила обманъ и толстыя свѣчи (les gros cierges); но потому что пророчество, высказанное людьми геніальными, какъ будто по вдохновенію, обыкновенно оказывается результатомъ очень глубокихъ соображеній,

---

[1]) 70.

[2]) «Dialogue sur le Commerce des blés» (1770) замѣчательное произведеніе Галіани.

[3]) Книга Галіани «*Sur la monnaie*» была напечатана въ Неаполѣ въ 1769 году, а комментарій на Горація былъ имъ оставленъ въ рукописи и напечатанъ въ Парижѣ въ 1770 году.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 241. [5]) 113, 114. [6]) 118.

давно ужъ сдѣланныхъ. Это—итоги, которые подводитъ генiй къ прежнимъ разысканiямъ ума, здраваго смысла, опытности и проч... Но какiя печали его удручаютъ? Я полагала, что въ Неаполѣ, въ лучшемъ изъ климатовъ Европы, онѣ чувствуются менѣе, потому что на меня воздухъ всегда дѣйствуетъ развеселяющимъ образомъ. Но, видно, къ нему слишкомъ тамъ привыкли, чтобъ цѣнить его такъ, какъ мы его цѣнимъ»!...[1]) Въ концѣ того же письма прибавлено: «А сколько Галiани вамъ сообщаетъ превосходныхъ вещей, которыя должны произойти въ Неаполѣ: Чудныя большiя дороги. Флотъ. Уничтоженiе пошлинъ. Основанiе академiи наукъ и литературы. Что касается флота, то онъ очень былъ бы нуженъ имъ, хотя бы для защиты отъ Алжирцевъ, которые въ виду самаго города похищаютъ у нихъ гражданъ»[2]). Не любя посвященiй, государыня говоритъ: «Сожалѣю, что карта Сицилiи и гора Этна должны пройти черезъ операцiю посвященiя»[3]).

Въ маѣ 1780 года, купивъ музыкальную партитуру Филидора, написанную для большого торжества, государыня поручаетъ Гримму: «Закажите аббату Галiани составить програму къ этому празднеству, и когда это будетъ сдѣлано, ужъ мы найдемъ куда это пристроить»[4]). За эту программу государыня послала Галiани двѣ золотыя медали». «Еслибъ я имѣла досугъ, я написала бы вамъ цѣлый комментарiй на черновое письмо аббата Галiани. Начиная съ того, что вѣроятно онъ пользовался нѣкорой репутацiей прежде чѣмъ я его узнала, если его имя изъ отдаленной Италiи дошло до Россiи; стало-быть не я, но самъ онъ составилъ себѣ славу»[5]). О поѣздкѣ въ Италiю великаго князя Павла Петровича съ супругой государыня просила Гримма извѣстить аббата Галiани и Рейфенштейна. Въ декабрѣ 1787 года она спрашиваетъ: «Правда ли, что аббатъ Галiани умеръ? Здѣсь говорятъ объ этомъ»[6]). И черезъ два мѣсяца послѣ того: «Мои

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 132, 133. 2) 134. 3) 133.
4) 177. 5) 230. 6) 437.

табакерки не приносятъ счастья. Аббатъ Галіани умеръ вскорѣ послѣ полученія той, которую я ему послала»....[1]) «Духовное завѣщаніе аббата Галіани очень странно, но до сихъ поръ я ничего не слыхала о томъ, что́ мнѣ завѣщано» [2]).

Совсѣмъ иначе относилась Екатерина къ другому писателю, аббату же—Рейналю. Въ 1775 году, послѣ появленія его Исторіи индѣйской торговли, она поручила директору канцеляріи таможенныхъ сборовъ графу Эрнесту Миниху прочитать въ этой книгѣ статью о Россіи и сдѣлать на нее письменныя примѣчанія. Въ 1782 году государыня говоритъ, что, несмотря на напрасныя разглагольствія противъ нея аббата Рейналя, она погружена въ законодательство. «Мы все-таки законодательствуемъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ, «несмотря на то, что аббатъ Рейналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ. Среди всей этой лжи онъ говоритъ, что мнѣ ничего не удавалось изо всего, что я предпринимала. Вѣдь это же очень грубая ложь, противъ которой доказательство у цѣлаго свѣта передъ глазами» [3])... «Что касается апостола Рейналя», сказано въ другомъ письмѣ, «я избавляю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не сто́итъ и если вы его вовсе не прочтете, то останетесь тѣмъ же, чѣмъ были бы, еслибъ и прочли его, ни толще, ни худѣе» [4]).

Съ сочиненіями Бальи государыня ознакомилась въ 1784 году, около времени своихъ историческихъ и филологическихъ разысканій. Мы уже говорили, что по прочтеніи его исторіи астрономіи, доставившей ему большую извѣстность, и по поводу его предположенія о существованіи въ Сибири первобытнаго народа, исчезнувшаго съ лица земли, государыня послала ему и Бюффону нѣкоторыя свои догадки по этому предмету, очень её занимавшему. Но за этимъ вслѣдъ она писала: «Я одумалась, не показывайте этихъ тетрадей ни Бальи, ни Бюффону; это не ихъ ящикъ (т. е. Россія), хотя они и первые указали на существованіе народа, который однако не интересуются открыть; впро-

[1]) 439. [2]) 445. [3]) 235. [4]) 247.

чемъ дѣлайте какъ знаете, это не охладитъ жара моихъ изысканій»[1]). Въ 1785 году государыня просила Гримма доставить ей всѣ сочиненія Бальи, а въ 1787 пишетъ: «Произведенія г. Бальи встрѣчены мною съ радостью; я еще не имѣла времени ихъ раскрыть и даже не читала его письма, но исполню свой долгъ въ отношеніи къ нему, только что будетъ возможно»[2]). Черезъ годъ послѣ того: «Вы просили у меня медали для г. Бальи; теперь же кажется, что вы желаете табакерку: пусть будетъ такъ, вы ее получите»[3]). И тутъ-то государыня прибавляетъ, что съ ея табакеркой не посчастливолось покойному Галіани, который вскорѣ умеръ. Въ одномъ изъ писемъ того же года государыня такъ отзывается о Бальи: «Мнѣ сдается, что я уже сказала вамъ много и очень много о г. Бальи; казалось мнѣ также, что я вамъ послала и подарокъ для него; но если я забыла, прошу васъ передать ему, что я чрезвычайно высоко цѣню его произведенія, и если у васъ есть еще мои деньги, то пошлите ему отъ меня приличную табакерку»[4]).

Но еще менѣе счастія принесъ этотъ подарокъ Бальи чѣмъ Галіани. Увлеченный на политическое поприще, онъ попалъ въ водоворотъ революціи, и вотъ, до тѣхъ поръ счастливый въ своемъ призваніи, писатель сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ готовившейся кровавой драмы. Онъ предсѣдательствовалъ на томъ самомъ собраніи (séance du Jeu de Paume), гдѣ депутаты поклялись не расходиться, пока не дадутъ Франціи конституцію. Затѣмъ 16-го іюля 1789 онъ былъ назначенъ меромъ Парижа, а въ іюнѣ 1790 Екатерина пишетъ Гримму: «Такъ же мало пристало меру Парижа, уничтожившему монархію во Франціи, (qui a démonarchisé la France) имѣть портретъ императрицы самой аристократической въ Европѣ, какъ и ей посылать свой портретъ меру-антимонархисту. Это значило бы поставить и мера-антимонархиста и наиболѣе аристократическую императрицу въ полное противорѣчіе другъ съ другомъ и съ ихъ обязанностями, бывшими, настоящими и будущими»[5]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 322. [2]) 399. [3]) 439. [4]) 447. [5]) 482, 483.

Вынужденный, послѣ побѣга и ареста Людовика XVI, силой разгонять угрожающія сборища, образовавшіяся на Марсовомъ полѣ, чтобъ требовать низложенія короля, несчастный Бальи вдругъ потерялъ свою популярность и, отказавшись отъ должности мера, покинулъ столицу; но въ 1793 году онъ былъ узнанъ въ Мелэнѣ, привлеченъ въ Парижъ, осужденъ на смертную казнь и съ утонченною жестокостью казненъ 11 ноября того же года.

О послѣдней, предсмертной болѣзни Дидро упоминается въ перепискѣ нѣсколько разъ, и государыня принимаетъ въ страданіяхъ больного искреннее участіе. По смерти его она поручаетъ Гримму дать вдовѣ его тысячу рублей пенсіи впередъ за пять лѣтъ, считая по 200 руб въ годъ [1]). Она хвалитъ письмо, написанное къ ней его дочерью, и проситъ купить для себя всѣ его сочиненія, говоря: «Вы заплатите за нихъ сколько потребуютъ. Конечно они не выйдутъ изъ моихъ рукъ и никому вреда не принесутъ. Пришлите ихъ съ библіотекой Дидро» [2]). О погребеніи его сказано: «На меня очень пріятно подѣйствовало поведеніе священника церкви Сенъ-Рока при погребеніи Дидро» [3]). Общіе бѣглые отзывы и шуточки объ этомъ писателѣ показываютъ, что Екатерина считала его въ высшей степени непрактическимъ, разсѣяннымъ и неосновательнымъ, но тѣмъ не менѣе любила въ немъ его добродушіе, благородный образъ мыслей и выставляла прекрасное свойство его души: благодарность за добро ему сдѣланное, говоря при этомъ, что Дидро во всемъ не похожъ на другихъ людей.

О смерти другого энциклопедиста д'Аламбера она пишетъ въ 1784 году: «Очень прискорбно, что д'Аламберъ умеръ, не увидѣвъ и не прочитавъ нашего оправданія по крымскому дѣлу; по крайней мѣрѣ слѣдовало выслушать обѣ стороны и потомъ произносить свое сужденіе; а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Я очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малоду-

[1]) 318. [2]) 327. [3]) 362.

шіи, которое онъ выказалъ въ своей болѣзни. Тѣлесныя силы, вѣроятно, взяли перевѣсъ надъ духовными. Впрочемъ эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ они проповѣдывали. Давно уже я была въ немилости, и знаете ли, что насъ Вольтеръ поссорилъ?[1]... Я никогда не сомнѣвалась, что письмо д'Аламбера по поводу французскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Краковѣ, было продиктовано ему тогдашнимъ министромъ (d'Aiguillon): очень рада узнать, что я не ошиблась»[2].

О перепискѣ умершаго въ 1786 году Фридриха II съ д'Аламберомъ государыня замѣчаетъ: «Я увѣрена, что письма покойнаго Прусскаго короля къ д'Аламберу, если ихъ печатаютъ въ Берлинѣ, будутъ очень искажены, потому что сочиненія его *исправляютъ»*. Самъ Бюшингъ сознается въ этомъ на страницѣ 263 своей книги «Характеръ Фридриха II». Это было написано въ 1788 году, незадолго до революціи, и государыня тутъ же прибавляетъ о своихъ письмахъ къ Гримму: «Впрочемъ, отъ писемъ, которыя я вамъ пишу, у меня не остается копій и нѣтъ черновыхъ; могу увѣрить васъ, что говорю вамъ сущую правду, возобновляя при этомъ просьбу, чтобъ вы ихъ бросили въ огонь, потому что, несмотря на все мое довѣріе къ г. Кастри, не зная кто его наслѣдники, я буду всегда опасаться, чтобъ эти письма не попали въ публичную продажу, или къ какому-нибудь Фигаро, который ихъ напечатаетъ, чтó, какъ вы конечно согласитесь, вовсе не нужно. Но о трудѣ, вами предпринимаемомъ для переписки этихъ писемъ, я сожалѣю, хотя примѣчанія, которыми вы собираетесь ихъ снабдить, знаю заранѣе, будутъ интереснѣе всего остальнаго»[3].

Въ 1795 году государыня высказываетъ слѣдующее замѣчаніе о д'Аламберѣ и энциклопедистахъ: «Я безропотно буду ждать благопріятной минуты, когда вамъ будетъ угодно оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ Энциклопедіи, ибо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 308. [2]) 303. [3]) 441, 442.

Гельвецій и д'Аламберъ оба сознались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую, уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть! Объ этомъ говорили уже въ 1777 году. На петергофской лѣстницѣ маски говорили объ этомъ между собою на ухо 29 іюня» [1]).

О Циммерманѣ, медикѣ и философѣ, написавшемъ книгу «Объ уединеніи» (Von der Einsamkeit) государыня упоминаетъ не только по поводу своей комедіи «Обманщикъ» (которая такъ ему понравилась, что онъ схлопоталъ ея постановку на сценѣ въ Гамбургѣ), но и по поводу чтенія ею въ 1785 году извѣстнаго его сочиненія. «Надо сообщить вамъ», писала она Гримму, «если вы этого уже не узнали, что я въ настоящую зиму прочла книгу «Объ уединеніи», которая вполнѣ исцѣлила меня отъ этого недуга и дала мнѣ такое хорошее мнѣніе о писателѣ, что я недавно вошла съ нимъ въ переписку, не затѣмъ, чтобы совѣтоваться съ нимъ по случаю болѣзни или здоровья, но чтобъ поговорить о разумномъ и о дурачествахъ; и онъ, буквально, пишетъ мнѣ письма и безумныя и разумныя; это тоже голова, которая идетъ не зная куда, но всегда далѣе чѣмъ обыкновенно водится. Я желала, чтобъ онъ сюда пріѣхалъ. Онъ тоже этого желалъ, но когда ужъ совсѣмъ рѣшился, я его отговорила, потому что у него болѣзнь, не дозволяющая путешествій, и, несмотря на то, онъ собирался. Но я не хочу, чтобъ онъ умеръ» [2]). Циммерманъ былъ вызванъ въ Берлинъ во время предсмертной болѣзни Фридриха II, «но», говоритъ государыня, «не спасъ его, потому что спасти было нельзя».

Замѣчателенъ отзывъ государыни о русскомъ докторѣ, нѣкоемъ Самойловичѣ, котораго Гриммъ взялъ подъ свое покровительство, а государыня обличаетъ во лжи и неправдоподобныхъ разсказахъ, говоря: «Вмѣсто того, чтобъ хорошо принять Самойловича, какъ рекомендованнаго намъ многострадальнымъ, мы всѣ порядочно и какъ слѣдуетъ его выбранили и вымыли ему го-

---

[1]) 622. [2]) 343.

лову, а болѣе всѣхъ генералъ, пользующійся благорасположеніемъ многострадальнаго (Ланской), за то что упомянутый Самойловичъ смѣло и безстыдно лгалъ на словахъ, на письмѣ и въ печати, будто онъ, Самойловичъ, привилъ чуму, ч. знаетъ сколькимъ лицамъ,—ложь, которую онъ не станетъ поддерживать въ Россіи, ибо гдѣ нашелъ бы онъ такихъ отверженныхъ Богомъ, которые добровольно пожелали бы заразиться чумою, и кáкъ позволили бы ее распространять, тогда какъ все на свѣтѣ употребляли чтобъ ее уничтожить»[1])?

О магнетизмѣ Екатерина отзывается такъ: «Я очень рада, что вы со мной одинакаго мнѣнія: я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ, который никого не вылѣчиваетъ, не можетъ точно такъ же никого и убить»[2]).

Надъ новымъ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ въ Парижѣ встрѣчается въ перепискѣ много шутокъ: «Кстати, поздравляю васъ», говорится въ 1783 году, «съ летучими колесницами, порхающими вокругъ вашихъ головъ: когда ихъ усовершенствуютъ, очень пріятно будетъ въ три дня долетѣть отсюда до Парижа»... «Ваши аэростаты, повидимому, оказали услугу государству: они заставили забыть ошибки въ финансовыхъ расчетахъ»[3]).

Въ слѣдующемъ письмѣ государыня благодаритъ за присылку ей раскрашенныхъ изображеній воздушнаго шара и прибавляетъ: «О Небо, дай имъ скорѣе крылья, чтобъ никакой экспертъ не могъ сломать себѣ шеи, падая съ такой высоты... Хотя здѣсь и менѣе нежели въ Парижѣ занимаются этими воздушными путешествіями, однако все, что до нихъ касается, принято съ тѣмъ участіемъ, какого заслуживаетъ такое любопытное открытіе»[4])... Но впрочемъ государыня сознается, что запретила у себя опыты съ воздушными шарами изъ опасенія пожаровъ въ странѣ, гдѣ множество деревянныхъ строеній и крышъ тесовыхъ и соломенныхъ[5]). Говоря о томъ, что она никогда не поѣдетъ въ Парижъ, государыня прибавляетъ, что развѣ полетитъ туда въ аэростатѣ,

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 306. 2) 327. 3) 290, 292. 4) 293. 5) 301.

приглашая Гримма въ такомъ же экипажѣ прiѣхать въ Петербургъ [1]).

Въ 1781 году былъ большой пожаръ парижской оперы, и государыня писала о томъ: «Хотите узнать свои новости отъ насъ? Парижская опера сгорѣла со всѣми актерами, танцовщиками и танцовщицами. Это заставило насъ удвоить вниманiе въ своихъ театрахъ, и я надѣюсь, что это намъ доставитъ лѣсницы къ окнамъ» [2]). Между тѣмъ Гриммъ самъ извѣщалъ ее объ этомъ пожарѣ слѣдующимъ образомъ:

«Ваше величество вѣроятно слышали о пожарѣ нашей оперной залы. Подумаешь, что у насъ затѣмъ пожары въ Парижѣ, чтобъ доставить нашимъ вѣстовщикамъ и газетчикамъ случай разсыпаться въ пышныхъ похвалахъ пожарной командѣ. Послушаешь ихъ — такъ это сонмъ героевъ, которые даютъ изумительныя доказательства дѣятельности, сообразительности, храбрости, но тогда уже, когда все сгорѣло. Въ имперскихъ городахъ Германiи у насъ нѣтъ ни героевъ, ни панегиристовъ, у насъ есть только предписанiя, которыя исполняются, и пожары оканчиваются прежде чѣмъ успѣютъ о нихъ заговорить. Итакъ вотъ опера уничтожена и самые дивные таланты въ танцовальномъ искуствѣ божественная Гейнель, слава Германiи, Тэодоръ, легкая какъ птичка, Доберваль, Нивелонъ — всѣ безъ занятiй, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ танцевъ — Вестрисъ и сынъ его Огюстъ въ это время приводили Лондонъ въ восторгъ» [3]).

На это государыня отвѣчала: «Кстати о пожарѣ, истребившемъ до тла парижскую оперу. Вы мнѣ говорили о тѣхъ, кто не сгорѣлъ, но остерегаетесь говорить о тѣхъ кто сгорѣлъ и кого ваша удивительная пожарная команда не спасла» [4]).

Когда Гриммъ однажды извѣщалъ Екатерину о пожарѣ въ нѣсколькихъ австрiйскихъ городахъ, то она отвѣчала: «Вы хотите, чтобъ я способствовала отстройкѣ сгорѣвшихъ герман-

---

[1]) 312. [2]) 209.
[3]) Письма Гримма, стр. 203.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 216.

скихъ городовъ; я сама строю у себя болѣе сотни городовъ. Я не должна вторгаться въ область моего любезнѣйшаго братца Іосифа II» [1]). На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Я очень хорошо помню, что сказалъ вашему величеству, какъ несправедливо способствовать отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ городовъ Святой имперіи, потому что еслибъ всѣ города Россійской имперіи сгорѣли, Святая Римская имперія не дала бы ни полушки на ихъ отстройку; а мнѣ за это говорятъ: «вы хотите, чтобъ я способствовала къ отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ въ Германіи городовъ», тогда какъ я хочу совершенно противоположнаго. О, изо всѣхъ строителей архистроительница! О построительница ста-трехъ городовъ! Гдѣ же справедливость? Другая ересь: «я не должна несправедливо вступать на почву моего милаго брата Іосифа II». Мы, принадлежащіе къ Россійской имперіи, мы составляемъ почву нашей драгоцѣнной монархини Екатерины II; но мы, принадлежащіе къ Римской имперіи, мы вовсе не собственность нашего дорогого Іосифа II; наша собственность, сгорѣвшая или не сгорѣвшая, ему не принадлежитъ. И это большая разница, которую правосудный Іосифъ приметъ конечно въ расчетъ; я на это надѣюсь» [2]).

Но это не помѣшало Гримму однако вскорѣ послѣ того тонкимъ образомъ испрашивать пособія нѣмецкому городу Герѣ и быть посредникомъ между графомъ Рейсомъ и императрицею:

«P. S. Съ городомъ Гера случилось жестокое несчастье: онъ сгорѣлъ до основанія, приблизительно три, четыре мѣсяца тому назадъ; не уцѣлѣло ни одного дома. Этотъ городъ, расположенный близъ границъ Саксоніи, былъ необыкновенно промышленный и торговый, слѣдовательно полонъ славы Екатерины. Графъ Алексѣй Орловъ, отправляясь изъ Петербурга въ Средиземное море, или возвращаясь оттуда, останавливался въ немъ постоянно и заказывалъ тамъ работы для императрицы. Не знаю, почему графъ Рейсъ, которому принадлежалъ этотъ несчастный

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 198.

[2]) Письма Гримма стр. 201, 202.

городъ, выбираетъ меня, чтобъ повергнуть его прошеніе къ стопамъ вашего величества. Я предварительно отвѣтилъ вопросомъ: «Думаете ли вы, спросилъ я, что еслибъ какой-нибудь городъ Россійской имперіи испыталъ на себѣ несчастіе, случившееся съ городомъ Гера, онъ могъ бы расчитывать на большія пособія и дѣйствительную помощь отъ Нѣмецкой имперіи? Отвѣта не было. Тогда я сказалъ: вы вѣроятно хотите отнять у меня мое званіе многострадальнаго, и желаете, чтобъ императрица назвала меня своимъ надоѣдалою» [1]).

Мы уже говорили, что Гриммъ любилъ посылать государынѣ маленькіе подарки, между которыми однажды прислалъ ей нѣсколько баночекъ румянъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ въ Парижѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія строки: «Благодарю за банки съ румянами, которыми вы желали раскрасить мою физіономію (illuminer ma face). Но когда я захотѣла испробовать ихъ, я нашла, что они такъ темны, что придадутъ мнѣ видъ фуріи. Итакъ вы меня извините, если, несмотря на то, что я въ модѣ тамъ, гдѣ вы находитесь, мнѣ нельзя будетъ подражать этой модѣ и принять её. Русскія дамы должны быть польщены почестями и вниманіемъ, которыми ихъ осыпаютъ въ Версали. Мнѣ ихъ избалуютъ, и когда онѣ возвратятся, то будутъ дамы съ претензіями» [2]). Когда же государыня въ 1782 году издала указъ объ упрощеніи придворнаго туалета съ цѣлью ввести бо́льшую простоту и умѣренность, «къ сбереженію собственнаго ихъ достатка на лучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши», то этотъ указъ былъ замѣченъ въ Парижѣ. По этому поводу государыня писала: «Итакъ мой указъ о реформѣ въ уборахъ и украшеніяхъ, заставившій забыть даже миръ, пришелъ очень кстати, когда кошельки были пусты, а счеты значительны, и произвелъ только философское разсужденіе. Увѣряю васъ, я этого не ожидала: я такъ привыкла, что у васъ

---

[1]) Тамъ же, 213, 214.
[2]) *Сб И. О.* XXIII, 269.

обо мнѣ и о моей странѣ говорятъ дурно, что не могла предположить, чтобъ могли думать иначе» [1]).

Въ 1784 году государыня сообщала Гримму объ отъѣздѣ композитора Паизіелло, котораго талантомъ такъ восхищались. «Паизіелло покидаетъ насъ: онъ поссорился съ новой дирекціей, или она съ нимъ» [2]). Пѣвица же Тоди, пріѣхавшая въ Петербургъ въ томъ же году, и по обѣщанію, данному императрицей Гримму, особенно отрекомендованная ею Олсуфьеву [3]), пѣла въ первый разъ въ высочайшемъ присутствіи 30-го мая въ Царскомъ Селѣ и получила отъ государыни пару великолѣпныхъ браслетъ, осыпанныхъ брильянтами [4]). Подъ этимъ впечатлѣніемъ и писала государыня, что правá таланта неотъемлемы. (Въ этомъ самомъ письмѣ и произошелъ перерывъ, вызванный смертью Ланского).

Черезъ годъ послѣ пріѣзда Тоди государыня пишетъ весною, что эта пѣвица ѣздила въ Москву и тамъ собрала много денегъ, которыя мужъ ея проигралъ въ карты, а въ августѣ того же года она писала изъ Царскаго Села: «Тоди здѣсь и разгуливаетъ сколько можетъ съ своимъ милымъ супругомъ. Часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но однако не сталкиваясь. Я говорю ей: «Здравствуйте, госпожа Тоди, какъ ваше здоровье?» Она мнѣ цѣлуетъ руку, а я ее въ щеку; собачки наши обнюхиваются. Она беретъ свою на руки, а я зову свою, и каждая изъ насъ идетъ своей дорогой. Когда она поетъ, я слушаю и аплодирую и мы обѣ говоримъ, что находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ между собой.... Тоди и Маркезини до истерики восхищаютъ любителей и знатоковъ» [5]).

Въ 1787 году государыня пишетъ съ дороги изъ Кричева, имѣнія князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска: «Именно вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль, за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту отъ 4 де-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 271. [2]) 295.

[3]) Олсуфьевъ замѣнилъ въ директорствѣ театровъ Бибикова.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 316. [5]) 360, 383.

кабря, съ прибавленіемъ длиннѣйшаго письма г-жи Тоди, изъ котораго я ничего, или очень мало поняла. Отъ госпожи Тоди вполнѣ зависитъ остаться или уѣхать, отъ дирекціи удержать ее или отпустить. Директоръ также очень хорошо дѣлаетъ, что не обременяетъ своего бюджета большими расходами, потому что у нихъ долгъ въ 80,000 рублей, которыхъ я не заплачу ни ради директора, ни ради дирекціи, а ея условія получать отъ публики плату, не показываясь публикѣ, также невозможны. Въ Петербургѣ говорили, что Тоди ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ теперь поистинѣ поля Елисейскія; и прекрасно, потому что я одного мнѣнія съ докторомъ Панглоссомъ, что все къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ» [1]).

Крымское путешествіе. Спутники.

Путешествіе Екатерины въ Крымъ было задумано княземъ Потемкинымъ осенью 1784 года, вскорѣ послѣ смерти Ланского. Потому надо полагать, что не одни политическія соображенія и желаніе показать государынѣ новопріобрѣтенный край въ наилучшемъ видѣ могли породить въ немъ эту мысль, но и забота о ея развлеченіи отъ печали и уединенныхъ научныхъ занятій, въ которыя она слишкомъ погрузилась. Въ мартѣ 1785 года она говоритъ: «Я глубоко убѣждена, что у меня много истинныхъ друзей. Самый могущественный, самый дѣятельный, самый проницательный, безспорно фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ меня мучилъ, какъ я его бранила, какъ я на него сердилась! Но онъ не переставалъ вертѣться и все перевертывать вокругъ меня, пока не извлекъ меня изъ маленькаго моего кабинета въ десять саженъ, которымъ я завладѣла въ Эрмитажѣ, и надо отдать ему справедливость, что онъ умнѣе меня, и все что онъ дѣлалъ было глубоко обдумано» [2]). Это было писано уже въ виду

---

[1]) 392, 393. [2]) 326.

перваго путешествія на каналы и въ Москву, которое такъ благодѣтельно подѣйствовало на состояніе духа императрицы. Задумавъ вскорѣ и второе путешествіе, требовавшее бóльшихъ приготовленій, Потемкинъ изыскивалъ разныя средства увеселенія государыни во время пути, вѣроятно обращался и къ Гримму, потому что вскорѣ послѣ того государыня пишетъ послѣднему: «Если вы хотите посѣтить Херсонь, надо будетъ пріѣхать туда въ апрѣлѣ 1787 года. Можетъ-быть мнѣ удастся прислать вамъ оперу Сарти, сочиненную на тему, которой пункты намѣчены княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы задумали, вѣроятно не будетъ играна въ Тавридѣ, потому что вопреки всему, что пишется въ газетахъ, я поѣду туда безъ всякой пышности»[1]).

Отъ 2-го марта 1786 года Екатерина извѣщаетъ Гримма, что она въ это утро утвердила всѣ приготовленія къ поѣздкѣ своей въ Крымъ, назначенной на первыя числа января 1787 г.[2]). За двѣ недѣли до путешествія она предупреждала Гримма, что когда онъ получитъ эти строки, то она будетъ уже очень близко отъ Кіева. Въ письмѣ отъ 1-го января 1787 года сказано: «Завтра я ѣду отсюда въ Царское Село, а оттуда 7-го января выѣзжаю въ Кіевъ. Столъ мой уже пустъ и вполнѣ очищенъ. Остается только вамъ отвѣчать. Со мною поѣдутъ мои три карманные министра (посланники: англійскій — Фитцъ-Гербертъ, французскій — Сегюръ и австрійскій — Кобенцель)... Графъ Ангальтъ возвратился изъ своихъ поѣздокъ и ѣдетъ со мною»[3]).

Графъ Ангальтъ[4]) вызванъ былъ въ 1783 году на службу въ Россію, куда привлекла его слава царствованія великой Екатерины. Она такъ говоритъ о его вызовѣ: «Когда я велѣла про-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 333. [2]) 374. [3]) 390, 391.

[4]) Фридрихъ Ангальтъ, въ Россіи Федоръ Евстафьевичъ, былъ сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ Дессаускаго Вильгельма (род. 1732†1794). Потерявъ отца на 15 году, онъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ прусскую службу, былъ флигель-адъютантомъ Фридриха Великаго, участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Семилѣтней войны, а потомъ перешелъ на службу въ саксонскую армію и во время войны за наслѣдство баварскаго престола командовалъ всѣми саксонскими войсками.

сить Саксонскаго курфирста позволить графу Ангальту вступить въ мою службу, онъ мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Но графъ Ангальтъ, узнавъ это, потребовалъ отставки, которой онъ и безъ того желалъ, и когда онъ освободился отъ саксонской службы, я взяла его къ себѣ. Итакъ, многострадальный, имѣя еще одного друга здѣсь, ты стало-быть имѣешь и еще причину, чтобъ... Но нѣтъ, не надо слишкомъ настаивать, потому что многострадальный долженъ поступать какъ хочетъ и какъ можетъ»[1]). И въ слѣдующемъ письмѣ: «Я на этихъ дняхъ имѣла удовольствіе бесѣдовать о васъ, милостивый государь, съ графомъ Ангальтомъ. Онъ поручилъ мнѣ вамъ кланяться. Ея Величество предсказываетъ, что онъ будетъ здѣсь любимъ и уважаемъ. Онъ былъ принятъ со всѣми отличіями, подобающими его достоинствамъ»[2]). И дѣйствительно, государыня угадала. Благородная дѣятельность графа Ангальта на пользу Россіи, которую онъ тотчасъ принялся изучать, предпринявъ отдаленныя путешествія, внимательно останавливаясь на всемъ интересномъ въ ея природѣ, земледѣліи, торговлѣ и промышленности, его преданность своему новому отечеству, теплое отношеніе его къ воспитанію юношества во время начальствованія его первымъ кадетскимъ корпусомъ, все это заставляетъ насъ признать его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей Екатерининскаго времени. Геніальная государыня умѣла создать и изъ иностранца самаго горячаго и преданнаго русскаго патріота. «Нашъ добрый графъ Ангальтъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ», пишетъ она въ маѣ 1784 года: «онъ можетъ быть увѣренъ, что пользуется здѣсь всеобщей, особенной любовью и уваженіемъ. Я сама лично, кажется, нашла въ немъ ревностнаго сторонника и не сомнѣваюсь, что время сдѣлаетъ насъ искренними друзьями»[3]). Во время продолжительнаго путешествія графа Ангальта по Россіи и на Кавказъ государыня писала: «Клянусь вамъ, что я не знаю, что̀ сталось съ графомъ Ангальтомъ. Фактотумъ хранитъ у себя ваши письма къ нему, но онъ не

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 293. 2) 295. 3) 304.

болѣе меня знаетъ, куда тотъ дѣвался. Онъ вѣроятно перебрался черезъ Кавказскія горы и находится въ Грузіи, при дворѣ короля Ираклія. Я не отвѣчаю, чтобъ онъ не соблазнился подобнымъ исканіемъ приключеній и въ настоящую минуту не былъ окруженъ самыми красивыми грузинками» [1]).

Вернувшись изъ этой поѣздки, графъ Ангальтъ былъ приглашенъ сопутствовать государынѣ въ полуденный край, гдѣ ѣхалъ всю дорогу за ея экипажемъ, въ одной каретѣ съ англійскимъ и французскимъ посланниками и графомъ Ив. Гр. Чернышевымъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, сопровождавшихъ государыню въ путешествіи, кромѣ поименованныхъ посланниковъ и графа Ангальта, были: графъ Безбородко, графъ Чернышевъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, который тутъ является подъ именемъ *Краснаго кафтана* (Habit rouge). Съ Кіева, кромѣ Потемкина, присоединился къ путешественникамъ и князь де-Линь. Екатерина очень сожалѣла, что не могла взять съ собою своихъ внучковъ, и часто о нихъ вспоминала. Въ Кіевъ наѣхало еще множество знатныхъ иностранцевъ: Дильйонъ, Ламетъ, принцъ Нассау-Зигенъ, незадолго передъ этимъ вступившій въ русскую службу; изъ Русскихъ: Суворовъ, Каменскій, графъ Штакельбергъ и др. О графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ упоминается въ перепискѣ въ первый разъ лѣтомъ 1786 года. Вотъ какъ изображенъ тамъ портретъ его: «Подъ этимъ краснымъ кафтаномъ скрывается превосходнѣйшее сердце, соединенное съ большимъ запасомъ честности; умны мы за четверыхъ, обладаемъ неистощимой веселостью, замѣчательной оригинальностью во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія, удивительною благовоспитанностью, и знаемъ тайну всего того, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ какъ преступленіе свою наклонность къ поэзіи; мы страстно любимъ музыку; способность все схватывать—у насъ рѣдкая. Богъ знаетъ, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, имѣемъ

[1]) 368.

тонъ лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ и по слогу и по почерку. Наружность наша совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: черты лица правильны, — у насъ чудные черные глаза съ тонко вырисованными бровями, ростъ нѣсколько выше средняго, осанка благородная, поступь свободная; однимъ словомъ, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся ловкостью, силой и блестящей наружностью. Я увѣрена что, встрѣтивъ этотъ Красный кафтанъ, вы спросили бы его имя, еслибъ не тотчасъ угадали его»[1]).

Изъ Царскаго Села выѣхали 6-го января. Въ дорогѣ Екатерина не переставала во время остановокъ заниматься дѣлами съ графомъ Безбородкой, Храповицкимъ и другими. Сегюръ и князь де-Линь сообщаютъ много любопытныхъ подробностей о томъ, какъ во все время путешествія общество будто бы и не покидало Эрмитажа или Царскаго Села. Точно такъ же продолжались обычныя оживленныя бесѣды о литературѣ и искуствахъ, объ исторіи, философіи, статистикѣ, земледѣліи и промышленности. Онѣ смѣнялись шутками и играми: задавали другъ другу шарады, представляли живыя картины, сочиняли bouts-rimés, въ чемъ особенно отличался Сегюръ, тогда какъ императрица, при всемъ стараніи постигнуть тайну версификаціи, не могла написать ни одного правильнаго стиха. Государыня сообщаетъ Гримму въ подлинникѣ многія изъ этихъ стихотворныхъ состязаній. Придворный этикетъ былъ устраненъ, отчего можно было наслаждаться прелестью свободной бесѣды, которой впрочемъ не совсѣмъ была чужда и политика. Готовившіяся во Франціи печальныя событія, натянутыя отношенія съ Оттоманской Портой и желаніе Пруссіи вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла давали обильную пищу дипломатическимъ разговорамъ, которыми Екатерина руководила съ обычной своей ловкостью и тактомъ. Постоянно обнаруживала она заботу показать съ выгодной стороны

---

1) 387, 388.

иностранцамъ, такъ неблагопріятно судившимъ о Россіи, всѣ ея хорошія и видныя стороны: плодородіе ея почвы, обиліе ея непочатыхъ богатствъ, ея неистощимые рыбные промыслы, ея просторъ и ширь, сулившіе такую блестящую будущность ея населеніямъ. Все это смѣнялось торжественными пріемами въ городахъ, балами, представленіями всевозможныхъ депутацій, привѣтственными рѣчами и проч.

Изъ писемъ, писанныхъ во время путешествія, мы будемъ преимущественно выписывать все то, что собственно къ нему относится, а также нѣкоторыя мелкія замѣчанія о политикѣ.

Первое письмо съ дороги въ формѣ журнала, писаннаго постепенно всякій разъ какъ государыня находила для того свободную минуту, предназначалось для отправки съ курьеромъ. Оно начато было въ Кричевѣ, имѣніи князя Потемкина и, какъ сама государыня прибавляетъ, «въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между этимъ городомъ и Кіевомъ, въ Могилевской губерніи», отъ 19 января 1787 года.

«Вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту [1]), отъ 4 декабря... Вы видите по числу, выставленному на этомъ письмѣ, что на зло амстердамскимъ газетчикамъ я въ дорогѣ; карманные министры со мною, и все идетъ какъ нельзя лучше. Правда, что въ Смоленскѣ Красный кафтанъ слегъ въ постель съ страшнымъ жаромъ и сильной горловой болью. Но Роджерсонъ угостилъ его джемскими порошками и шпанской мушкой, которые его вполнѣ возстановили. Въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Смоленскѣ, по причинѣ сильнаго вѣтра, дувшаго всю дорогу прямо въ лицо прислугѣ, большая часть этихъ людей страдали глазами. Но мое пребываніе въ этомъ городѣ всѣхъ поправило. Всѣ мои спутники очень веселы и оживлены; мы здѣсь въ восьми-стахъ верстахъ отъ Петербурга и семи-стахъ отъ Кіева, подъ 54 градусомъ, но все еще холодно.

---

[1]) О претензіи пѣвицы Тоди. Начало этого письма уже приведено выше по другому поводу.

«Вчера получила я письмо отъ князя Потемкина отъ 8 января, изъ Крыма, и онъ увѣряетъ, что тамъ уже зелень. Богъ знаетъ, откуда пойдетъ это письмо, по крайней мѣрѣ вы будете знать, что оно начато здѣсь. Прощайте на сегодня.

«Въ Новгородѣ Сѣверскѣ, 23 января. Я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьи и сегодня давала здѣсь балъ, такъ же какъ и въ Смоленскѣ: вотъ какъ мы путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ имѣніи фельдмаршала Румянцова. Этотъ городъ главный въ одной изъ трехъ губерній, на которыя я раздѣлила Малороссію. Завтра я пріѣзжаю въ Черниговъ, гдѣ на другой день дамъ балъ, а въ концѣ недѣли прибуду въ Кіевъ. Мы здѣсь подъ 52 градусомъ, и небо совершенно весеннее.

«Въ Черниговѣ, 26 января.

«Пріѣхавъ сюда вчера, я сегодня даю здѣсь балъ, а завтра ѣду. Въ пятницу мы прибудемъ въ Кіевъ, а сегодня вторникъ. Мои карманные министры веселы и здоровы».

«Въ Кіевѣ, 8 февраля.

«Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здравіи, при 20 градусахъ мороза; несмотря на то, не было ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ; мы провели всѣ эти дни въ балахъ, празднествахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и положилъ конецъ всему этому шуму; половина Польши здѣсь. Сюда пріѣхали: принцъ Нассаускій, испанскій грандъ и еще одинъ испанецъ, по имени Миранда. Когда они всѣ уѣдутъ, то скажутъ, что не стоило сюда пріѣзжать. Странный это городъ: въ немъ только крѣпость, да предмѣстья, и я все еще отыскиваю городъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, въ древности былъ по крайней мѣрѣ такъ же великъ, какъ Москва. . . .

«Кіевъ, 16 февраля (отдѣльнымъ письмомъ):

«Я получила здѣсь два письма отъ г. Бецкаго и два другіе отъ молодого Бобринскаго, писанныя изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января... Готовлю вамъ длинную грамоту, которую пошлю съ курьеромъ; вотъ уже двѣ недѣли какъ я здѣсь. Сюда стеклось множество людей, и всѣ здоровы, между

прочимъ и принцъ Нассаускій, который совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Прощайте, будьте здоровы»[1]).

«Кіевъ, 26 февраля.

«Господинъ многострадальный, усердно прошу васъ прислать мнѣ полное собраніе сочиненій графа Бюффона, въ самомъ лучшемъ изданіи, именно въ большомъ in-quarto съ картинками. Это для Краснаго кафтана, который ежедневно мучитъ меня этимъ. А покамѣстъ онъ и мои карманные министры ужасно шумятъ: каждый хочетъ перещеголять другого въ шуткахъ и дурачествахъ. Господа эти совершенно не стѣсняются. Они спорятъ, говорятъ и смѣются всѣ въ одинъ голосъ, а я слушаю и смотрю и сижу очень смирно въ уголкѣ. Да, вотъ такъ жизнь! И однакоже они называютъ это очень тихой жизнью; безумные люди!»[2]).

«Кіевъ, 2 марта (отдѣльнымъ письмомъ). Я здѣсь ужъ съ 29 января и совсѣмъ здорова; жду вскрытія Днѣпра, которое наступитъ, говорятъ, въ концѣ этого мѣсяца, и тогда вѣроятно намъ можно будетъ сѣсть на суда въ половинѣ нашего апрѣля[3])».

«Кіевъ, 2 апрѣля.

«Вотъ я добралась до вашего № 82, который начинается длинной диссертаціей о добрыхъ гражданахъ[4]). О, сколько зла добрые граждане причинили нѣкоторымъ странамъ! Я видѣла прекрасныхъ гражданъ, потерявшихъ пятнадцать провинцій. Фитцъ Гербертъ увѣряетъ, что это—истинное счастіе для Англіи: да избавитъ Господь всякаго честнаго человѣка отъ такого счастья! Вотъ еще прекраснѣйшій гражданинъ, умершій безо всякой репутаціи, бѣднякъ. Слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюблена только въ глупцовъ. Господь да сохранитъ насъ нынѣ отъ государей-гражданъ. Плохая хвала тѣмъ, кого хвалятъ только въ надгробныхъ рѣчахъ: немногіе ихъ слушаютъ, и никто ихъ не читаетъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, что онъ отправляется на жительство въ Женеву; повидимому

---

1) *Сб. И. О.* XXIII. 405. 2) 394. 3) 406.

4) О Георгѣ III.

хваленый Фридрихъ Вильгельмъ не довольно съ нимъ совѣтуется; да и въ самомъ дѣлѣ пренесносно имѣть дядюшекъ, которые желаютъ чтобъ съ ними совѣтовались, и уѣзжаютъ, когда съ ними не совѣтуются. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго принялъ, еще при жизни своего отца, образъ дѣйствій совершенно противуположный отцовскому, точно такъ же, какъ и сынъ Фридриха Вильгельма — это совершенно въ порядкѣ вещей и вовсе меня не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: «Это точь въ точь какъ у насъ». Я однако не совсѣмъ это говорю, но надѣюсь, что такъ будетъ... Вы угадали, мой духовникъ со мною, но не поѣдетъ въ Крымъ. Храмъ Діаны принадлежитъ князю де-Линю, который здѣсь, и ѣдетъ съ нами на полуостровъ, куда г. Абдулъ Гамидъ не подумаетъ притти; еще менѣе сдѣлается онъ христіаниномъ. Онъ слишкомъ занятъ заботой снимать головы со своихъ пашей, ему некогда заниматься нами путешественниками» [1])....

«Вотъ я дошла до грамоты № 90. Эти пресловутые революціонеры изъ Гриммы—повидимому республиканцы;по болтовнѣ ихъ и злорѣчію они походятъ на Голландцевъ, которые вновь путаютъ свою конституцію (сего 3 апрѣля), вѣроятно, чтобъ составить *ничто* Европы; это имя болѣе пристало имъ, чѣмъ вамъ; и такъ не смѣйте похищать его. Като останется Като; вотъ и все; отдастъ ей справедливость тотъ, кто можетъ; возможно, что справедливость, особливо такого рода, не дается каждому, да и для того, чтобъ отдать полную справедливость, надо, какъ говорится, видѣть, слышать и понимать. Для того же, чтобъ видѣть, слышать и понимать, надо стоять въ уровень; а уровень этотъ зависитъ отъ хорошаго зрѣнія, слуха и пониманія, и пр. и пр.» [2])

«4 апрѣля послѣ обѣда.

«Ратификаціи торговаго договора (съ Франціей) были обмѣнены вчера. Князь де-Линь здѣсь, и поѣдетъ со мною въ Крымъ, какъ я сказала выше. Кавалеръ Ламетъ сегодня простился; я

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 395, 396.

[2]) 396, 397.

полагаю, что онъ и всѣ иностранцы сюда пріѣхавшіе, не разъ уже раскаялись, что были здѣсь, потому что во-первыхъ городъ дрянной: они едва были подъ крышей въ скверныхъ лачугахъ; кромѣ того, многіе пріѣхали вѣроятно, чтобъ быть въ моемъ обществѣ, тогда какъ они увѣряли, что пріѣхали только чтобъ увидѣть меня, и когда они поняли, что не достигли своей цѣли, то уѣхали ни съ чѣмъ; но что за толпа! Никогда я ничего подобнаго не видала.

«Что до вашего собранія нотаблей, хоть оно и дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ не имѣютъ о немъ высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восторгѣ отъ славянскаго Евангелія, на которомъ присягаютъ французскіе короли при коронованіи.

«Вы видите изъ этой грамоты, что г. многострадальный тоже не забытъ въ путешествіи; я сама очень сожалѣю, что Александръ и Константинъ не сопровождаютъ меня въ этой поѣздкѣ, и сами они были этимъ также очень огорчены. Изъ королей же я только увижу Польскаго, при проѣздѣ моемъ черезъ Каневъ; что касается императора, очень сомнительно, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Херсонъ; я боюсь что рожа, которою онъ заболѣлъ, помѣшаетъ ему пріѣхать. Кстати, я должна передать вамъ поклонъ отъ имени великаго князя Владиміра, котораго мощи находятся здѣсь, въ Печерскомъ монастырѣ.

«5-го апрѣля. Вчера, въ ту минуту какъ этотъ пакетъ, сложенный и запечатанный, былъ готовъ къ отъѣзду, дверь моя отворяется и мнѣ привозятъ въ 4 часа послѣ обѣда всю ношу навьюченнаго Трипольскаго[1]). И вотъ я занялась прочтеніемъ грамотъ до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того, какъ я читала, грамоты все удлиннялись. Тутъ пришелъ князь Потемкинъ, а вслѣдъ за нимъ Красный кафтанъ, и говорятъ мнѣ: но одѣвайтесь же, вѣдь у насъ куртагъ. Я встаю, одѣваюсь, иду на этотъ куртагъ, играю

[1]) Этотъ курьеръ привезъ нѣсколько писемъ отъ Гримма и государыня отвѣчаетъ послѣдовательно на каждый номеръ.

въ карты, потомъ прощаюсь съ депутатами отъ Крымскихъ Татаръ, выѣхавшими ко мнѣ на встрѣчу, чтобъ просить меня побывать у нихъ; затѣмъ возвращаюсь въ свою комнату, опять беру ваши грамоты»[1])...

Въ этомъ самомъ письмѣ, озаглавленномъ: «Съ опечаленнымъ сердцемъ написанная грамота», былъ разсказъ о несчастныхъ похожденіяхъ молодого Бобринскаго и государыня также выражается объ этомъ въ письмѣ: «въ самомъ дѣлѣ, это самая непріятная грамота, какую я отъ васъ когда-либо получала».

«Вотъ я дошла до № 91. Я не оспариваю двухъ первыхъ пунктовъ этой грамоты: перваго, что Кіевъ, (Kiov, non Kiovie) ближе къ остальной Европѣ, нежели Петербургъ; второго, что когда я уѣхала изъ этого послѣдняго города, то не съ удовольствіемъ его покинула»....

«Вы не можете представить себѣ, какъ я люблю, чтобъ мнѣ говорили: *ты*. Я хотѣла бы, чтобъ во всей Европѣ говорили *ты*».

Уже ранѣе Екатерина писала Гримму, что когда у насъ проповѣдникъ или ораторъ хотятъ быть истинно краснорѣчивыми, то употребляютъ обращеніе: *ты*.

«Лафатеръ въ Цюрихѣ старается доказать, что у королевы Христины физіономія была несравненно лучше, нежели у меня, *и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ*; однимъ словомъ, что я недостойна развязать снурки ея обуви и что въ лицѣ моемъ есть что-то дѣтское и необдуманное. Итакъ оставьте наши бѣдные носы, мой носъ и носъ оберъ-шенка, въ покоѣ. Не лучше ли будетъ не привязываться къ нимъ, а заняться носомъ королевы Христины,—Александра Швеціи, и по этому поводу обратить свои проповѣди къ Густаву Антонину, ея преемнику, который теперь въ Упсалѣ изучаетъ досконально всѣ науки; особливо же самую полезную для него науку дѣлать золото. Мнѣ оно не нужно: я даю взаймы только бумажки, но за то, не занимаю болѣе»[2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 400. 401. [2]) 402 403.

6 апрѣля: «Князь Вяземскій уѣхалъ пить Саратовскія воды отъ своего удушья; онъ очень давно задыхается и очень не въ духѣ... Я поклонюсь отъ васъ королю Польскому, когда увижу его; онъ въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я переѣду Днѣпръ на лодкѣ, онъ посѣтитъ меня и мы отобѣдаемъ вмѣстѣ. Я велѣла отдать графу Сегюру письмо его жены въ ту жъ минуту»[1])....

За этимъ длиннымъ посланіемъ, писавшимся постепенно отъ 19 января до первыхъ чиселъ апрѣля, слѣдуетъ письмецо, которое государыня называетъ листкомъ забвенія, собираясь включить въ него забытое въ предыдущемъ письмѣ. Почти весь этотъ листокъ наполненъ стихами (bouts-rimés) графа Сегюра на всевозможные случаи и темы, и она такъ заключаетъ его: «Когда я вчера сказала графу Сегюру, какая я неблагодарная, потому что не могу отвѣчать ему въ стихахъ, никогда не написавъ ни одного стиха, (я знаю что вы завѣряли, что похитили у меня четыре, но они были не мои: я измѣнила только одно или два слова), онъ отвѣчалъ, что сообщитъ мнѣ всю тайну ихъ на полустраничкѣ. Итакъ, если онъ сдержитъ слово, ожидайте, при первомъ случаѣ, получить отъ меня посланіе въ стихахъ. Прощайте»[2]).

Продолжительность зимы и позднее вскрытіе Днѣпра замедлили отъѣздъ изъ Кіева. Выѣхали только 22 апрѣля на галерахъ, построенныхъ въ римскомъ вкусѣ и богато убранныхъ. Но тяжесть и неповоротливость этихъ судовъ были причиной многихъ затрудненій и приключеній, такъ что разъ буря произвела среди флотиліи серьезное смятеніе. И на галерахъ образъ жизни государыни не измѣнился: общество ее окружавшее соединялось по-прежнему, въ живописныхъ мѣстахъ останавливались для осмотра береговъ, гдѣ почти всегда толпился народъ. Государыня наслаждалась благорастворенным весеннимъ воздухомъ юга, сожалѣла, что не тутъ на берегахъ Днѣпра построенъ Петербургъ и вспоминала о временахъ Владиміра, когда эти страны кипѣли жизнью и обитателями. Переписка съ Гриммомъ

---

1) 404, 405. 2) 407, 408.

также не была забыта, и вотъ какъ изображены самой государыней путевыя впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру, свиданіе въ Каневѣ съ королемъ Польскимъ, пребываніе въ Кременчугѣ, встрѣча съ Іосифомъ II, прибытіе въ Херсонъ, наконецъ поѣздка въ Крымъ и посѣщеніе Бахчисарая и Севастополя:

«Съ галеры моей *Днѣпръ*, между Кіевомъ и Каневомъ, 24 апрѣля 1787.

«Я выѣхала 22 этого мѣсяца изъ Кіева и вотъ уже три дня какъ мы плывемъ на веслахъ по Бористену; всѣ, слава Богу, здоровы. Новаго ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что изо всѣхъ моихъ плаваній это кажется самое затруднительное, потому что рѣка такъ извилиста, на ней столько островов и островковъ, столько мелей, что до сихъ поръ еще мы вовсе не употребляли въ дѣло парусовъ; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: этотъ—очень гористъ; русскій же берегъ совершенно низменный. Богъ знаетъ, откуда поѣдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣзавтра видѣть на своей галерѣ короля Польскаго.

«26 апрѣля. Король Польскій вчера провелъ у меня на галерѣ девять часовъ. Мы вмѣстѣ обѣдали; я не видала его почти тридцать лѣтъ: можете судить, какую перемѣну мы должны были найти другъ въ другѣ. Сегодня на разсвѣтѣ мы пустились изъ Канева и проплыли верстъ тридцать; послѣ полудня насъ застигла порядочная буря, и вотъ мы стоимъ, и пока моя галера покачивается на якорѣ, а весло бездѣйствуетъ, какъ больной[1]), я забавляюсь писаньемъ къ вамъ, отписавъ уже къ графу Брюсу, которому отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два, три раза въ недѣлю, чтобъ вызвать его на то же, чего, впрочемъ онъ никогда не забываетъ.

«Мы сегодня получили извѣстіе объ удаленіи Калонна; что же сдѣлаютъ съ нотаблями? Я именно читала его записки и рѣчь, и

---

[1]) Тутъ попытка сказать въ рифму на двухъ языкахъ: «pendant que ma galère dandine sur son ancre, und dass das Ruder stehet wie ein Kranker».

говорила: — вотъ еще выставка фразъ, но дѣйствительныя средства найти трудно, а паркетъ скользокъ, такъ какъ всѣ скользятъ. Чудный планъ, великій планъ; гдѣ же сидитъ онъ, гдѣ башмакъ жметъ? Широкъ онъ, или узокъ? И то и другое заставляетъ спотыкаться. Да благословитъ Богъ бѣдныхъ людей. Аминь.

«3 мая, на галерѣ, въ четырехъ верстахъ за Кременчугомъ, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ княземъ Потемкинымъ вблизи чуднаго дубоваго лѣса и сада, гдѣ есть грушевыя деревья такой вышины и обхвата, какъ я въ жизнь не видывала, и притомъ всѣ въ цвѣту. Безспорно, здѣсь, по моему мнѣнію, лучшій климатъ Россійской имперіи; однако жалуются, что нынѣшній годъ весна опоздала здѣсь на три недѣли. Кременчугъ самое веселое мѣсто, какое я когда-либо видала на своемъ вѣку; все здѣсь пріятно. Мы нашли здѣсь 15 тысячъ самаго отборнаго войска, стоявшаго лагеремъ: я давала балъ, на которомъ было по крайней мѣрѣ 800 человѣкъ. Сегодня поутру мы отсюда выѣхали, но вѣтеръ намъ столько же досаждаетъ, сколько проекты финансовыхъ контролеровъ наи-христіаннѣйшему королю. Еслибъ вы знали все, что говорится и творится ежедневно на моей галерѣ, вы помирали бы со смѣху. Всѣ эти люди, путешествующіе со мною, такъ ко мнѣ привыкли, что чувствуютъ себя какъ дома.

«Херсонъ, 15 мая. 7 числа этого мѣсяца я узнала на своей галерѣ, проѣхавъ Кайдаки, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ во весь опоръ ко мнѣ на встрѣчу; тотчасъ и я вышла на берегъ, чтобъ съ своей стороны поскакать на встрѣчу къ нему, и вотъ мы оба такъ хорошо скакали, что встрѣтились среди поля носъ къ носу. Первое слово имъ сказанное мнѣ: Вотъ теперь всѣ политики сбиты съ толку, никто не увидитъ нашего свиданія. — Онъ былъ съ своимъ посланникомъ, а я съ княземъ де-Линемъ, Краснымъ кафтаномъ и графиней Браницкой. Величества сѣли въ одну карету и проскакали тридцать верстъ до Кайдаковъ. Но пока мы рыскали по полю, мы расчитывали—одинъ изъ насъ (Іосифъ II)

на мой обѣдъ, а другая на обѣдъ князя Потемкина, который, готовясь къ основанію новаго города, чтобъ выиграть время постился, и хотя мы нашли его вернувшимся изъ своей экспедиціи, но обѣда не было. Однакоже нужда изобрѣтательна: князь Потемкинъ вздумалъ самъ обратиться въ кухмистера, принцъ Нассаускій въ поваренка, великій генералъ Браницкій въ пирожника, и вотъ съ самаго корованія обоихъ величествъ они еще никогда не были такъ почетно и вмѣстѣ такъ дурно угощаемы; несмотря на то, всѣ ѣли, смѣялись и довольствовались кое-какимъ обѣдомъ. На другой день пообѣдали лучше, а на слѣдующій день поѣхали въ Екатериноградъ[1]), гдѣ былъ положенъ первый камень. Оттуда мы пробыли въ дорогѣ досюда (до Херсони) три дня и уже четыре дни находимся здѣсь; сегодня мы спустили на воду три военные корабля; это уже седьмой, восьмой и девятый изъ построенныхъ здѣсь: но что сказать вамъ обо всемъ, что мы здѣсь дѣлаемъ и видимъ?

«Херсони нѣтъ еще и восьми лѣтъ, а онъ можетъ уже считаться однимъ изъ красивѣйшихъ военныхъ и купеческихъ городовъ имперіи. Всѣ дома изъ тесанаго камня; городъ имѣетъ по крайней мѣрѣ шесть верстъ длины; его мѣстоположеніе, почва, климатъ превосходны. Здѣсь по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всѣхъ націй: можно встрѣтить что угодно, какъ въ Петербургѣ. Наконецъ, стараніями князя Потемкина этотъ городъ, какъ и страна его окружающая, гдѣ при заключеніи мира не было ни лачуги, сдѣлались цвѣтущими, и конечно годъ отъ году еще будутъ улучшаться.

Послѣзавтра мы направимся въ Крымъ съ графомъ Фалькенштейномъ; я, изъ любопытства, пошлю это письмо изъ Севастополя. Черезъ двѣ недѣли мы вернемся. Всѣ здоровы и особенно графъ Сегюръ; вы можете увѣрить въ томъ его семейство. Здѣсь утверждаютъ, что отецъ г. Сегюра и г. Кастри уже уво-

---

[1]) Такъ первоначально думали назвать Екатеринославль, при основаніи этого города.

лены: вотъ что называется устроить домъ свой заново, или лучше, очистить свой домъ.

«Въ Бахчисараѣ, древней резиденціи хановъ, и ихъ домѣ, гдѣ помѣщена вся свита (pacotille) обоихъ величествъ, 21 мая 1787. Мы переѣхали третьяго дня линіи Перекопа, а вчера, около шести часовъ послѣ обѣда, прибыли сюда всѣ въ добромъ здравіи и самомъ веселомъ расположеніи духа; во всю дорогу насъ сопровождали Татары[1]) а за нѣсколько верстъ отсюда, прибывъ верхами, мы увидѣли все лучшее, что только есть въ Крыму. Это было превосходное зрѣлище: такимъ образомъ, окруженные спереди, съ боковъ и сзади, въ открытой каретѣ[2]), въ которой сидѣло восемь человѣкъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и вышли прямо въ домъ хановъ; тамъ мы помѣщены между минаретами и мечетями, гдѣ кричатъ, молятся, поютъ и вертятся на одной ножкѣ пять разъ въ двадцать четыре часа. Мы всё это слышимъ изъ своихъ оконъ, и такъ какъ сегодня праздникъ Константина и Елены, то будемъ слушать обѣдню на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ, для того приготовленной. О! какое странное явленіе—наше пребываніе здѣсь! Кто? гдѣ? Князь де-Линь говоритъ, что это не путешествіе, а непрерывная цѣпь празднествъ до того разнообразныхъ, что нигдѣ не видано, да и нельзя видѣть подобныхъ. Онъ льстивъ, этотъ князь де-Линь, скажутъ можетъ-быть, пожалуй что это и правда. Завтра мы ѣдемъ отсюда въ Севастополь. Г. фактотумъ перемѣнилъ распоряженіе. Кажется, онъ посылаетъ курьера отсюда, а не изъ Севастополя.

«Севастополь, 23 мая 1788. Я ошиблась. Г. фактотумъ не послалъ курьера, а отправитъ его отсюда, куда мы прибыли вчера;

---

[1]) Іосифъ нѣсколько безпокоился, или по крайней мѣрѣ удивлялся смѣлости императрицы, не видѣвшей никакой опасности въ такомъ конвоѣ. (Castera II, 12).

[2]) Близъ Бахчисарая императрица подверглась нѣкоторой опасности. На скатѣ горъ въ ущельи, черезъ которое вела дорога къ столицѣ татарскихъ хановъ, лошади не могли удержать тяжелый экипажъ; только усиліями Татаръ, окружавшихъ карету, ее остановили и тѣмъ предотвратили несчастіе. (См. статью объ этомъ путешествіи г. Брикнера въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* іюль 1872 года).

право, все это до того похоже на сказку Тысячи одной ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во снѣ. Я нашла здѣсь, гдѣ три года тому назадъ ничего не было, довольно хорошенькій городъ и маленькую весьма проворную и молодецкую флотилію: портъ и якорная стоянка довольно хороши, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ выказалъ при этомъ большую дѣятельность и смѣтливость. Турецкій флотъ, который въ шести-стахъ верстахъ отсюда, или около того, еще не показывался; посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ здѣсь высадку, чтобъ выгнать насъ отсюда, какъ возвѣщаютъ о томъ газеты. Графъ Фалькенштейнъ, кажется, очень доволенъ всѣмъ, что видитъ, а князь де-Линь говоритъ, что это непрерывный праздникъ. Прощайте»[1]).

Обратный путь изъ Крыма продолжался болѣе мѣсяца черезъ Харьковъ, Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Орелъ, Тулу, Москву. Князь Потемкинъ былъ удостоенъ прозванія Таврическаго. Первое письмо, написанное послѣ того изъ Коломенскаго, было отъ 25 іюня. Вотъ оно:

«Пріѣхавъ третьяго дня въ Коломенское, въ десяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ я нашла своихъ внуковъ, уже расположившихся здѣсь съ начала этого мѣсяца, вчера, на другой день послѣ своего пріѣзда, я получила вашъ № 86, который, по словамъ фактотума, прибылъ черезъ Бахуса Глутоновича. Не вхожу въ разборъ всей галиматьи, которую вы мнѣ пишете, не имѣя на то времени, такъ какъ мои оба внучка страшно шумятъ у меня въ комнатѣ, а вѣдь жестоко было бы прогнать ихъ, когда мы шесть мѣсяцевъ не видались.... Прощайте, я въ совершенномъ здоровьи вернулась изъ своего путешествія, которымъ имѣю право быть вполнѣ довольною; черезъ недѣлю надѣюсь ѣхать отсюда въ Петербургъ. Всѣ меня окружающіе здоровы какъ я, особенно графъ Сегюръ и князь де Линь, которые весело шумятъ съ Краснымъ кафтаномъ и еще болѣе съ моими внучками; не знаю, какъ я могла и это написать».

---

[1]) 408, 409, 410, 411, 412.

«Москва, 29 іюня 1787.

«Я пріѣхала сюда третьяго дня, а вчера курьеръ привезъ № 92 и доклады 87 и 88. Сажусь отвѣчать на нихъ, потому что дѣло спѣшное; буду отвѣчать вамъ несмотря на праздники и сутолоку московскихъ пировъ, которые удвояютъ сумятицу и не оставляютъ мнѣ ни минуты времени, ни отдыха во весь день.....».

«Слава Богу, путешествіе окончено досюда, и двадцатипятилѣтіе царствованія тоже. О назначеніи барона Дальберга на Майнцское коадъюторство, я вамъ уже высказала свои привѣтствія; итакъ особаго посланія не будетъ. Не знаю, будетъ ли молебенъ отслуженъ тамъ, гдѣ вы предлагаете; но навѣрное, если это случится, Платонъ отслужитъ его съ удовольствіемъ: онъ вчера самъ мнѣ это сказалъ.

«Вы можете быть покойны, что по моимъ извѣстіямъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе плана избрать второго сына Прусскаго короля въ коадъюторы въ Майнцъ; герцогъ Веймарскій склонилъ къ тому короля; нѣкто баронъ Штейнъ былъ употребленъ въ этомъ дѣлѣ. Герцбергъ и главные дѣльцы въ томъ не сознаются: да переговоры и шли помимо ихъ, но Фридрихъ-Густавъ согласился на это въ томъ же родѣ, какъ Людовикъ XV, помимо дѣльцовъ. NB. Видите, это сокращенное изложеніе ясно, и вы можете знать кому́ вамъ кланяться; теперь вы давно должны были получить разсказъ о свиданіяхъ и путешествіи; не знаю, отчего объ этомъ путешествіи моемъ такъ шумятъ; право, не о чемъ.

«Убирайтесь съ вашими нотаблями: не знаешь право, на что можно у васъ расчитывать. Вы и вашъ г. Калоннъ и никто изъ вашихъ меня не соблазняетъ; такъ берегите ихъ для себя; всѣ эти знаютъ въ десять разъ болѣе меня, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже меня и моихъ чиновниковъ, у которыхъ менѣе красивыхъ фразъ. Не вѣрьте тому, что́ газеты болтаютъ о моихъ путевыхъ расходахъ: они сдѣлали изъ графини Браницкой мою поставщицу и разсказываютъ, что она въ Кіевѣ ежедневно полу-

чала 5000 рублей на мой столъ, и продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все это чистѣйшая и полнѣйшая выдумка, но это дало намъ поводъ много поддразнивать вышеупомянутую графиню, которая смѣялась вмѣстѣ съ нами.....

«Я сегодня кинула Кваренги въ лицо планы Бахчисарая, прежняго мѣстопребыванія хана; Бахчисарай представляетъ любопытную внутренность турецкаго сераля и комнатъ, жалкимъ образомъ убранныхъ барономъ Тоттомъ; странно, что произведенія этого человѣка понемногу, одни за другими, попадаютъ въ мои руки. Премного благодарю г. Монморена за чудное успокоеніе, о которомъ онъ для меня мечтаетъ; пусть оставятъ насъ въ покоѣ дѣйствовать какъ знаемъ: каждый найдетъ въ этомъ для себя выгоду, и болѣе реальную выгоду, чѣмъ ихъ мечтательныя идеи, между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ ни копейки; тогда бы мы сдѣлались большими и наилучшими друзьями и болѣе чѣмъ когда-нибудь; если же нѣтъ, то пусть все пойдетъ какъ Богъ велитъ» [1]).

Очевидно, что здѣсь государыня говоритъ о предлагаемомъ ей союзѣ съ Франціей, на случай ожидаемаго столкновенія съ Турціей.

«Сего 30 іюня, послѣ обѣда. Вашъ другъ коадъюторъ Майнцскій конечно обезсмертитъ себя, если потрудится обратить въ ничто всѣ эти отвратительно враждебныя расположенія, которыя столько вздорныхъ людей стараются питать въ виду собственныхъ выгодъ.....

«Князь Потемкинъ остался въ своихъ губерніяхъ, пока ему вздумается къ намъ возвратиться.....

«Надѣюсь быть въ Петербургѣ около 10-го іюля стараго стиля..... Еслибъ Фальконетъ скончался, возвратите мнѣ портретъ мой, которымъ онъ владѣлъ, или оставьте его у себя. Прощайте; одолѣвъ всѣ ваши депеши, желаю вамъ добраго здо-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 412, 413, 414.

ровья и болѣе спокойствія, чѣмъ то, какимъ я пользуюсь въ Москвѣ, откуда ѣду 4-го іюля стар. стиля»[1]).

Первое письмо изъ Петербурга, слѣдующее за этимъ, помѣчено 13 сентября 1787 года.

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 415, 416.

ОБЪ АРОМАТИЧЕСКИХЪ

ПИНАКОНАХЪ И ПИНАКОЛИНАХЪ.

Ал. Загуменнаго.

Читано въ засѣданіи Физ.-Мат. Отд. 31 Марта 1881 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Одноатомные спирты называютъ первичными, вторичными и третичными, смотря потому, съ какой углеводородной группой соединенъ водный остатокъ. Если водный остатокъ соединенъ съ группой CH^2, то спиртъ называютъ первичнымъ; группа CH (OH) представляетъ характеръ вторичнаго, а группа C(OH) характеръ третичнаго спирта. Точно также между двухатомными спиртами, гликолами — открытыми Вюрцемъ — можно различать различныя формы, смотря по способу помѣщенія водныхъ остатковъ. Основанія для такого дѣленія двухатомныхъ спиртовъ тѣже, какія только что указаны для спиртовъ одноатомныхъ.

Такъ будутъ:

1) первичными двухатомными спиртами

$$\begin{array}{c} CH^2(OH) \\ | \\ CH^2(OH) \end{array} \qquad\qquad C^6H^4\begin{cases} CH^2(OH) \\ CH^2(OH) \end{cases}$$

этиленгликолъ — толиленовый гликолъ.

2) вторичными двухатомными спиртами

$$\begin{array}{c} CH^3CH(OH) \\ | \\ CH^3CH(OH) \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{c} C^6H^5CH(OH) \\ | \\ C^6H^5CH(OH) \end{array}$$

бутиленгликолъ — гидробензоинъ Зинина.

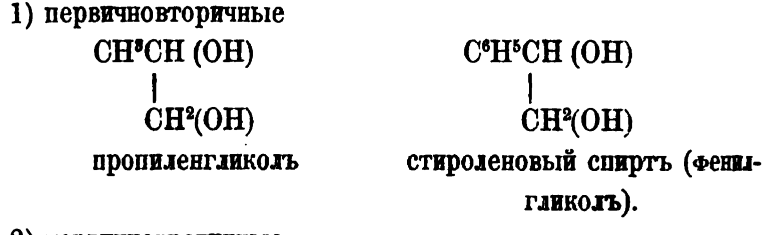
3) третичными

$$\frac{CH^3}{CH^3} > C(OH) - C(OH) < \frac{CH^3}{CH^3} \qquad \frac{C^6H^5}{C^6H^5} > C(OH) - C(OH) < \frac{C^6H^5}{C^6H^5}$$

четырехметилированный этиленгликолъ (ацетпинаконъ) — четырехфенилированный этиленгликолъ (бензопинаконъ).

Къ ряду двухатомныхъ спиртовъ смѣшанной формы будутъ относиться

1) первичновторичные

пропиленгликолъ — стироленовый спиртъ (фенилгликолъ).

2) первичнотретичные

$$C^6H^4 \begin{cases} CH^2(OH) \\ (OH) \end{cases}$$

салигенинъ и др.

Кромѣ только что указанныхъ двухатомныхъ спиртовъ существуютъ гомологи ихъ.

Двухатомные спирты подобно одноатомнымъ спиртамъ образуютъ сложные эфиры, а при окисленіи кислоты. Но кромѣ реакцій, общихъ съ одноатомными спиртами, они имѣютъ свои, свойственныя только многоатомнымъ спиртамъ. Такими реакціями можно назвать образованіе кислыхъ эфировъ двухатомныхъ спиртовъ съ кислотами органическими и минеральными, какъ образованіе моноацетина и гликолхлоргидрина. Этиленовый гликолхлоргидринъ интересенъ по своему превращенію въ симметрическую окись этилена, — въ которой каждый изъ двухъ углеродныхъ атомовъ насыщается двумя атомами водорода, а остающееся свободное средство въ томъ и другомъ углеродѣ насыщается двухатомнымъ кислородомъ

$$\begin{matrix} CH^2 \\ | \\ CH^2 \end{matrix} > O.$$

Двухатомные спирты, напр. этиленгликолъ, превращаются въ альдегиды, — вещества, одинаковыя по составу съ симметрическою окисью этилена, но различныя по свойствамъ и реакціямъ. Извѣстны превращенія двухатомныхъ спиртовъ въ предѣльные углеводороды и такъ называемые многоатомные спирты. Предметъ моего изслѣдованія составляютъ третично-третичные двухатомные спирты или пинаконы и ихъ производныя. Послѣ изслѣдованій Тӧрнера и Цинке, описанныхъ ниже, осталась неясность реакцій ароматическихъ двухатомныхъ спиртовъ. Такая неясность реакцій устранена моими настоящими изслѣдованіями.

Какъ уже сказано, пинаконы суть третично-третичные двухатомные спирты; они происходятъ черезъ присоединеніе къ двумъ частицамъ кетона двухъ атомовъ водорода. Интересъ указанной реакціи сосредоточивается *а*) на легкомъ переходѣ кетоновъ въ двухатомные спирты и *б*) на возможности столь простаго и легкаго перехода отъ частицы съ меньшимъ содержаніемъ углерода къ большему; Фридель и Сильва [1]) называютъ подобное накопленіе углерода въ частицѣ синтезомъ въ строгомъ смыслѣ слова и допускаютъ возможность подобнаго синтеза въ природѣ. Пинаконы жирнаго и ароматическаго ряда изучены не многіе. Подробнѣе изученные пинаконы изъ ацетона и бензофенона съ производными ихъ приведены въ порядкѣ изученія ихъ по стольку, по скольку они касаются моихъ изслѣдованій.

Лӧвигъ и Вейдманъ замѣтили, что если дѣйствуетъ калій или натрій на ацетонъ, то не выдѣляется никакого газа. Фиттигъ [2]) повторилъ эту реакцію, получилъ кристаллическое вещество, названное имъ парацетономъ; Фиттигъ кристаллизовалъ парацетонъ изъ воды и получилъ его въ видѣ большихъ прозрачныхъ квадратныхъ таблицъ; эти таблицы содержатъ кристаллизаціонную воду и вывѣтриваются на воздухѣ; Фиттигъ предположилъ, что эти таблицеобразные кристаллы суть другое видоизмѣненіе ацетона, заключающее 6 частицъ кристаллизаціонной

[1]) Comptes rendus 76. 227.
[2]) Annal. d. Chemie CX. 26.

воды и имѣющее слѣдующій составъ $C^6H^6O^2 + 6HO$ (принимая вѣсъ пая углерода = 6, кислорода = 8). Этотъ кристаллическій гидратъ плавится при 42°, кипитъ почти при 200°, растворяется легко въ спиртѣ и кипящей водѣ, мало въ холодной и еще меньше въ эфирѣ. Штеделеръ[1]) повторилъ опыты Фиттига и кристаллизованный изъ воды продуктъ дѣйствія натрія на ацетонъ назвалъ пинакономъ, позаимствовавъ это названіе отъ свойства гидрата пинакона кристаллизоваться пластинками. Этому гидрату пинакона Штеделеръ далъ формулу $C^6H^{12}O + 7H^2O$. Фиттигъ [2]) какъ сѣрной кислотой, такъ и соляной, также хлоромъ при 60° отъ гидрата пинакона отдѣлилъ воду и получилъ новое вещество, названное имъ пинаколиномъ. Пинаколинъ совершенно безцвѣтное, прозрачное, легко подвижное масло съ пріятнымъ мятнымъ запахомъ, имѣетъ удѣльн. в. при 16° = 0,7999 и кипитъ при 105°; въ водѣ почти не растворяется, со спиртомъ и эфиромъ смѣшивается во всѣхъ пропорціяхъ. Фридель[3]) даетъ удѣльный вѣсъ 0,8233 при 0° и 0,8004 при 25°; Бутлеровъ [4])—удѣльный вѣсъ 0,823 при 0° и 0,787 при 50°. Имѣя въ виду превращеніе обыкновеннаго алдегида въ спиртъ, Фридель [5]) подѣйствовалъ амальгамою натрія на смѣсь ацетона и воды и получилъ два продукта: 1) спиртъ, кипящій при 84 — 86°, названный имъ изопропиловымъ и 2) продуктъ, кипящій при 175°, тожественный съ найденнымъ Фиттигомъ и названнымъ Штеделеромъ пинакономъ. Фридель получилъ чистый безводный пинаконъ — $C^6H^{14}O^2$ — въ кристаллахъ ромбической системы. Гидратъ пинакона $C^6H^{14}O^2 + 6H^2O$ по Фриделю кристаллизуется пластинками, принадлежащими къ типу призмы съ квадратнымъ основаніемъ. На основаніи превращенія пинакона въ пинаколинъ, подобнаго превращенію этиленгли-

[1]) Annal. d. Chemie CXI. 277.

[2]) Annal. d. Chemie 114. 57.

[3]) C. R. 76. 228.

[4]) Annal. d. Chemie 174. 127.

[5]) Annal. d. Chemie 124. 327. Annal. de Chimie et d. Physique 1869 (4) 16. 379.

кола въ окись этилена, на основаніи того, что при дѣйствіи пятихлористаго фосфора на пинаконъ Фридель будто бы получилъ соединеніе $C^6H^{12}Cl^2$, которое хотя не было совершенно чистымъ, но все же при дѣйствіи амальгамы натрія дало жидкость, кипящую между 66 и 70° и имѣющую запахъ углеводорода и которая, по Фриделю, есть гексиленъ,—Фридель считаетъ пинаконъ за четырехметилированный этиленгликолъ; такое представленіе онъ выразилъ формулой $\frac{CH^3}{CH^3} > C(OH)—C(OH) < \frac{CH^3}{CH^3}$. Пинаконъ при окисленіи [1]) переходитъ обратно въ ацетонъ. Линнеманъ [2]) изучалъ вліяніе такого возстановителя на пинаконъ—какъ іодистый водородъ. Въ своей статьѣ онъ говоритъ, что при дѣйствіи газообразнаго іодистаго водорода на пинаконъ вѣроятно происходитъ сначала пинаколинъ и на двѣ частицы послѣдняго дѣйствуютъ три частицы водорода.

$$2\,C^6H^{12}O + 3\,H^2 = 2\,C^3H^8O + C^6H^{14}.$$

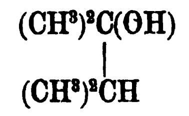
Послѣ реакціи Линнеманъ получилъ нечистый іодистый изопропилъ и углеводородъ, считаемый имъ за гексанъ. Убѣдительныхъ данныхъ считать полученный углеводородъ гексаномъ нѣтъ. Бушарда [3]) изучалъ также реакцію іодистаго водорода на пинаконъ. Реакція была ведена въ запаянныхъ трубкахъ при 160° и въ открытыхъ сосудахъ при температурѣ кипѣнія воды; въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ смѣсь пинаколина и, какъ думаетъ Бушарда, $C^6H^{11}I$, — моноіодгексилена, кипящаго при 142—145°. Бушарда не получилъ въ чистомъ видѣ моноіодгексилена; къ нему было примѣшано какое-то вещество, заключающее въ своемъ составѣ кислородъ (можетъ быть, четырехметилированный гликоліодгидринъ). Чтобы убѣдиться въ его составѣ, Бушарда обработалъ моноіодгексиленъ цинкомъ и соляной кислотой; при этомъ условіи образуется углеводородъ, соединяю-

---

[1]) Ann. d. Chemie. Suppl. Band 3.378.
[2]) Wiener Sitzungsber. Bd. 63 (2 Abth.) 255.
[3]) C. R. 74. 809.

щійся съ Br^2, безъ выдѣленія бромистаго водорода. Послѣ нагрѣванія моноіодгексилена съ насыщенной при 0° іодистоводородной кислотой при 270° Бушарда получилъ двѣ фракціи при перегонкѣ *а*) одна кипѣла при 59° и заключала углеводородъ—одинъ изъ гексановъ, доказанный анализомъ и опредѣленіемъ плотности пара; (Фиттигъ[1]) считаетъ этотъ углеводородъ диизопропиломъ) и *б*) смѣсь нѣсколькихъ углеводородовъ, кипящихъ выше 130°.

Изучивъ реакціи возстановленія и окисленія пинакона, изслѣдователи перешли къ изученію производныхъ его. Ближайшее производное пинакона есть пинаколинъ. Фридель и Сильва[2]) изслѣдовали вліяніе выдѣляющагося водорода и на пинаколинъ. Въ своей статьѣ эти изслѣдователи называютъ пинаколинъ ангидридомъ пинакона и говорятъ, что пинаколинъ относится къ пинакону какъ окись этилена къ гликолу. Подтвержденіе подобнаго взгляда видятъ они въ томъ, что они при дѣйствіи амальгамы натрія на пинаколинъ получили спиртъ, который они считаютъ третичнымъ — диметилизопропилкарбиноломъ

Фридель и Сильва называютъ этотъ спиртъ пинаколиновымъ и характеризуютъ слѣдующими свойствами: прозрачная жидкость, рѣзко камфарнаго запаха, пригорѣлаго вкуса, очень мало растворима въ водѣ, кипитъ при 120,5° и имѣетъ удѣльный вѣсъ 0,8347 при 0° и 0,8122 при 25°. Пинаколиновый спиртъ въ охлаждающихъ смѣсяхъ кристаллизуется длинными шелковистыми иголками. Это свойство спирта сближаетъ его съ триметилкарбиноломъ А. М. Бутлерова. Іодистоводородная кислота превращаетъ пинаколиновый спиртъ въ іодюръ — $C^6H^{13}I$, кипящій при 140—144° и имѣющій удѣльный вѣсъ 1,4739 при 0° и 1,442 при 25°. Этотъ іодюръ пинаколиноваго спирта мало постояненъ, легко разлагается при перегонкѣ, бурѣетъ при сохра-

[1]) Zeitschr. f. Chemie 1871. 699.

[2]) C. R. 76. 226.

неніи; при перегонкѣ съ водой разложеніе значительнѣе и онъ распадается на гексиленъ, кипящій при 70° и іодистый водородъ. Гексиленъ, вновь соединяясь съ іодистымъ водородомъ, даетъ тотъ-же іодюръ пинаколиноваго спирта. Сравнивая данныя Бушарда о моноіодгексиленѣ — $C^6H^{11}I$ и Фриделя объ іодюрѣ пинаколиноваго спирта, можно думать, что Бушарда имѣлъ іодюръ пинаколиноваго спирта, а не $C^6H^{11}I$.

Фридель и Сильва[1]) при окисленіи пинаколина получили пивалиновую кислоту, изомерную валерьяновымъ. Окисленіе пинаколина производили они смѣсью сѣрной кислоты и двухромокислаго калія; сначала реакція идетъ сама собой, но къ концу необходимо подогрѣваніе. Послѣ надлежащаго очищенія пивалиновая кислота представляетъ вещество кристаллическое, плавящееся при 30° и кипящее при 163°; 1 ч. кислоты растворяется въ 46 частяхъ воды при 20°. Фридель и Сильва, придавая пинаколину симметрическую формулу, и полученной ими кислотѣ придали слѣдующее строеніе

$$\begin{array}{l}(CH^3)^2\,C \\ \quad\quad\;\, | \;>O \\ (CH^3)\;\, C \quad (OH),\end{array}$$

т. е. на мѣсто одного метильнаго остатка въ пинаколинѣ, какъ думаютъ Фридель и Сильва, при окисленіи становится одинъ водный остатокъ. Данная ими формула не заключаетъ карбоксильной группы $(CO^2H)'$, характеризующей кислоту, но ничто не доказываетъ, говорятъ они, чтобы не могла существовать группа $(C^2O^2H)'''$, имѣющая такую же функцію.

А. М. Бутлеровъ[2]) получилъ изъ ціанистаго третичнаго бутила — триметилацетонитрила — кислоту. Происхожденіе этой кислоты показываетъ, что она есть триметилуксусная. Эта триметилуксусная кислота имѣетъ, какъ видно изъ подробнаго и точнаго изслѣдованія Бутлерова, всѣ свойства пивалиновой кислоты. Кислота Бутлерова кипитъ 163,7°, плавится при

[1]) C. R. 77. 48.

[2]) Ж. Р. Физ. Химич. Общ. 5. 238. 6. 139. Ann. d. Chemie 173. 355.

35,3—35,5°. Составъ всѣхъ изученныхъ Бутлеровымъ солей триметилуксусной кислоты соотвѣтствуетъ составу солей пивалиновой кислоты. Бутлеровъ повторилъ реакцію окисленія пинаколина въ условіяхъ, указанныхъ Фриделемъ и Сильва, и нашелъ, что пивалиновая кислота *тожественна* съ триметилуксусной кислотой. Основываясь на превращеніи пинаколина при окисленіи въ кислоту несомнѣнно триметилуксусную, Бутлеровъ[1]) полагалъ, что пинаколинъ есть метилбутилкетонъ съ третичнымъ бутиломъ въ составѣ $(CH^3)^3C—CO—CH^3$ и доказалъ, получивъ пинаколинъ дѣйствіемъ хлористаго триметилацетила на цинкметилъ. Въ виду изслѣдованія Бутлерова интересно было изслѣдованіе расположенія метильныхъ группъ въ самомъ пинаконѣ. Павловъ[2]) послѣ реакціи приготовленнымъ имъ двубромюромъ тетраметилэтилена на уксусносеребрянную соль, послѣ извлеченія эфиромъ продукта реакціи и разложенія его ѣдкимъ баритомъ получилъ вещество, отвѣчающее всѣмъ свойствамъ пинакона; изъ этихъ наблюденій выходитъ, что пинаконъ есть четырехметилированный этиленгликолъ. Н. А. Меншуткинъ[3]) говоритъ, что дѣйствіе уксусной кислоты при 155° на пинаконъ вполнѣ напоминаетъ дѣйствіе этой кислоты на третичные одноатомные спирты. Начальная скорость и предѣлъ ничтожно малы: первая равна 2,58%, второй 5,85%. Приведенный предѣлъ, какъ то было и для третичныхъ спиртовъ, не есть истинный предѣлъ, такъ какъ при дѣйствіи уксусной кислоты на пинаконъ при 155° уже сравнительно скоро наступаетъ разложеніе съ образованіемъ углеводородовъ, частью жидкихъ, частью въ видѣ бѣлыхъ хлопьевъ, трудно растворимыхъ въ слабомъ винномъ спиртѣ. Газовъ при реакціи не образуется. Запахъ образующихся углеводородовъ напоминаетъ запахъ гексилена. Такимъ образомъ ходъ этерификаціи пинакона подтверждаетъ лишь недавно доказанное строеніе пинакона, какъ третичнаго гликола.

---

[1]) Ж. Р. Физ. Хим. Общ. 6. 158. Annal. d. Chemie 174. 125.

[2]) Annal. d. Chemie 196. 122.

[3]) Ж. Р. Физ. Хим. Общ. XII. 313.

Превращенія другихъ кетоновъ жирнаго ряда или въ пинаконы или вторичные спирты изучены не многіе и не полно. Такъ этилметилкетонъ Лавриновичемъ[1]) превращенъ въ пинаконъ, а послѣдній въ пинаколинъ.

Такимъ образомъ видно, что пинаконы, двутретичные гликолы, представляютъ особенный интересъ какъ по своему образованію, такъ и по превращенію отнятіемъ воды. Образованіе ихъ, происходящее подъ вліяніемъ сравнительно слабаго агента, представляетъ замѣчательный случай настоящаго синтеза, удвоенія углероднаго ядра частицы, а превращеніе потерею воды сопровождается перегруппировкою,— при переходѣ обыкновеннаго пинакона въ пинаколинъ одна изъ метильныхъ группъ перемѣщается отъ одного атома углерода къ другому.

Ароматическіе аналоги пинаконовъ и пинаколиновъ сравнительно мало были изучены, а изслѣдованія Тӧрнера и Цинке усложнили и запутали, какъ увидимъ изъ описанія ихъ изслѣдованій, наши представленія о превращеніяхъ пинаконовъ и пинаколиновъ.

Бензпинаконъ въ первый разъ полученъ Линнеманомъ[2]). «Линнеманъ приливаетъ 1 ч. насыщеннаго при обыкновенной «температурѣ спиртнаго раствора бензофенона къ 6 ч. смѣси: «изъ 1 ч. англійской сѣрной кислоты, 1 ч. воды и 4 ч. спирта и «прибавляетъ затѣмъ цинкъ. Послѣ нѣсколькихъ дней реакція «считается оконченною, выходъ бензпинакона около 70 ч. изъ «100 ч. бензофенона. Повторными перекристаллизованіями изъ ки«пящаго спирта Линнеманъ получилъ бензпинаконъ чистымъ «въ формѣ бѣлыхъ блестящихъ маленькихъ иголокъ и микроско«пическихъ хорошо образованныхъ прозрачныхъ призмъ». Окисленіемъ, кипяченіемъ бензпинакона съ разведеннымъ растворомъ хромовой кислоты Линнеманъ превратилъ его въ бензофенонъ; при обработываніи амальгамою натрія спиртнаго раствора бензпинакона — въ бензгидролъ (дифенилкарбинолъ). Обработывая бенз-

[1]) Ж. Р. Физ. Хим. Общ. VIII. 338.

[2]) Annal. d. Chemie 133. 26.

пинаконъ кипящимъ хлористымъ бензоиломъ до прекращенія отдѣленія соляной кислоты, Линнеманъ получилъ бензпинаколинъ. Все изслѣдованіе Линнемана о бензпинаконѣ сводится къ реакціямъ, извѣстнымъ для пинакона изъ ацетона.

Другіе изслѣдователи при изученіи реакціи выдѣляющагося водорода на бензофенонъ и толилфенилкетонъ допустили прямое образованіе пинаколиновъ и при томъ по два изомера для каждаго кетона. Такъ Тӧрнеръ не наблюдалъ образованія пинакона изъ паратолилфенилкетона, а получалъ два изомерныхъ пинаколина. Тӧрнеръ[1]) описываетъ возстановленіе паратолилфенилкетона цинкомъ и соляной кислотой слѣдующимъ образомъ: «около «10 грам. паратолилфенилкетона въ колбѣ съ обратно поставленнымъ холодильникомъ облиты такимъ количествомъ 90% «спирта, чтобы при нагрѣваніи весь кетонъ растворился, затѣмъ «прибавлены цинкъ и крѣпкая соляная кислота и вся смѣсь на «водяной банѣ нагрѣта до сильнаго кипѣнія. По мѣрѣ надобности «прибавлялись цинкъ и соляная кислота. Послѣ двудневнаго дѣйствія цинкъ покрылся тонкимъ слоемъ мелкихъ желтоватыхъ «кристалловъ; этотъ слой мало по малу прибывалъ; послѣ почти «пятидневнаго дѣйствія операція окончена и жидкость, едва окрашенная въ желтый цвѣтъ, слита съ цинка. Эта жидкость содержитъ немного не вступившаго въ реакцію кетона и слѣды перешедшаго въ растворъ осѣвшаго на цинкѣ вещества. Приставшіе къ цинку кристаллы растворены въ кипящемъ спиртѣ; послѣ «охлажденія раствора выдѣлились хорошо образованныя прозрачныя таблицы, плавящіяся при 136—137°. При повтореніи «Тӧрнеромъ того же опыта (вмѣсто 90% взятъ 75% спиртъ) уже «послѣ двухчасоваго дѣйствія изъ раствора сразу выдѣлились «мелкія безцвѣтныя иголки. По прошествіи пяти дней реакція «окончена. Получены два рода кристалловъ—игольчатые, плавящіеся при 214—215° и пластинчатые, плавящіеся при «136—137°. Многочисленныя сжиганія показали, что оба полу-

[1]) Annal. d. Chemie 189. 104 и слѣд.

«ченныя Тörнеромъ тѣла имѣютъ одинъ и тотъ же составъ «$C^{28}H^{24}O$. Эти изомерныя вещества относятся къ паратолилфе«нилкетону также, такъ бензпинаколинъ—къ бензофенону и ацет«пинаколинъ—къ ацетону». При анализахъ вещества, плавящагося при 214—215°, Тörнеръ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «ана«лизы, при которыхъ была употреблена зернистая окись мѣди, «дали для углерода слишкомъ низкія числа, вслѣдствіе неполнаго «сгаранія вещества, — для водорода — соотвѣтствующія числа». Этихъ анализовъ нѣтъ въ статьѣ Тörнера. Пинаконъ толилфенилкетона имѣетъ формулу $C^{28}H^{26}O^2$, слѣдовательно содержитъ 85,28% C и 6,60% H; пинаколинъ—$C^{28}H^{24}O$, слѣдов. содержитъ 89,36% C и 6,38% H. Тörнеръ называетъ α—пинаколиномъ вещество, образующееся при началѣ возстановленія паратолилфенилкетона, кристаллизующееся иголками и плавящееся при 214—215°, а β—пинаколиномъ—вещество, полученное имъ послѣ продолжительнаго дѣйствія цинка и соляной кислоты, кристаллизующееся квадратными пластинками и плавящееся при 136—137°. Тörнеръ даетъ слѣдующее объясненіе образованію α и β—пинаколиновъ. «При соединеніи двухъ атомовъ водорода «съ двумя частицами паратолилфенилкетона образуется пина«конъ—какъ переходный продуктъ (по крайней мѣрѣ выдѣлить «его не возможно). По мѣрѣ образованія пинакона, тотчасъ отни«мается отъ него одна частица воды и происходитъ безъ перемѣ«щенія группъ въ частицѣ образующійся сначала α—пинаколинъ.

$$\begin{array}{l} C^6H^5\text{—}C(OH)\text{—}C^6H^4CH^3 \\ \qquad | \\ C^6H^5\text{—}C(OH)\text{—}C^6H^4CH^3 \end{array} - H^2O = \begin{array}{l} C^6H^5\text{—}C\ \text{—}C^6H^4CH^3 \\ \qquad |>O \\ C^6H^5\text{—}C\ \text{—}C^6H^4CH^3 \end{array}$$

«Этотъ подобно пинакону построенный α—пинаколинъ перехо«дитъ при продолжительномъ дѣйствіи возстановителя черезъ пе«ремѣщеніе группъ въ частицѣ въ одинъ изъ двухъ возможныхъ «пинаколиновъ, построенныхъ одинаково съ пинаколинами жир«наго ряда:

$$C^6H^5-\underset{\underset{C^6H^4CH^3}{|}}{\overset{C^6H^4.CH^3}{C}}-CO-C^6H^5 \text{ или } C^6H^4CH^3-\underset{\underset{C^6H^5.}{|}}{\overset{\overset{C^6H^5}{|}}{C}}-CO-C^6H^4CH^3$$

«По Тöрнеру *α*—пинаколинъ переходитъ въ β — пинаколинъ: «1) при кипяченіи съ хлористымъ бензоиломъ впродолженіе 3-хъ «часовъ; 2) при нагрѣваніи съ крѣпкой соляной кислотой въ за«паянной трубкѣ 150—160°; 3) при нагрѣваніи впродолженіе 8 «часовъ съ избыткомъ кристаллической уксусной кислоты при «160—170°. Такое же превращеніе α—пинаколина въ β—«пинаколинъ происходитъ при дѣйствіи HI. *При окисленіи α—«пинаколина хромовой кислотой* Тöрнеръ *получилъ парато«лилфенилкетонъ и немного β—пинаколина*».

«При дѣйствіи іодистаго водорода на β — пинаколинъ въ при«сутствіи краснаго фосфора при 210—220° (при низшихъ тем«пературахъ получаются терпентинообразныя, смолистыя веще«ства, для изученія не пригодныя), получается углеводородъ «$C^{28}H^{26}$, плавящійся при 213°». Какое строеніе имѣетъ β — пинаколинъ, Тöрнеръ рѣшаетъ этотъ вопросъ окисленіемъ β — пинаколина. При окисленіи онъ получилъ кислоту, но какую — $C^{22}H^{20}O^2$ или $C^{21}H^{18}O^2$ опредѣленно не говоритъ; впрочемъ «онъ «склоненъ принять кислоту $C^{22}H^{20}O^2$, называемую имъ пинако«линовой (дитолилфенилуксусной) кислотой». Въ изложеніи работы, сдѣланной Тöрнеромъ и Цинке [1]) говорится, «что по новымъ «изслѣдованіямъ окисленіе β — пинаколина происходитъ не такъ, «какъ они раньше предполагали. Образованіе дитолилфенилуксус«ной кислоты кажется невѣроятнымъ, хотя анализы даютъ со«отвѣтствующія числа. При окисленіи β — пинаколина сначала «происходитъ дитолилфенилкарбинолъ, переходящій при дальнѣй«шемъ окисленіи въ моно и дикарбоновую кислоту. Попытки по-

---

[1]) Berlin. Ber. XI. 70.

«лучить карбинолъ остались безъ результата; карбинолъ былъ «полученъ только въ формѣ смолы».

Если допустимъ, основываясь на описанномъ ниже моемъ изслѣдованіи бензпинакона, что называемый Тöрнеромъ α — пинаколинъ былъ *пинаконъ*, — то будетъ понятно превращеніе его въ пинаколинъ, называемый Тöрнеромъ β — пинаколиномъ, при обработываніи водоотнимающими веществами: хлористымъ бензоиломъ, крѣпкой соляной кислотой и іодистоводородной кислотой. При окисленіи α — пинаколина (пинакона) Тöрнеръ получилъ паратолилфенилкетонъ, точно также какъ Линнеманъ при окисленіи ацетпинакона получилъ ацетонъ, бензопинакона-бензофенонъ.

Такъ какъ Тöрнеру совсѣмъ не удалось при дѣйствіи цинка и соляной кислоты получить пинакона паратолилфенилкетона, то Тöрнеръ и Цинке [1]) воспользовались способомъ Линнемана (цинкъ и сѣрная кислота дѣйствуютъ на спиртный растворъ кетона) и получили пинаконъ. «Этотъ пинаконъ, говорятъ они, кри«сталлизуется хуже бензпинакона, изъ спиртнаго раствора выдѣ«ляются маленькія неясно выраженныя микроскопическія иголки, «плавящіяся при 164 — 165°». Аналитическихъ данныхъ нѣтъ въ статьѣ. Полученный пинаконъ при окисленіи далъ паратолилфенилкетонъ. Въ этой статьѣ «Тöрнеръ и Цинке объясняютъ образованіе α и β — пинаколиновъ *предшествующимъ* образованіемъ пинакона при дѣйствіи цинка и соляной кислоты на паратолилфенилкетонъ. Въ отдѣльныхъ опытахъ они получали какъ α, такъ и β — пинаколинъ, но β — пинаколинъ они считаютъ бо«лѣе устойчивымъ веществомъ. Они получаютъ [2]) α — пинаколинъ «удобнѣе всего слѣдующимъ образомъ: они оставляютъ при обык«новенной температурѣ спиртный растворъ пинакона, прибавивъ «къ нему нѣсколько соляной кислоты; α — пинаколинъ отдѣляется «мало по малу и не содержитъ β — пинаколина».

То, что Тöрнеръ и Цинке считаютъ пинакономъ парато-

---

[1]) Berlin. Ber. X. 1476.

[2]) Berlin. Ber. X. 1477.

лилфенилкетона, плавящимся при 164 — 165°, это былъ нечистый пинаконъ.

Описанное изслѣдованіе паратолилфенилкетона послужило поводомъ Тöрнеру и Цинке изслѣдовать бензофенонъ въ томъ же направленіи. «Изъ приготовленнаго по способу Линнемана бенз«пинакона Тöрнеру и Цинке[1]) не удалось получить двухъ пи«наколиновъ. Не смотря на опыты, разнообразно устроенные, «они получали одинъ только пинаколинъ, который описалъ Лин«неманъ. Тöрнеръ и Цинке получили пинаколинъ при нагрѣ«ваніи пинакона съ хлористымъ ацетиломъ или хлористымъ бен«зоиломъ, при нагрѣваніи пинакона съ крѣпкой іодистоводородной «кислотой до 170 — 180°, при нагрѣваніи съ крѣпкой соляной «кислотой до 200°, съ сѣрной кислотой до 180 — 200°, съ кри«сталлической уксусной кислотой при 180—200°, съ пятихлори«стымъ фосфоромъ. Вѣроятно, пишутъ Тöрнеръ и Цинке, этотъ «пинаколинъ отвѣчаетъ β — толилфенилпинаколину Тöрнера; «происшедшій перемѣщеніемъ фенильныхъ группъ пинаколинъ «выразится формулой $(C^6H^5)^3C - CO - C^6H^5$. Изслѣдованія «надъ бензпинакономъ показали Тöрнеру и Цинке, что пинако«линъ образуется изъ пинакона; но, продолжаютъ они, возможно «и прямое образованіе его изъ кетона и бензгидрола съ выдѣле«ніемъ воды[2])». Въ слѣдующей второй статьѣ[3]) Тöрнеръ и Цинке описываютъ образованіе сейчасъ указаннаго пинаколина прямо изъ бензофенона при дѣйствіи цинка и соляной кислоты. «Бензпинаколинъ лучше всего происходитъ, говорятъ они, если «бензофенонъ растворяется въ небольшомъ количествѣ спирта и «растворъ кипятится съ избыткомъ цинка и соляной кислоты; «послѣ 16 — 20 часоваго кипяченія реакція оканчивается; при «употребленіи разведенныхъ растворовъ для окончанія реакціи «необходимо болѣе продолжительное время. Въ большинствѣ опы«товъ получали они пинаколинъ прямо чистымъ. Если реакція

---

[1]) Berl. Ber. X. 1475.

[2]) Berl. Ber. X. 1477.

[3]) Berl. Ber. XI. 66.

«продолжалась недолго и былъ взятъ болѣе разведенный растворъ, «то вмѣстѣ съ этимъ пинаколиномъ происходило новое вещество, «одинаковаго съ нимъ состава. Новое вещество плавилось при «158—159° и при дѣйствіи хлористаго ацетила переходило гладко «въ пинаколинъ, плавящійся при 178—179°. Это новое тѣло, го«ворятъ они, безспорно отвѣчаетъ α — толилфенилпинаколину «Тöрнера и бензофенонъ содержится къ цинку и соляной кислотѣ «одинаково съ паратолилфенилкетономъ, т. е. бензофенонъ даетъ «два изомерныхъ соединенія — два пинаколина. Ради простоты «они называютъ эти соединенія α и β — пинаколинами. Тöрнеръ «и Цинке *замтчали* образованіе пинакона при реакціи цинка и «соляной кислоты на бензофенонъ. Это наблюденіе показываетъ, «что пинаконы промежуточные продукты при *прямомъ* образова«ніи пинаколиновъ изъ кетоновъ». Слѣдуетъ замѣтить, что если пинаконы — первые продукты дѣйствія выдѣляющагося водорода на кетоны, то прямаго образованія пинаколиновъ изъ кетоновъ при этой реакціи не можетъ быть.

«Тöнеръ и Цинке основываютъ свой выводъ относительно не «симметрическаго расположенія фенильныхъ группъ въ β — пи«наколинѣ — $(C^6H^5)^3C — CO — C^6H^5$ *а*) на превращеніи его при «окисленіи хромовой кислотой въ уксусной кислотѣ въ трифенил«карбинолъ и бензойную кислоту и *б*) на распаденіи его при 300° «съ натронною известью на трифенилметанъ и бензойную кослоту». Получивъ указанныя распаденія пинаколина естественно, на самомъ дѣлѣ, и углеводороду — тетрафенилэтану, происходящему изъ этого β — пинаколина дѣйствіемъ іодистоводородной кислоты въ присутствіи краснаго фосфора, придать не симметрическое строеніе $(C^6H^5)^3C — CH^2(C^6H^5)$ — бензилтрифенилметана.

Тöрнеръ и Цинке[1]) говорятъ, что «α — пинаколинъ обра«зуется вмѣстѣ съ β — пинаколиномъ при дѣйствіи цинка и соля«ной кислоты на бензофенонъ въ *разведенномъ* растворѣ. Лучшіе «результаты получали они, когда къ смѣси цинка и крѣпкой со«ляной кислоты, бурно выдѣляющей водородъ, они прибавляли

---

[1]) Berl. Ber. XI. 68.

«5% спиртный растворъ бензофенона и затѣмъ соляной кислоты, «кипятили 2—3 часа съ обратно поставленнымъ холодильникомъ. «Но и при такомъ веденіи реакціи все же, говорятъ они, обра- «зуется β — пинаколинъ, отъ котораго α — пинаколинъ былъ от- «дѣленъ многими перекристаллизованіями изъ кипящаго спирта. «Имъ не удалось, говорятъ они, прямо изъ бензофенона получить «чистый α — пинаколинъ, но изъ паратолилфенилкетона получили «они чистый α—пинаколинъ. Полученный α—пинаколинъ раство- «ряется легко въ хлороформѣ, сѣроуглеродѣ, бензолѣ, толуолѣ и «кипящей уксусной кислотѣ; труднѣе растворяется въ кипящемъ «спиртѣ, холодной уксусной кислотѣ и лигроинѣ; плавится при «158 — 159° и расплавленный кристаллизуется при охлажденіи; «при высокой температурѣ не улетучивается безъ разложенія. «Изъ кипящаго спирта кристаллизуется α—пинаколинъ очень тон- «кими плоскими иголками, которыя располагаются крестообразно «или вѣерообразно на предметномъ стеклѣ микроскопа; одновре- «менно наблюдаются иголки другаго вида, сгруппированныя въ бо- «родавки. Наружный видъ нашего соединенія, пишутъ они, не од- «нороденъ; послѣ многократныхъ перекристаллизованій изъ раз- «личныхъ растворителей соединеніе не измѣнило ни своего вида, «*ни температуры плавленія*. Хлористымъ ацетиломъ и хлори- «стымъ бензоиломъ α — пинаколинъ уже при слабомъ нагрѣваніи «переводится въ β—пинаколинъ; также содержится къ крѣпкой «соляной и іодистоводородной кислотамъ при 150—160° и про- «должительному кипяченію съ цинкомъ и соляною кислотою. Тбр- «неръ и Цинке говорятъ, что возможно разсматривать α — пи- «наколинъ или какъ ангидридъ пинакона

$$\begin{array}{c} C^6H^5 - C - C^6H^5 \\ | \;>O \\ C^6H^5 - C - C^6H^5 \end{array}$$

«или какъ эфиръ пинакона

$$\begin{array}{c} (C^6H^5)^2C - O - C(C^6H^5)^2 \\ | \qquad\qquad | \\ (C^6H^5)^2C - O - C(C^6H^5)^2. \end{array}$$

«Переходъ α — пинаколина въ β — пинаколинъ допускаетъ «ту и другую формулу; α — пинаколинъ той и другой формулы «даетъ при окисленіи единственный продуктъ — бензофенонъ. Они «произвели и самое окисленіе, но не получили требуемаго коли-«чества бензофенона: 1,5 грам. α — пинаколина дали 0,9 гр. бен-«зофенона и β — пинаколинъ. Произошелъ ли послѣдній при оки-«сленіи или уже былъ примѣшанъ къ α — пинаколину, они рѣ-«шить не могли». Окисленіе такъ называемаго α — пинаколина на самомъ дѣлѣ должно дать бензофенонъ и такъ называемый Тöрнеромъ и Цинке β—пинаколинъ на томъ основаніи, что α—пинаколинъ есть смѣсь бензпинакона съ бензпинаколиномъ; бензпинаконъ при окисленіи далъ бензофенонъ, а бензпинаколинъ при очень слабомъ окисленіи остался безъ измѣненія.

«Не образуются ли пинаколины, говорятъ Тöрнеръ и Цинке, «въ смыслѣ слѣдующаго уравненія изъ бензофенона и бензгид-«рола:

$$(C^6H^5)^2CO + (C^6H^5)^2CH(OH) - H^2O = C^{26}H^{20}O.$$

«Тöрнеръ и Цинке хотя не пришли къ вѣрному выводу, но «описываютъ рядъ устроенныхъ ими опытовъ слѣд. образомъ: «они дѣйствовали хлористымъ цинкомъ и соляной кислотой на «смѣсь бензофенона и бензгидрола, полученную отчасти расплав-«леніемъ бензпинакона (бензпинаконъ при температурѣ плавленія «распадается на бензофенонъ и бензгидролъ), полученную отчасти «смѣшеніемъ бензофенона и бензгидрола, растворенную въ раз-«личныхъ растворителяхъ; они не получили пинаколина, не смотря «на разнообразныя условія опыта. Только въ двухъ опытахъ за-«мѣтили они дѣйствіе: въ одномъ они получили плавящееся при «196° вещество, а въ другомъ небольшія количества *бензпина-«кона*».

Въ своемъ третьемъ сообщеніи о пинаконахъ и пинаколинахъ Тöрнеръ и Цинке [1]) говорятъ, что «при многочисленныхъ опытахъ дѣйствія цинка и соляной кислоты на бензофенонъ они по-

---

[1]) Berl. Ber. XI. 1396.

«лучали смѣсь α и β—пинаколиновъ». Значитъ то, что называли они раньше α—бензпинаколиномъ не смотря на многочисленныя перекристаллизованія и постоянство температуры плавленія есть «по видимому»—такъ говорятъ Тöрнеръ и Цинке *«смѣсь α и β—бензпинаколиновъ»*. Въ указанной только что статьѣ они говорятъ, «что теперь они получили α—бензпинаколинъ другимъ путемъ и, «какъ они думаютъ, въ совершенно чистомъ состояніи. α—бенз-«пинаколинъ происходитъ вмѣстѣ съ большими количествами пи-«накона при дѣйствіи цинка и сѣрной кислоты при нагрѣваніи на «спиртный растворъ бензофенона; выходъ во всякомъ случаѣ малъ. «Если дѣйствіе продолжается не долго, то образуется почти только «пинаконъ; если дѣйствіе продолжительно, то всегда находится «β—бензпинаколинъ—конечный продуктъ дѣйствія. α—бензпи-«наколинъ кристаллизуется вмѣстѣ съ пинакономъ *иголками, на «видъ одинаковыми, не отличаемыми отъ чистаго пинакона;* тем-«пература плавленія его почти температура плавленія пинакона «(180—190°). Для отдѣленія пинакона отъ α—пинаколина Тöр-«неръ и Цинке смѣсь ихъ нагрѣваютъ, плавятъ нѣкоторое время «при 190—200°, лигроиномъ удаляютъ продукты распаденія пи-«накона—бензофенонъ и бензгидролъ, а оставшійся α—бензпи-«наколинъ перекристаллизовываютъ изъ кипящаго спирта. α—бенз-«пинаколинъ кристаллизуется прекрасными иголками, собранными «въ видѣ пучковъ или вѣера. Въ холодномъ спиртѣ и холодной «уксусной кислотѣ α—бензпинаколинъ почти не растворимъ, легче «растворяется при нагрѣваніи въ этихъ жидкостяхъ. При нагрѣ-«ваніи въ запаянной трубкѣ до 350° α—бензпинаколинъ не измѣ-«няется; хлористымъ ацетиломъ очень легко, водной соляной кис-«лотой при 150°, сѣрной кислотой, разбавленной спиртомъ, при «100° переводится въ β—бензпинаколинъ. Энергическое окисленіе «хромовой кислотой въ уксусной кислотѣ переводитъ α—бензпи-«наколинъ въ бензофенонъ, причемъ образуются маленькія коли-«чества бензойной кислоты. Этотъ α—бензпинаколинъ уже давно «полученъ Беромъ [1]) окисленіемъ тетрафенилэтилена и описанъ

[1]) Berl. Ber. V. 277.

«имъ подъ именемъ окиси тетрафенилэтилена, плавящейся при «197—199°. Полученное Тöрнеромъ и Цинке отъ Бера вещество послѣ одного перекристаллизованія плавилось при 201,5—«202,5°; хлористымъ ацетиломъ и соляной кислотой переводилось «въ β—бензпинаколинъ. Найденный Беромъ способъ полученія «α—бензпинаколина говоритъ за то, что онъ есть *четырехфенилированная окись этилена*, слѣдовательно *ангидридъ бензпинакона, а не эфиръ его.*

«При дѣйствіи натронной извести на чистый α—бензпинаколинъ при температурѣ 350—380° Тöрнеръ и Цинке получили «углеводородъ состава $C^{13}H^{10}$, плавящ. при 243—244°; растворы «этого углеводорода флюоресцируютъ голубымъ цвѣтомъ; съ пикриновой кислотой углеводородъ не соединяется. Можетъ быть, «говорятъ они, этотъ углеводородъ тожественъ съ тетрафенилэтиленомъ Бера; но Беръ показалъ, что тетрафенилэтиленъ плавится при 221° и не упомянулъ о флюоресценціи растворовъ, «характеризующей углеводородъ. Мыслимо, продолжаютъ они, «что этотъ углеводородъ — полимеръ тетрафенилэтилена $C^{39}H^{30}$ «или $C^{52}H^{40}$». Углеводородъ состава $C^{13}H^{10}$ получилъ О. Миллеръ[1]) при перегонкѣ фталевоизвестковой соли. Сравнивая свойства углеводорода, полученнаго при перегонкѣ фталевоизвестковой соли со свойствами углеводорода, полученнаго Тöрнеромъ и Цинке при нагрѣваніи чистаго α—бензпинаколина съ натронною известью при 350—380°, Миллеръ находитъ «эти углеводороды тожественными, — углеводородъ того и другаго происхожденія плавится при 243—244°, флюоресцируетъ, не соединяется съ пикриновой кислотой».

«Для приготовленія α—бензпинаколина Тöрнеръ и Цинке «должны плавить при 190—200° большія количества пинакона; «при расплавленіи пинакона они наблюдали отдѣленіе воды, — последняя могла только выдѣлиться изъ продуктовъ распаденія пинакона — бензгидрола и бензофенона. Выдѣленіе воды заставило

---

1) Журн. Р. Физ. Химич. Общ. XI. 260.

«ихъ предположить, что реакція могла бы происходить по урав-«ненію:

$$(C^6H^5)^2CO + (C^6H^5)^2CH(OH) - H^2O = C^{26}H^{20}O.$$

«при чемъ образовался бы α—пинаколинъ или другой изомеръ. «На самомъ дѣлѣ изъ раствора продуктовъ плавленія они полу-«чили кристаллы, плавящіеся при 107—108°. Хлористымъ аце-«тиломъ эти кристаллы, подобно α—пинаколину переводились въ «β—пинаколинъ. Эти кристаллы тожественны съ эфиромъ бенз-«гидрола, полученнымъ Линнеманомъ [1]) разогрѣваніемъ бенз-«гидрола; Линнеманъ далъ формулу этого эфира

$$(C^6H^5)^2 CH—O—CH (C^6H^5)^2;$$

«происхожденіе этихъ кристалловъ можетъ быть сведено къ вы-«дѣленію воды изъ бензгидрола, полученнаго при распаденіи отъ «нагрѣванія пинакона. Тöрнеръ и Цинке говорятъ, что превра-«щеніе эфира въ β—пинаколинъ говоритъ противъ только что «приведенной формулы, что Линнемановское вещество не есть «эфиръ бензгидрола, а ангидридъ; вышеописанный же α—*бенз-«пинаколинъ, не смотря на его образованіе изъ тетрафенилэти-«лена, былъ бы истинный эфиръ пинакона*».

Что Линнемановское вещество есть дѣйствительно эфиръ бензгидрола, это доказалъ Линнеманъ тѣмъ, что получилъ простой эфиръ бензгидрола, смѣшанный — этилбензгидролэфиръ — $C^2H^5 — O — CH (C^6H^5)^2$, сложные эфиры бензгидрола уксусно-кислый, бензойнокислый и янтарнокислый. Кромѣ способовъ Линнемана простой эфиръ образуется при другихъ условіяхъ. Такъ онъ приготовленъ мною [2]) при нагрѣваніи бензгидрола (дифенилкарбинола) съ сѣрною кислотою въ запаянной трубкѣ; при кипяченіи въ колбочкѣ бензгидрола съ сѣрной кислотой (превращеніе въ эфиръ не полное) и при нагрѣваніи съ дымящей соляной кислотою какъ въ колбочкѣ, такъ и запаянной трубкѣ (превращеніе тоже не полное); при послѣднемъ условіи получается маслянистое вещество, не кристаллизующееся въ присутствіи со-

---

1) Annal. d. Chemie 133. 14.

2) Ж. Р. Ф. Хим. Общ. XII. (2) 9.

ляной кислоты впродолженіе долгаго времени. Если къ этому маслянистому веществу прибавить большое количество воды и очень разведеннаго раствора ѣдкаго или углекислаго калія до слабо щелочной реакціи, то маслянистое вещество мало по малу кристаллизуется. Кристаллы представляютъ смѣсь неизмѣненнаго дифенилкарбинола (бензгидрола) и его эфира. Имѣя въ виду такое отношеніе бензгидрола къ соляной кислотѣ, я долженъ указать здѣсь на невѣрность наблюденія Энглера. Энглеръ[1]) считаетъ продуктъ дѣйствія газообразнаго хлористаго водорода на охлажденный бензгидролъ за хлорангидридъ бензгидрола — дифенилхлорметанъ — $(C^6H^5)^2$ CHCl; при чемъ Энглеръ не указалъ никакихъ данныхъ состава его, а прямо бензольный растворъ маслянистаго продукта, образующагося при дѣйствіи соляной кислоты на бензгидролъ, подвергалъ дѣйствію металлическаго натрія и получалъ тетрафенилэтанъ. Попытка получить дифенилхлорметанъ еще раньше изслѣдованія Энглера была сдѣлана Линнеманомъ[2]). Линнеманъ дѣйствовалъ треххлористымъ фосфоромъ на бензгидролъ при обыкновенной температурѣ; при сильной реакціи освобождается соляная кислота, но не образуется продукта, содержащаго хлоръ, а дѣйствіе треххлористаго фосфора сводится къ отнятію воды отъ двухъ частицъ бензгидрола и образованію его эфира. При дѣйствіи хлористаго бензоила на бензгидролъ Линнеманъ получилъ простой эфиръ бензгидрола. Имѣя изложенныя данныя слѣдуетъ принять, что Энглеръ получилъ тетрафенилэтанъ при дѣйствіи натрія не изъ дифенилхлорметана, а изъ простаго эфира дифенилкарбинола.

Заканчивая свои изслѣдованія о пинаконахъ и пинаколинахъ Тӧрнеръ и Цинке говорятъ, что «каждому пинакону съ бензоловыми группами отвѣчаютъ два изомерныхъ пинаколина; изъ «нихъ одинъ (β) получается легко, другой (α) трудно. Тотъ и другой пинаколинъ получаются прямо изъ кетоновъ. Фенилметилкетонъ не даетъ α—пинаколина, а только β—пинаколинъ. Ке-

---

1) Berlin. Ber. XI. 927.

2) Annal. d. Chemie 133. 13 и 21.

«тоны жирнаго ряда, кажется, говорятъ они, даютъ пинаконы, а «изъ нихъ уже происходятъ пинаколины». Наконецъ послѣдній выводъ ихъ изъ изслѣдованія о пинаконахъ: «пинаконы не суть настоящіе двухатомные спирты».

Какъ видно изъ изслѣдованія Тöрнера, онъ не выдѣлилъ пинакона паратолилфенилкетона, Тöрнеръ и Цинке пользовались такими условіями реакцій, при которыхъ получали всегда неопредѣленный результатъ — смѣсь пинакона съ другими продуктами, происходящими уже изъ пинакона, поэтому явилась такая неясность реакцій ароматическихъ кетоновъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ увидимъ изъ изложенія моего изслѣдованія, удаются опредѣленныя и количественныя превращенія кетона въ пинаконъ, пинакона въ одинъ только пинаколинъ. Я изслѣдовалъ пока превращенія одного кетона бензофенона (дифенилкетона) и обратился къ реакціямъ, указаннымъ Тöрнеромъ и Цинке. Замѣчу прежде, что Тöрнеръ [1]) несправедливо приписываетъ себѣ, что при возстановленіи кетоновъ для выдѣленія водорода были взяты имъ въ первый разъ цинкъ и соляная кислота. Лимприхтъ и Шванертъ употребляли цинкъ и соляную кислоту для превращенія дезоксибензоина въ пинаконъ. Превращеніе бензофенона въ бензпинаконъ въ спиртномъ растворѣ дѣйствіемъ цинка и соляной кислоты происходитъ скоро, но вмѣстѣ съ бензпинакономъ при этой реакціи всегда происходитъ такъ называемый Тöрнеромъ и Цинке β—бензпинаколинъ. Очевидно, нужно было подыскать новыя опредѣлительныя реакціи. Я обратился къ реакціи, упомянутой уже мною [2]) въ статьѣ о дифенилкарбинолѣ — дѣйствію водорода, выдѣляющагося при раствореніи цинка въ уксусной кислотѣ.

Бензпинаконъ. Смѣсь изъ 1 ч. кристаллизованнаго изъ спирта бензофенона, 2 ч. цинковыхъ стружекъ и 10 ч. уксусной кислоты (на 5 ч. кристаллической уксусной кислоты нужно прибавить 1 ч. воды по вѣсу) кипятится въ колбѣ умѣренно. Въ началѣ ки-

[1]) Annal. d. Chemie 189. 101.

[2]) Ж. Р. Ф. Хим. Общ. VIII. 64.

пяченія растворъ прозраченъ, но уже черезъ нѣсколько минутъ замѣтны выдѣлившіеся кристаллы. Чтобы освободить поверхность цинковыхъ стружекъ отъ осѣдающихъ кристалловъ бензпинакона и уксусноцинковой соли необходимо очень частое и сильное взбалтываніе содержимаго колбы во время кипяченія. Къ концу четверти часа отъ начала кипяченія много бензпинакона выдѣляется изъ раствора; растворъ вмѣстѣ съ кристаллами сливается въ колбу, охлаждается струею холодной воды, происходитъ значительный отсадъ кристалловъ. Кристаллы отфильтровываются, промываются на фильтрѣ небольшимъ количествомъ разведенной уксусной кислоты (на 5 ч. кристаллической уксусной кислоты 1 ч. воды по вѣсу). На фильтратъ вновь дѣйствуетъ реагировавшій цинкъ и черезъ четверть часа при умѣренномъ кипяченіи и сильныхъ взбалтываніяхъ получается изъ раствора новый значительный отсадъ кристалловъ бензпинакона. Растворъ вмѣстѣ съ отсадомъ слитъ, охлажденъ; кристаллы выбрасываются на прежнюю фильтру, промываются разведенной уксусной кислотой. Фильтратъ слитъ на прежде реагировавшій цинкъ (при этомъ прибавлена 1 ч. цинковыхъ стружекъ) и кипяченъ. Послѣ кипяченія, продолжавшагося 15 минутъ, растворъ не выдѣляетъ кристалловъ, прозраченъ, но если слить его съ цинковыхъ стружекъ, тотчасъ получается отсадъ бензпинакона; затѣмъ слѣдуетъ охлажденіе раствора, фильтрованіе черезъ прежнюю фильтру и промываніе уксусной кислотой. Фильтратъ подвергнутъ дѣйствію цинка въ четвертый разъ и послѣ кипяченія, продолжавшагося четверть часа, сливанія съ цинка и охлажденія выкристаллизовывается уже очень мало бензпинакона. Слѣдуютъ операціи отдѣленія и промыванія кристалловъ. Фильтратъ вновь подвергнутъ въ пятый разъ 15-ти минутному дѣйствію цинка, слитъ, разбавленъ около двумя или тремя объемами воды, осѣло много кристалловъ; эти кристаллы присоединены къ прежнимъ кристалламъ. Вся собранная на одной фильтрѣ масса бензпинакона промыта большимъ количествомъ холодной воды и высушена. Выходъ бензпинакона 92% теоретическаго. При описанномъ мною

способѣ бензпинаколина не образуется. При превращеніи большихъ количествъ бензофенона въ бензпинаконъ фильтратъ послѣ 5-го кипяченія можетъ быть подвергнутъ впродолженіе 15 минутъ дѣйствію выдѣляющагося водорода въ шестой разъ, прибавивъ одну часть цинковыхъ стружекъ.

Продолжительность кипяченія раствора и оставленіе бензпинакона въ средѣ, выдѣляющей водородъ, измѣняетъ его. Возможно приготовленіе бензпинакона съ кристаллическою уксусною кислотою и цинкомъ, но въ этомъ случаѣ иногда образуется немного маслянистаго продукта.

Бензпинаконъ, полученный описаннымъ способомъ, достаточно перекристаллизовать одинъ разъ изъ уксусной *кристаллической* кислоты, чтобы онъ былъ пригоденъ для анализа. 1 ч. бензпинакона обливается 13—14 ч. уксусной *кристаллической* кислоты; полученная смѣсь быстро кипятится до растворенія бензпинакона, фильтруется; изъ фильтрата кристаллизуется бензпинаконъ четырехсторонними пластинками, иногда толстыми и значительной величины.

1) 0,3485 гр. бензпинакона описаннаго приготовленія дали при сожиганіи съ окисью мѣди 1,0855 грам. CO^2 и 0,1945 гр. H^2O.

2) 0,3295 гр. бензпинакона другаго приготовленія тоже одинъ разъ кристаллизованнаго изъ уксусной кислоты дали 1,0255 гр. CO^2 и 0,1875 гр. H^2O.

Вычислено для		Получено. 1	2
$C^{26} = 312 =$	85,24%	84,95	84,88
$H^{22} = 22 =$	6,01	6,20	6,32
$O^2 = 32 =$	8,75	—	—
366	100,00		

Бензпинаконъ плавится при 168°. Линнеманъ[1]) указываетъ температуру плавленія 170—180°; Тöрнеръ и Цинке[2]) 185—186°.

[1]) Annal. d. Chemie 133. 26.

[2]) Berl. Ber. X. 1473.

1 ч. бензпинакона растворяется въ 11,5 ч. (кристаллической) кипящей уксусной кислоты и 26 ч. кипящаго бензола; изъ послѣдняго выдѣляется при медленномъ охлажденіи крупными четырехсторонними призмами. Въ кипящемъ 95% спиртѣ 1 ч. бензпинакона растворяется въ 39 частяхъ. Бензпинаконъ измѣняется въ кипящемъ спиртномъ растворѣ и особенно, когда онъ перекристаллизовывается изъ насыщенныхъ растворовъ. Анализированный первый образецъ бензпинакона былъ перекристаллизованъ изъ насыщеннаго при кипяченіи раствора въ 95% спиртѣ; температура плавленія послѣ перекристаллизованія уже не 168°, а 170°; анализъ его даетъ слѣдующія числа:

0,341 грам. при сожиганіи съ окисью мѣди дали 1,0685 гр. CO^2 и 0,190 гр. H^2O.

Вычислено для	Получено.
C^{26} = 85,24%	85,45%
H^{22} = 6,01	6,19
O^2 = 8,75	—
100	

Полученныя при анализѣ числа даютъ процентное содержаніе углерода больше, чѣмъ въ бензпинаконѣ. Если этотъ образецъ перекристаллизовать изъ насыщеннаго при кипяченіи раствора въ 95% спиртѣ во второй разъ, то при анализѣ получимъ слѣдующія данныя:

0,334 грам. дважды перекристаллизованнаго изъ спирта бензпинакона дали при сожиганіи съ окисью мѣди 1,0485 гр. CO^2 и 0,188 гр. H^2O.

Вычислено.	Получено.
C^{26} = 85,24%	85,61%
H^{22} = 6,01	6,25
O^2 = 8,75	—
100	

Если перекристаллизовать только что анализированный образецъ въ третій разъ, то температура плавленія повышается до 172°, а процентное содержаніе углерода оказывается еще большимъ.

1) 0,3335 гр. при сожиганіи съ окисью мѣди дали 1,051 гр. CO^2 и 0,186 гр. H^2O;

2) 0,333 грам. того же образца при сожиганіи съ окисью мѣди дали 1,050 гр. CO^2 и 0,184 гр. H^2O;

3) 0,3325 гр. того же образца при сожиганіи съ окисью мѣди дали 1,048 гр. CO^2 и 0,1845 гр. H^2O.

Вычислено для	Получено 1	2	3
C^{26}=85,24%	85,94%	85,99%	85,96%
H^{22}= 6,01	6,19	6,14	6,16
O^2 = 8,75	—	—	—
100			

Линнеманъ, Тöрнеръ и Цинке кристаллизовали бензпинаконъ изъ спирта, чѣмъ и объясняется такая измѣнчивая и высокая температура плавленія 170—180°, данная Линнеманомъ. Линнемановскіе анализы (1, 2 и 4) бензпикакона указываютъ процентное содержаніе углерода столь же значительное, какъ и три послѣдніе приведенные мною анализа; изъ нихъ уже нельзя вывести формулы бензпинакона.

Большее приращеніе процентнаго содержанія углерода получается при *одномъ* перекристаллизованіи изъ кипящаго насыщеннаго раствора въ разведенной уксусной кислотѣ (на 4 ч. кристаллической уксусной кислоты 1 ч. воды по вѣсу).

0,346 грам. при сожиганіи съ окисью мѣди дали 1,0915 гр. CO^2 и 0,191 гр. H^2O.

Вычислено	Получено
C^{26}=85,24%	86,03%
H^{22}= 6,01	6,13
O^2 = 8,75	—
100	

При перекристаллизованіяхъ изъ спирта и изъ разведенной уксусной кислоты отъ бензпинакона отдѣляется вода и въ массѣ бензпинакона находится уже бензпинаколинъ, отчего и зависитъ наростаніе процентнаго содержанія углерода. Бензпинаколинъ со-

держитъ 89,68% углерода. При первомъ перекристаллизованіи изъ спирта наружный видъ кристалловъ почти не измѣняется; при второмъ—расположеніе выдѣлившихся кристалловъ бензпинакона измѣняется, хотя форма ихъ почти таже; но при третьемъ—кромѣ иного расположенія выдѣлившихся изъ раствора кристалловъ подъ микроскопомъ можно отыскать форму кристалловъ, не принадлежащую бензпинакону. Подобную смѣсь кристалловъ замѣтили Tӧрнеръ и Цинке[1]). Можетъ быть, подобный наружный видъ смѣси послужилъ поводомъ Tӧрнеру и Цинке къ принятію новаго изомера α—бензпинаколина, симметрическаго, какъ называютъ его Tӧрнеръ и Цинке. Если принять во вниманіе условія реакціи, при которыхъ Tӧрнеръ и Цинке получали бензпинаконъ, то вмѣстѣ съ бензпинакономъ они, на вѣрно, имѣли бензпинаколинъ. Условія ихъ реакціи: на кипящій спиртный растворъ бензофенона продолжительно дѣйствуетъ выдѣляющійся водородъ (цинкъ и соляная кислота); отъ образовавшагося бензпинакона могли отнимать воду: соляная кислота, хлористый цинкъ. Въ реакціи Линнемана условія подобны: на спиртный растворъ бензофенона при обыкновенной температурѣ дѣйствуетъ выдѣляющійся водородъ (изъ цинка и сѣрной кислоты). Реакція Линнемана очень медленна, оканчивается по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Бензпинаколинъ. 1 ч. кристаллизованнаго изъ уксусной кислоты бензпинакона растворяется въ колбѣ въ 14 ч. кипящей уксусной (кристаллической) кислоты и къ этому раствору прибавляется очень крѣпкая дымящая водная соляная кислота сначала по каплямъ. Въ началѣ прибавленія соляной кислоты происходитъ вскипаніе и начинается уже выдѣленіе изъ раствора кристалловъ бензпинаколина. По мѣрѣ прибавленія соляной кислоты масса кристалловъ увеличивается и растворъ превращается въ кашу; нагрѣваніе раствора въ концѣ реакціи поддерживать не возможно. При сильныхъ взбалтываніяхъ колбы и прибавленіи соляной кислоты около $^1/_4$ первоначальнаго объема реакцію можно считать оконченною. Содержимое колбы разбавляется равнымъ

[1]) Berlin. Ber. XI, 66—68.

или полуторнымъ объемомъ воды и часа черезъ четыре кристаллы отфильтровываются, промываются большимъ количествомъ воды. Изъ 10 грам. бензпинакона получается бензпинаколина при указанномъ мною способѣ 9,5 грам. Теоретическій выходъ—9,508 грам.

1 ч. бензпинаколина растворяется въ 82 ч. 95% кипящаго спирта; въ 10 ч. кипящей (кристаллической) уксусной кислоты. Изъ спирта и уксусной кислоты бензпинаколинъ кристаллизуется тонкими иголками, группирующимися около центра или собранными въ метелки. Бензпинаколинъ плавится при 181°.

0,324 грам. бензпинаколина, кристаллизованнаго изъ спирта, дали при сожиганіи съ окисью мѣди 1,0655 гр. CO^2 и 0,1745 гр. H^2O.

	Вычислено.	Получено.
C^{26}	=312=89,65%	89,68%
H^{20}	= 20= 5,74	5,98
O	= 16= 4,61	—
	348 100	

Трифенилметанъ. Къ 20 гр. размельченнаго ѣдкаго кали, растореннаго въ 70—80 гр. 95% спирта прибавляется мало по малу при кипяченіи 7,3 гр. бензпинаколина. Бензпинаколинъ долженъ быть растертъ въ густую кашу со спиртомъ; на 1 ч. бензпинаколина взято 3—4 ч. спирта. Какъ только прибавленная порція растертаго со спиртомъ бензпинаколина растворялась въ кипящемъ спиртномъ растворѣ ѣдкаго кали, тотчасъ прибавлялась новая порція бензпинаколина. Когда весь взятый въ реакпію бензпинаколинъ внесенъ въ спиртный растворъ КНО, тогда растворъ поддерживался при умѣренномъ кипяченіи впродолженіе 20 минутъ. Затѣмъ нагрѣваніе раствора прекращается и прибавляется вода мало по малу около двухъ объемовъ. Уже первыя небольшія количества прибавленной воды выдѣляютъ трифенилметанъ въ чистыхъ и довольно большихъ кристаллахъ. Послѣ прибавленія воды содержимое колбы оставлено часа на 4 для полнаго выдѣленія углеводорода. Передъ фильтрованіемъ прибавлено еще около двухъ

объемовъ воды. Кристаллы отфильтрованы, промыты большимъ количествомъ воды, высушены. Количество полученнаго углеводорода, перекристаллизованнаго изъ спирта и выдѣленнаго водою изъ спиртнаго маточнаго раствора, полученнаго при перекристаллизованіи, равно 4,9. Теоретическій выходъ — 4,88 гр.

1 ч. полученнаго углеводорода — трифенилметана растворяется около въ 3-хъ част. кипящаго 95% спирта. Но для перекристаллизованій лучше брать больше спирта — около 5 ч. на одну часть трифенилметана.

0,326 грам. одинъ разъ перекристаллизованнаго изъ спирта трифенилметана дали при сожиганіи съ окисью мѣди 1,1135 грам. CO^2 и 0,196 гр. H^2O.

Вычислено.			Получено.
C^{19} =	228 =	93,44%	93,15%
H^{16} =	16 =	6,56	6,68.
	244	100	

Трифенилметанъ плавится при 93—94°.

Для удаленія спирта отъ прозрачнаго фильтрата, полученнаго послѣ отдѣленія кристалловъ трифенилметана, отогнано больше половины объема жидкости, почти около $^2/_3$ ея. Въ отгонѣ получился спиртъ и вода. Къ жидкости, оставшейся въ колбѣ послѣ перегонки, не совсѣмъ остывшей, прибавлялась крѣпкая водная соляная кислота въ большомъ избыткѣ; тотчасъ же выдѣляются кристаллы бензойной кислоты. По прошествіи 15-ти часовъ кристаллы отфильтрованы, промыты, высушены, вѣсятъ 1,6 грам. Полученное количество бензойной кислоты не отвѣчаетъ теоретическому 2,4 грам., такъ какъ бензойная кислота, оставшаяся въ растворѣ послѣ осажденія соляною кислотою, не была извлечена изъ него. Полученная кислота едва замѣтно окрашена; ея кристаллическая форма, температура плавленія 120° и анализъ серебрянной соли показываютъ, что эта кислота есть бензойная.

0,329 грам. серебрянной соли дали металлическаго серебра

при прокаливаніи въ тиглѣ 0,156 грам. или 47,41% сер. Въ бензойносеребрянной соли 47,16% Ag.

Тетрафенилэтанъ. Къ кипящему раствору 1 ч. эфира дифенилкарбинола въ 15—17 ч. кристаллической уксусной кислоты прибавлена одна или двѣ части оловянныхъ стружекъ и 20—30 капель крѣпкой водной дымящей соляной кислоты. При кипяченіи и прибавленіи соляной кислоты въ такихъ количествахъ, чтобы поддерживалось очень обильное выдѣленіе водорода, получается отсадъ кристалловъ тетрафенилэтана. Если полученный отсадъ кристалловъ замѣтно не увеличивается, то растворъ вмѣстѣ съ кристаллами сливается съ олова въ колбу, быстро охлаждается; кристаллы собираются на фильтрѣ, промываются кристаллической уксусной кислотой. На фильтратъ снова дѣйствуетъ выдѣляющійся водородъ (олово и соляная кислота); обыкновенно получается небольшой отсадъ кристалловъ и если нѣтъ замѣтнаго увеличенія ихъ, то растворъ сливается съ олова, охлаждается. Полученные кристаллы присоединяются къ прежнимъ кристалламъ на фильтрѣ. Повторивъ описанныя операціи три или четыре раза, къ раствору прибавляется вода до полнаго выдѣленія углеводорода. Выходъ тетрафенилэтана былъ опредѣленъ въ трехъ опытахъ въ 9, 9,2 и 9,3 гр. Теоретическій выходъ 9,5 гр.

Таковы же условія образованія тетрафенилэтана изъ дифенилкарбинола. Дифенилкарбинолъ растворяется въ уксусной кислотѣ и на этотъ растворъ дѣйствуетъ выдѣляющійся водородъ (олово и очень крѣпкая дымящая водная соляная кислота). При кипяченіи раствора дифенилкарбинола въ уксусной кислотѣ съ прибавленіемъ соляной кислоты образуется эфиръ дифенилкарбинола,— этотъ эфиръ былъ выдѣленъ мною въ чистомъ видѣ; слѣдовательно изъ дифенилкарбинола образуется сначала эфиръ дифенилкарбинола, а изъ него уже тетрафенилэтанъ.

0,342 грам. тетрафенилэтана, полученнаго изъ эфира дифенилкарбинола и дважды перекристаллизованнаго изъ спирта, дали при сожиганіи съ окисью мѣди 1,169 грам. CO^2 и 0,201 грам. H^2O.

Вычислено.	Получено.
$C^{26} = 312 = 93{,}41\%$	$93{,}22\%$
$H^{22} = 22 = 6{,}58$	$6{,}53.$
$\phantom{C^{26} =}\ 334 \quad 99{,}99$	

Свойства тетрафенилэтана: растворимость въ спиртѣ и уксусной кислотѣ, температура плавленія, способность соединяться съ бензоломъ мною прежде описаны въ статьѣ о дифенилкарбинолѣ [1]).

При дѣйствіи іодистоводородной кислоты въ присутствіи краснаго фосфора на бензпинаколинъ Тöрнеръ и Цинке получили тетрафенилэтанъ [2]). Я убѣдился, что при этой реакціи получается тотъ самый тетрафенилэтанъ, который полученъ Гребе [3]) изъ бензпинакона при дѣйствіи іодистоводородной кислоты и краснаго фосфора и мною изъ эфира дифенилкарбинола. Іодистоводородная кислота, полученная насыщеніемъ при низкихъ температурахъ кипящей при 127°, содержащей много іодистаго фосфонія, не дѣйствуетъ ниже 180° на бензпинаколинъ; при 185°, при температурѣ нѣсколько высшей температуры плавленія бензпинаколина, превращаетъ его впродолженіе часа въ тетрафенилэтанъ. Въ этомъ случаѣ мнѣ удалось выдѣлить недостаточное для анализа количество другаго продукта, плавящагося около 137°. Опыты дѣйствія іодистоводородной кислоты на насыщенные растворы бензпинаколина остались безъ результата. Если іодистоводородная кислота, кипящая при 127°, дѣйствуетъ при 195—200° на бензпинаколинъ пять часовъ, то получается очень мало тетрафенилэтана и рядомъ съ нимъ, судя по кристаллической формѣ неизмѣненный бензпинаколинъ. Какой порядокъ превращенія бензпинаколина въ тетрафенилэтанъ съ точностью прослѣдить не удалось. Можно сдѣлать три слѣдующія предположенія: 1) іодистый водородъ присоединяется къ бензпинако-

---

1) Журн. Р. Ф. Хим. Общ. VIII. 66.

2) Berl. Bericht XI. 67.

3) Berl. Bericht VIII. 1055.

лину — четырехфенилированной окиси этилена — образуетъ соединеніе

$$\begin{array}{l} C(C^6H^5)^2OH \\ | \\ C(C^6H^5)^2I, \end{array}$$

четырехфенилированный гликоліодгидринъ, который уже переходитъ въ тетрафенилэтанъ, 2) присоединеніе одной частицы водорода къ бензпинаколину, образованіе эфира дифенилкарбинола, превращеніе этого эфира въ тетрафенилэтанъ и 3) отъ бензпинаколина отнимается кислородъ, образуется тетрафенилэтиленъ, а тетрафенилэтиленъ превращается въ тетрафенилэтанъ. Слишкомъ высокая температура — неблагопріятное условіе для изученія реакціи іодистаго водорода на бензпинаколинъ. Другіе изучаемые мною пинаколины, можетъ быть, дадутъ рѣшеніе сказанной реакціи — дѣйствія іодистаго водорода на нихъ.

Описанныя превращенія по своимъ выходамъ теоретическимъ 1) при превращеніи бензпинакона въ бензпинаколинъ, 2) при превращеніи дифенилкарбинола или его эфира въ тетрафенилэтанъ, 3) при превращеніи бензпинаколина въ трифенилметанъ и бензойную кислоту или такимъ выходамъ, которые составляютъ 92% теоретическаго выхода — въ случаѣ превращенія бензофенона въ бонзпинаконъ, можно выразить химическимъ уравненіемъ.

При присоединеніи двухъ атомовъ выдѣляющагося водорода (цинкъ и уксусная кислота) къ двумъ частицамъ бензофенона получается бензпинаконъ — третичный гликолъ

$$2\,{}^{C^6H^5}_{C^6H^5}{>}CO + H^2 = {}^{C^6H^5}_{C^6H^5}{>}C(OH)-C(OH){<}^{C^6H^5}_{C^6H^5}.$$

Бензпинаконъ легко отдѣляетъ воду; при перекристаллизованіяхъ его изъ насыщенныхъ при кипяченіи растворовъ въ 95% спиртѣ является уже примѣсь бензпинаколина. Поэтому нѣтъ нужды прибѣгать къ дѣйствію водоотнимающихъ веществъ при высокихъ температурахъ отъ 180—200°, какъ дѣлаютъ Тöрнеръ и Цинке. Водоотнимающія вещества были употреблены

слѣдующія: хлористый бензоилъ (Линнеманъ[1]), крѣпкая соляная кислота при 200°, разведенная сѣрная кислота при 180—200°, хлористый ацетилъ, уксусная кислота при 180—200°, пятихлористый фосфоръ (Тӧрнеръ и Цинке[2]).

Я воспользовался дѣйствіемъ дымящей водной соляной кислоты на растворенный въ кипящей уксусной кислотѣ бензпинаконъ, при чемъ легко и быстро отъ одной частицы бензпинакона отдѣляется одна частица воды и получается симметрическій бензпинаколинъ, тотъ, которому Тӧрнеръ и Цинке придаютъ не симметрическое строеніе — β — бензпинаколинъ.

$$\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}\!>C(OH)-C(OH)<\!\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}-H^2O=$$

$$=\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}\!>\underset{\underset{O}{\vee}}{C-C}<\!\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}$$

Получаемому пинаколину должно придать симметрическое строеніе—четырехфенилированной окиси этилена—на основаніи превращенія его въ тетрафенилэтанъ,—тожественный съ полученнымъ мною изъ эфира дифенилкарбинола.

При дѣйствіи спиртнаго раствора ѣдкаго кали на бензпинаколинъ образуется трифенилметанъ и бензойнокаліевая соль

$$\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}\!>\underset{\underset{O}{\vee}}{C-C}<\!\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}+KHO=(C^6H^5)^3CH+C^6H^5CO^2K.$$

Подобное распаденіе (разрушеніе частицы) не доказываетъ, что пинаколинъ имѣетъ не симметрическое строеніе, строеніе кетона съ третичнымъ радикаломъ $(C^6H^5)^3C-CO-C^6H^5$. Взаимодѣйствіе частицы симметрическаго бензпинаколина

$$\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}\!>\underset{\underset{O}{\vee}}{C-C}<\!\begin{array}{c}C^6H^5\\C^6H^5\end{array}$$

---

[1]) Ann. d. Chemie 133. 28.

[2]) Berl. Bericht X. 1475.

и частицы КНО можно представить такимъ образомъ, что группа бензпинаколина C^7H^5O съ КО даетъ бензойнокаліевую соль, группы 1) фенилъ и 2) водородъ ѣдкаго кали даютъ съ группою — двуфенилированнымъ метиленомъ — $\begin{matrix}C^6H^5\\C^6H^5\end{matrix}>C$ трифенилметанъ $(C^6H^5)^3CH$. Если бы бензпинаколинъ имѣлъ строеніе кетона, то этотъ кетонъ давалъ бы производныя кетоновъ, но бензпинаколинъ симметрическаго строенія не возстановляется ни оловомъ съ соляною кислотою, ни цинкомъ съ соляною кислотою, ни цинкомъ съ уксусной кислотой. Точно также не говоритъ за несимметрическое строеніе пинаколина окисленіе его хромовой кислотой въ растворѣ уксусной кислоты, потому что при этомъ окисленіи происходятъ двѣ реакціи: 1) присоединеніе воды, слѣдовательно распаденіе на трифенилметанъ и бензойную кислоту и затѣмъ уже 2) окисленіе трифенилметана, образованіе трифенилкарбинола.

Выдѣляющійся водородъ (олово и дымящая водная соляная кислота) дѣйствуетъ на эфиръ дифенилкарбинола такимъ образомъ, что выводитъ изъ эфира дифенилкарбинола кислородъ, связывающій два радикала (остатка) дифенилкарбинола. Остатки, соединясь между собою, даютъ симметрическій тетрафенилэтанъ. Уравненіе напишется такъ:

$$\begin{matrix}(C^6H^5)^2CH\\(C^6H^5)^2CH\end{matrix}>O + H^2 = (C^6H^5)^2CH - CH(C^6H^5)^2 + H^2O.$$

Очевидно, что 1) тетрафенилэтанъ имѣетъ симметрическое строеніе и 2) изъ этой реакціи невозможно вывести несимметрической формулы тетрафенилэтана и допускать перегруппировку. Если тетрафенилэтанъ симметриченъ, то бензпинаконъ и бензпинаколинъ симметричны.

О ФУНКЦІЯХЪ

МАЛО УДАЛЯЮЩИХСЯ ОТЪ НУЛЯ

ПРИ НѢКОТОРЫХЪ ВЕЛИЧИНАХЪ ПЕРЕМѢННОЙ.

П. ЧЕБЫШЕВА.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 23 декабря 1880 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Н. Киммеля**, въ Ригѣ. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Май 1881 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

О ФУНКЦІЯХЪ МАЛО УДАЛЯЮЩИХСЯ ОТЪ НУЛЯ ПРИ НѢКОТОРЫХЪ ВЕЛИЧИНАХЪ ПЕРЕМѢННОЙ.

§ 1. Если цѣлая функція $F(x)$ между предѣлами $x = -h$, $x = +h$ мало удаляется отъ нуля, за этими предѣлами она можетъ имѣть большую величину при x близкомъ къ $-h$ или $+h$ только въ томъ случаѣ, когда степень ея довольно высока. Мы теперь покажемъ какъ, по степени функціи $F(x)$ и высшему предѣлу уклоненія ея отъ нуля между $x = -h$, $x = +h$, можно найти высшій предѣлъ ея величины при какомъ нибудь значеніи $x = H$, не заключающемся между $x = -h$, $x = +h$. Такъ какъ введеніемъ постояннаго множителя въ функцію $F(x)$ можно въ желаемой пропорціи измѣнить всѣ значенія ея и между $x = -h$, $x = +h$, и при $x = H$, мы для простоты изложенія ограничимся предположеніемъ, что функція $F(x)$ такова, что значеніе ея при $x = H$ равняется нѣкоторой данной величинѣ M, и затѣмъ между цѣлыми функціями, удовлетворяющими условію

$$F(H) = M$$

и имѣющими данную степень n, будемъ искать ту, которая между $x = -h$, $x = +h$ наименѣе удаляется отъ нуля. Изображая черезъ L наибольшее уклоненіе отъ нуля такой функціи между $x = -h$, $x = +h$, и замѣчая, что для всякой другой

функціи той-же степени n и приводящейся къ M при $x=H$, наибольшее уклоненіе отъ 0 между $x=-h$, $x=+h$ будетъ превосходить L, мы заключаемъ, что отношеніе

$$\frac{M}{L},$$

получаемое изъ разсмотрѣнія этой функціи, будетъ представлять высшій предѣлъ отношенія значенія цѣлой функціи степени n при $x=H$ къ наибольшему уклоненію ея отъ нуля между $x=-h$, $x=+h$.

§ 2. Приступая къ опредѣленію функціи $F(x)$ подъ вышесказанными условіями, мы замѣчаемъ, что она, будучи степени n и приводясь къ M при $x=H$, должна представляться такою формулою:

$$(1)\ldots F(x)=(p_1x^{n-1}+p_2x^{n-2}+\ldots+p_{n-1}x+p_n)(x-H)+M,$$

гдѣ $p_1, p_2, \ldots p_{n-1}, p_n$ постоянныя количества. Эти постоянныя въ разсматриваемой нами функціи опредѣляются тѣмъ условіемъ, что она отъ $x=-h$ до $x=+h$ остается въ предѣлахъ $-L$, $+L$, между которыми ни одна функція того-же вида и при тѣхъ-же величинахъ x не можетъ оставаться. Для опредѣленія значенія постоянныхъ $p_1, p_2, \ldots p_{n-1}, p_n$ на основаніи этого условія мы воспользуемся первою *теоремою* Мемуара нашего, подъ заглавіемъ: *Sur les questions de minima qui se rattachent à la représentation approximative des fonctions* *). Теорема эта можетъ быть приминима къ опредѣленію коеффиціентовъ функціи $F(x)$, такъ какъ эта функція и ея производныя остаются непрерывными и конечными между $x=-h$ и $x=+h$.

На основаніи этой теоремы и изображая черезъ

$$x_1, x_2, \ldots x_\mu$$

различныя величины перемѣнной x, при которыхъ функція $F(x)$

*) Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de S.-Pétersbourg. Sixième Série. Sciences mathématiques et physiques. Tome VII.

между $x = -h$, $x = +h$ достигаетъ предѣльныхъ величинъ $-L$, $+L$, мы заключаемъ, что система n уравненій

$$\frac{dF(x_1)}{dp_1}\lambda_1 + \frac{dF(x_2)}{dp_1}\lambda_2 + \ldots + \frac{dF(x_\mu)}{dp_1}\lambda_\mu = 0,$$

$$\frac{dF(x_1)}{dp_2}\lambda_1 + \frac{dF(x_2)}{dp_2}\lambda_2 + \ldots + \frac{dF(x_\mu)}{dp_2}\lambda_\mu = 0,$$

$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\frac{dF(x_1)}{dp_n}\lambda_1 + \frac{dF(x_2)}{dp_n}\lambda_2 + \ldots + \frac{dF(x_\mu)}{dp_n}\lambda_\mu = 0$$

съ μ неизвѣстными

$$\lambda_1, \lambda_2, \ldots \lambda_\mu$$

должна имѣть рѣшеніе, въ которомъ всѣ μ неизвѣстныхъ λ_1, $\lambda_2, \ldots \lambda_\mu$ не равны нулю.

Опредѣляя по (1) значеніе производныхъ

$$\frac{dF(x_1)}{dp_1}, \frac{dF(x_2)}{dp_1}, \ldots \frac{dF(x_\mu)}{dp_1},$$

$$\frac{dF(x_1)}{dp_2}, \frac{dF(x_2)}{dp_2}, \ldots \frac{dF(x_\mu)}{dp_2},$$

$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\frac{dF(x_1)}{dp_n}, \frac{dF(x_2)}{dp_n}, \ldots \frac{dF(x_\mu)}{dp_n},$$

и внося ихъ величину въ предыдущія уравненія, мы находимъ, что они приводятся къ слѣдующему:

$$(2). \begin{cases} (x_1-H)x_1^{n-1}.\lambda_1+(x_2-H)x_2^{n-1}.\lambda_2+\ldots+(x_\mu-H)x_\mu^{n-1}.\lambda_\mu=0, \\ (x_1-H)x_1^{n-2}.\lambda_1+(x_2-H)x_2^{n-2}.\lambda_2+\ldots+(x_\mu-H)x_\mu^{n-2}.\lambda_\mu=0, \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ (x_1-H)\lambda_1+(x_2-H)\lambda_2+\ldots+(x_\mu-H)\lambda_\mu=0. \end{cases}$$

§ 3. Величина H по положенію находится за предѣлами $x=-h$, $x=+h$, между которыми, какъ видѣли выше, содержатся всѣ μ величинъ

$$x_1, x_2, \ldots x_\mu.$$

Вслѣдствіе этого ни одна изъ разностей

$$x_1-H, x_2-H, \ldots, x_\mu-H$$

не можетъ обратиться въ нуль. Замѣтивши это, мы теперь покажемъ, что μ, число неизвѣстныхъ $\lambda_1, \lambda_2, \ldots \lambda_\mu$ въ вышенайденной системѣ уравненій, должно превосходить n, число уравненій, для того чтобы они могли быть удовлетворены величинами $\lambda_1, \lambda_2, \ldots \lambda_\mu$ отличными отъ нуля, какъ это необходимо должно быть по вышеприведенной теоремѣ для функціи $F(x)$ нами разсматриваемой.

Въ самомъ дѣлѣ. Если μ не превосходитъ n, произведеніе

$$(x-x_2)(x-x_3)\ldots(x-x_\mu)$$

будетъ приводиться къ полиному степени ниже n, и который можетъ быть всегда представленъ такъ:

$$Ax^{n-1}+Bx^{n-2}+\ldots+K.$$

Изображая этотъ полиномъ черезъ $\varphi(x)$, мы замѣчаемъ по разложенію его на множители, что

$$\varphi(x_1) = (x_1 - x_2)(x_1 - x_3)\ldots\ldots(x_1 - x_\mu);$$

$$\varphi(x_2) = 0, \ \varphi(x_3) = 0, \ \ldots\ldots\varphi(x_\mu) = 0.$$

Переходя затѣмъ къ уравненіямъ (2), мы ихъ по порядку умножаемъ на

$$A, B, \ldots\ldots K$$

и складываемъ, что даетъ намъ уравненіе, которое по нашему знакоположенію напишется такъ:

$$(x_1 - H)\varphi(x_1)\lambda_1 + (x_2 - H)\varphi(x_2)\lambda_2 + \ldots\ldots + (x_\mu - H)\varphi(x_\mu)\lambda_\mu = 0.$$

Внося сюда вышенайденныя значенія функцій

$$\varphi(x_1), \ \varphi(x_2), \ldots\ldots\varphi(x_\mu),$$

мы замѣчаемъ, что это уравненіе приводится къ слѣдующему:

$$(x_1 - H)(x_1 - x_2)(x_1 - x_3)\ldots\ldots(x_1 - x_\mu)\lambda_1 = 0.$$

Откуда выходитъ

$$\lambda_1 = 0;$$

такъ какъ по замѣченному выше разность $x_1 - H$ не равна нулю, а величины $x_1, x_2 \ldots\ldots x_\mu$ всѣ различны между собою.

Подобнымъ образомъ докажется, что при $\mu \overline{\overline{<}} n$ уравненія (2) предполагаютъ

$$\lambda_2 = 0, \ldots\ldots, \lambda_\mu = 0.$$

Изъ этого видно, что число μ, показывающее сколько разъ разсматриваемая нами функція отъ $x = -h$ до $x = +h$ достигаетъ предѣльныхъ величинъ $-L$, $+L$, не переходя за нихъ, должно быть больше n; а потому уравненіе

(3) .... $F^2(x) - L^2 = 0$

должно имѣть между $x = -h$, $x = +h$ по крайней мѣрѣ $n+1$ различныхъ корней. Изъ этихъ $n+1$ корней по крайней мѣрѣ будетъ $n-1$ такихъ, которые не равняются ни $-h$, ни $+h$. Эти $n-1$ корней уравненія (3) не могутъ быть простыми; ибо при переходѣ x черезъ простой корень уравненія (3) функція $F^2(x)$ переходитъ черезъ L^2, а это противно положенію. Съ другой стороны замѣчая, что кратные корни уравненія (3) должны удовлетворять уравненію

$$F'(x) = 0,$$

которое по (1) степени $n-1$, мы заключаемъ, что уравненіе (3) не можетъ имѣть и болѣе $n-1$ кратныхъ корней. Изображая эти корни черезъ

$$x_1, \ x_2, \ x_3, \ldots x_{n-1},$$

мы по вышесказанному заключаемъ, что первая часть уравненія должна дѣлиться на произведеніе

$$(x-x_1)^2 \ (x-x_2)^2 \ (x-x_3)^2 \ldots (x-x_{n-1})^2.$$

Не трудно также замѣтить, что она должна дѣлиться и на произведеніе

$$(x-h) \ (x+h).$$

Въ самомъ дѣлѣ. Уравненіе (3), какъ видѣли сейчасъ, не можетъ имѣть болѣе $n-1$ кратныхъ корней, а такъ какъ между $x = -h$, $x = +h$, по вышепоказанному, должно заключаться по крайней мѣрѣ $n+1$ корней этого уравненія, то два изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, будутъ простые. Но, какъ было замѣчено выше, уравненіе (3) въ предѣлахъ $x = -h$, $x = +h$, можетъ имѣть простые корни только такіе:

$$x = -h, \ x = +h,$$

что и предполагаетъ дѣлимость первой его части на произведеніе

$$(x-h)\ (x+h).$$

Такъ убѣждаемся мы, что разность

$$F^2(x)-L^2$$

будетъ дѣлиться на

$$(x-x_1)^2\ (x-x_2)^2\ (x-x_3)^2 \ldots (x-x_{n-1})^2$$

и на

$$(x-h)\ (x+h)=x^2-h^2,$$

и слѣд. на произведеніе ихъ

$$(x-x_1)^2\ (x-x_2)^2\ (x-x_3)^2 \ldots (x-x_{n-1})^2\ (x^2-h^2).$$

Замѣчая-же по (1), что это произведеніе одной степени съ разностію

$$F^2(x)-L^2,$$

мы заключаемъ, что эта дѣлимость предполагаетъ равенство

$$F^2(x)-L^2=C(x-x_1)^2\ (x-x_2)^2 \ldots (x-x_{n-1})^2\ (x^2-h^2),$$

гдѣ C есть постоянное количество. Это равенство намъ даетъ такое уравненіе:

$$(4) \ldots \ldots \ldots \ldots F^2(x)-L^2=(x^2-h^2)\,\Phi^2(x),$$

гдѣ $\Phi(x)$ есть цѣлая функція степени $n-1$, опредѣляемая формулою

$$(5) \ldots \ldots \Phi(x)=\pm\sqrt{C}(x-x_1)\ (x-x_2) \ldots (x-x_{n-1}).$$

При этомъ мы предполагаемъ, что знакъ радикала $\pm\sqrt{C}$

выбирается такъ, что высшій членъ въ функціи $\Phi(x)$ имѣетъ одинаковый знакъ съ высшимъ членомъ функціи $F(x)$.

§ 4. Приступая къ опредѣленію функціи $F(x)$ на основаніи уравненія (4), мы замѣчаемъ, что оно можетъ быть представлено такъ:

$$F^2(x)-(x^2-h^2)\,\Phi^2(x)=L^2,$$

откуда, по разложеніи разности

$$F^2(x)-(x^2-h^2)\,\Phi^2(x)$$

на два множителя

$$\left(F(x)-\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}\right)\left(F(x)+\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}\right),$$

выводимъ

$$F(x)-\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}=\frac{L^2}{F(x)+\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}},$$

что по раздѣленіи на $\Phi(x)$ намъ даетъ уравненіе

$$(6)\ldots\ldots\frac{F(x)}{\Phi(x)}-\sqrt{x^2-h^2}=\frac{L^2}{\Phi(x)[F(x)+\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}]}.$$

Изъ этого уравненія, какъ мы показали въ вышеупомянутомъ Мемуарѣ, выраженіе искомой функціи $F(x)$ можетъ быть легко получено черезъ разложеніе выраженія $\sqrt{x^2-h^2}$ въ непрерывную дробь. Мы теперь покажемъ, какъ можетъ быть найдена эта функція и безъ помощи непрерывныхъ дробей. Для этого мы замѣчаемъ, что, называя черезъ P, Q цѣлыя функціи, опредѣляемыя равенствами

$$(7)\ldots\ldots\ldots\begin{cases} P=\dfrac{(x+\sqrt{x^2-h^2})^n+(x-\sqrt{x^2-h^2})^n}{2}, \\ Q=\dfrac{(x+\sqrt{x^2-h^2})^n-(x-\sqrt{x^2-h^2})^n}{2\sqrt{x^2-h^2}}, \end{cases}$$

мы находимъ

$$P-Q\sqrt{x^2-h^2}=(x-\sqrt{x^2-h^2})^n.$$

Съ другой стороны замѣчая, что произведеніе

$$(x+\sqrt{x^2-h^2})\,(x-\sqrt{x^2-h^2})$$

приводится къ h^2, мы выводимъ

$$x-\sqrt{x^2-h^2}=\frac{h^2}{x+\sqrt{x^2-h^2}};$$

вслѣдствіе чего предыдущее равенство намъ даетъ

$$P-Q\sqrt{x^2-h^2}=\frac{h^{2n}}{(x+\sqrt{x^2-h^2})^n}$$

откуда, дѣля на Q, выводимъ

$$\frac{P}{Q}-\sqrt{x^2-h^2}=\frac{h^{2n}}{Q[x+\sqrt{x^2-h^2}]^n}.$$

Вычитая-же это равенство изъ (6), мы получаемъ

$$\frac{F(x)}{\Phi(x)}-\frac{P}{Q}=\frac{L^2}{\Phi(x)\,[F(x)+\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}]}-\frac{h^{2n}}{Q\,(x+\sqrt{x^2-h^2})^n},$$

что по умноженіи на $\Phi(x).Q$ намъ даетъ такое уравненіе:

$$F(x).Q-\Phi(x).P=\frac{L^2Q}{F(x)+\Phi(a)\sqrt{x^2-h^2}}-\frac{h^{2n}\,\Phi(x)}{(x+\sqrt{x^2-h^2})^n}.$$

Разсматривая вторую часть этого уравненія, мы замѣчаемъ, что оба члена ея представляютъ выраженія степени ниже нуля; такъ какъ функціи L^2Q, $h^{2n}\Phi(x)$, находящіяся въ числителѣ этихъ членовъ, по (5) и (7) степени $n-1$, а функціи $F(x)+\Phi(x)\sqrt{x^2-h^2}$, $(x+\sqrt{x^2-h^2})^n$, находящіяся въ знаменателѣ, по (1), (5), степени n. Вслѣдствіе этого разсматриваемое нами уравненіе, гдѣ

первая часть представляетъ цѣлую функцію, можетъ быть удовлетворено только предположеніемъ, что обѣ части его приводятся къ нулю, и слѣд.

$$F(x)Q-\Phi(x)P=0.$$

Находя-же по этому равенству, что

$$\frac{F(x)}{\Phi(x)}=\frac{P}{Q},$$

и замѣчая по (4), (5), (7), что функція $F(x)$ не можетъ имѣть общаго дѣлителя съ $\Phi(x)$, а функція P съ Q, мы заключаемъ, что функціи $F(x)$, P могутъ разниться между собою только постояннымъ множителемъ; и слѣд.

$$F(x)=C_1P,$$

гдѣ C_1 есть постоянное количество. Эта величина $F(x)$, по внесеніи выраженія P изъ (7), намъ даетъ

$$F(x)=C_1\frac{(x+\sqrt{x^2-h^2})^n+(x-\sqrt{x^2-h^2})^n}{2}.$$

§ 5. Для опредѣленія постояннаго C_1 мы замѣчаемъ, что по § 1 функція $F(x)$ при $x=H$ должна равняться M. Дѣлая-же въ найденномъ нами выраженіи $F(x)$

$$x=H,$$

мы получаемъ

$$F(H)=C_1\frac{(H+\sqrt{H^2-h^2})^n+(H-\sqrt{H^2-h^2})^n}{2},$$

что, будучи приравнено M, намъ даетъ такое уравненіе для опредѣленія C_1:

$$C_1\frac{(H+\sqrt{H^2-h^2})^n+(H-\sqrt{H^2-h^2})^n}{2}=M;$$

откуда выходитъ

$$C_1 = \frac{2M}{(H + \sqrt{H^2 - h^2})^n + (H - \sqrt{H^2 - h^2})^n}.$$

Внося-же эту величину C_1 въ вышенайденное выраженіе функціи $F(x)$, получаемъ

$$F(x) = M\,\frac{(x + \sqrt{x^2 - h^2})^n + (x - \sqrt{x^2 - h^2})^n}{(H + \sqrt{H^2 - h^2})^n + (H - \sqrt{H - h^2})^n}.$$

Такъ представляется цѣлая функція степени n, которая, будучи равна M при $x = H$, въ предѣлахъ $-h$, $+h$, не заключающихъ H, наименѣе удаляется отъ нуля. Чтобы найти L, предѣлъ этихъ уклоненій, мы замѣчаемъ, что уравненіе (4) при $x = h$ намъ даетъ

$$F^2(h) = L^2.$$

Откуда

$$L = F(h).$$

Полагая-же $x = h$ въ выведенномъ нами выраженіи функціи $F(x)$, находимъ

$$F(h) = \frac{2Mh^n}{(H + \sqrt{H^2 - h^2})^n + (H - \sqrt{H^2 - h^2})^n},$$

вслѣдствіе чего предыдущее равенство намъ даетъ

$$L = \frac{2Mh^n}{(H + \sqrt{H^2 + h^2})^n + (H - \sqrt{H^2 - h^2})^n};$$

откуда получается такая формула для величины отношенія $\frac{M}{L}$:

$$\frac{M}{L} = \frac{(H + \sqrt{H^2 - h^2})^n + (H - \sqrt{H^2 - h^2})^n}{2h^n},$$

которое, по сказанному въ § 1, представляетъ высшій предѣлъ отношенія значенія цѣлой функціи степени n при $x = H$ къ наи-

большему уклоненію ея отъ нуля между $x = -h$, $x = +h$. При этомъ предполагается, что H не заключается между $x = -h$, $x = +h$.

Представляя полученное нами равенство подъ видомъ

$$(8)\ldots\frac{M}{L} = \frac{1}{2}\left[\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n + \left(\frac{H}{h} - \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n\right]$$

и замѣняя здѣсь выраженіе

$$\frac{H}{h} - \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}$$

равнымъ ему

$$\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^{-1},$$

находимъ

$$\frac{M}{L} = \frac{1}{2}\left[\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n + \left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^{-n}\right]$$

Опредѣляя по этому равенству величину

$$\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n - \frac{M}{L},$$

получаемъ

$$\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n - \frac{M}{L} = \pm\sqrt{\frac{M^2}{L^2} - 1}.$$

Чтобы рѣшить какой изъ двухъ знаковъ $\pm$ долженъ быть оставленъ въ этой формулѣ, мы предположимъ, что за h и H принимаются лишь положительныя количества. Въ этомъ предположеніи мы находимъ, что

$$\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n > \left(\frac{H}{h} - \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n,$$

и слѣд. по (8)

$$\left(\frac{H}{h} + \sqrt{\frac{H^2}{h^2} - 1}\right)^n > \frac{M}{L}.$$

Это-же неравенство показываетъ, что выведенное нами уравненіе можетъ быть удовлетворено только съ верхнимъ знакомъ при радикалѣ $\sqrt{\frac{M^2}{L^2}-1}$, и слѣд., должно быть

$$\left(\frac{H}{h}+\sqrt{\frac{H^2}{h^2}-1}\right)^n-\frac{M}{L}=\sqrt{\frac{M^2}{L^2}-1};$$

откуда выходитъ

$$\left(\frac{H}{h}+\sqrt{\frac{H^2}{h^2}-1}\right)^n=\frac{M}{L}+\sqrt{\frac{M^2}{L^2}-1}.$$

Опредѣляя-же по этому равенству число n, находимъ

$$n=\frac{\log\left(\frac{M}{L}+\sqrt{\frac{M^2}{L^2}-1}\right)}{\log\left(\frac{H}{h}+\sqrt{\frac{H^2}{h^2}-1}\right)},$$

что даетъ низшій предѣлъ степени цѣлой функціи, которая, уклоняясь отъ нуля не болѣе какъ на L между $x=-h$, $x=+h$, равняется M при $x=H$, не заключающемся между $+h$, $-h$. При этомъ всѣ величины h, H, L, M предполагаются положительными.

§ 6. Мы займемся теперь рѣшеніемъ того-же вопроса относительно простѣйшей тригонометрической функціи, функціи вида

$$(9)\ldots\ldots\begin{cases}A_0+A_1\cos\varphi+A_2\cos2\varphi+\ldots\ldots+A_n\cos n\varphi\\ \quad+B_1\sin\varphi+B_2\sin2\varphi+\ldots+B_n\sin n\varphi,\end{cases}$$

которую мы для сокращенія будемъ изображать черезъ

$$f(\varphi).$$

Для этого мы опять предположимъ данною величину разсматриваемой функціи при нѣкоторомъ значеніи

$$\varphi=\varphi_1,$$

величину, которую мы по прежнему будемъ изображать черезъ M, и затѣмъ между всѣми функціями вида (9) и удовлетворяющими уравненію

$$f(\varphi_1) = M$$

будемъ искать ту, которая наименѣе уклоняется отъ нуля между данными предѣлами $\varphi = -\varphi_0$, $\varphi = +\varphi_0$, не заключающими величины $\varphi = \varphi_1$.

Чтобы привести функцію $f(\varphi)$ къ алгебраическому виду, мы вводимъ перемѣнную x, полагая

$$\operatorname{tang}\frac{\varphi}{2} = x.$$

Находя по этому равенству

$$\sin\varphi = \frac{2x}{x^2+1}, \quad \cos\varphi = \frac{1-x^2}{x^2+1},$$

мы замѣчаемъ, что формула (9), по внесеніи въ нее выраженій синусовъ и косинусовъ кратныхъ угла φ, приведется къ такому виду:

$$\frac{C_0x^{2n} + C_1x^{2n-1} + \ldots + C_{2n}}{(x^2+1)^n},$$

гдѣ C_0, C_1, ... C_{2n} постоянныя.

Дѣлая здѣсь

$$(10) \ldots\ldots C_0x^{2n} + C_1x^{2n-1} + \ldots + C_{2n} = F(x),$$

мы это выраженіе функціи $f(\varphi)$ представляемъ такъ:

$$(11) \ldots\ldots f(\varphi) = \frac{F(x)}{(x^2+1)^n}.$$

Полагая-же

$$(12) \ldots\ldots \operatorname{tang}\frac{\varphi_0}{2} = h; \quad \operatorname{tang}\frac{\varphi_1}{2} = H,$$

мы замѣчаемъ по (11), что равенство

$$f(\varphi_1) = M,$$

которому должна удовлетворять искомая функція, приводится къ слѣдующему:

$$\frac{F(H)}{(H^2+1)^n} = M.$$

Откуда выходитъ

$$(13) \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots F(H) = (H^2+1)^n M,$$

что предполагаетъ приводимость функціи $F(x)$ къ такому виду:

$$(p_1 x^{2n-1} + p_2 x^{2n-2} + \ldots + p_{2n})(x - H) + (H^2+1)^n M,$$

гдѣ

$$p_1,\ p_2, \ldots p_{2n}$$

постоянныя количества, которыя опредѣляются тѣмъ условіемъ, что функція

$$f(\varphi) = \frac{F(x)}{(x^2+1)^n} = \frac{(p_1 x^{2n-1} + p_2 x^{2n-2} + \ldots + p_{2n})(x - H) + (H^2+1)^n M}{(x^2+1)^n}$$

между $x = -h$, $x = +h$ по возможности мало удаляется отъ нуля. Называя черезъ L высшій предѣлъ удаленія отъ нуля этой функціи между $x = -h$, $x = +h$ и прикладывая вышеупомянутую теорему, мы рядомъ сужденій, изложенныхъ въ §§ 2, 3, доходимъ до такого уравненія относительно функціи $F(x)$:

$$F^2(x) - L^2(x^2+1)^{2n} = C(x^2-h^2)(x-x_1)^2(x-x_2)^2 \ldots (x-x_{2n-1})^2,$$

гдѣ x_1, x_2, $x_3, \ldots x_{2n-1}$ различныя дѣйствительныя величины. Это уравненіе мы приводимъ къ виду

$$(14) \ldots\ldots F^2(x) - L^2(x^2+1)^{2n} = \Phi^2(x)(x^2-h^2).$$

полагая

$$(15)\ldots.\Phi(x)=\pm\sqrt{C}(x-x_1)(x-x_2)\ldots.(x-x_{2n-1}),$$

гдѣ радикалъ беремъ съ тѣмъ изъ двухъ знаковъ $\pm$, при которомъ отношеніе

$$\frac{F(\sqrt{-1})}{\sqrt{-1}\sqrt{1+h^2}.\Phi(\sqrt{-1})}$$

приводится къ количеству положительному.

§ 7. Приступая къ рѣшенію уравненія (14), мы замѣчаемъ, что оно при

$$x=\sqrt{-1}$$

даетъ

$$F^2(\sqrt{-1})=-(1+h^2)\Phi^2(\sqrt{-1});$$

откуда по извлеченіи корня выходитъ

$$F(\sqrt{-1})=\pm\Phi(\sqrt{-1})\sqrt{1+h^2}.\sqrt{-1},$$

гдѣ, по сказанному сейчасъ относительно выбора знака въ формулѣ (15), долженъ быть оставленъ одинъ верхній знакъ, и слѣд., будемъ имѣть

$$(16)\ldots\ldots.F(\sqrt{-1})=\Phi(\sqrt{-1})\sqrt{h^2+1}.\sqrt{-1}.$$

Дѣлая-же въ этомъ уравненіи

$$x=-\sqrt{-1},$$

мы находимъ

$$F^2(-\sqrt{-1})=\Phi^2(-\sqrt{-1})(-1-h^2);$$

откуда по извлеченіи корня получаются такія двѣ величины для $F(-\sqrt{-1})$:

$$F(-\sqrt{-1})=+\sqrt{1+h^2}.\Phi(-\sqrt{-1}).\sqrt{-1};$$

$$F(-\sqrt{-1})=-\sqrt{1+h^2}.\Phi(-\sqrt{-1}).\sqrt{-1}.$$

Этимъ двумъ величинамъ $F(-\sqrt{-1})$, какъ мы увидимъ, соотвѣтствуютъ два различныхъ рѣшенія уравненія (14), опредѣленіемъ которыхъ мы теперь и займемся.

Останавливаясь на случаѣ

$$(17)\ldots\ldots F(-\sqrt{-1})=\sqrt{1+h^2}.\Phi(-\sqrt{-1}).\sqrt{-1},$$

мы изображаемъ черезъ P и Q цѣлыя функція, опредѣляемыя равенствами

$$(18)\begin{cases} P=\frac{1}{2}\left[\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n}\right], \\ Q=\frac{l}{2\sqrt{x^2-h^2}}\left[\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n}-\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n}\right]. \end{cases}$$

Опредѣляя по этимъ равенствамъ выраженіе суммы $P+Q\sqrt{x^2-h^2}$ и разности $P-Q\sqrt{x^2-h^2}$, находимъ

$$P+Q\sqrt{x^2-h^2}=\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n},$$

$$P-Q\sqrt{x^2-h^2}=\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n},$$

что по перемноженіи между собою даетъ

$$P^2-Q^2(x^2-h^2)=\left[\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-x^2}\right)\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-x^2}\right)\right]^{2n}$$

$$=(x^2+1)^{2n}.$$

Откуда выводимъ, что

$$(19)\ldots\ldots\ldots P^2=Q^2(x^2-h^2)+(x^2+1)^{2n}.$$

Перемножая эту величину P^2 съ величиною $F^2(x)$, которая по (14) равняется суммѣ

$$\Phi^2(x)\,(x^2-h^2)+L^2(x^2+1)^{2n}$$

мы находимъ

$$P^2 . F^2(x) = Q^2 . \Phi^2(x) (x^2 - h^2)^2 + L^2 (x^2 + 1)^{4n}$$
$$+ (x^2 - h^2) (x^2 + 1)^{2n} \left[L^2 Q^2 + \Phi^2(x)\right],$$

что даетъ намъ

$$P^2 . F^2(x) - Q^2 . \Phi^2(x) (x^2 - h)^2 =$$
$$L^2 (x^2 + 1)^{4n} + (x^2 - h^2) (x^2 + 1)^{2n} \left[L^2 Q^2 + \Phi^2(x)\right];$$

откуда, разлагая первую часть на два множителя, выводимъ

$$\left[PF(x) + Q\Phi(x) (x^2 - h^2)\right] \left[PF(x) - Q\Phi(x) (x^2 - h^2)\right] =$$
$$(x^2 + 1)^{2n} \left[L^2(x^2 + 1)^{2n} + (x^2 - h^2) \left(L^2 Q^2 + \Phi^2(x)\right)\right].$$

Здѣсь, какъ не трудно показать, первый множитель первой части

$$PF(x) + Q\Phi(x) (x^2 - h^2)$$

при $x = \pm\sqrt{-1}$, корняхъ уравненія $x^2 + 1 = 0$, не обращается въ нуль.

Въ самомъ дѣлѣ. По (16), (17), (18) при $x = \pm\sqrt{-1}$ мы находимъ

$$F\left(\pm\sqrt{-1}\right) = \sqrt{-1}\ \sqrt{1 + h^2}\, \Phi\left(\pm\sqrt{-1}\right),$$
$$P = 2^{2n-1} (h^2 + 1)^n;\ \ Q = \frac{2^{2n-1}}{\sqrt{-1}} (h^2 + 1)^{n - \frac{1}{2}},$$

вслѣдствіе чего при этихъ величинахъ x выраженіе

$$PF(x) + Q\Phi(x) (x^2 - h^2)$$

приводится къ

$$\sqrt{-1} . 2^{2n} (1 + h^2)^{n + \frac{1}{2}}\, \Phi\left(\pm\sqrt{-1}\right);$$

это-же не можетъ обратиться въ нуль, такъ какъ по (15) функція $\Phi(x)$ обращается въ нуль только при дѣйствительныхъ величинахъ $x = x_1, x_2, \ldots x_{2n-1}$.

Убѣдясь такимъ образомъ, что въ выведенномъ нами уравненіи первый множитель первой части не обращается въ нуль при корняхъ уравненія $x^2 + 1 = 0$, и слѣд. этотъ множитель не имѣетъ общаго дѣлителя съ $(x^2 + 1)^{2n}$, мы, на основаніи этого уравненія, котораго вторая часть дѣлится на $(x^2 + 1)^{2n}$, заключаемъ, что

$$P.F(x) - Q.\Phi(x)\,(x^2 - h^2),$$

второй множитель первой части, долженъ дѣлиться на $(x^2+1)^{2n}$.

Съ другой стороны, представляя уравненія (14), (19) подъ видомъ

$$\left(F(x) - \Phi(x)\sqrt{x^2 - h^2}\right)\left(F(x) + \Phi(x)\sqrt{x^2 - h^2}\right) = L^2(x^2+1)^{2n},$$

$$\left(P + Q\sqrt{x^2 - h^2}\right)\left(P - Q\sqrt{x^2 - h^2}\right) = (x^2 + 1)^{2n}$$

и перемножая ихъ между собою, находимъ

$$\left[P.F(x) - Q\Phi(x)(x^2 - h^2) + \left(QF(x) - P.\Phi(x)\right)\sqrt{x^2 - h^2}\right]$$
$$\left[P.F(x) - Q\Phi(x)(x^2 - h^2) - \left(QF(x) - P\Phi(x)\right)\sqrt{x^2 - h^2}\right]$$
$$= L^2(x^2 + 1)^{4n},$$

что приводится къ слѣдующему:

$$\left[P.F(x) - Q.\Phi(x)(x^2 - h^2)\right]^2 - \left[Q\,F(x) - P\Phi(x)\right]^2(x^2 - h^2)$$
$$= L^2(x^2 + 1)^{4n}.$$

Такъ какъ по вышедоказанному выраженіе

$$PF(x) - Q\Phi(x)\,(x^2 - h^2)$$

дѣлится на $(x^2+1)^{2n}$, это уравненіе предполагаетъ дѣлимость на $(x^2+1)^{4n}$ члена

$$\left[QF(x)-P\Phi(x)\right]^2(x^2-h^2).$$

Замѣчая-же, что здѣсь x^2-h^2 не имѣетъ общаго дѣлителя съ $(x^2+1)^{2n}$, мы заключаемъ, что

$$\left[QF(x)-P\Phi(x)\right]^2$$

дѣлится на $(x^2+1)^{4n}$, и слѣд. первая степень

$$QF(x)-P\Phi(x)$$

дѣлится на $(x^2+1)^{2n}$, что можетъ имѣть мѣсто только при равенствѣ

$$QF(x)-P\Phi(x)=0,$$

такъ какъ по (10), (15), (18) функціи $F(x)$, P степени $2n$, а функціи $\Phi(x)$, Q степени $2n-1$; вслѣдствіе чего выраженіе

$$QF(x)-P\Phi(x)$$

не можетъ быть степени выше $4n-1$. На основаніи выведеннаго нами равенства мы находимъ, что

$$\frac{F(x)}{\Phi(x)}=\frac{P}{Q}.$$

Такъ какъ по (15) функція $\Phi(x)$ состоитъ изъ линейныхъ множителей, отличныхъ отъ $x+\sqrt{-1}$, $x-\sqrt{-1}$, входящихъ въ x^2+1; то по уравненію (14) функціи $F(x)$, $\Phi(x)$ не могутъ имѣть общаго дѣлителя. Въ этомъ-же случаѣ дробь

$$\frac{F(x)}{\Phi(x)}$$

можетъ равняться дроби

$$\frac{P}{Q},$$

гдѣ члены по (10), (15), (18) одинакихъ степеней, только при равенствѣ

$$F(x) = C'P;\ \Phi(x) = C'Q,$$

гдѣ C' есть постоянный множитель. Внося въ равенство

$$F(x) = C'P$$

выраженіе функціи P по (18), мы находимъ, что

$$F(x) = \frac{1}{2} C' \left[\left(\sqrt{h^2+1} + \sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n} + \left(\sqrt{h^2+1} - \sqrt{h^2-x^2}\right)^{2n} \right].$$

Такъ опредѣляется функція $F(x)$, удовлетворяющая уравненію (14) въ томъ случаѣ, когда

$$F\left(-\sqrt{-1}\right) = \sqrt{1+h^2}\, \Phi\left(-\sqrt{-1}\right) \sqrt{-1}.$$

Что касается до случая, когда это равенство удовлетворяется съ знакомъ —, выраженіе функціи $F(x)$, удовлетворяющей уравненію (14), получится по вышепоказанному, когда за P, Q примутъ такія функціи:

$$P = \frac{1}{2}\left[\left(\sqrt{h^2+1}\,x + \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n} + \left(\sqrt{h^2+1}\,x - \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n}\right],$$

$$Q = \frac{1}{2\sqrt{x^2-h^2}}\left[\left(\sqrt{h^2+1}\,x + \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n} - \left(\sqrt{h^2+1}\,x - \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n}\right].$$

Такимъ образомъ найдется второе рѣшеніе уравненія (14), въ которомъ

$$F(x) = \frac{1}{2} C'' \left[\left(\sqrt{h^2+1}\,x + \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n} + \left(\sqrt{h^2+1}\,x - \sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n}\right].$$

§ 8. Изъ найденныхъ нами двухъ рѣшеній уравненія (14) мы должны выбрать то, которое даетъ высшій предѣлъ отношенія

$$\frac{M}{L}.$$

Для этого мы найдемъ значенiе этого отношенiя, принимая за $F(x)$ сначала первое рѣшенiе, потомъ второе. Сличая между собою полученныя такимъ образомъ двѣ величины отношенiя

$$\frac{M}{L}$$

и предполагая всегда $H > h$, не трудно будетъ отличить то, которое даетъ рѣшенiе нашей задачи.

Принимая за $F(x)$ первую величину и дѣлая въ ней

$$x = H,$$

мы находимъ

$$F(H) = \frac{C'}{2}\left[\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2}\right)^{2n}\right],$$

что по внесенiи въ уравненiе (13) намъ

$$\frac{C'}{2}\left[\left(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2}\right)^{2n}\right]=(H^2+1)^n M,$$

откуда получается такая величина C':

$$C' = \frac{2(H^2+1)^n M}{(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2})^{2n}}.$$

Внося эту величину C' въ первое выраженiе функцiи $F(x)$, мы находимъ для нея слѣдующую формулу:

$$F(x) = \frac{(H^2+1)^n[(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-x^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-x^2})^{2n}]}{(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2})^{2n}} M;$$

откуда, полагая $x = h$, получаемъ

$$F(h) = \frac{2(H^2+1)^n (h^2+1)^n M}{(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2})^{2n}}.$$

По уравненiю-же (14), дѣлая $x = h$, находимъ

$$F^2(h) - L^2(h^2+1)^{2n} = 0,$$

что для опредѣленія количества L намъ даетъ

$$L = \pm \frac{F(h)}{(h^2+1)^n};$$

а это по внесеніи вышенайденной величины $F(h)$ приводится къ слѣдующему:

$$L = \pm \frac{2(H^2+1)^n M}{(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2})^{2n}};$$

откуда, опредѣляя отношеніе

$$\frac{M}{L},$$

получаемъ

$$\frac{M}{L} = \pm \frac{(\sqrt{h^2+1}+\sqrt{h^2-H^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}-\sqrt{h^2-H^2})^{2n}}{2(H^2+1)^n}$$

$$= \pm \frac{1}{2}\left[\left(\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{h^2-H^2}{H^2+1}}\right)^{2n}+\left(\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}-\sqrt{\frac{h^2-H^2}{H^2+1}}\right)^{2n}\right],$$

что, какъ не трудно замѣтить, можетъ быть представлено подъ такимъ видомъ:

$$\frac{M}{L} = \pm \cos\left(2n.\text{arc}.\cos\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}\right).$$

§ 9. Переходя къ другой величинѣ $F(x)$, представляемой формулою

$$F(x) = \frac{1}{2}C''\left[\left(\sqrt{h^2+1}\,x+\sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}\,x-\sqrt{x^2-h^2}\right)^{2n}\right],$$

мы находимъ при $x = H$

$$F(H) = \frac{1}{2}C''\left[\left(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2}\right)^{2n}\right],$$

что по внесеніи въ (13) даетъ такое уравненіе для опредѣленія C'':

$$\frac{1}{2}C''\left[\left(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2}\right)^{2n}+\left(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2}\right)^{2n}\right] = (H^2+1)^n M.$$

Опредѣляя по этому уравненію величину C'' и внося ее въ разсматриваемое нами выраженіе C'', находимъ

$$F(x)=\frac{(\sqrt{h^2+1}\,x+\sqrt{x^2-h^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}\,x-\sqrt{x^2-h^2})^{2n}}{(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2})^{2n}-(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2})^{2n}}(H^2+1)^nM,$$

что при $x=h$ даетъ

$$F(h)=\frac{2h^{2n}(h^2+1)^n(H^2+1)^nM}{(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2})^{2n}}.$$

Дѣлая-же въ уравненіи (14)

$$x=h,$$

мы находимъ

$$F^2(h)-L^2(h^2+1)^{2n}=0;$$

откуда слѣдуетъ

$$L=\pm\frac{F(h)}{(h^2+1)^n},$$

что по внесеніи вышенайденной величины $F(h)$ приводится къ такой формулѣ:

$$L=\pm\frac{2h^{2n}(H^2+1)^nM}{(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2})^{2n}};$$

откуда выходитъ

$$\frac{M}{L}=\pm\frac{(\sqrt{h^2+1}\,H+\sqrt{H^2-h^2})^{2n}+(\sqrt{h^2+1}\,H-\sqrt{H^2-h^2})^{2n}}{2h^{2n}(H^2+1)^n}$$

$$=\pm\frac{1}{2}\left[\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{2n}+\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}-\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{2n}\right].$$

А такъ какъ произведеніе

$$\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)\cdot\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}-\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)$$

приводится къ 1, и слѣд.

$$\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}-\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}=\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{-1},$$

вышенайденная величина отношенія $\frac{M}{L}$ можетъ быть представлена подъ видомъ

$$\frac{M}{L}=\pm\frac{1}{2}\left\{\begin{array}{l}\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{2n}+\\ \left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{-2n}\end{array}\right\}.$$

Разсматривая выраженіе, стоящее здѣсь въ скобкахъ [ ], мы замѣчаемъ, что наименьшая его величина, получаемая при

$$\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}=1,$$

есть 2. Вслѣдствіе этого найденное теперь отношеніе

$$\frac{M}{L},$$

по числовой величинѣ, будетъ всегда не менѣе 1, что даетъ высшій предѣлъ этого отношенія, такъ какъ прежде найденная величина его

$$\pm\cos\left(2n.\mathrm{arc}.\cos\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}\right)$$

всегда заключается между $+1$ и -1.

Изъ этого видно, что высшій предѣлъ отношенія

$$\frac{M}{L}$$

для разсматриваемой нами функціи найдется по формулѣ

$$\frac{M}{L}=\pm\frac{1}{2}\left\{\begin{array}{l}\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{2n}+\\ \left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}}+\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{-2n}\end{array}\right\},$$

гдѣ изъ двухъ знаковъ $\pm$ мы оставимъ только $+$, принимая за L и M числовыя величины наибольшаго уклоненія такой функціи отъ нуля, между $x = -h$, $x = +h$, и значенія ея при $x = H$. Въ этомъ предположеніи мы будемъ имѣть всегда

$$\frac{M}{L} = \frac{1}{2}\left\{\begin{array}{l}\left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}} + \sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{2n} + \\ \left(\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}} + \sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}}\right)^{-2n}\end{array}\right\}.$$

Вносця сюда по (12) величины

$$h = \operatorname{tang}\frac{\varphi_0}{2},\quad H = \operatorname{tang}\frac{\varphi_1}{2}$$

и замѣчая, что

$$\frac{H}{h}\sqrt{\frac{h^2+1}{H^2+1}} = \frac{\operatorname{tang}\frac{\varphi_1}{2}}{\operatorname{tang}\frac{\varphi_0}{2}}\sqrt{\frac{\operatorname{tang}^2\frac{\varphi_0}{2}+1}{\operatorname{tang}^2\frac{\varphi_1}{2}+1}} = \frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}},$$

$$\sqrt{\frac{H^2-h^2}{(H^2+1)h^2}} = \sqrt{\frac{\operatorname{tang}^2\frac{\varphi_1}{2} - \operatorname{tang}^2\frac{\varphi_0}{2}}{\left(\operatorname{tang}^2\frac{\varphi_1}{2}+1\right)\operatorname{tang}^2\frac{\varphi_0}{2}}} = \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1},$$

находимъ

$$\frac{M}{L} = \frac{1}{2}\left\{\begin{array}{l}\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} + \\ \left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{-2n}\end{array}\right\}.$$

Это даетъ для функціи вида

$$A_0 + A_1\cos\varphi + A_2\cos 2\varphi + \ldots + A_n\cos n\varphi$$
$$+ B_1\sin\varphi + B_2\sin 2\varphi + \ldots + B_n\sin n\varphi$$

высшій предѣлъ отношенія величины ея при $\varphi = \varphi_1$ къ наибольшему удаленію ея отъ нуля между $\varphi = -\varphi_0$, $\varphi = \varphi_0$, не заключающими между собою $\varphi = \varphi_1$.

§ 10. Опредѣляя по вышеполученному равенству величину разности

$$\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} - \frac{M}{L},$$

мы находимъ, что она равняется

$$\pm\sqrt{\frac{M^2}{L^2} - 1}.$$

Не трудно показать, что при $\sin\frac{\varphi_1}{2}$, $\sin\frac{\varphi_0}{2}$ положительныхъ (какъ мы ихъ всегда предполагаемъ) здѣсь долженъ быть удержанъ знакъ $+$.

Въ самомъ дѣлѣ. Внося въ выраженіе

$$\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} - \frac{M}{L}$$

величину отношенія $\frac{M}{N}$ по послѣднему равенству предыдущаго параграфа, мы находимъ, что оно приводится къ слѣдующему:

$$\frac{1}{2}\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} - \frac{1}{2}\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{-2n},$$

гдѣ при

$$\sin\frac{\varphi_1}{2} > 0;\quad \sin\frac{\varphi_0}{2} > 0$$

вторый членъ меньше перваго, такъ какъ онъ приводится къ

$$\frac{1}{2}\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} - \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n}$$

черезъ замѣну выраженія

$$\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{-1}$$

равнымъ ему

$$\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} - \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}.$$

Убѣдясь такимъ образомъ, что въ выраженіи разности

$$\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} - \frac{M}{L}$$

формулою

$$\pm\sqrt{\frac{M^2}{L^2} - 1}$$

долженъ быть удержанъ знакъ $+$, мы заключаемъ, что

$$\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)^{2n} = \frac{M}{L} + \sqrt{\frac{M^2}{L^2} - 1}.$$

Рѣшая-же это уравненіе относительно числа n, мы находимъ

$$n = \frac{1}{2} \frac{\log\left(\frac{M}{L} + \sqrt{\frac{M^2}{L^2} - 1}\right)}{\log\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}} + \sqrt{\left(\frac{\sin\frac{\varphi_1}{2}}{\sin\frac{\varphi_0}{2}}\right)^2 - 1}\right)},$$

что даетъ намъ низшій предѣлъ числа n, при которомъ формула

$$A_0 + A_1 \cos\varphi + A_2 \cos 2\varphi + \ldots + A_n \cos n\varphi$$
$$+ B_1 \sin\varphi + B_2 \sin 2\varphi + \ldots + B_n \sin n\varphi,$$

удаляясь отъ нуля между $\varphi = -\varphi_0$, $\varphi = +\varphi_0$ не болѣе какъ на L, равняется $\pm M$ при $\varphi = \varphi_1$. Величины L, M, φ_1, φ_0 предполагаются положительными, M больше L и $\varphi = \varphi_1$ не заключающемся между $\varphi = -\varphi_0$, $\varphi = +\varphi_0$.

РАЗЫСКАНІЯ

въ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

III—V.

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 60 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

III.

АЛАТЫРЬ ВЪ МѢСТНЫХЪ ПРЕДАНІЯХЪ ПАЛЕСТИНЫ И ЛЕГЕНДЫ О ГРАЛѢ.

Посв. **И. В. Ягичу.**

Проф. Тихонравовъ [1]) и Ягичъ [2]) коснулись въ своихъ изслѣдованіяхъ источниковъ русскаго духовнаго стиха о Голубиной Книгѣ; на перепутьи между работами того и другаго явились мои замѣтки, касающіяся того-же памятника, вызванныя спеціальной задачей, которая меня занимала: вопросомъ о Соломоновскихъ сказаніяхъ и ихъ отраженіи въ народной литературѣ [3]). Послѣдующія занятія въ области народной поэзіи приводили меня не разъ къ вопросу о составѣ загадочнаго стиха, къ исправленію или измѣненію своихъ и чужихъ взглядовъ. Нѣкоторые изъ результатовъ, полученныхъ путемъ этихъ повторительныхъ наблюденій, я думаю сообщить въ настоящей главѣ.

---

[1]) Разборъ книги Безсонова «Калѣки перехожіе» въ 33-мъ присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ.

[2]) Die christliche mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv für slav. Philologie I.

[3]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 165—180, 187, 215—216, 257—8 и прим. 4 на стр. 257—8 (стр. 257 строка 6 сверху и 2-ая снизу: вм. Бесѣды трехъ святителей чит.: Бесѣда Іерусалимская.

Планъ стиха извѣстенъ: Голубиная книга выпадаетъ близъ Іерусалима на гору, которая въ нѣкоторыхъ пересказахъ (Безс. Кал. № 80, 84; Варенцовъ стр. 20 и 30) названа Ѳаворской; въ послѣдующемъ изложеніи стиха Ѳаворъ, гора Преображенія, является «всѣмъ горамъ мати»; если въ одной рецензіи духовной пѣсни вмѣсто нея названъ Сіонъ, то опять-же потому, «что преображался на ней самъ Исусъ Христосъ» (Безс. Кал. № 85). Это преобладающее значеніе Ѳавора, видѣніе исполинской книги, элементъ вопросовъ и отвѣтовъ — повели меня къ предположенію, что однимъ изъ источниковъ стиха были апокрифическіе Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской [1]. Но синкретическій образъ Ѳавора, притянувшій къ себѣ и загадочный алатырь, и воспоминанія Голгоѳы (Адамову главу), и чуденъ крестъ Леванитовъ [2] — требуетъ еще особаго объясненія. Съ другой стороны представляется вѣроятнымъ, что когда въ извѣстномъ памятникѣ народной словесности дается особое значеніе какой нибудь подробности, это могло совершиться на счетъ другихъ, забытыхъ или затертыхъ. Что въ одной редакціи стиха горой Преображенія названъ Сіонъ (Безс. Кал. № 85) — легко истолковать позднѣйшимъ смѣшеніемъ пѣсни; но въ иныхъ ея пересказахъ на вопросъ: «Отчего стоитъ Сіонъ гора?» дается отвѣтъ: оттого «что благоволилъ нашъ Господь жить на ней» (Безс. № 91, Варенцовъ стр. 16—17); въ Іерусалимской Бесѣдѣ «гора горамъ мать Фаворская да Сионская» [3], и самое дѣйствіе статьи, являющейся прозаическимъ пересказомъ стиха о Голубиной книгѣ [4]) перенесено на Сіонскую гору [5].

---

[1]) l. c. стр. 165.

[2]) Сл. Безс. № 80 и Варенцевъ стр. 233: на Ѳаворѣ распятъ былъ Христосъ.

[3]) Памятн. стар. русск. лит. II, стр. 308, b.

[4]) Соломонъ и Китоврасъ стр. 179, прим. 1.

[5]) Рыбниковъ, Пѣсни III стр. 294. Въ текстѣ Памятниковъ «на синайстей горѣ» поставлено, очевидно, по ошибкѣ вмѣсто «сіонстей». Отрывокъ Іерусалимской Бесѣды, всего въ нѣсколько строкъ, см. въ

Такое-же чередованіе Ѳавора, Сіона и голгоѳскихъ воспоминаній представляетъ эпизодъ о смерти Василья Буслаева въ былинахъ о хожденіи этого древняго новгородскаго паломника, искупившаго безвременной кончиной свою прирожденную заносчивость и незнающую мѣры отвагу. Былины разработали этотъ сюжетъ въ восходящей линіи: мальчикомъ Василій буянитъ, выросши дерется съ новгородцами, не щадитъ своего крестоваго батюшки; въ Іерусалимѣ, куда онъ ѣдетъ со своей дружиной, его заносчивость переходитъ въ глумленіе надъ святыней: онъ пренебрегаетъ заповѣдью — не купаться нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ; находитъ на горѣ человѣческій черепъ — несомнѣнно Адамову голову [1]), и пихаетъ её ногою (голова вѣщаетъ ему кончину); скачетъ черезъ заповѣдный камень — и убивается до смерти.

Гдѣ локализованы тотъ черепъ и этотъ камень? Черепъ — *не доѣзжая камени Латыря и той церкви соборной на Ѳаворѣ*,

> Которая стоитъ со двѣнадцатью престолами
> У того камени у Латыря,
> На которомъ камени преобразился самъ І. Христосъ.

Камень лежитъ не доѣзжая церкви (Рыбн. I, № 60). У Рыбникова II, № 33: камень на *Ѳаворъ-горѣ*, головы нѣтъ; у него-же III, № 40 = Гильфердингъ № 141 послѣдовательность такая: голову Василій видитъ на *Сіонъ-горѣ;* слѣдуетъ его купанье въ Іорданѣ, послѣ чего онъ съ дружиной снова ѣдетъ на *Сіонъ-гору:*

> Тутъ они не нашли косточки сухояловы,
> На томъ мѣстѣ лежитъ бѣлъ горючь камень.

Двоякая поѣздка на Сіонъ могла-бы повести къ предположенію, что въ основной пѣснѣ и голова и камень размѣщены были от-

---

Описаніи слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. библіотеки, составл. А. Ѳ. Бычковымъ, стр. 332: сборникъ № LXIV.

[1]) Соломонъ и Китоврасъ стр. 174; Ягичъ l. c. стр. 102.

дѣльно; что камень очутился именно на мѣстѣ головы знаетъ и № 54 Гильфердинга, но здѣсь восточная локализація забыта, какъ и въ №№ 259 и 284. У Кирши № XVIII и Гильф. № 44 и черепъ и камень находятся на Сорочинской горѣ.

Я попытаюсь внести нѣсколько свѣту въ путаную географію пѣсни и духовнаго стиха — разборомъ мѣстныхъ палестинскихъ легендъ, на первый разъ — Сіонскихъ. Можетъ быть, намъ удастся набрести по пути и на загадочный камень алатырь.

I.

Остановлюсь на легендахъ о святыхъ сіонскихъ камняхъ. Онѣ распадаются на нѣсколько группъ, которыя я разсмотрю особо, пользуясь, главнымъ образомъ, матеріаломъ, собраннымъ западными путешественниками.

1. *Краеугольный камень на Сіонѣ.* Преданіе о немъ привязалось къ текстамъ Ис. 28, 16: «ἰδοὺ ἐγὼ ἐμβάλλω εἰς τὰ θεμέλια Σιὼν λίθον πολυτελῆ ἐκλεκτὸν ἀκρογωνιαῖον ἔντιμον, εἰς τὰ θεμέλια αὐτῆς, καὶ ὁ πιστεύων οὐ μὴ καταισχυνθῇ» (сл. Ис. 8, 14)—и Пс. 118, 22 (сл. Ев. отъ Матѳея 21, 42), соединеннымъ въ извѣстномъ мѣстѣ посланія ап. Петра А, II, 6—9: «ἰδοὺ τίθημι ἐν Σιὼν λίθον ἀκρογωνιαῖον ἐκλεκτὸν ἔντιμον, καὶ ὁ πιστεύων ἐν αὐτῷ οὐ μὴ καταισχυνθῇ. ὑμὶν οὖν ἡ τιμὴ τοῖς πιστεύουσιν· ἀπιστοῦσιν δέ, λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτοςἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας καὶ λίθος προσκόμματος καὶ πέτρα σκανδάλου, οἳ προσκόπτουσιν τῷ λόγῳ ἀπειθοῦντες, εἰς ὃ καὶ ἐτέθησαν.—Этотъ-то краеугольный камень видѣлъ въ Іерусалимѣ Бордосскій паломникъ (ок. 333 г.): «et ibi est angulus turris excelsissime, ubi Dominus ascendit, et dixit ei, qui tentabat eum: Si filius Dei es, mitte te deorsum. Et ait ei Dominus: Non tentabis Dominum Deum tuum, sed illi soli servies. *Ibi est lapis angularis magnus, de quo dictum est: Lapidem quem reprobave-*

runt aedificantes, hic factus est ad caput anguli» [1]). — Тотъ-же камень пріуроченъ въ разсказѣ Антонина (ок. 570 г.) къ Сіонской базиликѣ, основанной, будто-бы, на мѣстѣ дома св. Іакова, тогда какъ другія извѣстныя намъ сказанія говорятъ по этому поводу о домѣ ап. Іоанна и даже Марка (Ѳеодосій).

Привожу самое легенду [2]): Deinde venimus in basilicam Sanctam Sion, ubi sunt mirabilia multa, inter que est, quod legitur *de lapide angulare, qui reprobatus est ab edificantibus.* Ingressus Dominus in ipsam ecclesiam, que fuit domus Sancti Jacobi, invenit *lapidem istum deformem*, in medio jacentem, tenuit eum et *posuit in angulum:* quem tenes et levas in manibus tuis et ponis aurem in angulo ipso, et sonabit in auribus tuis quasi multorum hominum murmuratio. — Въ числѣ другихъ достопримѣчательностей храма упоминается и «calix apostolorum, in quo post resurrectionem Domini missas celebrabant» [3]).

Разсказъ Антонина даетъ реальныя черты болѣе древнему вѣрованію: объ основаніи Сіонской церкви апостолами или даже Христомъ и его апостолами. Оттуда ея названіе: *апостольской, матери церквей.* Такъ уже у Кирилла Іерусалимскаго [4]): ἐν τῇ ἀνωτέρᾳ τῶν ἀποστόλων ἐκκλησίᾳ въ Іерусалимѣ, безъ обозначенія мѣстности, которую слѣдующія свидѣтельства положительно привязываютъ къ Сіону: Эвхерій (ок. 440 г.): que... ut fertur, *ab apostolis fundata* pro loci resurrectionis (sic) dominice reve-

---

[1]) T. Tobler, Itinera et Descriptiones terrae sanctae lingua latina s. IV—XI exarata. 1877, p. 17. — Далѣе цитуется: Itin.

[2]) Itin. p. 103—4.

[3]) Память объ этомъ краеугольномъ камнѣ сохранялась въ XV вѣкѣ: на мѣстѣ хора дневней Сіонской базилики Fabri (1480 и 1483) видѣлъ «unum quadratum lapidem, qui de fundamento antiqui chori pro parte prominet, alia parte adhuc muro vetusto conjuncta est». Восточнымъ христіанамъ онъ служилъ предметомъ суевѣрныхъ гаданій (utuntur in superstitiosa sortizatione). Сл. Fratris Felicis Fabri Evagatorium ed. Hassler v. I, p. 255—256.

[4]) Cyrilli Cateches. 16, у Migne'я Patrol. graecae t. XXXIII, p. 924.

rentia: ob quod promissum quondam per Dominum paracleto repleti sunt spiritu [1]); Θеодосій (ок. 530 г.): (Sancta Sion) que est *mater omnium ecclesiarum... quam Dominus noster Iesus Christus cum apostolis fundavit.* Ipsa fuit domus sancti Marci Evangeliste [2]); Аркульфъ (ок. 670 г.): *apostolica ecclesia* [3]); Беда: perhibent, *ab apostolis fundatam* [4]). Эти названія упрочиваются за нею у позднѣйшихъ византійскихъ и западныхъ писателей: ἡ ἁγία Σιών, ἡ μήτηρ τῶν ἐκκλησιῶν [5]); ἐκκλησιῶν ἡ μήτηρ [6]); *primitiva et ecclesiarum matre S. Syon* [7]) и проч.

2. *Сіонскій алтарный камень.* Къ этой «матери церквей», апостольской, привязывается цѣлый рядъ воспоминаній, которыя плодятся и разнообразятся съ теченіемъ времени: укажу лишь на богатое ихъ сопоставленіе въ путешествіи Фабри. Здѣсь показывали мѣсто, гдѣ совершилось Сошествіе св. Духа на апостоловъ, Тайная Вечеря, омовеніе ногъ; отсюда Спаситель, наставивъ своихъ учениковъ, отправилъ ихъ въ міръ съ проповѣдью благовѣстія. Локализацію Тайной Вечери на Сіонѣ мы находимъ уже у Эвода [8]), Епифанія [9]), Іеронима [10]), въ Breviarius de Hierosolyma (ок. 530 г.), Θеодосія, Аркульфа [11]) и др., въ спеціальномъ пріуроченіи къ Сіонской церкви. — Оттуда одно изъ ея названій: *Coenaculum*, арабск. El-A-schâ (вечеря) [12]). «Hoc

---

[1]) Itin. p. 52.
[2]) l. c. p. 64—5.
[3]) l. c. p. 160.
[4]) l. c. p. 218.
[5]) Фока (1185) у Аллація Συμμίκτα § XIV, стр. 19.
[6]) Пердикка (ок. 1250 г.) l. c. стр. 74.
[7]) Guill. Tyrius l. XV, c. IV.
[8]) Nic. Callist. Hist. eccles. l. II, c. 3.
[9]) Epiphanius De ponderibus et mensuris у Migne'я, Patrol. graecae t. XLIII («ὑπερῷον», «ἐν τῷ μέρει Σιών»). Сл. T. Tobler, Zwei Bücher Topographie von Jerusalem II, p. 100, прим. 1. Цитуется далѣе: Topogr.
[10]) Opera ed. Martianay t. IV, p. 573.
[11]) Itin. p. 58, 65, 160.
[12]) Topogr. II, p. 99.

coenaculum in monte Sion est inventum, говоритъ Іоаннъ Вюрцбургскій (1160—70), in eo loco, in quo Salomon quondam egregium dicitur construxisse edificium, de quo in Cantico Canticorum: Ferculum fecit sibi rex Salomon [1]). Въ XII—XIII вв. [2]) показывали тамъ трапезу, за которой Спаситель совершилъ тайную вечерю, къ которой каждый четвергъ приходили на поклоненіе христіане и прикладывались набожные странники; Ricoldo da Monte Croce (1294) называетъ её прямо алтаремъ: et ibi est altare, ubi ordinavit sacramentum eucharistie [3]).

Я полагаю, что къ этому-то алтарю-трапезѣ относится легенда о синайскомъ камнѣ, сообщенная какимъ-то Филиппомъ (между 1285 и 1291 гг.)[4]), повторенная у Санута (ок. 1310 г.)[5]) и Одорика

---

[1]) T. Tobler, Descriptiones Terrae sanctae ex saec. VIII, IX, XII et XV. Leipzig, 1874 (цитуется далѣе: Descript.) p. 135. Съ Ferculum Іоанна Вюрцбургскаго сл. Innominatus I (ок. 1098 г.) у Tobler'a, Theodorici libellus de locis sanctis p. 116—117: mons Sion, ibique est ecclesia a Salomone facta. Ibi Dominus Jesus coenavit cum suis discipulis etc.— и Ἀπόδειξις у Аллація, Συμμίκτα p. 84: ὅπου ἔκτησεν ο Σαλωμών (ок. 1400 г.).

[2]) Сл. Topogr. II, p. 108; прим. 2 и p. 113, прим. 7, съ ссылками на El- Êdrîsi (1153), Othmar'a (ок. 1165), Vinsauf'a (ок. 1191). Сл. еще Innominatus VII (Descript. p. 103), Innominatus II (Tobler, Theod. lib. p. 122); Anonymus (у Vogüe, Les églises de la terre Sainte p. 413: ок. 1150 г.); Willebrandus (у Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor, Leipz. 1864, p. 188; цитуется далѣе: Peregr.); аббатъ Николай (Antiqu. russes II, p. 413: ok staðr þar enn borð þat er hann mataðist á), Мандевилль и др.

[3]) Per. p. 108; сл. Innominatus V (ок. 1180 г.) у Neumann'a, Drei mittelalterliche Pilgerschriften, въ Oesterreichische Vierteljahrsschrift für kathol. Theologie, V[er] Jahrg. 2[es] Heft, p. 239: ibi est altare, ubi cenavit cum discipulis suis.

[4]) Philippi Descriptio Terrae Sanctae ed. Neumann (Wien, 1872, Separatabdruck aus der Vierteljahrsschrift f. kathol. Theologie, XI[er] Jahrg., 1—2 Heft, p. 9 и 39—40).

[5]) Secreta Fidelium crucis l. III, pars XIV, c. VIII, у Bongars, Gesta Dei per Francos.

(ок. 1320 г.)[1]) — у всѣхъ въ пріуроченіи къ *церкви св. Іоанна на Сіонѣ*, которая отдѣляется отъ мѣста Тайной Вечери. — Привожу разсказъ Филиппа: Deinde vadit homo ad cellam quandam in qua beata Virgo Maria morabatur XIIII annis post ascensionem filii sui ad celum. Et ibi prope est alia cella in qua ipsa benedicta virgo migravit ex hoc seculo. *Est eciam ibi ecclesia S. Johannis evangeliste que fuit — ut dicitur — prima ecclesia in hoc mundo; in qua idem S. Johannes ew. in conspectu beate Marie missam celebravit quamdiu vixit in hoc seculo. Et adhuc est ibi lapis quidam rubeus qui erat pro altari, et idem lapis transportatus fuit de monte Synai per manus angelorum ad preces b. Thomae de India revertentis*[2]). Est eciam alia capella in monte Syon, in qua est locus, ubi Dominus noster cenavit cum discipulis suis et ibi communicavit eos dicens: Accipite et manducate etc. Est et alius locus ibi, ubi Dominus noster cum surrexisset a cena, lavit pedes discipulorum suorum» и т. д. — Тѣ-же свѣдѣнія, и большею частью въ тѣхъ-же самыхъ либо сходныхъ выраженіяхъ, у Сануто и Одорика, у перваго съ замѣткой: et ostenduntur loca haec ab invicem separata.

Къ объясненію топографіи этой легенды слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: древніе апокрифы объ успеніи Богородицы говорятъ объ ея пребываніи, по вознесеніи Господнемъ, на Сіонѣ, гдѣ и совершилось ея успеніе[3]), пріурочиваемое къ этой мѣстности и палестинскими путешественниками, начиная съ Аркульфа[4]). По нѣкоторымъ редакціямъ того-же апокрифа Богородица жила

---

[1]) Peregr. p. 150.

[2]) Согласно съ этимъ и съ Сануто слѣдуетъ исправить чтеніе въ текстѣ Одорика: de Judea; исправленіе, указанное, впрочемъ, и отреченными актами ап. Ѳомы и апокрифами объ Успеніи Богородицы.

[3]) Tischendorf, Apocalypses apocryphae, Prol. p. LXIII и Transitus Mariae A, p. 118: Corpus Sanctum de monte Sion ferebant. Тоже въ арабскомъ текстѣ апокрифа, изданномъ Энгеромъ.

[4]) Itin. p. 160.

въ домѣ ап. Іоанна, согласно съ свидѣтельствомъ Эвода, епископа александрійскаго, опредѣляющаго это пребываніе одиннадцатилѣтнимъ срокомъ [1]. Въ концѣ XII вѣка (1185) монахъ Фока помѣщаетъ по лѣвую сторону Сіонской церкви домъ Іоанна Богослова, гдѣ жила и преставилась Богородица [2]; впослѣдствіи показывали на Сіонѣ мѣсто, гдѣ онъ литургисалъ въ ея присутствіи, но Фабри видѣлъ лишь развалины капеллы и камень съ выдолбленнымъ въ немъ углубленіемъ, гдѣ апостолъ будто-бы хранилъ свой потиръ [3]. — Древнѣйшая сіонская базилика заключала въ своихъ стѣнахъ, судя по плану, приложенному къ путешествію Аркульфа («hic S. Maria obiit»), многія изъ тѣхъ воспоминаній, которыя впослѣдствіи локализировались отдѣльно («ab invicem separata» у Сануто) — и еще являются соединенными въ представленіи паломника Данiила, ставящаго на мѣсто дома ап. Іоанна — всю Сіонскую церковь съ ея преданіями о тайной вечерѣ, омовеніи ногъ, сошествіи Св. Духа, пребываніи и успеніи Пресвя-

---

[1]) Сл. Nic. Callist. Hist. Eccles. II, c. 3 (у Migne, Patrol. graecae t. CXLV, p. 757—758: «καὶ μετὰ τὴν σταύρωσιν ἐν τῇ τοῦ Ἰωάννου οἰκίᾳ ἔτη διετέλεσεν ια′.... ἐν δὲ τῇ εἰρημένῃ οἰκίᾳ τοῦ Ἰωάννου τὸ πρῶτον τοῦ Πάσχα μυστήριον ὁ Κύριος σὺν τοῖς μαθηταῖς πράσσει. Ἐκεῖθεν ὑμνήσαντες ἐξῆλθον εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν εἰς χωρίον Γεθσεμανή. Ἐκεῖ διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων περιεκλείοντο. Ἐκεῖ τῶν θυρῶν κεκλεισμένων, ἀναστὰς ὤφθη τοῖς μαθηταῖς καὶ εἰς πρόσωπον αὐτῶν ἐμφυσᾷ, καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον δίδωσιν. Ἐκεῖ τῇ ὀγδόῃ ἡμέρᾳ τὰ κατὰ τὸν Θωμᾶν ἐπιστοῦτο. Ἐκεῖ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐν εἴδει γλωσσῶν κατὰ τὴν Πεντηκοστὴν ἐπεδήμησεν. Ἐκεῖ καὶ τὸν δίκαιον Ἰάκωβον πρῶτον ἐπίσκοπον τῶν Ἱεροσολύμων ἐχειροτόνησαν, καὶ Στέφανον καὶ τοὺς ἕξ διακόνους προυβάλοντο». Никифоръ прибавляетъ, что тотъ домъ (οἶκον ἐν Ἱεροσολύμοις ἐν τῇ λεγομένῃ ἁγίᾳ Σιών) пріобрѣтенъ былъ ап. Іоанномъ по смерти его отца Зеведея, и что въ немъ Богородица пребыла до своего успенія.— Сл. Tischendorf, l. c. Prol. p. XL и p. 125: Transitus Mariae B.

[2]) Allatii, Σύμμικτα p. 19—20.

[3]) Fabri l. c. I, p. 270—1. О мѣстоположеніи дома Богородицы и ап. Іоанна на Сіонѣ см. Topogr. II, p. 111, прим. 3; p. 115, прим. 1; p. 131—2.

той Дѣвы. — Такъ объясняются названія Сіонской церкви, *Coenaculum*, очевидно колебавшіяся въ теченіи времени, въ связи съ памятями, къ ней привязавшимися: *церковь св. Маріи*, *св. Духа* — и *церковь ап. Іоанна*, на которую Филиппъ переноситъ опредѣленіе древнѣйшей базилики: prima ecclesia in hoc mundo (Sanuto: prima omnium ecclesiarum) [1]). — Легенда Филиппа, Сануто и Одорико о синайскомъ камнѣ-алтарѣ, которую свидѣтельство Данiила позволяетъ возвести по крайней мѣрѣ къ XI вѣку, — не удаляетъ насъ отъ апостольской базилики на Сіонѣ.

Другіе разсказы о синайскомъ камнѣ или камняхъ, повидимому, не связаны съ идеей алтаря. Это—черноватый, пестрый камень, въ обхватъ человѣку [2]); камень, снесенный ангелами съ Синая и служившій изголовьемъ Богородицѣ: такъ разсказываетъ Frescobaldi (1384) въ связи съ сообщеніемъ о мѣстѣ, гдѣ ап. Іоаннъ служилъ обѣдню въ присутствіи Пресвятой Дѣвы, и о мѣстѣ ея успенія [3]). Въ 1310 году доминиканскій монахъ Франческо Pipino сообщаетъ легенду, повторенную позднѣе Симономъ Sigoli [4]): «Item fui in monte Syon *in loco cenaculi*, ubi dominus fecit cenam cum discipulis suis.... Item fui in loco ubi *beata dei genetrix habebat suum proprium oratorium in supradicto cenacolo. Vidi tres lapides magnos in monte Syon, quos angelus dicitur attulisse beate Virgini de monte Sinay.* Habet enim fidelium relatio quod ipsa dum sancta visitaret loca per que ambulaverat filius, desideravit videre montem Sinay, ubi lex data fuerat filijs Israhel. Angelus autem missus a domino ei tres (?) de monte Sinay attulit lapides, dicens ut his contenta non disce-

---

[1]) Cл. Topogr. II, p. 107 и 114.

[2]) Anonymus у Аллація, Συμμίκτα p. 84: καὶ ἡ ὄχρα τῆς πέτρας εἶναι κυνωπῇ πλουμιστῇ (?); nigricans, versicolor въ переводѣ Аллація.

[3]) C. Gargiolli, Viaggi in Terra Santa di L. Frescobaldi e d'altri del secolo XIV, p. 112.

[4]) Gargiolli l. c. p. 236.

deret a Jherusalem»[1]). Fabri[2]) помѣщаетъ эти камни въ армянскомъ монастырѣ на Сіонѣ, на мѣстѣ, гдѣ усѣченъ былъ братъ ап. Іоанна, Іаковъ: «in muro ecclesiae ab extra juxta ostium est foramen vel fenestra non perspicua, aut reservatorium, in quo jacent *duo* magni rotundi lapides, qui sunt apportati de monte Synai, et dicunt, quod angeli eos b. Virgini portaverunt, pro ejus spirituali solatio, ut quia ad tantum spatium peregrinari virginem conveniens non erat, nec a Jerusalem recedere, montem istum sanctum Synai in lapidibus istis veneraretur».

Отношенія этого преданія къ сіонскому камню-алтарю выяснятся намъ впослѣдствіи.

3. *Камни въ скиніи Давидовой.* Особо отъ предъидущихъ стоитъ разсказъ о камнѣ или камняхъ въ Сіонской церкви, на которыхъ пребывалъ Христосъ и Богородица. Въ XIV-мъ вѣкѣ онъ встрѣчается у Фрескобальди и Сиголи[3]): «ed è ivi la pietra in su che e' (G. Cristo) salì a predicare, ed un' altra in su che sedette la vergine Maria, quando predicava»; «apresso si è il luogo dove Cristo Gesù istette a sedere quand'egli predicava, ed evvi il luogo dove la vergine Maria sedeva ascoltando le prediche del suo Figliuolo». — Подробнѣе у Полонера (1420): «Item in cimiterio ejusdem ecclesiae (sc. ecclesiae montis Sion), versus aquilonem, est locus signatus, ubi ipse Dominus Jesus die ascensionis praedicavit et, increpata dementia discipulorum, misit eos in mundum, sed prius ivit cum eis in montem Olivarum; benedicens eis, ascendit in coelum. *A scripto lapide* XII pedibus est *alter lapis* terrae affixus, ubi beata Virgo audivit predicationem Filii»[4]). — Въ концѣ XV-го вѣка тотъ-же разсказъ повторяютъ Тухеръ и Fabri; послѣдній помѣщаетъ камни въ хорѣ

---

[1]) Topogr. II, p. 115, прим. 1. Сл. Tobler, Dritte Wanderung, p. 403 и 406.

[2]) l. c. p. 267.

[3]) Gargiolli l. c. стр. 112 и 236.

[4]) Descript. p. 241—2.

древней Сіонской базилики: «locus illius chori est omnibus sacrae Bibliae credentibus venerabilis. Judaei multum eum venerantur, quia credunt, sicut et nos, *quod ibi fuit oratorium David, sive tabernaculum*, in quo ipse et universus Israel duxerunt arcam Dei cum canticis et instrumentis musicis in magno jubilo, ut habetur 2 Regum 6. *In hoc loco accepit etiam promissionem de Christo nascituro de semine suo*, ut dicitur 2 Regum 7. Hic locus etiam templo constructo mansit semper celebris et populo dilectus. Unde Dominus Jesus in hoc loco frequenter solebat praedicare. Ideo *in medio pavimenti sunt duo lapides* altrinsecus positi: unus jacet in loco, in quo Dominus stans praedicavit; alter est in loco, in quo beata Virgo sermones Filii audire consuevit» [1]. — Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же камни у Anshelm'а (1508)[2] и Juan'а de la Encina: послѣднему ихъ показывали у Сіонской церкви, обращенной въ мечеть:

Bien cerca a la puerta de aquella mezquita
De dos ciertas piedras que alli habemos visto
Una dicen, que es do se asentó Christo
Hablando a la virgen su madre bendita [3].

Мы найдемъ ихъ и у русскихъ паломниковъ.

II.

Переходя къ свидѣтельствамъ послѣднихъ мы думаемъ выбрать тѣ изъ нихъ, которыя могутъ служить къ освѣщенію приведенныхъ нами западныхъ и сами нерѣдко получаютъ объясненіе, будучи поставлены въ этой связи. Начнемъ съ показаній Даніила [4].

---

[1]) Fabri l. c. p. 255.

[2]) Topogr. II, p. 132 прим. 3.

[3]) Норовъ, Путешествіе игумена Даніила стр. 75—6.

[4]) Норовъ, l. c.

«Ту-же былъ и домъ святаго Іоанна Богослова на той горѣ Сіонстѣй, и на томъ мѣстѣ създана была церковь велика.... У тоя церкви, за олтаремъ, есть храмина; въ той храминѣ *умылъ Христосъ нозѣ ученикомъ своимъ.* И отъ тоя храмины, поидучи мало, възлѣсти яко по степенемъ на горницю, ту есть храмъ красенъ създанъ на столпьи, верхъ ему мусіею исписанъ и помощенъ красно, олтарь же яко церкви имать на востокъ лицемъ: *то есть была келіа Іоанна Богослова, въ той келіи вечерялъ Христосъ съ ученикы своими;* ту-же Іоаннъ возлегъ на перси Его и рече: Господи, и кто есть предаяй Тя? И на томъ же мѣстѣ быдо сшествіе Святаго Духа на Святыя Апостолы въ день Пятьдесятный. И въ той-же церкви есть другая храмина долѣ на земли низко: въ ту убо храмину пріиде Христосъ по воскресеніи своемъ къ ученикомъ своимъ, и дверемъ затвореннымъ, и ставъ посредѣ ихъ и глагола имъ: миръ вамъ! *И ту-же и Ѳому увѣривъ (въ) 8 день. И ту-же есть камень святый, ангеломъ принесенъ бысть отъ горы Синайскыя.* На другой же странѣ тоя церкве, къ западу лиць, есть другая храмина, низко, тѣмъ же образомъ, и въ той храминѣ *преставися Святая Богородица. И то все дѣялося въ дому святаго Іоанна Богослова».*

Выше мы видѣли, что топографія Даніила вносить извѣстную цѣльность въ показанія Филиппа и др., которыя, въ свою очередь поясняютъ отрывочныя фразы русскаго паломника: «ту-же и Ѳому увѣривъ.... ту-же есть камень святый». Камень этотъ снесенъ былъ съ Синая по моленію св. Ѳомы.

Кое какія соображенія вызываетъ описаніе Сіонской церкви у діакона Игнатія (1391) [1]):

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, VIII, стр. 106—107; Архим. Леонидъ въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Истор. и Древн. 1871, I, р. 14—16. Тексты Даніила и другихъ русскихъ паломниковъ еще ожидаютъ критическаго изданія, которое, быть можетъ, измѣнитъ нашъ взглядъ на принадлежность того или другаго іерусалимскаго преданія тому лицу, съ именемъ котораго мы принуждены пока его цитовать.

«*На Сіонѣ горѣ, въ своей кельѣ, Пречистая Богородица преставись;* тамо-же на Сіонѣ горѣ былъ Аннинъ дворъ архіереевъ, тамо Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ темницѣ сидѣлъ, и нынѣ та темница въ церкви Арменстей, тамо монастырь Арменскій. Въ той церкви Арменстей великій камень, что лежалъ на гробѣ Господнемъ, содѣланъ престоломъ.... *И на той горѣ монастырь дивенъ зѣло Ѳрязскій,* держатъ его Ѳрязове и живутъ въ немъ Ѳрязскіе чернцы, глаголютъ-же сице: *яко тамо Христосъ самъ обѣдню служилъ* [1]) *и научилъ по плоти брата своего Іакова обѣдню служити и предалъ ему таинство священныхъ и божественныхъ служеній*.... Тамо жъ, въ той церкви, во время вольнаго и спасеннаго распятія Христова, завѣса раздрася на двое; въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ Пречистая Богородица поклоны клала; *тамо жъ въ той церкви два камени, на которыхъ Христосъ сиживалъ часто.* Отсюду же близко мѣсто есть, гдѣ Стефана архидіакона убили Іудеи, а кровь его и нынѣ на камени знати есть. *Тамо жъ у церкви близъ келія Пречистыя Богородицы, гдѣ Пречистая жила у Іоанна Богослова*».

Подробности, сообщенныя Игнатіемъ, подтверждаются либо исправляются показаніями другихъ путешественниковъ. Такъ разсказъ объ армянской церкви съ камнемъ отъ гроба Господня (собственно отъ пещеры, гдѣ положено было тѣло Христово) обыкновенно пріурочивается къ церкви Спасителя въ армянскомъ-же монастырѣ, но не на мѣстѣ Аннина двора, а на мѣстѣ дома Кайафы, гдѣ при Ѳеодосіи (ок. 530) стояла церковь св. Петра [2]).— Локализація мученія св. Стефана на Сіонѣ, встрѣчающаяся и у

---

[1]) Нан. Сах.: служитъ.

[2]) Itin. стр. 65; сл. ib. Breviarius стр. 52. Объ іерусалимскихъ храмахъ ап. Петру см. Innominatus II, у Tobler, Theodorici lib. p. 122; о сіонской церкви св. Петра Topogr. II, 156 слѣд.; 164 и 174 слѣд. Вопросъ о ней довольно запутанъ. Съ одной стороны является смѣшеніе дома Кайафы съ Анниныъ (Euthymius, см. Topogr. II 156 прим. 6),

другихъ путешественниковъ, основана на недоразумѣніи, которое легко объяснить: тѣло святаго, замученнаго между Дамасскими и Яффскими воротами, было, по преданію, перенесено на Сіонъ, гдѣ и оставалось нѣкоторое время до вторичнаго перенесенія въ Римъ. — Легенда о камняхъ, на которыхъ возсѣдалъ Спаситель, восходитъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ, къ XIV-му вѣку. — Преданіе о пребываніи Богородицы на Сіонѣ въ домѣ ап. Іоанна Игнатій раздѣляетъ съ Даніиломъ; русскіе Вопросы и Отвѣты опредѣляютъ не согласно съ Эводомъ: «Колико лѣтъ бысть Святая Богородица въ дому Іоанна Богослова? — Отвѣтъ: .ді. лѣтъ и .и. мци» [1]); такъ у Филиппа, Одорика, Полонера и др.: 14 лѣтъ [2]). — Съ точки зрѣнія Даніила

что объясняетъ особую локализацію Игнатія, тогда какъ Fabri l. c. стр. 261 и 264—5 ставитъ на мѣсто Аннина двора армянскій монастырь во имя св. Ангеловъ, а на мѣсто Кайафина — армянскій-же монастырь съ церковью ad Sanctum Salvatorem и священнымъ камнемъ (тоже въ путешествіи Kiechel'я 1585—9 г., изд. Haszler'омъ, Stuttg., 1866, p. 298—9); армянскій монастырь на мѣстѣ Кайафина дома, но безъ камня, знаетъ и Игнатій. Замѣтимъ, что у Пипина (Tobler, Dritte Wanderung nach Palästina стр. 405) камень находится даже не въ церкви, а «ad criptam illam in pede montis Syon». — Съ другой стороны домъ Кайафы смѣшанъ былъ съ преторіей Пилата (Topogr. II, стр. 159, прим. 7), чего еще нѣтъ у древнихъ путешественниковъ: въ Бревіаріи (Itin. стр. 59) базилика св. Петра возвышается на мѣстѣ дома Кайафы (по смѣшенію Kaiphas съ Kephas, полагаетъ Sepp, Jerusalem und das heilige Land I, стр. 196): «deinde vadis ad domum Pilati, ubi tradidit Dominum flagellatum Judeis: ubi est basilica grandis, et est ibi cubiculum, ubi expoliaverunt eum, et flagellatus est, et vocatur *Sancta Sophia*». Тоже у Θеодосія (Itin. p. 65) и Антонина (l. c. стр. 104), ничего не знающаго о церкви св. Петра (сл. Topogr. I, 220 слѣд.). Въ эпоху крестовыхъ походовъ послѣднюю указывали на мѣстѣ преторіи (l. c. I, стр. 224—5).

[1]) Тихонравовъ, Памятники II, 440, 445.

[2]) Philippus ed. Neumann l. c.; Per. p. 150; Descr. p. 242. Сл. Topogr. II, p. 131, прим. 5. — Въ статьѣ Эпифанія мниха «ѡ знаменыихъ нрава, ѡбраза же и възрааста прѣсватыѫ владычице наше Богородице»

въ домѣ Іоанна Богослова, гдѣ стала впослѣдствіи Сіонская церковь, совершена была и тайная вечеря, таинство Евхаристіи, совершена самимъ Христомъ: «тамо Христосъ обѣдню служилъ», говоритъ Игнатій. Послѣ него продолжали тамъ-же литургисать и апостолы — такъ въ показаніи Антонина. Извѣстно, что съ именами нѣкоторыхъ апостоловъ сохранились особые чины литургіи, происхожденіе которыхъ легенда могла привязывать къ «матери церквей» на Сіонѣ. У Одорика и другихъ [1]) совершалъ её въ присутствіи Богородицы Іоаннъ Богословъ — и сохранился древній чинъ литургіи его имени. У Игнатія Господь передаетъ «таинство священныхъ и божественныхъ служеній» брату своему по плоти Іакову, литургія котораго извѣстна въ греческихъ и сирійскихъ текстахъ. Вспомнимъ, что на Сіонѣ указывали мѣсто, гдѣ св. Іаковъ былъ рукоположенъ изъ апостоловъ въ епископы Іерусалима [2]) — и мы поймемъ, быть можетъ, причины, вслѣдствіе которыхъ измѣнялась мѣстная легенда: рядомъ съ преданіемъ, что Христосъ совершилъ таинство Евхаристіи въ домѣ ап. Іоанна, могло стать другое, помѣщавшее Сіонскую церковь на мѣстѣ дома ап. Іакова (Антонинъ) [3]).

говорится: «И по възнесении Господьни вь домоу Іωана Богословьца прѣбысть .кд. лѣть, доньдеже престави сѧ» (Jagić, Opisi i izvodi, I, стр. 61).

[1]) Сл. Topogr. II, стр. 131, прим. 5.

[1]) Сл., кромѣ древняго свидѣтельства Эвода, между прочимъ: Одорика (Per. p. 150), Полонера (Descr. p. 242), Fabri (l. c. p. 237) и Topogr. II, p. 133, прим. 2.

[3]) Сл. Бесѣду трехъ святителей у Тихонравова, Памятн. отреч. русск. лит. II, 430: (вопросъ): что сѧ слышаше дина, *идѣже Господь вечерѧ?* — (Отвѣтъ) *Іаковъ* братъ Господень по плоти. — Иначе въ «Приче Іωана златоустаго ѡ протлькованьи» (у Ягича, Opisi i izvodi I, стр. 70): рече господь (т. е. своимъ оученикомь, апостоломь)· идѣта въ Дине и рьцѣта емоу· учитель ти глаголеть· время мое приближи сѧ, у тебѣ сьтворѫ паскѫ сь ученикы своимы. — Ѡтвѣть: что есть Дина? Адамь; а паска? мѫчение Христово. — Дина = δεῖνα Matth. 26, 18: ὑπάγετε εἰς τὴν πόλιν πρὸς τὸν δεῖνα.

Я не иначе понимаю разнорѣчивое показаніе Ѳеодосія: что Сіонскій храмъ сооруженъ на мѣстѣ дома евангелиста Марка, именемъ котораго также отмѣченъ особый чинъ литургіи [1]).

Зосима (1420) видѣлъ на Сіонѣ ту-же Фряжскую церковь, о которой говоритъ Игнатій; во время Коробейникова и Грекова Сіонъ, «мати всѣмъ церквамъ, Божіе жилище», который когда-то держали «Венеціане», уже попалъ въ руки Турковъ [2]). Зосима успѣлъ еще собрать о немъ нѣсколько свѣдѣній, драгоцѣнныхъ для исторіи легенды [3]).

«И оттолѣ поидохъ на гору Сіонскую, и ту стоитъ церковь святый Сіонъ, *мати всѣмъ церквамъ*. Глаголетъ бо писаніе, яко *сія убо первая церковь стася по распятіи Христовѣ во Іерусалимѣ;* ту жила Святая Богородица, по вознесеніи Сына своего на небеса, и ту молилася Сыну своему, и донынѣ знати мѣсто то, идѣже клала поклоны на мраморѣ; и ту разболѣся, [Сах. и ту духъ свой предасть], и ту Христосъ ей явися, и ту на Апостолы Святый Свой Духъ посла; и ту есть гробъ царя Давида и сына его Соломона; и ту есть служба Фряжская; и ту есть гробъ первомученика Стефана; *и ту лежатъ* (Л. лежало) *два камени, иже Пречистая восхотѣла видѣти тѣ камени, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстѣй; и принесе Ангелъ два камени* (Л. отъ мѣста) [4]), *еже ся зоветъ Купина Неопалимая*.... И мало поступя, видно мѣсто, гдѣ Жидове первомученика Стефана убили.... и ту есть палата Ивана Богослова, идучи къ святому Сіону».

Важенъ въ показаніяхъ Зосимы его разсказъ о «синайскихъ

---

1) Сл. О оучені вѣры, изд. Качановскимъ въ Starine XII, стр. 245: «Мар'кь же вь четврьтоѥ (по десѣти лѣтѣхь) лѣ҃ пи҃ (отъ Петра научивсꙗ) [въ Римѣ самь, вь ѡбразь тельчь, се ѥсть бл҃жн҃ны ѥрс҃лимь, идѣже ꙗсть Гь҃ вечероу сь оученикы своими, да ѥже вь ѡбразь тельчь, сам' Гь҃ иде на вольное м҃чние, акы агне не злобиво»].

2) Сахаровъ, l. с. стр. 144; Леонидъ, l. с. стр. 50.

3) l. с. стр. 64—5; Леонидъ р. 21.

4) Въ скобкахъ у Леонида.

камняхъ», напоминающій ту-же легенду у Пипина, Сиголи и Фабри, съ новыми чертами, останавливающими вниманіе. Я разумѣю прежде всего сопоставленіе камней съ «неопалимой купиной». Въ текстѣ Сахарова это — *ихъ названіе*; у Леонида они принесены *отъ мѣста, такъ названнаго*. Въ первомъ случаѣ «неопалимый» былъ бы эпитетомъ камня: несгараемый, ἄσβεστος, ἄφλεκτος; не въ этомъ-ли смыслѣ слѣдуетъ понять русское обозначеніе алатыря: бѣлъ горючъ? горящій (до бѣла), но не сгараемый, не горючъ? — Другое толкованіе подтверждается косвенно путешествіемъ Коробейникова и Грекова: въ синайскомъ монастырѣ, въ церкви Преображенія «за алтаремъ придѣлъ надъ Неопалимой Купиною, гдѣ Моисей видѣлъ Святую Богородицу, со младенцемъ во огнѣ стоящу неопалиму.... и видѣхомъ мѣсто покрыто каменемъ мраморянымъ, камень полсажени на 4 углы; надъ тѣмъ каменемъ престолъ стоитъ и служба совершается; *въ немъ же вдѣланы два камени велики, что опалила Неопалимая Купина»* [1]). Въ христіанской символикѣ неопалимая купина — Богородица-Дѣва: «какъ огонь былія не сожже, такъ Божіе слово неистлѣнно сохрани ю по рождствѣ дѣвицею»; какъ «купина не сгараше опаляема, такъ Дѣва родила еси и Дѣва пребыла еси» [2]); «предочистимся и мы божественно въ Дусѣ и въ горы Синайскія вѣрою взыдемъ, да видимъ тамо купину огненосную Дѣвыя провозвѣщающія рождество», поетъ церковная пѣснь. Событіе, совершившееся на Хоривѣ, переносимо было на Синай, по сопоставленію Исх. 19, 18 и Второзак. 5, 2,— и далѣе истолковывалось по требованіямъ символическаго параллелизма: что прообразованное въ Ветхомъ Завѣтѣ исполнилось въ Новомъ. Оттого въ миніатюрѣ ватиканской рукописи, содержащей Палею и Псалтырь, Моисей идетъ по горѣ (Синаю), чтобы принять отъ десницы Божіей заповѣди, тогда какъ на право видна купина, горящая и не сгорающая, а въ миніатюрѣ

---

[1]) Сахаровъ l. c. 152; Леонидъ 105.

[2]) Успенскій, Толковая Палея стр. 90.

къ гомиліямъ Іакова самая купина перенесена на Синай [1]); отсюда отождествленіе: «гора Синайская — Богородица, а коупина — утроба дѣвыя» [2]). Въ византійской иконографіи купина изображалась то дикимъ, покрытымъ цвѣтами терновникомъ, объятымъ пламенемъ, изъ котораго выходитъ въ медальонѣ изображеніе Эммануила-младенца; то въ видѣ сосуда съ огнемъ. По замѣчанію проф. Кондакова это — либо σκεῦος ἀμίαντος Кирилла Александрійскаго, символически изображающій Дѣву-мать, тогда какъ огонь — Христосъ; либо образъ чаши, символъ страданія Христа и Евхаристіи: въ одной миніатюрѣ такой-же сосудъ названъ θυσιαστήριον, алтаремъ. Алтарь является однимъ изъ символовъ Богородицы у Андрея Критскаго [3]) — и въ древне-славянской статьѣ [4]), собравшей цѣлый рядъ иносказательныхъ обозначеній для Богородицы, среди которыхъ мы встрѣтимъ всю символику разобранныхъ нами сіонскихъ преданій: *купина*, *камень* («ѡтсечеса камень ѡтъ горы кромѣ рукь»), *прѣстолъ* («видѣхъ Господа Саваѳа сѣдяща на прѣстолѣ высоцѣ и прѣвознесеннѣ и исполнь храмъ славы его»), *Сіонъ* («придетъ ѡтъ Сиона възывая и ѡтвратитъ нечьстие ѡтъ Іакова»), *гора Господня*, *трапеза святая*, *скрижаль завѣта*, *носило Соломоново* («носило сотвори себѣ цр҃ь Соломонь ѿ дрѣвесъ ливановѣхъ») и т. д. [5]).

---

[1]) Кондаковъ, Исторія византійскаго искусства (Одесса, 1876), стр. 159, 225.

[2]) Тихонравовъ, Памятники II, стр. 321 (статья о двѣнадцати пятницахъ).

[3]) Кондаковъ l. c. стр. 94 прим. 3 и стр. 225 прим. 2; сл. стр. 228 прим. 1.

[4]) Тихонравовъ l. c. II стр. 339—44: Семьдесятъ именъ Богу.

[5]) Источникомъ славянской статьи, по отношенію къ символическимъ эпитетамъ Богородицы, была, быть можетъ, четвертая гомилія св. Андрея Критскаго на рождество Богородицы (сл. у Migne, Patrologiae graecae t. 97, p. 866 sqq.). Въ какихъ отношеніяхъ находится первая половина статьи (имена Богу) къ λόγος τέταρτος περὶ θεωνυμίας Θεο-

На верху Синайской горы Коробейниковъ и Грековъ посѣтили другую церковь Преображенія: «и въ той церкви, возлѣ алтаря, лежитъ камень великъ. Егда Богъ сниде къ Моисею на святый верхъ, и ста Моисей при томъ камени, и камень Моисея пустилъ къ себѣ и покры главу его, и подъ тѣмъ каменіемъ глагола Моисей съ Богомъ и законъ отъ Бога пріятъ — скрижали каменны, написаны перстомъ Божіимъ» [1]. — Зосима соединяетъ камни отъ «неопалимой купины» съ тѣми, которые Коробейниковъ и Грековъ видѣли на верху Синая, и говоритъ о первыхъ, что на нихъ именно «Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстей». Подставивъ вмѣсто Христа первое лицо Св. Троицы, мы придемъ къ слѣдующему тексту Исхода 24, 9: Καὶ ἀνέβη Μωυσῆς καὶ Ἀαρὼν καὶ Ναδὰβ καὶ Ἀβιοὺδ καὶ ἑβδομήκοντα τῆς γερουσίας Ἰσραήλ, καὶ εἶδον τὸν τόπον οὗ εἱστήκει ὁ Θεὸς τοῦ Ἰσραήλ· καὶ τὰ ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ ὡσεὶ ἔργον πλίνθου σαπφείρου καὶ ὥσπερ εἶδος στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ τῇ καθαριότητι.... καὶ εἶπε κύριος πρὸς Μωυσῆν· Ἀνάβηθι πρὸς μὲ εἰς τὸ ὄρος καὶ ἴσθι ἐκεῖ· καὶ δώσω σοι τὰ πυξία τὰ λίθινα, τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολὰς ἃς ἔγραψα νομοθετῆσαι αὐτοῖς. Καὶ ἀναστὰς Μωυσῆς καὶ Ἰησοῦς ὁ παρεστηκὼς αὐτῷ ἀνέβησαν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Θεοῦ, гдѣ Господь наставляетъ Моисея, какъ устроить ковчегъ и скинію и даетъ ему двѣ скрижали каменныя, скрижали откровенія. — Связывая Исх. 24, 10 съ 32, 16, талмудическое преданіе заключаетъ, что *обѣ скрижали были изъ сапфира, на которомъ стоялъ Господь, бесѣдуя съ Моисеемъ*, почему арамей-

---

дора Дуки Ласкариса (у Migne, Patrol. graec. t. 140, p. 764—770) — я не изслѣдовалъ. Сл. Pitra, Spicilegium Solesmense III, p. 449—451: Rhythmus ad Deum ex Dei nominibus; De nominibus beatae Mariae virginis.

[1]) Сахаровъ l. c. p. 153; Леонидъ p. 106. Сл. у Sigoli l. c. p. 250: e Iddio comandò a quel petrone che si levasse; incontanente la parte dinanzi si levò e stette sospesa, e ancora si sta così, sicchè per comandamento di Dio Moisè stette sotto il detto petrone, e Iddio stava sopra il detto petrone».

ская духовная пѣсня на Пятидесятницу поетъ: «Выруби себѣ, о Моисей, *двѣ доски изъ сапфира* подъ престоломъ Бога жива»[1]. То-же у Свиды (Μωυσῆς): τὰς πλάκας σαπφείρῳ λίθῳ δακτύλῳ Θεοῦ γραφείσας; въ статьѣ Епифанія Кипрскагѡ о 12 драгоцѣнныхъ камняхъ говорится лишь, что «что на горѣ же даный Мѡусіи законъ на камыцѣ сапъѳирѣ глетьсѧ бывъ[2]».

Синайскій камень или камни, перенесенные на Сіонъ, получаютъ смыслъ при свѣтѣ указаннаго нами сопоставленія: они — сапфирные, скрижали ветхаго завѣта, которые Христосъ положилъ въ основаніе новаго Сіона; mons Sina et Sion duo Testamenti significant (Hieronym. epist. CXXIII); изъ Синайскаго камня (lapis rubeus; сл. σάπφειρος πορφυρίζων Епифанія), принесеннаго ангеломъ, сотворенъ на Сіонѣ алтарь, какъ о храмѣ св. Грааля на Munsalvaesche[3]) говорится:

Got selb in eim saphire Môysi mit schrift was gebende
âller sünden fire, swer nâch der selben lêre noch waer lebende,
al diu gebot, der fümfiu sint gezweiet:
sus vil der hôhen tugende sich an dem saphîre mangerleiet.

Durch das di altersteine über ál saphîre wâren[4]).

Всѣ легенды христіанскаго Сіона, разсмотрѣнныя нами, коренятся въ такого рода ветхозавѣтныхъ воспоминаніяхъ: скрижали Синая, краеугольный камень Сіона, скинія Давида[5]).

---

[1]) Сл. Zarncke, Graaltempel стр. 481 прим. къ строфѣ 21, 1.

[2]) Буслаевъ, Ист. христом. р. 263 (Сборн. Свят. 1073 г.); въ греч.: ἐπὶ λίθου σαπφείρου πεφυκέναι λέγεται.

[3]) У Вольфрама: Munsalvaesche, Munsalvâtsche, Salvâche ah muntane; страна, въ которой лежитъ замокъ, зовется: Terre de Salvaesche. Обычная этимологія: salvatge, sauvage, silvaticus, за которой — для Вольфрама — можно предположить другую: Mons, terra salvationis, salutis.

[4]) Zarncke l. c. стр. 44, строфы 21 и 22.

[5]) Укажу кстати на параллелизмъ сказаній: Давидъ переноситъ на

Имя Соломона, играющее столь важную роль въ исторіи символическаго параллелизма ветхозавѣтныхъ и евангельскихъ событій, также притянуто было въ эту связь: І. Христосъ — истинный Соломонъ [1]), Богородица — мать Соломона [2]); она — носило Соломоново, о которомъ сказано въ Пѣснѣ Пѣсней III, 9: φορεῖον ἐποίησεν ἑαυτῷ ὁ βασιλεὺς Σαλωμὼν ἀπὸ ξύλων τοῦ Λιβάνου; греческому φορεῖον, ferculum Вульгаты, отвѣчаетъ въ еврейскомъ текстѣ: thalamus sponsarum, въ арабскомъ umbraculum, въ эѳіопскомъ lectus, въ сирійскомъ solium, въ халдейской парафразѣ: *templum sanctuarii.* Къ этому толкованію: φορεῖον = templum привязываются показанія тѣхъ средневѣковыхъ палестинскихъ путешественниковъ, которые ставятъ позднѣйшую Сіонскую базилику на мѣсто Соломоновскаго сооруженія [3]) — и слово о трехъ крестныхъ древахъ, приписанное Григорію Богослову, гдѣ домъ Божій, созидаемый Соломономъ, названъ святымъ Сіономъ [4]). Распространенное сказаніе о крестномъ древѣ, въ связи съ построеніемъ Святыя Святыхъ и пророчествомъ Сивиллы, вовлекло имя Соломона въ глубь христіанской символики; надпись (на еврейскомъ, самарянскомъ и греческомъ языкахъ) на Соломоновой чашѣ, будто-бы служившей потиромъ въ

Сіонъ, въ скинію, имъ устроенную, ковчегъ завѣта; Оза, протянувшій къ нему руку, падаетъ мертвымъ (Цар. II, 7). Въ апокрифѣ объ успеніи Богородицы на Сіонѣ Іефонія схватывается за одръ, на которомъ лежало тѣло Пресвятой Дѣвы, и ангелъ Господень отсѣкаетъ ему руки.

[1]) Conrad von Würzburg, Goldene Schmiede v. 1726 sqq.; сл. v. 1745.

[2]) Les joies nostre Dame ed. Reinsch въ Zeitschr. f. roman. Phil. III, 2, p. 216 sqq.; сл. p. 224 v. 961: La mere au rei Salomon.

[3]) Сл. выше стр. 7, прим. 1.

[4]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит. I р. 310 (изъ србск. рки. XV); Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по ркп. соловецкой библіотеки (Спб. 1877), стр. 97, 217 (сл. 219); Поповъ, Первое приложеніе къ описанію ркп. и т. д. Хлудова, стр. 64 слѣд.

цареградской Софіи, прорицала о рождествѣ Спасителя, его тайной вечери и крестной смерти [1]).

Граль западной легенды, какъ-бы ни разнообразилось его внѣшнее представленіе, несомнѣнно символизируетъ высшее христіанское таинство, тайну евхаристіи. Когда Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ ссылается, какъ на (посредственный) первоисточникъ своихъ свѣдѣній о Гралѣ, на книгу какого-то Flegetanis'а [2]), изъ *Соломонова рода* (453—4) — я могу усумниться въ имени и въ показаніи источника, не въ характерѣ его символическаго параллелизма [3]).

III.

Собранныя нами мѣстныя Сіонскія преданія помогутъ намъ разъяснить нѣкоторыя черты двухъ произведеній народной русской поэзіи, раскрывъ за позднѣйшими наслоеніями, пѣсенными и иными, черты первичной легенды.

Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви; о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той-же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ Coenaculum, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство Евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ

---

[1]) Сл. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки и т. д. № XL, стр. 96; Порфирьевъ l. c. p. 240—1.

[2]) Сл. съ именемъ Flegetanis'а — Flégétinè въ такъ называемомъ Grand St. Graal.

[3]) Въ эпизодѣ втораго Титуреля о созданіи храма Граля упоминается разсказъ о томъ, какъ Соломонъ построилъ храмъ Господу безъ употребленія орудій: grôz noch kleine — wart meizel hamer noch ander wâpen erklenget — nie zu halbem nagele (Zarncke l. c. стр. 447, строфа 39). Объ источникѣ этой легенды, не указанной Царнке, см. Соломонъ и Китоврасъ стр. 105 и слѣд.

въ міръ возвѣстить новое Откровеніе: таковы были матеріалы мѣстной легенды. Стоило было поработать надъ ними народной фантазіи, чтобы найти въ нихъ символическій центръ: *алтарный камень, алтарь*, на которомъ впервые была принесена безкровная жертва, установлено высшее таинство христіанства. Въ русской народной поэзіи этотъ *алтарь*, црквнослав. *олътарь*, сталъ *камнемъ алатыремъ* (вм. алатарь), латыремъ. Такъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

На бѣломъ Латырѣ на камени
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распустилъ онъ книги по всёй земли.

(Безсоновъ, Калики I, стр. 291, № 80; сл. № 81; Варенцовъ стр. 18—19, 27, 37—8).

Когда объ этомъ камнѣ говорится, что изъ подъ него текутъ рѣки

Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе

(Безс. № 84, стр. 313), то это не удаляетъ насъ отъ указанной символики, какъ и выраженіе, что алатырь-камень — всѣмъ «камнямъ отецъ». Тѣ рѣки — воды, текущія на спасеніе пьющихъ изъ скалы-церкви, изъ скалы Христа[1]. «Ἀπὸ λίθου δὲ τὸ θυσιαστήριον, объясняетъ Симеонъ Солунскій[2], ὅτι Χριστὸν εἰκονίζει, ὃς καὶ πέτρα ὡς θεμέλιος ἡμῶν, καὶ κεφαλὴ γωνίας, καὶ λίθος ἀκρόγωνος, καὶ ὅτι πέτρα πάλαι ταύτην

---

[1]) Сл. Кондаковъ l. c. стр. 123 и прим. 1.

[2]) Symeonis Thessalonicensis archiepiscopi opera omnia, y Migne, Patrol. series graeca, t. CLV: Expositio de divino templo p. 705, § 273; сл. ib. p. 313, § 118, κεφαλ. ρζ: De sacro templo.

ἐμιμεῖτο τὴν τράπεζαν, ἡ τὸν πάλαι ποτίζουσα Ἰσραήλ. Νῦν δ᾽αὕτη τὸν νέον ἡμᾶς ποτίζει, οὐχ ὕδωρ, ἀλλὰ ζωῆς αἰωνίου παρέχουσα νάματα, τὸ ζῶν αἷμα τοῦ Λόγου»· Сл. также отвѣтъ на вопросъ древне-русской статьи: «Како бысть Господь Июдѣемъ, и(же) камыкъ ношахоу его и исъхожахоу изъ него .в͞і. рѣкъ и напоиша дванадесять царствъ?» Отвѣтъ: «Камень есть Христосъ, .в͞і. рѣкъ апостоли суть, судящи двеманадесять колѣнома израилевыма; яко рѣки напояху родъ еврейскій, тако и апостоли проповѣдаша новый законъ» [1]).

Дальнѣйшее развитіе этого образа въ русской народной поэзіи и суевѣріи насъ здѣсь не интересуетъ: тамъ онъ претворился до неузнаваемости, до разнообразныхъ проявленій, связанныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь общимъ понятіемъ— какой-то чудной силы, сверхъестественныхъ качествъ. Пользоваться позднѣйшими искаженіями и приложеніями этого образа, съ цѣлью опредѣлить его первичныя формы — едва-ли возможно. Если предложенныя мною параллели подошли къ этому опредѣленію, и алатырь ничто иное, какъ алтарь, понятый какъ символическое выраженіе христіанскаго таинства, то въ поэзіи средневѣковаго и еще современнаго народнаго христіанства онъ стоитъ не одиноко. Я напомню олицетвореніе Отче Нашъ въ англосаксонскомъ діалогѣ Соломона и Сатурна: олицетвореніе, которому придаются чудодѣйственныя качества. Какъ въ сициліанскомъ суевѣріи таинство Евхаристіи явилось святой Vittuvagghia (ит. Vettovaglia, т. е. victualia), помощницей при родахъ, такъ изъ сходныхъ элементовъ развилось мистическое представленіе о Гралѣ, являющемся то *чашей* тайной вечери, то чудеснымъ *камнемъ*, снесеннымъ съ неба ангелами. О камнѣ говоритъ Wolfram von Eschenbach, Parcival 454:

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. II, стр. 455—6. Сл. въ словѣ Кирилла Туровскаго «въ новую недѣлю по Пасцѣ»: «ныня рѣки апостольскыя наводняються».

Ein schar in ûf der erden liez:
diu fuor ûf über die sterne hôch.
op die in unschult wider zôch,
sît muoz sîn pflegn getouftiu fruht.

Камень этотъ зовется: lapsit exillis (469).

Извѣстно, что французское преданіе, на сколько оно выразилось у De-Borron'a [1]), представляло себѣ Граль въ образѣ чаши, въ которой Спаситель совершилъ тайную вечерю въ домѣ Симона, которая впослѣдствіи найдена была тамъ какимъ-то Евреемъ и отдана Пилату; затѣмъ Пилатъ подарилъ её Іосифу Аримаѳейскому, и тотъ собралъ въ неё кровь, истекшую изъ ранъ Спасителя. Когда Евреи заключили Іосифа въ темницу, Христосъ явился ему съ той-же чашей въ рукахъ, наполненной божественною кровью, напомнилъ ему о тайной вечерѣ, объ установленіи таинства. Помнишь-ли ты мою трапезу съ учениками у Симона?

896 Le pein, le vin y benëi [2])
Et leur dis que ma char menjoient
Ou pein, ou vin mon sanc buvoient:
Ausi sera representee
Cele taule en meinte contree;
Ce que tu de la crouiz m'ostas
Et ou sepulchre me couchas,
C'est l'auteus seur quoi me metrunt
Cil qui me sacrefierunt;

---

[1]) Сл. Fr. Michel, Le roman du St. Graal (Bordeaux 1841) и прозаическій текстъ у Hucher, Le Saint Graal I, p. 209 слѣд.

[2]) Въ началѣ романа разсказывается лишь объ омовеніи ногъ апостоламъ, v. 332 слѣд., что дало P. Paris'y, Les romans de la Table ronde I, стр. 127, прим. 2 заключить, что составители легенды о Гралѣ знали одно лишь евангеліе отъ Іоанна (такъ и у меня: Соломонъ и Китоврасъ стр. 191). Но далѣе говорится о сосудѣ, ou Criz feisoit son sacrement (v. 396); отрывокъ (v. 896 слѣд.), приведенный въ текстѣ, поясняетъ его значеніе.

Li dras ou fui envolepez,
Sera corporaus apelez;
Cist vaissiaus ou men sanc mëis,
Quant de men cors le requeillis,
Calices apelez sera;
La platine ki sus girra
Iert la pierre senefiee
Qui fu deseur moi seelee
Quant ou sepuchre m'ëus mis.

Символика этого описанія ясна сама собою: трапеза — гробница, corporale (corporaus)—плать, которымъ обвито было тѣло Спасителя, потиръ съ дарами — тѣло и кровь Христовы, дискосъ — камень отъ гроба. «Ἡ αγία τράπεζά ἐστιν ἀντὶ τοῦ τόπου τῆς ταφῆς, ἐν ᾗ ἐτέθη ὁ Χριστός, ἐν ᾗ πρόκειται ὁ ἀληθινὸς καὶ οὐράνιος ἄρτος, ἡ μυστικὴ καὶ ἀναίμακτος θυσία»; «τὸ εἰλητὸν σημαίνει τὴν σινδόνα, ἐν ᾗ ἐνειλήθη τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ, ἐκ τοῦ σταυροῦ καταβὰν καὶ ἐν μνήματι τεθέν. Καὶ ἡ ἐπάνω κάλυψις τοῦ δίσκου ἐμφαίνει τὴν σινδόνα, ᾗ εἴλιξαν τὸ σῶμα τοῦ Κυρίου. Τὸ δὲ δισκοκάλυμμά ἐστιν ἀντὶ τοῦ σουδαρίου τοῦ ὄντος ἐπὶ τοῦ προσώπου περικαλύπτοντος αὐτὸ ἐν τῷ τάφῳ. Τὸ καταπέτασμα ἤτουν ὁ ἀὴρ ἐστι καὶ λέγεται ἀντὶ τοῦ λίθου οὗ ἠσφαλίσατο τὸ μνημεῖον ὁ Ἰωσήφ». Если къ этимъ толкованіямъ патріарха Германа [1]) присоединить и Гонорія изъ Autun, Gemma Animae, l. I c. XLVII: patena lapidem designat [2]), — то мы нашли всѣ черты де-Борроновской символики, отправляющейся отъ отождествленія: sepulchre = auteus [3]). Символъ алтаря — но не гробницы, а алтаря-трапезы развивается и далѣе: Христосъ наказываетъ Іосифу въ память трапезы у Симона сотворить другую, на ней будетъ по-

[1]) Germani, archiepiscopi constantinopolitani Historia ecclesiastica et mystica contemplatio у Migne, Patr. graec, t. 98, p. 388, 399.—Германъ былъ патріархомъ Константинополя съ 715 г.

[2]) Migne, Patrol. lat. t. 172, p. 558.

[3]) Иначе Birch-Hirschfeld, Die Sage vom Gral (Lpz. 1877), стр. 221, прим. 1.

ставленъ святой потиръ и рыба, которую поймаетъ зять Іосифа, Hebron (или Bron). Рыба—древне-христіанскій символъ Христа, являющійся въ изображеніяхъ Тайной Вечери на столѣ, въ чашѣ, къ которой прикасается Спаситель, либо въ блюдѣ, которое сноситъ съ неба ангелъ [1]).

2503.... pren ten veissel et le mest
Sus la table, la u mieuz te plest,
Meis qu'il soit tout droit emmi liu;
Et la endroit te serras tu,
Et le cuevre d'une touaille.
Quant auras ce feit sanz faille,
Adonc repenras le poisson
Que t'avera peschie Hebron,
D'autre part le mest bien et bel
Tout droit encontre ten veissel.

За этой трапезой будетъ пустое мѣсто, мѣсто Іюды-предателя: его займетъ безнаказанно лишь внукъ Hebron'а.

О всей этой символикѣ Грааля Вольфрамъ ничего не знаетъ и самъ не даетъ своему Гралю никакого опредѣленнаго образа. Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей этой легенды, открывая зависимость Вольфрама отъ Chrestien de Troies и вмѣстѣ съ тѣмъ несогласіе ихъ представленій о Гралѣ, пришелъ къ неожиданному заключенію: Chrestiens никогда не употребляетъ для понятія чаши Грааля описательныхъ: vaisseau или écuelle, а исключительно—graal; этого слова не понялъ, будто-бы, Вольфрамъ, вотъ почему вмѣсто чаши у него является — камень [2])! Вольфрамъ не умѣлъ читать и самъ сознается въ недостаточномъ знаніи французскаго языка; но это не помѣшало ему овладѣть пришлымъ сюжетомъ и значительно углубить лежавшую въ немъ идею. Граль играетъ въ его поэмѣ выдающуюся роль, такъ какъ внутренній ростъ Парцеваля обусловленъ именно его иска-

[1]) Кондаковъ l. c. стр. 80, 133, 246.
[2]) Birch-Hirschfeld l. c. стр. 274.

ніемъ. Что Вольфрамъ не постарался уяснить себѣ его значеніе, хотя-бы путемъ разспросовъ, когда легенда о Гралѣ не могла не быть извѣстна въ Германіи — просто немыслимо. То-же слѣдуетъ сказать о Генрихѣ von Türlin: въ своей Krone онъ явился подражателемъ современника своего Wolfram'a, и въ то-же время источникомъ ему служилъ Conte du Graal Chrestien'a; между тѣмъ и у него Граль, по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ— не vaisseau и не écuelle, а нѣчто въ родѣ раки съ мощами, какія ставятъ на алтаряхъ:

29384 Gestein was ez und goldes rîch,
Einer kefsen was ez glîch,
Diu ûf einem alter stêt.

Заключать изъ этого, что и Генрихъ не понялъ образа чаши у Chrestien'a [1]), невозможно, потому что въ другомъ мѣстѣ она оказывается ему извѣстной: Гавейнъ видитъ её въ замкѣ Граля, гдѣ древній старецъ, одѣтый въ бѣлоснѣжныя одежды, покоится на ложѣ, и совершается таинственное шествіе: четыре дѣвы, въ вѣнцахъ, несутъ свѣточи:

14754 Nâch disen vier meiden
Gieng ein magt gezieret baz,
Diu truoc vor ir ein schoenez vaz
Von einer cristalle,
Daz was vol mit alle
Vil gar vrisches bluotes;
Rôtes goldes unde guotes
Dar inne ein schoene roere lac [2]).

Онѣ подходятъ къ старцу, пятая колѣнопреклоняется передъ нимъ и подаетъ ему трость,

---

[1]) Birch-Hirschfeld p. 285—288.

[2]) Diu Crône von Heinrich von dem Türlin, hrsg. von Scholl. Stuttg. 1852.

14777 Dâ mite trane er daz bluot rôt
Uz der cristallen, die sie truoc.

Слѣдуетъ предположить, что Генриху знакомы были два представленія о Гралѣ: ракой и чашей, которыя онъ не примирилъ между собою, какъ то сдѣлалъ авторъ втораго Титуреля, очевидно сплотившій легенду о чашѣ съ преданіемъ о камнѣ, найденнымъ у Вольфрама: чаша явилась у него сдѣланной изъ камня, снесеннаго ангелами на землю:

Ein Schar den gral uf erde bî alten zîten brahte,
Ein Stein in hohem werde, man ein schüzzel dar uz wurken dahte [1]).

Я заключаю изъ этого, что не непониманіемъ обычнаго сказанія, а особой его редакціей слѣдуетъ объяснить у Вольфрама его представленіе о Гралѣ. Былъ-ли его источникомъ загадочный провансалецъ Kyôt, или кто другой, для насъ это безразлично [2]); ясно одно, — что образъ Граля-камня вышелъ не изъ легенды о потирѣ, а изъ другаго, равносильнаго ей преданія. Камень-Граль, снесенный ангелами, напоминаетъ мнѣ сіонское сказаніе о камнѣ, также принесенномъ ангеломъ, камнѣ-алтарѣ, трапезѣ. Что lapsit Вольфрама искажено изъ lapis — въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться; рукописи читаютъ: lapsit, jaspis, lapis и exillis, exilis, erillis, exilix (оттуда во второмъ Титурелѣ: jaspis et cilix!). San Marte предлагаетъ читать: lapis herilis = господень камень; Martin: ex celis, упавшій съ неба [3]). То и другое

---

[1]) Изд. Hahn'а, v. 6172 sqq.

[2]) Такой источникъ, отличный отъ Conte du Graal Chrestien'а, принимаетъ теперь Martin (Zur Gralsage, Strassburg. 1880, p. 18—19, 26—27), не только для Вольфрама, но и для Генрика vom Türlin. Главная цѣль брошюры Мартина — снова привязать сказаніе о Гралѣ къ кельтской сагѣ, кажется мнѣ недостигнутой. — Разумѣется, и моя попытка (Соломонъ и Китоврасъ, стр. 189—199) пріурочить эту легенду къ средневѣковымъ дуалистическимъ толкамъ представляется мнѣ нынѣ неудачной.

[3]) Martin, l. c. стр. 39.

чтеніе можно опереть на варіантахъ текста, то и другое соединимо со смысломъ легенды, почему я и не пытаюсь защитить обычное: exilis, сблизивъ его съ lapidem istum *deformem* Антонина.

Снесеніе съ неба камня-алтаря, трапезы, встрѣчаетъ параллель въ слѣдующемъ преданіи Корана [1]), несомнѣнно выражающемъ установленіе таинства Евхаристіи.

«Вотъ апостолы сказали: Іисусъ, сынъ Маріи, Господь твой можетъ-ли ниспослать намъ съ неба трапезу? — Онъ сказалъ: Бойтесь Бога, если вы вѣрующіе. — Они сказали: Хотимъ вкусить отъ нея, чтобы успокоились сердца наши и мы знали-бы, что говоришь намъ истину, и мы были-бы свидѣтелями ея.— Іисусъ, сынъ Маріи сказалъ: Боже, Господи нашъ, ниспошли намъ съ неба трапезу: она будетъ праздникомъ намъ, первому изъ насъ и послѣднему изъ насъ, будетъ знаменіемъ отъ тебя; напитай насъ, потому что ты наилучшій питатель.—Я ниспошлю её вамъ, но кто изъ васъ послѣ того будетъ невѣрующимъ, того накажу я наказаніемъ, какимъ не наказывалъ никого изъ другихъ міровъ».

Другія мусульманскія легенды разсказываютъ о дѣйствительномъ сосланіи трапезы, уставленной яствами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ рыба — какъ на трапезѣ Граля у de Borron'а. Трапеза эта была впослѣдствіи взята на небо, когда люди согрѣшили, — какъ во второмъ Титурелѣ людскіе грѣхи заставляютъ Граль удалиться на востокъ, въ Индію. Вотъ самая легенда, сообщенная мнѣ барономъ Розеномъ въ переводѣ изъ комментаріевъ Бейдави († 1286) [2]).

«Разсказываютъ, что красная скатерть спустилась между двухъ облаковъ, и они (ученики Іисуса) глядѣли на неё, пока

---

[1]) Коранъ, гл. 5 («Трапеза»), стихи 112—115, переводъ Саблукова. Казань, 1878 г. стр. 106—112.

[2]) Beidhavii Comm. in Coranum ed. Fleischer, p. 280 ad Sur. 5 v. 115.

она не спустилась на землю передъ ними. И заплакалъ Іисусъ и сказалъ: Господи! сдѣлай меня благодарнымъ! Господи! сдѣлай её (т. е. скатерть) благодатью (для нихъ), а не дѣлай её напастью и наказаніемъ! — Потомъ онъ всталъ и совершилъ омовеніе и поплакалъ; затѣмъ снялъ (со скатерти) платъ и сказалъ: Во имя Бога, лучшаго изъ дарующихъ пищу!—И вотъ (на скатерти очутилась) жареная рыба безъ чешуи и безъ костей, плавающая въ жирѣ своемъ; у головы ея (стояла) соль, у хвоста уксусъ, а вокругъ нея разная зелень кромѣ лука. И (были тамъ) пять плоскихъ хлѣбовъ: на одномъ было деревянное масло, на другомъ — медъ, на третьемъ — масло, на четвертомъ — сыръ, на пятомъ сушеное мясо.—И сказалъ Симонъ: О Духъ Божій! [1]) этого-ли міра эти яства или-же будущаго? — Іисусъ отвѣтилъ: Они ни того, ни другаго. Господь Богъ, слава ему, сотворилъ ихъ своею силою (нарочно для этого случая). Кушайте то, о чемъ просили, и благодарите! И поддержитъ васъ Богъ и пошлетъ вамъ еще больше своихъ милостей. — Тогда они сказали: О Духъ Божій! О если-бы ты намъ показалъ еще чудо въ этомъ чудѣ! — И сказалъ онъ: О рыба! стань живой по повелѣнію Бога! — И она стала живой. Потомъ онъ сказалъ ей: Вернись къ прежнему состоянію! — И она опять стала жареной [2]). —

---

[1]) Одно изъ именъ Іисуса у Мусульманъ.

[2]) Оживленіе рыбы напоминаетъ апокрифическую басню объ оживленіи жаренаго пѣтуха, являющуюся въ иныхъ рукописяхъ Никодимова Евангелія введеніемъ къ нему (въ разсказѣ объ Іюдѣ), извѣстную и отдѣльно (сл. напр. легенду объ оживленной курицѣ въ Пам. стар. русск. лит. I, стр. 217 и Mussafia, Sulla leggenda del legno della Croce p. 206, прим. 1; Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 179—80, къ № 197). Ея связь съ мусульманскимъ преданіемъ о трапезѣ устанавливается при помощи коптской легенды: будто-бы за послѣдней *вечерей* Христа былъ поданъ жареный пѣтухъ; когда Іюда ушелъ съ вечери, чтобы предать Христа, пѣтухъ, по повелѣнію Господа, ожилъ и послѣдовалъ за предателемъ, объ умыслѣ котораго и повѣдалъ Христу. Сл. Thevenot, Voyages liv. II, c. 75.

Затѣмъ трапеза улетѣла. — Впослѣдствіи они согрѣшили и были обращены въ свиней и обезьянъ.

«Другіе говорятъ: она (трапеза) приходила къ нимъ въ теченіи 40 дней, черезъ день; къ ней собирались бѣдные и богатые, малые и великіе, и ѣли. А когда тѣнь (послѣ полудня) склонялась къ востоку, она улетала, и они глядѣли (ей въ слѣдъ?), въ тѣни ея. И когда бѣднякъ вкушалъ отъ нея, то становился богачемъ на всю остальную жизнь, и больной выздоравливалъ и больше уже не заболѣвалъ. Потомъ Богъ ниспослалъ Іисусу откровеніе: Устрой трапезу эту для бѣдныхъ и больныхъ, исключивъ богатыхъ и здоровыхъ. — И заволновались люди изъ за этого, вслѣдствіе чего 83 человѣка были превращены (въ свиней и проч.).

«Еще другіе говорятъ: когда Богъ обѣщалъ посылать её (трапезу) подъ такимъ условіемъ, люди сами просили избавить ихъ отъ нея и говорили: Мы не хотимъ ея. — И она больше не нисходила».

Сообщенныя нами легенды могутъ вызвать не одно сближеніе съ западно-европейскими представленіями о Гралѣ; намъ эти легенды важны въ данномъ случаѣ лишь по ихъ связи съ символикой сіонскаго камня-алтаря [2]), алатыря, вмѣстѣ съ которымъ мы снова вернемся къ стиху о Голубиной книгѣ.

---

[2]) Не могу не припомнить, въ связи съ сіонскимъ преданіемъ о камнѣ, другаго, однороднаго съ нимъ, о которомъ мнѣ приходилось говорить при другомъ случаѣ (сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II: Берта, Анастасія и Пятница: II Эпистолія о недѣлѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Мартъ, стр. 50 слѣд.; сл. тамъ же 1877 г. Май, стр. 121—123 и относящуюся сюда главу въ прекрасномъ трудѣ Hăsdeu, Cărtile poporane ale romănilor in secolul XVI, 1880 г. стр. 21 слѣд.). Я имѣю въ виду отреченную статью о посланіи съ неба или Эпистолію о недѣлѣ, извѣстную по крайней мѣрѣ съ VI вѣка, и именно тѣ ея редакціи, въ которыхъ посланіе падаетъ съ неба въ камнѣ (въ греч. и русскихъ текстахъ), либо начертано на дскѣ или дскахъ, снесенныхъ ангеломъ (сирійская эпистолія и флагеллантскіе тексты той-же

IV.

Если мы вѣрно поняли значеніе алатыря, поставивъ его въ связь съ преданіями древняго Сіонскаго храма, то въ первичномъ составѣ стиха на вопросъ:

И которая церковь церквамъ мати?

статьи). Оно объявляется то въ Іерусалимѣ, то въ Римѣ; въ письмѣ карѳагенскаго эпископа Лициніана къ эпископу Винценцію (ок. 584 г.) говорится, что эпистолія de coelo descendit super altare Christi in memoria S. Petri apostoli (sc. exstructum), т. е. на Христовъ алтарь въ церкви св. Петра. Фабрицій толкуетъ, согласно съ нѣкоторыми текстами посланія: sc. in templo in memoriam S. Petri *Romae* exstructo. Такъ-ли именно было въ подлинникѣ статьи — мы не знаемъ; редакція ея, осужденная на Ахенскомъ соборѣ 745 г., говоритъ о небесномъ посланіи, упавшемъ въ Іерусалимѣ и лишь позднѣе отправленномъ въ Римъ «ad locum sepulcri Sancti Petri»; флагеллантскіе тексты пріурочиваютъ появленіе эпистоліи прямо *къ Іерусалиму и алтарю св. Петра.* Можетъ быть, здѣсь произошло смѣшеніе двухъ локализацій; напомню, во всякомъ случаѣ, церковь ап. Петра на Сіонѣ. Къ ап. Петру обращено и самое посланіе въ текстахъ Амадуччи и чешскомъ. Не здѣсь-ли объясненіе одного эпизода въ романѣ De-Borron'а: письмо съ неба объявляется при Граалѣ и вручено какому-то Петру, который несетъ его въ далекія страны запада?

Въ эпистоліи о недѣлѣ, приведенной Рожеромъ de Hovedene подъ 1200 г., посланіе «de coelo venit in Jerusalem, et inventum est super altare Sancti Symeonis, quod est in Golgotha, ubi Christus crucifixus est pro peccatis mundi». Церковь св. Симеона на Голгоѳѣ мнѣ неизвѣстна; если она является въ двухъ анонимныхъ старосѣверныхъ описаніяхъ Іерусалимскихъ святынь, то, вѣроятно, подъ вліяніемъ отреченной статьи: на Голгоѳѣ «*er altari sancti Simeonis;* þar kom ofan brefit gullritna»; «þar staðr Simeons kirkja, ok þar er varðveitt *handleggr* hans yfir altari; ok þar com ofan brêf, þat er sjálfr Drottinn ritaði sínum höndum gullstöfum um hinn helga sunnudag» (Antiquités russes II, p. 417 и 421). Замѣтимъ, что «le braz saint Simeon» находилась въ числѣ святынь, будто-бы подаренныхъ константинопольскимъ патріархомъ Карлу Великому (сл.

отвѣтъ могъ быть такой: Сіонская, первая, апостольская, мать всѣхъ церквей. — Стихъ отвѣчаетъ:

Во святомъ во градѣ въ Ерусáлимѣ
Стоитъ церковь саборная
Саборная, богомольная;
Во святой церкви въ соборныя
А стоитъ гробница бѣлокаменная,
Почиваютъ ризы самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго.
. . . .
Потому церковь всѣмъ церквамъ мати

(Безсоновъ, Калѣки I, стр. 271, № 76). Такъ и въ другихъ пересказахъ: въ № 80 l. c. церковь названа:

церковь соборная
Святой Святыни Богородицы
. . . .
Пребываетъ въ церкви Господень гробъ,
На воздусѣхъ стоитъ онъ вознесенъ,
Ѳиміамъ, ладонъ курятся,
Свѣщи горятъ неугасимыя.

Charlemagne ed. Fr. Michel, v. 163; id. въ изданіи Koschwitz'a). — Церковь св. Симеона упоминаетъ на Сіонѣ Бернардъ, помѣщающій въ ней, въ числѣ другихъ воспоминаній, обыкновенно пріурочиваемыхъ къ Сіонской церкви, и омовеніе ногъ и успеніе Богородицы. Tobler (Topogr. II, стр. 106; сл. стр. 174 и прим. 7) предположилъ, что названіе церкви могло пойти отъ Симона-Петра, перваго, обратившагося съ рѣчью къ Спасителю во время омовенія ногъ; позднѣе (Descr. p. 93 и прим. 407) онъ предложилъ читать въ текстѣ Бернарда: Sancta Sion вм. Sancti Simeonis. Сближеніе послѣдняго имени съ воспоминаніями древняго Coenaculum даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующимъ сопоставленіямъ: въ одной миніатюрѣ (IX вѣка)къ рѣчи Григорія Богослова на *Пасху* представленъ *домъ Симеона*, съ Маріей Магдалиной, *символической рыбой* въ сосудѣ на столѣ и Іюдой, сидящимъ отдѣльно, задомъ къ зрителю (Кондаковъ l. c. стр. 178), — а въ романѣ De-Borron'a событія омовенія ногъ и тайной вечери съ Маріей Магдалиной и Іюдой перенесены въ *домъ Симона прокаженнаго.*

Иначе — это церковь *Святой Святыихъ Богородицы* — и Христова Воскресенія (l. c. № 81), или *Соборъ-церковь*, гдѣ на престолѣ на Божественномъ, въ бѣлокаменной гробницѣ, почиваютъ Господни ризы (ib. №№ 82, 87), либо въ ней

Висятъ мощи на воздусіи
Самого Христа царя небеснаго,
Потому церьква всѣмъ церквамъ отецъ:
Отъ той церкви отъ соборныя,
Отъ соборныя, богомольныя,
Отъ её службы всѣ служутся,
По усей землѣ, по всей вселенныя
По всему міру на умоленіе (l. c. № 84).

№ 89 сообщаетъ, что церковь, церквамъ мать,

Святая Святыхъ Іерусалимская:
Потому что стоитъ въ ней гробъ Господень,
А длина той церкви поперекъ пятьдесятъ сажёнъ,
И сто въ ней престоловъ [1]).

Упоминаніе Гроба Господня, встрѣчающееся во всѣхъ пересказахъ стиха, можетъ повести къ предположенію, что дѣло идетъ о церкви Гроба Господня въ Іерусалимѣ, либо что стихъ отразилъ впечатлѣніе ходившихъ о ней фантастическихъ разсказовъ — если въ образѣ гробницы «на воздусяхъ» не отразилось представленіе о подвѣшенномъ цибoріи съ дарами. — Не отрицая возможности указаннаго вліянія, я полагаю, тѣмъ не менѣе, что въ описаніе Соборъ-церкви примѣшалась и апостольская церковь на Сіонѣ, мать церквамъ, съ извѣстными намъ

[1]) Особо стоитъ показаніе Іерусалимской Бесѣды: «а церковь церквамъ мать соборная София Премудрость Божия, да в той ли церкви стоитъ гробъ Господень» (Пам. стар. русск. лит. II, 308). Но ранѣе (ib. 307): въ Іерусалимѣ «будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия о седмидесяти верхахъ, сирѣчь *Святая Святыхъ*».

воспоминаніями о тайной вечери, успеніи Богородицы, ап. Іоаннѣ. Къ этому ведетъ меня и то соображеніе, что описаніе духовнаго стиха отвѣчаетъ на вопросъ: *какая церковь церквамъ мати*, и въ отвѣтъ говорится, что отъ нея *«служатся службы по всей землѣ»*; и названіе церкви *Соборомъ* и *Богородичной*. Первое отвѣчаетъ старому наименованію Сіонской *базилики*, второе тому, которое утверждается за нею въ эпоху крестовыхъ походовъ: *церковь Св. Маріи* — и выразилось въ символическихъ изображеніяхъ Сіона скалистой горой, на которой стоитъ домъ съ Богородицей и Младенцемъ, либо горой, на вершинѣ которой въ медальонѣ помѣщена икона Знаменія Божьей Матери: на медальонъ исходитъ сіяніе, въ которомъ изображенъ Духъ Святой въ видѣ голубя; послѣднее изображеніе встрѣчается при текстѣ: Избра колѣно Іюдово, Гору Сіоню юже възлюби. Пс. 77 [1]).

Затрудненіе при этомъ толкованіи представляетъ гробница Господня, стоящая въ этой церкви, на алтарѣ, на воздусяхъ, съ ризами, мощами Господа. Но это тотъ-же образъ, что и въ духовномъ стихѣ, распространенномъ въ разнообразныхъ варіантахъ: о Сіонской церкви съ тремя стоящими въ ней гробами:

---

[1]) Буслаевъ, Очерки II, стр. 210—211. Я выберу изъ книги проф. Кондакова (стр. 123, 196, 243) изображенія Сіона въ миніатюрахъ рукописей: онъ представляется въ видѣ высокой башни, въ окнѣ которой видѣнъ Христосъ, либо скалистой горой, на которой домъ съ Богородицей и Младенцемъ, или же съ иконою Знаменія; подъ горой изображаются Давидъ, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ или даже Самуилъ, помазающій Давида; или-же самъ Христосъ стоитъ передъ зданіемъ на Сіонѣ, а въ окнѣ видна царица Сіона, и гора эта утверждена надъ адомъ съ низверженнымъ діаволомъ. Эта-же гора становится и тою скалою, изъ которой Моисей извелъ воду, ибо на ней въ сценѣ изведенія изображенъ сидящимъ Христосъ, а надпись одной миніатюры гласитъ: ἡ δὲ πέτρα ἦν ὁ Χριστός.—Рядомъ съ Сіономъ, съ изображеніемъ Эммануила и сонма ангеловъ, — стоитъ столпъ Вавилонскій; онъ валится, а отъ него въ четыре края свѣта расходятся четыре группы народовъ. — Иначе Сіонъ изображается въ видѣ коробовой трехнефной церкви съ тремя абсидами и иконою Знаменія надъ дверью.

На горѣ, горѣ, на Сіонской горѣ
Стояла церковь апостольская,
Въ той во церкви три гроба стоятъ,
Три гроба стоятъ кипарисные:
Въ первомъ гробѣ Святая Дѣва,
Въ другомъ гробѣ Іоаннъ Богословъ,
Въ третьемъ гробѣ самъ Іисусъ Христосъ.
Надъ Святою Дѣвою цвѣты разцвѣли,
На цвѣтахъ сидятъ птицы райскія,
Поютъ пѣсни архангельскія;
Надъ Іоанномъ Богословомъ поютъ ангелы,
Поютъ ангелы, все архангелы;
Надъ Іисусомъ Христомъ свѣчи теплятся [1]).

Варіанты этого стиха связываютъ его образы съ «хожденіемъ» Богородицы, ищущей Христа, съ построеніемъ Сіонской соборъ-церкви. Всѣ они перешли въ малорусскія и галицкія колядки.

Какъ создалось такое причудливое представленіе Сіонской церкви?

Образъ гробницы І. Христа я объясняю себѣ изъ символики престола, алтаря сіонскихъ преданій, понятаго не какъ βῆμα, а какъ τράπεζα, алтарная плита, алатырь древне-русскаго повѣрья. Престолъ — это трапеза тайной вечери, на которой впервые были принесены въ жертву тѣло и кровь Христовы; вмѣстѣ съ тѣмъ — это гробница Христа, «σεβάσμιον μνῆμα», изображающая «τὸν Χριστὸν ἐσφαγμένον καὶ ζῶντα καὶ νοητῶς ἐκεῖσε θυόμενον κείμενον καὶ ἀπαύστως ἱερουργούμενον»; «τὸ μνῆμα Χριστοῦ δηλοῦσα, καὶ τὸ διὰ τοῦ πάθους μυστήριον, ἐν ᾧ καὶ ἡ παγκόσμιος καὶ ζῶσα τελουμένη θυσία· καὶ ὡς Θεὸς μὲν ἀναπαυόμενος ὁ Σωτήρ, ὡς ἄνθρωπος δὲ θυόμενος, καὶ διὰ τοῦτο μέσον

[1]) Безсоновъ, Кал. II, стр. 248, № 400; сл. варіанты къ этому мотиву ib. стр. 238 слѣд. и мою замѣтку: Объ одномъ мотивѣ Рождественскихъ колядокъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февраль, стр. 248—52.

πᾶσι προκείμενος εἴς τε θεωρίαν καὶ ἀπόλαυσιν τῶν οἰκείων»[1]).— Эти символическія отношенія, понятыя въ чертахъ реальности, могли вызвать представленіе о *гробѣ* съ тѣломъ Господа (какъ въ потирѣ Граля присутствовала Его пречистая кровь); къ такому-же образу сводилась и память объ успеніи Богородицы на Сіонѣ: успеніе смѣшано съ погребеніемъ въ Іосафатовой долинѣ, какъ, наоборотъ, въ русскихъ стихахъ о снѣ Богородицы оно понято, какъ ея сонъ, на престолѣ или за престоломъ, въ «апостольской церкви»,

Въ городѣ Ерусалимѣ
На камнѣ на Сіонѣ.

(Безсоновъ, Кал. II, № 619 и 617)[2]). — Что Іоаннъ Богословъ явился третьимъ въ этой связи — понятно на почвѣ сіонскаго преданія.

Такъ объясняются, по моему мнѣнію, и три гроба Духовной пѣсни, и гробница Спасителя въ Соборъ-церкви русскаго стиха, и, быть можетъ, *сіонская* локализація повѣрья, о которомъ говоритъ Фабри[3]); оно привязалось къ колодцу у нынѣшней мечети, откуда, по преданію, разошлись апостолы, и къ стѣнѣ, окружавшей когда-то, въ пору франкскаго владычества, Сіонскій храмъ: магометане и восточные христіане связывали суевѣрныя представленія съ фиговымъ деревомъ и грудой камней, которые тамъ находились. Каждый день приходили туда Сарацинскія жены, жгли ладонъ и зарывали хлѣбы, потому что гробница Христа находилась, будто-бы, въ этомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ поставленъ храмъ Гроба Господня: «imo eandem ecclesiam et sepul-

---

[1]) Symeon Thessalonicensis l. c. De sacra liturgia cap. XCVIII, p. 292, 293; ib. De sacro templo c. CXXXII, p. 340; сл. ib. Expositio de divino templo c. 14, p. 706.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, Апрѣль: Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистоліи.

[3]) l. c. стр. 275; сл. Topogr. II, стр. 134, прим. 7.

chrum in ea spernunt et non ibi, sed hic Jesu sepulchrum quaerunt, dicentes: quod ille quidem inferius sepultus fuit, qui crucem sustinuit, quem Judaei aestimabant esse Jesum, qui tamen non erat, sed alius pro eo captus et occisus fuit, ipso evadente, cum esset filius Dei et Virginis, et posset evadere. Et hic moriens cum pace in hoc loco sepultus fuit, ibi ejus adjutorium advocant».

Я могъ-бы припомнить, по этому поводу, за Одорикомъ, Игнатіемъ и другими, другую церковь на Сіонѣ, съ камнемъ отъ пещеры *Гроба Господня*, служившимъ вмѣсто престола. Но я полагаю, что не это именно реальная черта вызвала представленіе чудеснаго алатыря — и гробницы съ ризами или мощами Господа, вышедшія изъ одного и того-же круга идей и мирно ужившіяся въ энциклопедіи Стиха о Голубиной Книгѣ. Алатырь и Граль принадлежатъ одному кругу символическихъ «воплощеній», которыми богата была фантазія средневѣковаго христіанина: алатырь вышелъ изъ символики алтаря-трапезы, Граль изъ символики чаши — и алтаря, если я вѣрно истолковалъ представленіе о немъ у Вольфрама von Eschenbach. Образъ Граля нашелъ условія развитія, которыя довели его до поэтической и мистической апоѳеозы; алатырю не посчастливилось, и отъ христіанскаго представленія онъ понемногу спускается къ фетишу. Современные русскіе заговоры разскажутъ намъ его исторію: въ началѣ онъ еще близокъ къ алатырю-алтарю, еще лежитъ *на Сіонской горѣ*, а на немъ соборная, *апостольская церковь* [1]); далѣе онъ очутился на островѣ, — но это островъ Божій, и на алатырѣ стоитъ золотая, *апостольская церковь* съ золотымъ престоломъ, а на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ-архангелъ, Иванъ Богословъ и т. п.; либо на камени на латырѣ стоитъ Мати пречистая Богородица, Илья пророкъ, сила небесная. Позднѣе остается болѣе или менѣе обстановка (поле, болото, окіанъ и т. п.), но

[1]) Майковъ, Великорусскія заклинанія № 211.

лица являются другія: Матерь Божія съ двумя сестрицами, бабушка Соломонія, царица Ирода царя — Соломія, три брата родимые, либо два орла орловича, два брата родные; невѣдомый стрѣлецъ и красная дѣвица; мужъ желѣзенъ царь; наконецъ — самъ Сатана; алатырь попадаетъ въ заговоръ отъ змѣинаго укуса и въ повѣрье, что змѣи лижутъ его и отъ того бываютъ и сыты и сильны и т. д.

Церковь на Сіонской горѣ также подверглась превращеніямъ: моравская пѣснь замѣнила её монастыремъ, онъ стоитъ на (въ?) бѣломъ камнѣ (бѣлъ-горючъ камень Алатырь?), но въ немъ еще находятся три гроба и прежнія лица упоминаются, часто заслоняемыя, впрочемъ, другими:

Šel jsem, našel sem kamýnek bílý,
A v tém kamýnku klášter stavený,
A v tem klášteře trí lože stojí:
Na prvním loži sám pán Bůh leží,
Na druhém loži Maria leží,
Na třetím loži svatý Ján leží.
Nad pánem Bohem andělí hrajú,
Nad pannú Marjú svíce hořijú,
Nad svatým Jánem růže rozkvetá,
A z tey růžečky vtáček vylítá.
To není vtáček, to je syn Boží
Co v celém světě každý lid stvořil [1].

Это — послѣдніе отголоски сіонскаго преданія.

---

[1]) Sušil, Moravské národní písně № 40, стр. 47.— Птичка, вылетающая изъ розы, встрѣчается, какъ извѣстно, и въ бѣлорусскихъ, малорусскихъ и польскихъ колядкахъ того-же содержанія. (Объ одномъ мотивѣ рожественскихъ колядокъ l. c. p. 248—9). Каково значеніе этого образа? Символъ-ли это воскресенія (вознесенія), возможный въ колядкахъ, или рождества? Въ саду одного изъ волхвовъ, Валтасара, *при рожденіи Спасителя*, голубь вылетѣлъ изъ цвѣтка, что былъ прекраснѣе розы. Heinr. v. Neustadt, Apollonius etc. ed. Strobl, p. 141. — Сл. въ Vita B. Mariae Virginis et Salvatoris metrica (XII—XIII) пятнадцатое знаменіе, бывшее о Рождествѣ Спасителя: изъ ствола бальзама выростаетъ голубь.

V.

Остается сказать нѣсколько словъ объ алатырѣ на Ѳаворѣ, куда помѣщаютъ его нѣкоторые пересказы стиха о Голубиной Книгѣ и былины о Васильѣ Буслаевѣ — тамъ и здѣсь съ Адамовой головой. Можно усмотрѣть въ этомъ обстоятельствѣ — позднее пѣсенное смѣшеніе, если бы не показалось удовлетворительнымъ слѣдующее толкованіе, объясняющее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и образъ креста на Ѳаворѣ Голубиной книги.

Мельхиседекъ, священникъ Бога Вышняго, является въ Новомъ Завѣтѣ прообразомъ первосвященника Христа, принесенная имъ безкровная жертва — прообразомъ таинства Евхаристіи. Эвтихій Александрійскій разсказываетъ, что Ной, умирая, завѣщалъ сыну своему Симу тайно взять изъ ковчега тѣло Адамово, взять въ дорогу хлѣба и вина, пригласить съ собою Мельхиседека и вмѣстѣ отправиться подъ руководствомъ ангела къ мѣсту, гдѣ они должны будутъ похоронить Адама: это мѣсто — средина земли, т. е. *Голгоѳа*[1]). Здѣсь поселяется Мельхиседекъ; по завѣту Ноя онъ не имѣлъ жены, всю жизнь проводилъ въ благочестіи, не строилъ себѣ дома, не проливалъ въ томъ мѣстѣ крови животнаго и не приносилъ Богу никакой другой жертвы, кромѣ хлѣба и вина. — Здѣсь онъ встрѣтилъ Авраама и благословилъ его; — такъ и у Антонина; — здѣсь-же совершилось, по преданію, восходящему къ блажен. Іерониму (Augustini Sermo 71 de tempore) и перешедшему въ древніе путевые разсказы

---

[1]) Преданіе о томъ, что Іерусалимъ и, спеціальнѣе, Голгоѳа, лежитъ въ средоточіи земли, довольно древнее, встрѣчающееся у Кирилла Іерусалимскаго, Эвтихія и др. Иногда въ томъ-же значеніи называютъ Сіонъ (Dante, Purg. IV, v. 67 sqq.; cл. Inf. XXXIV v. 112 sqq.), или даже Сіонскую гору, «che in mezzo al mondo appunto si divisa» (Dittamondo, l. VI, cap. VII).

(Breviarius, Θеодосій[1]), Антонинъ, Аркульфъ, Даніилъ, Saewulf),— другое ветхозавѣтное прообразованіе крестной жертвы: принесеніе въ жертву Исаака Авраамомъ: Kootwyc (1596) помѣщаетъ послѣднее событіе у Голгоѳы рядомъ съ *алтаремъ* Мельхиседека[2]); гробъ Мельхиседека и главу Адамову видѣлъ у Голгоѳы русскій купецъ Василій (1466 г.)[3]).

Рядомъ съ этимъ пріуроченіемъ существовало другое: пребываніе Мельхиседека и встрѣча его съ Авраамомъ отнесены въ сказаніи, приписанномъ Аѳанасію Александрійскому, извѣстному и въ славянскомъ переводѣ — на *Θаворъ*. Здѣсь Мельхиседекъ пробылъ семь лѣтъ въ лѣсной чащѣ, сюда Господь послалъ къ нему Авраама, которому Мельхиседекъ подалъ «чашу нерастворенную и предложилъ отломокъ хлѣба...., почему и нынѣ онъ уподобляется Сыну Божію, не по благодати, а потому, что первый былъ образомъ приношенія безкровной жертвы»[4]). — Память объ этомъ событіи встрѣчается у палестинскихъ путешественниковъ; Іоаннъ Вюрцбургскій[5]) говоритъ, по поводу Θавора, о томъ, что здѣсь Мельхиседекъ предложилъ Аврааму «panem et vinum, quod figurat altare Christi sub gratia»; Даніилъ[6]) упоминаетъ на верху Θавора малую островерхую горку, на которой преобразился І. Христосъ и гдѣ создана была впослѣдствіи церковь Преображенія: «и то есть была первая епис-

---

[1]) Itin. p. 63: *mons Calvarie*, ubi Abraham obtulit filium suum in holocaustum; сл. p. 64: monticulus, *Moria* dictus, in quo Abraham immolavit Isaac.

[2]) Itinerarium Hierosolymitanum et Syriacum 186.

[3]) Буслаевъ, Истор. христоматія, стр. 751; сл. Пономарева, Іерусалимъ и Палестина, стр. 5.

[4]) Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 105 слѣд.; сл. стр. 108—109 и 118; сл. его-же: Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по ркп. Соловецкой библ. р. 131—5.

[5]) Descr. p. 112; сл. Burchard'a, Ricold'a, Санута и др.

[6]) Норовъ, l. c. стр. 127—9.

копіа»; «in hac quoque primitus missae officium fertur celebratum», говоритъ Теодорихъ, перенося на Өаворскую церковь (въ связи съ памятью о Мельхиседекѣ), что обыкновенно разсказывалось о Сіонской [1]. На Өаворѣ-же Даніилъ видѣлъ пещеру, на днѣ которой «святая трапеза стоить, на ней-же Мельхиседекъ царь *жрътву сътворяеть* Богови хлѣбомъ и виномъ», здѣсь онъ жилъ и навѣщенъ былъ Авраамомъ, «и изнесе хлѣбъ и вино и създа *жрътовникъ* Богови въ печерѣ той, и сътвори жрътву Мелхиседекъ, царь Салимскій, Богови хлѣбомъ и виномъ, и абіе взятся жрътва на небо къ Богу.... и есть до днешняго дни *трапеза та святая* въ печерѣ той, и нынѣ ту *приходить* святый Мелхиседекъ и *литургисаетъ* въ печерѣ той святой на той трапезѣ» [2].

Этотъ алтарь-трапеза, можетъ быть, послужитъ къ объясненію Өаворскаго алатыря; мертвая голова указываетъ, вѣроятно, на сближеніе Өаворскаго и Голгоѳскаго преданій о Мель-

[1]) Tobler, Theodorici libellus de locis sanctis, ed. circa A. D. 1172, p. 103.

[2]) Въ «Стязаніи съ Латиною», приписанномъ кіевскому митрополиту Георгію (ок. 1062—1079 г.), вслѣдъ за обвиненіемъ Латинянъ, что они «ни чьтять *святаго олтаря* болѣ, яко же пріяхомь и научихомся отъ святыхъ, а прибожьнокъ придверіе въ иномъ чину имѣемь.... а ти *святый олтарь* тако именують, яко и прибожьникъ» — стоятъ непосредственно слова: «о сей бо древней божественнѣй святѣй службѣ Богоотець Давидъ Духомь Святымь предзря, рече: Ты еси іерей во вѣки по чину Мелхиседекову». А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ (М. 1875) стр. 90 находитъ въ послѣднихъ словахъ — обвиненіе противъ Латинянъ въ употребленіи ими, при таинствѣ Евхаристіи, опрѣсноковъ, и, такъ какъ въ «Стязаніи» говорилось о томъ-же выше, заключаетъ, что упоминаніе Мельхиседека вставлено позднѣйшими переписчиками изъ Толковой Палеи. Оно, дѣйствительно, не вяжется съ предъидущимъ — идеей опрѣсноковъ; но связь могла быть другая, затемненная въ крайне испорченномъ текстѣ (стр. 82): память о Мельхиседекѣ могла быть вызвана словами: «не чьтять святаго олтаря».

хиседекѣ [2]); леванитовъ крестъ на Ѳаворѣ въ стихѣ о Голубиной книгѣ можно-бы сблизить съ крестнымъ древомъ, которое по нѣкоторымъ западнымъ легендамъ именно тамъ посажено было Моисеемъ; тамъ-же, наконецъ, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, искать и заповѣдный камень, черезъ который скачетъ Василій Буслаевъ. Та редакція былины, которая переноситъ ея развязку на Сіонъ, встрѣчаетъ поддержку въ сіонскомъ камнѣ «претыканія» (λίθος προσκόμματος), о который претыкаются невѣрующіе, какъ то сталось съ Васильемъ: не вѣрилъ онъ «ни въ сонъ, ни въ чохъ», а вѣрилъ лишь «въ свой червленой вязъ» (Кирша Даниловъ № XVIII).

---

[2]) Апокрифическія легенды объ Адамѣ, распространенныя въ славянской письменности, не говорятъ о погребеніи его тѣла Мельхиседекомъ, но согласны съ голгоѳской локализаціей. Въ Словѣ о трехъ крестныхъ древахъ, приписанномъ Григорію Богослову, Адамову главу находитъ *Соломонъ* и ставитъ её «посреди града», т. е. вѣроятно вблизи Голгоѳы, согласно съ представленіемъ Іерусалима, а въ немъ Голгоѳы, какъ средоточія земли. (Сл. Тихонравовъ, Пам. I, стр. 307, сл. 312). Тоже въ сводѣ апокрифическихъ легендъ, напечатанномъ Ягичемъ (Opisi и izvodi I, стр. 88—89) и А. Поповымъ (Первое прибавленіе къ Описанію рип. и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, стр. 37), гдѣ *І. Христосъ* находитъ Адамову главу, которую воды Іордана вынесли изъ его гроба «прѣмо раю» (въ текстѣ Ягича; «при мори» у Попова), и велитъ погрести ее на Голгоѳѣ. Первое погребеніе Адама «прѣмо раю» отвѣчаетъ эпизоду Слова о крестномъ древѣ («въ едемѣ великомь» Тихонравовъ 311; сл. Порфирьевъ, Апокр. сказ. Солов. библ. стр. 98; Поповъ 63, 65); въ Исповѣданіи Еввы (Тихонравовъ l. c. I, 303) Адамъ погребенъ на мѣстѣ рекомомъ «герусии блато» (εἰς τὴν ἀχέρουσαν λίμνην), но въ греч. текстѣ Апокалипсиса Моисея тамъ лишь омыто тѣло Адамово, похороненное потомъ «εἰς τὰ μέρη τοῦ παραδείσου».

Замѣтка къ стр. 17—21. Мозаика въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Сіонѣ, недавно описанная С. А. Усовымъ (Москва, 1879) и относимая имъ къ 527 году, представляетъ одно изъ древнѣйшихъ символическихъ соединеній Синайскаго и Хоривскаго событій: справа Моисей, получающій скрижали отъ Десницы Божіей, слѣва — онъ-же передъ Купиной, на которую указываетъ рука Божія, не правая, а лѣвая. Оба изображенія, занимающія верхъ синайской мозаики, раздѣлены другъ отъ друга окнами, но поняты какъ цѣлое: руки принадлежатъ одному и тому-же, не изображенному далѣе, лицу.— Слѣдующая живописная подробность еще тѣснѣе связываетъ оба эпизода: передъ Купиной, представленной въ видѣ куста съ разбросанными по немъ розовыми пятнами, стоитъ Моисей и разувается, поставивъ ногу на камень; за его спиною скала, «которую по странной забывчивости художника *не довелъ до земли*, и между ногъ Моисея просто золотой фонъ», замѣчаетъ г. Усовъ. Причина недописанности, вѣроятно, другая: извѣстно преданіе, что когда Моисей бесѣдовалъ съ Господомъ на Синаѣ, камень поднялся на воздухъ, такъ что покрылъ Моисею голову (сл. выше стр. 20 и прим. 1). Этотъ моментъ и изображенъ на мозаикѣ; важно то, что художнику онъ припомнился по поводу Неопалимой Купины, не въ связи съ событіемъ на Синаѣ, которое онъ-же представилъ рядомъ. Это — живописный комментарій къ зосимовымъ камнямъ, принесеннымъ «отъ мѣста, еже ся зоветъ Купина Неопалимая».

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

IV.

СОНЪ О ДЕРЕВѢ ВЪ ПОВѢСТИ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА И СТИХѢ О ГОЛУБИНОЙ КНИГѢ.

I.

Русскія былины разсказываютъ о невиданной роскоши, которой хвастаетъ при дворѣ Владиміра, взапуски съ Чурилой, пріѣзжій богатырь Дюкъ Степановичъ. Роскошь является въ формахъ фантастическихъ; извѣстно описаніе пуговицъ на драгоцѣнной одеждѣ Дюка:

Въ петелки-ты вплетано по красноей по дѣвушкѣ
А и въ пуговки-ты вливано по доброму по молодцу.
Какъ застёнутся, такъ и обоймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются

(Гильф. № 85, стр. 527; сл. Рыбн. I, № 48, стр. 290).

Въ былинѣ, вѣроятно по обмолвкѣ пѣвца, тѣ-же диковинныя пуговицы приписаны и Дюку и Чурилѣ. Вѣрнѣе у Рыбн. IV, № 10, стр. 55: у Чурилы «Въ пуговкахъ вплетены добрые молодцы, Въ петелкахъ красныя дѣвушки, А у молода боярина Дюка Степановича Въ пуговкахъ-то звѣри лютые, Въ петелкахъ-то змѣи лютыя». (Сл. Гильф. № 225, стр. 1076).

Чурила соперничаетъ съ Дюкомъ:

Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки,
Плыветъ Змиище-Горынчище.

Дюкъ дѣлаетъ тоже, съ еще болѣе чудеснымъ результатомъ:

Вдругъ запѣли птицы пѣвуціи,
Закричали звѣрки вся рыкуціи.

(Рыбн. I № 49, стр. 303—4; сл. Гильф. № 9, стр. 88—9; № 152, р. 780—1; № 159, стр. 823—4); либо отъ пуговицъ идетъ «стонъ змѣиный» (сл. Рыбн. I сказку, стр. 311); иначе:

Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
Во пуговки-то было влито по лютому звѣрю,
По петелкамъ какъ поведетъ,
Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову,
По пуговкамъ какъ поведетъ,
Тутъ всѣ люты звѣрья закрычатъ во всю голову.

(Рыбн. II, № 30, стр. 179; сл. III, № 29, стр. 159)

Какъ поведетъ по пуговкамъ,
Такъ заграютъ черные вороны
И закукуютъ малыя пташечки,
Сѣрыя уточки невеличушки (ib. III, стр. 187).

Всѣ эти образы могутъ показаться результатомъ народной амплификаціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны быть древними по своей основѣ. Средневѣковыя нѣмецкія поэмы полны такихъ диковинокъ[1]). На *шлемѣ* Laurin'а искусственныя, хитро сдѣланныя птицы поютъ точно живыя[2]); еще хитрѣе шлемъ, описанный въ Оренделѣ:

---

[1]) Сл. сопоставленіе ихъ въ статьѣ Zingerle, Der goldene Baum in mittelhochdeutschen Gedichten, въ Germania VII, p. 101—110. Сл. Zarncke, Der Graltempel, p. 493—5, прим. къ str. 104 sqq.

[2]) Laurin въ Deutsches Heldenbuch I, v. 219—224.

Dar uf swebte also schon
ein güldine kron.
Dar in was gegozzen ein linden dolde
von schonem reinen golde.
An der linden was manig bletlin,
dar an swebte ein güldin veglin.
da was mit zouber gewürkt dar in
ein blasbalk mit sehs rören güldin.
Wan der rise den blasbalk twank,
do horte man der vogel sank
reht als ob si lebten
und in den lüften swebten.
In der linden was gewürkt ein rat,
also uns dis buch noch sagt,
mit tusent güldinen schellin vin.
Was mochte kluger do gesin!
Wan der wint von dem blasbalk wat
und das rat umbe trat
und die schellen klungen
und die vogel sungen,
wer do gewesen aller seiten spil,
so kund es dem nit glichen zil.
Under der linden ouch gestrecket lac
ein löuwe und ein trac,
ein ber und ein eberswin,
was möhte kluger do gesin!
Dar an stunt der wilde man,
für wor ich uch das sagen kan,
von golde, reht als er lebte
und gegen den lüften strebte [1]).

Въ той-же поэмѣ [2]) описывается чудесное *копье*, съ поющими въ немъ птицами, которое мы встрѣчаемъ и въ Virginal'ѣ [3]) вмѣ-

[1]) Orendel ed. Hagen s. 36, цит. у Zingerle l. c. 104—5.
[2]) ed. Hagen s. 29, у Zingerle l. c. 105.
[3]) Virginal ed. Zupitza въ Deutsches Heldenbuch V, str. 6 и 33. Сл. Zingerle l. c. 106 = Dietrich und seine Gesellen.

стѣ съ описаніемъ wâfenroc, напоминающимъ поющія петелки и пуговки русскихъ былинъ:

str. 34 Sîn wâfenroc der ist sô guot,
daz er wol ahzec marke tuot,
von arâbîneme golde.
er ist mit sîden wol durchnât:
manc rîlich berte dar ûf stât,
daz nie kein keiser solde
vüeren alsô rîche wât
als dâ der heiden vüeret,
diu sîme lîbe wol an stât.
Swâ er die este rüeret,
daz erklinget und gît liehten schîn:
swâ er des waldes hin gerît,
dâ êrnt in alliu vögelîn.
str. 36 . . . .
sîn gezierde ist manecvalt.
swâ er die este rüeret,
daz erklinget als ein glocke tuot,
die man des nahtes schellen hoert.

На щитѣ (wâfen?), описанномъ въ Crône Генриха von dem Türlin (v. 10542 sqq.), находился золотой левъ, точно живой, готовящійся сдѣлать прыжокъ, съ зіяющей пастью, откуда слышится ревъ при дуновеніи вѣтра [1]).

Особенно любимымъ въ средневѣковой романтикѣ былъ образъ искусно сдѣланнаго дерева съ поющими на его вѣткахъ механическими птицами. Онъ встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ Wolfdietrich'а и въ большемъ Rosengarten'ѣ [2]). Я приведу выдержки изъ первыхъ [3]):

---

[1]) Цит. Zingerle l. c. 106—7.

[2]) Zingerle l. c. 101—2, 104.

[3]) Deutsches Heldenbuch III, p. 250 (Wolfdietrich B); IV, p. 79 (Wolfdietrich D); III, p. 155 (дрезденская ркп. K).

str. 555 Si nam in bî der hende und wîst in in einen sal,
der was von marmelsteine, und lûchte über al.
dar inne stuont ein linde, diu was guldîn gar,
als si der heiden freissam hete gezoubert dar.

556 Wol zwêne und sibenzic este nam er an der linden war,
die vogel, die dar ûf stuonden, die wâren guldîn gar,
sie wârn gemacht mit listen und wâren innen hol:
als sie der wint durchwâte, ir stimme diu sanc wol (Wlfd. B).

Дрезденскій текстъ K str. 263 говоритъ лишь о двадцати четырехъ вѣткахъ дерева; подробнѣе D:

str. 48 Ein linde was gegozzen ûf dem palas rîch:
obenan saz in den schozzen manec vogel minneclîch,
die wârn ergraben waehe mit manegem edeln gestein.
das werc was alsô spaehe mit edelen berlîn klein.

49 Durch den stam veste manec rôr von silber gienc
ûf bis an die este, daz ie ein vogel gevienc.
daz was alsô gerihtet: zwên blâsbelg wâren dar
mit meisterschaft gerihtet mit wîzem silber klâr.

50 Als man die belge ruorte bî der lînden rîch,
den wint sie balde fuorten in die roeren wünneclîch:
der begunde danne dringen durch die roeren hol
und die vogele twingen daz sie alle sungen wol.

51 Under der linden schoene sach man ein tavel stân,
die man sol billîch kroenen: diu was sô wol getân
von wîzem helfenbeine. ein sidel gerihtet was
von rôtem marmelsteine, dâr ûf wol tûsent ritter saz.

52 Alsô ze hôchgezîten Belîân ze tische gie
in dem palas wîte, der heiden niht enlie,
er hiez zwên ritter freche die belge ziehen zehant:
dô dienten im ze tische die vogele alle sant.

Въ основѣ подобныхъ описаній могли лежать дѣйствительныя чудеса средневѣковой механики, быстро ставшія предметомъ ле-

генды, которая, въ свою очередь могла давать краски для ихъ изображенія. При дворѣ халифовъ красовалось дерево, сдѣланное изъ золота и серебра и расходившееся на 18 вѣтвей; на нихъ и среди серебряной и золотой листвы сидѣли птицы, изъ того-же металла, внутренній механизмъ заставлялъ ихъ пѣть, а вѣтви колебаться [1]). Рядомъ съ этимъ описаніемъ, помѣщеннымъ въ разсказѣ объ аудіенціи 916 года — другое, легендарное: объ арабскомъ властителѣ Египта, Açrûsch, поставившемъ на берегу Нила башню изъ желтой мѣди и вокругъ нея серебряныхъ и золотыхъ птицъ, пѣвшихъ на разные лады при дуновеніи вѣтра [2]), какъ въ среднегреческомъ романѣ о Белѳандрѣ и Хризанцѣ [3]) такія-же птицы сидятъ вокругъ водоема въ замкѣ Эрота:

Γύρωθεν δὲ τοῦ στέμματος ἐκείνης τῆς φλισκίνας
Πουλήτζια ἐκάθηντο γένη χρυσὰ παντοῖα,
Καὶ τὸ καθένα ἐξ αὐτῶν ὡς ἔθος ἐκελάδη
Τὴν ἰδικήν του τὴν φωνὴν πάνθ' ὅμοια νὰ εἶπες,
Καὶ ὥσπερ ζῶντα ἵσταντο ἐκεῖνα τὰ πουλήτζια,
Τὰ ἄνω καὶ τὰ κάτωθεν καὶ ὅσα τὰ τριγύρου.

Что средневѣковая легенда разсказывала о башнѣ, престолѣ и другихъ затѣяхъ Хосроя, назначенныхъ произвесть впечатлѣніе нечеловѣческаго могущества, почти божественнаго величія [4]), то-же или сходное могли передавать и о византійскомъ императорѣ. Во дворцѣ Hugon'а Карлъ Великій и его витязи видятъ сто мраморныхъ колоннъ:

---

[1]) Flügel, Gesch. der Araber, Lpz. 1840, II, 211.

[2]) Wüstenfeld, Die älteste Aegyptische Geschichte nach den Zauber- und Wundererzählungen der Araber, въ Orient und Occident I, p. 332—3; сл. ib. III: Liebrecht, Arabische Sagen über Aegypten, p. 361.

[3]) Ellissen, Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, V, p. 66.

[4]) Сл. Massmann, Eraclius 496 sqq. и Kaiserchronik III, 889 sqq. Сл. эпизодъ о Хосроѣ въ староанглійскихъ крестныхъ легендахъ, изданныхъ Morris'омъ, Legends of the holy rood p. 48 sqq., 101, 123—4.

v. 351 Cascune est a fin or neielee devant,
Desur (i) out de cuivre tresjetet dous enfanz,
Cascuns tient en sa buche un corn de ivurie blanc.
Si galerne eist de mer, bise ne altre venz
Ki fierent al palais (de) devers occident,
Il le funt turn(ei)er e menut e suvent
Cume roe de car ki a tere descent.
Cil corn sunent et buglent e sunent ensement
Cum taburs u tuneires u grant cloche qui pent.
Li uns erguardet l'altre ensi cum en riant,
Ke ço vus fust viarie que tuit fussent vivant.
. . . .
376 Ço'st avis, ki l'asculte, k'il seit en parais,
La u li angele cantent (e) suef e serit [1]).

Ближе къ западнымъ разсказамъ о деревѣ, приведеннымъ выше, свидѣтельство очевидца, Ліутпранда, посѣтившаго Константинополь въ 948 году: я обращаю вниманіе на сосѣдство чудеснаго дерева и престола, совершенно какъ въ Вольфдитрихѣ D. «Aerea sed deaurata quaedam arbor ante imperatoris sedile stabat, cujus ramos itidem aereae diversi generis deaurataeque aves replebant, quae secundum species suas diversarum avium voces emittebant. Imperatoris vero solium hujusmodi erat arte compositum, ut in momento humile, excelsius modo, quam mox videretur sublime; quod inmensae magnitudinis, incertum utrum aerei an lignei, verum auro tecti leones quasi custodiebant, qui cauda terram percutientes, aperto ore, linguisque mobilibus rugitum emitte-

---

[1]) Charlemagne ed. Fr. Michel p. 14—15; Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel (Heilbronn, 1880) v. 351 sqq., 376—377. Текстъ сообщается по послѣднему изданію; относительно v. 352 сл. прим. на стр. 109. — Для моей статьи: Croissans-Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, стр. 29, я еще не могъ воспользоваться текстомъ Кошвица, противъ котораго я долженъ удержать принятое Мишелемъ и мною чтеніе рукописи v. 367 Nen out *Crisans de Rome* ki tanz honurs bastit; Кошвицъ пишетъ вм. Crisans — Cesars (сл. у него-же p. 29).

bant». Ліутпрандъ предупрежденъ былъ объ этихъ диковинкахъ, оттого онъ говоритъ о себѣ: nullo sum terrore, nulla admiratione commotus; очевидно то и другое было разсчитано — возбудить удивленіе и страхъ: когда послѣ третьяго преклоненія передъ императоромъ Ліутпрандъ поднялъ на него глаза, «quem prius moderata mensura a terra elevatum sedere vidi, mox aliis indutum vestibus poenes domus laquear sedere prospexi; quod qualiter fieret, cogitare non potui, nisi forte ac sit subvectus argalio, quo torcularium arbores subvehuntur» [1]).

Древо, о которомъ говоритъ Ліутпрандъ, очевидно, тождественно съ тѣмъ, которое, по свидѣтельству Амартола, велѣлъ устроить императоръ Θеофилъ. «Φιλόκοσμος δὲ ὢν ὁ αὐτὸς Θεόφιλος κατεσκεύασε διὰ τοῦ ἄρχοντος τοῦ χρυσοχοείου, λογιωτάτου πάνυ ὄντος καὶ συγγενοῦς Ἀντωνίου πατριάρχου, τό τε πενταπύργιον καὶ τὰ δύο μέγιστα ὄργανα ὁλόχρυσα διαφόροις λίθοις καὶ ὑελίοις καλλύνας αὐτά, δένδρον δὲ χρυσοῦν, ἐν ᾧ στρουθοὶ ἐψεζόμενοι διὰ μηχανῆς τινος μουσικῶς ἐκελάδουν» [2]). Сопоставленіе органовъ съ поющимъ деревомъ указываетъ на значеніе послѣдняго, какъ и тѣхъ причудливыхъ лозъ и дерева, которыя помѣщаетъ въ храмѣ Гралѣ авторъ втораго Титуреля: золотыя лозы поднимаются надъ хоромъ вверхъ по сводамъ, сплетаясь въ высотѣ; на вѣткахъ сидятъ птицы и ангелы, движущіеся, точно живые, когда по листьямъ пройдетъ вѣтеръ, заставляя ихъ звучать такъ мелодично,

77 rêht als ob sich tûsent valken swüngen
in einer schar gelîche und schellen klein von golde an in erklüngen [3]).

Такое-же золотое дерево упоминается по поводу органа: на вѣткахъ тѣ-же птицы, поющія на разные тоны, когда приведутъ

[1]) Pertz, Scr. III, 338.
[2]) Georgii monachi, dicti Hamartoli, Chronicon, ed. De Muralto p. 702.
[3]) Сл. Zarncke, der Graaltempel, p. 458—460, str. 72—78 и прим.

въ движеніе мѣхи, и четыре ангела, каждый съ золотою трубою, изъ которой они извлекаютъ громкіе звуки, показывая рукою на изображеніе страшнаго суда и какъ будто призывая усопшихъ къ воскресенію [1]).

II.

Въ разсказѣ Глики древо Θеофила очутилось — деревьями, устроенными для императора Львомъ Философомъ; къ нимъ присоединились и механическіе львы, сотворенные на страхъ языкамъ; но всѣ эти чудеса, которые Ліутпрандъ описываетъ, какъ существующія, въ половинѣ X-го вѣка, оказываются разрушенными — цѣлымъ столѣтіемъ раньше, при наслѣдникѣ Θеофила, Михаилѣ III. «Ἀλλὰ καὶ χρυσᾶ κατεσκεύασε δένδρα, говорится о Θеофилѣ, ἐν οἷς παντοδαποὶ στρουθοὶ καθήμενοι μελῴδημα μελιτόεν ἐξέχεον.... Οὗτος ὁ Μιχαὴλ χρημάτων ἀπορήσας καὶ τὰς χρυσᾶς ἐκείνας πλατάνους, ἃς ὁ φιλόσοφος κατεσκεύασε Λέων, ὡς ἄνωθεν ἔφημεν, ἐν αἷς στρουθοὶ καθήμενοι διὰ μηχανῆς ἐκελάδουν, ὡσαύτως δὲ καὶ τοὺς λέοντας, ἃ πρὸς ἔκπληξιν τῶν ἐθνῶν μεμηχάνηται (καὶ οὗτοι γὰρ ἔστιν ὅτε βρυχώμενοι ἐθαυμάζοντο), κατακόψας ἀνάλωσεν» [2]).

Показаніе Глики интересно намъ послѣднимъ именемъ.

Въ русскихъ рукописяхъ сохранилось сказаніе о золотомъ древѣ въ Византіи, съ птицами, поющими на разные голоса, пріуроченное къ царю Михаилу. Судя по тому, что сказаніе о немъ является иногда въ соединеніи съ библейской повѣстью о Валтасарѣ (Левтасарѣ), будто-бы его наслѣдникѣ [3]) (Амартолъ

---

[1]) l. c. p. 469, str. 105—107 и прим.

[2]) Glycae Annal. Pars. IV, ed. Bonn. p. 537 и 543.

[3]) Такъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погод. № 1776 л. 9 и слѣд. — Въ другомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ у меня подъ рукою, повѣсть о Михаилѣ стоитъ отдѣльно, но въ текстѣ сходномъ съ предъ

о Θеофилѣ: ὁ νέος Βαλτάσορ καὶ παραβάτης καὶ θεομισὴς καὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων ὑβριστὴς καὶ καθαιρέτης καὶ βέβηλος) [1]), можно колебаться между Михаиломъ III (Глика) и Михаиломъ II. Михаилъ русской легенды — благочестивый и богобоязненный, строитель церквей, нищелюбивый, обладаетъ златымъ древомъ: «на златомъ древѣ птицы златыя и сребреныя, а поютъ различными гласами». Услышали о томъ другіе цари и шлютъ къ Михаилу пословъ съ дарами, посмотрѣть на то древо, дабы такое-же сотворить въ своихъ царствахъ. Еще разъ посылаютъ они иныхъ пословъ съ порученіемъ — купить то древо «на царства и на города, на злато и на сребро довольно». Но Михаилъ отказываетъ въ этомъ и велитъ сказать царямъ: видно они считаютъ себя многоразумными и многомысленными, а его неразумнымъ, что сулятъ ему царства, и города, и злато, и сребро — когда у него Царьградъ изобилуетъ дарами и самъ онъ царь надъ царями, а тѣ царства, которыя они нарицаютъ своими — его царства.

Златое дерево въ нашей повѣсти о Михаилѣ едва-ли не является символомъ царской власти, осѣняющей всѣ другія, ей служебныя. Такъ понятъ образъ дерева въ загадкѣ, предлагаемой Давидомъ Соломону въ разсказѣ о Дѣтствѣ послѣдняго: Поконецъ моего царства стоитъ древо златолиственное; на верху того древа было яблоко, златомъ украшено, аки солнце (мѣсяцъ) сіяетъ; вѣтви самосвѣтныя, на нихъ каменіе драгое; кругомъ древа пшеница бѣлоярая, а около нея выросла рожь въ полѣ сильна. Соломонъ толкуетъ: древо златолиственное — то твое государство; а верхъ у него сіяетъ паче солнца (мѣсяца) — то самъ царь праведнымъ судомъ сіяетъ; а что у того древа вѣтвіе самосвѣтное, то окольніи царства подъ твоею державой; каменія драгія — то цареви ближніе пріятели, князи и бояре; а что

идущимъ. Къ сожалѣнію и тотъ и другой не на столько удовлетворительны, чтобы заслужить изданіе.

[1]) Hamartoli Chron. l. c. p. 699—700.

у коренія пшеница бѣлоярая, то его воинство; рожь — христіанство православное [1]).

Въ интерполяціяхъ къ тексту посланія пресвитера Іоанна встрѣчаются два эпизода о чудесныхъ деревьяхъ [2]). Одинъ изъ нихъ (tt—vv) относится къ тому роду баснословныхъ разсказовъ, которые были разсмотрѣны въ предъидущей главѣ: «In aula huius palacii (quod fuit Pori, regis Indorum) sunt XX magnae statuae aureae, et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut lucernae lucidissimae lucentes, in quibus resident omnia genera avium aurearum, et unaquaeque habet colorem secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod quando Porus rex volebat, omnes simul cantabant secundum suam naturam, aut unaquaeque per se singulariter. Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius, quam credi potest, cantabant. Et, quod mirabilius est omni mirabili, more histrionum videntur modis diversis iocari et hin inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in yeme quam in aestate, quando placet nostrae celsitudini, facimus cantare et iocari, dulcedo et suavitas cuius cantilenae talis et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur».

Другой эпизодъ (kk—pp) открываетъ намъ иной, политическій символизмъ чуднаго дерева, въ параллель къ загадкѣ Давида.

«Habemus siquidem arborem [magnam], in summitate cuius est quaedam virga cum pomo superius; изъ этого дерева исте-

---

1) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 59; Буслаевъ, Повѣсть града Іерусалима, у Тихонравова, Лѣтописи русской литер. и древности, 1859, кн. III, Смѣсь и библіографія стр. 37—38.

2) Сл. Zarncke, De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur. Lipsiae, 1874, p. 46, tt—vv и kk—pp. Сл. тотъ-же текстъ въ сочиненіи того-же автора: Der Priester Johannes, erste Abhandlung, enthaltend Capitel I—III, въ Abhandlungen der philol. hist. Cl. der kön. Sächs. Gesellschaft der Wiss. VII B. (1879) стр. 922—3.

каетъ смола (gumma), называемая strutocothim (strucohm, stintochim), изъ которой, пока она не окрѣпла, дѣлаютъ все, что угодно: сосуды, щиты, копья, мечи, свѣтящіеся днемъ и ночью. Она съѣдаетъ желѣзо; находясь на кораблѣ, раздѣляетъ воду, такъ что по дну можно пройти какъ по суху. — Я не сомнѣваюсь, что подъ struthocothim слѣдуетъ разумѣть тамиръ талмудическаго преданія о Соломонѣ, thamir, thamur, samyr, tannir, tanni европейскихъ пересказовъ, который находятъ въ гнѣздѣ страуса, *struthio;* его разрѣшающія свойства тѣ-же[1]). — Я продолжаю выписку изъ эпистоліи: «Indorum quidam sapientes dicunt praedictam arborem nostram personam significare, quia, sicut illa arbor alias superat fructu et odore, ita nostra persona in hoc mundo non habet similem neque parem. Virgam, quae est in summitate huius arboris, dicunt potenciam nostram significare, quia, sicut illa alta est et fortissima, ita nostra potencia est [alta, immo est] altissima et ita fortis, quod a nemine aliquo modo potest superari. Pomum vero, quod est in capite virgae, similiter asserunt nostram iusticiam designare; quia, sicut suavitate eius odoris infirmi sanantur, lapsi recreantur, famelici et sitibundi saturantur, ita et iusticia nostra. Et, quod plus est, ea homines amplius et diutius vivunt. Alii autem dicunt [praedictam] arborem mundum significare: per virgam namque nostram assignant [pariter] personam, quia, sicut arbor virgae, ita universus [orbis seu] mundus nostrae subiacet personae; pomum vero, ut dictum est, nostram iusticiam significat».

Еще одно дерево помѣщается въ царствѣ пресвитера — не по эпистоліи, ему приписанной, а въ одной латинской повѣсти, напечатанной Царнке по рукописи XIV вѣка[2]): это — arbor sicca, arbor Seth крестной легенды, проникшее изъ нея въ разсказы

---

[1]) Соломонъ и Китоврасъ, р. 109—212, 213, 260—1.

[2]) Zarncke, Der Priester Johannes, 2° Abhandlung, enthaltend Cap. IV, V und VI, въ 8-мъ томѣ der Abhandlungen der philol. histor. Cl. der Kön. sächs. Gesellsch. der W. (Leipz. 1876) стр. 127—8.

восточныхъ паломниковъ, и въ географію средневѣковаго романа, гдѣ arbre sec, arbre qui fent является такимъ-же далекимъ терминомъ на востокѣ, какъ баснословное Dureste или Durestant; и въ повѣрья о возвращающемся императорѣ, имѣющемъ повѣсить свой щитъ на сухое древо, подъ которымъ произойдетъ послѣдняя, роковая битва народовъ [1]).

III.

«Alii autem dicunt *arborem mundum significare*». Христіанское міросозерцаніе усвоило себѣ этотъ образъ. Сл. въ древнерусскихъ вопросахъ и отвѣтахъ — вопросъ: «Рече Господь: боудеть дрѣво, яко прити птицамъ небеснымъ и вселитися въ вѣтвяхъ его?—Отвѣтъ: *Доубъ есть миръ*, вѣтви языки, а птици апостоли, иже по всемоу мироу и въ всѣхъ языцѣхъ проповѣдаша слово Божіе» [2]). Сл. S. Gregorii Magni Formulae spirituales CCLXXXIV: «Simile est regnum coelorum grano sinapis, quod homo misit in hortum suum, et crevit, et factus est in arborem magnam, et volucres coeli insederant in ramis ejus» (Luc. XIII, 19). Ipse est granum sinapis, qui in horti sepultura plantatus, arbor magna surrexit.. Granum namque fuit, quum moreretur; arbor, quum resurgeret. In ramis ergo ejus volucres requiescunt, quia sanctae animae quae quibusdam virtutum pennis aeterna cogitatione se sublevant, in eorum dictis atque consolationibus ab hujus vitae fatigatione respirant» [3]). На извѣстномъ

---

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: I Откровенія Меѳодія и византійско-германская императорская сага; II Легенды о возвращающемся императорѣ; III Легенды о скрывающемся императорѣ, passim, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., Апрѣль и Май.

[2]) Сл. Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по ркп. XV вѣка, въ приложеніи къ XXXIV т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 2 (1879 г.) стр. 37.

[3]) Pitra, Spicilegium Solesmense, III, p. 415.

рутвелльскомъ крестѣ [1]) тонкое дерево проходитъ снизу вверхъ по обѣимъ сторонамъ обелиска, выпуская различные цвѣты и ростки, а на сгибахъ его сидятъ птицы и животныя четвероногія и ѣдятъ его плоды. Это — тотъ-же образъ мироваго древа-креста, стоящаго въ вертоградѣ *христіанства*, съ птицами, поющими на его вѣтвяхъ, какой представляется въ Wartburger-Krieg [2]):

Ein edel boum gewahsen ist
in eime garten, der ist gemach[e]t mit hôher list,
Sîn wurzel kan den helle grunt erlangen,
Sîn zol der rüeret an den trôn
da der süeze Got bescheidet vriunde lôn,
sîne este breit hânt al die werlt bevangen.
Der boum an ganzer zierde stât unde ist geloubet schoene,
dar ûfe sizzent vogelîn,
süezes sanges wîse nach in stimme vîn,
nach maniger kunst sô halten sie ir gedoene.

Въ одной группѣ западныхъ крестныхъ легендъ [3]) разсказывается, что Сиѳу, посланному Адамомъ въ рай за «елеемъ милосердія», ангелъ дозволяетъ заглянуть въ прекрасный вертоградъ Эдема. Посрединѣ его — источникъ, изъ котораго изливаются четыре (райскихъ) рѣки; рядомъ — исполинское вѣтвистое дерево, безъ коры и листьевъ; вокругъ него обвилась змѣя; вершина поднимается въ небо, и на ней плачущее дитя; корни спускаются въ преисподнюю, гдѣ Сиѳъ видитъ душу своего брата Авеля (либо Каина). Ангелъ объясняетъ Сиѳу, что тотъ ребенокъ, — сынъ Божій, обѣщанный Адаму елей милосердія.

---

[1]) Сл. Dietrich, De cruce Ruthvellensi. Marburgi, 1865.

[2]) V. d. Hagen, Minnesinger 3, 181, b.

[3]) У Mussafia, Sulla leggenda del legno della croce p. 179 sqq.: вторая группа, съ главными подраздѣленіями C и D. Сл. также староанглійскія легенды, изданныя Morris'омъ, въ Legends of the holy rood, № II и III и Introduction § 4, p. XIV—V.

Въ романахъ круглаго стола мы встрѣчаемъ то-же символическое дерево-крестъ, съ образомъ ребенка, только его размѣры сокращены и значеніе иногда затемнено обстановкой рыцарскаго сюжета. Такое дерево, съ зажженными и потухшими свѣтильниками и младенцемъ Іисусомъ на вершинѣ, находитъ на своемъ пути Durmars li Galois [1]):

1512 Sachies, que cis arbres estoit
Tos chargies de cleres chandoilles
Ausi luisans ke sunt estoiles.
Dés le pie desi au copier
Ne poist nus sa main tochier
Fors desor chandoilles ardans
Dont la fores est reluisans.
. . . .
1522 Dosore le copier de l'arbre
Vit un enfançon trestot nu
Qui plus clers et plus luisans fu
Que les chandoilles par verte.

Впослѣдствіи папа объяснилъ Дюрмару значеніе этого видѣнія:

15819 Li arbres que tu vëis la
Trestot le mont senefia,
Et les chandoilles voirement
Senefient tote la gent.
Celes qui clerement ardoient
Sachies, qu'eles senefioient
Ceaúz qui sunt par lor dignite
Del saint esperit alume,
Celes qui vers terre clinoient
Et qui laide flanbe jetoient
Senefient les outrageuz
Et les chaitis luxurieuz
Qui sunt espirs de mavais fu
Dont li pecheor sunt perdu;
Et li enfenchons qui saignoit

[1]) Li romans de Durmart le Galois, ed. E. Stengel. Stuttg. 1873.

Et qui pardeles lui metoit
Les cleres chandoilles a destre
Et les autres devers senestre
Ce senefie Jhesu Crist,

пострадавшаго на крестѣ, имѣющаго явиться въ концѣ дней и поставить одесную и ошуюю праведниковъ и грѣшниковъ, яркіе и тусклые свѣточи.

Gautier de Doulens, одинъ изъ продолжателей Chrestiens de Troies, разсказываетъ о такихъ же встрѣчахъ Персеваля [1]: дерево; на его вѣткѣ, на разстояніи копейнаго древка отъ земли, прекрасный, роскошно одѣтый ребенокъ, съ яблокомъ въ рукѣ (En sa main tenoit une pome); онъ не отвѣчаетъ на вопросы Персеваля и затѣмъ, поднимаясь съ вѣтки на вѣтку до вершины дерева, исчезаетъ изъ глазъ. — Дерево съ свѣточами, исчезающими по мѣрѣ его приближенія, Персеваль видитъ впослѣдствіи, особо отъ предъидущаго видѣнія, смыслъ котораго такъ объясняетъ въ замкѣ Граля царь-рыбарь: ребенокъ не отвѣчалъ Персевалю—за его великія прегрѣшенія; что онъ поднимался вверхъ по дереву — толкуется иносказательно: Господь одному лишь человѣку сотворилъ лицо, обращенное къ небу, дабы онъ могъ созерцать величіе творенія и помнилъ творца, создавшаго его по своему подобію. Но человѣкъ забылъ заповѣди Божіи и погрязъ во грѣхахъ.

34819 Li enfes qui de l'arbre ala
K'enviers le ciel amont monta,
Vos monstre par senefiance
Que haut el ciel, sans atendance,
Deves penser au creator,
Que le vostre arme, al cief del cor,
Mece dedens son paradis;
Car longement, biaus dous amis,
Vous iestes melles de folie и т. д.

[1]) Perceval le Gallois ou le Conte du Graal, publié par Ch. Potvin, v. V, v. 33765 sqq.; v. 34415 sqq.; v. 34663 sqq.; v. 34783 sqq.

Особый пересказъ «хожденія Сиѳа въ рай» представляетъ старофранцузская поэтическая парафраза Св. Писанія, отрывокъ которой былъ недавно изданъ Graf'омъ [1]). Сиѳъ видитъ въ раю древо жизни

Plus grans des autres bien resambloit sapins [2]),
Tous fu brisies et entour et emmi.
Par desus l'aubre a .I. bel nit coisi;
.I. pellicans se seoit droit enmi;
C'est li prumiers oisiaus que Dex fesist;
Dex ne fist plume que cis la nen euist.
Compares fu il meïsmes a li
D'estre sages et dous et bien amanevis,
Courtois et larges et destre, a point hardis,
Ne pour sa vie de noient ne mesprist.

Его самка умерла; не находя въ раю, оскудѣвшемъ со времени изгнанія Адама, чѣмъ прокормить своихъ птенцовъ, онъ растерзалъ свою грудь клювомъ и напоилъ ихъ кровью своего сердца.

Et li chieus oeuvre, l'angles en descendi,
L'oisiel emporte lasus em paradis (?),
Si le couronnnt les chelui qui le fist.
Adont coumenche la noise eu paradis
D'angle contre autre dont i a plus de .M.;
La ont jugiet le roi de paradis:
S'il voet droiture user et maintenir
Et voet ravoir les siens certains amis,
Que telle guise li convenra tenir.
Apres la noise qui fu em paradis
Une grant raie dou solaill descendi
Ens ou vergier, s'en est entre[e]s ou nit;
Or li aporte le saintisme esperit,

---

[1]) Arturo Graf, La leggenda del paradiso terrestre (Loescher 1878) p. 69—87.

[2]) Далѣе это дерево является фиговымъ (figier d'euriant, p. 83), что согласно съ преданіемъ; впрочемъ контекстъ едва-ли не требуетъ и въ этомъ мѣстѣ вм. figier — vergier, какъ стр. 85: vergier d'euriant.

En guise estoit d'un enfanchon petit,
Qui d'un blanc gant le peuïst on couvrir.
Adont coumenche et la joie et li ris:
Chil oisel chaitent, de terre son parti,
Les iaves sourdent, li pre sont raverdi,
Et toute riens dou mont se resjoï.
Qui que fait joie, l'enfes jeta .I. cri:
Adan regraite com ja poires oïr.

Слѣдуетъ сѣтованіе объ Адамѣ. Сиѳъ спрашиваетъ Ангела, чей это голосъ съ вершины дерева, озаренной такимъ свѣтомъ? Тотъ отвѣчаетъ:

Chou est li fis de la grant majeste,
Ch'est ses espir[s], ses sens et sa bontes
Et sa grans force et sa grans dingnite[s].
. . . .
Grasse et saveur et seve vos fera en trespassant
L'enfes qui en cest nit pleure si doucement:
Çou est li fis de dieu le roi dou firmament.

Райскій вертоградъ преобразился, Сиѳъ видитъ его въ новомъ блескѣ: стѣны кажутся ему точно изъ драгоцѣнныхъ камней востока, золотая труба спускается съ неба, изъ нея сочится вода въ «источникъ юности», находящійся подъ райскимъ деревомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ старофранцузской парафразы,— либо его источникъ — руководился одною изъ распространенныхъ легендъ о хожденіи Сиѳа, съ образомъ древа и на немъ *младенца Христа*, и что онъ слилъ эту символику съ родственными представленіями средневѣковаго физіолога о *Христѣ-пеликанѣ*. Оттуда двойственность и вмѣстѣ спутанность его изображеній. Приведу выдержку изъ греческаго физіолога [1]):

«Ὁ Φυσιολόγος ἔλεξε περὶ τοῦ πελεκάνου· ὅτι φιλότεκνός ἐστι πάνυ· ἐὰν γεννήσῃ τοὺς νεοσσούς, καὶ ὀλίγον αὐξηθῶσι, ῥαπίζουσιν εἰς τὸ πρόσωπον τῶν γονέων. οἱ δὲ γονεῖς κολαφίζουσιν αὐτὰ καὶ

---

1) Pitra l. c. III, стр. 343—4, c. VI: περὶ τοῦ πελεκάνου.

ἀποκτείνουσιν. Εἶτα σπλαγχνιζόμενοι πενθοῦσι τρεῖς ἡμέρας τὰ τέκνα αὐτῶν. Τῇ οὖν τρίτῃ ἡμέρᾳ ἔρχεται ἡ τούτων μήτηρ, καὶ ῥήσσει τὴν ἑαυτῆς πλευράν, καὶ τὰ αἵματα αὐτῆς στάζουσα ἐπὶ τὰ νεκρὰ σώματα τῶν νεοσσῶν, ἐγείρει αὐτά. — Ἑρμηνεία· Οὕτως καὶ ὁ Κύριος ἡμῶν ἐν τῷ Ἡσαΐᾳ εἶπεν· «Υἱοὺς ἐγέννησα καὶ ὕψωσα, αὐτοὶ δέ με ἠθέτησαν». Ὁ δημιουργὸς ἡμᾶς ἐγέννησε, καὶ ἐτύψαμεν αὐτόν· ἐλατρεύσαμεν τῇ κτίσει παρὰ τὸν κτίσαντα. Ἐλθὼν οὖν ἐπὶ τὸ ὕψωμα τοῦ σταυροῦ, ἀνοίξας τὴν ἑαυτοῦ πλευράν, ἔσταξε τὸ αἷμα καὶ τὸ ὕδωρ, εἰς σωτηρίαν καὶ ζωὴν αἰώνιον.... Ἑτέρα· Ὁ πελεκάνος οὗτος ὄρνεον ἐστίν· ὁ δὲ ὄφις πολὺ ἐχθρεύει αὐτοῦ τὸν νεοσσόν. Οὗτος δὲ ὁ πελεκὰν τί μηχανᾶται; εἰς ὕψος πήγνυσι τὴν καλιὰν αὐτοῦ, πανταχόθεν περιφράττων αὐτὴν διὰ τὸν ὄφιν. Ὁ δὲ ὄφις, ὁ κακομήχανος, τί ποιεῖ; περισκοπεῖ ὅθεν πνεύει ὁ ἄνεμος, κἀκεῖθεν ἐμφυσήσας τὸν ἰὸν αὐτοῦ τοῖς νεοσσοῖς, καὶ τελευτῶσιν αὐτοῦ τὰ τέκνα. Ἔρχεται οὖν ὁ πελεκὰν καὶ θεωρεῖ ὅτι ἀπέθανον αὐτοῦ τὰ τέκνα, καὶ σκοπεῖ νεφέλην, καὶ πέταται εἰς ὕψος, καὶ μετὰ τῶν πτερῶν αὐτοῦ τύπτει αὐτοῦ τὰς πλευράς, καὶ ἐξέρχεται αἷμα, καὶ διὰ τῆς νεφέλης ἐπιστάζει αὐτοῖς τὸ αἷμα, καὶ ἐγείρονται αὐτοῦ τὰ τέκνα. — Ἑρμηνεία. Λαμβάνεται δὲ ὁ πελεκὰν εἰς τὸν Κύριον, τὰ δὲ παιδία αὐτοῦ ἐστὶν ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα, καὶ ἡ ἡμετέρα φύσις· ἡ δε καλιὰ αὐτοῦ ἐστὶν ὁ παράδεισος. Ἐνέφυσε γὰρ ὁ ἀρχέκακος ὁ ὄφις διὰ τῆς παρακοῆς τοῖς πρωτοπλάστοις, καὶ γεγόνασι νεκροὶ τῇ ἁμαρτίᾳ. Ὁ οὖν Κύριος ἡμῶν καὶ Θεός, διὰ τὴν πρὸς ἡμᾶς ἀγάπην, ὑψοῦται ἐπὶ τοῦ τιμίου σταυροῦ, καὶ νυγεὶς τὴν πλευράν, διὰ τῆς νεφέλης τοῦ ἁγίου Πνεύματος, ζωὴν ἡμῖν ἐδωρήσατο τὴν αἰώνιον».

Первая статья греческаго физіолога повторяется во всѣхъ западныхъ его отраженіяхъ; образы второй встрѣчаются, видоизмѣненные, въ слѣдующемъ стихотвореніи Тибо Наваррскаго:

Diex est ensi, come li Pelicans,
Qui fait son nit el plus haut arbre sus;
Et li mauvais oiseaus, qui vient de jus,
Les oseillons ocist, tant est puans;

Li pere vient, destrois et angosseus,
Dou bec s'ocist; de son sanc dolereus
Vivre refait tantot les oseillons.
Dieus fist autel, quant vint sa passions,
De son doux sanc racheta ses enfans
Du deauble, qui tant par est poissans [1]).

Символъ пеликана — Христа извѣстенъ въ средневѣковомъ искусствѣ: мы встрѣчаемъ его на соборныхъ витраляхъ, въ формѣ церковнаго аналоя, въ изображеніи Воскресенія, въ русскомъ духовномъ стихѣ югозападнаго происхожденія:

Радуйсе, Царице,
Наша заступнице,
Небеснаго пеликана
Маткою названа!

(Безсоновъ, Калѣки II, № 433) и т. п. Представленіе его на вершинѣ крестнаго древа могло явиться въ ряду другихъ символическихъ, то обобщавшихъ въ образѣ креста и его аттрибутовъ идеи вселенной, христіанства, церкви, то олицетворявшихъ самое древо распятія. Такъ въ англосаксонскомъ Снѣ: обернутое золотомъ, украшенное драгоцѣнными камнями, то цвѣтущее, то покрывавшееся влагой и кровью, истекавшими изъ его праваго бока (hit....ongan svaetan on þâ svídran healfe v. 19—20) [2]), оно самое вѣщаетъ о своемъ прошломъ.

Соберемъ нѣкоторыя внѣшнія черты, съ которыми оно представлялось намъ въ предъидущихъ легендахъ: міровое дерево высится до неба, корень спускается въ адъ; кругомъ ствола обвился змѣй, на вершинѣ символическая птица, непріязненная тому змѣю; на вѣтвяхъ — птицы, четвероногія, питающіяся отъ

---

[1]) Цитата изъ изданія Lévesque de la Ravallière, t. II, p. 158 взята у Gidel, Nouvelles études sur la littérature grecque moderne (Paris, 1878), p. 423. Изданія Tarbé у меня не было подъ руками.

[2]) Grein, Bibliothek der angelsächsischen Poesie II, p. 143 sqq.

его плодовъ; съ боку — рана, откуда сочится влага; у подошвы — райскій источникъ, источникъ юности. — Это напоминаетъ Иггдразилъ сѣверныхъ преданій: его вѣтви осѣняютъ весь міръ; одинъ изъ его корней спускается въ Niflheim, гдѣ его гложетъ змѣй Niðhöggr, другой — въ царствѣ Азовъ или людей, подъ нимъ источникъ Урды, вода котораго обновляетъ и молодитъ. На вершинѣ возсѣдаетъ орелъ; четыре оленя гложутъ его молодые побѣги, а *сбоку* оно гніетъ. Если вѣроятно воздѣйствіе христіанскихъ представленій на миѳологію Эдды [1]), то причины сходства будутъ ясны, отличія вмѣнятся искаженію. Олени Иггдразила восходятъ, быть можетъ, къ христіанскому символу: оленя, жаждущаго источника водъ, враждебнаго змѣю и т. п.; три корня напоминаютъ триипостасное дерево крестныхъ легендъ, сросшееся изъ трехъ стволовъ, вѣтвей.

IV.

Въ той группѣ западныхъ сказаній, которой мы пользовались въ предъидущей главѣ, крестное древо принесено въ Іерусалимъ не Соломономъ, а Давидомъ. Ангелъ является ему въ сновидѣніи и указываетъ на тріединую лозу отъ райскаго древа, посаженную Моисеемъ за Іорданомъ, либо у подошвы Ѳавора и т. п. Царь отправляется ихъ искать, либо находитъ ихъ, пробудившись отъ сна, стоящими у его ложа. Тріединое дерево выростаетъ въ его саду: сидя подъ его тѣнью Давидъ совершаетъ свои молитвы, слагаетъ псалмы, кается въ своемъ проступкѣ

---

[1]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Легенды о скрывающемся императорѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, Май, стр. 128.

противъ Уріи—и задумываетъ построить храмъ Господу. Здѣсь было ему небесное откровеніе: свѣтлый ангелъ спускается съ неба и, усѣвшись на вѣткѣ дерева, вѣщаетъ, что не Давиду предназначено, волей Божіей, создать храмъ, а сыну его Соломону [1]).

Славянскія легенды о крестѣ не знаютъ о древѣ въ вертоградѣ Давида, но также говорятъ о его видѣніи, «ѥко въсхыщенѣ быти доуши ѥго ѿ аггела, и показа ѥму образь црьковны

[1]) Сл. Mussafia, l. c. 181—182; Cursor Mundi, ed. Richard Morris II, p. 460—1 sqq.—Крестное древо въ саду Давида напоминаетъ то-же древо въ вертоградѣ Авраама, въ легендѣ объ императорѣ Фануилѣ, на которую обращали слишкомъ мало вниманія въ работахъ, посвященныхъ крестному сказанію (объ этой легендѣ см. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 22-мъ присужденіи уваровскихъ премій, стр. 12—17). — Къ баснословной исторіи райской флоры укажу еще на эпизодъ Gaufrey (ed. Guessard, p. 118—121): жена Grifon'a излѣчиваетъ смертельно раненаго Robastre'a чудесной травой, которую разсерженный Грифонъ бросаетъ въ море: она пошла ко дну и показывается на поверхности лишь въ Ивановъ день. Корень этой травы остался въ раю:

.I. oisel la porta qui fu bien apenses,
En sarrazinois est Darginas apelez,
Et si est en francheis aussi Grifon nommes.
Il avoit faonne en l'isle Josues;

его птенцы убиты, онъ оживляетъ ихъ при помощи цѣлебной травы, которую тогда-же достаетъ (сл. въ Талмудѣ и его отраженіяхъ легенду о Нагартурѣ, страусѣ, кокотѣ и т. п., о шамирѣ, разрывъ-травѣ и т. д., и народныя сказки и пѣсни о змѣѣ, оживившемъ убитыхъ змѣенышей какой-то травою). О ней говорится далѣе:

Che est la premiere herbe, che(n) dient li letres,
Que Damedieu[s] planta quant il fu devales,
Quant li angre se furent contre li reveles,
Dont furent en enfer leidement devales.

въ небесехъ и глаголаше емоу глаголъ: сице да бѫдеть домъ богови въ Ероусалимѣ». Обо всемъ видѣнномъ онъ повѣдалъ Соломону: «слыши, Соломуне, и не ослоушай ѡтьца твоего. Азъ же сътворѫ црькьвь въ ньже ѡбьразъ видѣхъ, и тыи тькьмо дрьзаи и не ѡтврьзы наказаниꙗ моего. Азъ бо разоумѣхъ, ꙗко ты искоусиши Бога въ хытрости рѫкоу своею и въ умѣ своемъ. — И повѣле Давидъ царь ѡтрокомъ своимъ принести по .р҃. свѣщь коемуждо ихъ. И егда бысть повѣление царево, и приемъ Давидъ все свѣще и сътвори црьковь малѫ и показа Соломоуну и рече: виждь, како стѣни, како стльпи, како градн, како врьхъ, како ѡснование еѩ, како камари и како свръшение еѫ» [1]).

По этому небесному плану и строитъ Соломонъ Святая Святыхъ, на созданіе которой понадобилось, по разсказу легенды, крестное древо. Отсюда легко было явиться отождествленію: *крестнаго древа* — кипариса, певги, оливы, виноградной лозы [2]) и т. п. — и Соломонова храма, *церкви* вообще; первое могло являться символической замѣной второй, какъ въ малорусскихъ колядкахъ церковь представляется вырубленной изъ того дерева: Богородица

знайшла *деревце*.
Съ того деревца стала *церковця*.

На крутій горі
Кедрово *древо*,
А съ того древа
Хрести рубають,
Церкву будують.

---

[1]) Jagić, Opisi I, Слово похваление Моисеѡво стр. 85—86. = А. Поповъ, Первое прибавленіе къ описанію рукописей и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, стр. 34. Сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по ркп. Соловецкой библіотеки, стр. 238.

[2]) Сл. символъ виноградника-церкви, съ стоящимъ посреди распятіемъ, на мозаикѣ Св. Климента въ Римѣ.

А на той горі *дерево* лежало,
А съ того дерева *крижа* робили,
А на томъ крижі Христа мучено,
Де кровка кане, тамъ *церковъ* стане [1]).

Таково въ сущности представленіе Повѣсти града Іерусалима [2]) и Стиха о Голубиной книгѣ; стоитъ только возстановить символизмъ, запутанный въ дошедшихъ до насъ текстахъ перваго памятника, неполный во второмъ. Остановлюсь на относящемся къ нашему вопросу эпизодѣ Повѣсти:

«И рече царь Волотъ: А мнѣ ночесь много видѣлось .... Съ тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторускую, а в другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное корение, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ. Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать?» Толкуетъ его Давидъ: «Во второмъ на десять году у меня царя Давыда родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ. А что съ тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльный; і в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия, о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. А что с тое страны полуденныя выростало древо кипарисъ, корение сребреное, то у меня будетъ

---

[1]) Труды этнограф. статист. экспед. въ западно-русскій край, снаряженной Имп. русск. геогр. Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. III: Народный Дневникъ, колядки №№ 74, 82 B, щедривка № 110.

[2]) Буслаевъ, Повѣсть града Іерусалима l. c. p. 41 sqq. = Пам. стар. русск. лит. II, стр. 307—8.

сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожиждетъ Святая Святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что у кречета колокольчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ».

Послѣдовательность текста, очевидно, спутана, и вмѣстѣ пострадала прозрачность символики. То и другое отчасти возстановимо: «А что с тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльныі; а что с тое страны полуденныя выросътало древо кипарисъ, корение сребреное, [*то*] в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия, о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. [*А что поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлый*], то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры, і онъ сожиждетъ Святая Святыхъ....; а что у кречета колокольчикъ золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида» и т. д.

Неяснымъ остается въ этомъ параллелизмѣ крестнаго древа — церкви — толкованіе кречета и колокольчика, очевидно не гармонирующее съ иносказательнымъ смысломъ цѣлаго. Символическую птицу — Христа мы видѣли въ одномъ пересказѣ Сиѳова хожденія; съ другой стороны въ описаніи механической лозы въ храмѣ Граля — встрѣтили уподобленіе мелодіи, издаваемой ея листвою — рѣющимъ соколамъ, къ ногамъ которыхъ привязаны золотые колокольцы. Сокола, ястреба съ колокольцомъ на ногѣ обычны въ среднихъ вѣкахъ: ein mûzerspärwaere.... *ein guldîn schelle* dran erklanc (Parzival 163); isparvier mio, ch'io t'avea nodrito, *Sonaglio d'oro* ti facea portare, Perchè nell'uccellar fossi più ardito (Trucchi, Poesie italiane inedite, I, p. 54) и т. п. — Всё это не разъясняетъ уподобленія кречета Соломону, колокольца Соломонидѣ. Можетъ быть, въ Снѣ о де-

ревѣ слѣдуетъ предположить — агломерацію нѣсколькихъ значеній, не связанныхъ между собою внутренне, а послѣдовательно пріуроченныхъ къ одному и тому-же образу, что стало возможнымъ лишь при забвеніи первоначальной символики.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

V.

НОВЫЯ ДАННЫЯ КЪ ИСТОРІИ СОЛОМОНОВСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Соломоновская сага не проникла глубоко въ народный стихъ; пѣсня о Василіи Окульевичѣ, пѣсня-побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ — становятся чѣмъ-то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности. Ближе подошелъ-бы къ его стилю стихъ о царѣ Давидѣ, его дочери Оленѣ и сынѣ Соломонѣ, еслибы этотъ однажды записанный памятникъ дѣйствительно удалось объяснить изъ соломоновской легенды. Что тѣснѣе привязываетъ её къ области духовнаго стиха, это — ея слѣды въ Голубиной книгѣ, въ нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отраженіяхъ крестныхъ сказаній, наконецъ — самое качество матеріала, отдѣляющее её отъ эпическихъ сюжетовъ, дававшихъ содержанія былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ смыслѣ я нашелъ возможнымъ удѣлить въ моихъ Разысканіяхъ мѣсто для нѣкоторыхъ вопросовъ, вызванныхъ новыми, моими и чужими, изслѣдованіями о соломоновской сагѣ.

Семдесятъ два года спустя послѣ перваго изданія фонъ-деръ-Гагеномъ старонѣмецкихъ стихотвореній о Соломонѣ и Морольфѣ явилась недавно первая попытка критически обрабо-

тать ихъ текстъ, согласно съ требованіями современной филологіи. Попытка эта принадлежитъ Фогту (Fridrich Vogt, Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf. 1[er] Band: Salman und Morolf. Halle, Niemeyer 1880). На первый разъ издана нѣмецкая строфическая поэма о Соломонѣ и Морольфѣ, при чемъ, по поводу критики преданія, привлеченъ къ сравненію и короткій пересказъ того-же сюжета, присоединенный къ Діалогамъ Соломона и его загадочнаго совопросника. Слѣдующій томъ предложитъ намъ критическій текстъ этого памятника, и, вѣроятно, разъяснитъ подробнѣе взглядъ издателя на соотношенія Морольфа Діалоговъ къ Морольфу эпическаго разсказа.

Изъ западныхъ изслѣдователей соломоновской саги Фогтъ полнѣе другихъ воспользовался важнымъ, въ критическомъ отношеніи, славяно-русскимъ матеріаломъ. Проф. Ягичъ познакомилъ его съ относящимися сюда текстами, сообщилъ выдержки изъ моей диссертаціи [1]), содержаніе которой близко касалось вопроса, занимавшаго Фогта. Сближая общія положенія моей книги съ выводами нѣмецкаго изслѣдователя, я пришелъ къ заключенію, что мы не далеко разошлись другъ съ другомъ. «Мои взгляды на развитіе Соломоно-Морольфовской саги, говоритъ Фогтъ, часто и въ существенныхъ чертахъ сходятся со взглядами Веселовскаго, хотя онъ и пришелъ къ своимъ результатамъ другими, чѣмъ я, путями» (p. XLI, прим. 2).

I.

Фогтъ дѣйствительно сходится со мною въ бо̀льшей части существенныхъ вопросовъ, касающихся сказаній о Соломонѣ и Морольфѣ, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда его соображенія, очевидно самостоятельныя, согласны съ моими, но и въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ я разошелся — съ положеніями моей

---

[1]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Спб. 1872.

книги, написанной восемь лѣтъ тому назадъ. Это обстоятельство и даетъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ по поводу труда Фогта; я стану называть 1-мъ Морольфомъ — короткій разсказъ объ увозѣ соломоновой жены, помѣщенный въ концѣ Діалоговъ Соломона и Морольфа; 2-мъ Морольфомъ — строфическую поэму, изданную Фогтомъ.

Разбирая генезисъ сказанія Фогтъ исходитъ изъ талмудической легенды объ Асмодеѣ и соотвѣтствующаго эпизода русской Палеи [1]), и, подобно мнѣ, устанавливаетъ уравненіе: Асмодей — Китоврасъ — Сатурнъ — Морольфъ (p. LV). Изъ талмудическаго зародыша пошло то разнообразіе европейскихъ повѣстей, въ которыхъ имя Асмодея замѣнилось другими, но имя Соломона осталось, какъ показатель библейско-талмудическаго источника, который, въ свою очередь, могъ воспринять въ себя другіе инородные, какъ я предположилъ, индійскіе. Рѣшающимъ для меня было — посредство талмудической повѣсти: «главные пути историческаго перехода легенды съ востока на западъ опредѣлены заранѣе самымъ именемъ Соломона», говорилъ я: «главная посредствующая редакція предполагаетъ вліяніе библіи» (Соломонъ и Китоврасъ стр. 50). Послѣ этого мнѣ не совсѣмъ понятна такая замѣтка Фогта (l. c. стр. L, прим. 1): «на (талмудическій) разсказъ объ изгнаніи Соломона демономъ повліяли, по мнѣнію Веселовскаго и Бенфея, индійскія сказанія, въ которыхъ мотивъ принятія чужаго образа (демонъ въ образѣ Соломона) встрѣчается въ разнообразнѣйшихъ видахъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, на сколько бо̀льшая древность индійскаго преданія доказана; но и допустивъ её, мы не опровергнемъ положенія, что идея сверженія именно Соломона коренится въ приведенныхъ цитатахъ Библіи и въ ихъ талмудическомъ истолкованіи». — Но это и есть мое мнѣніе, которое Фогтъ только развилъ, указавъ (стр. IL—LI; сл. LIX прим. 1)

---

[1]) Оба сказанія сообщаются Фогтомъ въ переводѣ. См. Anhang, p. 213—217.

на библейскіе мотивы талмудической легенды и ея дальнѣйшихъ развѣтвленій, и возводя вмѣстѣ съ Шаумбергомъ имя Morolf'a, Marcolf'a — къ еврейскому Markolis, который далѣе отождествляется съ Сатурномъ англосаксонской статьи (p. LV). На выраженіе «ab oriente nuper venerat» латинскихъ діалоговъ и я обратилъ вниманіе (С. и К. стр. 265; Vogt, LVII), какъ и на marculfes eard англосаксонскаго памятника (С. К. р. 254; Vogt l. c.), но послѣднее указаніе теряетъ свою доказательность именно въ связи съ отождествленіемъ Сатурна = Markolis.

Талмудическое сказаніе объ Асмодеѣ — Китоврасѣ распадается на два эпизода 1) поимка Асмодея — Китовраса; его разговоры съ Бенаей и Соломономъ; 2) сверженіе Соломона демономъ. Если изъ послѣдняго эпизода развились разсказы объ увозѣ Соломоновой жены, то въ первомъ, именно въ элементѣ разговоровъ, я усмотрѣлъ прототипъ діалоговъ Соломона и Сатурна, Соломона и Морольфа. Отъ Сатурна къ Морольфу стиль діалоговъ понизился, изъ серьознаго сталъ площаднымъ, но рамка, фабула остались. Соединеніе двухъ эпизодовъ талмудической легенды, казалось мнѣ, бросало свѣтъ на отношенія Діалоговъ Соломона и Морольфа къ слѣдующему за ними пересказу повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены. Я имѣю въ виду составъ перваго Морольфа, т. е. вѣрнѣе, его источника. О Діалогахъ Фогтъ обѣщаетъ поговорить подробно во второмъ томѣ своего изслѣдованія; то, что высказано имъ пока, предполагаетъ большую случайность. «*Markolf-Morolf* діалоговъ, говоритъ онъ, *совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Морольфъ, братъ Соломона въ эпическомъ разсказѣ* (объ увозѣ Соломоновой жены); *выйдя изъ общей точки отправленія, изъ преданія о демоническомъ противникѣ Соломона, оба мотива, разсказъ объ увозѣ и діалоги, развивались далѣе отдѣльно* другъ отъ друга..... *но имя Маркольфа необходимо возвести еще къ начальному преданію,* потому что иначе было-бы непонятно, какимъ образомъ то и другое лицо было названо однимъ и тѣмъ-же именемъ позже, когда ихъ *внутренняя связь* была уже забыта» (p. LVI). И такъ между Мороль-

фомъ Діалоговъ и Морольфомъ Увоза была связь имени и внутренняя связь, восходящая къ древнему преданію о Соломонѣ и его противникѣ. — Такъ предположилъ и я. — Далѣе оба типа разошлись и — соединились случайно, внѣшнимъ образомъ, благодаря лишь сходству именъ, въ такъ называемомъ первомъ Морольфѣ.—Таково предположеніе Фогта (стр. CXXII); случайность тѣмъ болѣе поразительная, что она отвѣчаетъ комбинаціи первичнаго, талмудическаго преданія: о демоническомъ совопросникѣ — и противникѣ Соломона. Слѣдуетъ ожидать, что этотъ вопросъ будетъ снова поднятъ Фогтомъ во второй части его труда.

Обратимся къ сказаніямъ объ увозѣ Соломоновой жены. Славянорусскія повѣсти, съ содержаніемъ которыхъ Фогтъ познакомился, должны были привести его къ заключенію, что такъ называемый первый Морольфъ сохранилъ содержаніе древняго разсказа въ большей чистотѣ, чѣмъ строфическая поэма, развитая посторонними эпизодами. На главный источникъ распространенія было мною указано въ свое время (С. и К. р. 287): на группу сказаній—о Вальтерѣ въ хроникѣ Богухвала, De Rasone et ejus uxore, Der Nussberg и т. п. Я нахожу тѣ-же соображенія и у Фогта (стр. LXV sqq.). Этимъ привнесеніемъ новыхъ подробностей объясняется появленіе въ строфической поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ новаго типа: сестры похитителя, и обусловленное ею измѣненіе эпической фабулы. Фогтъ отвѣтилъ, по моему, очень удачно на вопросъ, чѣмъ мотивировалось введеніе новаго лица: оно существовало, въ зародышѣ, уже въ первичномъ разсказѣ; Соломонъ, явившись въ Китоврасово царство, *встрѣченъ* тамъ прислужницей царицы, его бывшей жены, которая и узнаетъ отъ нея о пришельцѣ — мужѣ (р. LXX). Къ этому образу легко было привязать позднѣйшее распространеніе: прислужница стала сестрой похитителя. Новые матеріалы, по Соломоновской сагѣ, явившіеся въ послѣднее время, даютъ возможность отнести къ значительно-древней формѣ сказанія эпизодъ о *встрѣчѣ* Соломона, засвидѣтельствованный до-

томъ лишь русскою повѣстью о Соломонѣ и Китоврасѣ. Вотъ какъ разсказывается въ послѣдней о встрѣчѣ Соломона съ царициной прислужницей (С. и К. 221): «И пріиде Соломонъ во царство Китоврасово, аки прохожей старецъ милостыню сбирать, и пріиде въ садъ, гдѣ черпаютъ воду Китоврасу царю, и выиде дѣвка по воду въ садъ со златымъ кубцомъ, и рече Соломонъ: «дай-же ми, дѣвица, изъ сего кубца испити». И рече ему дѣвка: «какъ ты, старецъ, хощешь пити изъ царскаго сего кубца: аще кто увидитъ и скажетъ царю, и онъ велитъ за то насъ обѣихъ казнить». Соломонъ рече: «дай-же, дѣвка, испити: никто у насъ сего не увидитъ» — и *дасть ей за то колечко злато*, и она даде ему испити, и поиде дѣвка съ водою радуяся и скажи госпожѣ своей такъ: «азъ его нашла на пути». И (нѣкто) увидѣ у нее нѣ въ которое время то колечко Соломонова жена, а Китоврасова царица, и опозна его, что то колечко ее обручальное, и рече ей: «скажи, дѣвка, кто ти далъ сіе колцо?» Рече дѣвка: «далъ ми, госпожа, старецъ захожей». Она-же рече: «не старцу быть, но мужу моему Соломону». И скоро разосла многихъ людей своихъ по граду и повелѣ сыскати».

Тотъ-же эпизодъ встрѣчается въ двухъ португальскихъ пересказахъ Соломоновской легенды, воспринятыхъ въ Livros de linhagens (XIV вѣка) и только подновившихъ имена въ древней сагѣ объ увозѣ Соломоновой жены [1]). Ramiro отправляется добывать жену свою, увезенную маврскимъ королемъ Abencadão (во 2-мъ текстѣ: Alboazare Alboçadam); послѣдняго не было дома, а Ramiro «foice estar a huma *fonte* que estava perto do castello; . . . . e huma donzella que servia a rainha levantouce pela menhã que lhe fosse pela agoa para as mãos, e aquella donzella havia nome Ortiga (во 2-мъ текстѣ Perona; наоборотъ Artiga'ой названа сестра мавританскаго короля, похищенная Рамиро); e ella na fonte achou jazendo rey Ramiro, e nõm o conheceo, e el *pe-*

---

[1]) Romania № 35: G. Paris, La femme de Salomon p. 436—443 (№ I и II); сл. p. 438, 440—1.

diolhe d'agoa pela aravia, e ella deulha por hum autre, e el meteo hum *camafeo* na boca, *o qual camafeo havia partido com sa molher a rainha pela meadade;* el deuse a beber, e deitou e anel no autre, e a donzella foice, e deo agoa a rainha, e cahiolhe o anel na mão, e conheceo o ella logo: a rainha pergantou quem achara na fonte; ella respôndeu qua não era hi ninguem: ella dice que mentia e que lhe non negace, ca lhe faria por ende bem e mercê; e a donzela lhe disse entom que achara hum mouro doente e lazarado, e que lhe pedira d'agoa que bebece, e ella que lha dera; e entonce lhe disse a rainha que lhe fosse por el, e se hi o achasse que lho adusese».

Согласіе португальской легенды съ русской, при вѣроятномъ отличіи ихъ непосредственныхъ источниковъ, указываетъ на значительную древность разсказа о кольцѣ въ легендѣ объ увозѣ и позволяетъ возстановить въ ней черту, утратившуюся въ нѣмецкихъ пересказахъ: Соломонъ даритъ дѣвушкѣ кольцо, очевидно, не въ награду за то, что она позволила ему напиться изъ царскаго кубка: то кольцо обручальное, и Соломонъ даритъ его съ умысломъ, разсчитывая, что по перстню жена узнаетъ о его присутствіи. Если въ русской повѣсти эта умышленность высказывается не ясно, то португальскія устраняютъ всякое сомнѣніе: здѣсь Ramiro-Соломонъ, попросивъ у дѣвушки напиться, опускаетъ въ кубокъ «половину камня (печати? перстня?), который подѣлилъ съ женою». Перстень или половина перстня, опущенная въ кубокъ, — излюбленное общее мѣсто народной эпики: такъ обыкновенно даетъ о себѣ знать женѣ мужъ, вернувшійся изъ отлучки (сл. пѣсни о Гильдебрандѣ и Добрынѣ, о Möringer и Генрихѣ Львѣ, герцогѣ Брауншвейгскомъ и др.) [1] Для насъ ясно, что въ общемъ, отдаленномъ оригиналѣ русскаго и порту-

[1]) Сл. Müller въ: Die Fahrt in den Osten въ Schambach. u. Müller, Niedersächsische Sagen und Märchen; R. Köhler въ Eberts Jahrb. f. rom. u. engl. Literatur VIII, p. 356—9; Ор. Миллеръ, Илья Муромецъ, p. 523—32; Bartsch, Herzog Ernst, p. CX sqq. — Эпизодъ съ кольцомъ,

гальскихъ разсказовъ Соломонъ не подозрѣвалъ, что жена его увезена по своей волѣ, либо слюбилась съ похитителемъ — иначе посылка перстня была-бы не умѣстна. Въ португальской повѣсти на вопросъ царицы, что привело его сюда, Ramiro-Соломонъ отвѣчаетъ: любовь къ тебѣ, а она говоритъ ему, что онъ пришелъ за своей смертью. Въ русскомъ сказаніи о Соломонѣ и Китоврасѣ эти отношенія уже забыты: царица спрашиваетъ: «Соломане, ты пошто еси сюды пришелъ? И рече Соломанъ: пришелъ убо я по твою главу? И рече ему жена его Соломанова: самъ ты, Соломанъ, пришелъ на смерть» (С. и К. 221). Въ другихъ пересказахъ русской повѣсти, гдѣ вмѣсто Китовраса названъ Поръ (или похититель не названъ), отвѣтъ Соломона, понятый впослѣдствіи, быть можетъ, иронически, сохранилъ, тѣмъ не менѣе, слѣды древнихъ отношеній: «али ты меня [не] знаешь, что я пришелъ за твоею красотою и за дорогимъ умомъ и смысломъ?» (С. и К. 235). Такъ, и на этотъ разъ серьозно, въ одномъ, пока не изданномъ текстѣ сказанія, — принадлежащемъ г. Сырку — гдѣ похитителемъ Соломоновой жены названъ царь Кипрскій. «И выпроси его царица: что зде хощеши, Соломоне? Соломонъ рече: ты знаеши, колику любовь имахъ съ тобою, да зрящи лица твоего умру».

Объ источникахъ другихъ амплификацій, которымъ подверглось въ строфической поэмѣ основное сказаніе — я говорить не стану. Мнѣніе Фогта, что вторая половина поэмы, повторяющая, съ новыми именами (Princian) и нѣкоторыми отличіями, содержаніе первой — можетъ быть, основана на какой-нибудь особой версіи Соломоновской повѣсти (сл. стр. LXXIV—VI) — кажется мнѣ невѣроятнымъ и натянутымъ. Разсказъ о Принціанѣ представляется мнѣ и теперь (сл. С. и К. 286) такимъ-же

брошеннымъ въ кубокъ, изъ котораго пьетъ царица, встрѣчается въ одной изъ поэмъ Moallakat, что побудило Брагу приписать португальскимъ повѣстямъ въ Livros de linhagens — арабское происхожденіе. Сл. Romania I. c. p. 437.

эпическимъ дублетомъ, какихъ много въ поэмѣ; явленіе, побуждающее меня усумниться, чтобы поэма, въ такомъ именно составѣ, могла быть отнесена къ прототипу XII вѣка. Прежде (С. и К. стр. 264) я принималъ это опредѣленіе, какъ ходячее (Lachmann, Haupt, Rückert и др.), на вѣру, не имѣя въ виду провѣрить его критической работой надъ текстами, что лежало за предѣлами моей задачи. Теперь, когда работа эта сдѣлана Фогтомъ, у меня явились сомнѣнія, которыя разъяснитъ со временемъ какой-нибудь германистъ: я встрѣчаю ихъ и въ отзывѣ Paul'я о разбираемой нами книгѣ [1]). Генеалогія текстовъ, предлагаемая Фогтомъ (сл. стр. CVI, CVII, CVIII, CX—XI, CXII—CXV, CXVII—VIII, CLVII), довольно сложная; я сообщу её въ восходящемъ порядкѣ: дошедшіе до насъ тексты поэмы (одинъ изъ нихъ S, вѣроятно, XIV вѣка) восходятъ къ общему типу X, относимому ко времени около 1300 г.; между ними и X предполагается еще посредствующая степень преданія: Y. Такія-же степени отдѣляютъ X отъ древняго его оригинала: ближе къ послѣднему по времени слѣдуетъ отнести тѣ измѣненія основнаго текста, которыя обогатили его новымъ содержаніемъ (введеніе сестры Фора, эпизодъ объ Изольтѣ), далѣе — тѣ, которыя относятся къ разряду интерполяцій и искаженій. — Древній оригиналъ, обнимавшій съ исторіей Фора и разсказъ о Принціанѣ, относится къ послѣднему десятилѣтію XII вѣка, точнѣе, ко времени послѣ 1191 года, такъ какъ авторъ, какъ видно, зналъ о вторичномъ взятіи Акки христіанами; цитаты, на которыхъ основаны эти заключенія, взяты изъ второй части поэмы, т. е. изъ разсказа о Принціанѣ, въ предположеніи, что въ упоминаніяхъ Акки скрываются дѣйствительно-историческіе факты (стр. CXII). Можно ожидать, что въ текстѣ, фабула котораго пришла съ византійскаго востока, встрѣтятся соотвѣтствующія географическія обозначенія, удержанныя изъ подлинника, не навѣянныя перескащику современными ему событіями. Еслибы

---

[1]) Literaturblatt f. germ. u. roman. Phil. 1881, № 1, p. 9.

Акка встрѣтилась намъ въ одной изъ русскихъ повѣстей о Соломонѣ, заключенія Фогта устранились-бы сами собою. Какое значеніе имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, для хронологіи повѣсти упоминаніе Кипра и названіе города, гдѣ Соломонъ ставитъ свою рать въ засадѣ, «еже наричется Афь», находящіяся въ упомянутомъ выше текстѣ г. Сырку?

Въ заключенія остается еще одинъ открытый вопросъ, который, какъ кажется (сл. р. LXV), вовсе не представился Фогту. Предполагаемый имъ оригиналъ нѣмецкой поэмы, XII вѣка, является распространеніемъ болѣе древняго и простаго эпическаго *преданія* (Tradition), отразившагося, съ другой стороны, въ большей чистотѣ, въ короткомъ пересказѣ при Діалогахъ. Какъ понимать это «преданіе»? Устное или записанное и, въ послѣднемъ случаѣ, латинское или нѣмецкое? Можно допустить для XII вѣка существованіе древней поэмы съ содержаніемъ, отвѣчавшимъ пересказу при Діалогахъ, но нельзя надѣяться выдѣлить её изъ дошедшей до насъ строфической поэмы, если уже въ оригиналѣ послѣдней разсказъ о Принціанѣ сплоченъ былъ тѣсно съ болѣе древними частями саги (р. XLI).

Что преданіе объ увозѣ Соломоновой жены принадлежало къ распространеннымъ въ средневѣковой Европѣ — тому доказательствомъ служитъ разнообразіе его редакцій, частныя отличія которыхъ, при общемъ сходствѣ содержанія, указываютъ на значительную древность основнаго разсказа. Древнѣйшее свидѣтельство объ извѣстности нашей саги въ европейскихъ литературахъ встрѣтилось пока въ одномъ текстѣ XIII вѣка, что приближаетъ насъ ко времени предположенной нами древненѣмецкой поэмы, т. е. къ XII столѣтію. Въ chanson de geste объ Élie de Saint Gille, извѣстной мнѣ дотолѣ лишь по статьѣ въ Histoire littéraire de la France (t. XXII, p. 421; сл. С. и К. р. 294—5) и нынѣ изданной [1]), Elies такъ отвѣчаетъ на предложенія

[1]) Aiol et Mirabel und Elie de Saint Gille, hrsg. v. W. Foerster Heilbronn 1876: Elie de Saint Gille v. 1792—1798.

Rosamonde:

v. 1792 Dame, che dist Elies, ne sui pas a aprendre.
Salemons si prist feme dont souent me ramenbre,
.IIII. iors se fist morte en son palais meisme,
Que onques ne crola ne puing ne pie ne menbre;
Puis en fist .i. vasaus toute sa consienche.
Par le foi que uous doi, fole cose est de feme,
Certes c'om plus le garde, donques le pert on senpre.

Къ этой прямой иллюзіи на невѣрность Соломоновой жены G. Paris присоединилъ недавно и еще одно указаніе, хотя и не столь опредѣленное: въ одной старофранцузской сатирѣ на женщинъ говорится между прочимъ:

N'est pas sage qui femme croit,
Morte ou vive, qui qu'ele soit,
Car li sages reis Salomon,
Qui de sen out si grant renon
Que plus sage de li ne fu,
Fut par sa femme deceu [1]).

Славяно-русскія повѣсти о Соломонѣ, сохранившіяся лишь въ позднихъ спискахъ, при всей своей архаичности, не могутъ служить прямымъ доказательствомъ древней извѣстности саги. Но я обращаю вниманіе на одинъ аргументъ въ пользу этой древности, на который уже указано въ моемъ изслѣдованіи (С. и К. p. 223—4): на изображеніе Талмудической легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ-Китоврасѣ на Васильевскихъ вратахъ новгородскаго Софійскаго собора, относимыхъ къ XIV вѣку. «На первомъ полѣ исполинская крылатая фигура Кентавра-Китовраса держитъ въ одной рукѣ небольшую фигуру въ зубчатой коронѣ, очевидно Соломона, котораго онъ сбирается забросить. Вдали такая-же фигура сидитъ на престолѣ; это — опять-же Соломонъ передъ тѣмъ, какъ Китоврасъ схватилъ его: такія удвоен-

1) Romania № 35, p. 436—7 и сл. прим. 1 на стр. 437.

ныя изображенія одного и того-же лица въ разныхъ положеніяхъ довольно обычны въ старинныхъ миніатюрахъ. Или это Китоврасъ, принявшій, по разсказу Талмуда, образъ изгнаннаго царя и возсѣвшій на его престолъ. Надпись къ этому изображенію не вся сохранилась или не вполнѣ записана: «(Ки)товрасъ меце *братомъ своимъ* на обѣтованную землю зр(ѧ?)». Онъ, стало быть, бросилъ его въ другую сторону, отъ себя, или надо читать съ Палеей: *на конецъ;* подъ *братомъ разумѣется Соломонъ, но такимъ, какъ извѣстно, онъ является только въ легендѣ о похищеніи*. Въ Палеѣ Китоврасъ — темное, демоническое существо, въ легендѣ онъ — царь, почему на софійскихъ вратахъ изображенъ въ коронѣ, и, кромѣ того, — *«по родству братъ царю Соломону»*. Ясно, что обѣ редакціи сказаній о Китоврасѣ уже существовали совмѣстно».

Къ XIV же вѣку относится запись двухъ, упомянутыхъ выше, португальскихъ повѣстей. Къ нимъ мы еще вернемся; онѣ во всякомъ случаѣ могутъ служить лишь косвеннымъ доказательствомъ древности соломоновскаго сказанія въ Европѣ, такъ какъ, воспроизводя нѣкоторыя изъ его основныхъ данныхъ, замѣняютъ традиціонныя имена другими, мѣстными, почему возможенъ вопросъ: насколько общее между ними и соломоновской легендой въ самомъ дѣлѣ является ея отраженіемъ.— Тоже слѣдуетъ сказать о поэмѣ о Ротерѣ, содержаніе которой не разъ сближали съ соломоновской сагой, и о chanson de geste о Bastard de Buillon, на которую недавно указалъ G. Paris [1]). Такъ какъ на сюжетъ послѣдней, на сколько онъ касается интересующаго насъ преданія, лишь въ послѣднее время обращено было вниманіе, я сообщу его въ короткомъ пересказѣ [2]). L'amulainne d'Orbrie просваталъ свою дочь, красавицу Ludie, за любимаго ею Corsabrin (сл. v. 4638, 4916), но li bastars de Buillons, Бодуэнъ, овладѣваетъ ею и женится на ней противъ ея воли.

---

[1]) Romania № 27, p. 461—2.

[2]) Li Bastars de Buillon, ed. A. Scheler. Bruxelles, 1877, v. 4503 sqq.

Пока онъ сражается подъ Вавилономъ, Ludie (Ludyane), оставшись въ Orbrie, убѣгаетъ оттуда на кораблѣ къ своему милому Corsabrin, въ Mont Oscur. Вернувшись и узнавъ о бѣгствѣ жены, li bastars въ горѣ, но онъ любитъ Ludie, увѣренъ

5804 se mes corps le ravoit,
Que jamais a nul jour elle ne mesferoit.

Вмѣстѣ съ Huon de Tabarie онъ направляется къ Mont Oscur, проникаетъ туда, переодѣтый угольщикомъ, когда Corsabrin'a не было дома (v. 5908: Ales fu en riviere assaier un faucon), и открывается женѣ, которая принимаетъ его съ притворною радостью, кается въ своемъ проступкѣ и только проситъ не корить её. Она велитъ приготовить ему баню, а сама шлетъ за Корсабриномъ, который является съ вооруженными людьми. Ludie хвалится: она сдѣлала болѣе, чѣмъ всѣ сарацины, когда одна съумѣла захватить въ плѣнъ Бодуэна. Стыдно будетъ, если его убьютъ въ банѣ, говоритъ онъ Корсабрину; но тотъ рѣшилъ подвергнуть его суду и казнить постыдной смертью, и Ludie укрѣпляетъ его въ этомъ намѣреніи. Бодуэна одѣли въ царскія одежды, а Корсабринъ предлагаетъ ему вопросъ: Чтобы онъ съ нимъ сдѣлалъ, еслибъ залучилъ его въ свои руки?—Повелъ-бы въ лѣсъ

5993 Et au plus tres haut arbre que je i trouveroie,
Je vous ai en couvent, pendre vous i feroie;
Enchois tous un et un eslire les iroie.

Корсабринъ рѣшаетъ такъ именно поступить съ плѣнникомъ. Уже Бодуэна втащили на дерево и накинули на него петлю, а помощи всё нѣтъ. Онъ пускается на хитрость: проситъ, чтобы его казнили «si com faisons morir un gentilhonme franc» (6062). На вопросъ Корсабрина, какъ это дѣлается, онъ отвѣчаетъ:

v. 6065 «Sire, ou leur baille un cors ains qu'ils voisent mourant,
La cornent quatre fois ou cinq en un tenant;

Li cornemens qu'ils font, ch'est en senefiant
Qu'il acornent les angeles du trosne reluisant,
Qu'il vienent querre l'ame, s'on moert en repentant;
Apres che cornement a il d'espasse tant
Qu'il die une priere a Dieu le tout poissant,
Et apres l'orison on le va estranlant,
Ou on li va le chief d'une espee trenchant».

Корсабринъ соглашается на эту просьбу, Бодуэну даютъ рогъ, и онъ принимается трубить такъ громко и жалобно, что Hues услышалъ его и понялъ, что его другъ въ опасности. Онъ является на выручку во время; Корсабринъ убитъ въ слѣдующей за тѣмъ свалкѣ, Mont Oscur взятъ; Huon проситъ Бодуэна — исполнить одно его желаніе, и, когда тотъ выразилъ согласіе, требуетъ, чтобы сўдьба Ludie была предоставлена ему. Лишь-бы ты не поступилъ съ ней жестоко, говоритъ Бодуэнъ, полагая, что её можно-бы помѣстить въ монастырь. Мы и помѣстимъ её въ монастырь — изъ дерева и угольевъ, отвѣчаетъ Hues; Ludie сожжена.

Развязка этого эпизода, начиная съ появленія Бодуэна въ Mont Oscur, близко отвѣчаетъ такой-же развязкѣ соломоновской повѣсти, на сколько она извѣстна изъ нѣмецкихъ и русскихъ пересказовъ. Въ Ротерѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же очертанія разсказа, но нѣкоторыя характерныя подробности затушеваны: Ротеръ, стоя подъ висѣлицей, собирается трубить (v. 4183), чтобы призвать на помощь Аспріана, — когда въ сущности онъ уже внѣ опасности, потому что графъ Арнольдъ поспѣлъ къ нему на выручку; забывчивостью автора слѣдуетъ объяснить, что трубитъ на самомъ дѣлѣ не Ротеръ, а одинъ изъ его вассаловъ, Luppolt von Meylân (v. 4197—8). — Съ точки зрѣнія соломоновской фабулы, призывный звукъ трубы долженъ быть раздасться передъ появленіемъ Арнольда и его дружины, которые такъ начинаютъ расправляться съ язычниками, что

die dâr wâren schadehaft,
si jâhen iz dâde die godes kraft.

Потому-ли, что язычники видѣли вообще въ побѣдѣ христіанъ непосредственную помощь Божію (Rückert), или въ воспоминаніе той engelische diet (Salman u. Morolf str. 495), les engeles du trosne reluisant, о которыхъ иносказательно говоритъ Соломонъ и Бодуэнъ?

Сцена подъ висѣлицей, съ звукомъ рожка и выжидающей его засадой, нерѣдко встрѣчается отдѣльно (въ русской и нѣмецкой сказкѣ, въ балладѣ о Робинъ-Гудѣ, въ Cent nouvelles nouvelles № LXXV и т. п. Сл. С. и К. p. 297) и сама по себѣ еще не даетъ повода привязать подобнаго рода сказанія къ соломоновской сагѣ. Если далѣе я приведу отрывокъ болгарской пѣсни[1]) съ тѣмъ-же мотивомъ, то единственно съ цѣлью указать на его существованіе и на славянскомъ югѣ, можетъ быть, внѣ всякой связи съ разбираемымъ нами цикломъ. — Паша завлекаетъ къ себѣ юнака Радана обѣщаніемъ сдѣлать его байрактаромъ; вмѣсто того онъ сбирается его казнить:

На края сѫ го извели,
извели, щѫт го посѣкут.
Радан гавази думаше:
гавази, верни пашенци,
кръв-та си халал да сторѭ,
молба щѫ ви са помолѭ,
догдѣ не сте ма затрили,
със свирка да-си посвирѭ,
да чуѥ мало голѣмо
какво си Радан загинва.
Гавази го сѫ пуснѫли,
Радан със свирка засвири,
та сѫ гори-те писнѫли.
Радоя дума дружина:
дружина, млади юнаци,
тъзи ѥ свирка вуйчова,
що-ли ми жално тъй свири?
скочѣте, верна дружина,

---

[1]) Dozon, Българскы народни пѣсни № 23.

да идем вуйчу на ярдам.
Радан си свирка изкара,
тамам му очи преврързват.
Радой с юнаци довтаса,
гавази от край разтира,
вуйча си на гръб задигнѫ,
та го въ гора-та занесе.

II.

Отъ вопроса о древности соломоновскаго преданія въ Европѣ перейдемъ къ другому, не менѣе интересному: каково могло быть его древнѣйшее содержаніе? Русскіе пересказы сохранили его, вѣроятно, въ значительной чистотѣ; они не знаютъ тѣхъ измѣненій, которыя внесъ въ него авторъ строфической поэмы; одинъ изъ нихъ называетъ похитителя жены Соломона — его братомъ, Китоврасомъ, что̀ бросаетъ неожиданный свѣтъ на первоначальное значеніе Морольфа, являющагося въ поэмѣ также братомъ Соломона, но уже его пособникомъ. — На основаніи этихъ данныхъ Фогтъ попытался (р. LVIII—IX) возстановить общія очертанія той византійской повѣсти, изъ которой произошли какъ русскія, такъ, на болѣе поздней степени развитія, и нѣмецкія ея редакціи. Я думаю, что возстановленіе такого удаленнаго типа едва-ли возможно при односторонности данныхъ, такъ какъ братство Соломона и похитителя засвидѣтельствовано пока одной лишь группой славяно-русскихъ повѣстей.

На сколько схема г. Фогта касается вообще разсказовъ объ увозѣ Соломоновой жены, я предложу къ ней нѣсколько замѣчаній, съ точки зрѣнія славяно-русскихъ редакцій. Такихъ извѣстно мнѣ было двѣ: 1) неполная, съ похитителемъ *Китоврасомъ;* недостающій въ ней эпизодъ находится въ текстѣ, изданномъ съ тѣхъ поръ Обществомъ Любителей древней писменности, № XV. (Китовр.); 2) полная, напечатанная по нѣсколькимъ текстамъ, съ *Поромъ* или безыменнымъ царемъ (Поръ). Къ этимъ

редакціямъ можно присоединить теперь и 3) находящаяся въ рукописи XVI в., вывезенной изъ Филиппополя г. Сырку, и въ ркп. Имп. Публ. библ. Пог. № 1606, XVII в.[1]): похитителемъ является *Кипрскій царь* (Кипр.).

Царь, противникъ Соломона, посылающій пословъ къ его женѣ, увозитъ её съ ея собственнаго согласія. Фогтъ вноситъ эту подробность въ свою схему—изъ нѣмецкаго преданія, которому, будто-бы, не отвѣчаютъ славянскія (сл. р. LXIV). Это не совсѣмъ такъ. Для редакціи съ Китоврасомъ, которой я могъ пользоваться лишь въ текстѣ Пыпина, неполномъ въ эпизодѣ объ увозѣ, предположеніе Фогта подтверждается. Иначе въ текстахъ съ Поромъ и Кипрскимъ царемъ. Увозъ жены посломъ Китовраса такъ разсказанъ въ текстѣ Общ. Люб. Древн. Писменности: волхвъ, посланный Китоврасомъ, является въ Соломоново царство въ образѣ купца; Соломонъ прельщается царской порфирой, выставленной имъ на показъ, «и повеле ея в'зяти к' себе в' казну и приказалъ за нея денги выдать. И рече Соломонъ гостю: купче, будь заутра ѿобѣдать. Волхвъ удари челомъ црю и поиде на карабль радуяся; — утру-же день пріиде волхвъ же той ко црю Соломону ко ѡбеду (пріиде); црь же Соломонъ повеле посадити в' честне месте и дая ему великую честь. *Волхвъ же той пирова у цря Соломона и ѡмрачи его и вся люди его и поиде во цревы полаты и напусти на жену его сонъ великъ и на всехъ прѣстоящихъ ту и в'зя ея црицу на руки и ѿнесе ея въ корабль свой*, и принесши ея црцу и положи в' корабли. И скоро ѿидоша волхвъ во свой гра. *Во утриже пробудися црца уже в' корабле спяща и нача ея утешати лукавыми своими словесы*. И прїиде волхвъ ко црю Китоврасу и дая ему Соломонову жену; црь-же Китоврасъ нача волхва чтити и дарити. И в'скоре уведа црь Соломонъ, что жена его въ Лукорье у цря Китовраса, и собра црь Соломонъ войско свое великое и поиде на цря Китовраса и пріиде близъ его цртва и нача разъ-

[1]) Текстъ послѣдней печатается нами въ Приложеніи № 1.

мышлати себе: Аще поиду на ц҃ра Китовраса, и онъ во граде своемъ запре̃са; и умысливъ тако во уме своемъ ц҃рь Соломонъ сна гуню со старца нища, и поиде ц҃рь Соломонъ во гра̑ нищенскимъ образомъ милостины збирати и вза с҆ собою малую трубку (на поляхъ: рожекъ ѡвенъ) и приказа войску своему: Храбры мои юноши, слушайте гласа моего: аще-ли а заиграю в҆ трубку, и вы будите вси воѡружены; аще-ли во вторый а вострублю и т. д. [1]).

Иначе разсказанъ увозъ царицы въ редакціяхъ не знающихъ Китовраса; здѣсь онъ развитъ подробно и съ нѣкоторыми новыми чертами, обличающими общій источникъ. Я приведу для сравненія отрывки текстовъ второй и третьей редакцій. Посланникъ царя *соблазняетъ жену Соломона* подарками. Она спрашиваетъ его:

«Есть-ли у вашего царя царица? — И посланникъ рече: «нашь царь Поръ пытаетъ себѣ царицы, и мѣсто ей уготованно на вѣтренномъ обходѣ царствовати и *звѣзды на небѣ считати* и мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ». И рече царица Соломонова: «азъ иду за вашего царя Пора премудраго» (Поръ. Сл. С. и К. р. 232).

«Да царица вашего царя каково рухо носить? Исполинъ рече: Нашь царь царицу не имать, понеже не обрѣтаеть тоговѣ красотѣ прилика, нь аще поиметь царицу, оуготоваль есть полатоу *да съ звѣздами играеть.* Царица въ тайнѣ рече ему: Да хотѣль ли бы менѣ вьзети?» (Кипр. по ркп. Сырку).

Въ нѣмецкихъ пересказахъ царь подсылаетъ къ Соломоновой женѣ шпильмана или двухъ шпильмановъ; въ русскихъ текстахъ редакціи съ Поромъ: княженецкаго слугу, пословъ, либо гостя Пашу съ царевымъ бояриномъ (С. и К. 231). Иначе въ по-

---

[1]) Далѣе оба текста совпадаютъ. Попытка (С. и К. 221) восполнить пробѣлъ текста, напечатаннаго Пыпинымъ, при помощи сходныхъ повѣстей о Порѣ, симъ устраняется.

вѣсти о Китоврасѣ: здѣсь посланнымъ является какой-то *волхвъ*, и я полагаю, что такъ могло быть и въ первоисточникѣ редакціи съ Кипрскимъ царемъ: въ подлинникѣ могло стоять *влъхвъ*, что ближайшій перепищикъ исказилъ въ *волотъ*, а слѣдующій перевелъ *исполиномъ*. Такъ именно въ разсказѣ филиппопольской рукописи (и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ петербургскаго списка) «и обрѣтеся исполинъ ѐдинь и вьзеть многоцѣнное каменіе и бисерь.... и принесе вь землю Соломоновоу». — О шпильманахъ говорится въ короткомъ пересказѣ Діалоговъ, что они знали «die kunst von czauberien» (v. d. Hagen 1630); въ строфической поэмѣ волхву отвѣчаетъ дядя короля Фора:

93 Ein heiden der hiez Elîas,
der zouberliste ein meister was,
Fôre was sîn ôheim;
er wirkt mit zouberlisten
in ein vingerlîn einen stein,

и кольцо это посылаетъ Фору, находившемуся въ плѣну у Соломона; имъ онъ и склоняетъ царицу къ любви. Если мы припомнимъ, что плѣнъ Фора въ строфической поэмѣ — черта поздняя, и что въ ея источникѣ Форъ оставался у себя и дѣйствовалъ посредствомъ посла, такимъ могъ являться волхвъ Илія, отвѣчающій волхву нашихъ повѣстей. Память о такой именно его роли, можетъ быть, сохранилась въ новомъ составѣ поэмы: когда Fôre подошелъ съ войскомъ къ Іерусалиму съ требованіемъ отдать ему Соломею, онъ посылаетъ къ Соломону *посла*, герцога *Eliân'a*. Eliân дифференцированъ изъ Elias, посольство перенесено въ другой эпизодъ поэмы, новаго происхожденія: походъ подъ Іерусалимъ долженъ былъ приготовить плѣнъ Фора у Соломона.

Въ пересказѣ Діалоговъ Морольфъ испытываетъ точно-ли умерла царица, погруженная въ волшебный сонъ, и съ этой цѣлью льетъ ей на руку растопленный свинецъ. Отправляясь на поиски, онъ одѣвается купцомъ:

Eme wart eyn karin, als er hatte geseyt,
Von hentschuwen und kramgewant,
Damydde er fur yn dem land (v. s. Hagen v. 1722—4).

Царица приходитъ посмотрѣть на его товаръ:

Da sie die hentschuwe begunde sehen,
Daruff begonde Morolff spehen,
Da ging ir das loch durch die hant,
Das yr das bly hatte gebrant (l. c. 1755—8).

Морольфъ доволенъ этимъ открытіемъ, онъ распродаетъ свой товаръ по дешевой цѣнѣ и тотчасъ-же возвращается къ Соломону.

Тѣ-же подробности въ русскихъ повѣстяхъ съ Поромъ: тоже прожженіе руки царицы, — испытаніе, которому подвергаетъ её самъ Соломонъ, дѣйствующій такъ иногда по совѣту Давида, недовѣрявшаго снохѣ. Когда царица увезена, Соломонъ снаряжаетъ пословъ во всѣ окрестные грады и страны; онъ даетъ имъ драгоцѣнныя руковицы, «узорочье на нихъ златомъ и сребромъ сотворено хитро»; онъ зналъ, что царица до нихъ великая охотница. Или онъ прямо шлетъ посла въ царство Порово и даетъ ему съ собою «златъ вѣнокъ жемчюгомъ усаженъ и золотъ рукавокъ [съ] самоцвѣтнымъ каменемъ». Этотъ рукавокъ или вѣнокъ доставляетъ посланнику Соломона, который выдаетъ себя прохожимъ человѣкомъ, доступъ къ царицѣ; онъ её тотчасъ-же призналъ по прожженному знаку на рукѣ, и, вернувшись, сообщаетъ обо всемъ Соломону (С. и К. 232—4).

Основной типъ разсказа былъ очевидно такой: посланникъ Соломона отправлялся на поиски въ образѣ купца; рукавицы взяты имъ съ умысломъ, потому что, примѣряя ихъ, царица обнаружила бы извѣстный знакъ на рукѣ. Если въ русскихъ повѣстяхъ (Поръ) драгоцѣнныя руковицы являются уже въ числѣ диковинокъ, которыми посолъ Пора соблазняетъ Соломонову жену, то здѣсь произошло простое перенесеніе подробностей: въ редакціи съ Китоврасомъ его посолъ — волхвъ, являющійся въ Іерусалимъ въ образѣ купца, кажетъ царицѣ царскую пор-

иру (С. и К. 232 и 220).—Далѣе пошло искаженіе основнаго сказанія въ нѣмецкой строфической поэмѣ: тоже испытаніе обмершей царицы (Морольфъ льетъ ей на руку растопленное золото, str. 133); она увезена, и Морольфъ, отправившись за нею, встрѣчается съ нею впервые въ образѣ паломника (str. 185; сл. 204) [1]), играетъ съ ней въ шахматы (str. 225 sqq.): эпизодъ, насильственно введенный въ поэму и полный противорѣчій. Его очевидная цѣль — дать Морольфу возможность признать царицу по знаку на рукѣ, — достигается послѣ цѣлаго ряда совсѣмъ не нужныхъ подробностей, и, что всего интереснѣе, редакторъ поэмы случайно сохранилъ въ своемъ разсказѣ одну черту, обличающую его первоисточникъ. Морольфъ давно играетъ съ царицей,

247 Allerêrst sach er ir durch die hant,
dâ er sie [mit dem golde] hette durch gebrant;
da die sunne durch den hentschůch schein,
allerêrst bekante er si rechte.
er slug ir noch einen stein.

Перчатка относится, очевидно, къ Морольфу, переодѣтому купцомъ: эпизоду, который авторъ поэмы замѣнилъ, довольно нескладно, другимъ. Что до Морольфа, являющагося торговцемъ (krêmer str. 708 sqq.) въ отдѣлѣ, посвященномъ Принціану, то онъ едва-ли имѣетъ традиціонное значеніе.

Еще одна подробность въ схемѣ Фогта обращаетъ на себя вниманіе. Византійская повѣсть, предположенная имъ, кончалась повѣшеніемъ похитителя и невѣрной жены на той самой висѣлицѣ, которая предназначалась Соломону. Если въ строфической поэмѣ повѣшеннымъ является лишь царь Pharo, то потому, вѣроятно, что авторъ сберегъ Соломею для новой невѣрности и казнь ея отсрочилъ. Но эта казнь другая: Соломонъ велитъ приготовить баню, куда ввели Соломею, и исполнителемъ казни является Морольфъ:

---

[1]) Съ стр. 185 vv. 4—5 сл. стр. 666 vv. 3—4. Обличаетъ-ли такое дословное повтореніе одного автора обѣихъ частей поэмы?

777 Dar în ging die frowe wolgetân,
fur sie kniete der listige man,
an der riemenâdern er ir lie,
er drukte sie sô lîse,
daz ir die sêle ûz gie.

Сравненіе съ пересказомъ Діалоговъ даетъ право заключить, что введеніе въ поэму эпизода о Принціанѣ разставило по разнымъ мѣстамъ обѣ казни, слѣдовавшія непосредственно другъ за другомъ. Въ пересказѣ Діалоговъ царь похититель погибаетъ вмѣстѣ съ другими подъ висѣлицей; не говорится, что онъ самъ повѣшенъ, можетъ быть, единственно благодаря краткому изложенію текста; Соломонова жена отправлена въ Іудейскую землю:

Man liesz ir in eyme bade;
Morolff das begade,
Das sie in dem bade starb:
Ir wart gelonet darnoch sie warb (v. d. Hagen v. 1845 sqq.).

Противъ этого согласія нѣмецкихъ сказаній русскія, дотолѣ извѣстныя, представляли иную редакцію смерти: въ текстѣ съ Китоврасомъ Соломонъ велитъ повѣсить его, невѣрную жену и волхва; въ текстѣ съ Поромъ повѣшенъ онъ самъ, царица и палачъ (пилатъ); либо Поръ, жена и ихъ дѣтище; въ одномъ пересказѣ повѣшены: царь, его послы (бояринъ и гость Паша), а царица размыкана жеребцомъ, къ которому её привязали (С. и К. 223, 236—7 и прим. 1 на стр. 237). Фогтъ (р. LXIII) находитъ въ казни Саломеи, какъ передаютъ её нѣмецкіе разсказы, неудачную попытку смягчить суровое наказаніе повѣшеніемъ, стоявшее въ древней сагѣ. Интересно замѣтить, что это смягченіе не принадлежитъ спеціально нѣмецкимъ текстамъ, а находилось, вѣроятно, уже въ ихъ оригиналѣ. Въ повѣсти Кипр., вообще вносящей новыя данныя въ вопросъ о соломоновской сагѣ, эпизодъ о казни разсказывается такимъ образомъ: Соломонъ проситъ повѣсить его на «дъбѣ велицѣ» (см. дерево вмѣсто висѣлицы въ соотвѣтствующемъ отрывкѣ Bastard de Buillon); ему позволяютъ потрубить, даютъ «трубу осмогласну», и онъ трубитъ

десять (?) разъ. Слѣдуетъ появленіе Соломонова войска и расправа съ виновными. «Царь рече: «Ей, Господи, даждь мнѣ сладкую смерть!» *И тако поусти ему кръвь* (т. е. Соломонъ) *на вьсехъ жилахъ его и оумрѣ сладко. А царицоу свеза фаріамь за ноѕѣ и растръзахоу ею»* (ркп. Сыркў) [1]).

Предъидущія замѣчанія убѣдили, какъ мнѣ кажется, что прежде чѣмъ пытаться возстановлять схему древнѣйшей византійской повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены, полезно было-бы разобраться въ дошедшихъ до насъ текстахъ сказанія, преимущественно славяно-русскихъ, свести ихъ къ нѣсколькимъ группамъ и затѣмъ попытаться опредѣлить ихъ ближайшіе типы. Эти типы дали-бы, быть можетъ, матеріалъ для построенія генеалогическаго древа, въ корнѣ котораго мы нашли-бы искомую византійскую повѣсть — или нѣсколько повѣстей, въ чемъ я не увѣренъ. Во всякомъ случаѣ такая работа выяснила-бы кое-что изъ исторіи Соломоновской легенды, *непосредственно* лежащей за сохранившимися до насъ текстами. Я попытаюсь указать на небольшомъ количествѣ фактовъ, что ожидать такого результата возможно, и болѣе прочнаго, чѣмъ тотъ, который я пока въ состояніи предложить лишь въ видѣ догадки.

Въ нѣмецкой строфической поэмѣ Соломонъ увлекаетъ себѣ жену насильно: она родомъ изъ Индіи (von Endiân str. 2),

3. *Ir vater hiez Cypriân.*
Salmân si im uber sînen danc nam,
er fůrte si uber den wilden sê,
er hete si gewalticlîche
ûf der gůten burg zů Jerusalê.

---

[1]) Текстъ Кипрской легенды въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погод. № 1606, вообще сходный съ филиппопольскимъ и лишь подновляющій его языкъ (бѣлѣгъ — знамя, прѣбѣгъ — воинъ и т. п.) расходится съ нимъ послѣ разсказа о казни царя («пусти ему кровь изо всѣхъ жилъ, и тако мало страдавъ и умре»): тогда какъ филиппопольскій текстъ говоритъ въ двухъ словахъ о смерти царицы, растерзанной конями, погодинскій замѣняетъ эту казнь повѣшеніемъ и вводитъ передъ тѣмъ разговоръ Соломона съ его женою.

Славяно-русскія повѣсти совершенно не знаютъ о такомъ насильственномъ увозѣ у отца. Въ Палеѣ есть эпизодъ, который я пытался объяснить въ другой связи (сл. С. и К. прим. 1 на стр. 217—220 и 350): *Соломонъ проситъ руки царевны*, «*и не даше за него*. И рече Соломонь бѣсомъ: Идите и возмите царицю ту и приведите ю къ мнѣ. Бѣси-же шедше похитиша ю на переходѣ, идущю отъ полатъ отъ матери, и всадиша ю въ сан'далъ *и помчаша ю по морю*». На пути она видитъ разныя диковинки: мужа, бродящаго въ водѣ и просящаго напиться, двухъ козловъ, ходящихъ за косцемъ и поѣдающихъ всё, что онъ ни накоситъ и т. п. Иносказательное толкованіе этимъ видѣніямъ даетъ Соломонъ уже по пріѣздѣ къ нему царевны. «И такъ бысть ему жена».

Cyprîân еще разъ является въ поэмѣ (str. 32—34): когда Fôre собрался на Іерусалимъ съ цѣлью достать Саломею, Cyprîân жалуется ему на насильственное похищеніе своей дочери Соломономъ и обѣщаетъ Фору военную помощь. — Такъ какъ походъ Фора, по всей вѣроятности, введенъ впервые въ разсказъ авторомъ строфической поэмы, то ставится вопросъ, въ какой роли являлся *Cyprîân* въ ея источникѣ? Его имя едва-ли слѣдуетъ отдѣлять отъ *Кипрскаго царя*, являющагося въ текстѣ Кипр. въ роли похитителя соломоновой жены: на сценѣ «царь *Купрьски*» или «Кипрскій», «*Купрь*», «*земля Купрьская*», гдѣ стоитъ городъ Афь (только въ текстѣ Сырку); раздѣлавшись съ похитителемъ, Соломонъ «*прѣе землю Кыпрьскую*». Cyprîân = кипрскій царь бросаетъ свѣтъ на географическую подробность одного русскаго пѣсеннаго пересказа объ увозѣ Соломоновой жены[1]), гдѣ въ роли

[1]) Рыбниковъ, Пѣсни, II, № 53. Къ литературѣ такихъ народныхъ, пѣсенныхъ и прозаическихъ пересказовъ, приведенной въ моей книгѣ, слѣдуетъ прибавить: Рыбн. Пѣсни IV, № 18 (варіанты къ III, № 56); Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи, р. 21—25 (Старина про Василья Окульева); Драгомановъ, Малор. народн. преданія и разсказы стр. 103—5 (царь Соломонъ и жена его).

Пора-Fôre является прекрасный царь Василій Окульевичъ, царящій въ поганомъ царствѣ *Кудріанскомъ*, за славнымъ за синимъ моремъ. Эпитетъ *Кудріанскій*, встрѣтившійся мнѣ лишь въ этомъ мѣстѣ, имя царя мучителя св. Георгія въ нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ стихахъ: *Кудріанище*, *Кудрянище* [1]) — можетъ быть, ни что иное, какъ народное пріуроченіе менѣе понятныхъ: *куприянинь, купранинъ, купраньскъ* (сл. сирıаньскъ). Сл. Cyprîan.

Для послѣдующаго важно введеніе къ легендѣ Кипр., которое мы сообщаемъ въ текстѣ г. Сырку. «Бѣше Соломонъ царь прѣмудрь, сынъ Давида царя и пророка Господня, и обладаше вьсу землю, имаше веліа дѣла о себѣ, *хождаше яко единъ прѣбѣгь строющисе къ въсѣмъ царемъ и бледоваше сь женами прѣвеми й възимаше бѣлѣгь ѡтъ царицу, и егда отхаждаше въ свою землю, поущаше имь бѣлѣгь, иже възимаше отъ жены ихъ.* И тако твораше вьсѣмъ царемь и ругашеся имь. Давидь црь рече: О Соломоне, поими себѣ жену, не твори тако. Соломонъ рече: Аще не обрѣщу себѣ прилику, иноу не поимоу. И ѡбрѣте женоу вь Пер'сихъ вьсего свѣта лѣпшую. И (е)гда приведе ю вь домь свои, и виде ю Давидь царь и рече Соломоноу: Вь истьну сіа лѣпота много скан'далоу оучинить! Соломонъ рече: Отче, какову скандалу оучинить? где обрещеть подобра отъ мене? Азъ есмь царемь (царь?), азь мудрь отъ вьсего свѣта, азъ лѣпши. — Давидь рече: О сыну Соломоне, коа лѣпота нѣсть прилична кь людемъ, то дѣла неприлична сьтворить». Слѣдуетъ непосредственно разсказъ о томъ, какъ Кипрскій царь задумалъ взять себѣ Соломонову жену. О какихъ-бы то ни было предъидущихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ рѣчи, и не видно также, чтобъ Соломонъ увлекъ свою жену насильно. Разсказывается, что передъ тѣмъ онъ являлся къ разнымъ царямъ, «*яко единъ прѣбѣгь*», transfuga, αὐτόμολος, соблазнялъ ихъ женъ, и, взявши отъ нихъ какое нибудь

[1]) Безсоновъ, Калѣки I, стр. 468 sqq. № 107.

знаменіе, *бѣлгъ*, посылалъ его потомъ ихъ мужьямъ, глумяся надъ ними.

Эти подробности важны въ связи съ другими, являющимися въ русскихъ повѣстяхъ о Соломонѣ и Порѣ; въ моемъ изслѣдованіи (С. и К. 230) я обратилъ на нихъ слишкомъ мало вниманія. Въ одномъ пересказѣ (Тихонравовъ № II), соединяющемъ повѣсть объ увозѣ съ разсказомъ о дѣтствѣ Соломона, царевичъ, заброшенный по проискамъ своей матери, возрастаетъ среди крестьянскихъ дѣтей, проявляя свой рѣдкій разумъ мудрыми судами; оттого его и зовутъ Разумникомъ. Онъ является въ Индію богатую, къ царю Пору, и говоритъ: «азъ изъ (за) теплаго моря крестьянскія вѣси сынъ дворянскій, а имя мое — Разумникъ нарицаюся. — И царь Поръ, видя красоту лица его и мудрость, и повелѣ ему быти у царицы своей въ кравчихъ. И царица, видя Соломонову мудрость и красоту лица его, и нача его любити.... И даде ему перстень златой мужа своего, Пора царя. Взя Соломонъ перстень у царицы, сотвори съ нею грѣхъ и живяше по своей воли.... Устрои корабль тайно и поѣде кораблемъ на теплое море, а царицѣ велѣлъ ожидать себя вскорѣ». — Перстень далѣе забытъ; позднѣе Соломонъ, по совѣту Давида, женится на дочери цареградскаго царя Вотоломона (вар. ркп. Барсова: Волотономона; Волотъ бесѣды Іерусалимской; Волотъ, Волотоманъ, Волонтоманъ, Молотоминъ и т. д. духовнаго стиха о Голубиной книгѣ), Соломонихѣ (Соломонида въ Іерусал. Бесѣдѣ; Саламидія, Саломонидія, въ дух. стихѣ о Голуб. кн.), которую увозитъ не Поръ, а «нѣкій царь», за котораго супруга Соломона «желала прежде замужъ, [когда] *ей бывшей дѣвицей сущей*».

Значеніе перстня выясняется изъ другаго пересказа повѣсти (Тихонравовъ № I; сл. текстъ Пыпина): Соломонову царицу увозитъ Поръ, который самъ извѣщаетъ о томъ Соломона: «Нѣ въ кое лѣто присылалъ еси ко мнѣ посла своего и *перстень златой въ дарѣхъ и съ царицею моею пребылъ* [*и*] *въ моемъ царствѣ;* а нынѣ я съ твоею царицею пребываю: твоя царица у меня нынѣ увезена, у царя Пора въ царствѣ». — Сличеніе съ № II

Тихонрав. позволяетъ возстановить слѣдующимъ образомъ разсказъ о перстнѣ: Соломонъ, явившись скитальцемъ, бѣглецомъ (прѣбѣгъ) въ Порово царство, соблазняетъ его жену, беретъ у нея перстень, подаренный ей мужемъ, и вернувшись въ Іерусалимъ, посылаетъ этотъ перстень Пору, какъ знаменіе, *бѣлѣгъ* своего пребыванія съ царицей [1]). Не этимъ-ли мотивировался увозъ Соломоновой жены именно Поромъ? Или Поръ первоначально былъ заинтересованъ въ мести лишь на столько, на сколько Cyprïân, дочь котораго увлекъ Соломонъ, а похитителемъ являлся другой царь, за котораго первоначально желала выйти Соломонова жена? Въ Bastars de Buillon Ludie любитъ и просватана за Корсабрина, у котораго Бодуэнъ = Соломонъ отбиваетъ невѣсту; этимъ объясняется невѣрность Ludie, убѣгающей къ Корсабрину; бѣгство могло подставиться позднѣе на мѣсто увоза.

Разсмотримъ въ заключеніи тѣ португальскія повѣсти, № I—II, которыя недавно были привлечены къ изученію Соломоновскаго сказанія. Ихъ взаимныя отношенія я понимаю такъ, что № I сохранилъ лишь вторую половину сказанія, которую № II представляетъ въ цѣломъ составѣ, и, вѣроятно, съ измѣненіями.

1. (№ II) Король Рамиро (= Соломонъ) похищаетъ (будучи уже женатымъ) прекрасную сестру мавританскаго царя Alboazare Alboçadam (№ 1: Abencadão), съ помощію своего астролога Aaman'а. Онъ окрестилъ её и далъ ей имя Artiga, «que queria tanto dizer naquell tempo castigada e emsinada e comprida de todollos beens». — № 1, не знающій этого эпизода, даетъ имя Ortiga'и дѣвушкѣ, съ которой встрѣчается у колодца Ramiro,

---

[1]) Эпизодъ о перстнѣ въ нѣмецкой поэмѣ, въ отдѣлѣ Принціана, имѣетъ лишь отдаленное сходство съ разобраннымъ нами: Соломея отдаетъ Принціану перстень, подаренный ей мужемъ; Принціанъ даритъ его Морольфу, который и приноситъ его Соломону въ доказательство невѣрности его жены.

явившійся за своей женой; въ № II имя этой дѣвушки Perona; мнѣ представляется вѣроятнымъ, что имя Ortiga=Artiga зашло въ № I изъ болѣе полнаго сказанія, и попало не въ свое мѣсто.— Въ отместку за этотъ увозъ

2. (II и I) маврскій король похищаетъ жену Рамиро, который отправляется добывать её на галерахъ, покрытыхъ зеленою тканью, чтобы легче было укрыть ихъ у зеленыхъ береговъ. Его войско должно поджидать его въ лѣсу и выйти къ нему не иначе, какъ услушавъ призывный звукъ его рога. Самъ же онъ отправляется впередъ — и происходитъ та сцена у колодца и разговоръ съ женою, которые сообщены были выше. Царица велитъ запереть его въ особый покой, пока не явится мавръ, который спрашиваетъ плѣнника, что-бы онъ сдѣлалъ съ нимъ, еслибы онъ попался въ его руки. Отвѣтъ Ramiro въ № I ближе къ типу соломоновскихъ повѣстей, чѣмъ въ № II: eu.... abrera portas do meu curral e faria chamar todas as minhas gentes que viessem ver como morrias, e faria te sobir a um padrão e faria te tanger o corno atè que te hi sahice o folego. Въ № II Ramiro говоритъ, что самъ пришелъ отдаться въ руки врага и проситъ позорной смерти, по совѣту духовника, которому покаялся въ своемъ проступкѣ: что увезъ сестру человѣка, съ которымъ держалъ дружбу. Что жена настаиваетъ на смерти Рамиро (№ II) — несомнѣнно древняя черта. Мавръ соглашается казнить Ramiro, какъ онъ самъ того пожелалъ; Ramiro принимается трубить, и его войско спѣшитъ къ нему на помощь. Происходитъ общее избіеніе мавровъ, а царицу Ramiro беретъ съ собою на корабль и, привязавъ ей на шею жерновъ, бросаетъ въ море.

Соображая все сказанное на предъидущихъ страницахъ, я считаю возможнымъ предположить за нѣмецкой строфической поэмой и русскими повѣстями (о Порѣ и Кипрскомъ царѣ) такую редакцію Соломоновскаго сказанія:

1. Соломонъ увозитъ невѣсту (русск.; Bast. de Buillon), дочь (нѣм. поэма), сестру (португ.) другаго (соблазнилъ жену, русск.).

2. Его собственная жена похищена царемъ-язычникомъ.

3. Онъ отправляется за нею и добываетъ её. Сцена подъ висѣлицей.

При близкомъ сходствѣ содержанія, какое представляется между соломоновской повѣстью и нѣмецкой поэмой о королѣ Ротерѣ, можно допустить, что на основу послѣдней (сл. пересказъ Тидрексаги) повліяла подобная-же эпическая схема, въ которой я удержалъ имена поэмы:

1. Дочь константинопольскаго императора просватана за какого-то царя (Базилистія).

2. Ротеръ её увозитъ.

3. Ея отецъ (и женихъ) похищаютъ её у Ротера, который

4. Отправляется добывать её. Сцена подъ висѣлицей.

Если внести въ это содержаніе ту черту, что будущая жена похитителя увезена имъ съ ея собственнаго согласія и по любви (Тидрексага), схема по необходимости измѣнится — въ смыслѣ извѣстной намъ поэмы о Ротерѣ: она начнется съ № 2 (увозъ дѣвушки Ротеромъ) и 3-го (обратное похищеніе, устроенное отцемъ); № 1 пріурочится далѣе такимъ образомъ, что отецъ, дотолѣ не желавшій выдавать дочери и даже убивавшій всѣхъ сватовъ (v. 83, 328 sqq.), *теперь именно* принужденъ просватать её за другаго (Базилистія); № 4 останется на мѣстѣ. При такой (предполагаемой) перетасовкѣ содержанія становится понятнымъ, что Ротеръ еще не знаетъ своей будущей жены и поэма открывается совѣтомъ дружины

v. 27 daz er ein wîp nême,
de ime zû vrouwen gezême.

Нѣмецкія и русскія сказанія, сохранившія лишь отрывочныя памяти о предъидущей исторіи Соломеи, могли начинать съ того-же: какъ Fôre совѣтуется съ своими, какъ достать себѣ жену красавицу и сверстницу (str. 24—5), такъ и «красный и наличный царь» въ № III у Тихонравова и во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ пѣсенныхъ пересказахъ, становящихся особо отъ прозаиче-

скихъ повѣстей именемъ царя-похитителя: Василій Окульевичъ, Окуловичъ. Рукописныхъ текстовъ съ этимъ именемъ я не встрѣчалъ; Василій обыкновенно называется «*прекраснымъ* царемъ»; «не было.... на красоту Василья царя Окульева», говорится въ одномъ пересказѣ (Ефименко). Сл. начало Тихонр. III: «Бысть въ нѣкоемъ царьствѣ царь славенъ зѣло, величаше себе славою, называя себе *красный и наличный царь*»; замѣтимъ, что этотъ текстъ также начинается совѣщаніемъ царя о невѣстѣ. Можетъ быть, Василій былъ выведенъ изъ нарицательнаго *царь:* βασιλεύς, какъ въ другихъ случаяхъ имя Василида отразилось нарицательнымъ: царь [1]). — Отчество Окульевичъ я объяснить не рѣшаюсь; очень вѣроятно, что и оно привело бы насъ къ предположенію далекаго византійскаго оригинала.

Сказанія объ увозѣ Соломоновой жены, доселѣ разсмотрѣнныя, могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ типамъ, ближайшее генеалогическое соотношеніе которыхъ еще предстоитъ опредѣлить.

1. Какой-то царь похищаетъ Соломонову жену: братъ Соломона? (Соломонъ и Китоврасъ).

2. *Соломонъ самъ похищаетъ жену; обратный увозъ представлялся отместкой; похититель былъ раньше знакомъ съ Соломоновой женой. — Указанія на существованіе подобной редакціи собраны выше; къ ней примыкаютъ

3. русскія повѣсти о Порѣ и нѣмецкая строфическая поэма, въ которой раннее знакомство Fôre съ Соломеей выражено новымъ эпизодомъ: плѣномъ Fôre.

4. На послѣдней степени развитія являются русскія пѣсни о прекрасномъ царѣ и ихъ предполагаемый источникъ.

---

[1]) Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 142.

III.

Особо отъ повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены сохранилась въ европейскихъ пересказахъ и талмудическая сага о Соломонѣ и демонѣ, относительно которой легенды объ увозѣ стоятъ уже на второй степени развитія. Я разумѣю распространенные въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и пріуроченіяхъ разсказы о царѣ, наказанномъ за свою гордость, типомъ которыхъ служитъ обыкновенно повѣсть Римскихъ Дѣяній о цесарѣ Іовиніанѣ [1]. Я не знаю, почему Бенфей [2]) считаетъ нужнымъ предположить между талмудической сагой и ея европейскими отраженіями посредство мусульманскаго пересказа. Это едва-ли нужно, а для одной славянской разновидности сказанія, о которой будетъ рѣчь далѣе, даже невозможно.

Мнѣ извѣстны два пересказа талмудической легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ [3]), которые отличаются другъ отъ друга одной эпизодическою подробностью. Соломонъ хочетъ испытать силу плѣннаго демона, который отвѣчаетъ ему: «Сними съ меня цѣпь и дай твой перстень, и я покажу тебѣ мое могущество и возвеличу надъ всѣми людьми». Только что Соломонъ исполнилъ его желаніе, какъ Асмодей выросъ исполиномъ, одно крыло (или нога) упирается въ небо, другое въ землю. Онъ проглотилъ Соломона и извергнулъ за 400 парасанговъ отъ себя: тамъ Соломонъ осужденъ нищенствовать три года, никѣмъ не узнанный, *въ наказаніе за гордость и роскошь и нарушеніе трехъ обѣтовъ*, ибо сказано: «да не умножитъ себѣ коней.... и да не умножитъ себѣ женъ, да не превратится сердце его: и сребра и злата да не умножитъ

---

[1]) Объ ея до-талмудическихъ источникахъ см. С. и К. р. 40—49.

[2]) Pantschatantra, I, 130.

[3]) С. и К. 105—111; сл. тамъ-же библіографію; мусульманская легенда ib. 131—133.

себѣ зѣло» (Второз. 17 ст. 16, 17). Между тѣмъ Асмодей, принявъ образъ Соломона, возсѣлъ на его престолѣ и царствуетъ, пока не возбудилъ сомнѣнія въ членахъ Синедріона, которые, разыскавъ царя, отдали ему перстень и цѣпь, похищенные у демона; увидѣвъ ихъ въ рукахъ Соломона, Асмодей улетѣлъ [1]).

По другому талмудическому преданію Асмодей забросилъ Соломона далеко въ землю язычниковъ, а его перстень кинулъ въ море. По прошествіи трехъ лѣтъ Господь смиловался надъ Соломономъ ради отца его Давида и для того, чтобы отъ Наамы, дочери царя Аммонитовъ, могъ родиться Мессія: онъ направилъ Соломона въ столицу Аммонитскаго царства, гдѣ онъ поступаетъ на царскую кухню и слюбился съ царской дочерью, Наамой. Связь открыта и влюбленные изгнаны въ пустыню; отправившись добывать себѣ пищу, Соломонъ купилъ рыбу, въ которой нашелъ свой перстень. Затѣмъ уже онъ идетъ въ Іерусалимъ и изгоняетъ Асмодея.

Какая-нибудь разновидность послѣдняго сказанія легла въ основу мусульманской легенды: о Соломонѣ и Сахрѣ (= Асмодеѣ). Причиной наказанія является — *идолопоклонство*, которое поселила съ собою во дворцѣ супруга Соломона, Джарада.

Европейскія повѣсти о гордомъ царѣ [2]) забыли имя Соломона, которое замѣняютъ другими: Іовиньянъ, Робертъ, Gorneus, Немвродъ (Anibrotto у Sercambi) и др.; наказаніе царя понято всюду, какъ его испытаніе, но демонъ замѣненъ ангеломъ и разсказу дана христіанская окраска. Въ Gesta Romanorum Іови-

---

[1]) Нѣсколько другой переводъ того-же талмудическаго разсказа см. у Vogt'а l. с. р. 216—7; редакція Палеи (приведенная тамъ-же въ переводѣ) сильно его сократила.

[2]) См. библіографію у Oesterley, Gesta Romanorum къ № 59; D'Ancona, Novelle di Giovanni Sercambi p. 293—8 (къ novella X); R. Köhler въ Jahrb. f. rom. und engl. Lit. XII, 407 sqq.; D'Ancona, Sacre Rappresentazioni III, 175 sqq. — Разсказъ Herrand'а von Wildonie недавно изданъ Kummer'омъ, Die poetischen Erzählungen des Herrand von Wildonie. (Wien, Hölder, 1880), p. 148—167.

ньянъ покаранъ за гордость, приведшую его къ кощунству: exaltatum est cor ejus ultra, quam credi potest, et in corde suo dixit: *Estne aliquis alius deus quam ego?* Въ одной группѣ примыкающихъ сюда сказаній (Stricker, Jehans de Condé, Sercambi, Robert of Cysille) вина царя опредѣлена ближе: за вечерней, когда пѣли псаломъ: Magnificat, его поразили слова: Deposuit potentes de sede et exaltavit humiles; онъ не можетъ помириться съ этой мыслью и запрещаетъ пѣть тотъ стихъ въ церкви, либо объявляетъ его неразумнымъ, какъ въ пересказѣ Herrand'a von Wildonie императоръ Горней обзываетъ лживымъ Евангеліе отъ Луки 14, 11: *ὅτι πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, καὶ ὁ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται.*

У Jehan de Condé, Stricker'a, Herrand von Wildonie, въ одной сѣверной легендѣ [1]) наказаніе постигаетъ царя при одинаковыхъ условіяхъ: онъ беретъ ванну, тогда ангелъ облекается въ его одежды и принимаетъ его образъ; иногда эта подробность мотивируется раскащиками (Herrand v. Wildonie, Sercambi), но такъ, что настоящее значеніе ея имъ самимъ, очевидно, представлялось загадочнымъ; у Sercambi и въ одной итальянской легендѣ XIV вѣка [2]), вѣроятно, подъ вліяніемъ Gesta, царь (Немвродъ у Sercambi) *ѣдетъ* съ большой свитой на купанье, присовѣтованное ему врачами.

R. Köhler [3]) сближаетъ съ этой чертой нѣкоторыя восточныя повѣсти, въ которыхъ, впрочемъ, эпизодъ о банѣ является въ нѣсколько иномъ значеніи. Можно предположить, что въ источникѣ указанной группы европейскихъ разсказовъ означенная подробность имѣла мѣсто. Преслѣдуя мысль, что такимъ источникомъ могла быть какая-нибудь Соломоновская легенда,

---

[1]) O. Cederschiöld, Eine alte Sammlung isländischer Aefintýri, въ Germania XXV, p. 132, № 7.

[2]) Due novelle morali d'autore anonimo del secolo XIV, ed. Zambrini. Bologna, Romagnoli p. 15 sqq.

[3]) R. Köhler, Der nackte König, въ Pfeiffer's Germania II: Der nackte König; сл. p. 432—4.

я указалъ при другомъ случаѣ (С. и К. 132 прим. 3) на апокрифическое сказаніе о Перстнѣ Соломона: царь обронилъ его, *когда купался въ Іорданѣ;* перстень проглотила рыба, рыбакъ принесъ её царю, который нашелъ въ ея желудкѣ потерянную драгоцѣнность. *Тогда къ нему снова вернулась его сила и мудрость*, оставившая его съ потерей перстня. Была-ли соединена съ этимъ и потеря образа, какъ въ легендѣ объ Асмодеѣ — я не знаю[1]), но это представляется вѣроятнымъ.

Предъидущіе разсказы сближаются въ одну группу своей завязкой: *баней*, не слѣдующими за тѣмъ подробностями, на столько расходящимися, что ихъ трудно привести къ одной общей всѣмъ схемѣ. — Отдѣльно отъ этой группы, по своей завязкѣ, стоитъ разсказъ Gesta Romanorum: императоръ отправляется на *охоту;* его одолѣлъ жаръ; увидѣвъ издали озеро (aquam latam), онъ велитъ своимъ спутникамъ обождать его, пока онъ *искупается*, а самъ скачетъ впередъ, раздѣлся на берегу и вошелъ въ воду. Въ это время подошелъ какой-то человѣкъ, во всемъ на него похожій, облекся въ его платье, сѣлъ на его коня и былъ принятъ свитой за императора, тогда какъ настоящаго никто болѣе не узнаетъ; его испытаніе началось.

Русская повѣсть о гордомъ царѣ, встрѣчающаяся въ спискахъ XVII вѣка, также привязываетъ наказаніе царя къ эпизоду охоты и купанья, но въ остальныхъ подробностяхъ представляетъ самостоятельный пересказъ преданія, отношенія котораго интересно изучить[2]).

Царь Аггей (Агей) царствуетъ во градѣ Филуменѣ (Филунѣ, Филуянѣ, -анѣ); однажды, когда онъ стоялъ въ церкви на литургіи и іерей прочелъ евангельскія слова: «богатіи обнищаша и

---

[1]) Содержаніе апокрифическаго разсказа изложено у Migne, Dictionnaire des apocryphes, II, p. 844, безъ указанія источника.

[2]) Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 196—197; Аѳанасьевъ, Народныя русскія легенды № 24 и прим. Въ приложеніи мы печатаемъ повѣсть объ Аггеѣ по списку XVII в. (Публ. библ. XVII, Q 79).

нищіи обогатѣша», царь разъярился и сказалъ: Писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда. Азъ есмь богатъ зѣло и славенъ, — како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Онъ велитъ выдрать тотъ листъ изъ евангелія, іерея посадить въ темницу, а самъ идетъ «въ домъ свой, и нача пити и ясти и веселитися». — Въ это время показался въ полѣ красивый олень, и царь бросается за нимъ, взявъ съ собою своихъ юношей: «Царь-же рече отрокомъ своимъ: Стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя. И гогна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: Уплы олень за рѣку — и поѣде съ юношами во градъ свой ко царицѣ. — Царь-же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ; и ста нагъ и весьма задумался».

Онъ встрѣчаетъ пастуховъ, у которыхъ спрашиваетъ, не видали-ли они его коня и платья, и когда назвалъ себя царемъ Аггеемъ, жестоко побитъ ими. — Торговые люди, увидя его нагаго, даютъ ему худую, разодранную одежду. Добравшись до своего города, онъ попросился ночевать у одной вдовы и разспрашиваетъ ее, кто у нихъ царемъ; та отвѣчаетъ, что Аггей и что царствуетъ 35 лѣтъ. «Онъ-же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою; онъ-же написася мужемъ ея, царемъ Аггеемъ». Та велитъ бить его кнутомъ нещадно, безъ царскаго вѣдома. «Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ-же поиде изъ града, плача и рыдая и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ, и каяся о томъ [попу], какъ похули святое евангеліе и како іерея въ темницу посадилъ». Между тѣмъ царица говоритъ «являющемуся во образѣ царя ангелу: Ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребы-

вати мимо тебя? — Царь-же рече ей: Обѣщаніе далъ Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить; — отыде отъ нея въ царскую свою палату».

А царь Аггей пришелъ въ незнаемый градъ, гдѣ нанялся работать къ крестьянину, который вскорѣ отказываетъ ему за его неумѣлость; присталъ къ нищимъ и дѣлаетъ на нихъ черную работу. Вмѣстѣ съ ними онъ является въ градъ Филуменъ, на царскій дворъ милостыни просить. «И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И како пиръ у царя разшелся, и бояра и гости всѣ разыдошася, ангелъ въ образѣ Аггея царя пріиде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь.... обѣдаетъ. «Вѣдаеши-ли ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть». — Другіе списки досказываютъ: Аггей «началъ царствовать по прежнему и зѣло милостивъ былъ ко всякому человѣку и благоугодно жилъ»; «царь Аггей опять сѣлъ на царство, разсказалъ свое похожденіе и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и взалкаютъ».

Вступительная сцена нашей повѣсти — глумленіе надъ словами Евангелія — сближаетъ её съ той группой разсказовъ, которые начинаются эпизодомъ *о банѣ;* слѣдующая за тѣмъ подробность: *объ охотѣ и купаньѣ* относитъ насъ, наоборотъ, къ типу Gesta Romanorum. Я не думаю, чтобы въ данномъ случаѣ слѣдовало предположить вліяніе переводныхъ Дѣяній, хотя въ рукописяхъ повѣсть объ Аггеѣ, по аналогіи съ разсказомъ объ Іовиньянѣ (G. R. № 59), встрѣчается иногда озаглавленной: «выписано изъ книги Римскихъ дѣлъ» (т. е. дѣй). Быть можетъ, сказаніе объ Аггеѣ вѣрнѣе сохранило въ своемъ планѣ (кощунство царя, купанье на охотѣ и слѣдующее за тѣмъ превращеніе) распорядокъ первоначальнаго оригинала, чѣмъ европейскіе пере-

сказы, подѣлившіе между собой его вступительные эпизоды (купанье на охотѣ — и баню). Въ такомъ случаѣ восточная параллель къ первой группѣ европейскихъ повѣстей («баня»), указанная Кёлеромъ, получила-бы значеніе аналогіи, не указанія на восточный подлинникъ этой именно разновидности саги.—Мы увидимъ, впрочемъ, далѣе, что существовало, по всей вѣроятности, еще одно типическое начало нашей повѣсти: баня — охота.

Въ слѣдующихъ подробностяхъ повѣсть объ Аггеѣ представляетъ болѣе сходства съ группой «баня», чѣмъ съ Gesta Romanorum. Царица спрашиваетъ въ нашемъ текстѣ у царя-ангела, почему онъ не сожительствуетъ съ нею, и тотъ отвѣчаетъ, что далъ на три года обѣтъ воздержанія. У Sercambi Anibrotto беретъ ванны, «perchè da'maestri li erano stati lodati, perchè di nuovo avea preso donna una jovana bella, lodandoli il bagno esser atto a far generare». Когда царь-ангелъ возвращается съ купанья, царица говоритъ ему: «Messere, voi siete omai stato tanto tempo al bagno, e solo per aver di me figliuoli, et ìo aspettatavi; che facciamo? — Lo re novello dice che i medici hanno detto che alcuno die aspettare si vuole, perchè il corpo sia d'ogni umidità purgato». — Важнѣе совпаденіе заключительной сцены русской повѣсти съ Dit du Magnificat. Аггей приходитъ съ нищими на царскій дворъ, гдѣ въ то время былъ великій пиръ; царь-ангелъ велитъ накормить ихъ, а мѣхоношу-Аггея посадить въ особую палату, куда является къ нему самъ, чтобы услышать отъ него его покаянное признаніе. Такъ и у Jehan de Condé: царь-нищій прибылъ въ толпѣ другихъ на царскій дворъ; царь-ангелъ зоветъ къ себѣ своего «aumonnier»;

v. 302 «Vois-tu», fait il, «ce poure la?
Du relief ne li donne rien,
Je li voel faire grignour bien,
Si le m'amainne ca par main,
Car donner li voel de ma main
Pour le plus mesaisie qu'i voie».

Бесѣдой ангела съ покаявшимся царемъ кончается легенда.

Заключительная сцена повѣсти объ Аггеѣ дала мнѣ поводъ (С. и К. 48—9 и 43—4) припомнить тѣ восточные разсказы о людяхъ, утратившихъ свой образъ, воспринятый другимъ лицомъ, — въ ряду которыхъ становится талмудическая легенда и ея отраженія. Въ Панчатантрѣ разсказывается о царѣ Мукундѣ, неотлучно державшемъ при себѣ горбатаго мужа. Министръ, приходившій къ нему на тайное совѣщаніе, заставалъ тамъ непремѣнно и горбатаго. Напрасно напоминалъ онъ царю мудрое изреченіе: что слышало шесть ушей, то не сохранится въ тайнѣ. Царь обыкновенно отвѣчалъ на это: Совсѣмъ нѣтъ — если при томъ былъ горбатый. Одинъ святой мужъ научаетъ царя заговору, силой котораго онъ могъ переселяться душою въ чужія тѣла. Вмѣстѣ съ царемъ научился ему и бывшій при немъ любимецъ. Однажды, когда оба были на охотѣ, они увидѣли въ лѣсу мертвое тѣло брахмана; царь пробуетъ надъ нимъ силу заговора, а горбатый улучаетъ время, чтобы войти въ тѣло царя, покинутое его душею. Такъ царь очутился брахманомъ, а горбатый царемъ. За него онъ и принятъ, когда вернулся домой, а брахманъ пошелъ себѣ странствовать. Между тѣмъ несвязныя рѣчи мнимаго царя возбуждаютъ въ царицѣ сомнѣнія, которыя она и сообщаетъ старику-министру. Онъ придумалъ средство, какъ разъискать истину: *начинаетъ кормить странную братію*, каждому умоетъ ноги и проговоритъ половину стиха: «Что слышало шесть ушей, не сохранится въ тайнѣ. Напротивъ, если при томъ былъ горбатый». — *Въ числѣ прочихъ странниковъ нашелся и бывшій царь — брахманъ;* на половину стиха, которую проговорилъ министръ, онъ отвѣчалъ второй половиной: «Горбатый становится царемъ, *царь — нищимъ и бродягой*». Такъ они узнали другъ друга. — Я не сообщаю развязку разсказа, насъ далѣе не интересующаго; укажу лишь на мотивъ кормленія странной братіи, что даетъ поводъ узнать царя; мотивъ, встрѣчающійся въ сказкѣ 1001 ночи (Weil', II, 311) и, вѣроятно, находившійся въ томъ отдаленномъ оригиналѣ, изъ котораго пошли, разными путями, Li Dis du Magnificat и русская повѣсть объ Аггеѣ.

Откуда взялось это имя? Сближая Аггея съ царемъ Асой слѣдующаго старо-славянскаго сказанія, я предположилъ [1]), что первое могло поставиться вмѣсто втораго, находившагося въ какой-нибудь южно-славянской легендѣ сходнаго содержанія. Въ самомъ дѣлѣ: Аггей русской притчи ничего не напоминаетъ, Аса — полонъ историческаго смысла и могъ явиться въ нашей притчѣ съ такимъ-же правомъ, съ какимъ фигурируетъ въ повѣсти, изданной Даничичемъ и являющейся особой редакціей притчи о гордомъ царѣ. Повѣсть эта сохранилась въ сербской рукописи начала XVI вѣка; ея оригиналъ предполагается болгарскій [2]).

«Бысть же по вьнєгда сконьчати се Авїи цароу їоудиноу, прѣеть царьство сынь его Аса, и толико ревьнитель показа се по законоу господьню и по прѣданїю Мωvсеовоу, ꙗко прѣвьзыде добродѣтѣльми Давида прѣотьца свωего, ꙗкоже обрѣштешти вь книꙅѣ царьстьвьной, ꙗко никтоже бысть ни прѣжде ни по томь вь Ісраилы ꙗко сь Аса царь, ꙗко и матерь свою Аньноу, дьштерь же авесаломлю, злочьствовавьшоу сьжеже ωгьнємь, ревьноуе по законоу господьню, ꙗкоже вь царьстьвьной книꙅѣ обрѣштеши. *и сь Аса царь вьсь сьвѣть женскы оумысли изети и небытїю прѣдати, ꙗкоже рече: вьса злоба на земли ωть жень proꙅебѣ, и мнωꙅи ωть силныихь жень падоше, ини же прѣльстише се, ꙗкоже Саѱонь великыи и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломωнь и по сихь мнωꙅи.* и сь Аса царь прочьть Аньны книгы матере Самоуила пророка, и ωбрѣть идѣже бѣ писано: да не хвалит се прѣмоудрыи прѣмоудростїю своею, и да не хвалит се богаты бога(ть)ствωмь своимь, и да не хвалит се силны силою своею; и прочьть насмїа се, *за нє бѣше вь малѣ неискоусань,* и повелѣ симь срокωмь тремь не стихологисати се вь црькви,

[1]) Разысканія въ области русск. духовн. стиха II: св. Георгій и т. д. стр. 133—4.

[2]) Сл. Starine, кн. IV, Daničić, Tri stare priče, p. 63 sqq.; нашу повѣсть см. на стр. 75—80.

ѩко ѡть жени соуть писаны, прирекь и се: Како бо моштьно есть не хвалит(и) се моудромоу о разоуме своемь или богатомоу о богатствѣ своемь или сильномоу о силѣ своеи? и пакы колико можеть неразоумьнаго вѣштъ сь моудрымь и неразоумньнымь? или колико можеть оубогы сь богатыимь, или немоштны сь сыльныимь? — И оумысли царь Аса сїе срокы тры изети ѡть сьборнаго писанїа». — Господь не хочетъ дать ему «погибноути вь коньць, Давида (sic) ради отьца его», и навелъ на него «за три сроке три дьни измѣнкнїе. И бысть вь нкгда вьзлѣшти цароу Асѣ на царьскыхь одрохь вь шести часъ ноштм, вь нкгда бѣ обычаи їереωмь до свѣта сьврьшити слоужьбы црьковные, бѣ бо и празникь потьченїе сѣньниць, и бѣ потьштанїе царево велико ω приготовлкныихь вь жрьтвыхь и на питенїе оубогыхь страньныихь и на всесьжеженїа. Царь же Аса обрѣт(е) се вь шестый часъ нωштїи вьнѣ града на гноишти поврьжень, ничтоже имы на себе тьчїю долноую ризу платьненьноу до колѣнь; и видѣвь себе тако рече: что се? еда сьнь есть? И вьзлѣгь пакы ѩко да заспить, и не вьзможе заспати до свѣта».

Насталъ день, и никто не признаетъ его, не обращается къ нему съ вопросомъ; самъ онъ стыдится спросить: кто царемъ въ этомъ городѣ? и не можетъ никуда пойти, стыдясь наготы своей. Онъ рѣшился остаться на гноищѣ, «доньдеже виждоу, боудет-ли приношенїе црьковьно и боудет-ли троубы їерейскые, ѩкоже обычаи есть троубити їереωмь на приношенїе и ѩко бѣзь цара не могоуть се сьтворити. И абые вьстроубише троубы їереискїе, и приношенїе разда се по обычаю, и останкыи раздѣлише се ништимь и страньнымь, и идѣ кьждо вь домь свои, и оубоѕы и страньныи вь своѩ, и царь вь царьскаа отиде, Аса же царь оста единь на гноишти прѣмоу градоу и царскыихь полатахь. И абые вьстроубише царьскые троубы, сѣд(е) бо царь по обычаю царьскомоу на обѣд(ѣ); царь же Аса рече: ниниѩ разоумѣхь ѩко (вь) мь(чь)тани(и) царь быль есьмь, и инь есть царь вь градѣ семь; азь что есьмь?».

Голодъ побуждаетъ его попросить хлѣба у «плетоплюта»,

который удивляется, что онъ просидѣлъ весь день на гноищѣ и не пошелъ въ городъ принять отъ рукъ іереевъ странническую пищу. Онъ спрашиваетъ Асу, откуда онъ и какимъ дѣломъ занимается, и когда тотъ не знаетъ, что отвѣтить, принимается его бить и хочетъ вести его въ темницу; царскіе слуги, шедшіе мимо, освободили его, признавъ въ немъ не иноплеменника и не «сходьника ѡтъ тоуждыихь странь», а Еврея, вѣроятно, проигравшагося: пусть идетъ и впредь ведетъ себя честно. — Аса вернулся на гноище, гдѣ и заночевалъ. На другой день, по шестому часу, когда трубы возвѣстили, что царь сидитъ за обѣдомъ, Аса отправляется на царскій дворъ, чтобы увидѣть, «кто царь есть сѣд(е)и на столе». Царя онъ не призналъ, а его самого не признали слуги; но бывшій архимагеръ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ, «кто есть сь царь сѣдеи на прѣстолѣ и како име емоу», отвѣчаетъ ему ударами, приговаривая: «проигравь ризы свое пришьль еси вь царьскаа, испитоуе кто есть царь вь Іер(о)с(о)лимѣ дьньсь!». — Аса снова идетъ на гноище, гдѣ провелъ два дня и двѣ ночи, страдая отъ голода, жажды и побоевъ. — Онъ рѣшается наняться къ усмошвецу, которому говоритъ, что его господинъ покинулъ его въ городѣ, больнаго, и теперь онъ, оставшись безъ одежды и пищи, желаетъ зарабатывать хлѣбъ свой. Усмошвецъ относится къ нему подозрительно («мнит ми се проиграль се еси вь игралишти и ризы свое погоуб(и)ль»), но принимаетъ его и велитъ женѣ накормить его вдоволь. Аса съѣдаетъ хлѣбъ въ восемь литръ вѣсомъ, чего хватило-бы на нѣсколько человѣкъ, и глядитъ по сторонамъ, нѣтъ-ли еще. Хозяйку пугаетъ такой аппетитъ работника и она убѣждаетъ мужа прогнать его. Призвавъ къ себѣ Асу, онъ еще разъ ставитъ ему вопросъ: откуда онъ пришелъ? ты не изъ нашихъ, а изъ чужихъ, «хоштеши навести намь обидоу», «навести на насъ крьвь». Аса ничего не отвѣчаетъ и снова подвергается ударамъ и изгнанію. Въ третій разъ идетъ онъ на гноище, предполагая на другой день пойти въ жилище прокаженныхъ и показать имъ свои раны: они примутъ меня. Насытившись у усмо-

швеца онъ могъ заснуть на этотъ разъ; «и вь шести часъ ноштіи вьстроубывьшимь троубамь їереискиимь вь црьковь по обычаю црьковьномоу, вьспреноувь и Аса царь, на гноишти вьнѣ града заспавь, и обрѣт(е) се вь царьскыихь ложницахь. ѡ чюдо! и бывь за тры дьни вьнѣ царьствїа изьврьжень и вь малыхь искоушенїихь трїи дьни за три срокы пророчьскые искоушаемь ꙗвѣ ꙗко не помѣноу бога ни прослави». Прославивъ Господа Аса идетъ въ церковь, гдѣ церковникъ готовился стихологисать: да не хвалит се прѣмудрїи и т. д., но, увидѣвъ царя, замолкъ. Но Аса велитъ ему продолжать безъ боязни и подтверждаетъ истину пророческихъ словъ, которыя онъ самъ запретилъ произносить въ церкви; всѣ вверженные въ темницу за противленіе этой царской волѣ—освобождены. Плетоплотъ, царскіе слуги, архимагеръ и усмошвецъ, призванные царемъ, разсказываютъ тѣ эпизоды его испытанія, въ которыхъ они являлись участниками. «И рече Аса царь: Господи Саваѡѳ(е), Господи, вьса прѣмоудростїю сьтвориль еси, и ꙗко възвеличише се дѣла твоꙗ. вь истиноу есть реченьное: да не хвалит се прѣмоудрїи прѣмоудростїю своею и т. д. И рече Аса царь принести емоу харьтїю и чрьнило, и седь вь црькви написа вьса сїа иже пострада за .г. дьны.... на прочитанїе и слышанїе и пользоу вьсакомоу чловѣкоу богомь сьзданьномоу».

Повѣсть о царѣ Асѣ представляетъ значительныя отличія отъ обычныхъ пересказовъ притчи о гордомъ царѣ. Нѣтъ ни «бани», ни «охоты», а прямо начинается испытаніе на гноищѣ; ангелъ не является въ концѣ дѣйствія, и вообще не названъ, хотя его необходимо слѣдуетъ разумѣть подъ образомъ царя-двойника, замѣнившаго Асу. Кормленіе нищей братіи, являющееся въ развязкѣ повѣсти объ Аггеѣ и въ Dit du Magnificat, введено въ нашъ разсказъ какъ эпизодъ, въ которомъ Аса не принимаетъ участія. Кощунство царя мотивировано не обычнымъ текстомъ (Magnificat), а другимъ, находящимся «въ книгѣ» Анны, матери пророка Самуила, т. е. во 1-й книгѣ Царствъ, II, 10: μὴ καυχάσθω ὁ φρόνιμος ἐν τῇ φρονήσει αὐτοῦ, καὶ μὴ καυ-

χάσθω ὁ δυνατὸς ἐν τῇ δυνάμει αὐτοῦ, καὶ μὴ καυχάσθω ὁ πλούσιος ἐν τῷ πλούτῳ αὐτοῦ. Царь издѣвается надъ этими словами, не только потому, что считаетъ ихъ невѣрными, но и потому еще, «ꙗко ѡть жены соуть писаны» — а «вьса злоба на земли ѡть женъ проѕебѣ», онѣ были причиной паденія сильныхъ и мудрыхъ, Сампсона и Соломона, почему царь Аса «вьсь сьвѣть женскы оумысли изети и небытїю прѣдати». Упоминаніе Соломона въ этой связи, вѣроятно, случайное, и случайной является, быть можетъ, обмолвка, что Господь не хочетъ дать Асѣ «погибноути вь коньць *Давида ради отьца его*»; т. е. мы не поспѣшимъ заключеніемъ, что въ первоначальной легендѣ роль Асы предоставлена была Соломону. Тѣмъ не менѣе важно для исторіи легенды, что повѣсть объ Асѣ поставлена цѣликомъ въ библейскія отношенія, заставляющія искать ея отдаленный источникъ скорѣе въ талмудическомъ преданіи, чѣмъ въ какомъ-нибудь мусульманскомъ пересказѣ.

Легенда о гордомъ царѣ, нашедшая отраженіе въ циклѣ европейскихъ разсказовъ, которые позволено озаглавить такимъ образомъ, могла сохраниться и въ другихъ примѣненіяхъ, подъ иными именами. На нѣкоторые относящіеся сюда факты я думаю обратить вниманіе.

Въ Libro de los enxemplos c. 43 [1]) разсказывается о жестокостяхъ Теодориха готскаго, раззорившаго Испанію, умертвившаго Боэція и Симмаха, заточившаго папу Іоанна, отчего тотъ умеръ. Тотчасъ по кончинѣ папы Теодориха постигла Божья кара. У него было обыкновеніе ночью ходить по Риму и наблюдать за стражами: кого онъ находилъ спящимъ онъ велѣлъ предавать смерти. Во время одного изъ такихъ обходовъ онъ окликнулъ одного стража, Cariolo, и не получивъ отвѣта, говоритъ ему: Morirás, Cariolo, ca te fallé dormiendo. — El dijo:

---

[1]) Сл. R. Köhler, Eine Sage von Theodorichs Ende in dem «Libro de los Enxemplos, Germania XVIII, p. 147—152; A. Wesselofsky, Sagenstoffe aus dem Kandjur, Russ. Revue V, 288—291.

Non dormia, ante pensaba. — El rey dijo: Que pensabas? — Dijo: Pensaba que la picaza tenie tantas penullas blancas como negras. — Dijo el rey: Si non fuere verdad, morirás. — É fué fallado que era verdad. — Въ другой разъ такой-же разговоръ Теодориха съ Cariolo; Cariolo размышлялъ о томъ, «que la raposa tenie tantas nudos en el rabo como en el spinazo», что также оказалось вѣрнымъ. «É la tercera vegada vino el rey de noche, é llamó á Cariolo, commo solie, é non le respondió, é mandólo matar. El dijo, que non dormie, mas pensaba cosas negras é de gran duelo. Dijo el rey: Declara lo que pensabas. É respondió Cariolo: Yo pensaba, é verdaderamente es así, que tú eres homme del diablo, é que él es tu sennor, é te levará hoy vivo de entre los hommes, é si esto non fuere verdad, quiero luego morir. — El rey de que esto oyó, luego fuése é dióle tregua é término que aquel dia non muriese; é ese mesmo dia Teodorico, stando en el baño á deshora, fué turbado é comenzó de dar muy grandes voces: «Ven, diablo, ven é llévame». É luego vino un caballero escuro é tenebroso encima de un caballo muy negro, é lanzaba por la boca é por las narices llamas de fuego. É dijo al rey que le llamaba: Vésme aquí, que me llamaste, pues sube é llevaréte. É él con gran furia é muy gran saña, embriago é ciego, salió del banno desnuyo, é de su propia voluntad subió en el caballo, é ansí fué llevado al fuego de los diablos, á los cuales siempre servirá».

Второй эпизодъ этой легенды такъ разсказанъ въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ (с. 438): Когда однажды Тидрекъ бралъ ванну въ томъ мѣстѣ, что нынѣ зовется Банями Тидрека, одинъ изъ его конюшихъ закричалъ: Вонъ бѣжитъ олень, такой большой и красивый, какого я никогда не видалъ! Услышавъ это, Тидрекъ выскочилъ, завернутый въ простыню, и потребовалъ, чтобы ему привели его коня и собакъ; но, боясь упустить быстро бѣжавшаго звѣря, не дождавшись своего коня, вскочилъ на другаго, тутъ-же стоявшаго, осѣдланнаго, чернаго какъ воронъ, который помчалъ его быстрѣе птицы. Догадался Тидрекъ, что

это—не конь, а что-то другое, хочетъ соскочить, но не можетъ, его ноги точно приросли. Его конюшій, гнавшійся за нимъ, кричитъ ему въ слѣдъ: Когда ты вернешься съ твоей стремительной поѣздки? — Плоха моя поѣздка, отвѣчаетъ Тидрекъ, подо мной, видно, дьяволъ! А вернусь я, когда соизволитъ Господь и Св. Марія. — Тутъ конюшій отсталъ отъ него, и Тидрекъ исчезъ у него изъ глазъ. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего болѣе не слыхали, и никто не можетъ сказать, что съ нимъ сталось.»

Нѣтъ сомнѣнія, что трагическій исходъ Теодориха-Тидрека внушенъ былъ, подобно другимъ легендамъ о его конечной судьбѣ, церковными антипатіями къ еретику-аріанину. Въ сагѣ этотъ мотивъ исчезъ, но въ испанскомъ разсказѣ онъ еще ощущается ясно: Теодорихъ казнилъ Боэцію, Симмаха, *заточилъ папу Іоанна;* вскорѣ послѣ послѣдняго событія его и постигаетъ наказаніе. Въ Etzels Hofhaltung (str. 131—132) оно представляется эпитиміей (got thet jm pus zu geben), наложенной на него за высокомѣрныя слова:

eyns tags er sich verjache
zu Peren in der stat,
von red dasselb geschache,
das was des teuffels rat (131).

Въ одной легендѣ Gesta Romanorum (Oesterley № 190) императоръ *Симмахъ* (по другому тексту Антіохъ), желая отнять у нѣкоего Leuncius'а землю, даетъ ему трудныя задачи: достать ему въ недѣльный срокъ чернаго пса, ворону лошадь, черныхъ — сокола и рогъ. Какой-то старецъ помогаетъ Леунцію исполнить эти порученія. Когда услышалъ о томъ императоръ, возрадовался; черезъ нѣкоторое время, когда онъ сидѣлъ (cum *sic* sederet—можетъ быть: in balneo?), услышалъ собачій лай, и ему доложили, что въ лѣсу показался олень. Тогда онъ вскочилъ на воронаго коня, взялъ въ руки чернаго сокола и рогъ, черный песъ побѣжалъ за нимъ; императоръ поскакалъ за оленемъ, который прямой дорогой привелъ его — въ адъ. Съ тѣхъ поръ императора не видѣли.

Если, какъ полагаетъ Моне [1]), имя Симмаха подставилось здѣсь на мѣсто Теодориха (по смѣшенію съ Симмахомъ, казненнымъ Теодорихомъ?), то для легенды о послѣднемъ важны слова, которыми начинается разсказъ Gesta, хотя въ немъ самомъ они остались безъ приложенія: Symachus regnavit prudens valde quantum ad temporalia, *sed stultus quantum ad spiritualia* [2]). Это возвращаетъ насъ къ церковной оцѣнкѣ Теодориха, отразившейся и въ легендѣ о его кончинѣ, являвшейся то поѣздкой въ адъ, то испытаніемъ: демонскій конь занесъ его

in die wust Rumeney:
mit wurmen mus er streiden
pis uns der jungstag wont pey (Etzels Hofh. 132).

Got hilfft im noch aus peyne,
Mit sterck wont er im pey (ib. 133).

Оттого его иногда видѣли: въ 1197 году онъ явился верхомъ на ворономъ конѣ нѣкоторымъ прохожимъ и, возвѣстивъ имъ о бѣдствіяхъ, имѣющихъ постигнуть римскую имперію, переѣхалъ рѣку и исчезъ изъ виду [3]).

Обратимся къ первой части испанской повѣсти: къ бесѣдѣ Теодориха съ Cariolo. Въ Канджурѣ ей отвѣчаетъ разсказъ о царѣ Прадйотѣ, страдавшемъ безсонницей и обходившемъ ночью стражей: кто не откликался ему въ первый и второй разъ — тому онъ прощалъ; кто не подавалъ голоса на третій окликъ — тому отрубали голову. Какой-то Гандхарецъ берется за деньги стать на стражѣ вмѣсто другаго, на котораго пала очередь и который побоялся строгости царя. Между Прадйотой и Гандхарцемъ завязывается рядъ разговоровъ; на первый и второй окликъ Гандхарецъ не отвѣчаетъ и называетъ себя лишь по третьему разу. — О чемъ ты думаешь? спрашиваетъ Прадйота. —

---

1) У Raszmann, Die Deutsche Heldensage, II, 688.

2) Сл. въ повѣсти объ Асѣ: за нѥ бѣше въ мѣлѣ не искоусань.

3) Raszmann, l. c. II, 688.

О томъ, что думаетъ свѣтъ. — А что свѣтъ думаетъ? — Думаетъ, что живая сова въ перьяхъ и ощипанная вѣсятъ одинаково; либо: что въ крылѣ куропатки столько-же бѣлыхъ, сколько черныхъ перьевъ (wie viel des Rebhuhns Flügel scheckig ist, ebensoviel ist er auch nicht scheckig) и т. п.

Нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ, какъ и вся сцена между Прадйотой и Гандхарцемъ, отвѣчаютъ такимъ-же чертамъ испанской повѣсти и, какъ было ранѣе замѣчено, Діалоговъ Соломона и Морольфа, съ той разницей, что въ послѣднемъ случаѣ мотивъ является другой: не тираннія Теодориха, не безсонница Прадйоты, а просто фантазія Соломона: «Si in hac nocte non ita bene vigilaveris sicut ego, in crastino de capite tuo non poteris confidere», предупреждаетъ онъ Морольфа, съ которымъ вступаетъ далѣе въ разговоръ: Dormis, Marcolphe? — Non dormio, sed penso. — Quid pensas? и т. д. Сатирическій характеръ Діалоговъ повелъ, вѣроятно, къ измѣненію первоначальнаго положенія и типовъ: въ оригиналѣ Морольфъ могъ являться не съ характеромъ потѣшника, а съ такимъ-же демоническимъ, какой остался при Cariolo, вѣщающемъ Теодориху, что въ этотъ день онъ взятъ будетъ дьяволомъ. Припомнимъ праисторію Морольфа: она восходитъ къ Асмодею-Китоврасу, демону, плѣннику Соломона, бесѣдующему съ мудрымъ царемъ, котораго потомъ забрасываетъ, когда съ перстнемъ къ нему вернулась его демоническая сила. — Послѣдній эпизодъ отразился, какъ мы видѣли, въ европейскихъ разсказахъ о гордомъ царѣ, съ разными схемами, среди которыхъ я предполагаю возможной и такую: царь, погрѣшившій кощунствомъ, сидитъ въ банѣ, когда ему возвѣщаютъ о появленіи чуднаго оленя; онъ бросается на коня и скачетъ за оленемъ не вѣсть куда. Въ повѣстяхъ о гордомъ царѣ испытывающимъ его является ангелъ; ближе къ преданію объ Асмодеѣ была-бы фигура демона; я подозрѣваю его въ Cariolo; конь, увлекающій Теодориха — демонскій. Что испытанія Теодориха не кончаются его возвращеніемъ на царство, — это отличіе опредѣлилось на столько-же историческимъ характеромъ

лица, къ которому привязалась легенда, на сколько церковными къ нему антипатіями.

Не слѣдуетъ-ли искать въ повѣсти о гордомъ царѣ объясненія и того загадочнаго Agnolo или Agnolo Michele, Anzelo Michaele, о которомъ говорятъ il Libro di Fioravante и Reali di Francia: li rois Angelo франко-италіанской компиляціи ven. XIII; ангелъ французской гесты de Pepin et de l'Angre? — Reali и парижскій текстъ Fioravante даютъ своему Agnolo или Anzelo Michaele въ сыновья — Пипина, противъ флорентійскаго Fioravante, который дѣлаетъ Пипина — сыномъ сенешаля бездѣтнаго короля Ангела. Ясно въ первомъ случаѣ желаніе привязать начальника новаго королевскаго рода къ послѣднему представителю перваго, константиновскаго. Это сопоставленіе Пипина и Ангела дало мнѣ поводъ [1]) къ такому предположительному объясненію послѣдняго: Agnolo = Agnolo Michele въ Libro di Fioravante, носилъ, по показанію Reali, еще другое имя, потомъ забытое: Константинъ. Послѣднимъ римскимъ императоромъ долженствовалъ быть, по византійскимъ пророчествамъ, Константинъ, Constans въ Vaticinatio Sibyllae; съ другой стороны интерполированный русскій текстъ пророчества псевдо-Меѳодія называетъ послѣдняго римскаго императора передъ пришествіемъ Антихриста — Михаиломъ и даже «Архангеломъ Михаиломъ». Я полагалъ возможнымъ перенесеніе этого эсхатологическаго образа и связаннаго съ нимъ имени на — послѣдняго представителя извѣстнаго властительнаго рода, имѣющаго смѣниться другимъ. Въ этомъ смыслѣ получалъ для меня смыслъ царь Ангелъ или Ангелъ-Михаилъ, наслѣдникомъ котораго являлся Пипинъ. — Слѣдуетъ замѣтить, что мое построеніе основано было на одномъ лишь русскомъ текстѣ псевдо-меѳодіевскаго откровенія и что я упустилъ изъ виду другую связь, въ которой является царь Ангелъ въ представленіи Reali и Libro di Fioravante: онъ сынъ

---

[1]) Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. II Легенда о возвращающемся императорѣ стр. 79 sqq.

Gisberto (Zilberto) Fier Visaggio (al Fiero Visaggio, dal Fero Vixo), къ которому относятся слѣдующія указанія въ поэмѣ о Gaydon, какъ то сдѣлалъ вѣроятнымъ G. Paris [1]):

812 Vueuls tu sambler un Girbert qui ja fu,
Qui guerroia contre le roi Jhesu?
. . . .
823 Resambler vueuls Girbert le desraé
Qui guerroia contre meisme Dé?
Et quant Jhesus le vit si asoté,
Ne li laissa ne chastel ne cité,
Ne borc ne ville, donjon ne fermeté,
El crues d'un fust la le fist il entrer,
Puis l'en gieta par si grant poesté,
Par une foudre qu'il le fist avueugler.

О своемъ Gisberto или Zilberto Il Libro di Fioravante разсказываетъ слѣдующее [2]): онъ возгордился черезъ мѣру и, однажды, подойдя къ распятію, сказалъ: «Ay Dio! io non te temo ora may più, che non so io alchuna persona che me podesse ora may fare descendere de così granda altura e grandeze como io son». Et ello non l'ave così tosto dito ni complito de dire ch'el vene tuto levroxo. E quando Zilberto se vito così leproso, a mantinente se pentite e chiamòse in colpa e tornò sulo palaxio, e per tuti li medixi li meiori che fosseno in quella parte fice mandare. E tuti li medisi dissenno che quella maladia era incurabile, e altro cha Dio non la porave guarire — Alora Zilberto fice venire davanti Rizero e disse: «Rizero, io te lasso in guarda lo mio regname che tu lo guarde e che tu lo tegnia per lo mio fiolo, zoè Michele (иначе: Anzelo Michaele), in fina che lo sera da portare arme e la corona, e mantene justicia e raxone così al povero como al richo;

---

[1]) Romania II, p. 355—6.

[2]) Я цитую по парижскому тексту, напечатанному у Darmesteter, De Floovante vetustiore gallico poemate (Paris, 1877) p. 181.

che io voio andare perchazando da fare penitencia per lo mondo, e de zo che voyo fare a Dio per li mei peccati en voyo aver paciencia». Ay Dio! como pianzea e assay altri baroni quando vitene partire Zilberto so signore. Ora dice lo conto como Zilberto se partì de Parixe, solo, senza compagnia e mise se andare per grandi deserti; e si como Zilberto zonse in una grande deserto e foresta, et ello stete un tempo grande intro a far penitencia de quello ch'elo disse contra Dio, e non manzava altro che herbe crude e radixe de herbe, e se bevea dell'aqua chi correva per lo diserto, e tanto g'è stato che in dosso no gie romase niente, si ch'elo romase nudo. E tanto fo le pregere che fe Zilberto in lo deserto a Dio omnipotente (che) per la soa gran misericordia e pietade lo sanò perfectamente». Онъ возвращается въ Парижъ, гдѣ воцаряется снова; за нимъ слѣдуетъ его сынъ, Anzelo Michaele, о которомъ не сообщается ни какихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что его наслѣдникомъ былъ Пипинъ.

Соображая отношенія намековъ въ Gaydon къ выписанному выше разсказу, я полагаю въ основѣ обоихъ такую версію сказанія: Gisbert — гордый царь, наказанный Богомъ за кощунственныя рѣчи, принужденъ скитаться въ пустынѣ, скрываться въ дуплѣ деревьевъ; онъ — Girbert li desraés, li fols rois въ Dit du Magnificat (v. 298). Господь лишилъ его царства, и въ его отсутствіи имъ правитъ царь-ангелъ, li rois angles въ Dit du Magnificat (m. v. 175, 297, 338). Что этотъ царь-ангелъ названъ сыномъ Gisbert'а — кажется мнѣ позднѣйшей генеалогической выдумкой. Имя этого царя-ангела — Михаилъ, можетъ быть, не случайное: драма Rodrigo de Herrera, Del cielo viene el buen rey, разработала сюжетъ повѣсти о гордомъ царѣ (Фридрихѣ Сицилійскомъ), который подвергается обычнымъ испытаніямъ, тогда какъ его мѣсто занялъ другой, царствующій праведно: Архангелъ Михаилъ (въ сѣверной легендѣ: Гавріилъ).

Если эти соображенія покажутся вѣроятными, легенда о Гисбертѣ въ меровингской сагѣ окажется на столь-же мало на-

родной, какъ и другое сказаніе, открывающее такъ называемый меровингскій циклъ: поэма о Флоовантѣ [1]).

[1]) Въ этомъ не разубѣдило меня даже прекрасное изслѣдованіе Darmesteter'а, на которое указано мною выше. Развивая и исправляя сказанное мною по этому поводу при другомъ случаѣ (см. мою статью, цитованную выше, стр. 79 sqq.), я полагаю, что основное сказаніе говорило о племянникѣ (Il libro di Fioravante, Floventssaga) либо сынѣ (Reali) Константина, убившемъ, въ присутствіи императора, надменнаго вельможу и бѣжавшемъ во Францію, гдѣ онъ становится первымъ христіанскимъ королемъ. Сага составилась во Франціи, вѣроятно, довольно рано, и представляется вѣроятнымъ, что легенда о Дагобертѣ повліяла на ея сюжетъ. Имена, съ которыми является этотъ первый христіанскій властитель Франціи: Fiovo (флорент. Lib. Fior.; Reali), Flovent (Floventssaga; отрывки голландскаго пересказа), либо Fiorio (пар. Libr. Fior.), Floriven (Bertran de Paris); я полагаю, что, возведенные къ французской формѣ, Fiovo, Fiorio указываютъ на Flavius (сл. Floevant = Flavius во франц. легендѣ о St. Gire), Florius, a Flovent, Floriven относятся къ первымъ, какъ косвенные падежи; сл. Floures, Fleuriant въ Продолженіи къ туринскому Huon de Bordeaux; Moïses, Moïsant и т. п. — Позднѣйшій труверъ, знавшій, что первымъ христіанскимъ королемъ Франціи былъ не племянникъ Константина, а Хлодвигъ, перенесъ на сына этого короля, что разсказывалось о немъ самомъ, немного измѣнивъ содержаніе саги. Такъ у автора французской поэмы о Floovant и въ отрывкахъ голландскаго Flovent: тамъ и здѣсь Floovant-Flovent оказывается сыномъ Clovis'а. Обратное предположеніе (высказанное G. Paris'омъ и подтвержденное Darmesteter'омъ), что Floovant=Floovinc = Hlothovinc, т. е. сынъ Clovis-Hlothovich'а, долженъ быть древнѣе въ сагѣ, чѣмъ Flovent, сынъ Константина, не подтверждается для меня уже тѣмъ обстоятельствомъ, что и во французской поэмѣ и въ голландскихъ отрывкахъ отецъ названъ Clovis, сынъ — Floovant, Flovent, хотя существуетъ для перваго форма: Floovis, а для втораго легко предположить Cloovent и т. п. Это фонетическое отличіе несомнѣнно указываетъ, что Clovis и Floovant попали въ поэму не одновременно. — Что до автора итальянской компиляціи, то онъ уже зналъ сагу раздвоившеюся: сказаніе о первомъ христіанскомъ королѣ Франціи, племянникѣ Константина, Fiovo, Fiorio, и сходное, перенесенное на сына этого короля: Fioravante (сл. Floriven Бертрана), и то и другое свелъ вмѣстѣ механически (Fiovo, *Fiorello*, Fioravante).

IV.

Женщина, женская злоба (malitia) играютъ выдающуюся роль въ средневѣковыхъ сказаніяхъ о Соломонѣ, къ которымъ мы думаемъ вернуться еще разъ. Жена Соломона стала типомъ коварной, измѣнницы (сл. Li romans des sept sages ed. Keller, v. 426); рядомъ съ нею, въ небольшомъ циклѣ сказаній, извѣстныхъ пока изъ русскихъ текстовъ, становилась съ такимъ-же типомъ и его мать. Въ моемъ изслѣдованіи я не занялся однимъ относящимся сюда русскимъ сказаніемъ, потому что оно сохранилось лишь въ отрывкѣ, безъ конца. Привожу его здѣсь [1]), чтобы обратить на него вниманіе знатоковъ нашей рукописной литературы.

Соломонъ, желая показать свою премудрость передъ великими царями, пошелъ съ философами своими «во страну далную, ко царю Индѣйскому, во царствѣ же своемъ остави матерь свою съ боляры своими и со слугами. Умѣшкавъ же во Индѣи лѣта многа у царя индѣйскаго, потомъ преслыся во Іерусалимѣ, яко умеръ Соломанъ у царя индѣйскаго. Слышавъ же то мати его и боляре и вси домашни его, яко умеръ Соломанъ, и плакашеся велми, и вси еросалимненя тужиша, поминаючи его великую мудрость; и много лѣтъ вси плакашеся. И минувшимъ лѣтомъ многимъ, уже не начаевшимся его жива быти, мати же его ужъ забыла, и тѣшасъ со иными людми любимыми ея, а о сынѣ своемъ Соломонѣ никакожъ помышляше, понеже млада и лѣта (лѣпа?), всегда веселящеся, играше съ боляры своими и велможи великими потѣхами разными, пищали моавитскими и цынбалы и прегудники, и дѣвицъ красныхъ плясаніемъ и честнымъ ядеміемъ и меды сладкими, а о Соломанѣ и памяти рекли: умеръ! Да потомъ

[1]) Памятники старинной русской литературы III, 62—63. Сказаніе примыкаетъ непосредственно къ пренію Соломона съ царицей Южской.

же мати Соломанова помысли итти замужъ, хотя приняти къ себѣ царя изъ Персиды, а ни въ очи его видяше. Посдаше къ нему послы своя и гостинцы многія, и написа на листу своемъ сице: «Слышахъ, царь, что ты жены не имѣешь у себя; и ты прійди сѣмо ко мнѣ и ко славному великому граду Еросалиму, кой стоитъ среди велик(аго) свѣта, а тамо свою украйну прикажи иному царю; да пришедъ, поими мя и возми царство сына моего Соломана, и многими грады обладаешь, а мнѣ будешь государь; а имѣнія у меня, злата и сребра много, а каменія и бисера многоцѣннаго толико много, елико у себя не имѣешь»....

Особенно рельефно выставлена мать Соломона въ русскихъ повѣстяхъ о его дѣтствѣ, которыя я разбиралъ подробно при другомъ случаѣ, указывая на параллели и аналогіи въ индійскихъ повѣстяхъ о дѣтствѣ Викрамадитьи [1]). Изъ соотвѣтствующихъ разсказовъ о Соломонѣ я выберу въ настоящее время лишь черты, касающія его матери и дающія поводъ къ нѣкоторымъ новымъ сопоставленіямъ и вопросамъ о вліяніи.

Соломонъ — сынъ Давида и Вирсавіи, самой любимой изъ 30-ти женъ царя. Ему было девять недѣль, когда онъ такъ гадательно предупреждаетъ царя о связи своей матери съ какимъ-то Евреиномъ: «Въ нѣкоемъ градѣ бысть [вельми] царь славенъ зѣло, и бысть у него въ полатѣ 30 птицъ павлиновъ златоперыхъ: изъ тѣхъ павлиновъ по одной бралъ и съ ними потѣшался у себя въ полатѣ своей; изъ тѣхъ птицъ едина птица зѣло царю полюбилась и мила, и та птица златоперая пава не восхотѣ съ павлиномъ совокупитися и потопталася съ невѣжливою мякин(н)ою птицею з гусемъ». Однажды, когда ребенокъ-Соломонъ лежалъ въ колыбели, пришелъ тотъ Евреинъ къ его матери: люба ты мнѣ и мила, говоритъ онъ ей, только боюсь я царевича Соломона; та отвѣчаетъ, что готова отравить сына, лишь бы сохранить любовника. А Соломонъ выскочилъ изъ колыбели и кричитъ на того человѣка: «не по себѣ [еси] ты виноградъ щиплешь и садъ ба-

---

[1]) С. и К. стр. 51—104.

тюшкинъ царской крадешь и чужую ниву орешь и на краденой кобылѣ ѣздишь». Еще разъ предупреждаетъ онъ отца: «Отче мой, государь царь Давиде! что сіе бысть тому винограду, зѣло цвѣтущу всякими цвѣти различными? всѣ древеса цвѣтоша винограда того, а плода отъ нихъ никогда не было; въ томъ-же садѣ бысть древо вельми украшенно паче всѣхъ тѣхъ виноградныхъ древъ, и берегъ его царь вельми; и то древо принесе ему плодъ — едино червленно яблоко, и царь положи его на златое блюдо и зритъ на него и тѣмъ себя утѣшалъ. И единымъ днемъ царь тѣшился самъ яблокомъ и положи въ златый ларецъ до утра; и во едино время учинися въ виноградѣ томъ, и стражемъ винограда того уснувшимъ, и внезапу вскочи въ виноградъ той смердящій скотъ козелъ и погрызе у винограда любимое древо и оскверни его слинами вонучими?» — Давидъ, какъ и въ первый разъ, не понимаетъ загадочныхъ намековъ сына, обѣщающаго истолковать ихъ ему въ будущемъ. «И бысть Соломонъ возраста своего трехъ лѣтъ; играющу ему со отроки, боярскими дѣтьми, и нача изъ древа вѣски дѣлати, и положи на одинъ вѣсокъ на блюдѣ серебряномъ злато, а на другой вѣсокъ на блюдѣ калъ песій. . . . , и перетянулъ калъ тремя златники тяжеле злата. И вопросила его мати его: «Почто, сыне мой Соломоне, тако творишь?». И рече ей царевичъ Соломонъ: «Азъ [есть] сіе тако творю: что на блюдѣ злато, то есть всякія жены разумъ таковъ легокъ, что худже и песія калу; у всякіи жены власъ долгъ, а умъ коротокъ». И мать ему противъ тѣхъ рѣчей ничего не отповѣдала, только аки звѣрь лютый скрыхнула зубы своими и поиде ко царю въ полату».

Она рѣшилась извести сына: подмѣнила его другимъ, похожимъ на него мальчикомъ; дядькѣ Соломона, Ачкилу, велитъ отвести его къ морю, убить и тѣло бросить въ воду, а сердце испечь и принести ей на снѣдь. По совѣту Соломона, Ачкило отпускаетъ его самого на волю, а матери представляетъ сердце пса. Между тѣмъ Соломонъ бредетъ по берегу моря, поселяется съ крестьянами, среди которыхъ судитъ и рядитъ, рѣшая мудреныя загадки

и вопросы: онъ не даромъ назвался «Разумникомъ» [1]. — Давидъ, узнавшій тѣмъ временемъ что тотъ, кого выдаютъ ему за сына, не его сынъ, и добившійся признанія отъ Ачкила, посылаетъ его разыскивать Соломона. Посланный находитъ въ одной веси пастуха, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и удивляется его разумнымъ рѣчамъ, но не признаетъ его. Вернувшись назадъ, онъ сообщаетъ о томъ Давиду, который, догадавшись по «мудрымъ словесамъ», что это и есть его сынъ Соломонъ, еще разъ шлетъ за нимъ. Ачкило присутствуетъ при судахъ царевича-пастуха и подаетъ ему грамоту отъ Давида: царь писалъ ему какъ сыну; если онъ дѣйствительно его сынъ — пусть проявитъ свою мудрость разрѣшеніемъ прилагаемой загадки. Соломонъ толкуетъ её, а Давиду велитъ сказать, что его сынъ «въ третіе лѣто» будетъ передъ нимъ втайнѣ, а пока не поѣдетъ къ нему. Онъ, дѣйствительно, отправляется въ Порово царство, и слѣдуетъ разсказъ, на который я уже обратилъ вниманіе при разборѣ легендъ объ «увозѣ»: Соломонъ слюбился съ женой Пора и получаетъ отъ нея въ подарокъ перстень и три самоцвѣтныхъ камня, горящихъ ночью какъ свѣчи, днемъ, что солнце. — Мы знаемъ, что въ легендѣ объ увозѣ этотъ перстень играетъ роль: Соломонъ отослалъ его впослѣдствіи Пору, чтобы поглумиться надъ нимъ; въ Повѣсти о дѣтствѣ весь этотъ эпизодъ съ Поровой женой приготовляетъ насъ къ развязкѣ разсказа, проникнутаго одной идеей: женской слабости и податливости.

Уже изъ Индіи Соломонъ возвращается въ Іерусалимъ и сталъ на кораблѣ передъ городомъ, выдавая себя за богатаго гостя заморянина. Царица Вирсавія посылаетъ къ нему смотрѣть товаровъ; ей разсказываютъ о самоцвѣтныхъ камняхъ, и

---

[1]) Сл. у Тихонравова, Пам. отреч. русск. литературы II: Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, № 1: «сь богомь почннаѥмь *Разумникь*, сіе ѥсть *оучитель* вьсемь словомь Господа Бога и Спаса нашего Ӏ҃са Хр҃а». — «И нарече его (Соломона) врестьянинъ въ дому своемъ бытп *наставникомъ*», говорится въ Повѣсти о Дѣтствѣ.

она сама желаетъ видѣть Соломона. Она спрашиваетъ его о камняхъ. «И рече ей Соломонъ: Есть, государыня, благородная царица, у меня три каменія: единъ камень поднести царю Давиду, а други камень отдать за нимъ въ приданыя, а третій камень про себя держать въ кораблѣ для свѣту». — Продать одинъ изъ нихъ онъ отказывается: «аще кто со мною переспитъ нощь сію, тому и камень отдамъ». Царица соглашается тотчасъ. — Въ одномъ текстѣ Повѣсти (Тихонр. № 1) Соломонъ проситъ ее погодить: «Царица! дай мнѣ сроку царю Давыду камень отдать, и къ тебѣ принесу и съ тобою пребуду ночь». Онъ идетъ къ царскому столу, и — слѣдуетъ эпизодъ о кошкѣ, держащей свѣчу и склянницу съ виномъ передъ царемъ, эпизодъ, въ которомъ Соломонъ играетъ роль Морольфа Діалоговъ (vv. 873—905), доказывающаго, что «Die Natur ge vor Gewonheit» [1]).

Въ содержаніи дальнѣйшаго разсказа тексты сходятся: Соломонъ идетъ къ матери, которая ведетъ его къ одру. «И царевичъ Соломонъ убояся суда божія и ста предъ одромъ, изумѣся, како бы матери своей изобличитися безгрѣшно. И рече царица Соломону: «Гость заморянинъ! поиди смѣло ко одру моему, чего боишися? Или тебя скупость объяла, каменя ради, что неидешь сѣмо?» И рече ей царевичъ Соломонъ: «Государыня, благородная царица Вирсавіе! ты меня зовеши на свою постелю, да одѣялю царское страшитъ мя». — И царица его ухвати за шею и поцѣ-

[1]) Библіографію этого разсказа см. у Oesterley, Wendunmuth von Hans W. Kirchhof, Buch VII, № 140 и Buch IV, № 168; Kurz, Esopus von Burkhard Waldis II Buch, XXII Fabel (съ ссылкой на Маркольфа и Соломона); R. Köhler въ Jahrbuch f. rom. u. engl. Sprache u. Liter. XIV, 432—434.— Разсказъ о Соломоновой кошкѣ находится и у Vintler'a, Pluemen der Tugend, ed. Zingerle v. 6754 sqq. Сл. Leroux de Lincy, Le livre des proverbes français II, Appendice II: Proverbes del vilain, p. 469: L'em puet ben par usage — Feire le chat si sage — Que il tent chaundeille ardaunt.—Jà n'iert si ben apris,—S'il velt une soriz,— Qu'il n'i aut maintenant. — Meuz vaut nature ke noreture, — Ceo dist le vilain.

лова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила ее на перси своемъ и рекла ему: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Симъ воскормленъ, то есть мое сахарное кушанье». И царица подвигнула соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ, въ томъ есть теремѣ азъ опочивалъ». И царица подвигнула соломонову руку подъ свой ср..ъ и рече: «Гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ». И царица, изжидая отъ него времени похотнаго и рече ему: «Како ты премудръ и скупъ еси и не хощешь воли моей сотворити, каменя ради». И вскочи Соломонъ со одра своего и падъ на землю и лежа на земли, аки мертвъ, не долгъ часъ».—Теперь только онъ открывается матери: онъ тотъ самый Соломонъ, котораго она послала на погубленіе. «Во истину ты мати моя, родившая мя — а *напредъ* глаголахъ тебе: у *всякія жены волосы доли*, *да умъ коротокъ*. И услышавъ [сіе] царица Вирсавія глаголы царевича Соломона, и *бысть аки мертва*, зря на него и не могуща отнюдь провѣщати. И охапи Соломонъ матерь свою и нача ея любезно цѣловати и умильно отвѣщати». Слѣдуетъ за тѣмъ взаимное признаніе Соломона и Давида.

Послѣдній эпизодъ, которымъ кончается Повѣсть о дѣтствѣ [1]), особенно возбуждаетъ вопросъ объ его источникѣ. Въ моемъ

---

[1]) Въ предыдущемъ ея изложеніи я избѣгалъ пользоваться ея народными, иногда отрывочными, передѣлками, недавно записанными съ народныхъ устъ, потому что ихъ, нерѣдко интересныя, особенности могутъ быть объясняемы позднѣйшею примѣсью посторонняго сказочнаго матеріала, не особымъ характеромъ ихъ писменнаго источника. Такой источникъ можно предположить для Рыбн. II, № 54, гдѣ Соломонъ и его мать привлечены къ древней новеллѣ о женѣ слѣпаго (сл. Die Vierzig Veziere ed. Behrnauer, 31 Tag, Erz. d. 31 Veziers; — Bahar Danush c. XII, v. 2, p. 64 ed. Scott. — Th. Wright, Latin stories from mss. of the XIII and XIV centuries, p. 78 и 174. — Comoedia Lidie Matthieu

изслѣдованіи я упустилъ изъ виду замѣчательное сходство всего разсказа объ испытаніи Соломономъ матери — съ леген-

---

Вандомскаго въ Hist. Litt. de la France t. XXII, p. 62—64 и у Édélestand Du Méril, Poésies inédites du moyen âge, p. 353—373.—Decamerone VII, 9. — Chaucer, Canterb. Tales, The Merchants tale. Сл. также v. der Hagen, Gesammtabent. II, № 38, стр. 261 и Marie de France, Dou vilains v. II, p. 206): извѣстная сцена въ саду совершается на глазахъ Давида и его жены, стоящихъ на балконѣ. Что-бы сдѣлалъ слѣпой съ своей женой, еслибы прозрѣлъ теперь? говоритъ Давидъ, а царица отвѣчаетъ: «На то были-бы у моей сестры отверточки». — А сынъ въ чревѣ заговорилъ: Баба по бабьи и судъ судитъ! — Мать говорить что «Я чего нибудь выпью — И тебя во чревѣ употреблю». — А сынъ сказалъ, что «Я выломлю боку,—Ребро проломлю и тутъ вонъ выду!»— Слѣпой прозрѣваетъ по волѣ Божьей, но когда жена успѣла убѣдить его, что она и блудъ-то совершила съ цѣлью, чтобы Господь далъ ему глаза, Давидъ говоритъ: Чтò сей мужь ничего со своей женой сдѣлалъ, такъ не что ему и съ глазами дѣлать». И тотъ человѣкъ ослѣпъ снова.

Къ народнымъ пересказамъ повѣсти о дѣтствѣ присоединились въ послѣднее время два новыхъ: сл. Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и разсказы стр. 99—103 (Премудрый Соломонъ) и 105—108 (Премудрый Соломонъ и злая мать его). Послѣдній стоитъ на переходѣ въ сказку и сильно искаженъ новыми приставками; первый сохранился лучше и представляетъ нѣсколько интересныхъ подробностей, сближающихъ его, по плану, съ сербской сказкой у Вука № 43. Мать Соломона скрываетъ у себя жену, прятавшуюся отъ мужа, и когда тотъ справляется о ней, отвѣчаетъ что ея у ней не было — а Соломонъ, которымъ царица въ то время была беременна, вѣщаетъ изъ ея чрева: Не слухай, каже, моеї мами, бо і мама така сама як и твоя жинка. (Сл. выше побывальщину у Рыбн. II, № 54). — Трехлѣтній Соломонъ вѣситъ на вѣсахъ материнъ чепецъ и горсть охлопья и смѣется; на вопросъ матери онъ отвѣчаетъ: что женскій умъ не вѣситъ и этой горсти. Та озлилась на сына: велитъ слугамъ занести его въ лѣсъ и убить, а ей принести его сердце и мизинецъ; слуги отрѣзали у него палецъ, который и показываютъ матери вмѣстѣ съ сердцемъ собаки, а Соломона пустили жить. Здѣсь слѣдуетъ эпизодъ, не встрѣчавшійся мнѣ въ другихъ пересказахъ: «але што вже то помагало Соломонові, коли ёму і такъ назначено було тілько три роки жити? Сів бідний Соломон тай плаче, а святі з неба

дарной біографіей философа Секунда, распространенной въ средневѣковыхъ литературахъ, извѣстной въ арабскомъ, эѳіопскомъ,

---

дивляться тай собі плачуть. Де то такі розумні дитині тай не дати жити! От вони і просять Бога, щоби Бог позволив ёму хоч трохи прожити. І вблагався Господь тай каже до святих: Коли вам так хочеться, щоб Соломон прожив ёще на світі, то йдіть ви на землю, та просіть людей, щоб ёму своїх літ уділили. — Ото святії і зійшли на землю, ходять, просять, — ніхто не уступае. Аж приходять до їдної старої баби, що вже сто літ прожила, а ёще сто літ прожити мала. Бабуню, кажуть, змилуйся над Соломоном, уділи ёму хоч півкопи своїх літ! — Ото баба послухала їх тай уділила, і Соломон зачав жити бабиними літами». — Соломонъ является домой купцомъ, и слѣдуетъ то-же испытаніе царицы, что и въ Повѣсти, и съ сходными подробностями; только что мать заснула, Соломонъ удаляется, написавъ на стѣнѣ: Правда, шо жіночий розум не варт і жмені клоча, коли рідная мати з своїмъ сиіном спала.— По этимъ словамъ Давидъ узнаетъ сына и посылаетъ его искать; эпизодъ, отвѣчающій такому-же Повѣсти, помѣстившей его, какъ мы видѣли, ранѣе. «То такъ і умер Давид, а не віднитав Соломона». Ставъ царемъ, Соломонъ пытаетъ высоту неба и глубину морскую; зная, что ему не долго осталось жить, и желая избѣжать смерти, онъ направляется къ «*безсмертной горѣ*». Подъ той горою жили чернецы, которымъ Господь велитъ сдѣлать гробъ, потому что къ нимъ придетъ умирать Соломонъ. Что вы тутъ дѣлаете? спрашиваетъ онъ чернецовъ. — Гробъ на Соломона. — Видитъ онъ, что отъ смерти не уйти. — А взяли вы съ него мѣрку? спрашиваетъ онъ далѣе и, узнавъ, что нѣтъ, предлагаетъ снять мѣрку съ него: Соломонъ того-же роста. Легъ въ гробъ, и гробъ по немъ пришелся. — А нука, опустите въ яму! — Опустили. — Теперь засыпайте: я и есть Соломонъ.

Безсмертная гора малорусской легенды, вѣроятно, стоитъ въ связи съ городомъ *Лиз* въ странѣ Гетитовъ, городомъ безсмертія, куда Соломонъ отправляетъ двухъ юношей, обреченныхъ ангелу смерти, который настигаетъ ихъ — у входа въ Lus (сл. Tendlau, Das Buch der Sagen und Legenden jüdischer Vorzeit, № XXV; сл. ib. № XXIV).

Сравненіе малорусской легенды съ сербской (Караджичъ, № 43) указываетъ на пробѣлы послѣдней. «Премудри Соломун једноћ у разговору рече пред матером својом да се свака жена може преварити. Мати га за то врло искара говорећи му да то није истина. *Послије*

сирійскомъ, греческомъ, латинскихъ, испанскомъ, итальянскомъ, старо-сѣверномъ [1]), нѣмецкомъ и другихъ пересказахъ [2]). Вотъ

тога негђе Соломун матери својој некако докаже да је и она као и остале жене». Сказка не говорптъ, какъ это сталось и продолжаетъ: «Мати се његова за то врло росрди па га прокуне да не умре док не види морске дубине и небеске висине». Разсказъ объ этомъ наполняетъ всю сказку. «Тако је виђео и небеске висине и послије је умръо». — Я позволю себѣ заключить изъ нашей сказки, что существовала и въ сербскомъ преданіи повѣсть о томъ, какъ Соломонъ доказалъ матери, что и она не лучше другихъ женщинъ, т. е. Повѣсть о дѣтствѣ, какъ извѣстна была и легенда объ увозѣ (Караджичъ, № 42), вышедшая изъ писменнаго источника, сходнаго съ сохранившимися въ русскихъ рукописяхъ. Въ сербской сказкѣ Соломонъ ѣдетъ на висѣлицу въ колымагѣ и смѣется; спрошенный о причинѣ смѣха, онъ отвѣчаетъ: «Смијем се гледајући, како једна гобела у као а друга из кала». Сходно въ русской повѣсти о Порѣ: переднія колеса кони везутъ, а заднія само спѣшатъ?

Для полноты обзора укажу еще на одиноко пока стоящій русскій духовный стихъ о царѣ Давидѣ, его дочери Олёнѣ и сынѣ Соломонѣ (Безс. Калѣки I, стр. 718—719, № 171): Олёну хотятъ выдать замужъ за Соломона, не помогаютъ ея просьбы отцу, матери, наконецъ брату; по ея молитвѣ лютые звѣри и вороны растерзали ея тѣло, а душа пошла къ Господу. Стихъ напоминаетъ сказку о Данилѣ-Говорилѣ (Аѳанасьевъ, № 65); откуда-же взялись библейскія имена — я не знаю.

[1]) Сл. Cederschiöld, Germania XXV, p. 136—7, № 24 (Секундъ— сынъ французскаго рыцаря; Адріанъ замѣненъ константинопольскимъ императоромъ).

[2]) На сказанія о Секундѣ обратилъ вниманіе Knust въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Jahrb. f. rom. und engl. Litteratur, vol. X и XI, о рукописныхъ сокровищахъ Эскуріала (сл. тамъ же, vol. XI и XII, замѣтки по этому поводу Gildemeister'а и Steinschneider'а). Съ тѣхъ поръ явилась работа Revillout, Vie et sentences de Secundus, Paris 1873, и Knust снова вернулся къ испанскому тексту статьи въ своей книгѣ: Mittheilungen aus dem Eskurial. 1879. (Litter. Verein in Stuttgart. 141e Publication), p. 498—506 (текстъ), 602—612 (примѣчанія); сл. стр. 655 прим. къ стр. 611. Сл. Strauch, Secundus въ Zs. für deutsches Alterthum XXII B. p. 389 sqq. — Русскаго житія Секунда я не знаю; въ

содержаніе житія: Секундъ — философъ, жившій при императорѣ Адріанѣ. Мальчикомъ его отправили въ школу, гдѣ онъ оставался долгое время, пока самъ не сталъ великимъ мудрецомъ. Изъ школы онъ вынесъ ученіе, что нѣтъ на свѣтѣ честной женщины. Вернувшись домой возмужалый, обросши бородою, никѣмъ не узнанный, онъ желаетъ испытать справедливость того, что ему говорили о женщинахъ, и прельщаетъ деньгами служанку, которая берется устроить ему любовное свиданіе съ своей хозяйкой, т. е. съ его собственной матерью. Свиданіе состоялось. Мать ожидаетъ, что странникъ будетъ съ ней «любовь творити», а онъ кладетъ голову на ея грудь и въ этомъ положеніи проспалъ всю ночь. Когда утромъ онъ собирался уйти, мать останавливаетъ его вопросомъ: Не желалъ-ли онъ испытать её такимъ образомъ дѣйствія? — Не слѣдъ мнѣ осквернять сосудъ, изъ котораго я вышелъ на свѣтъ, отвѣчаетъ Секундъ и объявляетъ себя ея сыномъ. Это откровеніе такъ подѣйствовало на мать, что, не перенеся стыда, она тутъ-же упала мертвой.

Сходство съ приведеннымъ выше эпизодомъ Соломоновской повѣсти несомнѣнно; главная разница въ томъ, что мать Соломона не умираетъ, а только *бысть аки мертва*. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа мать Соломона, во всякомъ случаѣ, не упоминается болѣе.

Опечаленный смертью матери, причиной которой онъ считалъ себя, Секундъ налагаетъ на себя эпитимію: обѣтъ постояннаго молчанія. Услышалъ о томъ императоръ Адріанъ, и велѣвъ привести къ себѣ Секунда, пытался вызвать его на бесѣду, но на-

---

Пчелѣ встрѣчается съ его именемъ ригористическій отзывъ о женахъ и другой — біографическаго характера: «Въ трехъ нужахъ былъ есмь: в граматикии, въ оубожии; оу люты жены, да двою нужю оубѣжахъ, а злы жены не могохъ утечи». Въ другомъ изводѣ Пчелы это изреченіе приписано Сократу. — Въ передачѣ біографіи я выбиралъ общее ея восточнымъ и западнымъ текстамъ; лишь свиданіе съ матерью разсказано ближе къ послѣднимъ — въ цѣляхъ слѣдующаго сравненія.

прасно. Тогда онъ думаетъ заставить его заговорить — подъ страхомъ смерти: велитъ отвести его на казнь, а исполнителю наказываетъ стороною, что если Секундъ заговоритъ подъ вліяніемъ страха, пусть казнитъ его, коли нѣтъ, пусть приведетъ его обратно. Но Секундъ не проронилъ ни слова; снова приведенный къ Адріану, онъ повинуется его желанію — отвѣтить ему, по крайней мѣрѣ писменно, и пишетъ на дощечкѣ: Адріанъ, я не боюсь тебя, потому что ты похожъ на князя міра сего; ты можешь умертвить меня, но ничто не заставитъ меня говорить. Императоръ предлагаетъ ему рядъ вопросовъ общаго содержанія: что такое свѣтъ, великое море, Богъ, солнце, луна; другъ, богатство; желчь, поцѣлуй и т. д., на которые Секундъ даетъ такіе-же молчаливые отвѣты. Это и составляетъ содержаніе Бесѣды *Секунда съ Адріаномъ*, играющимъ роль совопросника еще въ другихъ подобныхъ преніяхъ: извѣстно Altercatio *Hadriani et Epicteti*, *Адріана и Риѳея* (Ritheus), входящіе въ одинъ рядъ съ Діалогами Соломона и Сатурна и т. п.

Это возвращаетъ насъ снова къ Соломоновскимъ сказаніямъ русской Палеи, въ которыхъ является какой-то царь *Адаріанъ* (въ Палеѣ 1494 г.), Даріанъ, Дарій (Палея XVI в.): *онъ велитъ боярамъ своимъ звать себя богомъ;* разсказъ объ этомъ вложенъ въ уста Соломона; затѣмъ слѣдуетъ другой — о загадкѣ, посланной тѣмъ-же царемъ Соломону и имъ разрѣшенной при помощи криваго бѣса, которому онъ обѣщалъ награду, а потомъ обдѣлилъ [1]). Я сравнивалъ Адаріана, звавшаго себя Богомъ, съ царемъ Nubara, отцемъ Djarada'ы мусульманской легенды, съ Адріаномъ и Александромъ Македонскимъ талмудическихъ сказаній [2]), къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще и

---

[1]) Объ этой загадкѣ и относящейся къ ней литературѣ см. С. и К. 91—95; объ Адарьянѣ тамъ же, стр. 92—93 прим. 1 на стр. 92; сл. прим. 1 на стр. 217—220.

[2]) Сл. Tendlau, Fellmeiers Abende 1856, p. 218—220 и примѣч. къ стр. 218; Wendunmuth IV Buch, №№ 23 и 24.

сказаніе о царѣ Hiram'ѣ [1]). Сравненіе талмудической легенды объ Адріанѣ съ повѣстью русской Палеи объ Адарьянѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ послѣднемъ имени скрывается первое: тамъ и здѣсь то-же содержаніе и тотъ-же ходъ дѣйствія. Остается заключить, что эпизодъ объ *Адріанѣ-Адарьянѣ* въ Палеѣ (и, можетъ быть, и въ ея источникѣ?) позднѣе основныхъ очертаній Соломоновской саги [2]) и что, быть можетъ, подобнымъ-же литературнымъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить внесеніе въ Повѣсть о дѣтствѣ отрывка изъ вопрошаній *Адріана Секунду*. Соломонъ Повѣсти такой-же мизогинъ, какъ Секундъ, и ему естественно было выступить въ его роли.

Такія перенесенія не рѣдки въ исторіи соломоновскихъ сказаній. Укажу лишь на немногое. Въ первой (по западному счету третьей) книгѣ Эздры гл. III—IV трое юныхъ стражей царя Дарія спорятъ въ присутствіи его и его двора о томъ, что всего сильнѣе: одинъ утверждаетъ, что вино, другой, что царь, третій говоритъ: сильнѣе ихъ женщины, всѣхъ же сильнѣе — истина. Имя послѣдняго — Зоровавель.

Въ Book of Leinster, недавно изданной Atkinson'омъ (Dublin 1880; сл. стр. 65), роль Дарія перенесена на Соломона, жена котораго явилась на мѣсто даріевой наложницы, Апамины.

Однажды на пиру у Соломона подпившіе собесѣдники заспорили о томъ, что всего сильнѣе на свѣтѣ: Римлянинъ утверждалъ, что вино, Грекъ — что царь, еврей Nemiasserus — что женщина. Жена Соломона, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, сбила съ его головы вѣнецъ (helmet), который и скатился на землю. Царь не только допустилъ это сдѣлать, но даже улыбнулся; тогда Nemiasserus снова повторилъ свое положеніе, съ которымъ согласился и Соломонъ [3]).

---

[1]) Jellinek, Bet-ha-midrasch, 5er Theil, стр. XXXIII—V.

[2]) Я не отрицаю, чтобы за Адарьяномъ — Адріаномъ не стоялъ первоначально другой, традиціонный образъ, оттѣсненный новымъ. Я упоминалъ уже о Нубарѣ, отцѣ Djarada'ы.

[3]) Ἔσδρας ά, 4, 29—31. Говоритъ Зоровавель: ἐθεώρουν αὐτὸν (царя)

Особое вниманіе обращаетъ на себя преданіе о невѣрной женѣ Соломона, внесенное въ своеобразный пересказъ легенды о крестномъ древѣ. Я разумѣю эпизодъ о nef Salemon въ такъ называемомъ Grand Saint Graal [1]).

Западныя и особенно славянскія сказанія о крестѣ [2]) повѣствуютъ о райскомъ тричастномъ деревѣ, исторія котораго ведется отъ Адама и Евы, рядомъ ветхозавѣтныхъ прообразованій, до Соломона и далѣе. Но Соломонъ стоитъ въ ея центрѣ: Давидъ завѣщаетъ ему построить домъ Божій по подобію видѣннаго имъ въ откровеніи; ангелъ является къ нему и вручаетъ ему перстень «имѣе писание страшное»; «Соломуноу же единомоу вѣдѫщоу ꙗкоже наученъ быс(ть) ѡтъ аггела, еже бѣ написано въ прьстенѣ томь» [3]), онъ приступаетъ къ построенію храма, для котораго понадобилось и крестное дерево, которое Соломонъ велитъ срубить и привлечь въ Іерусалимъ съ великимъ трудомъ.

καὶ Ἀπάμην τὴν θυγατέρα Βαρτάκου τοῦ θαυμαστοῦ τὴν παλλακὴν τοῦ βασιλέως καθημένην ἐν δεξίᾳ τοῦ βασιλέως, καὶ ἀφαιροῦσαν τὸ διάδημα ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τοῦ βασιλέως καὶ ἐπιτιθοῦσαν ἑαυτῇ, καὶ ἐρράπιζε τὸν βασιλέα τῇ ἀριστερᾷ. καὶ πρὸς τούτοις ὁ βασιλεὺς χάσκων τὸ στόμα ἐθεώρει αὐτήν· καὶ ἐὰν προσγελάσῃ αὐτῷ, γελᾷ. ἐὰν δὲ πικρανθῇ ἐπ' αὐτόν, κολακεύει αὐτὴν ὅπως διαλλαγῇ αὐτῷ.

[1]) Объ этомъ эпизодѣ см. С. и К. стр. 295—6, прим. 2 на стр. 295. Сл. Hucher, Le Saint Graal II, p. 443—484.

[2]) О нихъ см. С. и К. 170—174; Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I Откровенія Меѳодія и византійско-германская императорская сага: I легенда о послѣднемъ императорѣ 317—331; II Легенда о возвращающемся императорѣ стр. 93 слѣд.; III Легенда о скрывающемся императорѣ стр. 125 слѣд. — II Берта, Анастасія и Пятница I: Сивилла-Самовила — reine Pédauque: Берта — въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, Апрѣль и Май; 1876, Февраль, passim; Altslavische Kreuz- und Rebensagen въ Russ. Revue 1878, VII, 8es Heft, стр. 130 sqq. Славянскіе тексты сказанія о крестномъ древѣ заслуживаютъ критическаго изученія, которое прольетъ новый свѣтъ и на западные пересказы того же сюжета.

[3]) Симъ исправляется сказанное мною въ прим. 1, стр. 172 С. и К.: что ангелъ не объясняетъ Соломону значеніе надписи. Сл. текстъ,

Но напрасны были усилія положить его въ храмѣ, какъ ни примѣряли его; пришлось оставить его внѣ храма. — Другая легенда, приписываемая Григорію Богослову и разсказывающая исторію трехъ крестныхъ древъ, на которыхъ распятъ былъ Спаситель и два разбойника, говоритъ, что всѣ три дерева были принесены въ Іерусалимъ, съ цѣлью — употребить ихъ на постройку, но съ такимъ-же малымъ успѣхомъ; мѣсто нахожденія третьяго изъ нихъ, древа, на которомъ имѣлъ быть распятъ Спаситель, указано Соломону демонами, которые говорятъ о немъ со страхомъ и трепетомъ, но доставляютъ его царю, побужденные къ тому «печатію господнею», т. е., вѣроятно, перстнемъ, принесеннымъ ангеломъ. — Какъ видно, это — христіанизованное сказаніе о построеніи Святая Святыхъ, съ демономъ Асмодеемъ и перстнемъ. — Къ древу распятія, разъисканному Соломономъ, привязывается въ легендахъ о крестѣ извѣстное появленіе Сивиллы.

Въ Grand St. Graal эти разсказы о крестномъ древѣ получили особую обработку. Оно выростаетъ изъ вѣтки древа познанія добра и зла, которую Ева вынесла изъ рая: оно — бѣлое какъ снѣгъ и роскошно разрослось. Подъ нимъ зачатъ былъ Авель, и оно стало тогда ярко-зеленымъ, тогда какъ другія, отъ него разросшіяся ранѣе, сохранили свой цвѣтъ. Когда подъ нимъ убитъ былъ Авель, то оно сдѣлалось краснымъ, но его отпрыски остались зелеными. Эти деревья свято хранились потомствомъ прародителей, пережили, неизмѣненныя, разрушительное дѣйствіе потопа, сохранились въ прежней красотѣ и до временъ Давида и Соломона.

Соломона Господь одарилъ великою мудростью и знаніемъ, «et nepourkant par biautet de femme fu-il si soupris et décéus; qu'il en fist tant de coses contre Diu que à honte li pot-on

---

напечатанный впослѣдствіи Ягичемъ (Opisi i izvodi, I, p. 86) и А. Поповымъ, Первое прибавленіе къ Описанію рукописей и т. д. Хлудова, стр. 35.

atourner. — Sa femme ki o lui estoit, si se penoit d'engignier lui et décevoir au plus que ele pooit, et il l'amoit tant que il ne pooit nule riens tant amer. Il se gardoit au plus que il pooit, jà si ne si séust garder, et chou ne doit-on pas tenir à mierveille, kar sans faille puis que femme velt metre son cuer et s'entension en engin, nus sens d'oume mortel ne s'i puet prendre, si ne coumenche pas à nous, mais à nostre première lingnie. Qant Salemons vit que il-ne s'en pot garder contre l'engin de sa femme, si s'esmerveilla moult que çou pooit iestre, si fu assés couroucíés; mais plus n'en osoit faire, dont il dist en son livre que on apièle Paraboles: «Jou ai, fist il, avirounet le monde et alet en tel manière comme sens mortex le pooit encerkier, ne en toute cele incerquité ne poi trouver une boine femme»[1]). Cheste parole dist-il par chou que il ne s'en pooit gaitier contre l'engin de sa feme, si s'esmierveilloit moult, dont chou pooit (estre) et dont çou venoit que femme estoit si soutive et curieuse en malisse, tant que il coumencha moult à despire femme et dist que femme ne estoit mie esperitex cose, mais anemis drois. Une nuit gisoit en son lit moult pensis et disoit moult dolans: «Hom caitis, plains de misère [plains], viex piersoune et soufroitouse, dont puet chou venir?» En dementiers que il estoit en tel esror, si oï une vois qui li dist: «Hom caitis, plains de misère, piersone viex et soufroitouse, ne t'esmierveille pas se femme t'a mis en duel et en esrour. Kar nostre première femme, no mère, ne fina onques devant chou que ele fu gietée de paradis dou délit, si que ele de là ù ele estoit ne fina onques devant chou que ele fu de paradis gietée huers et ù ele estoit en toute buenne éurté, se mist-ele huers et entra en toute maléurtet dont tout li hoir qui de lui descendirent se sentent encore si durement que il en manguent lour pain en dolour et en chaitivetet moult grant». Et encore li

---

[1]) Сл. на эту тему разсказъ о Соломонѣ въ Палеѣ С. и К. 86 sqq. и въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, Апрѣль: О талмудическомъ источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палеѣ.

dist la vois: «Salemon! n'aies pas femme en tel despit: kar se par femme vint à houme courous premièrement, en liu d'icele femme venra une autre qui aportera à houme joie gregnour que li courous n'ait estet, et ensi amendera femme çou que femme mesfist; et chele feme istra de ton lignage».

Соломонъ раскаивается въ своихъ словахъ, и принявшись изучать священное Писаніе, узнаетъ о грядущемъ явленіи Богородицы-Дѣвы и о томъ, что изъ его рода имѣетъ явиться въ далекомъ будущемъ рыцарь, который превзойдетъ храбростью и благородствомъ всѣхъ, когда-либо жившихъ. Соломонъ его не увидитъ, а ему хотѣлось бы оповѣстить отдаленнаго потомка, что онъ зналъ напередъ о его пришествіи. Эта мысль не даетъ ему покоя; жена Соломона замѣтила это и пристаетъ къ нему съ разспросами. Соломонъ, «qui le savoit plus soutive en mal et en engien que nus hom ne poroit iestre, pensa que se cuers mortex pooit metre conseil à chou que il pensoit, ele en vienroit bien à chief», — открываетъ ей свои тайныя мысли. Жена совѣтуетъ ему какъ поступить въ данномъ случаѣ, и Соломонъ слѣдуетъ ея совѣту.

Плотники, созванные со всего царства, строятъ корабль, на столько прочный, чтобъ онъ могъ продержаться на водѣ, не портясь, въ теченіи 4000 лѣтъ. Въ немъ на богатомъ одрѣ положенъ былъ — въ изголовьи золотой вѣнецъ, въ ногахъ мечъ царя Давида, назначенный для грядущаго воителя; въ продольныя рамки ложа были вдѣланы по срединѣ двѣ вертикальныя жерди, другъ противъ друга, одна бѣлая, другая зеленая, соединенныя между собою третьей, поперечной, краснаго цвѣта. Эти жерди вырублены были изъ краснаго, бѣлаго и зеленаго древа жизни; рабочіе на то не рѣшались, но царица настояла; когда ихъ рубили, изъ нихъ истекли капли крови[1]), и плотники ослѣпли. Кто посмотритъ на

---

[1]) Та-же подробность въ Auto sacramental: El arbol del mejor fruto. Сл. Mussafia, Sulla leggenda del legno della croce, въ Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. der kais. Akad. d. W. Wien 1870, 63 B. p. 191—2.

эти жерди, говоритъ царица, вспомнитъ о смерти Авеля, а Соломонъ кладетъ въ корабль посланіе къ своему будущему потомку: «Os-tu, chevalier bons éureus qui seras fins de mon lignage, se tu viex estre em paix et hom sages sour toutes choses, te garde d'engien de fememe, et, se tu ne le crois, sens ne prouèce ne cevalerie ne te garandira que tu ne soies en la fin hounis». На бортѣ корабля надпись [1]): «Os-tu, hom qui dedens moi viex entrer, qui que tu soies, si gardes que tu n'i entres, si tu n'ies plains de foit: kar il n'a en moi se foi non et créanche, et pour chou saches-tu, se tu guenchis à créance ne qant ne qant, jou te guencirai en tel manière que tu n'auras de moi ne soustenance ne aide en quel liu que tu seras atains à mercréance». Въ ночь, передъ тѣмъ какъ корабль унесло въ море, кто-то спустился съ неба, окруженный сонмомъ ангеловъ, освятилъ и окропилъ сооруженіе, говоря: «Ceste nef est fiance de ma nouviele maison». Соломонъ хочетъ самъ вступить въ него, но небесный голосъ и надпись на борту его останавливаютъ; а между тѣмъ поднялся вѣтеръ и унесъ корабль изъ глазъ Соломона и его супруги.

Крестныя легенды приводятъ къ сооруженію Соломонова храма, къ которому привлечены крестныя деревья, оказывающіяся негодными въ постройку; легенда въ Grand Saint Graal переходитъ отъ разсказа объ этихъ деревьяхъ къ построенію корабля, древнему символа церкви, но церкви будущаго, Христовой, почему въ ней у мѣста и жерди, вырубленныя изъ крестныхъ деревьевъ. Что таково именно значеніе корабля, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія надпись на бортѣ и слова, сказанныя при его освященіи. — Одръ, въ немъ стоящій, слѣдуетъ понять въ символическомъ значеніи: κλίνη ἐστὶ Δεσποτικὴ ὁ σταυρός, ἣν οὐχὶ δάκρυσι, κατὰ τὸν Δαυὶδ, ἀλλ' αἵμασιν ἔλουσεν ὁ ἐκ Δαυὶδ τὸ κατὰ σάρκα Χριστός· οὐχὶ τὸ ἑαυτοῦ ἐκπλύνων ἁμάρτημα, . . . ἀλλὰ καταίρων τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου τὴν ἐκ τοῦ ξύλου ἀνα-

---

[1]) Hucher l. c. p. 483; та-же надпись, съ отличіями, на стр. 444.

φυεῖσαν.... ἐν ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ ὁ σταυρὸς εἰκονίζεται· καὶ ἦν τοῦτο προχάραγμα τοῦ ἐν τῷ Δεσποτικῷ αἵματι ἐπιχρωσθέντος αὐτῷ ἐρυθήματος. — Тоже въ другой проповѣди по поводу толкованія Пѣсни Пѣсней III, 7 (ἡ κλίνη Σαλομών): Κλίνη δὲ τούτου τοῦ Σαλομὼν ὁ σταυρός, ἐν ᾧ ἐκοιμήθη, καὶ ὕπνωσε τὸν φυσίζωον ὕπνον, καὶ τοῦ πεσόντος Ἀδὰμ ἀναστάσιμον, ἐπικλίνας αὐτῷ κεφαλὴν ἐκουσίως [1]). При такомъ ложѣ понятны жерди, подѣланныя изъ крестныхъ деревьевъ, хотя прозрачность символа не выгадываетъ отъ такого наслоенія. Можно предположить, что мы имѣемъ дѣло именно съ наслоеніемъ: крестъ — ложе Христа; это отождествленіе переводится образомъ ложа, къ которому вторично пристроилась память о крестныхъ деревьяхъ. — Замѣтимъ, впрочемъ, что у Готфрида изъ Витербо древо распятія достаетъ не Соломонъ, а Давидъ, который хранитъ его въ своемъ *thalamus* (?), а въ нѣкоторыхъ легендахъ, относящихся къ той-же группѣ крестныхъ сказаній, Давиду является въ сновидѣніи ангелъ, вѣщающій ему о райскихъ лозахъ, посаженныхъ Моисеемъ; проснувшись, царь находитъ ихъ стоящими *вокругъ своего ложа;* посаженныя, онѣ чудесно percтаются — какъ въ романѣ о св. Гралѣ жерди изъ крестныхъ деревьевъ, придѣланныя къ одру, являются искуственно соединенными между собою.

Роль невѣрной жены Соломона выясняется: она — дочь Евы, оттуда ея слабости и порочныя увлеченія, не съ нею впервые явившіяся въ свѣтъ: ихъ корень въ проступкѣ праматери. Но отсюда еще не слѣдуетъ осуждать женщину вообще: въ чемъ одна согрѣшила, то восполнитъ другая съ лихвою, сотретъ первородный грѣхъ. — Я полагаю, что такова въ сущности основная идея введенія къ легендѣ о царѣ Асѣ: вся злоба на землѣ отъ женъ, говоритъ онъ, желалъ бы всѣхъ ихъ «небытію предать» и глумится надъ словами Писанія потому, между прочимъ, что они писаны были женщиной. Далѣе

---

[1]) Germani II Constantinop. patriarchae Contra Bogomilos, у Migne, Patrol. gr. t. 140, p. 640; 644.

это грѣшное отрицаніе женщины не играетъ роли въ легендѣ; въ Grand Saint Graal оно осуждено съ точки зрѣнія христіанства. Въ особенности развитіе культа Богородицы должно было смягчать мизогинію, такъ ярко сказывающуюся въ отповѣдяхъ Морольфа, въ Повѣсти о Дѣтствѣ, наконецъ въ сказаніяхъ объ увозѣ Соломоновой жены.

I.

О премудрости Соломоней и женѣ его.

(По ркп. Имп. Публ. библ. Пог. № 1606, л. 238 лиц. и слѣд.)

Бяше Соломонь премудръ и сынъ Давида царꙗ и пророка Господня, обладаше всею землею, имꙗше велика дѣла о себѣ и строящеся мудростію его яко единъ воинъ. Имяше Соломонъ красоту велику, гдѣ чюꙗше другаго царꙗ лѣпу царицу, прихождаше и лежаше со царицею и взимаше перстень, и егда отхожьдаше в землю свою, и пущаше ко царю тому, повѣдаше ему знамя и всѣмъ царемъ тако творяще. Отець же его рече: Сыну мой Соломоне, почто не поимеши себѣ жену? Соломонъ же рече: Аще [не] изобращу паче всего свѣта красну жену и лѣпу якоже есмь азъ, то возму. Давидь же рече: Жена красна престолъ Сотонинъ есть. Соломонъ же обрѣте жену вь Персѣхь лепѣйшу всего свѣта. Егда же приведе ю въ домъ, видѣвь-же ю Давидь царь и рече: Во истинну сия лѣпота много соблазна сотворитъ. Гдѣ обрящемъ только добра отъ мене?[1]). Соломонъ же рече: Отче, каковъ соблазнъ сотворитъ? азъ есмь царь царемъ, азъ есмь премудрь, лѣпее всего свѣта. Давидъ же рече: О сыну мой Соломоне, тая лѣпота нѣсть приключна, и людемъ то дѣла не при-

---

[1]) Фраза, очевидно, попавшая не въ свое мѣсто — изъ отвѣта Соломона. См. выше, стр. 97, отрывокъ изъ текста Сырку.

ключна сотворитъ. Слышавъ же Кип'рскій царь яко поялъ еси себѣ Соломонъ жену вельми красну и лѣпу и рече вельможамъ своимъ: Аще бы мнѣ кто сотворилъ тако шедъ во Ерусалимъ да взялъ бы мнѣ жену Соломонову, понялъ бы себѣ царицю, далъ бы ему имѣния много. Тогда же нѣхто отъ бояръ его, человѣкъ исполинъ именемъ, глагола ему: Азъ сотворю тебѣ тако, яко тебѣ угодно будетъ. Царь же вельми возрадовася о словесѣхъ его. Исполинже взялъ с собою камение безцѣнное и бисеръ и злато и сотвори мантию и рухѡ царьское вельми мудро, и отиде в землю Соломонову и пріиде во Ирусалимъ и продаваше ако единъ купецъ. І видѣвьше людие Іерусалимстіи и почюдишаса вси и повѣдаша ѡ томъ царицѣ. Царица же повелѣ его призвати к себѣ. Пришедъже ему ко царицы, ѡна же видѣвше ѡдежду и ужасъша и воспроси его: Что есть тому цеча? Исполинъ же рече: Госпоже царицы, тоѣ не подобаетъ тебѣ купити. И рече ему царица: По что тако глаголеши, ѡ брате исполине? Исполинъ же царицы рече: Такову руху въ нашеи землѣ рабы ни носятъ. Царица же рече: Да вашего царя царица какову руху носитъ? Исполинъ же рече: Госпоже царице, нашь царь царицы не имѣетъ, понеже не иматъ изобразъ противъ красоты лица своего; аще изберетъ, то уготоваетъ еи полату со звѣздами, да играетъ въ неи. Царица же рече ему в таи: Да хощетъ ли мене царь вашь взяти? Онже рече: Во истинну вельми бы ся веселилъ ѡ тебѣ и ѡ твоей красотѣ. Она же взя его к себя таино и рече ему: Да како мя приведеши к нему? Онже рече ей: Укради ми ключи цр'квныя и даи ихъ мнѣ. Онаже украде и дасть ему. Исполинже дасть еи забытное зелие. Она же напився и умре. И пѡвѣдаша Соломону ѡ смр'ти ея; Соломонъ же се слышавъ и почюдися и рече: То моя царицы напрасная смр'ть. И повелѣ еі проньзнути длани: да не сотворитъ великаго скандалства, яко же рече ѡтець мой Давидь. И тако прожгоша еи длани. И повелѣ еа вложити во гробницу и внѣ руку ѡставити: да егда прихожу и зрю на ню, понеже ми была мила. И сотвориша тако. Исполинъ же пришедъ нощію и украде ю и паки напои ю бы-

лиемъ и оживи ю и влѣзъ вь корабль и пріиде ко царю Кипрскому. Видѣвъ же ея царицы и подивися красотѣ ея и лѣпоты, и радъ бысть ѡ неи вельми и імѣаше ю себе женою. Соломонъ же (....) видѣти ея и не ѡбрете еѧ во гробницы и пріиде и рече: Истинну глагола ми отець мой Давидь: красная жена великое скандалство воздвигнетъ. И посла ея распытовати по всеи земли, и ни ѡбрѣтоша ея. Тогда же пріиде человѣкъ и повѣда Соломону: Пришла есть жена твоя въ Кипрь. Соломонъ-же рече: Да како увѣмъ, что моя есть жена? Единъ же человѣкь сотвори рукавицы и украси ихъ маргаритомъ и камениемъ безцѣннымъ и отъиде вь Кипрь продаяти іхь. Царица же увѣдавши повелѣ призвати человѣка того хотящи у него рукавицы купити. Пришедчю же ему ко царицы, ѡна же веземъ полагаше ихъ на руцѣ свои и подивися красотѣ ихъ. Купецъ же видѣ знамя на руцѣхъ ея, иже бѣ длани прозжены, и позна ю и пришедъ во Ерусалимъ и повѣда Соломону. Соломонъ въстужи вельми и собравъ воя пятдесятъ храбрыхъ и вооруженъныхъ, и поиде въ Кипрскую землю и творяше яко того града людие, и постави ихь отъ града за два поприща и заповѣда имъ по обычаю во градъ внити, самъ же сотворися ѧко единъ странникъ и вниде во градъ исхождаше (?) Царица же видѣ Соломона и позна его и рече ему: Что ходиши, человѣче? всуе трудишися. Соломонъ же рече: Не вѣси-ли, царице, яко велику любовь имѣхъ к тебѣ? тако пріидохъ да вижу красоту твою. А воемъ своимъ заповѣдалъ тако: Вы же около града почивайте, аще услушите трубу, скоро пригоните, до третияго потрубленія да обрящетеся. И пришедъ царь Кипрскій и пріимъ царицу за плещи и взыграя съ нею, и рече к нему царица: Аще бы еси видѣлъ Соломонъ, что съ мною играеши, что бы рекьль? Царь же рече къ ней: Что бы реклъ онъ? Царь же и азъ есми и ѡнъ братъ мой, понежи ѡба есми цари, и азъ тебя взялъ не ратію, но сама пришла еси ко мнѣ. Что-бы мнѣ Соломонъ реклъ? Царица же рече: Хощеши ли да видиши Соломона? Онъ же рече: Почто тако глаголеши? Она же рече: Аще ли покажу-ти Соломона, ничто с нимъ глаголавь да погуби его, аще

ли съ нимъ хоти едино слово молвиши, то онъ тебя погубилъ. И изведши же царѧ Соломона и показа ему. Царь же Кипрскій рече: Здравъ ли еси Соломонъ? Соломонъ же рече: Здравъ ли еси ты, царь, здрава ли есть жена твоя? Царь же Кипрьскій рече: Соломоне, аще хто здравствуетъ тебѣ за жену твою, что ему сотвориши? Соломонъ-же рече ему: Всадилъ бы его в темницу да седитъ три д҆ни. Царь же Кипрскій всади Соломона въ темницу; по трехъ днехъ изведе его ис темницы и рече къ нему царь: О Соломоне, се азъ царѧ имѣю, да что ему сотворити? Соломонъ же рече: Подобаетъ погубити его. Царь же рече ему: Да какова ему смрть дати? Молю ти ся о семъ, брате мои Соломане, рцы ми. Соломонъ же рече ему: Слышу царю, азъ за жену хощу погибнути, а азъ есми великій царь, но даи ми почетную смерть царскую, и никтоже вѣровати хощетъ о мнѣ яко азъ погибль есть: изведи мя на поле и повѣси мя на велицемъ дубѣ, да всякъ человѣкъ видитъ мя и хощетъ вѣровати, что есмь былъ царь царемъ. Тогда же царь повелѣ Соломона возложити на колесницу и повезоша его на поле. Соломонъ же тогда вельми разсмѣѧлся. И рече ему царь Кипрскій: О Соломоне, азъ тебя веду на смерть, а ты смѣешися. Соломонъ же рече: Чуждуся о семъ, какъ коло на коло идетъ. Царь же почюдися, и приведоша его к дубу. Соломонъ же рече: Азъ хощу за жену погибнути, дай ми, царю, трубу, да натрублю на смерти своей, понеже такова есть наука моя. Царь же дасть трубу. Соломонъ же веземъ трубу и потруби. Воя его седлаша кони своя. И потруби второй, и воя его вьседоша на кони своя. И тако третіѣ потруби, и воя его скоро пригнаша и яша царя и царицу. Соломонъ же рече къ нему: Сего ради и смеяхся, какъ коло на коло идетъ. Соломанъ же царю Кипрскому дасть сладкую смерть: пусти ему кровь изо всѣхъ жилъ, и тако мало страдавъ и умре. Царица же прискочивши къ Соломону и нача ему ласкати и льстити. И рече ему: Господине мой царю Соломане, вѣси-ли яко отъ руки моей въдасться тебѣ ц҆рьство Кипрское, и злодѣя моего царя Кипрскаго погубилъ еси, и рада есми вельми тебѣ свѣта своего осмотривши.

И много ему глагола льстивыми словесы. Соломонъ же царицы рече: Вѣси-ли, царице, понеже ми еси была вельми мила за красоту лица твоего и за твои за доброй обычай, а нынѣ ми еси милѣе паче прежьдняго и люблю тя паче всего имѣнія своего и воздамъ ти честь превеликую, якоже нигдѣ таковыя чести нѣтъ, твоего ради добраго нрава и обычая, понеже не обрелъ есмь себѣ царицы таковыя во всемъ свѣте, яко же ты красотою и лѣпотою, и возведу тя на высокій теремъ во златоверхій и украшу тя красотоу червленою и возвеселю тя веселіемъ великимъ, якоже и азъ возвеселихся о тебѣ и о твоей красотѣ. А нынѣ вьзлѣзи на высокъ теремъ и посмотри милаго своего царя Кипрскаго, утѣшающаго красными утѣхами, яко же и тебѣ подобаетъ съ нимъ тако утѣшатися. И тако возведоша ю на высокъ теремъ и на высокій дубъ, и повелѣ еи веревку шелкову проинзнути сквозе длани ея, и повѣсиша ю на велицемъ дубе, и повелѣ воемъ своимъ всякому ударити ея по трижды стрѣлою. И тако злѣ скончася. Тогда же Соломонъ прия и Кипрское цр҃ьство.

II.

Повесть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Аггеѣ, како пострада гордости ради.

(По ркп. Публ. Библ. XVII, Q, 79, XVII вѣка, л. 460—2 и Погод. 1773).

Бысть во градѣ Ѳилумени царь имянемъ Аггей славенъ зѣло. И стоящу ему в церкви во время божественнаго пѣния, чтущу іерѣю святое евангелие, егда доиде до строки в нем же написано: Богатиі обнищаютъ а нищие обогатѣютъ, слышавъ же сиа царь рекъ со яростию: Ложь есть сие писано въ евангилие, понеже

азъ есмь царь, славенъ есмь на земли и богатъ зѣло, како мнѣ обнищати а нищему обогатѣти противъ меня? Егдаже ѡтслужи иереі божественную литургию, и повелѣ его царь всадити в темницу, а листъ тои изъ евангилия выдрати повѣле, и отъиде в домъ свои начатъ пити и ясти и веселитися. Видевъ же нѣцыі юноши еленя в концы поля и пришедши сказаша царю. Царь же поятъ с собою юноши и погнаша еленя хотя его уловити. Бѣ же елень тои видѣниемъ красенъ зѣло и томенъ. Царь же рече отрокомъ своимъ: Стоитѣ вы здѣ, азъ же единъ уловлю еленя. И погна его в следъ. Елень же побежа за реку, царь же привяза коня своего и совлече с себѧ ѡдежду свою и поплы за реку. Преплы реку і абие елень не видимъ бысть. Ангелъ же господень вседъ на коня его и явися во образъ царя Аггѣѧ и приѣхавъ сказа юношамъ, что утече елень. Царь же Аггѣі возвратися въспятъ и преплы реку и абие не виде ни коня ни платьѧ своего и ставъ нагъ задумався, и поиде ко граду Ѳилумени и виде пастуха волы пасуща і вопроси его: Пастуше брате, гдѣ еси виделъ коня моего и платие? Пастухъ же вопроси его: Кто еси ты? Онъ-же рече: Азъ есмь царь вашъ Агѣі. Пастухъ-же рече ему: Ѡкаянне, како смѣеши царемъ нашимъ нарещися, понеже азъ нынѣ видехъ царя Аггѣѧ, нынѣ проѣхалъ во градъ сь юношами своимі? И нача его бити кнутомъ и трубою. Царь же нача плакати и поиде во градъ нагъ. И сретоша его торговые люди града того і вопросиша его: Человѣче, почто еси нагъ и гдѣ твоя одежда? Онъ же рече не смѣя царемъ нарещися и сказа имъ: Одежду мою разбоиницы похитиша. Они же даша ему худую одежду. Онъ-же earемъ и поиде ко граду и вьспроси сѧ к нѣкоей женѣ ночевать и нача ея роспрашивать: Кто есть у васъ нынѣ царь? Она-же рече: Али еси не нашия земли человѣкъ? И сказа ему: Царь есть у насъ Аггѣй. Онъ же вопроси: Колико лѣтъ царьствуетъ? Она же сказа ему: .л҃е. лѣтъ Онъ же написа писан(і)е своею рукою къ царице своеи, что у него было с нею таинаѧ мысль, и повеле нѣкоеи женѣ понести царицѣ. Царица же взятъ грамотку и повеле чести предъ собою. Онъ же

написа ся мужемъ ея царемъ Аггѣемъ. I нападе на нее страхъ великъ и по страсе томъ начатъ глаголати: Како сіи меня убогіи человѣкъ нарицаетъ себѣ женою? аще увѣдаетъ царь то, велитъ меня казнити. И повеле его бити кнутомъ нещадно безъ царьскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша его едва жива суща. Ѡнъ же поиде изъ града плача и рыдая и воспоминая евангильское слово, что богатіи обнищаютъ а нищіи обогатѣютъ, и каяся, како похули святое евангилие и како всади в темницу іерея, и поиде незнаемымъ путемъ. Царица же рече царю, явившемуся во образѣ царя Аггѣѧ: Что ты со мною другой годъ не пребываешь? Царь же рече: Обѣщание ми есть на три лѣта с тобою не сходитися. И отъидѣ отъ нея вь царьские полаты. Аггѣй же царь прииде въ незнаемый градъ и нанялся у крестьянина работати на лѣто и ничего работати не умѣетъ. Крестьянинъ же ему отказалъ; ѡнъ же начатъ плакати и поиде путемъ отъ града того, и срѣтоша его на пути томъ нищие. Онъ же рече имъ: Поимите меня с собою, понеже человѣкъ убогъ есмь, работати не умѣю и просити стыжуся. Что мнѣ велите, и я у васъ учну тружатися. Они же поимъ его с собою и даша ему суму носить. Егдаже приидоша к ночлѣгу ночевать и повелеша ему баню топить і воду носити и постелю слати. Ѡнъ же восплакався горко и жалостно зѣло и начатъ глаголати: Увы мнѣ окаянному, что сие сотворихъ? Бога прогнѣвахъ, самъ же царьства лишихсѧ и царицы остахся, погибель себѣ сотворихъ и все пострадахъ за слово Божие; истинное то а не ложно есть божественное писание. — Заутраже возташа нищие и поидоша ко граду Ѳилуменю; егдаже до града доидоша и пришедъ на царьской дворъ нищие и начаша милостыни просить. Бѣ же в то время у царя пиръ великъ, и повелѣ нищихъ вести в гостинницу кормити довольно, а мехоношю взяти к себѣ вь царьские полаты. И учивъ его много и наказавъ еже не хулити Слово Божие, иерейскій чинъ чтити и кротку быти до всякаго человѣка и милостиву и тиху, и даде ему скипетръ в руцѣ его царьскій и царьствие дарова ему по прежнему, царице же не повѣле ничего по-

вѣдати, миръ давъ ему и абие невидимъ бысть. Онъ же приимъ скипетръ отъ руки ангеловы (и) царьство порученное ему и начатъ царьствовати по прежнему и зѣло милостивъ бысть ко всякому человѣку и благоугодно поживше хваля и славя Бога вседержителя, ему-же слава всегда и нынѣ и во вѣки вѣковъ аминь.

БОГАТЫРСКОЕ СЛОВО

ВЪ СПИСКѢ НАЧАЛА XVII ВѢКА

ОТКРЫТОЕ

Е. В. Барсовымъ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕСЕЛОВСКОМУ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL ТОМУ-му ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 15 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Издавая предлагаемую «Былину», какъ «Историко-литературный памятникъ», мы считаемъ излишнимъ обставлять ее своими личными взглядами на былевое народное творчество: это прямая задача критики и спеціальныхъ изслѣдованій. Мы ограничиваемся при этомъ лишь немногими замѣчаніями, самыми необходимыми для уясненія и надлежащей оцѣнки этого драгоцѣннѣйшаго письменнаго памятника народнаго былеваго творчества.

Самыми существенными вопросами являются здѣсь слѣдующіе: 1) въ какой литературной обстановкѣ является эта былина; 2) въ какой мѣстности она записана; 3) когда именно записана; и, наконецъ, 4) какое особенное значеніе получаетъ она въ исторіи русской литературы.

1) Былина эта помѣщена въ принадлежащемъ намъ «Сборникѣ» въ 8^{0}, писанномъ разными руками и почерками XVII вѣка на 267 листахъ. Вотъ статьи входящія въ составъ этого «Сборника».

Л. 1. Путешествіе на востокъ Трифона Коробейникова (перваго листа не достаетъ). Языкъ этого «путника» отличается отъ книжнаго языка другихъ списковъ и приближается къ языку народному.

Л. 98. Сказаниє ѡ кѣєвски[х] богатырє[х], какъ ходили во цр҃ь-градъ и какъ побили цр҃еградцкихъ богатырей, ѹчинили себѣ ч҃ть. (Издаваемый списокъ).

Л. 121 об. Слово ѡ дмитреѣ кѹпьцѣ и ѡ мѹдры^х^ словесе^х^ сн҃а ѥво борзосмысла.

Всѣ эти три статьи писаны одной рукой и однимъ скорописнымъ почеркомъ.

Далѣе слѣдуетъ:

Л. 141. Повѣсть ѡ сильномъ богатырѣ Самсонѣ. Нач. «Бысть му^ж^ ѡ^т^ колѣна данова, имя ѥму маное». Повѣсть эта писана, сравнительно съ предъидущими статьями, болѣе позднимъ скорописнымъ почеркомъ.

Л. 156. Притча сказаѥма ѡ тѣлє ч҃лчьє и ѡ д҃шє и о воскрсенїи мртвы^х^. Нач. Ч҃лкъ нѣкто добра родѹ насади виногра^д^. Писана полууставомъ 2-й половины XVII вѣка.

Л. 164. Слово ст҃го григория Бг҃ослова ѡ стѣй Бж҃тве^н^нѣй литоргии. Нач. Егда начне^т^ иерей Бж҃естве^н^нѹю слѹжбѹ: «Бл҃гви вл҃ко».... Извѣстный апокрифъ; писанъ скорописью 2-й половины XVII вѣка.

Л. 170. Списания с толкомъ. о ѹскомъ пѹти, вѣдущимъ в жизнь вѣчнѹю, и ѡ широкомъ пѹти, вѣдущимъ в мѹкѹ вѣчнѹю. Нач. Бѣ нѣки^й^ ц҃рь славе^н^ ѕѣло, имѣя гра^д^ до верхѹ горы.... Такого же письма и того же времени, что и предъидущая статья.

Л. 186 об. Ѡ смертномъ житиї члвчестемъ и ѡ тѣ^х^ поѹченияⷯ, еже ко христиаⷩскомѹ и^з^бавлению потребно. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Нач. (В.) Чесо ра^ди^ сотворе^н^ есть ч҃лвкъ. ѡ^т^вѣтъ.... Сего ради сотворе^н^ ѥсть ч҃лвкъ.

Л. 196. Ѡ пр҃чевы^х^ крилѣ^х^ (въ вопросахъ и отвѣтахъ).

Л. 196 об. Ѡ црквнѣмъ пѣнии свтыми ап҃лы и ст҃ыми ѡ^т^цы ѹзаконено (о часахъ, павечерницѣ и полунощницѣ).

Л. 197 об. О крстѣ Гд҃ни. Нач. Что ради пишетсѧ ѹ кр҃та по^д^ножие.

Л. 199. О дузє нбн҃еи свт҃го Генадия патриарха Констя^н^тина града. Нач. Дуга ѥ҃ть ѡ^б^ра^з^ бж҃твена^г^ подобия.

Л. 202. Повѣсть о нѣкоемъ царѣ. Нач. Ц҃рь убо нѣкиї бы^с^ть ѕѣло славенъ.... Исчисленіе царскаго штата и содержанія эпарховъ и рабовъ.

Л. 204. Слово ѡ иконѣ прчтыѧ Бцы во иверейскомъ граде, како яви свое чюдо ѡб юноше. Нач. Бѣ нѣки' кѹпецъ во иверскомъ граде бога' зѣло....

Л. 213 об. Слово стых оцъ ко хрестияном, хто ѡстави' женѹ и дѣти іде' в мнстрь. Нач. Глаголю вамъ любовно братие.

Л. 217. Мца октябрѧ въ кв днь. Житие стго Аверкия Еропольскаго чюдотворца. Нач. В' Ярополи бяше еписко' малъ тѣлом....

Л. 222. О начале иноческо'. прпбънаго ѡца нашего нила пѹстынника. и тои на'наменѹе' инокъ. Нач. Инокъ есть испо'нитель и всѣх заповѣдей Хрвых....

Л. 229. Слово иѡанна златаустаго ѡ злых женах. Нач. Ничтоже подобно на земли злобе женстѣй.

Л. 234. Поѹчение ѡца дховнагѡ к детемъ дховнымъ на полезная. Нач. Еже написѹю вамъ воспоминати по Гдней заповедм. Поученіе русское и весьма важное для характеристики нравовъ и церковнаго быта древней Руси.

Л. 253 об. Поѹчение стго. Фотѣя митрополита киевскаго і всея Рѹси кь епискѹпомъ. и ко анхимаритом. и ко игѹменомъ и къ попомъ. и диакономъ и ко всѣмъ правосла'нымъ хртианомъ, какъ ходити по законѹ хрстиянскому.

Л. 264. Выписки изъ «Пчелы». Всѣ исчисленныя статьи писаны скорописью во 2-й половинѣ XVII вѣка.

Такова литературная обстановка, въ которой встрѣчаемъ издаваемую былину.

Разсмотрѣніе этого Сборника показываетъ, что первоначальный его составъ представляли лишь первыя три статьи, именно: «Путникъ Трифона Коробейникова», «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ» и «Слово о кіевскомъ купцѣ Борзосмыслѣ». Всѣ остальныя статьи присоединены впослѣдствіи и составляютъ лишь дополненіе къ его первоначальному типу.

Въ данномъ случаѣ для насъ всего важнѣе то, что статьи, входящія въ составъ этого основнаго типа, представляютъ въ себѣ нѣкоторую однородность своего содержанія; именно указываютъ

на путешествія русскихъ людей на Востокъ. Въ силу этой однородности и весь Сборникъ получилъ названіе «Странника», хотя большая его половина состоитъ изъ статей, къ коимъ не можетъ относиться это названіе.

Въ записяхъ, сдѣланныхъ разными его владѣльцами, даже позднѣйшими, читаемъ: «сія книга глемая Странникъ». На нижней коркѣ не разъ написано: «Книга странникъ, странникъ».

Въ силу той же особенности своего первоначальнаго типа, Сборникъ этотъ получилъ особенное значеніе и для «странствующихъ благочестія ради», или бѣгствующихъ старообрядцевъ. На л. 201 читаемъ: «Сия книга глемая бегуне[м] научения, а грѣшны[м] дш̃е на спасение, а всѣ[м] крестьяномъ пра(во)съсла[в]нымъ послушания».

Этимъ же самымъ типомъ отчасти объясняется и то, какъ случилось, что древне-русскій книжникъ счелъ нужнымъ записать народную былину. Повидимому, запись эта обусловливалась именно «Путникомъ Трифона Коробейникова». Переписавъ это путешествіе на Востокъ,—книжникъ припомнилъ, что бывали подобныя путешествія и въ старое время, какъ поется въ «старинахъ», при кіевскомъ князѣ Владимірѣ, — и къ «Путнику Коробейникова» приписалъ эту былину, какъ ее зналъ и какъ припоминалъ, озаглавивъ ее «сказаніемъ о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во црьградъ».... За тѣмъ онъ дополнилъ эти сказанія «Словомъ» о кіевскомъ купцѣ Борзосмыслѣ, который отплылъ изъ Кіева на кораблѣ, поплылъ по морю и попалъ въ страну, гдѣ народъ исповѣдывалъ вѣру православную, а царь—вѣру Еллинскую, поганую: для книжника это путешествіе — было путешествіемъ въ тѣже цареградскіе, восточные края.

Если это такъ, то историкъ русской литературы въ разсматриваемомъ Сборникѣ встрѣчается съ тремя любопытными фактами: прежде всего здѣсь усматривается первая попытка сдѣлать собраніе древне-русскихъ путешествій на Востокъ; далѣе видно, что древне-русскій человѣкъ народную былину трактовалъ, какъ

историческое сказаніе и, наконецъ слѣдуетъ, что древне-русскій книжникъ зналъ народныя былины и грамотность уживалась съ народной поэзіей.

2) Въ какой мѣстности записана была издаваемая былина, на это отыскиваемъ указаніе въ томъ же Сборникѣ, гдѣ она помѣщена. Такъ, по листамъ (начиная съ л. 15) читаемъ запись: «кнїга тѹрчасовца посадкого чл҃вка аѳонасья Іванова сына каменева подписывалъ своею рукою ,аѱкд году». На об. 195 л. читаемъ слѣдующія записи: «книга странникъ Івана Елиѕарова Каменева, подписалъ по єво велѣнью.... рпи года февралия....» На об. 155 л.: «Се аз тѹрчасовецъ Алешка Елизаров рѹкѹ прил....» На об. 155 л. кромѣ приведенныхъ записей еще читается: «сия книга турчасовца Елизара».

Изъ всѣхъ этихъ записей видно, что разсматриваемый Сборникъ принадлежалъ сыну, отцу и дѣду — Каменевымъ; онъ былъ наслѣдственнымъ достояніемъ цѣлаго рода Турчасовскихъ жителей: принадлежалъ сначала Елизару Каменеву, за тѣмъ перешелъ къ его дѣтямъ Ивану и Алешкѣ Елизаровымъ—и за тѣмъ былъ во владѣніи его внука Аѳанасья Иванова. Жизнь старѣйшаго владѣльца изъ рода Каменевыхъ можетъ совпадать съ временемъ написанія первоначальнаго типа этого Сборника.

Можно предполагать, что если составленіе его и не принадлежитъ предку Каменевыхъ, то во всякомъ случаѣ оно возникло въ Турчасовскихъ предѣлахъ.

Турчасовская волость находится въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи. Въ силу особенныхъ обстоятельствъ здѣсь именно должно было обратить на себя вниманіе путешествіе на Востокъ Трифона Коробейникова. Въ нашемъ рукописномъ собраніи есть между прочимъ списокъ челобитной Печниковской и Турчасовской волостей царю Ивану Васильевичу Грозному о томъ, чтобы онъ пожаловалъ ихъ, далъ имъ такой же самосудъ, какой далъ онъ городу Каргополю. Самосудъ этотъ былъ имъ данъ и потому естественно, что здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что относилось къ имени этого царя—

ихъ милостивца. Путешествіе Трифона Коробейникова уже потому должно было пользоваться здѣсь особеннымъ сочувствіемъ, что Коробейниковъ былъ посланъ въ восточные монастыри тѣмъ же царемъ — ихъ благодѣтелемъ — для раздачи поминковъ по своемъ сынѣ, убитомъ царскимъ гнѣвомъ. Не въ одномъ, вѣроятно, родѣ Каменевыхъ «Путникъ» Коробейникова считался здѣсь завѣтной наслѣдственной книгой. Само собою разумѣется, что имѣлъ при этомъ свое значеніе и интересъ къ святымъ мѣстамъ, описаннымъ въ этомъ путешествіи.

Едва ли поэтому можетъ казаться страннымъ предположеніе, что разсматриваемый Сборникъ, бывшій достояніемъ цѣлаго Турчасовскаго рода, и составленъ въ той же Турчасовской волости. Путникъ Коробейникова не могъ остаться здѣсь незамѣченнымъ; переписывая же его книжникъ, какъ мы выше сказали, легко могъ припомнить и приложить къ нему былину, какъ кіевскіе богатыри ходили въ тотъ же Царьградъ. За знаніемъ же былинъ здѣсь дѣло не стало. А если такъ, то исторія русской литературы и первую древнѣйшую записанную былину получаетъ изъ того же сѣвернаго края, гдѣ собраны богатства живаго былеваго творчества Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и отчасти нами [1]).

3) Выше мы сказали, что первоначальный типъ разсматриваемаго Сборника написанъ гораздо раньше, чѣмъ вторая наибольшая его половина. На послѣднемъ листѣ этого Сборника читается слѣдующая едва замѣтная запись: «сия книга гл́емая «Странникъ» зрнѳ году» (1651 г.). На об. 267 л. другая весьма четкая запись: «рна г году (1642) октя[б]ря въ ді де за два мц̃а до Хв̃тва рожества написа́но». Но обѣ эти записи могутъ быть отнесены лишь ко 2-й половинѣ «Сборника»; первая же относится

---

[1]) Записанныя нами «былины» напечатаны въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ; разсмотрѣны и оцѣнены Ор. Ѳ. Миллеромъ въ отдѣлѣ критики Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1868 г. Приносимъ ему здѣсь спасибо съ благодарностію за доброе слово.

къ самому началу XVII столѣтія; на это указываютъ и бумажныя клейма и характеръ скорописи, рѣзко отличающейся отъ письма, коимъ писаны всѣ дальнѣйшія статьи, присоединенныя къ Страннику во второй половинѣ XVII столѣтія.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, есть ли этотъ, такъ называемый, Странникъ, та оригинальная рукопись, въ которую впервые внесена разсматриваемая былина, или же весь этотъ Странникъ представляетъ копію съ болѣе древняго оригинала, и, стало быть, разсматриваемая былина была записана еще ранѣе этого Сборника.

Для рѣшенія этого вопроса прежде всего обращаемся къ «Путнику Коробейникова», которымъ начинается этотъ Странникъ, и въ зависимость отъ котораго мы ставимъ записаніе самой былины. Оказывается, что этотъ «Путникъ» представляетъ не позднѣйшую, болѣе обработанную книжную редакцію; напротивъ, онъ приближается къ болѣе древнему типу статейнаго списка и отличается языкомъ болѣе простымъ, живымъ и народнымъ. А это, по нашему мнѣнію, служитъ наглядным указаніемъ, что онъ переписанъ въ нашъ Сборникъ съ болѣе древняго оригинала, съ оригинала XVI вѣка, такъ какъ въ спискахъ XVII вѣка текстъ его получилъ уже книжную обработку.

Съ другой стороны, въ самой былинѣ, помѣщенной въ томъ же Сборникѣ встрѣчаемъ такого рода описки, которыя указываютъ, что книжникъ, переписавшій «Путникъ» Коробейникова въ началѣ XVII вѣка, списывалъ съ рукописнаго оригинала и самую былину, и что не ему принадлежитъ первоначальная запись этой былины. Такъ напримѣръ: вмѣсто о^{н} писецъ написалъ здѣсь на; вмѣсто увидѣ^{х} написалъ удя^{х}; вмѣсто: не во всѣхъ ^{м} ордахъ, написалъ просто «не во всѣхъ ордахъ», въ нарушеніе смысла.

Эти ошибки, говоримъ, показываютъ, что нашъ Сборникъ, или точнѣе, Странникъ, написанный въ началѣ XVII вѣка, представляетъ настоящую былину не въ первоначальной ея записи, а лишь въ копіи, снятой съ болѣе древней рукописи, что не тотъ

Турчасовецъ, который въ XVII вѣкѣ переписывалъ «Путникъ» Коробейникова припомнилъ и приписалъ къ нему настоящую былину, а что это сдѣлано было еще ранѣе, въ XVI вѣкѣ кѣмъ нибудь изъ жителей Турчасовской волости.

4) Наконецъ, намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ значеніи, какое получаетъ издаваемый списокъ былины въ исторіи русскаго эпоса.

Почти 300 лѣтъ прошло, какъ записана эта былина! Уже одна эта древность записи говоритъ о томъ, какой драгоцѣнный кладъ представляетъ этотъ списокъ для исторіи русской литературы.

И при такой древности списокъ этотъ сохраняетъ еще не только общее построеніе, пріемы и складъ былеваго творчества, но въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ даже и самый стихъ былинный.

Въ виду такой сохранности списокъ этотъ получаетъ значеніе пробнаго камня для критики, какъ живой былины, такъ и позднѣйшихъ письменныхъ ея пересказовъ.

Издавая его, какъ «памятникъ историко-литературный», мы находимъ, какъ замѣтили выше, неумѣстнымъ въ предисловіи къ подобному изданію входить въ подробности историко-сравнительнаго его изученія: это, говоримъ, дѣло критики и спеціальныхъ изслѣдованій.

Однако не можемъ не замѣтить, что въ живомъ народномъ творчествѣ издаваемая былина, какъ цѣлое, уже совершенно распалась: она является здѣсь въ обломкахъ и входитъ эпизодомъ въ другія былины кіевскаго дружиннаго цикла: здѣсь виденъ лишь только слѣдъ, напоминающій о существованіи особой былины, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Издаваемый списокъ возстановляетъ для насъ это цѣлое и притомъ почти съ свѣжестію живаго народнаго творчества.

Точно также незамѣнимъ издаваемый списокъ и для оцѣнки позднѣйшаго письменнаго пересказа той же былины. Пересказъ этотъ находится въ Сборникѣ XVIII вѣка, принадлежащемъ

Ѳ. И. Буслаеву, и изданъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы» А. Н. Пыпинымъ и Н. И. Костомаровымъ [1]).

Издаваемый нами списокъ служитъ мѣриломъ того, какую переработку получила эта былина въ рукахъ позднѣйшихъ книжниковъ; здѣсь, въ спискѣ XVIII вѣка, строго-былинный укладъ ея почти совершенно забылся; она уже является здѣсь со вставками и излишними распространеніями; хотя въ ней значительно сквозятъ еще былевые образы и блещутъ поэтическія выраженія, но по своей формѣ она приближается уже къ характеру сказки.

Наконецъ, не въ смыслѣ только относительномъ представляетъ важное значеніе издаваемая былина; она драгоцѣнна для насъ и сама по себѣ.

Подобно тому какъ «Слово о полку Игоревѣ», сливая въ себѣ двѣ историческія эпохи, стоитъ, такъ сказать, на грани двухъ литературныхъ направленій, и служа выраженіемъ строго историческаго дружиннаго эпоса, въ тоже время даетъ намъ понятіе и о предшествовавшемъ періодѣ о старыхъ словесахъ и творческихъ замышленіяхъ въ историческихъ изображеніяхъ: точно также и издаваемая былина сосредоточиваетъ въ себѣ, на взглядъ нашъ, двѣ эпохи. Съ одной стороны, она относится къ былевому циклу—борьбы кіевской Руси со степью, и въ этомъ смыслѣ она тѣсно связана съ общими типами кіевскаго богатырства и съ славнымъ богатыремъ Ильей Муромцемъ со товарищи: герои—хотятъ «острастить всѣ орды», борются съ погаными въ чистомъ полѣ—и рубятъ «силу татарскую»: все это характерныя черты народнаго эпоса, относящагося, очевидно, къ эпохѣ борьбы кіевской Руси со «степью».

Но съ другой стороны и, что всего важнѣе, издаваемая былина, по основной своей мысли, принадлежитъ циклу народнаго

---

[1]) Издатели невѣрно отнесли списокъ Ѳ. И. Буслаева къ XVII вѣку; несомнѣнно, что онъ принадлежитъ къ первой половинѣ XVIII вѣка.

эпоса, относящагося къ наступательному періоду Кіева на Византію.

Государи, естя мои товарищи! взываетъ Илья Муромецъ: Чѣмъ тѣхъ богатырей ждати на себя х Кіеву, мы поѣдемъ въ стрѣчу къ нимъ и тамъ съ ними свидимся, и сказываютъ, что удалы добрѣ, не по обычаю: мы станемъ Богу молитися, чтобы намъ Богъ помощь послалъ на Цареградскихъ бога́тырей».

Такъ характерно здѣсь выражено наступательное дѣйствіе Кіева на Византію.

Вывѣдываніе цареградскихъ вѣстей, цареградскихъ стремленій и цареградской силы—происходитъ при посредствѣ убожества—чрезъ кіевскихъ дружинниковъ, переодѣтыхъ въ платье «калѣкъ перехожихъ»,—о которыхъ говорятъ тамъ «по рѣчамъ, кажись, русь пришла».

Побѣда кіевскихъ богатырей надъ богатырями цареградскими завершается договоромъ и возвратомъ плѣнныхъ, подъ условіемъ, чтобы «не бывать имъ на Русь — вѣкъ по вѣку».

Все это черты—историческія—относящіяся къ эпохѣ наступательнаго дѣйствія Кіева на Византію.

Предвидимъ возраженіе, что походы на Византію были морскіе, а по нашей былинѣ борьба съ нею происходитъ въ чистомъ полѣ. Но не нужно забывать того, что преданіе объ этихъ походахъ здѣсь слито уже съ богатырствомъ той эпохи, когда «степь» перегораживала Кіевъ отъ моря и когда въ средѣ кіевскихъ героевъ считалось буйствомъ даже подумать, чтобы дойти только до Лукоморья. Но важно уже то, что преданіе объ этихъ походахъ не забылось въ народномъ творчествѣ, и дошедшая до насъ издаваемая былина служитъ указаніемъ, что и эпоха, предшествовавшая борьбѣ Кіева со степью, эпоха наступательнаго дѣйствія его на Византію—была также нѣкогда воспѣта въ былинахъ, но циклъ этихъ былинъ затмился для позднѣйшихъ поколѣній подъ натискомъ степной силы и вытѣсненъ изъ народнаго сознанія богатырствомъ позднѣйшихъ историческихъ эпохъ.

Въ виду такой важности этого историко-литературнаго памятника, мы издаемъ его въ букву—съ удержаніемъ даже правописанія оригинала. Все, что мы дозволили себѣ въ отношеніи къ тексту издаваемой былины, это—разложить ее на стихи и выставить ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, сообразно народному сѣверному говору и былевому пѣнію.

Москва. 1880 г.
30 ноября.

Сказаниє ѡ Кѣєвских богатырех какъ ходили во црьград и как побили црєградцких богатырей ѹчинили сєбѣ чть.

Во столном славнєм градє—києвє
Говорит княз владимєр всєславич Києвской
Своим богатырємь
Илье мѹромцѹ с товарыщи:
Іли то вамь нє свѣдомо богатырєм.
Что ѡтпѹщаєт на мєня црь Констатин
Из цряграда мв богатырєй,
А велит имь Кѣєвь изгѹбити;
I выб ннєча никудъ нє розєжалися,
Бєрєгли бы єстя града києва
I всеѣ моєй вотчины.
Бьют в столѣ з богатырєй:
Гдрь кнзь владимєр києвской всєлаєвичь:
Ѡтпѹсти нас в чистоє полє,
Мы тєбѣ гдрю прямыя вѣсти ѡтвѣдаєм
I привєдєм тебѣ гдрю языка добраго,
Тебѣ гдрю славѹ великѹю ѹчинимь,
I себя гдрь в чест введемь
I всємѹ твоємѹ гдрствѹ похвалѹ великѹю ѹчиним
I многия ѡрды ѡстртимь.

А взговрят богатыри таково слово:
Гдрь княз владимєр киевской!
Сторожєй мы в зємлѣ нє извадилис жить
Нє довєдєтца нам сторожами слыть.

Імєна богатырємь:

а҃. бога́тыр илья мꙋр(ом)єць, сн҃ь Іванович
і. бага́тырь добрыня никитини
г҃ бг҃а́тырь дворянин залѣшанин
Сєрая свита, злачєныє пꙋгвицы.
д҃ бога́тырь ѡлєша попови
є҃. бо... щата єлизынич
ѕ҃. бг҃атырь Сꙋхан домєнтьянови
з҃ богатырь—Бѣлая па́лица
Красным золотом ꙋкрашєна,
Четьим жемчюгомь ꙋнизана;
Посрєдє тоѣї палицы камєнь—
Самоцвѣтной пламєнь

Да говорятъ бога́тыри таково слово:
Гдрь кн҃зь владимєр києвской всєславич!
Нє извадили мы сторожємь стєрєчи
Толко мы извадили в чистом полє ѣздит,
Побивать полки татарскиє;
Ѿпꙋсти нас гдрь в чистоє полє,
Мы тебѣ гдрю прямыє вѣсти ѡтвѣдаєм
Іли тобѣ привєдєм языка добраго.

Вговорит княз владимєр києвскои:
Ой, естя бога́тыри!
Илья мꙋромєць с товарыщи!
Нє пригож вамь в тѣ поры прочь ѿєхати,
А мєня вамъ гдря покинꙋти
Ѿдиново в Києвє.
А я ждꙋ тѣх бога́тырєй с часꙋ на час
Борзо х києвꙋ.
Пригожє вам моєя вотчины побѣрєчи.
Тут богатыри закрꙋчинилися,
Ідуть к своим добрымь конямь,

Ударя чело^м великому кн҃зю владимерꙋ всеславичю;
Учали на ни^х класти се^д ла че^ркаские,
По^д тягиваю^т по^д прꙋги ше^л кꙋ бѣлово,
Ꙋ всѣ^х пряжи бꙋлатные,
Красного бꙋлатꙋ перепꙋскнаго;
Да кладꙋ^т на собя доспехи крѣпкия,
Емлють с собою палицы бꙋлатныя,
Того бꙋлатꙋ перепꙋскнаго,
I всю свою здбрꙋю бг҃атырьскоую;
I всѣ на кони, про поѣхали—из кѣева,
Заложили копья булатные — вострыя,
Поѣхали в' чистое поле.
Ѣдꙋ^т по чисто^му полю,
Взговоря^т про ме^ж собою
Таковꙋ пословицꙋ:
«Лꙋтче бы мы тоѣ срамоты великия не слыхали,
«Нежели мы ѡ^т кн҃зя в очи такое слово слышали,
«Хотя^б мы люде' не дородились,
«Да были бы мы богатыри не добрыя,
«I на^с бы в кѣеве
«Сторожи стеречи не заставливали.
Говорить илья мꙋромець
Своимь товарыщемь:
«Гдри естя мо' товарыщи!
«Чѣмь тѣ^х богатыре' на собя ждати х киевꙋ
«Мы поѣдемь в стрѣчю — к ни^м
«I та^м с ними свидимся.
«А сказываю^т, что удалы добре — не по ѡбычею,
«Мы стане^м бг҃у молитися,
«Чтобы намъ бг҃ъ помощь послалъ.
«На црг҃градцки^х богатыре'.
А прямо идꙋ^т ко црюграда.
Какъ бꙋдꙋ^т .ві. поприщь до града,
Переѣ^з жаючи смꙋгрю рекꙋ,

Ажно има на встрѣчю
Идȣт ві҃ чл҃вкь
Цр҃єградцких богатырєй,
А на них платьє калицкоє.
Прїѣхал к нимь ѡлєша поповичъ,
Да говорит имь таково слово:
«Братия вы милая,
«Калики перехожия,
«Дайтє вы нам
«Своє платьє каличноє
«А ȣ нас возмитє
«Нашє платьє свѣтлоє.
Говорит калика таково слово:
«— Ѡй, еси алєша попович,
— Али мєня нє знаєшь,
— Или имєни моєго нє вѣдаєшь,
— Как мєня зовȣт?
— Зовȣт мєня по имєни никита Ївановичъ,
— Родомъ єсми Карачєвєцъ.»
А на калика гȣни голȣбà скорлатȣ,
А тєрки на них камкѝ вєнєцкиє,
А палицы ȣ них вязовыє,
С конца в конєць свинцȣ нáлитȣ;
А Никиты палица — вся вязолая.
Приѣхал к нимь ілья мȣромєць,
Да говорит имь таково слово:
«За то нам никита бранится нє ѡ чем,
«А вам стоят нѣ-за-што,
«Вото вам платьє свѣтлоє,
«Дайтє намь своє платьє калицкоє.
Взговорит никита таково слово:
— Гдрь илья мȣромєц!
— Стоят нє-за-што,
— І спорȣ чинить нє́-ѡ-чємъ.

Даю[т] (с) собя платье калицкое,
Ѡни даю[т] с себя платье свѣтлое.
Взговори[т] добрыня никитичь таково слово:
«Почто вы, Никита, ходи[ли] во црьгоро[д]?
Говори[т] никита таково слово:
— Гдрь добрына никити[чь]!
— Ходи[ли]-мы прямы[х] вестей ѡ[т]вѣдывать,
— Е[с]ти (ли) столко црьградцкихъ богатыре[й],
— Г[с]ти ли им[ъ] в кѣевъ горо[д]?
— І вѣсти прямые неизмѣ[н]ные:
При црѣ богатыри похваляю[т]ца,
Хотя[т] кѣевъ горо[д] на шити [1]) взяти,
И великого кнзя с великою кнней [2]) въ поло[н] вести,
А удалы[х] богатырей, станы[х] людий, по[д] мечь всѣхъ приклонити,
А злато и сребро покатить телѣгами.
Говорить в[ъ] тѣ поры илья муромець:
«Слышите[ли] мои товарыщи,
«За то хочю голову сложить —
«За гдрву чашу ї молитвы
«И за ево хлѣ[б]-соль великую.
Ѡставливаю[т] свои до[б]рыя коня
На смугре рекѣ
І всѣ сво[и] сряды богаты[р]ския,
По ѡно[й] емлю[т] себе
По бу̀латной палицы
Красного булату перепуського
І тые несу[т] по[д] гунями була[т]ными;
Да говоря[т] ме[ж] собою пословицу:
«Бга ради бгатыри
«Бу[д]те к тата[р]ски[м] рече[м] сте[р]пивы.

---

[1]) на щиты.
[2]) княгинею.

Говори^т^ дворяни^н^ залѣшани^н^:
«Все^х^ ꙋ на^с^ пꙋще ѡлеша попови^ч^,
«Что ѡ^н^ де пья^н^ іли не пья^н^,
«Изо всѣ^х^ на^с^ ѡхочь бранитися:
«Тотъ ꙋ на^с^ багатырь крꙋчинова^т^.
Пошли богатыри во црьгоро^д^
А в' тѣ поры ꙋ цря столъ,
А в столѣ подають пѡѣсти.
Пришли богатыри на црвъ дво^р^,
І ста^ли^ на землѣ пере^д^ красны^м^ ѡкно^м^
І ꙋчали проси^ти^ млтины
Проти^в^ꙋ ѡкна громки^м^ голосо^м^.
Каличные слыша^т^ гласы:
Сказали самомꙋ црю.
И слыша црь косьтян^н^ти^н^
Гласы каличные,
Да говори^т^ тꙋгаринꙋ змиевичю:
«Вели позва^т^ каликъ тѣ^х^,
«По рѣчамь кабы рꙋсь пришла,
«Попытай и^х^ ѡ вестя^х^ ѡ киевскихъ
«Што бꙋде^т^ свої ведаю^т^.
Позвали кали^к^ ко црю;
Црь ꙋча^л^ каликъ спрашивать:
«Скажите вы калики перехожия».
Ꙋчаль ілья мꙋроме^ц^ говорит^ь^:
— Ходи^м^ мы гдрь ѿ великого кнзя владимера всеслаевича киевско^г^.
Проти^в^ цря сидя^т^ ідо^л^ скоропѣевичь бгтырь,
А ростом добре не по ѡбычею,
Ме^ж^ ѡчима ꙋ него стрѣла ладится,
Ме^ж^ пле^ч^ми ꙋ него болшая саже^н^,
Ѡчи ꙋ него, какъ чаши,
А голова у него, какъ пивно^й^ коте^л^
Посмо^т^рить на него — ꙋстраши^т^ся.

Говорить црю костянтину таково слово:
«Гдрь црь! во'нó члвкь попытати,
«О вестя^х — ω кие^вски^х богатыре^х,
«Сколко у великого кнзя владимера богатыре',
«I каковы ωнѣ росто^м, прытостью.
Црь уча^х каликъ спрашива^т:
«Скажите вы калики переходжия
«Про кѣевскихъ богатыри?
Говори^т ілья муромецъ снъ івановичь:
— В кѣеве Гдрь лв богáтыря,
— Да удалы не по ωбычею.
Говори^т идо^х бгатырь:
«Есть ли у ва^с славно' богатырь илья муроме^ц,
«Како^в ωнъ рожàе^м
«Ï како^в вели^к росто^м?
— Посмотрить ^же на него — устрашитца
«Ï вы посмо^трите наши^м бгáтырем.
Говори^т илья муромецъ:
— Ï ты Гдрь смотри..... на меня.
Взговори^т багаты^р идо^х скоропѣеви^ч:
«Црь Гдрь костя^нти^н,
«Не мешка' Гдрь службою багатырьскою:
«ω^тпуща' Гдрь на^с на русь
«Борзо х' кіеву
«Х кнзю владимеру
«Ï буде^т токо-то не со^х(яно) [1])
«Но што в киеве удалы бгáтыри,
«Ï мы тебѣ Гдрю приведемь (в' полонъ)
«Кнзя владимера с великою княинею [2])
. . . .
. . . .

---

[1]) Здѣсь листокъ оборванъ; обозначенное въ скобкахъ приписано въ позднѣйшее время.

[2]) За этими словами трехъ или четырехъ стиховъ возстановить не возможно.

«Богатырємь и ѹдалым молодцом
«Под мечь поклонитымь (?)
«Ї всѣм в києвє ѹчиним сѣчю вєликѹю,
«А злато и сребро покатимь тєлѣгами.
«Тєбѣ гдрю прибыл и славѹ добрѹю во вся ордЫ
«А сєбя в чєсть ввєдем.
Взяла крѹчина молода ωлєшѹ поповича,
Да говорит ωлєша поповичь таково слово:
«Кол вы багатыри приѣдитє х києву
«Тогды нє ѹзнаєтє дороги,
«Кѹды вам бѣжат.
«А станєтє лодцевъ кѣєвских
«Ї ѹчинєтє сѣчь вєликѹю,
«А покатятца головы татарския,
«А прольєтца кровь горячая багатырєй
«Црєградских бгатырєй.
«Нє пять ѹ нас члвкь в кѣєвє,
«Еть близко дєсятка члвкъ.
«Їдоль на нєго розкрѹчинился.
Говорит дворанин залѣшанин:
«С твоєго гдрь мєху ωпился.
Говорит дворянин залѣшанин ωлєшє поповичю:
«Ѹйми своє срдцє багатырскоє,
«Нє-мошно намь тєбя нажюрить, ни нагворить.
Говорит ωлєша попович:
— А ωн нших богатырєй ни во что ставит,
— Ї вєликого кнзя хѹлит
— Ї иныє посмѣхаєтца.
Ї идол на нєго розкрѹчинился.
Говорит дворянин залѣшанин:
«Из ѹма Гдрь ωн выпиваєтца.
Говорит идол бгатырь:
— Скажитє калики про кѣєвских бгатырєй
— И каковы ѹ них лошади ѹдалы?

Ї с нимь говори^т^ дворяни^н^ залѣшани^н^
«По вся дни гдрь вѣдае^м^
«И лоша^дн^ бгатырские знае^м^.
Говори^т^ идо^л^ бгатырь:
«Црь гдрь, волно чл̃вкь после роз'прошать.
«Вели гдрь показать имь сво' лошади црьския.
Црь велѣ^л^ вывести свои лоша^дн^ цркия.
Говоря^т^ калики перехожия:
«Л8тче тѣ^х^ шка^п^ в кѣеве і простые лоша^дн^,
«А на бгаты^р^ские лошади пристрашно посмо^т^рить.
Говори^т^ идо^л^ богаты^р^:
«Вели црь гдрь показать имь нши лоша^дн^ бгатырские.
Црь велѣ^л^ вывести лоша^дн^ бгаты^р^ские:
а^ю^ лоша^л^ вед8^т^ идола богатыря скоропеевича
на в̃і чепя^х^, на золоты^х^,
в^ю^ вед8^т^ лоша^л^ молода т8гарина змиевича
на а̃і чепя^х^ сребряныхъ.
За тѣми вед8^т^ сорока дв8 богатыре',
А всѣ тѣ кони 8далы до^б^рѣ не по ѡбычею;
Калика^м^ полюбилися
Їздалеча калики 8видели,
Что добры не по ѡбычею.
Говори^т^ дворяни^н^ залѣшани^н^:
«Све^р^ху Гдрь не мо^т^чи мѣти^т^ и 8смо^т^ри^т^,
«И ка^к^ гдрь црь смѣти^м^,
«И мы тебѣ гдрю скаже^м^
«Про наши^х^ бгатыре' і про коне'
Ї и^х^ храбость ѡкаже^м^.
Ї црь повелѣ^л^ имь вы^т^ти.
Пошли калики во^н^ ѿ цря лошаде' смо^т^рить,
И ка^к^ б8д8^т^ посре^дн^ двора црва и лошаде',
В'зговорили бгатыри проме^ж^ собою таков8 пословиц8:
«Смо^т^рите гдри товарыщи коней, да высма^т^рива^т^е,

[redacted]

«Гораздо было⁶ нам, что про наших конь црю сказат.
— Да ум ли калики высмотрили?
Взговорят калики:
«Теперво гдрь высмотрили.
Взговорит илья муромецъ своимъ товарыщем:
«Теперво нам, братцы, строка пришла.
«Отимайте лошади багатырские,
«Убейте татар без милости,
«Садитеся на кони без — седе
«На-кони багатырския на добрыя.
Пришли бгатыри х конемъ.
Не птички соловьи рано в дубрюве просвистали,
Свиснули, гаркнули багатри бгтырских голосом,
Да свиснули палицы булатные
У ильи муромца с товарыщи;
Послетали головы татарския,
Отняли себѣ по добру коню,
Ї всѣх на кони прот из града поѣхали до смугры реки.
Добрых конь един у цря остался на дворе
Ї тот олеше поповичю.
Воротился алеша пѣшь во црь-город,
А коня покинул на смугре рекѣ.
Да говорит алеша попович
Црю костянтину таково слово:
«Потому мы црь у тебя лошадей не всѣ емлем,
«Что хотим мы с твоими бгатри
В чистом поле свидетися.
Ї их прытость увидети,
Ї будем мы опять с твоими богатыри во цре-град.
Ї изговоря олеша,
Поѣхали Бгтри к смугре рекѣ;
Да кладут на собя доспѣхи крѣпкия
Ї всю з'брую багатырскую,

Емлют с собою палицы бꙋлатныя
Ї копья вострыя,
Ажно скачют из цр҃я града бога́тыри
С великою поганою силою.
Говорит ѡлеша попович:
«Гд҃ри мои товарыщи!
«Потерпите малехонко,
«Дайте мнѣ поправит
«Свое сердце богатырское.
«Бг҃атырское ср҃це не стерпчиво,
«Хочет ї послѣднюю ѡрдꙋ побить, похвалꙋ доспѣть.
Свиснꙋл, крикнꙋл бг҃атырским голосом:
«Потерпи(те) малехонко,
«Даите мнѣ теперво
«С ними ѡдномꙋ поправится:
«Хочю себѣ похвалꙋ доспѣти
«Чтоб у(ви)дял црь костянтин
Ї дошлаб наша похвала
До кн҃зя Владимера.
Ї какъ съѣжаютца с злыми полки татарскими,
Ї сороки двꙋ богатыри црегра́дцкими,
Свиснꙋли, крикнꙋли бг҃атыри
Бг҃атырьскым голосом;
Ѡт свистꙋ ї ѡт крикꙋ
Лесъ росьзтилаетца,
Трава постилаетца,
Добрые кони на ѡкарашки падают,
Худыя кони ї живы не бывали.
Не птичкы соловьи в дꙋброве просвистали,
Свиснꙋли, гаркнꙋли рꙋския бога́тыри
Илья мꙋромец с товарыщи.
Говорит црегра́дцкой багатырь їдол скоропѣевичь:
«Гд҃ри мои товарыщи:
«Ср҃це ся ꙋ меня ꙋжаснꙋло, трепещется,

[redacted]

«Ї голова вкр8г з ѡб ходит,
«И ѡчима не мощно на свѣт глядѣть:
«Болшое намь быти побиты х всѣ х.
В'зговорит т8гарин змиевичь:
«Болшое на м товарыщи,
«Коли б смрти мин8ти,
«Ли ся храбрость наша
«Преложися на тихость;
«Не мощно р8кѝ поднять,
«Скоро на стрть взяла:
«Бо л шо' илья м8ромець са м пришель.
Нап8сти л илья м8ромець встрѣчю црегра д цки х богáтыре х
Ѡ т свои х товарыще в пол8верстѣ,
Ї всѣ товарыщи скоро поѣхали за нимь.
Ї ударилися крѣпко на копья б8латныя
Ї 8чалися твердо бить ї непо д вижно;
Колды-копья 8 ни х б8латные приломалися
Ї доспѣхи крѣпкие.
Зби л илья м8роме ц з добра коня
Идола скоропеевича,
А т8гарина р8ками взялъ.
А ѡбѣи х богáтыре' идола и т8гарина живы х вз я ли
Ї вьсю сил8 тата р ск8ю побили
Ї тѣ х сорока богатыре' поби ли
А идола богатыря
И т8гарина богатыря —
Живы х вед8 т и х во црьгоро д.
И ставя т ца пере д црвою полатою.
Говори т илья м8ромець своимы товарыщи таково слово:
«Тебѣ црю вѣдомо было,
«Что твои х ие богáтырей побили
«Ї всю сил8 тата р ск8ю поган8ю побили,
«А твоихъ л8тчи х богáтырей
«Идола скоропѣевича

«Да тугарина змиєвича
«Живых взяли.
«Да потомꙋ, цр҃ю, тєбя
«Ни чѣм ни двигнꙋли, ни крянꙋли
«Ни черным волосом,
«Что ѣздим мы без гдр҃каго вѣдома.
«А похвалꙋ єсми видѣли твоих бг҃атырєй:
«Похвала мꙋжю — вєликая пагꙋба»
А татар всѣх побили, тѣм на рꙋсь нє бывать.
«Толко, цр҃ю, тєпєрво тєбѣ челом бьєм
«Идолом богатырєм,
«Чтоб ты на нас нє крꙋчинися,
«А тꙋгарина тєбѣ гдр҃ю нє-дадимъ,
«Ѿвезєм вєликомꙋ кн҃зю,
«С чѣм нам ко кн҃зю владимєрꙋ появитися.
Ї дають бг҃атыри цр҃ю идола,
А тꙋгарина с собою ємлют.
Не бѣлая лебедь восклыкала,
Восплакалася мт҃и тугарина зьмиєвича
Ї бьєт челом бл҃говѣрной црцє єлєнє:
«Гдр҃ыни бл҃говѣрная црцы єлєна:
Ꙋпрошай ты гдрыни ꙋ рученки богатырєй,
«Молода тꙋгарина змиевича.
Говорит бл҃говѣрная црцы:
— Гд҃ри естя рꙋския бг҃атыри,
— Илья мꙋромец с товарыщи!
— Таких грозных бг҃атырей нє-бывало в црєградє,
— Не побивали наших црєградских богатырей
— Не ꙋведите для моихъ слезъ
— Младово тꙋгарина змиевича.
Говорит илья мꙋромєць с товарыщи:
«Гд҃рыня бл҃говѣрная црцы елена:
«За то тебѣ говорим Гд҃рыни,
«Не двигнем тꙋгарина ни чемъ

«Для гдрьскаго твоего слова;
«Бꙋдет' тꙋгарин в киеве
«Потом тебѣ бꙋдет во прѣграде живъ;
«А не лзѣ нам ѡтдати богатыря преградского
«Нѣ-чѣм нам в кѣеве похвалитися,
«Что нам сказать кнзю владимерꙋ всеславевичю.
Били челом гдрыни, прочь поѣхали,
Ведꙋт с собою языка добраго,
Тꙋгарина змиевича;
Ѣдꙋт по полю по чистомꙋ,
Ї выбирают ѡт себя бгатыря —
Дворянина залѣшанина:
«Поѣдь ты дворянин залѣшанин
«К столномꙋ градꙋ кѣевꙋ
«Ты жилец двора гдрва,
«Много живешь во дворѣ гдрве.
Ї всяко чин вѣдаешь
«Ѡбошли нас гдрю князю
«Владимерꙋ всеславевичю,
«Велит ли намь он [1])
«Свой гдрския ѡчи видети
А грꙋбили есмя твоемꙋ недрꙋгꙋ —
«Црю костянтинꙋ блговѣрномꙋ
«Убили есмя ꙋ него со м҃к богатыре,
«А с нимь татар люди многия
«Да ѡдново богатыря ѡставили во прѣграде,
Дрꙋгово тебѣ ведем.
Прѣѣхал дворянин залѣшанин градꙋ х киеву
Ї пошел к великомꙋ кнзю владимерꙋ всеславевичю,
Ї справил рѣчи ѡт своих товарищев
Что емꙋ наказано.
Приѣхали богатыри к гдрю владимерꙋ всеславевичю,

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ «на»:

Привели языка добраго-тѹгарина змиевича,
Црегра^д^скаго богáтыря.
Кня^з^ велики^и^ владиме^р^ всесьлаевичь
Почалъ богатыре^и^ жаловать,
Да^е^еть имь шѹбы по^д^асамиты
Ї чепи великия златыэ
Ї сверхъ тово ка^з^ною несмѣ^т^но.
Да говори^т^ кнзь владиме^р^ всеслаеви^ч^:
«Да впре^д^ ва^с^, бгатыри, ра^д^ жалова^т^
«За вашѹ выслѹгѹ великѹю
«Ї за слѹжбѹ бгатырскѹю,
«А нн҃ѣ емлите себѣ, что ва^м^ надобе.
Ї ѹча^л^ кня^з^ владиме^р^ всеслаеви^ч^
Молодà тѹгарина змиевича спрашива^т^ ѿ вѣстя^х^
Зговори^т^ тѹгари^н^: «что меня гдрь ѡ вѣстя^х^ спрашиваэшь?»
«Кнзь владиме^р^ всеслаевичь:
«У тебя гдря вотчины не во всѣхъ (ли) ѡрда^х^
«А бгатыре^и^ твои^х^ ѹдалее нѣ^т^
«Ї во всѣ^х^ земля^х^.
Ї ка^к^ бѹде^т^ кня^з^ владиме^р^ нá-веселѣ
Ї ѹчали потѣшатися,
Ї бье^т^ чело^м^ илья мѹроме^ц^
Своими товарыщи:
«Гдрь кн'зь владиме^р^ всеслаевичь!
«Ѹмлрдися, пожалѹ^и^ на^с^ холопе^и^ свои^х^:
«Говорила намь црцы елена
«Ї била чело^м^, что^б^ мы заложили слово
«Тебѣ гдрю ѡ молоде тѹгарине,
«Что^б^ ты пожалова^л^, ѡ^т^пѹсти^л^ ево во црьгородъ;
«Ї молвили есмя црце елене,
«Что^б^ на^м^ ѹпроша^т^ ѹ тебя гдря
«Молодà тѹгарина змиевича во црьгоро^д^;
«А мы тебѣ гдрю ради впре^д^ слѹжить,
«Елико сила может.

Княз владимер всеслаевич
Пожалoвал, ѡтдал имь
Молодà тȣгарина ꙁмиевича,
Цр҃еградцкаго богáтыря.
Говорит кн҃зь владимер всеслаевичь:
«Ѡй, естя мои кн҃зи ї богáтыри!
«Цр҃еградцких богáтырей было м҃в,
«А с ними было татар людей много
«Не рат ли в поле была?
«А моих бг҃áтырѐ толко ѕ҃ было.
Били емȣ челом бгáтыри,
Взяли молодà тȣгарина змиевича
Ї всклали на собя всю збрȣю богатырскȣю,
Поѣхали во чистò поле;
Ї как бȣдȣт на — рȣбеже,
Ѡтпȣскают во цр҃ьград молода тȣгарина
Ї ȣчали заклинат, чтоб имь на рȣсь не бывать вѣкъ по вѣкȣ,
Да ѡтпȣстили с радостию великою ї простилися,
Ї сами поѣхали в чистò поле.
Багатырское слово. Во вѣки, аминь.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ

ВЛАЖНОСТИ ВОЗДУХА

ПОМОЩІЮ ПСИХРОМЕТРА.

Ник. Зворыкина.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 20 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЛАЖНОСТИ ВОЗДУХА ПОМОЩІЮ ПСИХРОМЕТРА.

Ник. Зворыкина.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 11 Ноября 1880 года.

Изслѣдованія съ цѣлью опредѣленія влажности воздуха, наблюдая сухой и смоченный термометръ, впервые были предприняты Августомъ; имъ былъ произведенъ цѣлый рядъ сравненій психрометра съ гигрометромъ Даніэля [1]). При этомъ онъ пытался теоретически установить ту связь, какая существуетъ между показаніями сухаго и влажнаго термометровъ и влажностью воздуха. Какъ основаніе для вывода этой связи имъ было принято предположеніе, что шарикъ смоченнаго термометра окруженъ слоемъ воздуха, который вполнѣ насыщенъ и имѣетъ одинаковую съ нимъ температуру; толщина этого слоя можетъ быть принимаема произвольно-малой. Воздухъ, возобновляясь постоянно возлѣ смоченнаго термометра, отдаетъ ему при соприкосновеніи часть теплоты, охлаждаясь при этомъ до его температуры, и насыщается парами, на образованіе которыхъ и идетъ тепло, получаемое шарикомъ термометра отъ воздуха. Когда количество тепла, затрачиваемое на испареніе, дѣлается равнымъ количеству тепла, получаемому отъ воздуха, термометръ приходитъ въ состояніе равновѣсія.

---

[1]) Pogg. Ann. 2^e serie. Band V, s. 69.

Если примемъ слѣдующія обозначенія:
t — температура воздуха, даваемая сухимъ термометромъ;
t' — температура смоченнаго термометра;
f' — упругость пара при насыщеніи при t'°;
H — показаніе барометра;
x — дѣйствительная упругость пара въ воздухѣ при наблюденіи;
γ и $\varkappa$ — удѣльная теплота воздуха и водянаго пара;
λ — скрытая теплота пара при t'°;
δ — плотность пара;
α — коэффиціентъ расширенія воздуха;
то на основаніи предъидущихъ соображеній получимъ:

$$x = \frac{1 + \frac{\gamma}{\delta\lambda}(t-t')}{1 + \frac{\varkappa}{\lambda}(t-t')} \cdot f' - \frac{\frac{\gamma}{\delta\lambda}(t-t')}{1 + \frac{\varkappa}{\lambda}(t-t')} \cdot H.$$

Если подставить сюда имѣющіяся въ настоящее время данныя: $\gamma = 0{,}237$, $\delta = 0{,}622$, $\lambda = 606{,}5 - 0{,}695\, t'$ и $\varkappa = 0{,}4688$, и принять коэффиціентъ при f', мало отличающійся отъ единицы, равнымъ единицѣ, мы получимъ:

$$x = f' - 0{,}000635\,(t - t')\,H, \quad \text{если} \quad t' > 0^\circ, \text{ и}$$
$$x = f' - 0{,}000560\,(t - t')\,H, \quad \text{если} \quad t' < 0^\circ$$ [1]).

Замѣтимъ, что́ t и t', какъ здѣсь, такъ и далѣе мы принимаемъ выраженными по стоградусному термометру.

Самъ Августъ въ разное время давалъ разныя величины числовому коэффиціенту этой формулы и согласіе теоріи и наблюденія, замѣченное имъ въ началѣ, было чисто-случайное, обусловленное съ одной стороны той таблицей упругости пара, которую онъ употреблялъ, съ другой — тѣми данными, на основаніи которыхъ онъ опредѣлялъ величину постояннаго, входящаго въ формулу. Послѣдній разъ въ «Psychrometertafeln» (1848 г.)

[1]) Ann. de Chimie et de Physique. 3e serie. T. XXXVII, p. 262 и 274.

таблица, содержащая величину втораго члена въ выраженіи x (таблица B), вычислена имъ съ постояннымъ 0,000952, если t и t' считать по Реомюру, или 0,000762, если считать t и t' по стоградусному термометру[1]); если же $t' < 0°$, то величина постояннаго должна быть уменьшена на $^1/_8$ своей величины (ibid. стр. 9).

Имѣющіяся въ настоящее время психрометрическія таблицы (напр. Психрометрическія Таблицы академика Вильда, Psychrometrical Tables by Ar. Guyot и др.) почти всѣ вычислены по формулѣ, данной Реньо на основаніи его изслѣдованія о психрометрѣ:

$$x = f' - \frac{0{,}480\,(t-t')}{610-t'}H, \quad \text{если } t' > 0, \quad \text{и}$$

$$x = f' - \frac{0{,}480\,(t-t')}{689-t'}H, \quad \text{если } t' < 0, \quad \text{или}$$

$$x = f' - 0{,}000800\,(t-t')H \text{ при } t' > 0 \text{ и}$$

$$x = f' - 0{,}000706\,(t-t')H \text{ при } t' < 0° \text{ [2]}).$$

Принимая, что при $t' < 0°$ формула должна имѣть другое постоянное, Августъ и Реньо основывались единственно только на теоретическихъ соображеніяхъ. Глэшеръ и Нобль при своихъ изслѣдованіяхъ никакой особенности при переходѣ t' черезъ 0° не замѣтили, какъ это можно видѣть изъ Психрометрическихъ Таблицъ Глэшера[3]) и изъ ряда постоянныхъ, которыя даютъ они для умноженія разности $t-t'$ при разныхъ t, чтобы получить $t-t''$, гдѣ t'' — точка росы[4]). Позднѣйшія сравненія

---

[1]) Вюльнеръ въ своей Физикѣ (Bd. III, стр. 691) даетъ рядомъ нѣсколько величинъ для этого постояннаго и не обращаетъ вниманія на то, что одни изъ нихъ имѣютъ мѣсто для счета по Реомюру, другія — по Цельзію.

[2]) Ann. de Chimie et de Physique. 3e serie. T. XV, p. 226.

[3]) Въ: Tables Meteorological and Physical. Arn. Guyot.

[4]) Miller. Philos. Trans. Part I. 1851, p. 141. — Noble. Phylos. Magaz. Vol. XI. 1856, p. 304.

Реньо при болѣе безпристрастномъ разсмотрѣніи тоже не могутъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія [1]).

Формула, полученная Августомъ, можетъ быть выведена другимъ, совершенно отличнымъ способомъ. Принимая вмѣстѣ съ Дальтономъ, что количество испаряющейся воды $= \frac{C}{H}(f' - x)$ и слѣдов. количество тепла, потребное при этомъ, $= \frac{C\lambda}{H}(f' - x)$, гдѣ C — нѣкоторое постоянное, а остальныя буквы имѣютъ то же значеніе, что и выше. Количество же теплоты, получаемой влажнымъ термометромъ отъ прилежащаго воздуха $= E(t - t')$, гдѣ E — неизвѣстное постоянное. Когда смоченный термометръ пришелъ въ равновѣсіе, то $E(t - t') = \frac{C.\lambda}{H}(f' - x)$, откуда $x = f' - \frac{E}{C.\lambda}(t - t')H$, или $x = f' - \frac{B}{\lambda}(t - t')H$, или $x = f' - A(t - t')H$ [2]). Опредѣлить величину A можно только эмпирически, путемъ сравненія психрометра съ другими способами нахожденія влажности воздуха. Уменьшеніе постояннаго A при переходѣ t' черезъ 0°, которое съ такой положительностью выводили Августъ и Реньо изъ общаго вида формулы, здѣсь далеко не такъ очевидно, ибо при переходѣ отъ жидкой воды ко льду не только λ, но и E съ C, по всей вѣроятности, мѣняютъ свою величину; именно, C — для льда, какъ твердаго тѣла, быть можетъ, меньше, чѣмъ для воды той же температуры; а E — наоборотъ нѣсколько болѣе, ибо обледенѣлый батистъ имѣетъ гораздо большую теплопроводность, хотя и нѣсколько меньшую теплоемкость.

Изъ выведенной такимъ образомъ формулы легко видѣть, что, такъ какъ E и C зависятъ отъ скорости вѣтра, A также можетъ быть различно при разной скорости вѣтра возлѣ смоченнаго термометра, тогда какъ формула въ томъ видѣ, какъ ее вывелъ Августъ, совершенно исключаетъ эту зависимость.

---

[1]) Ann. de Chim. et de Phys. 3e serie. T. XXXVII, p. 274.

[2]) Experimentalphysik, v. Wüllner. Bd. III, s. 689.

Вліяніе вѣтра на показаніе психрометра и слѣдовательно на величину A было впервые изслѣдовано итальянскимъ ученымъ Белли [1]) вскорѣ послѣ первыхъ изслѣдованій Августа. Имъ было между прочимъ указано, что показанія особенно значительно мѣняются при измѣненіи скорости вѣтра отъ 0 до 1 метра въ секунду и въ этихъ же предѣлахъ вліяніе размѣровъ термометра наибольшее; при дальнѣйшемъ увеличеніи скорости до 3 метр. въ секунду показанія психрометра измѣняются еще замѣтнымъ образомъ, но далѣе измѣненіе дѣлается нечувствительнымъ. Поэтому онъ призналъ полезнымъ производить при наблюденіяхъ возлѣ психрометра искусственный вѣтеръ, именно помѣщая его въ трубку, одинъ конецъ которой сообщается съ всасывающимъ мѣхомъ.

Августъ въ «Psychrometertafeln» (стр. 4) также пришелъ къ убѣжденію въ необходимости при наблюденіяхъ въ комнатѣ приводить психрометръ въ маятникообразное движеніе и тѣмъ замѣнять искусственный вѣтеръ, такъ какъ иначе показанія его были бы совершенно не согласны съ показаніями на открытомъ воздухѣ.

Реньо обратилъ особенное вниманіе на опредѣленіе вліянія вѣтра на показаніе психрометра. Онъ произвелъ рядъ сравненій психрометра, выставленнаго на открытомъ воздухѣ, съ другимъ, возлѣ котораго воздухъ приводился въ движеніе съ различной скоростью помощію вентилятора, или же съ психрометромъ, установленномъ въ коробкѣ, чрезъ которую воздухъ просасывался помощію аспиратора или воздушнаго насоса, пройдя предварительно чрезъ длинную спиралеобразную трубку [2]). Но эти изслѣдованія страдаютъ существенными недостатками, особенно это справедливо относительно втораго способа; поэтому результаты, полученные имъ, слишкомъ разнорѣчивы. Такъ при первомъ способѣ изслѣдованія мы видимъ [3]), что скорость въ 8 метр.

---

[1]) Corso di Fisica spirementale. Belli. Milano. 1831, p. 534.

[2]) Ann. de Chim. et de Phys. 3^{e} serie. T. XV, p. 201.

[3]) ibid. p. 222.

въ секунду измѣняетъ показанія психрометра на — 0,28 mm., при второмъ же [1]) въ случаѣ дѣйствія аспираторовъ психрометръ въ аппаратѣ показываетъ суше на 0,69 mm., тогда какъ количество воздуха, проходящаго чрезъ аппаратъ въ этомъ случаѣ не болѣе 5067 куб. сантиметр. въ 1 м. [2]) или 84,5 куб. сантим. въ 1 секунду и слѣдовательно скорость врядъ ли болѣе 1 метра въ 1 секунду.

Дѣло въ томъ, что Реньо совсѣмъ не обратилъ вниманія на разность давленій внутри и внѣ коробки; а эта разность должна быть довольно велика, иначе нельзя получить сколько-нибудь значительной скорости вѣтра въ длинной и узкой трубкѣ. Это уменьшеніе давленія внутри коробки имѣетъ двойное значеніе: съ одной стороны уменьшается H, съ другой — самое x, упругость пара въ воздухѣ, конечно, уменьшается въ той же пропорціи и вмѣсто прежняго x получается $x \cdot \frac{h}{H}$, гдѣ h — давленіе внутри коробки, H — внѣ ея.

Наконецъ въ обоихъ случаяхъ имъ употреблялся для сравненія психрометръ, выставленный на открытый воздухъ, и скорость вѣтра возлѣ него была совершенно неизвѣстна.

Вслѣдствіе всего сказаннаго заключеніе его, что формула съ даннымъ имъ постояннымъ можетъ считаться вѣрной для скоростей вѣтра, меньшихъ 5 — 6 метровъ въ секунду [3]), довольно произвольно.

Изслѣдованій, въ которыхъ бы при сравненіи психрометра съ другими гигрометрами воздухъ возлѣ перваго всегда находился въ движеніи приблизительно одинаковой скорости, намъ извѣстно только одно: «Confronto fra l'igrometro di Regnault, lo psicrometro di August e lo psicrometro a ventilatore» Ciro Chistoni [4]); но и здѣсь мы не знаемъ, какъ велика была скорость, которую сообщалъ вентиляторъ воздуху возлѣ термометровъ.

---

[1]) ibid. p. 211. [2]) ibid. p. 208 и 209. [3]) ibid. p. 223.

[4]) Meteorologia italiana. Memorie e Notizie. 1878. Fascicolo I.

Такимъ образомъ въ имѣющихся изслѣдованіяхъ о психрометрѣ мы не находимъ точныхъ указаній относительно свойствъ величины A; точно неизвѣстно, какой скорости вѣтра соотвѣтствуетъ принимаемая въ большинствѣ случаевъ величина $A = 0{,}000800$ и въ какихъ предѣлахъ она можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія скорости вѣтра и отъ размѣровъ термометрическаго сосуда. Поэтому и нельзя было указать условій наблюденія, наиболѣе благопріятныхъ для точности показаній психрометра, и — какой вообще точности можно ожидать отъ него. Реньо подъ конецъ высказалъ даже, что употребленіе психрометра при наблюденіяхъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно для успѣховъ метеорологіи, и ставитъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже волосянаго гигрометра [1]).

Выяснить, хотя отчасти, эти важныя въ гигрометріи пункты мы и имѣемъ въ виду. Именно, опредѣливъ по возможности точно величину A для психрометра, возлѣ котораго воздухъ всякій разъ приводится въ движеніе съ одинаковой скоростью, сравнить его съ другими психрометрами разной величины и при разной скорости вѣтра.

Въ качествѣ перваго нами былъ взятъ итальянскій психрометръ, имѣющій вентиляторъ, по системѣ Кантони (Cantoni), съ вертикальными плоскими лопатками и на вертикальной оси, помѣщенной нѣсколько сзади термометровъ и приводившейся въ движеніе часовой пружиной. Термометры этого психрометра, № 7^{I} и 7^{II} «Tecnomasio Milano», подраздѣлены на десятыя части градуса и имѣютъ цилиндрическіе резервуары 5,7 mm. въ діаметрѣ и 27 mm. въ длину. Гигрометры, взятые для сравненія, были объемный гигрометръ Швакгёфера [2]) и сгустительный гигрометръ въ томъ видѣ, какой ему придалъ Аллюардъ [3]).

---

[1]) Ann. de Chim. et de Phys. 3e serie. T. XXXVII, p. 283.

[2]) Zeitschrift d. Oesterreichischen Gesellschaft für Meteorologie. 1878, стр. 241.

[3]) ibid. стр. 16.

Относительно гигрометра Швакгёфера замѣтимъ прежде всего, что формула, данная для него профессоромъ Ханномъ не полна, такъ какъ имъ не принято во вниманіе измѣненіе барометра въ промежутокъ времени между запираніемъ воздуха въ гигрометрѣ и измѣреніемъ объема воздуха послѣ высушиванія его, вслѣдствіе чего при нижеприведенныхъ измѣреніяхъ нерѣдко могла быть погрѣшность $> 0{,}1$ mm.; поэтому, принимая во вниманіе и это условіе, мы выведемъ формулу для этого гигрометра.

Пусть V, t и H означаютъ объемъ запертаго въ гигрометрѣ воздуха, его температуру и давленіе, равное атмосферному давленію; V_1, t_1, H_1 — тоже самое, но послѣ высушиванія воздуха. Если бы температура и давленіе во второмъ случаѣ были бы тѣ же, что и въ первомъ, то объемъ былъ бы не V_1, а $V_1 \cdot \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1} \cdot \frac{H_1}{H}$, гдѣ α — коэффиціентъ расширенія воздуха. Если бы послѣ высушиванія объемъ воздуха оставался прежній, то давленіе его было бы $H - x$, гдѣ x — упругость пара въ воздухѣ; но, будучи приведенъ къ прежнему давленію, воздухъ занимаетъ объемъ: $V_1 \cdot \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1} \cdot \frac{H_1}{H}$.

Слѣдовательно

$$V_1 \cdot \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1} \cdot \frac{H_1}{H} : V = H - x : H.$$

Откуда

$$x = \frac{H.V - H_1 V_1 \cdot \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1}}{V} = \frac{H_1 V - H_1 V_1 \cdot \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1}}{V} - \Delta H,$$

если

$$H_1 = H + \Delta H.$$

Прибавляя къ числителю $+ H_1 V_1 - H_1 V_1$, имѣемъ

$$x = H_1 \left\{ \frac{\Delta V}{V} + \frac{V_1}{V} \left(1 - \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1} \right) \right\} - \Delta H, \quad \text{если } V - V_1 = \Delta V.$$

Примемъ $\frac{V_1}{V}$ за единицу, что можно сдѣлать вслѣдствіе малости ΔV и $1 - \frac{1+\alpha t}{1+\alpha t_1}$.

$$x = H_1\left\{\frac{\Delta V}{V} + \frac{\alpha(t_1 - t)}{1 + \alpha t_1}\right\} - \Delta H.$$

Если $\frac{\Delta V}{V}$ дано въ % величины $V - \delta V\%$, то

$$x = \frac{H_1}{100}\left\{\delta V + 100\frac{\alpha(t_1 - t)}{1 + \alpha t_1}\right\} - \Delta H.$$

Такъ какъ въ теченіи измѣренія давленіе атмосферы измѣняется мало, при нижеприведенныхъ сравненіяхъ обыкновенно не болѣе 0,1 mm., то въ первомъ членѣ величина H_1 можетъ быть замѣнена чрезъ H, но величиной ΔH при точныхъ измѣреніяхъ пренебрегать нельзя; точно тоже нужно сказать и о знаменателѣ $1 + \alpha t_1$, полагать его равнымъ единицы нельзя, если $t - t_1 > 0^\circ\!,1$, какъ это было постоянно при нашихъ сравненіяхъ.

Помѣщенная ниже таблица показываетъ, какова точность объемнаго гигрометра и какъ велико должно быть число перегонокъ воздуха въ сосудъ съ сѣрной кислотой для того, чтобы воздухъ былъ достаточно высушенъ; именно, она даетъ уменьшеніе упругости воздуха (на x_1 и x mm.) послѣ 3-хъ и 6-ти перегонокъ.

После 3-хъ перег. x_1 mm	После 6-ти перег. x mm	Разность. $x - x_1$ mm	Отклоненія отъ средней. mm
3,76	3,85	+0,09	+0,01
3,65	3,76	+0,11	+0,03
3,54	3,69	+0,15	+0,07
3,71	3,81	+0,10	+0,02
3,77	3,77	0,00	—0,08
3,68	3,77	+0,09	+0,01
3,48	3,61	+0,13	+0,05
3,40	3,45	+0,05	—0,03
3,09	3,17	+0,08	0,00
3,43	3,43	0,00	—0,08
	Сред.	+0,080	
		±0,011	

Такимъ образомъ послѣ 3-хъ перегонокъ на долю послѣдующихъ 3-хъ приходится все еще 0,08 mm.; но послѣ 6-ти перегонокъ воздухъ, по всей вѣроятности, можно считать сухимъ съ погрѣшностью меньшей 0,08 mm. Отсюда же слѣдуетъ, что вѣроятная погрѣшность при каждомъ отдѣльномъ опредѣленіи разности $x - x_1 = \pm 0{,}033$ mm.; слѣдовательно вѣроятная погрѣшность при каждомъ опредѣленіи x помощію этого прибора $= \pm \frac{0{,}033}{\sqrt{2}} = \pm 0{,}024$ [1]).

Помѣщенныя въ слѣдующей таблицѣ № 1 наблюденія произведены были въ залѣ Главной Физической Обсерваторіи. Итальянскій психрометръ стоялъ рядомъ съ объемнымъ гигрометромъ и къ нему шла отъ послѣдняго стеклянная трубка (около 1 метра). Воздухъ раза 3 насасывался въ гигрометръ чрезъ эту трубку и выгонялся чрезъ другой выходъ, въ четвертый разъ дѣлалось опредѣленіе влажности послѣ 6 перегонокъ; психрометръ отсчитывался передъ и послѣ послѣдняго насасыванія и былъ защищенъ отъ наблюдателя полуцилиндрическимъ

---

[1]) Если принять во вниманіе вышеприведенную таблицу, то врядъ ли можно считать справедливымъ мнѣніе Эдельманна (Zeitschrift d. Oesterreich. Gesell. für Meteorologie. Bd. XIV, p. 54) и Рюдорфа (ibid. Bd. XV, p. 167), что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, 5 или 6, воздухъ въ ихъ гигрометрахъ высушивается почти вполнѣ, т. е. до сотыхъ долей mm.; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо было бы сдѣлать нѣсколько сравненій ихъ гигрометровъ съ гигрометромъ, основанномъ на другомъ принципѣ, напр. съ сгустительнымъ гигрометромъ. Что же касается до гигрометра г. Матерна (Annalen der Physik u. Chem. 1880. № 1), то мы укажемъ на наблюденія Реньо надъ упругостью пара въ атмосферномъ воздухѣ и азотѣ (Ann. de Chimie et de Phys. 3^e^ serie. T. XV, p. 130); полученная имъ упругость пара меньше въ воздухѣ отъ 0,1 до 0,8 mm., чѣмъ въ пустотѣ; эта разность и значительныя колебанія ея во всякомъ случаѣ указываютъ на трудность имѣть воздухъ, вполнѣ насыщенный парами, если даже онъ находится въ соприкосновеніи съ водой сравнительно продолжительное время, а не нѣсколько минутъ.

желѣзнымъ листомъ. Влажность для психрометра въ этой таблицѣ, какъ и далѣе, вычислена, полагая $A = 0,000725$.

Таблица № 1.

Итальянскій психрометръ.					Объемн. гигром.		Разность.
Барометръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	
H	t	t'	$t-t'$	x	x_1	%	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	mm		mm
763	+ 18,89	+ 9,64	9,25	3,83	3,85	24,0	— 0,02
—	18,89	9,59	9,30	3,78	3,76	23,6	+ 0,02
759	18,35	9,29	9,06	3,76	3,69	23,9	+ 0,07
—	18,25	9,24	9,01	3,75	3,81	24,3	— 0,06
—	18,26	9,19	9,07	3,70	3,77	24,2	— 0,07
755	18,28	9,24	9,04	3,77	3,77	24,2	0,00
756	18,25	9,07	9,18	3,58	3,61	23,1	— 0,03
—	18,23	9,03	9,20	3,55	3,45	21,7	+ 0,10
—	18,20	8,88	9,32	3,40	3,17	20,3	+ 0,23
—	17,86	8,71	9,15	3,40	3,43	22,3	— 0,03
—	17,84	8,67	9,17	3,37	3,51	22,8	— 0,14
—	17,96	8,75	9,21	3,39	3,30	21,4	+ 0,09
							+ 0,013

Наибольшая разность между психрометромъ и гигрометромъ здѣсь достигаетъ 0,23 mm. въ абсолютной влажности или 1,5% въ относительной; вѣроятная же разность для каждаго сравненія составляетъ ± 0,066 mm. или ± 0,43% при данныхъ температурахъ.

При сравненіяхъ, помѣщенныхъ въ слѣдующей таблицѣ № 2, объемный гигрометръ былъ установленъ въ магнитной обсерваторіи у окна, выходящаго въ пристройку, предназначенную для метеорологическихъ аппаратовъ и состоящую съ боковъ изъ жа-

люзи, а сверху изъ кровли, недоходящей до стѣны дома. Трубка отъ гигрометра была проведена сквозь раму наружу; ёмкость ея немногимъ развѣ болѣе $^1/_2$ объема запираемаго въ гигрометрѣ воздуха. Итальянскій психрометръ устанавливался не далеко отъ конца трубки и отсчитывался издали помощію трубы; отсчетъ его дѣлался передъ и послѣ окончательнаго (4-го или 5-го) насасыванія воздуха въ гигрометръ. Стеклянная трубка передъ началомъ наблюденій протиралась ватой на проволокѣ, а по окончаніи затыкалась. Всѣ сравненія были сдѣланы съ итальянскимъ психрометромъ, кромѣ 3-хъ послѣднихъ, при которыхъ употреблялся психрометръ, установленный въ клѣткѣ по системѣ акад. Вильда [1]); въ нижней части эта клѣтка въ отличіе отъ обыкновенно-употребляемыхъ имѣетъ вентиляторъ съ кривыми лопатками, который приводился въ движеніе помощію шнурка и небольшаго шкива, утвержденнаго на разстояніи 2-хъ метровъ отъ клѣтки; описаніе такой клѣтки находимъ въ упомянутой выше статьѣ г. Вильда (стр. 9); вентиляторъ приводился въ движеніе съ возможной быстротой передъ наблюденіемъ $1^1/_2$ минуты и во время наблюденія. Отсчетъ его производился чрезъ окно трубой.

Вѣроятная разность для отдѣльнаго сравненія между психрометромъ и объемнымъ гигрометромъ $= \pm$ 0,095 mm., что составляетъ для $+3°\ldots\pm 1{,}67\%$, для $10°\ldots\pm 1{,}04\%$ и для $20°\ldots\pm 0{,}55\%$. Вѣроятное же отклоненіе отъ средней разности около $\pm$ 0,08 mm. Наблюденія согласуются здѣсь вообще менѣе, чѣмъ въ предъидущей таблицѣ № 1, потому что воздухъ наружный постоянно подвергнутъ болѣе быстрымъ и неправильнымъ измѣненіямъ влажности, чѣмъ комнатный. Наибольшія разности здѣсь точно также нѣсколько болѣе и достигаютъ 3% при болѣе высокихъ температурахъ и 4% при нисшихъ.

---

[1]) Метеорологическій сборникъ. Томъ VI. № 9.

Таблица № 2.

Психрометръ.					Объемн. гигром.		Раз-ность.
Баро-метръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Раз-ность.	Абсол. влажн.	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	
H	*t*	*t'*	*t—t'*	*x*	x_1	%	$x-x_1$
mm 759	+ 22°,79	+ 16°,82	5°,97	mm 10,97	mm 10,81	52,5	mm + 0,16
—	21,60	15,99	5,61	10,44	10,47	55,0	— 0,03
752	16,20	10,45	5,75	6,30	6,05	44,3	+ 0,25
—	15,61	9,79	5,82	5,87	5,97	45,6	— 0,10
—	15,23	9,87	5,36	6,17	6,03	47,0	+ 0,14
—	14,71	9,61	5,10	6,15	6,07	49,5	+ 0,08
753	12,23	8,09	4,14	5,81	5,79	54,6	+ 0,02
752	11,37	7,57	3,80	5,71	5,66	56,6	+ 0,05
—	10,90	7,78	3,12	6,20	5,91	61,1	+ 0,29
—	10,72	7,91	2,81	6,44	6,55	68,4	— 0,11
750	9,66	6,16	3,50	5,17	5,06	56,0	+ 0,11
—	9,06	6,17	2,89	5,50	5,45	62,9	+ 0,05
—	8,86	5,50	2,86	5,20	5,11	62,1	+ 0,09
751	8,23	5,62	2,61	5,40	5,26	64,5	+ 0,14
765	6,73	3,01	3,72	3,63	3,78	51,6	— 0,15
—	5,97	2,89	3,08	3,94	3,77	54,4	+ 0,17
763	5,91	2,85	3,06	3,94	4,05	58,0	— 0,11
—	5,48	2,64	2,84	3,98	3,86	57,4	+ 0,12
765	5,05	2,57	2,48	4,14	4,03	61,6	+ 0,11
763	4,21	0,79	3,42	2,97	3,17	51,5	— 0,20
—	4,17	1,06	3,11	3,24	3,16	51,4	+ 0,08
—	4,01	1,42	2,59	3,65	3,76	62,0	— 0,11
—	3,25	2,07	1,18	4,68	4,55	79,0	+ 0,13
—	3,00	1,07	1,93	3,90	3,77	66,8	+ 0,13
—	2,59	1,71	0,88	4,70	4,56	81,2	+ 0,14
762	2,47	1,67	0,80	4,74	4,57	81,4	+ 0,17
754	2,27	0,90	1,37	4,16	4,02	74,6	+ 0,14
—	2,19	0,76	1,43	4,08	3,85	72,0	+ 0,23
—	1,10	0,04	1,06	4,03	3,97	80,4	+ 0,06
							+ 0,0707

Таблица № 3.

Психрометръ.					Сгустит. гигром.			Разность.
Барометръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Точка росы.	Абс. вл.	Отн. вл.	
H	t	t'	$t-t'$	x	t''	x_1	%	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	°	mm		mm
771	+21,40	+12,52	8,88	5,86	+3,72	5,98	31,4	—0,12
760	17,77	10,88	6,89	5,92	+3,52	5,90	39,0	+0,02
—	17,48	10,79	6,69	5,98	+3,92	6,06	41,1	—0,08
—	16,92	10,42	6,50	5,84	+3,32	5,82	40,5	+0,02
756	13,79	9,88	3,91	6,95	+6,13	7,06	61,3	—0,24
—	13,35	9,43	3,92	6,68	+5,72	6,87	59,8	—0,09
—	13,49	9,68	3,81	6,88	+6,13	7,06	61,1	—0,11
—	13,59	9,83	3,76	7,01	+6,03	7,01	61,1	+0,02
—	13,20	9,68	3,52	7,05	+6,23	7,11	65,3	—0,09
—	12,30	9,20	3,10	6,99				
—	11,71	8,81	2,90	6,88	+5,62	6,82	65,6	+0,19
—	12,21	9,28	2,93	7,13				
752	12,72	9,14	3,58	6,71	+5,40	6,72	61,2	—0,01
—	12,58	9,25	3,33	6,90	+5,64	6,83	62,5	+0,07
—	12,37	9,05	3,32	6,79	+5,65	6,83	63,6	—0,04
—	12,23	9,30	2,93	7,15	+6,15	7,07	66,4	+0,08
—	12,13	9,00	3,13	6,86	+6,07	7,03	66,5	—0,17
—	11,91	9,39	2,52	7,43	+6,80	7,39	81,0	+0,04
763	3,92	0,53	3,39	2,91	—5,77	2,93	48,4	+0,01
—	3,92	0,59	3,33	2,96				
761	3,16	0,47	2,69	3,27	—4,45	3,25	57,0	+0,02
—	2,97	0,35	2,62	3,27	—4,96	3,12	54,4	+0,15
—	2,71	0,05	2,66	3,15	—4,85	3,15	56,0	0,00
—	2,71	0,03	2,68	3,13	—4,95	3,12	55,4	+0,01
766	1,94	0,41	1,53	3,89	—1,97	3,94	75,8	—0,10
—	1,81	0,21	1,60	3,78				
761	1,74	0,30	1,44	3,91	—2,66	3,74	71,8	+0,17
—	1,61	0,36	1,25	4,03	—1,27	4,17	81,4	—0,14
								—0,016

Таблица № 3 содержитъ результаты сравненія съ сгустительнымъ гигрометромъ. Наблюденія производились въ упомянутой выше пристройкѣ. Психрометръ и гигрометръ ставились рядомъ и отсчитывались издали трубой; наружный вѣтеръ здѣсь могъ имѣть вліяніе на психрометръ, чего почти не было въ предъидущемъ случаѣ. Наиболѣе сильный вѣтеръ со стороны малозащищенной былъ при наблюденіяхъ, соотвѣтствующихъ давленію въ 756 mm. и 766 mm., когда анемометръ на башнѣ показывалъ около 6 м. въ 1 сек.; внизу вѣтеръ былъ, конечно, по крайней мѣрѣ раза въ 2 слабѣе. При остальныхъ наблюденіяхъ скорость вѣтра была на башнѣ отъ 4 до 3 метровъ и часто со стороны совершенно защищенной.

Вѣроятная разность между психрометромъ и сгустительнымъ гигрометромъ $= \pm 0{,}072$ mm., что составляетъ при $+20^\circ \ldots \pm 0{,}4\%_0$, при $+10^\circ \ldots \pm 0{,}8\%_0$ и при $0^\circ \ldots \pm 1{,}6\%_0$; наибольшія разности при нисшихъ температурахъ достигаютъ $3\%_0$, а при болѣе высокихъ около $2\%_0$.

Слѣдующія таблицы № 4 и № 5 содержатъ сравненія при $t' < 0^\circ$ между психрометромъ и гигрометрами, объемнымъ и сгустительнымъ; въ первомъ случаѣ употреблялся психрометръ въ клѣткѣ, кромѣ первыхъ 3 сравненій, сдѣланныхъ съ итальянскимъ психрометромъ; во второмъ — по преимуществу итальянскій, кромѣ послѣднихъ 2-хъ, сдѣланныхъ съ психрометромъ въ клѣткѣ. Для того, чтобы быть увѣреннымъ, что термометръ покрытъ непрерывнымъ ровнымъ и тонкимъ слоемъ льда, онъ смачивался обыкновенно въ комнатѣ. При нижеслѣдующихъ наблюденіяхъ неточность допущенія $1 + \alpha t_1 = 1$ могла бы произвести въ объемномъ гигрометрѣ иногда ошибку болѣе 0,06 mm., такъ какъ температура во время наблюденія иногда (именно, каждый разъ при первомъ наблюденіи) поднималась даже болѣе, чѣмъ на $0^\circ{,}5$ [1]).

---

[1]) Въ таблицахъ № 4 и № 5 при вычисленіи влажности по психрометру и сгустительному гигрометру упругость водянаго пара взята изъ Психрометрическихъ таблицъ проф. Елинека (v. Jelinek).

Таблица № 4.

П с и х р о м е т р ъ.*					Объемн. гигром.		Разность.
Барометръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	
H	*t*	*t'*	*t—t'*	*x*	x_1	%	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	mm		mm
768	+ 2,43	— 0,43	2,86	2,87	2,96	55	— 0,09
759	+ 0,77	0,08	0,85	4,10	3,96	81	+ 0,14
—	+ 0,21	0,54	0,75	4,00	3,88	83	+ 0,12
762	+ 1,67	1,44	3,11	2,39	2,31	45	+ 0,08
—	+ 0,07	1,04	1,11	3,63	3,50	76	+ 0,13
763	— 0,57	1,60	1,03	3,49	3,46	78	+ 0,03
764	1,71	2,22	0,51	3,58	3,31	82	+ 0,27
763	1,81	2,58	0,77	3,33	3,14	79	+ 0,19
—	1,85	2,30	0,45	3,59	3,55	89	+ 0,04
760	2,04	3,75	1,71	2,49	2,51	64	— 0,02
—	2,62	4,29	1,67	2,37	2,23	59	+ 0,14
764	3,32	3,80	0,48	3,15	3,03	86	+ 0,12
—	4,76,	5,02	0,26	2,96	2,83	89	+ 0,13
761	4,76	5,95	1,19	2,22	2,21	69	+ 0,01
764	5,51	5,73	9,22	2,81	2,64	88	+ 0,17
757	6,31	8,11	1,80	1,44	1,41	50	+ 0,03
—	6,67	8,42	1,75	1,42	1,22	44	+ 0,20
761	6,84	8,58	1,74	1,38	1,11	41	+ 0,27
768	7,39	8,92	1,53	1,43	1,36	51	+ 0,07
760	7,53	8,98	1,45	1,47	1,28	48	+ 0,19
757	7,58	9,34	1,76	1,24	1,04	41	+ 0,20
767	8,23	9,52	1,29	1,45	1,34	54	+ 0,11
760	8,36	9,64	1,28	1,44	1,39	58	+ 0,05
—	8,79	10,16	1,37	1,32	1,28	50	+ 0,04
767	10,04	11,04	1,00	1,37	1,32	65	+ 0,05
							+ 0,107

Таблица № 5.

Психрометръ.					Сгустит. гигром.			Разн.
Барометръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Точка росы.	Абс. вл.	Отн. вл.	
H	t	t'	$t-t'$	x	t''	x_1	%	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	°	mm		
766	+ 2,11	— 1,26	3,37	2,30	— 8,35	2,39	45	— 0,07
—	+ 2,05	1,26	3,31	2,33				
—	+ 2,31	1,00	3,31	2,41	8,05	2,44	46	— 0,10
—	+ 1,73	1,55	3,28	2,26				
761	+ 1,91	0,67	2,58	2,95	5,45	3,00	57	— 0,05
766	+ 1,71	1,51	3,22	2,30	9,15	2,24	44	+ 0,06
—	+ 1,51	1,64	3,15	2,29				
—	+ 1,54	0,09	1,63	3,66	2,96	3,65	70	— 0,01
—	+ 1,61	0,09	1,70	3,62				
—	+ 1,31	0,09	1,40	3,78	2,57	3,76	73	+ 0,04
—	+ 1,26	0,09	1,35	3,81				
—	+ 1,61	1,74	3,35	2,15	9,15	2,24	44	— 0,11
—	+ 1,39	1,93	3,32	2,11				
759	— 0,32	1,06	0,74	3,81	2,37	3,82	85	— 0,01
—	— 0,77	1,61	0,84	3,59	3,16	3,59	83	0,00
762	— 2,38	2,72	0,34	3,52	3,76	3,43	89	+ 0,09
—	— 2,58	2,94	0,36	3,46	4,25	3,30	87	+ 0,16
								0,00

Изъ таблицы № 4 слѣдуетъ, что вѣроятная разность для отдѣльнаго сравненія $= \pm 0{,}093$ mm. или $\pm 3\%$ при $-5°$; вѣроятное же отклоненіе отъ средней разности $+0{,}10$ mm. равно только $\pm 0{,}059$ mm. или $\pm 1{,}9\%$ при $-5°$; при $0°$ — первая $= \pm 2{,}0\%$ и второе $= \pm 1{,}3\%$.

Для сравненій съ сгустительнымъ гигрометромъ (табл. № 5) вѣроятная разность $= \pm 0{,}053$ mm. или $\pm 1{,}5\%$ при $-3°$ и $\pm 1{,}15\%$ при $0°$.

Такимъ образомъ вѣроятная разность при взятомъ нами постоянномъ $A = 0,000725$ между психрометромъ и гигрометрами будетъ, смотря по температурѣ:

	при $+20°$	$+10°$	$0°$	$-5°$
Сгустит. гигром.	$\pm 0,4\%$	$\pm 0,8\%$	$\pm 1,15\%$	$(\pm 1,7\%)$
Объемный »	$\pm 0,55\%$	$\pm 1,04\%$	$\pm 2,0\%$	$\pm 3,0\%$

Наибольшая разность достигаетъ тройной величины сравнительно съ вѣроятной, именно, въ случаѣ объемнаго гигрометра два раза при $t > 0°$ и столько же при $t < 0°$; въ случаѣ сгустительнаго гигрометра—по одному разу. Согласіе между психометромъ и сгустительнымъ гигрометромъ больше, особенно при нисшихъ температурахъ. Что касается до абсолютной величины разности между психрометромъ и объемнымъ гигрометромъ, то мы здѣсь находимся въ нѣкоторомъ затрудненіи, потому что намъ неизвѣстно, какое количество пара остается въ воздухѣ послѣ 6 перегонокъ его въ сосудъ съ сѣрной кислотой. Средняя разность между показаніями объемнаго и сгустительнаго гигрометровъ, судя по таблицамъ II и III, IV и V, равна въ абсолютной влажности 0,08 mm. — 0,11 mm.; эта разность частію можетъ зависѣть отъ ошибокъ въ таблицѣ, которую даетъ Реньо для упругости пара, и такъ какъ разность по видимому нѣсколько увеличивается съ пониженіемъ температуры, то на основаніи этого можно заключить съ нѣкоторымъ правомъ, что упругость пара, даваемая таблицею Реньо, при температурахъ нисшихъ нуля нѣсколько больше дѣйствительной, чѣмъ и обусловливается, вѣроятно, большая разность между психрометромъ и объемнымъ гигрометромъ при $t' < 0°$. На сравненіе психрометра съ сгустительнымъ гигрометромъ такія неточности въ таблицѣ упругости пара имѣютъ менѣе вліянія.

Приписывать всю эту разность употребленію другаго психрометра въ таблицѣ № 4 нельзя, какъ можно это видѣть изъ слѣдующихъ результатовъ непосредственнаго сравненія обоихъ психрометровъ.

Таблица № 6.

Итальянскій психрометръ.					Психром. въ клѣткѣ.				Разности.		
Бaром.	Сухой терм.	Влаж. терм.	Разн.	Абс. вл.	Сухой терм.	Влаж. терм.	Разн.	Абс. вл.			
H	t	t'	$t-t'$	x	t_1	t_1'	t_1-t_1'	x_1	$t-t_1$	$t'-t_1'$	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	°	°	°	mm	°	°	mm
760	+20,68	+16,11	4,52	11,14	+20,22	+15,90	4,32	11,07	+0,48	+0,08	—0,15
—	20,77	15,84	4,93	10,70	20,04	15,30	4,74	10,34	+0,63	+0,50	+0,35
—	20,57	15,76	4,81	10,68	20,06	15,80	4,26	11,03	+0,59	+0,01	—0,32
—	20,73	15,86	4,87	10,73							
Средняя влажность.				10,81	Средн. влажн.			10,81			
mm	°	°	°	mm	°	°	°	mm	°	°	mm
768	— 4,60	— 6,46	1,86	1,75	— 4,50	— 6,25	1,75	1,87	—0,10	—0,21	—0,12
—	4,52	6,64	2,12	1,58	4,82	6,83	2,01	1,59	+0,30	+0,19	—0,01
—	3,19	5,24	2,05	1,94	3,42	5,51	2,09	1,86	+0,23	+0,27	+0,08
—	4,25	6,29	2,04	1,70	4,36	6,29	1,93	1,76	+0,11	+0,00	—0,06

Эта таблица указываетъ между прочимъ на вліяніе установки на показанія сухаго термометра [1]).

Во всякомъ случаѣ разница результатовъ сравненій психрометра съ объемнымъ гигрометромъ при $t' > 0°$ и при $t' < 0°$, около 0,04 mm., слишкомъ невелика и на основаніи ея, не имѣя къ тому же полной увѣренности въ точности таблицы Реньо до 0,01 mm., врядъ ли можно утверждать, что постоянное A при $t' < 0°$ должно быть другое.

Такимъ образомъ наши наблюденія положительно отрицаютъ почти общепринятое мнѣніе Августа и Реньо, что A при $t' < 0°$ меньше приблизительно на $^1/_8$, чѣмъ при $t' > 0°$.

[1]) См. Метеорологическій сборникъ т. VI. № 9.

Если принять во вниманіе постоянную разность между психрометромъ и объемнымъ гигрометромъ, какъ необходимое слѣдствіе того, что объемный гигрометръ показываетъ суше, чѣмъ въ дѣйствительности, и вычислить вѣроятное отступленіе отъ этой разности при отдѣльныхъ наблюденіяхъ, то найденныя величины будутъ мало отличны отъ вѣроятныхъ разностей между психрометромъ и сгустительнымъ гигрометромъ.

Такъ какъ разногласіе между психрометромъ и гигрометрами обусловливается кромѣ погрѣшности психрометра также погрѣшностью гигрометровъ и неправильными измѣненіями влажности воздуха при отсутствіи строгой одновременности наблюденія гигрометра и психрометра, то вѣроятная погрѣшность психрометра при отдѣльныхъ наблюденіяхъ должно быть меньше указанной выше, т. е. при $t' > 0°$ она $< \pm 0{,}07$ или $< \pm 1\%$, при $-10° < t' < 0° - < \pm 0{,}05$ mm. или $< \pm 2\%$. Если бы отсчетъ термометровъ психрометра производился, какъ это обыкновенно бываетъ, только до $0°{,}1$ и слѣдов. погрѣшность для обоихъ термометровъ могла быть $\pm 0°{,}05$, то вѣроятная погрѣшность наблюденія увеличилась бы, но во всякомъ случаѣ незначительно.

Сравненіе таблицы № 1 съ таблицей № 2, повидимому, заставляетъ думать, что величина A должна быть для $t - t'$ очень большихъ нѣсколько меньше; изъ таблицы № 2 также мы видимъ, что для 14 наблюденій съ наибольшей разностью $t - t'$ разность $x - x_1$ будетъ около $+ 0{,}06$ mm., а для остальныхъ 15 съ меньшей величиной $t - t'$ разность $x - x_1$ — около $+ 0{,}08$ mm.; если даже этимъ же мы объяснимъ увеличеніе разности ниже $0°$ до $+ 0{,}11$ mm., хотя этому до нѣкоторой степени противорѣчитъ таблица № 5, то все-таки, *принимая за A ту величину, которая соотвѣтствуетъ $t - t' = 5°$, мы можемъ считать величину A за постоянную, независящую отъ t' и $t - t'$, и чрезъ это не сдѣлаемъ ошибки большей 0,05 mm. въ случаѣ измѣненія $t - t'$ отъ $0°$ до $10°$*, и эта ошибка въ совокупности съ ошибкой наблюденія вообще не выйдетъ изъ указанныхъ выше предѣловъ.

Сравненія психрометра съ другими гигрометрами для опре-

дѣленія величины A должны происходить по возможности при большихъ $t - t'$, такъ какъ въ этомъ случаѣ погрѣшность наблюденія имѣетъ всего менѣе вліянія на точность найденной величины A. Такъ при $t - t' = 5^\circ$ было бы достаточно десяти тщательныхъ сравненій, чтобы знать A съ точностью не меньшей $\pm 0{,}000010$.

Если постоянное A не вѣрно на $\pm$ 0,000015 или 2% своей величины, то какъ легко видѣть изъ приложенной въ концѣ таблицы, составленной подобно таблицѣ B Августа въ «Psychrometertafeln» и представляющей только небольшое упрощеніе для отысканія поправки на давленіе, погрѣшность вслѣдствіе этого при $t - t' = 1^\circ$ равна $\pm 0{,}01$ mm., при $t - t' = 5^\circ{,}5$ равна $\pm 0{,}06$ mm. и при $t - t' = 9^\circ$ — = $\pm 0{,}10$ mm. Слѣдов. только-что указанная точность $\pm$ 0,000010 въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточна.

Если сравнить результаты, полученные нами, съ наблюденіями г. Кистони (въ вышеупомянутомъ «Confronto etc.»), то нельзя не замѣтить большой разницы въ отношеніи согласія психрометра съ сгустительнымъ гигрометромъ. Сумма наибольшихъ отклоненій въ таблицѣ № 3 равна 0,41 mm., въ таблицѣ № 2 она $= 0{,}49$ mm., что составляетъ при данныхъ температурахъ (средняя температура около $+ 7^\circ$) въ относительной влажности $< 6\%$ и $< 7\%$. У г. Кистони эта сумма для психрометровъ съ вентиляторомъ 1,40 mm. и 1,52 mm. или около 9% при t около $+ 20^\circ$. Абсолютное среднее отклоненіе въ таблицѣ № 3 равно 0,083 mm. или $< 1\%$ при $t = 10^\circ$, у г. Кистони оно $= 0{,}28$ mm. или 1,35% при t около 23°. Между тѣмъ съ возрастаніемъ температуры, хотя точность въ абсолютной влажности нѣсколько убываетъ, въ относительной она значительно возростаетъ, какъ это можно видѣть изъ вышеприведенныхъ величинъ вѣроятной погрѣшности нашего психрометра при разныхъ температурахъ. Меньшее согласіе у г. Кистони, равно какъ и то, что имъ было найдено большее постоянное A, можетъ обусловливаться, конечно, медленностію движенія вентилятора, кромѣ того первое также меньшею защищенностью психрометра отъ внѣшняго вѣтра.

Безъ вентилятора согласіе психрометра съ гигрометромъ уменьшается еще болѣе.

Для изслѣдованія вліянія скорости вѣтра и размѣровъ резервуара термометра на постоянное A, итальянскій психрометръ былъ сравненъ съ двумя другими, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ 2 термометровъ, №№ 7 и 8 Гейсслера въ Боннѣ, съ очень маленькими цилиндрическими резервуарами, длиною около 8 mm. и діаметромъ въ 4 mm.; другой обыкновенно употребляющійся на станціяхъ изъ термометровъ, № 212 и 212′ Гейсслера, съ шарообразными резервуарами діаметромъ въ 10 mm. Влажный термометръ обыкновенно, какъ и при выше приведенныхъ сравненіяхъ, покрывался тонкимъ батистомъ по возможности безъ складокъ. Психрометры по очередно помѣщались въ металлическій цилиндръ, длиной $>$ 0,5 m. и діаметромъ въ 0,25 m., внизу котораго находился вентиляторъ съ кривыми лопатками такой же, какъ и въ вышеупомянутой клѣткѣ; для отсчета термометровъ въ цилиндрѣ были сдѣланы четыре узкихъ окошечка, закрывавшіяся стеклами. Опытъ производился въ залѣ обсерваторіи и вентиляторъ былъ приводимъ въ движеніе съ разной, но постоянной скоростью помощію водянаго двигателя въ одну лошадиную силу. Скорость вѣтра опредѣлялась анемометромъ Комба, вывѣреннымъ г. Дорандтомъ. Итальянскій психрометръ помѣщался рядомъ и защищался отъ наблюдателя полуцилиндрическимъ желѣзнымъ листомъ.

Слѣдующая таблица № 7 содержитъ результаты сравненія съ большимъ психрометромъ № 212 и 212′. Столбецъ, означенный A набл., даетъ величины, которыя должны быть приняты для A въ психрометрѣ № 212 и 212′ для того, чтобы оба психрометра согласовались между собой; при этомъ для итальянскаго психрометра принимается $A = 0{,}000725$; столбецъ x_1 вычисленъ съ этимъ же постояннымъ для психрометра № 212 и 212′. Столбецъ A выч. вычисленъ для большаго психрометра по формулѣ $10^6 A = 593{,}1 + \frac{135{,}1}{\sqrt{v}} + \frac{48{,}0}{v}$, гдѣ v — скорость вѣтра въ мет-

рахъ въ секунду. Коэффиціенты найдены по способу наименьшихъ квадратовъ. При выборѣ формы уравненія имѣлось въ виду, что A при v очень большомъ должно дѣлаться постояннымъ и очень большимъ при v очень маломъ, т. е. кривая, выражаемая этимъ уравненіемъ, должна имѣть 2 ассимптоты. Для большей наглядности полученные результаты для обоихъ психрометровъ вмѣстѣ нанесены на чертежъ, принимая v — скорость за абциссу, а A — за ординату.

Если психрометръ находится въ покоящемся воздухѣ, то величина A очень измѣнчива, именно, отъ 0,001100 до 0,001500 и даже болѣе. Данныя, приведенныя въ табл. № 7, какъ и въ слѣдующей № 8 представляютъ собою среднія изъ нѣсколькихъ отсчетовъ, отъ 3 до 5.

Таблица № 8 содержитъ тоже самое, что и табл. № 7, но для маленькаго психрометра № 7 и 8. Здѣсь величины A вычисл. найдены по формулѣ:

$$10^6 A = 640{,}3 + \frac{4{,}3}{\sqrt{v}} + \frac{51{,}5}{v}.$$

Формула найдена также по способу наименьшихъ квадратовъ, но прежде были взяты среднія изъ нѣсколькихъ (2 или 3) близкихъ по скорости вѣтра величинъ A; при этомъ были приняты во вниманіе и наблюденія таблицы № 9.

Съ этимъ же психрометромъ № 7 и 8 были еще сдѣланы сравненія, при которыхъ воздухъ возлѣ него приводился въ движеніе по одному изъ упомянутыхъ выше способовъ Реньо. Термометры чрезъ 2 отверстія вставлялись въ не особенно большую коробку, причемъ шарики ихъ находились въ трубкахъ, входящихъ въ коробку снизу; по одной изъ этихъ трубокъ воздухъ входитъ въ коробку, пройдя предварительно длинную спираль, а по другой выходитъ въ воздушный насосъ, проходя по пути черезъ большой резервуаръ, предназначенный для того, чтобы движеніе воздуха при дѣйствіи воздушнаго насоса было равномѣрно. Смоченный термометръ помѣщался въ ту трубку, чрезъ которую

Таблица № 7.

Итальянскій психрометръ.					Психрометръ № 212 и 212'.								
Баром.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разн.	Абс. влаж.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разн.	Абс. влаж.	Разн.	A набл.	A вычисл.	$A - A$ набл. выч.	Скорость вѣтра.
H	t	t'	$t-t'$	x	t_1	t_1'	t_1-t_1'	x_1	$x-x_1$				v^m_{1s}
mm 760	+ 16°,88	+ 11°,13	5°,75	mm 6,71	+ 16°,86	+ 11°,63	5°,23	mm 7,32	mm — 0,61	0,000881	0,000880	+ 0,000001	m 0,5
—	16,88	11,23	5,65	6,82	16,78	11,43	5,35	7,12	— 0,30	799	804	— 5	0,8
—	16,85	11,28	5,57	6,91	16,79	11,48	5,31	7,18	— 0,27	791	776	+ 15	1,0
—	16,88	11,28	5,60	6,89	16,79	11,34	5,45	7,01	— 0,12	759	749	+ 10	1,3
768,5	17,06	10,26	6,80	5,53	17,17	10,17	7,00	5,37	+ 0,16	695	689	+ 6	2,9
—	17,03	10,27	6,76	5,57	17,09	10,10	6,99	5,33	+ 0,24	681	687	— 6	3,0

Таблица № 8.

Итальянскій психрометръ.					Психрометръ № 7 и 8.					A	A	A — A	Скорость
Бaром.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разн.	Абс. влаж.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разн.	Абс. влаж.	Разн.	набл.	вычисл.	набл. выч.	вѣтра.
H	t	t'	$t-t'$	x	t_1	t_1	t_1-t_1'	x_1	$x-x_1$				$v^m{}_{1s}$
mm 759	+ 16°,66	+ 10°,39	6°,27	mm 5,96	+ 16°,73	+ 11°,23	5°,50	mm 6,93	mm — 0,97	0,000954			m
760	16,76	10,77	5,99	6,35	16,81	10,93	5,88	6,51	— 0,16	761	0,000776	— 0,000015	0°,4
759	16,67	10,41	6,26	5,98	16,76	10,49	6,27	6,03	— 0,05	734	745	— 11	0,52
760	16,85	11,08	5,77	6,67	16,87	11,15	5,72	6,74	— 0,07	741	719	+ 22	0,7
759	16,67	10,45	6,22	6,02	16,71	10,40	6,31	5,94	+ 0,08	708	712	— 4	0,77
—	16,66	10,48	6,18	6,06	16,74	10,43	6,31	5,96	+ 0,10	704	709	— 5	0,80
760	16,90	11,36	5,54	6,97	16,94	11,27	5,67	6,85	+ 0,12	696	702	— 6	0,90
—	16,81	10,93	5,88	6,51	16,83	10,91	5,92	6,47	+ 0,04	716	696	+ 20	1,00
759	16,67	10,52	6,15	6,11	16,73	10,37	6,36	5,89	+ 0,22	680	695	— 15	1,04
760	16,83	11,01	5,82	6,60	16,84	10,92	5,92	6,48	+ 0,12	698	684	+ 14	1,3
—	16,93	11,36	5,57	6,96	16,95	11,27	5,68	6,84	+ 0,12	697	681	+ 16	1,4
759	16,69	10,57	6,12	6,15	16,73	10,41	6,32	5,94	+ 0,21	682	673	+ 9	1,72
—	16,65	10,63	6,02	6,25	16,71	10,41	6,30	5,95	+ 0,30	663	672	— 9	1,75
768,5	17,04	10,29	6,75	5,58	17,23	10,08	7,15	5,24	+ 0,34	662	659	+ 3	3,2
—	16,89	10,08	6,81	5,41	17,12	9,92	7,20	5,11	+ 0,30	671	658	+ 13	3,3

воздухъ выходитъ въ воздушный насосъ; для смачиванія батиста къ нему подвѣшивался маленькій сосудикъ на проволокѣ; возлѣ него же оканчивалась трубка манометра для опредѣленія разности давленія внутри коробки и внѣ. Самая коробка вмѣстѣ съ спиралью находилась въ металлическомъ ящикѣ, въ который наливалась вода для того, чтобы придать входящему воздуху опредѣленную постоянную температуру. Аппаратъ этотъ былъ устроенъ г. Дорандтомъ съ цѣлью изслѣдованія психрометра, хотя и не въ отношеніи вліянія вѣтра на него.

Слѣдующая таблица № 9 содержитъ полученные результаты. A выч. вычислено по той же формулѣ, что и въ таблицѣ № 8; h означаетъ давленіе въ аппаратѣ возлѣ влажнаго термометра; $x.\ \frac{h}{H}$ — влажность воздуха въ аппаратѣ. Скорость вѣтра вычислена по формулѣ: $u^m = 395{,}88 \sqrt{\frac{\beta(1+\alpha t)D}{H(D+EL)}}$ [1]), гдѣ β — разность давленій внутри коробки и внѣ;

u^m — скорость вѣтра въ трубкѣ въ метрахъ;
α — коеффиціентъ расширенія воздуха;
E $= 0{,}0238$ коэффиціентъ сопротивленія воздуха въ металлическихъ трубкахъ;
H — давленіе воздуха;
D — діаметръ трубки, въ нашемъ аппаратѣ $= 12{,}5$ mm.
L — длина спирали, у насъ $L = 18{,}6$ m.

Діаметръ трубки, въ которой находится влажный термометръ, $= 25$ mm; слѣдов. скорость вѣтра возлѣ смоченнаго термометра v m. $= \frac{u^m}{4}$.

Въ первыхъ пяти случаяхъ употреблялся для просасыванія воздуха чрезъ аппаратъ одинъ воздушный насосъ, въ послѣднихъ 6—два; въ томъ и другомъ случаѣ они были приводимы въ движеніе упомянутымъ уже водянымъ двигателемъ.

---

[1]) Mousson. Physik. 1. Band. S. 192.

Таблица № 9.

Итальянскій психрометръ.					Психрометръ № 7 и 8.					$x\frac{h}{H}$	$x\frac{h}{H}-x_1$	A набл.	A вычисл.	A — A набл. выч.	Скорость вѣтра. v^m_{1s}
Баром.	Сухой терм.	Влаж. терм.	Разн.	Абс. влаж.	Баром.	Сухой терм.	Влаж. терм.	Разн.	Абс. влаж.						
H	t	t'	$t-t'$	x	h	t_1	t_1'	t_1-t_1'	x_1						
mm 759	+19°,86	+11°,52	8°,34	mm 5,54	mm 749	+19°,45	+11°,00	8°,45	mm 5,20	mm 5,47	+ 0,27	0,000688	0,000671	+ 0,000012	m 1,9
—	19,85	11,50	8,35	5,58	750	19,39	11,00	8,39	5,28	5,46	0,28	688	—	+ 17	—
—	19,91	11,62	8,29	5,64	740	19,36	10,85	8,51	5,14	5,50	0,36	667	661	+ 6	2,8
—	19,98	11,74	8,24	5,75	—	19,37	10,92	8,45	5,21	5,60	0,39	662	—	+ 1	—
—	19,99	11,74	8,25	5,74	738	19,36	10,90	8,46	5,20	5,58	0,38	665	—	+ 4	—
749	20,29	12,66	7,63	6,78	711	19,82	11,54	8,28	5,88	6,45	0,57	629	656	— 27	3,8
—	20,31	12,65	7,66	6,75	—	19,82	11,54	8,28	5,88	6,40	0,52	637	—	— 19	—
—	20,33	12,66	7,67	6,75	712	19,77	11,51	8,26	5,87	6,42	0,55	630	—	— 26	—
—	20,36	12,66	7,70	6,74	714	19,79	11,54	8,25	5,88	6,42	0,54	633	—	— 28	—
748	20,15	12,45	7,70	6,59	707	19,86	11,36	8,50	5,67	6,23	0,56	632	655	— 23	4,0
—	20,15	12,43	7,72	6,56	708	19,86	11,36	8,50	5,67	6,21	0,54	635	—	— 20	—

Отклоненіе величинъ, даваемыхъ формулой, отъ наблюденныхъ для большаго психрометра №. 212 и 212′ достигаютъ + 0,000015, т. е. около 2% величины A, и предполагаетъ погрѣшность въ сравненіи психрометровъ около 0,06 mm.; вѣроятная же разность около ± 0,000006.

Согласіе для маленькаго психрометра нѣсколько менѣе, что зависѣло, быть можетъ, отчасти отъ трудности отсчета вслѣдствіе крайней тонкости ртутнаго столбика при не особенно хорошемъ освѣщеніи. Разногласіе вычисленной и наблюденной величины A въ табл. № 8 достигаетъ 0,000022 или 3% всей величины, что предполагаетъ погрѣшность около 0,10 mm. въ абсолютной влажности. Вѣроятная разность здѣсь около ± 0,000009. Наблюденія съ аппаратомъ г. Дорандта согласуются съ формулой всего менѣе, здѣсь наибольшая разность достигаетъ — 0,000027 или 4% величины A, что предполагаетъ погрѣшность при наблюденіи въ 0,18 mm. въ абсолютной влажности для обоихъ психрометровъ, вѣроятная же разность между наблюденной и вычисленной величиной A почти ± 0,000013. При этомъ способѣ изслѣдованія встрѣчается затрудненіе въ опредѣленіи скорости вѣтра возлѣ психрометра. При первыхъ 5 сравненіяхъ употреблялся для опредѣленія количества проходящаго воздуха газометръ; числа, найденныя такимъ образомъ, гораздо меньше теоретическихъ, именно, 1,3 m. и 1,8 m.

Предѣльная величина для A при возрастаніи v, по всей вѣроятности, для обоихъ психрометровъ одна и таже и близка къ 0,000600; полученная же нами разница между постоянными членами обоихъ выраженій обусловливается вообще погрѣшностями наблюденій и особенно тѣсными предѣлами измѣненія величины скорости вѣтра v.

Принятая нами для итальянскаго психрометра величина A имѣетъ мѣсто для большаго психрометра въ случаѣ $v = 1,7$ m. Въ предѣлахъ скорости отъ 1,5 m. до 2,0 m. постоянное $A = 0,000725 \pm 0,000012$. Табл. № 6 показываетъ, что ско-

рость вѣтра, даваемая вентиляторомъ въ упомянутой выше психрометрической клѣткѣ, находится въ этихъ предѣлахъ.

Величина 0,000800, обыкновенно принимаемая для A, имѣетъ мѣсто при $v = 0{,}8$ m.; здѣсь увеличеніе v на 0,2 m. измѣняетъ A на — 0,000028, а уменьшеніе v на 0,2 m. увеличиваетъ A на + 0,000050, т. е. въ этомъ случаѣ тоже измѣненіе скорости измѣняетъ A въ $3^1/_2$—4 раза болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ случаѣ. Разность ординатъ кривыхъ при $v = 0{,}8$ равна 0,000095, тогда какъ при $v = 1{,}7$ m. она только 0,000051, т. е. почти вдвое менѣе; слѣдов. вліяніе размѣровъ и формы термометровъ во второмъ случаѣ вдвое менѣе.

Что касается вообще зависимости между размѣрами и формой термометрическихъ сосудовъ и величиной A или $t—t'$, то, намъ кажется, она обусловливается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Паръ, поднимающійся съ поверхности смоченнаго термометра, дѣлаетъ прилежащій воздушный слой нѣкоторой конечной толщины влажнѣе остальной массы воздуха; толщина этого болѣе влажнаго слоя воздуха бываетъ, конечно, меньше при болѣе сильномъ вѣтрѣ и, по всей вѣроятности, одинакова для разныхъ термометровъ при одной и той же скорости вѣтра. Если же взять слой воздуха опредѣленной конечной толщины (напр. 0,5. mm., 1 mm.), прилежащій къ термометрамъ разной величины или формы, и вычислить какой объемъ (напр. сколько кубич. mm.) изъ этого слоя приходится на единицу поверхности (напр. на □ mm.) термометрическаго сосуда, то найденныя величины будутъ вообще различны; въ нашемъ случаѣ приблизительно слѣдующія:

Толщина слоя...........		0,5 mm.	1 mm.	
Психрометръ	№ 212 и 212′	0,54 к. mm.	1,18 к. mm.	на □ mm.
»	№ 7 и 8	0,59 » »	1,33 » »	» □ »

На поверхности того термометра, для котораго найденная величина больше, испареніе должно происходить быстрѣе, иначе прилежащій къ нему воздухъ будетъ менѣе влаженъ, чѣмъ возлѣ другаго; слѣдов. для перваго $t—t'$ должно быть больше, а A

меньше. Съ уменьшеніемъ толщины этого слоя вслѣдствіе увеличенія скорости вѣтра искомыя нами величины будутъ для разныхъ термометровъ разниться все менѣе и менѣе, слѣдов. и $t-t'$, и A будутъ дѣлаться все болѣе и болѣе одинаковыми. Такимъ образомъ достаточно найдти эти величины при какой-нибудь конечной толщинѣ слоя (напр. 1 mm.), чтобы опредѣлить впередъ, который изъ 2 влажныхъ термометровъ покажетъ большее охлажденіе.

Принимая во вниманіе только-что сказанное и вышеприведенныя разности ординатъ, легко убѣдиться, что измѣненіе діаметра шариковъ большаго психрометра на $\pm$ 1 mm. измѣняетъ A при $v = 1{,}7$ m. не болѣе, какъ на $\pm 0{,}000010$. При $v = 0{,}8$ m. это измѣненіе имѣетъ почти вдвое большее значеніе.

Изъ предъидущаго видно, что разница слишкомъ велика, будутъ ли производиться наблюденія съ искусственнымъ вѣтромъ < 1 m. въ 1″ или съ вѣтромъ отъ 1,5 m. до 2,0 m.; и между прочимъ этимъ, по всей вѣроятности, объясняется указанная выше разница въ точности между приведенными выше сравненіями психрометра съ гигрометрами и сравненіями г. Кистони; величина A для его психрометра близка къ 0,000800.

При большей, чѣмъ 2 m., скорости вѣтра точность вообще была бы еще болѣе, но увеличеніе точности здѣсь происходитъ сравнительно медленнѣе, чѣмъ при возрастаніе v до 1,5 m. или 2 m., и, во вторыхъ, большую 2-хъ метровъ скорость вѣтра получить съ помощію употреблявшихся при предъидущихъ наблюденіяхъ вентиляторовъ вообще было бы довольно трудно.

Что касается до психрометровъ небольшихъ размѣровъ, то, хотя независимость ихъ отъ слабыхъ измѣненій въ скорости вѣтра достигается легче, ихъ показанія находятся въ большей зависимости отъ случайныхъ вліяній, въ чемъ и нужно отчасти искать причину меньшаго согласія между собой наблюденій съ психрометромъ № 7 и 8.

Относительно наблюденій психрометра безъ искусственнаго вѣтра можно повторить еще въ большей мѣрѣ все сказанное нами о психрометрѣ съ слабымъ вѣтромъ. Такъ наблюденія г. Ки-

стони даютъ между прочимъ для суммы наиболѣшихъ противоположныхъ разностей психрометра безъ вентилятора и сгустительнаго гигрометра величину 2,2 mm. или 12—14%, которая въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ мнѣніе Реньо о психометрѣ. Если принять во вниманіе, что величина A для того, чтобы существовало согласіе между психрометромъ и др. гигрометрами, хотя бы только въ среднемъ изъ цѣлаго ряда наблюденій, должна быть измѣняема, смотря по мѣстнымъ условіямъ вѣтра, иногда болѣе чѣмъ на 10% своей величины[1]), то понятно, что, наблюдая психрометръ безъ вентилятора и употребляя при всѣхъ условіяхъ одно и тоже постоянное A, и на ту точность, какую мы находимъ у г. Кистони, т. е. около ± 2,3% при $t > 20°$, не всегда можно расчитывать.

Въ упомянутыхъ наблюденіяхъ г. Кистони мы къ сожалѣнію не находимъ указаній на состояніе вѣтра при наблюденіяхъ. Слѣдующая таблица № 10 содержитъ нѣсколько сравненій психрометра въ клѣткѣ, употребляя вентиляторъ или оставляя его въ покоѣ; при этомъ сначала отсчитывался психрометръ, оставляя вентиляторъ въ покоѣ, потомъ —, приводя его въ движеніе, и наконецъ снова —, оставляя его въ покоѣ.

Наблюденія, соединенныя въ группы произведены въ одинъ день. Направленіе и сила вѣтра взяты по показаніямъ анемометра на башнѣ. Для уясненія вліянія вѣтра разнаго направленія замѣтимъ, что вѣтеръ имѣлъ свободный доступъ, когда дулъ между *W* и *NNE*, т. е. *W*, *NW*, *N*, *NNE* и промежуточные.

Связь между скоростью вѣтра и разностью показаній съ вентиляторомъ и безъ вентилятора здѣсь очевидна и только отчасти маскируется въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, что очень понятно, такъ какъ и при сильномъ вѣтрѣ могутъ быть временныя затишья.

Итальянскій психрометръ, выставленный безъ всякой защиты на открытый воздухъ, точно также можетъ давать иногда невѣрную влажность, т. е. требовать иное постоянное A.

---

[1]) Ann. de Chim. et de Phys. T. 37. 3-e serie p. 257.

Психрометръ безъ вентилятора.						Психромет[illegible]	
Баром.	Сухой термом.	Влажный термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	Сухой термом.	Влажн. термом.
H	t_1	t_1'	$t_1 - t_1'$	x_1	%	t	t'
mm 768	— 4°,42	— 5°,97	1°,55	mm 2,04	62	— 4°,50	— [illegible]
—	— 4,55	— 6,39	1,84	1,78	56	— 4,82	— [illegible]
—	— 3,89	— 5,43	2,04	1,89	54	— 3,42	— [illegible]
—	— 4,17	— 5,96	1,79	1,90	57	— 4,36	— [illegible]
762	+ 1,60	— 1,23	2,83	2,63	50	+ 1,67	— [illegible]
760	— 2,12	— 3,74	1,62	2,57	65	— 2,04	— [illegible]
—	— 8,86	— 10,15	1,29	1,34	59	— 8,79	— [illegible]
—	— 8,26	— 9,46	1,20	1,52	64	— 8,36	— [illegible]
—	— 7,73	— 9,13	1,40	1,47	59	— 7,58	— [illegible]
757	— 7,39	— 8,90	1,51	1,45	57	— 7,58	— [illegible]
—	— 6,47	— 8,15	1,68	1,51	55	— 6,67	— [illegible]
—	— 6,08	— 7,63	1,55	1,68	58	— 6,31	— [illegible]
767	— 9,76	— 10,64	0,88	1,50	71	— 10,04	— [illegible]
—	— 8,36	— 9,53	1,17	1,51	64	— 8,23	— [illegible]
768	— 7,25	— 8,69	1,44	1,52	59	— 7,39	— [illegible]
771	+ 15,70	+ 8,86	6,84	4,67		+ 15,69	+ [illegible]
—	16,10	9,53	6,57	5,21	38,8	15,89	[illegible]
—	16,70	9,68	7,02	6,05		16,71	[illegible]
767	18,91	13,25	5,66	8,19		18,82	[illegible]
—	19,60	12,67	6,93	7,08	42,8	19,50	[illegible]
—	19,77	12,38	7,39	6,61		19,74	[illegible]
760	15,64	10,05	5,59	6,12		15,79	[illegible]
—	15,95	10,53	5,59	6,50	48,4	15,97	[illegible]
—	16,34	10,91	5,43	6,74		16,16	[illegible]
—	16,42	11,15	5,27	6,99		16,38	[illegible]
744	9,38	7,75	1,63	7,00		9,23	[illegible]
—	9,22	7,61	1,61	6,94	79,4	9,29	[illegible]
—	9,10	7,41	1,69	6,80		9,09	[illegible]

10.

нтиляторомъ.			Разности.				Направленіе и скорость вѣтра.
ость.	Абсол. влажн.	Относит. влажн.					
-t'	x	%	$t-t_1$	$t'-t'_1$	$x-x_1$	%	
	mm		°	°	mm		
75	1,87	57	— 0,08	— 0,28	— 0,17	— 5,0	ESE 4
01	1,59	51	— 0,27	— 0,44	— 0,19		
09	1,86	54	— 0,03	— 0,08	— 0,03	— 1,5	EtN 9
93	1,76	54	— 0,19	— 0,33	— 0,14		
11	2,41	46	+ 0,07	— 0,21	— 0,22	— 4,0	NtE 7
71	2,51	64	+ 0,08	— 0,01	— 0,06	— 1,0	WNW 5
37	1,30	57	+ 0,07	— 0,01	— 0,04		
28	1,43	59	— 0,10	— 0,18	— 0,09	— 3,0	NNW 7
45	1,46	57	+ 0,20	+ 0,15	— 0,01		
76	1,23	47	— 0,19	— 0,44	— 0,22		
75	1,41	52	— 0,20	— 0,27	— 0,10	— 6,3	NE 1
30	1,44	52	— 0,23	— 0,48	— 0,24		
00	1,37	66	— 0,28	— 0,40	— 0,13		
39	1,44	60	+ 0,13	+ 0,01	— 0,07	— 3,7	WNW 5
53	1,43	57	— 0,14	— 0,23	— 0,09		
72	3,68		— 0,01	— 0,89	— 0,99		
02	3,47	27,1	— 0,21	— 1,66	— 1,74	— 11,7	ENE 4
6	3,98		+ 0,01	— 0,93	— 2,07		
4	6,89		— 0,09	— 1,07	— 1,30		
8	5,08	32,8	— 0,10	— 1,65	— 2,00	— 10,0	SSE 4
5	4,80		— 0,03	— 1,49	— 1,81		
0	5,39		+ 0,15	— 0,56	— 0,73		
6	5,89	42,7	+ 0,02	— 0,54	— 0,61	— 5,7	NW 5
9	5,97		— 0,18	— 0,74	— 0,77		
9	5,98		— 0,04	— 0,86	— 1,01		
1	6,84		— 0,15	— 0,23	— 0,16		
1	6,93	78,0	+ 0,07	+ 0,07	— 0,01	— 1,4	WNW 6
7	6,59		— 0,01	— 0,1[illegible]			

Таблица № 11.

Итальянскій психрометръ.						Сгуст. гигр.		Разность.		Скор. и напр. вѣтра.
Бар.	Сухой терм.	Влаж. терм.	Разн.	Абсол. влаж.	Относ. влаж.	Точка росы.	Абсол. влаж.			
H	t	t'	$t-t'$	x	%	t''	x_1	$x-x_1$	%	
mm 752	+ 12°,03	+ 7°,73	4°,30	mm 5,52	53	+ 2°,94	mm 5,66	— 0°,14	— 1,3	WNW 10
—	12,15	7,93	4,22	5,68	54	3,72	5,98	— 0,30	— 2,8	
—	12,47	8,25	4,22	5,85	54	4,07	6,13	— 0,28	— 2,6	
761	11,80	8,00	3,80	5,92	58	4,12	6,15	— 0,23	— 2,2	WNW 9
—	11,53	7,94	3,59	6,01	59	4,87	6,47	— 0,46	— 4,5	
—	11,74	8,00	3,74	5,95	57	4,24	6,20	— 0,25	— 2,4	
—	12,50	8,27	4,23	5,83	53	3,67	5,96	— 0,13	— 1,2	
—	12,46	7,98	4,48	5,53	51	3,22	5,78	— 0,25	— 2,3	
—	12,83	8,17	4,66	5,54	50	3,12	5,73	— 0,19	— 1,7	
—	12,85	8,15	4,70	5,50	50	3,22	5,78	— 0,28	— 2,5	
—	12,93	8,02	4,91	5,33	48	3,12	5,73	— 0,40	— 3,6	
								— 0,25	— 2,5	

При приведенныхъ наблюденіяхъ вѣтеръ имѣлъ свободный доступъ къ психрометру и дулъ возлѣ него, вѣроятно, со скоростію не меньшей 5 m. въ 1″; при этомъ показанія его измѣнились въ среднемъ на 2,5% въ относительной влажности. Такимъ образомъ таблица эта намъ показываетъ, что употребленіе итальянскаго психрометра безъ всякой защиты отъ внѣшняго вѣтра уменьшаетъ точность его показаній; поэтому употребленіе психрометрической клѣтки имѣетъ значеніе не только для опредѣленія температуры воздуха, но и влажности его. Для достиженія согласія между психрометромъ и гигрометромъ нужно было бы принять въ данномъ случаѣ приблизительно $A = 0{,}000650$. Уравненіе большаго психрометра даетъ: для $v = 4$ m. $A = 0{,}000673$, для $v = 5$ m. $A = 0{,}000664$ и для $v = 6$ m. $A = 0{,}000656$; поэтому можно думать, что ходъ кривой большаго психрометра довольно вѣренъ и при скоростяхъ большихъ 3 m.

Относительно психрометра № 7 и 8 послѣдняго сказать нельзя, его кривая, особенно при $v > 4$ m., даетъ для A величины большія, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по кривой большаго психрометра и расположенію наблюденій съ самимъ психрометромъ № 7 и 8; сдѣланный нами пунктиръ, уравненіе котораго $10^6 A = 600 + \frac{90}{\sqrt{v}} + \frac{10}{v}$, быть можетъ, былъ бы болѣе близокъ къ дѣйствительному ходу кривой маленькаго психрометра при соотвѣтственныхъ скоростяхъ; онъ уменьшаетъ A при $v = 5$ m. приблизительно на 0,000010.

Только дальнѣйшія наблюденія, особенно при скоростяхъ болѣе значительныхъ, чѣмъ у насъ, могутъ показать, на сколько вѣренъ ходъ кривыхъ внѣ предѣловъ нашихъ наблюденій и вообще на сколько удаченъ выборъ формы кривой, выражающей связь между A и v.

Все сказанное о точности психрометра не можетъ быть примѣнимо, если t' очень близко къ 0°; здѣсь погрѣшность легко можетъ быть гораздо больше, такъ какъ можетъ случиться, что вода, смачивающая батистъ, будетъ частью находиться въ процессѣ замерзанія или ледъ — въ процессѣ таянія. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, нами не были помѣщены въ таблицахъ №№ 3 и 5 слѣдующія два послѣдовательныя сравненія; въ первомъ изъ нихъ вода, повидимому, только-что начала замерзать; во второмъ она уже замерзла, но термометръ не успѣлъ охладиться надлежащимъ образомъ.

Итальянскій психрометръ.					Сгустительн. гигром.			Разность.
Барометръ.	Сухой термом.	Влажн. термом.	Разность.	Абсол. влажн.	Точка росы.	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	
H	t	t'	$t-t'$	x	t''	x_1	%	$x-x_1$
mm	°	°	°	mm	°	mm		mm
761	+ 1,57	+ 0,01	1,56	3,74	— 3,86	3,42	66,5	+0,32
—	1,46	— 0,07	1,53	3,74	— 4,25	3,32	65,1	+0,42

При употребленіи вентилятора смачиваніе психрометра можетъ происходить непосредственно передъ наблюденіемъ; если

вентиляторъ находится въ движеніи $1\frac{1}{2}$ m., то можно быть увѣреннымъ, что влажный термометръ пришелъ въ положеніе равновѣсія.

На основаніи всего предъидущаго мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣдующія заключенія.

a) Второй изъ двухъ указанныхъ въ началѣ способовъ вывода формулы психрометра заслуживаетъ положительнаго предпочтенія, какъ согласующійся съ наблюденіемъ и уясняющій самый ходъ явленія.

b) Величина A можетъ быть принимаема, по крайней мѣрѣ при $t-t' < 10°$ и $+23° > t > -10°$, за постоянную, независящую отъ t, t' и $t-t'$, т. е. отъ температуры воздуха, степени его насыщенія и оттого, будетъ ли $t' > 0°$ или $< 0°$.

c) Уравненія: $10^6 A = 593,1 + \frac{135,1}{\sqrt{v}} + \frac{48,0}{v}$ и $10^6 A = 640,3 + \frac{4,3}{\sqrt{v}} + \frac{51,5}{v}$ даютъ величину A для нашихъ психрометровъ, въ предѣлахъ v отъ 0,4 m. до 4 m. Отсюда слѣдуетъ, что для большаго психрометра съ шарикомъ, имѣющимъ діаметръ въ 10 mm., при измѣненіи v отъ 1,5 m. до 2,0 m. $A = 0,000725 \pm 0,000012$; при измѣненіи же діаметра шарика на ± 1 mm. постоянное A измѣняется не болѣе $\pm 0,000010$ при $2 \text{ m.} > v > 1,5$ m. Уравненіе $10^6 A = 600 + \frac{90}{\sqrt{v}} + \frac{10}{v}$ дало бы для маленькаго психрометра кривую, болѣе согласную съ кривой большаго психрометра, и, быть можетъ, болѣе отвѣчающую дѣйствительному ходу явленія.

d) Если для итальянскаго психрометра величина A извѣстна съ точностью $\pm 0,000007$ при $v > 1,5$ m. и < 2 m., то вѣроятная погрѣшность влажности, найденной по показаніямъ психрометра, при $+20° > t > 0°$ и при $t-t' < 10°$ не болѣе $\pm 0,08$ mm. или $\pm 0,5\%-1,5\%$, при $0° > t' > 10°$ не болѣе $\pm 0,05$ mm. или $\pm 1,5\%-2,0\%$. При увеличеніи v вѣроятная погрѣшность будетъ оставаться приблизительно таже, при уменьшеніи v будетъ возрастать. Въ этомъ случаѣ психрометръ можетъ быть по точности поставленъ на ряду съ наиболѣе точными гигрометрами, именно, сгустительнымъ и объемнымъ.

e) Если v находится въ предѣлахъ 1,5 m. — 2,0 m. и діаметръ термометрическаго шарика близокъ къ 10 mm., то, полагая безъ особаго изслѣдованія $A = 0,000725$, будемъ имѣть вѣроятную погрѣшность для каждаго наблюденія при $+20° > t > 0°$ и при $t - t' < 8°$ $\pm 0,10$ mm. или $\pm 0,6\% - 2\%$ и при $0° > t' > -10°$ не болѣе $\pm 0,07$ mm. или $2\% - 3\%$, т. е. нѣсколько бо́льшую, чѣмъ въ предъидущемъ случаѣ.

Безъ вентилятора вѣроятная погрѣшность около $\pm 2,3\%$ при $t > 20°$, т. е. приблизительно въ 4 раза болѣе, чѣмъ съ вентиляторомъ при той же температурѣ.

Опредѣленіе постояннаго A для каждаго психрометра съ вентиляторомъ, конечно, всего проще дѣлать, сравнивая его съ другимъ, для котораго эта величина съ достаточной точностью извѣстна, что требуетъ только нѣсколько минутъ.

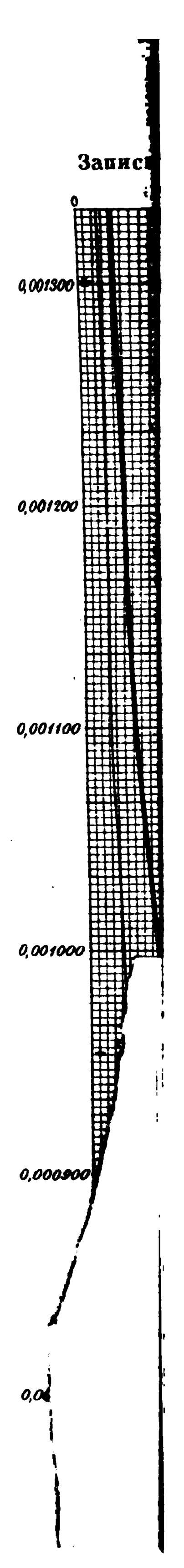
Наше изслѣдованіе, конечно, очень неполно и незакончено: было бы необходимо опредѣлить, какъ наши заключенія должны быть измѣнены для $t - t' > 10°$ и для t гораздо большихъ $+23°$; точно также необходимо болѣе точно установить зависимость постояннаго A отъ скорости вѣтра v и размѣровъ термометровъ; было бы также важно опредѣлить измѣненіе показаній психрометра, если онъ находится подъ вліяніемъ сильнаго лучеиспусканія окружающихъ предметовъ, напр. подъ вліяніемъ прямыхъ солнечныхъ лучей.

Послѣ такого изслѣдованія мы были бы въ состояніи дать a priori величину постояннаго A для каждаго психрометра съ вентиляторомъ, для котораго извѣстна намъ скорость вѣтра возлѣ термометровъ, а также величина и форма термометрическихъ сосудовъ. Сравненія психрометра съ другими гигрометрами были бы въ такомъ случаѣ совершенно излишни, и психрометръ съ вентиляторомъ представлялъ бы собою совершенно самостоятельный инструментъ, подобно другимъ лучшимъ гигрометрамъ, превосходя ихъ притомъ простотою и удобствомъ и не уступая имъ точностью.

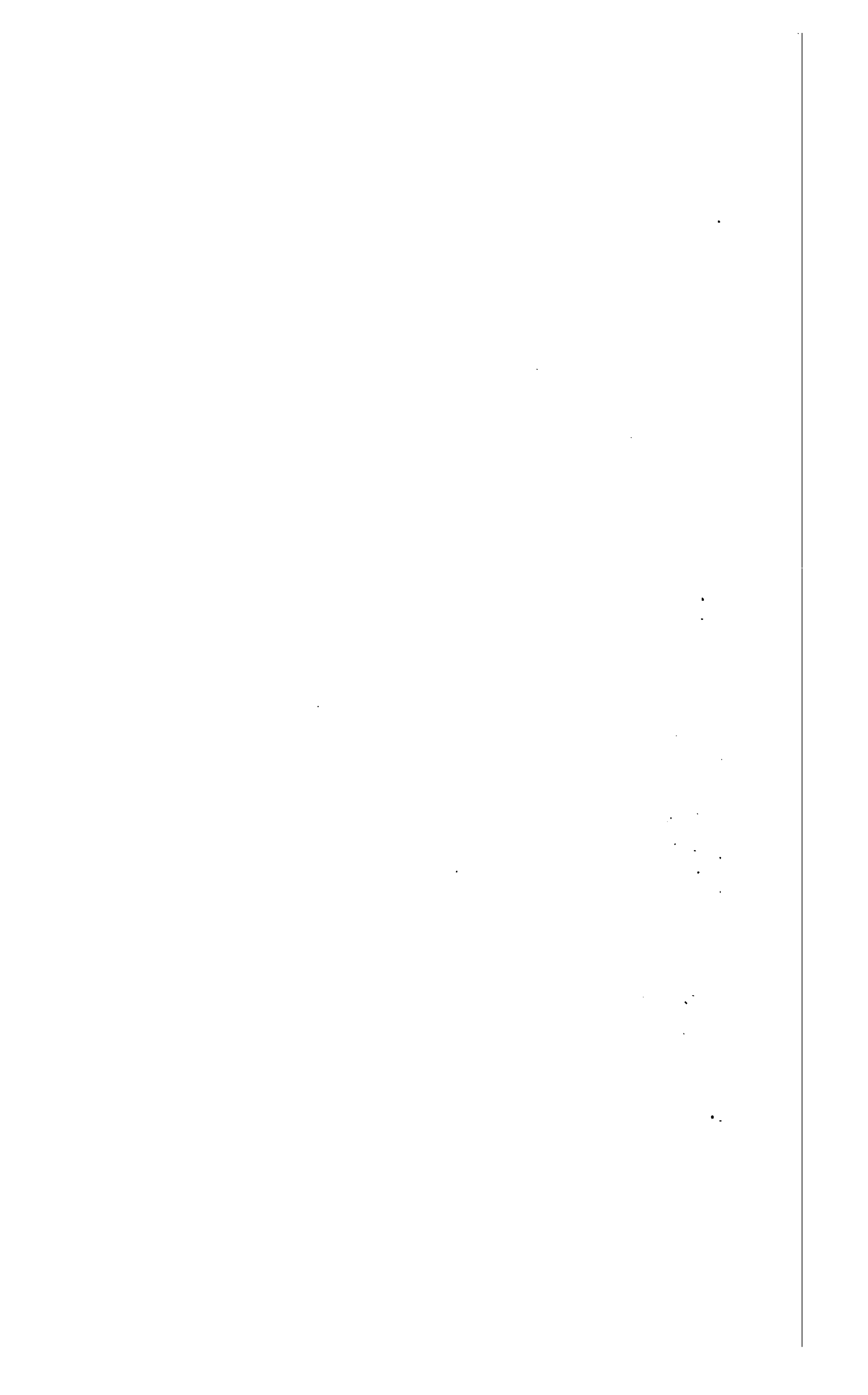
0,000725 (t—t') 750 mm. для разныхъ величинъ (t—t').

t—t'	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	mm	mm	mm	mm	mm	mm	mm	mm	mm	mm
0°	0,00	0,05	0,11	0,16	0,22	0,27	0,33	0,38	0,44	0,49
			0,0002					0,0005		
1°	0,54	0,60	0,65	0,71	0,76	0,81	0,87	0,92	0,98	1,03
			0,0009					0,0013		
2°	1,09	1,14	1,20	1,25	1,31	1,36	1,41	1,47	1,52	1,58
			0,0016					0,0020		
3°	1,63	1,69	1,74	1,79	1,85	1,90	1,96	2,01	2,07	2,12
			0,0023					0,0027		
4°	2,18	2,28	2,28	2,34	2,40	2,45	2,50	2,56	2,61	2,66
			0,0031					0,0034		
5°	2,72	2,77	2,83	2,88	2,94	2,99	3,05	3,10	3,15	3,21
			0,0038					0,0042		
6°	3,26	3,32	3,37	3,43	3,48	3,53	3,59	3,64	3,70	3,75
			0,0045					0,0049		
7°	3,81	3,86	3,92	3,97	4,02	4,08	4,13	4,19	4,24	4,30
			0,0052					0,0056		
8°	4,35	4,40	4,46	4,51	4,57	4,62	4,68	4,73	4,79	4,84
			0,0060					0,0063		
9°	4,89	4,95	5,00	5,06	5,11	5,16	5,22	5,27	5,33	5,38
			0,0067					0,0071		
10°	5,44	5,49	5,55	5,60	5,66	5,71	5,76	5,82	5,87	5,93
			0,0074					0,0078		
11°	5,98	6,04	6,09	6,14	6,20	6,25	6,31	6,36	6,42	6,47
			0,0081					0,0085		
12°	6,53	6,58	6,63	6,69	6,74	6,80	6,85	6,91	6,96	7,01
			0,0089					0,0092		
13°	7,07	7,12	7,18	7,23	7,29	7,34	7,39	7,45	7,50	7,56
			0,0096					0,0100		
14°	7,61	7,67	7,72	7,78	7,83	7,88	7,94	7,99	8,05	8,10
			0,0103					0,0107		
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9

Цифры мелкаго шрифта показываютъ, насколько нужно увеличить или уменьшить числа, подъ которыми онѣ подписаны, если барометръ выше или ниже 750 mm. на 1 mm.

Записи
0
0,001300
0,001200
0,001100
0,001000
0,000900

GEOPHILIDAE

МУЗЕЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Обработалъ **А. Селивановъ.**

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія, 29 сентября 1881 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XL-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 30 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

GEOPHILIDAE МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Geophilidae Leach.

Таблица для опредѣленія точно изученныхъ родовъ семейства Geophilidae.

1) Брюшныя поры скучены въ опредѣленныя ограниченныя области (area).	2.
— Брюшныя поры отсутствуютъ или разсѣяны въ передней или задней части щитковъ.	9.
2) Щупальцы короткія, болѣе или менѣе толстыя, постепенно утончающіяся . .	3.
— Щупальцы нитеобразныя.	7.
3) Брюшныя поры скучены въ четыре ограниченныя области.	*Orphnaeus*.
— Брюшныя поры скучены въ одну срединную область.	4.
4) Анальныя ноги ложно семи-суставныя (плевры имѣютъ видъ коксъ).	*Mesocanthus*.
— Анальныя ноги шести суставныя. . . .	5.
5) Брюшные щитки безъ особыхъ вдавленій или ямокъ.	*Himantarium*.

— Брюшные щитки съ особенными вдавленіями или ямками............. 6.

6) На переднемъ краѣ нѣсколькихъ брюшныхъ щиктовъ замѣчаются глубокія подковообразныя вдавленія........ *Bothriogaster.*

— По сторонамъ нѣсколькихъ брюшныхъ щитковъ замѣчаются стигматообразныя глубокія ямки.............. *Stigmatogaster.*

7) Анальныя ноги пяти-суставныя..... *Scotophilus.*

— Анальныя ноги шести-суставныя.... 8.

8) Плевры послѣдняго сегмента удлиненныя.......................... *Chomatobius.*

— Плевры послѣдняго сегмента короткія. *Chetechelyne.*

9) Брюшныя поры отсутствуютъ...... *Dignathodon.*

— Брюшныя поры имѣются.......... 10.

10) Щупальцы короткія, толстыя, постепенно утончающіяся............. 11.

— Щупальцы нитеобразныя......... 12.

11) Анальныя ноги шести - суставныя (ложно семи-суставныя)........... *Orya.*

— Анальныя ноги пяти-суставныя..... *Nothiphilides.*

12) Коготь второй пары ногочелюстей вооруженъ при основаніи очень большимъ зубомъ.................. 13.

— Коготь второй пары ногочелюстей невооруженный, или вооруженъ небольшимъ зубомъ.................. 14.

13) Основной щитокъ головы поперечный, спереди не съуженный........... *Scolioplanes.*

— Основной щитокъ головы спереди сильно съуженный.............. *Strigamia.*

14) Основной щитокъ головы узкій или очень узкій, спереди немного съуженный....................... *Mecistocephalus.*

— Основной щитокъ головы широкій, спереди болѣе или менѣе съуженный. 15.

15) Брюшныя поры болѣе или менѣе явственныя, расположенныя поперечной полосой у задняго края брюшныхъ щитковъ...................... *Geophilus.*

— Брюшныя поры маленькія, расположенныя въ срединѣ переднихъ брюшныхъ щитковъ................. *Schendyla.*

Родъ **Geophilus,** Leach.

Bergs. og Meinert, Nat. Tidsskr. 1866, 4. Bd. p. 86. (Geophilus). Bergs. og Mein. 1866, ibid. p. 95. (Scnipaeus). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7 Bd. p. 58. Tab. IV, f. 2—16. (Geophilus). Latzel, Die Myriopoden der österreichisch-ungarischen Monarchie, 1880, p. 165. T. VII und VIII, f. 63—70. (Geophilus).

A. Послѣдній брюшной щитокъ удлиненный и узкій.

1. **Geophilus pilosus,** Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7 Bd. p. 86. (Geophilus pilosus). Stuxberg, Öfvers. of Kongl. Vetensk. Akad. Förhandl. 1876, № 2, p. 32. (Geophilus pilosus).

Рѣка Н. Тунгузка, отъ Чекановскаго, 5 экз. (♂ и ♀).

2. **Geophilus ferrugineus,** C. Koch.

C. Koch, Deutschl. Crust., Myriap. u. Arachn., 1835, Hft. 3., t. 2. (Geophilus ferrugineus). Gervais, Ann. Sc. Nat. 1837, II Ser. T. 7. p. 52. (Geophilus ferrugineus). Gervais, ibid. p. 52. (Geophilus maxillaris). Newport, Trans. Linn. Soc. 1845. v. XIX,

p. 429. (Mecistocephalus ferrugineus). Gervais, Hist. Nat. d. Ins. Aptères, 1847, T. IV, p. 309. (Geophilus ferrugineus). C. Koch, Syst. d. Myriap. 1847, p. 187. (Pachymerium ferrugineus). Menge, Myriap. Umgeg. v. Danzig, 1851, p. 13. (Geophilus ferrugineus). C. Koch, Die Myriapoden, 1863. I. p. 92. T. 42. f. 81. (Pachymerium ferrugineus). Palmberg, Bidrag till kånned. om Sverig. Myriap. 1866, p. 24. (Geophilus ferrugineus). Bergs. og Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 88. (Geophilus ferrugineus). V. Porath, Öfvers. Vet. Ak. Förh. 1869, p. 642. Geophilus ferrugineus). Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 88. (Geophilus ferrugineus). Stuxberg, Öfvers. Vet. Ak. Förh. 1871., p. 506. (Geophilus ferrugineus). Rosický, Die Myr. Böhm. 1876. p. 23. (Geophilus ferrugineus). Latzel, Jahrb. d. nat. Landesm. v. Kärnt. 1876. p. 98. (Pachymer. ferrugineus). Кесслеръ, Тр. Русск. Энт. Общ. 1876. т. VIII. стр. 42. (Geophilus angustiventris). Latzel, l. c. 1880. p. 171. (Geophilus ferrugineus).

Польша. Отъ А. Селиванова, 2 экз. (♂ и ♀). Саксонія, 1 экз. (♀). Рязань. Отъ Селиванова, 2 экз. (♀ и ♂).

Geophilus ferrugineus var. **angustiventris.** Kessl.

Кесслеръ, Труды Русск. Энт. Общ. 1876. т. VIII. стр. 42. (Geophilus angustiventris).

Крымъ, отъ А. Селиванова, 2 экз. (♀ и ♂).

3. **Geophilus orientalis,** n. sp.

Тѣло плоское, къ заду слегка съуженное.

Щупальцы короткія.

Головной щитокъ (съ лобнымъ) немного длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа вооружена маленькими, широкими зубами; изгибы когтя ногочелюстей достигаютъ или слегка переходятъ передней край головы; коготь невооруженный.

Спинные щитки гладкіе, съ двумя бороздками.

Брюшные щитки гладкіе; передніе изъ нихъ съ глубокой срединной продольной ямкой; послѣдній щитокъ удлиненный, почти четырехъугольный, сзади немного съуженный.

Плевры послѣдняго сегмента удлиненныя, волосистыя, мало вздутыя, покрытыя сбоку и снизу многочисленными, крупными порами.

Дыхальцы маленькія, круглыя.

Анальныя ноги значительно длиннѣе и толще предпослѣдней пары ногъ, съ когтемъ.

Число ногъ съ каждой стороны: (♂) 39.

Длина тѣла 21 mm., шир. 0,7 mm.

Цвѣтъ тѣла ржавчино-желтый.

Николаевскъ. Отъ Акад. Шренка, 1 экз. (♂).

Все тѣло и ноги сильно волосистыя.—Щупальцы волосистыя, въ $1\frac{1}{2}$ раза длиннѣе головы.—Головной щитокъ покрытъ точечными вдавленіями, расположенными рядами, и имѣетъ видъ срѣзаннаго спереди и сзади овала; лобный щитокъ не отдѣленный.—Нижняя губа гладкая, съ срединной продольной бороздкой; очертаніе губы съ ногочелюстями имѣетъ овальную форму; 1, 2 и 3 суставы ногочелюстей снабжены съ внутренней стороны маленькими зубками. — Предщитокъ брюшной послѣдняго сегмента цѣльный.—Анальныя поры небольшія, явственныя.

Единственный экземпляръ этого вида, самецъ, найденъ Академикомъ Шренкомъ въ Николаевскѣ на Амурѣ, въ Сентябрѣ 1854 года (№ 116).

B. Послѣдній брюшной щитокъ широкій и короткій.

a. Анальныя ноги невооруженныя.

4. Geophilus flavidus, C. Koch.

C. Koch, Syst. d. Myriap. 1847. p. 184. (Clinopodes flavidus). C. Koch, l. c. 1847. p. 182. (Poabius nitens). C. Koch,

Die Myriapoden, 1863. I. Bd. p. 105. f. 94. (Clinopodes flavidus). Rosický, Die Myriapod. Böhm. 1876. p. 21. (Geophilus electricus). Latzel, Die Myr. d. österr. ungar. Mon. 1880. I. p. 175. Taf. VII. f. 63—64 und 67—68. T. VIII, f. 69—70. (Geophilus flavidus).

Крымъ, отъ Витхальма, 18 экз. (♂ и ♀). Аккерманъ, отъ Кушакевича, 2 экз. (♀). Кордофанъ, отъ Паррейса, 2 эк. (♀ и ♂). Мухалака, отъ Брандта, 5 экз. (♀ и ♂).

5. **Geophilus caucasicus**, n. sp. *)

Кавказъ, отъ А. Селиванова, 1 экз.

6. **Geophilus transmontanus**, n. sp.

Еленовка, бл. озера Гохча, отъ Брандта, 1 экз. (♂).

b. Анальныя ноги вооружены когтемъ.

7. **Geophilus proximus**, C. Koch.

C. Koch, Syst. d. Myriap. 1847. p. 187. (Geophilus impressus). C. Koch, Die Myriapoden, 1863. II Bd. p. 82. f. 20. (Geophilus proximus). C. Koch, ibid. p. 60. f. 182. (Geophilus impressus). C. Koch, ibid. p. 71. f. 194. (Geophilus palustris). Palmberg, l. c. 1866. p. 28. (Geophilus palustris). Bergs. og Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 93. (Geophilus proximus). v. Porath, Öfver. K. Vet. Ak. Förhandl. 1869. årg. 26, p. 643. (Geophilus proximus). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 31. (Geophilus proximus). Meinert, ibid. p. 76. (Geophilus alpi-

*) Описаніе этого, а также другихъ новыхъ видовъ сем. Geophilidae изъ Европейской Россіи и Кавказа, будетъ напечатано въ Трудахъ Русскаго Энт. Общества.

nus). Stuxberg, Öfv. Vet. Ak. Förh. p. 509. 1871. (Geophilus proximus). Latzel, l. c. 1880. p. 184. (Geophilus proximus).

Рязань, отъ Селиванова, 2 экз. (♀). Западная Сибирь, отъ А. Селиванова, собр. Словцовымъ, 2 экз. (♀).

8. **Geophilus longicornis,** Leach.

(?) De Geer, Mém. d. Ins. 1778. VII. p. 561. (Scolopendra flava). Leach, Zool. Misc. 1817. III. p. 45, tab. 140. f. 3—6. (Geophilus longicornis). C. Koch, Deutschl. Crust. etc. 1835. H. 3. T. 4. (Geophilus longicornis). Gervais, Ann. d. Sc. nat. 1837. 2 sér. t. VII. p. 52. (Geophilus electricus). Newport, Proc. Zool. Soc. 1842. p. 180. (Necrophlocophagus longicornis). Newport, Trans. Linn. Soc. Lond. 1844. XIX. p. 430. (Arthronomalus longicornis). (?) Newport, ibid. p. 432. (Arthronomalus similis). Gervais, Hist. nat. d. Ins. Apt. 1847. IV. p. 313. pl. 39. f. 4. (Geophilus longicornis). (?) Gervais, ibid. p. 313. (Geophilus similis). Newport, Catal. Brit. Mus. 1856. p. 83. (Arthronomalus longicornis). C. Koch, Die Myriapoden. 1863. I. Bd. p. 27. f. 23. (Geophilus longicornis). Bergs. og Meinert. Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 91. (Geophilus longicornis). Palmberg, l. c. 1866. p. 26. (Geophilus longicornis). v. Porath. Öfv. Vet. Ak. Förh. 1869. årg. 26. p. 643. (Geophilus longicornis). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 83. (Geophilus longicornis). Stuxberg, Öfv. Vet. Ak. Förh. 1871. p. 508. (Geophilus flavus). (?) Rosický, Die Myriap. Böhm. 1876. p. 21. f. 11. (Geophilus longicornis). Latzel, l. c. p. 179. (Geophilus longicornis).

Гарцъ, въ Саксоніи. 3 экз. (♂ и ♀).

9. **Geophilus Latzelii,** n. sp.

Тѣло плоское, лентообразное.

Щупальцы довольно короткія.

Головной щитокъ много длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа невооруженная; изгибы когтя ногочелюстей недостигаютъ передняго края головы; коготь невооруженный.

Спинные щитки съ двумя явственными бороздками и небольшимъ килеобразнымъ ребромъ посрединѣ.

Брюшные щитки гладкіе; на переднихъ щиткахъ продольное бороздообразное вдавленіе по срединѣ; послѣдней щитокъ широкій, трапецеобразный.

Плевры послѣдняго сегмента волосистыя съ 9—12 круглыми, маленькими порами, расположенными по внутреннему, переднему и наружному краю плевръ съ нижней стороны.

Дыхальцы маленькія, круглыя.

Анальныя ноги длиннѣе предпослѣдней пары ногъ, волосистыя, съ когтями; у самокъ тонкія, у самцовъ утолщенныя.

Число ногъ съ каждой стороны: у ♂ 43 (41); у ♀ 41, 43.

Длина тѣла 32 mm., шир. 1 mm.

Цвѣтъ тѣла желто-коричневый.

Тьянь-Шань, отъ Потанина, 23 экз. (♂ и ♀).

Щупальцы въ 2—2½ р. длиннѣе головы.—Лобный щитокъ не отдѣленный; предъ основная пластинка головы явственная.—Брюшные предщитки большіе, цѣльные; послѣдній брюшной предщитокъ явственный. Плевральныя поры неравной величины, круглыя, расположенныя кругообразно съ нижней стороны плевръ; одна пара бо̀льшей величины находится у внутренняго нижняго угла плевръ. — Анальныя поры маленькія. — Длина тѣла: ♂ 22—31 mm. ♀ 25—32 mm. Ширина 0, 9—1 mm. Найдено 23 экземпляра, изъ коихъ 8 самокъ и 15 самцовъ. Изо всѣхъ самцовъ у одного 41 пара ногъ, у остальныхъ 43 пары; изъ 8 самокъ три имѣютъ 41 пару ногъ и пять 43 пары. Всѣ экземпляры этого вида собраны Потанинымъ (24 іюня 1877 г.) у сѣверной подошвы горнаго прохода Кошёты-дабакъ, въ Тьянь Шанѣ.

10. **Geophilus minutus**, n. sp.

Раненбургъ, отъ Селиванова, 2 экз. (♂ и ♀).

Родъ **Mecistocephalus**, Newp.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 92. Tab. IV. f. 17—24. (Mecistocephalus). Latzel, l. c. p. 160. Taf. VI u. VII, f. 53—62. (Mecistocephalus).

11. **Mecistocephalus carniolensis**, C. Koch.

C. Koch, Syst. d. Myr. 1847. p. 185. (Clinopodes carniolensis). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 94. (Mecistocephalus carniolensis). Latzel, l. c. 1880. p. 162. (Mecistocephalus carniolensis).

Вѣна, отъ Паррейса. 1 экз.

12. **Mecistocephalus Meinerti**, n. sp. *).

Чинасъ, бл. Ташкента. Отъ Руссова, 1 экз. (♀).

13. **Mecistocephalus multipes**, n. sp.

Тѣло плоское, спереди и сзади съуженное.

Щупальцы довольно короткія.

Головной щитокъ (съ лобнымъ) много длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа невооруженная съ острой вырѣзкой посрединѣ передняго края; изгибы когтя ногочелюстей сильно переходятъ передній край головы; коготь съ небольшимъ зубомъ при основаніи.

*) Описаніе этого вида будетъ помѣщено въ Извѣстіяхъ Императ. Общ. Любит. Естествознанія.

Спинные щитки съ двумя бороздками.

Брюшные щитки съ одной срединной бороздкой; на заднихъ щиткахъ кромѣ того двѣ ямки по сторонамъ у задняго края, послѣдній щитокъ удлиненный, сзади съуженный и съ узкой срединной бороздкой.

Плевры послѣдняго сегмента съ многочисленными маленькими порами сверху и снизу.

Первое дыхальце небольшое, овальное; остальныя очень маленькія, незамѣтныя.

Анальныя ноги длиннѣе предпослѣдней пары ногъ, тонкія (♀), съ когтями.

Число ногъ съ каждой стороны 61—63.

Длина тѣла 54 mm., шир. 1,3 mm.

Цвѣтъ тѣла желто-коричневый.

Ливійская пустыня. Отъ Юнкера, 3 экз. (♀).

Щупальцы въ два раза длиннѣе головы.—Головной щитокъ покрытъ крупными точками, расположенными симметрическими рядами, на лобномъ щиткѣ 6 правильно расположенныхъ точекъ, изъ коихъ двѣ среднія точки ближе къ переднему краю; лобный щитокъ отдѣленъ явственнымъ швомъ. Нижняя губа длинная, съ срединной бороздкой и равномѣрно покрытая крупными точками: 1-й суставъ ногочелюстей съ очень слабымъ зубчатымъ возвышеніемъ; 2 и 3 суставы безъ зубовъ.—Спинные щитки съ 2 бороздками и рѣдко покрыты, въ особенности передніе щитки, точечными вдавленіями. — Длина тѣла 48—54 mm. Изъ 3-хъ экземпляровъ два имѣютъ 61 п. ногъ и одинъ экземпляръ 63 пары ногъ. Самцовъ не найдено.

14. **Mecistocephalus uniporosus**, n. sp.

Тѣло плоское, спереди и сзади съуженное.

Щупальцы довольно короткія.

Головной щитокъ, съ лобнымъ, въ два раза длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа вооружена двумя очень маленькими зубками; изгибы когтя ногочелюстей значительно переходятъ передній край головы; коготь съ небольшимъ зубомъ при основаніи.

Спинные щитки съ двумя глубокими бороздками.

Брюшные щитки съ 1 срединной бороздкой; послѣдній щитокъ широкій, трапецеобразный.

Плевры послѣдняго сегмента съ одной порой, въ которую впадаютъ нѣсколько простыхъ железокъ.

Дыхальцы круглыя, переднія большія, остальныя маленькія.

Анальныя ноги съ когтями; у ♂ вздутыя, кромѣ послѣдняго сустава.

Число ногъ съ каждой стороны: ♂ 49; ♀ 51.

Длина тѣла 31 mm., шир. 1 mm.

Цвѣтъ тѣла коричневый.

Новая Голландія, отъ Прейсса, 4 экз. (♀ и ♂).

Головной щитокъ у задняго края съ двумя продольными бороздками и двумя боковыми продольными ямками; лобный щитокъ неотдѣленный; основной щитокъ широкій, трапецеобразный, шире чѣмъ длиннѣе. — Нижняя губа истыкана крупными точками. — Щупальцы четкообразныя, немного утончающіяся, въ два раза длиннѣе головы. Найдено 4 экземпляра, 3 самки и 1 самецъ.

Родъ **Schendyla**, Bergs. o. Mein.

Bergs. og Meinert, Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 103. (Schendyla). — Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 54. Tab. III. f. 27—34. Tab. IV. f. 1. (Schendyla). — Latzel. l. c. 1880. I p. 196. T. VIII. f. 76—79. (Schendyla).

15. **Schendyla nemorensis**, C. Koch.

C. Koch, Deutschl. Crust. etc. 1837. H. 9. T. 4. (Geophilus nemorensis). Gervais, Hist. nat. d. Ins. Apt. 1847. IV. p. 319.

(Geophilus nemorensis). C. Koch, Syst. d. Myr. 1847. p. 183. (Poabius bistriatus). C. Koch, Die Myriap. 1863. II. Bd. p. 26. f. 148. (Linotaenia nemorensis). C. Koch, ibid. 1863. p. 50. f. 172. (Poabius bistriatus). Bergs. o. Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 105. (Schendyla nemorensis). Meinert, ibid. 1870, 7. Bd. p. 56. (Schendyla nemorensis). Meinert, ibid. 1870. p. 73. (Geophilus tyrolensis). Stuxberg, Öfv. Vet. Ak. Förh. 1871. p. 511. (Schendyla nemorensis). Latzel, l. c. 1880. p. 198. (Schendyla nemorensis).

Австрія, отъ А. Селиванова, 1 экз.

Родъ **Strigamia**, Gray.

Gray, apud Rymer Iones, in Todd, Cyclopaedia of Anatomy and Physiology, 1842. vol. III (Strigamia). Wood, Myriap. of N. Amer. 1865. p. 181. (Strigamia).

Головной щитокъ маленькій, не закрываетъ (вполнѣ) ротовыхъ частей; основной щитокъ широкій, спереди съуженный.

Щупальцы нитеобразныя.

Верхняя губа (labrum) свободная, состоящая изъ трехъ частей, изъ коихъ средняя маленькая, снабженная зубчиками, боковыя съ гладкимъ краемъ.

Стебелекъ жвалъ (mandibulae) снабженъ одной гребнеобразной пластинкой.

Наружныя лопасти челюстей (maxillae) двухъ-суставныя, изъ коихъ первый суставъ снабженъ небольшимъ слабо выдающимся выростомъ; внутреннія лопасти неотдѣленныя отъ основной, не снабженной выростомъ, пластинки.

Коготь первой пары ногочелюстей маленькій.

Нижняя губа безъ хитинныхъ линій.

Спинные щитки съ неявственными бороздками.

Брюшныя поры б. или м. явственныя, расположенныя поперечной полосой въ задней части брюшныхъ щитковъ.

Дыхальцевая пластинка меньше (въ два раза) наружной предпластинки; внутреннихъ и среднихъ пластинокъ и предпластинокъ не имѣется; нижняя придаточная пластинка явственная.

Плевры послѣдняго сегмента большія, покрытыя порами.

Анальныя поры имѣются.

Анальныя ноги 6-суставныя, у самокъ тонкія, у самцовъ сильно утолщенныя.

Діагнозы этого рода сдѣланы мною на основаніи одного вида Strigamia parviceps (?) изъ Калифорніи. Отъ рода Geophilus Strigamia отличается строеніемъ верхней губы и челюстей, а также присутствіемъ въ сегментахъ тѣла нижней придаточной пластинки.

16. **Strigamia parviceps**, Wood.

(Фиг. 1—8).

Wood, l. c. p. 187. 1865. (Strigamia parviceps).

Тѣло спереди сильно, сзади немного съуженное.

Щупальцы удлиненныя.

Головной щитокъ съ лобнымъ немного длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа невооруженная; изгибы когтя ногочелюстей немного недостигаютъ или слегка переходятъ передній край головы; коготь при основаніи вооруженъ сильнымъ зубомъ.

Спинные щитки со слѣдами бороздокъ, слегка бугорчатыя и морщинистые.

Брюшные щитки узкіе съ одной глубокой срединной бороздкой, морщинистые; брюшныя поры расположены широкой слегка вдавленной полосой близь задняго края; послѣдній щитокъ широкій, трапецеобразный.

Плевры вздутыя, гладкія; плевральныя поры многочисленныя, расположенныя въ продольномъ углубленіи у краевъ брюшнаго щитка.

Дыхальцы большія, круглыя.

Анальныя ноги длиннѣе предпослѣдней пары, вооруженныя когтемъ; у самокъ тонкія, у самцовъ сильно утолщенныя, волосистыя.

Число ногъ съ каждой стороны: у ♀ 73; у ♂ 65—69.

Длина тѣла 87 mm. шир. 3 mm.

Цвѣтъ тѣла желто-коричневый, снизу свѣтлѣе.

Изъ Сакраменто въ Калифорніи, отъ Вознесенскаго, 1 экз. (♀). Отъ Вознесенскаго, безъ указанія мѣстности, 5 экземпляровъ (♂ и ♀).

Голова маленькая. Головной щитокъ выпуклый, гладкій или рѣдко пунктированный, закругленно-четвероугольный; лобный щитокъ отдѣленъ почти прямымъ швомъ; основной щитокъ широкій, спереди съуженный; предъ основная пластинка изъ двухъ частей, явственная. — Щупальцы въ три раза длиннѣе головы, состоятъ изъ четкообразныхъ удлиненныхъ члениковъ.—Нижняя губа съ продольнымъ вдавленіемъ посрединѣ, гладкая.—Коготь 2-й пары ногочелюстей узкій, небольшой, съ очень сильнымъ зубомъ при основаніи.—Спинные щитки гладкіе, или слабо морщинистые и бугорчатые; по бокамъ иногда замѣчаются у передняго края щитковъ и предщитковъ короткія бороздки.—Бока вздутыя, вслѣдствіе чего стигматы видны сверху. Анальныя поры большія, иногда неявственныя. — Анальныя ноги сверху кажутся 7 члениковыми, вслѣдствіе суставообразной складки на концѣ плевръ; у самокъ тонкія, вооруженныя длиннымъ когтемъ, у самцовъ сильно утолщенныя, слегка сплющенныя, съ небольшимъ когтемъ и густо покрытыя снизу короткими волосками.— Длина тѣла: ♀ 57—87; ♂ 44—55.

Одинъ экземпляръ (♀) изъ Сакраменто (въ Калифорніи) найденъ Вознесенскимъ въ 1846 г. Пять экземпляровъ, 4 самца и 1 самка, также отъ Вознесенскаго, но изъ какой мѣстности неизвѣстно.

На склянкѣ, въ которой сохранялись послѣдніи пять экземпляровъ, наклеенъ билетикъ съ надписью: «Wosnessensky. № IV,

1844». По всей вѣроятности они собраны Вознесенскимъ также гдѣ нибудь въ Калифорніи.

Родъ **Scolioplanes**, Bergs. o. Mein.

Bergs. o. Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 98. (Scolioplanes). Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 48. Tab. III. f. 12—19. (Scolioplanes). Latzel, l. c. 1880. p. 191, Taf. VII, f. 71—75. (Scolioplanes).

17. **Scolioplanes acuminatus**, Leach.

Leach, Trans. Linn. Soc. Lond.. 1814. XI. p. 386. (Geophilus acuminatus). Leach, Zool. Misc. 1817. III. p. 45. (Geophilus acuminatus). C. Koch, Syst. d. Myriap. 1847. p. 188. (Linotaenia rosulans). Gervais, Hist. nat. d. Ins. Apt. 1847. IV. p. 316. (Geophilus sanguineus).—Newport, Cat. Brit. Mus. 1856. p. 86. (Geophilus acuminatus). C. Koch, Die Myriapoden. 1863. I. Bd. p. 81. f. 70. (Linotaenia rosulans). Bergs. o. Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 101. (Scolioplanes acuminatus). Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 51. (Scolioplanes acuminatus). Fickert, Myr. und Arachn. v. Kamme d. Riesengeb. 1875. p. 8. (Scolioplanes acuminatus). Rosický, Die Myriap. Böhm. 1876. p. 23. (Geophilus acuminatus). Latzel, l. c. 1880. p. 192. (Scolioplanes acuminatus).

Австрія, отъ А. Селиванова, 1 экз.

18. **Scolioplanes crassipes**, C. Koch.

C. Koch, Deutschl. Crust. etc. 1835. Hft. 3. Taf. 3. (Geophilus crassipes). C. Koch, ibid. 1837, Hft. 9. T. 6. (Geophilus acuminatus). C. Koch, ibid. 1838. Hft. 22. T. 2. (Geophilus subtilis). Newport, Trans. Linn. Soc. Lond. 1844. XIX, p. 435.

(Geophilus breviceps). Newport, Cat. Brit. Mus. 1856. p. 87. (Geophilus breviceps). Sill, Verh. d. Siebenb. Ver. f. Nat. 1862. XIII. p. 29. (Geophilus acuminatus). C. Koch, Die Myriap. 1863. II. Bd. p. 102, f. 224. (Stenotaenia acuminata). C. Koch, ibid. p. 101. f. 223. (Linotaenia crassipes). C. Koch, ibid. I. Bd. p. 133. f. 123. (Linotaenia subtilis). Bergs. o. Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 102. (Scolioplanes crassipes). Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 50. (Scolioplanes crassipes). Fedrizzi, Atti d. Soc. Ven. Trent. 1876. Vol. V. p. 97. (Geophilus Anauniensis). Rosický, Die Myr. Böhm. 1876. p. 24. (Geophilus crassipes). Latzel. l. c. 1880. p. 194. (Scolioplanes crassipes).

Австрія, отъ А. Селиванова, 1 экз.

19. **Scolioplanes Sacolinensis**, Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 53. (Scolioplanes Sacolinensis).

На берегу Амурскаго лимана у мыса Лазарева, отъ Академика Шренка (3 августа 1854 г. № 104). 3 экземпляра (♀ и ♂).

20. **Scolioplanes sibiricus**, n. sp.

Тѣло спереди больше, сзади слегка съуженное.

Щупальцы короткія.

Головной щитокъ длиннѣе, чѣмъ шире.

Нижняя губа невооруженная, съ слабой срединной бороздкой; изгибы когтя ногочелюстей недостигаютъ передняго края головы.

Спинные щитки гладкіе.

Брюшные щитки съ тремя ямками, изъ коихъ средняя длиннѣе боковыхъ; послѣдній брюшной щитокъ трехъ угольный.

Плевры широкія съ 7—9 большими круглыми порами.

Дыхальцы круглыя, довольно большія.

Анальныя ноги почти одинаковой длины съ предпослѣдней парой ногъ, тонкія, вооруженныя когтемъ.

Число ногъ съ каждой стороны: у ♂—33; у ♀ 33, 35.

Длина тѣла 19 mm., шир. 1 mm.

Цвѣтъ тѣла желто-коричневый.

Яблонный хребетъ, отъ Миддендорфа, 4 экземп. (♀ и ♂).

Все тѣло густо покрыто волосками. — Щупальцы въ $1^1/_2$ и 2 раза длиннѣе головы, нитеобразныя. — Основной щитокъ короче перваго спиннаго щитка; лобный щитокъ отдѣленный; предъ основной пластинки нѣтъ.—Брюшные щитки съ 3 ямками, которыя обыкновенно почти сливаются и имѣютъ видъ трехъ лепестковъ; у задняго края замѣчается срединная бороздка; кромѣ того на послѣднихъ щиткахъ у задняго края иногда бываютъ двѣ боковыхъ ямки. — Кромѣ большихъ плевральныхъ поръ, близь брюшнаго щитка замѣчается еще нѣсколько очень маленькихъ. Длина тѣла 16—19 mm. Изъ трехъ самокъ двѣ имѣютъ 35 паръ ногъ и одна 33 пары; единственный самецъ съ 33 парами ногъ.

21. **Scoliopianes sulcatus**, n. sp.

Тѣло спереди сильно, сзади мало съуженное, плоское.

Щупальцы короткія.

Головной щитокъ, съ лобнымъ, почти одинаковой длины и ширины.

Нижняя губа гладкая, невооруженная; изгибы когтя ногочелюстей недостигаютъ передняго края головы; коготь съ небольшимъ зубомъ.

Спинные щитки слегка бугорчатыя, глянцевитыя, съ двумя явственными бороздками.

Брюшные щитки съ одной срединной удлиненной ямкой и двумя боковыми маленькими; послѣдній брюшной щитокъ трехъугольный.

Плевры послѣдняго сегмента вздутыя, съ 10—13 большими порами съ нижней стороны.

Дыхальцы маленькія, круглыя; переднія большіе.

Анальныя ноги одинаковой длины съ предпослѣдней парой ногъ, волосистыя, вооруженныя когтемъ, у ♀ тонкія, у ♂ вздутыя.

Число ногъ съ каждой стороны: у ♂ 41; у ♀ 43.

Длина тѣла 23 mm., шир. 1 mm.

Цвѣтъ тѣла коричневый.

Николаевскъ на Амурѣ, отъ Академика Шренка. 3 экз. (♀ и ♂).

Тѣло волосистое. — Голова маленькая. — Головной щитокъ выпуклый, блестящій, гладкій, почти закрываетъ ротовыя части, лобный щитокъ отдѣленный.—Щупальцы нитеобразныя, съ широкимъ первымъ суставомъ и удлиненнымъ послѣднимъ; мелковолосистыя, въ $2^1/_2$ раза длиннѣе головы. — Спинные предщитки въ $^1/_2$ короче щитковъ. Бороздки спинныхъ щитковъ сливаются у задняго края ихъ. —Послѣдній спинной щитокъ трапецеобразный. — Брюшные щитки слабо бугорчатые, покрыты мелкими волосками; брюшной предщитокъ послѣдняго сегмента большой.—Длина тѣла 19—23 mm.

Найдено 3 экземпляра: два самца и одна самка.

22. **Scolioplanes pusillus**, n. sp.

Рязань, отъ А. Селиванова, 2 экз. (♂ и ♀).

Родъ **Chaetechelyne**, Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 44. Tab. III, f. 20—26. (Chaetechelyne). Latzel, l. c. 1880. p. 200; Taf. IX, f. 80—82. (Chaetechelyne).

23. **Chaetechelyne vesuviana**, Newp.

Newport, Trans. Linn. Soc. Lond. 1844. XIX, p. 435. (Geophilus vesuvianus). Gervais, Hist. Nat. d. Ins. Apt. 1847. IV.

p. 319. (Geophilus vesuvianus).—Newp. Cat. Brit. Mus. 1856. p. 87. (Geophilus vesuvianus). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 46. (Chaetechelyne vesuviana). Fedrizzi, Atti d. Soc. Ven. Trent. 1876. vol. V. p. 96. (Geophilus Canestrinii). Latzel, l. c. 1880. p. 201. (Chaetechelyne vesuviana).

Лиссабонъ, 1 экз.

Родъ **Dignathodon**, Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 36. Tab. II. f. 13—22. (Dignathodon). — Latzel, l. c. 1880. p. 208. Taf. IX. f. 84—88. (Dignathodon).

24. **Dignathodon microcephalum**, Lucas.

Lucas, Rev. Zool. par l. Soc. Cuv. 1846. p. 288. (Geophilus microcephalus). Gervais, Hist. Nat. d. Ins. Apt. 1847. IV. p. 326. (Geophilus microcephalus). Lucas, Expl. Scientif. de l'Algêrie, 1849, Zool. 1. p. 349. pl. 2. f. 10. (Geophilus microcephalus). Meinert, l. c. 1870. p. 38. (Dignáthodon microcephalum). Latzel, l. c. 1880. p. 209. (Dignathodon microcephalum).

Лиссабонъ, 1 экз.

Родъ **Scotophilus**, Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 40. Tab. III. f. 7—11. (Scotophilus). Latzel, Die Myr. österr.-ungar. Monarchie, I. 1880. p. 204. Taf. IX, f. 83. (Scotophilus).

25. **Scotophilus illyricus**, Mein.

Meinert, l. c. 1870. p. 43. (Scotophilus illyricus). Latzel, l. c. 1880. p. 205. (Scotophilus illyricus).

Австрія (Вѣна), отъ Паррейса, 2 экс. (♂ и ♀).

26. **Scotophilus tauricus**, n. sp.

Крымъ, отъ Витхальма, 2 экз. (♀). Симферополь, отъ Кушакевича, 1 экз. (♀) Аккерманъ, отъ Кушакевича, 1 экз. (♂).

Родъ **Himantarium**. C. Koch.

Bergs o. Mein., Nat. Tidsskr. 1866. 4. Bd. p. 106. (Himantarium). Meinert, ibid. 1870. 7. Bd. p. 21. Tab. I. f. 13—18 u. Tab. II. f. 1—5. (Himantarium). Latzel, l. c. p. 214. Taf. IX. f. 89 und Taf. X, f. 90—98. 1880. (Himantarium).

27. **Himantarium gabrielis**, Linné.

Linné, Syst. nat. ed. XII, 1766. t. I. p. 1063. (Scolopendra gabrielis). Fabr., Scec. ins. I, 1781. p. 533. (Scolopendra gabrielis). Risso, Eur. mérid. 1826. V. 155. (Geophilus longissimus). Gervais, Mag. Zool. d. Guérin, 1835. Cl. IX, pl. 133, f. 1. (Geophilus Walckenaeri). Newport, Trans. Linn. Soc. Lond. 1844. XIX, p. 438, tab. 40, f. 13. (Geophilus Xanthinus). C. Koch, Syst. d. Myr. 1847, p. 176. (Himantarium gabrielis). Gervais, Hist. nat. d. Ins. Apt. 1847. IV. p. 322. (Geophilus gabrielis). Newport, Cat. Brit. Mus. 1856. p. 91. (Geophilus Xanthinus).—C. Koch, Die Myriapoden, II. 1863. p. 91. f. 214 und 215. (Himantarium gabrielis). Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 23. (Himantarium gabrielis). Latzel, l. c. 1880. p. 215. (Himantarium gabrielis).

Провинція Оранъ, отъ Dr. Штрауха (1861 г.) 2 экз. (♂ и ♀). Сицилія, отъ Паррейса (1841 г.), 1 экз. (♂). У послѣдняго экземпляра изъ Сициліи число ногъ съ каждой стороны 125.

28. **Himantarium dimidiatum**, Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 30. (Himantarium dimidiatum).

Лиссабонъ, 1 экземпляръ (♂).

Родъ **Bothriogaster,** Sseliw.

Sseliwanoff, Zool. Anzeig. v. Carus, 1879, Nr. 43. p. 620. (Bothriogaster).

29. **Bothriogaster signatus,** Kessl.

(?) C. Koch, Syst. d. Myr. 1847. p. 180. f. 82, (Notiphilus taeniatus). (?) C. Koch, Die Myriap. 1863. II. Bd. p. 59. f. 181. (Notiphilus taeniatus).—Kessler, Труды Русск. Энт. Общ. 1874. VIII, p. 39—42. f. 4—5. (Geophilus signatus). Sseliwanoff, l. c. 1879. p. 621. (Bothriogaster signatus).

Самаркандъ, отъ Русск. Энт. Общ. 2 экз. (♀). Чинасъ, бл. Ташкента, отъ Руссова, 42 экз. (♂ и ♀).

30. **Bothriogaster affinis,** Sseliw.

Sseliwanoff, Zool. Anzeig. v. Carus. 1879. № 43. p. 621. (Bothriogaster affinis).

Тифлисъ, отъ Мочульскаго (№ 7). 1 экз. (♂).

31. **Bothriogaster africanus,** n. sp.

Тѣло спереди и сзади съуженное.

Щупальцы очень короткія, немного длиннѣе головы.

Головной щитокъ шире, чѣмъ длиннѣе.

Нижняя губа невооруженная; изгибы когтя ногочелюстей недостигаютъ передняго края головы; коготь невооруженный.

Спинные щитки по сторонамъ съ мало явственными ямками, представляющими какъ бы слѣды бороздокъ.

Брюшные щитки гладкіе; подковообразныя вдавленія на 31—39 щиткахъ у передняго края; послѣдній брюшной щитокъ широкій, трапецеобразный съ продольнымъ желобкомъ.

Плевры послѣдняго сегмента гладкія съ многочисленными порами въ мѣшкообразныхъ крытыхъ углубленіяхъ сверху и снизу.

Дыхальцы маленькія.

Анальныя ноги одинаковой длины съ предпослѣдней парой ногъ, довольно толстыя (♀), безъ когтя.

Число ногъ съ каждой стороны: ♀ 97.

Длина тѣла 87 mm., шир. 2 mm.

Цвѣтъ тѣла желто коричневый.

Ливійская пустыня, отъ Dr. Юнкера, 1 экз. (♀).

Родъ **Notiphilides** Latz.

Latzel. Zool. Anzeig. v. Carus. 1880. № 68. p. 547. (Notiphilides).

32. **Notiphilides Saussurei,** n. sp.

Тѣло спереди и сзади съуженное.

Щупальцы короткія.

Головной щитокъ шире, чѣмъ длиннѣе, имѣетъ шлемообразную форму; лобный щитокъ отдѣленный тонкимъ швомъ.

Нижняя губа широкая, безъ хитинныхъ линій, невооруженная, съ прямымъ переднимъ краемъ; изгибы когтя ногочелюстей не достигаютъ передняго края головы; коготь невооруженный.

Спинные щитки слабо морщинистыя или бугорчатыя, съ двумя боковыми ямками.

Брюшныя щитки гладкіе, съ слабой поперечной бороздкой по срединѣ; брюшныя поры расположены по краямъ щитковъ; послѣдній брюшной щитокъ широкій, гладкій.

Плевры послѣдняго сегмента небольшія, гладкія, безъ плевральныхъ поръ.

Дыхальцы небольшія, косвенно-овальной формы.

Анальныя ноги немного длиннѣе предъидущей пары ногъ, невооруженныя.

Число ногъ съ каждой стороны (♀): 109—131.

Длина тѣла 71 mm.; шир. 2,5 mm.

Цвѣтъ тѣла желтокоричневый, снизу и сзади свѣтлѣе.

Вѣроятно изъ Южной Америки. Отъ Чуди, 12 экземпляровъ, ♀.

Родъ Chomatobius, Humb. et Sauss.

Humbert et Saussure, Revue et Mag. de Zool. 1870, p. 205. (Chomatobius).—Sauss. et Humb., Etudes sur les Myriap. 1872. p. 145. pl. 6. f. 24. (Chomatobius).

Головной щитокъ закрываетъ ротовыя части; основной щитокъ широкій, поперечный, почти одинаковой ширины спереди и сзади.

Щупальцы короткія, четкообразныя, слегка утончающіяся.

Верхняя губа свободная, цѣльная, посрединѣ съ выемкой, зазубренная.

Стебелекъ жвалъ снабженъ одной зубчатой и нѣсколькими гребнеобразными пластинками.

Наружныя лопасти челюстей двухъ-суставныя, изъ коихъ 1-й суставъ снабженъ небольшимъ зазубреннымъ выростомъ; внутреннія лопасти отдѣлены отъ основной пластинки, не снабженной выростомъ.

Коготь первой пары ногочелюстей маленькой, съ вогнутостью, тупой, при основаніи съ маленькимъ шипикомъ.

Нижняя губа снабжена двумя хитинными линіями.

Спинныя щитки съ неявственными бороздками.

Брюшныя поры скучены въ одну срединную область.

Дыхальцевая пластинка небольшая, много меньше наружной предпластинки; внутреннихъ пластинокъ и предпластинокъ нѣтъ.

Плевры послѣдняго сегмента длинныя, по краямъ сверху и снизу пористыя.

Анальныхъ поръ нѣтъ.

Анальныя ноги 6-суставныя, довольно длинныя, вооруженныя маленькими когтями, у самокъ тонкія, у самцовъ слегка вздутыя.

Діагнозы сдѣланы на основаніи трехъ экземпляровъ изъ Сакраменто въ Калифорніи.

33. **Chomatobius Mexicanus**, Sauss.

(Фиг. 9—16).

Saussure, Mém. Mex. Myriap. p. 132, pl. VII, fig. 49. 1860. (Geophilus Mexicanus). Sauss. et Humbert, Etudes sur les Myriap. 1872. p. 145. (Chomatobius Mexicanus).

Тѣло сзади немного, спереди нѣсколько болѣе съуженное.

Щупальцы короткія.

Головной щитокъ немного шире, чѣмъ длиннѣе.

Нижняя губа широкая, невооруженная, съ вогнутымъ переднимъ краемъ; изгибы когтя ногочелюстей недостигаютъ края головы; коготь тонкій и длинный, невооруженный.

Спинные щитки съ слабыми слѣдами бороздокъ, слегка бугорчатыя.

Брюшные щитки гладкіе, съ почкообразной или овально-поперечной пористою областью по срединѣ; послѣдній брюшной щитокъ широкій, сзади съуженный.

Плевры послѣдняго сегмента большія, удлиненныя, плевральныя поры многочисленныя, расположенныя по краямъ плевръ снизу и сверху въ углубленіи около спинныхъ и брюшныхъ щитковъ.

Дыхальцы круглыя, небольшія.

Анальныя ноги длиннѣе предпослѣдней пары ногъ, съ короткими, едва замѣтными когтями; у самокъ тонкія, у самцовъ немного вздутыя.

Число ногъ съ каждой стороны: у самокъ — 129—132; у самцовъ 119.

Длина тѣла 150 mm.; шир. 3 mm.

Цвѣтъ тѣла желто-коричневый.

Изъ Сакраменто, въ Калифорніи, отъ Вознесенскаго (1846); 3 экз. (♀ и ♂).

Головной щитокъ гладкій, закругленно-шлемообразной формы; лобный щитокъ не отдѣленный; основной щитокъ спереди и сзади почти одинаковой ширины; предъосновной пластинки нѣтъ. — Щупальцы въ два раза длиннѣе головы, нитеобразныя, слегка утонченныя, покрытыя короткими волосками. — Нижняя губа гладкая. — Спинные щитки съ слабыми слѣдами бороздокъ; предщитки въ $1/2$ короче щитковъ; бока вздуты, такъ что сверху видны стигматы. — Брюшные щитки безъ бороздокъ; по срединѣ ихъ, за исключеніемъ перваго и послѣдняго щитка, находится пористая область (area), которая въ срединѣ и близь конца тѣла меньшей величины, а на самыхъ послѣднихъ щиткахъ снова становится крупнѣе; послѣдній брюшной щитокъ большой съ явственными предщитками. — Плевры удлиненныя, достигающія предщитковъ предпослѣдняго сегмента. — Анальныхъ поръ нѣтъ. — Длина тѣла у ♀ 55—150; у ♂ 76. Найдены двѣ самки и одинъ самецъ.

Родъ **Mesocanthus** Mein.

Meinert, Nat. Tidsskr. 1870. 7. Bd. p. 34. (Mesocanthus).

34. **Mesocanthus porosus**, Ssel.

Чинасъ, бл. Ташкента, отъ Руссова. 1 экз. (♀).

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Таблица I.

Фиг. 1—8. Strigamia parviceps, Wood.

Фиг. 1. Верхняя губа.
a. Средняя часть. b, b. Боковыя части. c, c. Хитинныя лопасти d. Стѣнка пищевода.

Фиг. 2. Челюсти и одна челюстная ножка 1-й пары.
a, a. Наружныя лопасти, состоящія изъ двухъ суставовъ. b, b. Внутреннія лопасти. c. Основная пластинка челюстей. d. Челюстная ножка.

Фиг. 3. Жвала (mandibula).
a. Стебелекъ. b. Гребнеобразная пластинка. c. Крючекъ (cardo).

Фиг. 4. Два сегмента тѣла изъ средней части сверху и снизу.
A, A. Спинные щитки. B, B. Спинные предщитки.
a, a. Брюшные щитки. b, b, b, b. Брюшные предщитки. c, c. Дыхальцевыя пластинки. d, d. Наружныя предпластинки. p, p. Брюшныя поры. e, e. Нижнія придаточныя пластинки.

Фиг. 5. Голова и два первыхъ сегмента тѣла сверху.
A. Головной щитокъ. a. Лобный щитокъ. B. Предъосновная пластинка. C. Основной щитокъ. D. Первый спинной щитокъ. E. Вторая пара челюстныхъ ногъ. P. Щупальцы.

Фиг. 6. Вторая пара челюстныхъ ногъ и нижняя губа.
a. Нижняя губа b. Ногочелюсти.

Фиг. 7. Послѣдній сегментъ тѣла самки снизу.
a. Послѣдній брюшной щитокъ. b, b. Плевры. c, c. Плевральныя поры, x, x. Анальныя ноги. y. Нога предпослѣдней пары. o. Анальная пора.

Фиг. 8. Послѣдній сегментъ тѣла самца снизу.
a. Брюшной щитокъ. b, b. Плевры. c, c. Плевральныя поры. p. Генитальныя пальпы. x, x. Анальныя ноги. y. Нога предпослѣдней пары.

Фиг. 9—16. Chomatobius Mexicanus, Sauss.

Фиг. 9. Верхняя губа и основаніе пищевода.

a. Средняя часть. b, b. Боковыя части. c, c. Хитинныя боковыя лопасти. e, язычекъ (Hypopharynx). f, f. Полулунныя пластинки пищевода.

Фиг. 10. Челюсти и первая пара ногочелюстей.

a, a. Наружныя дву-суставныя лопасти челюстей. b, b. Внутреннія лопасти. c. Основная пластинка. d, d. Челюстныя ножки первой пары.

Фиг. 11. Коготь послѣдняго сустава 1-й пары челюстныхъ ногъ.

a. Пальцеобразныя каналы полости когтя, просвѣчивающіеся сквозь хитинъ.

Фиг. 12. Жвала.

a. Стебелекъ. B. Зубчатая пластинка. b. Гребнеобразныя пластинки. c. Крючекъ.

Фиг. 13. Два сегмента изъ средней части тѣла.

Значеніе буквъ A, B, a, b, c, d, p какъ на фиг. 4. o, o. Среднія предпластинки. f, f. Среднія пластинки.

Фиг. 14. Голова и два переднихъ сегмента тѣла.

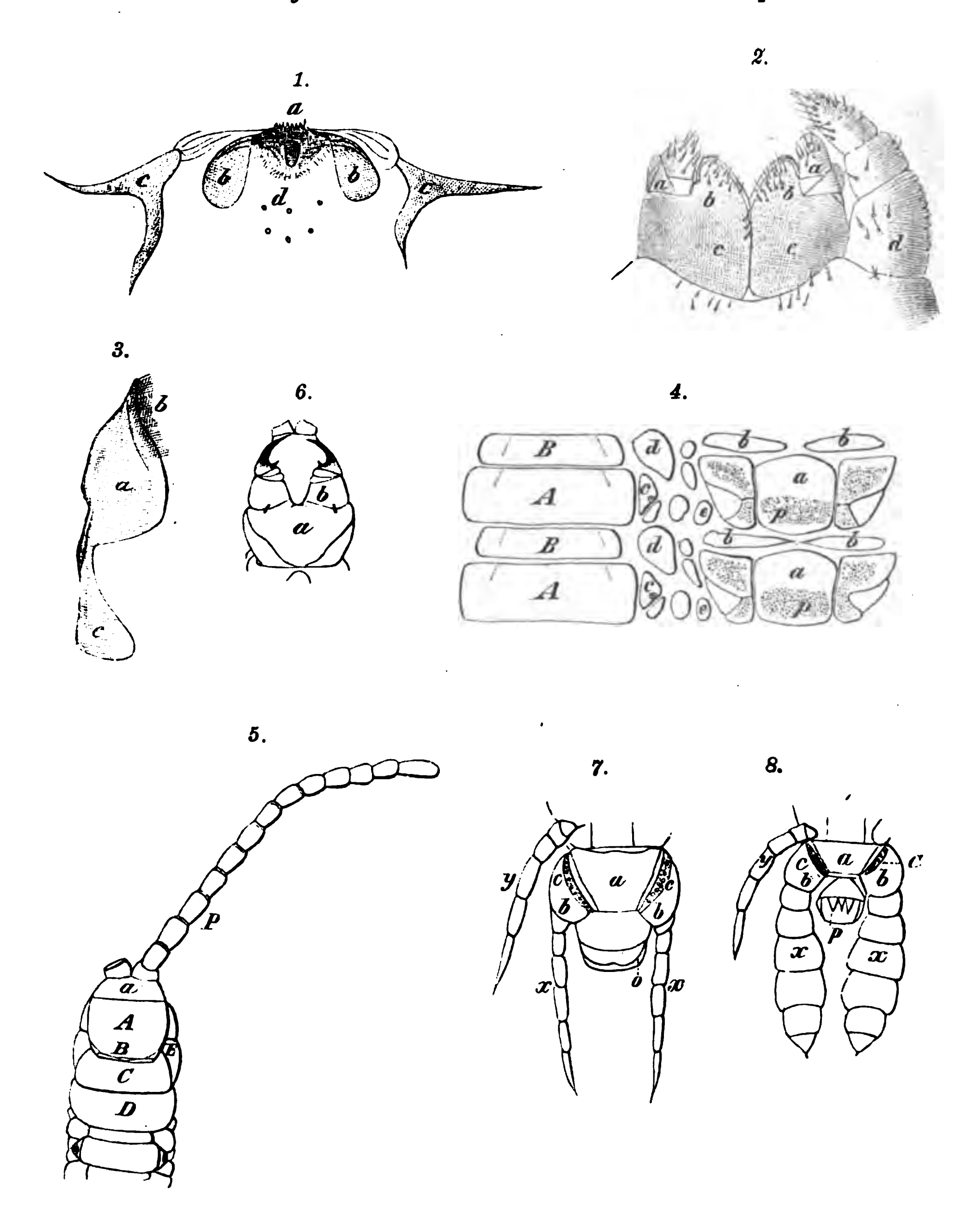
A. Головной щитокъ. C. Основной щитокъ. D. Первый спинной щитокъ. p. Щупальца.

Фиг. 15. Нижняя губа и вторая пара челюстныхъ ногъ.

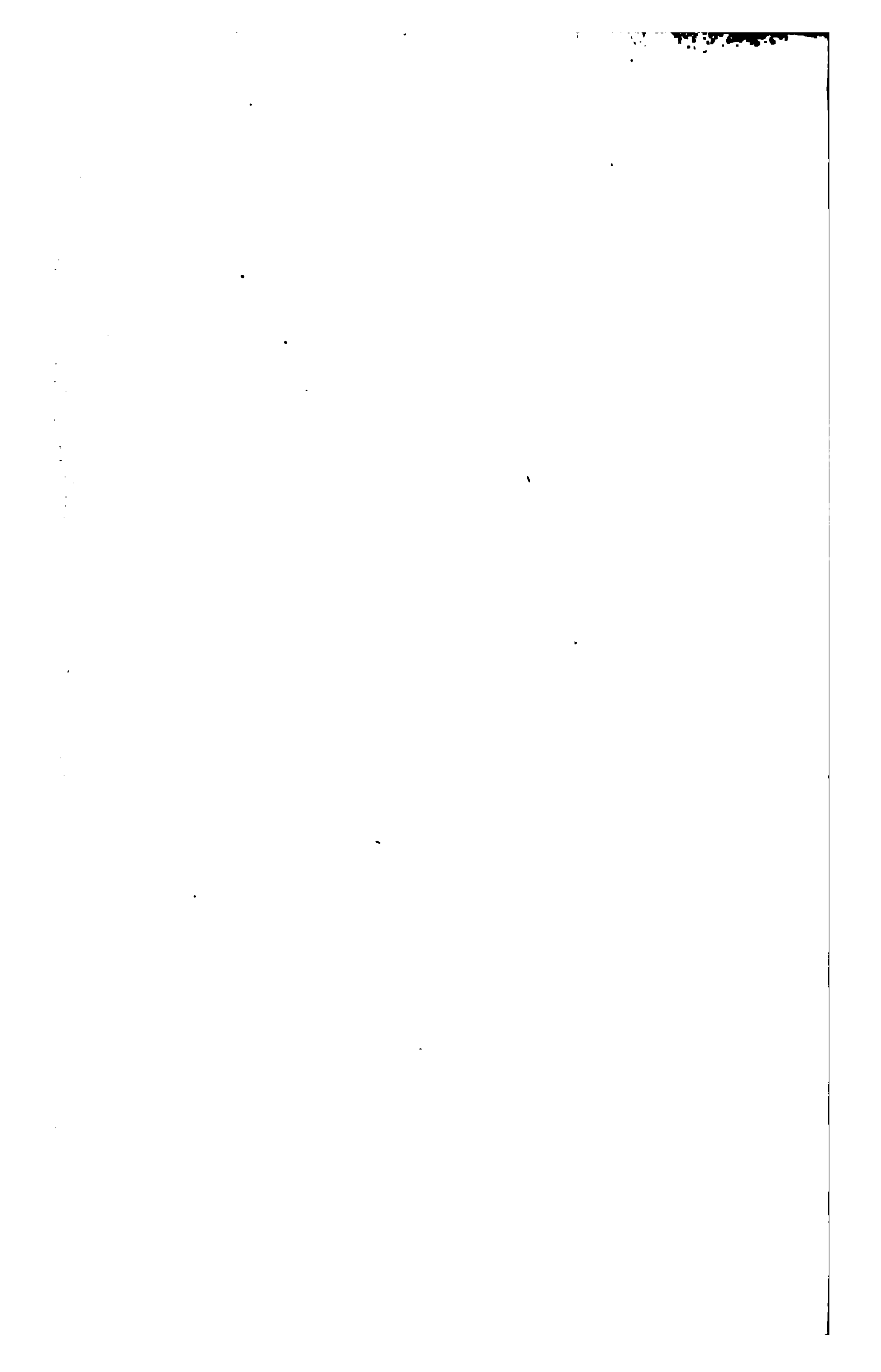
a. Нижняя губа. b, b. Челюстныя ножки. c. Хитинныя линіи нижней губы.

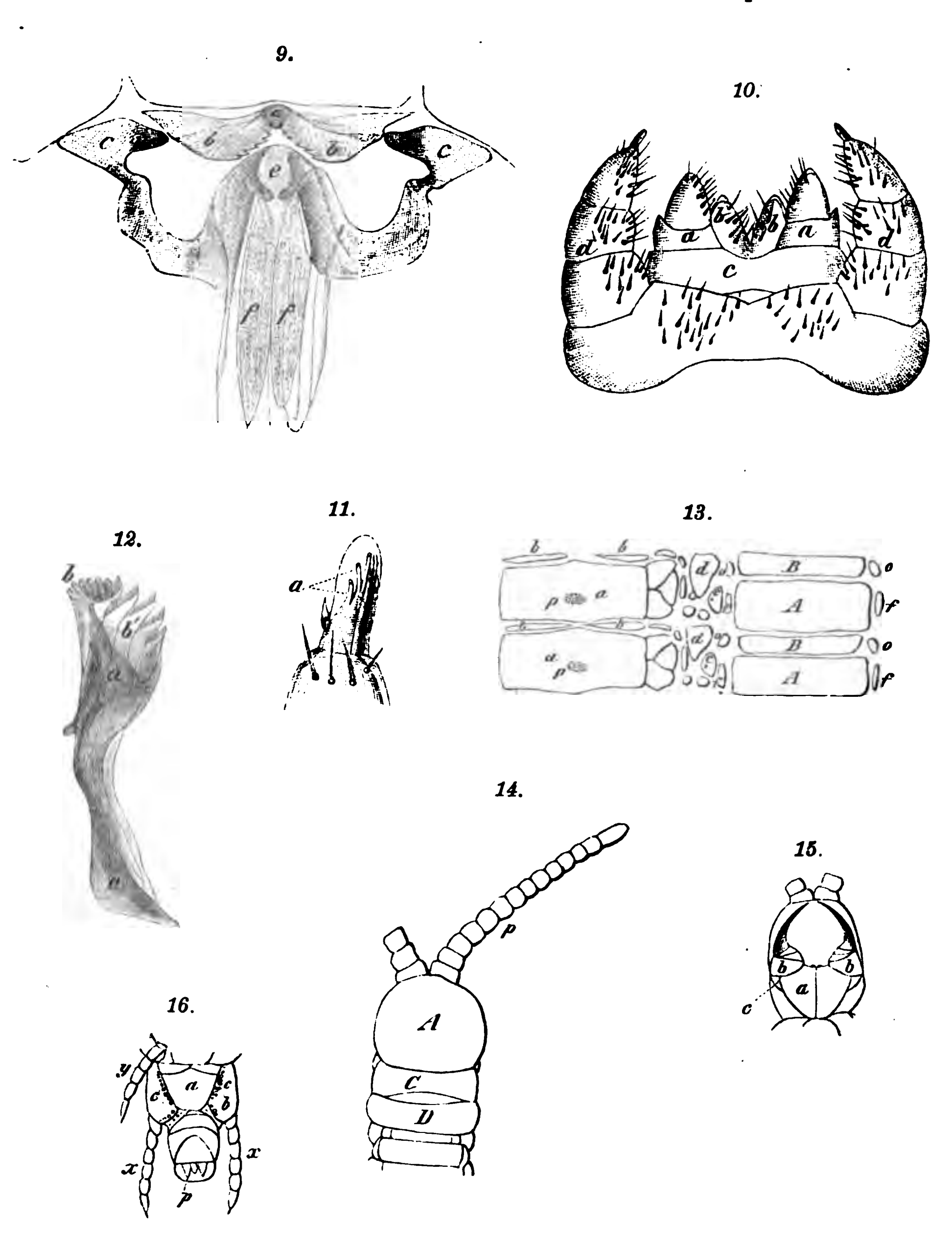
Фиг. 16. Послѣдній сегментъ тѣла самца снизу.

a. Брюшной щитокъ. b, b. Плевры. c. Плевральныя поры. p. Генитальныя пальпы. x. Анальныя ноги. y. Нога предпослѣдней пары.

1—8. *Strigamia parviceps.*

9—16. Chomatobius Mexicanus.

3 2044 010 303 808

